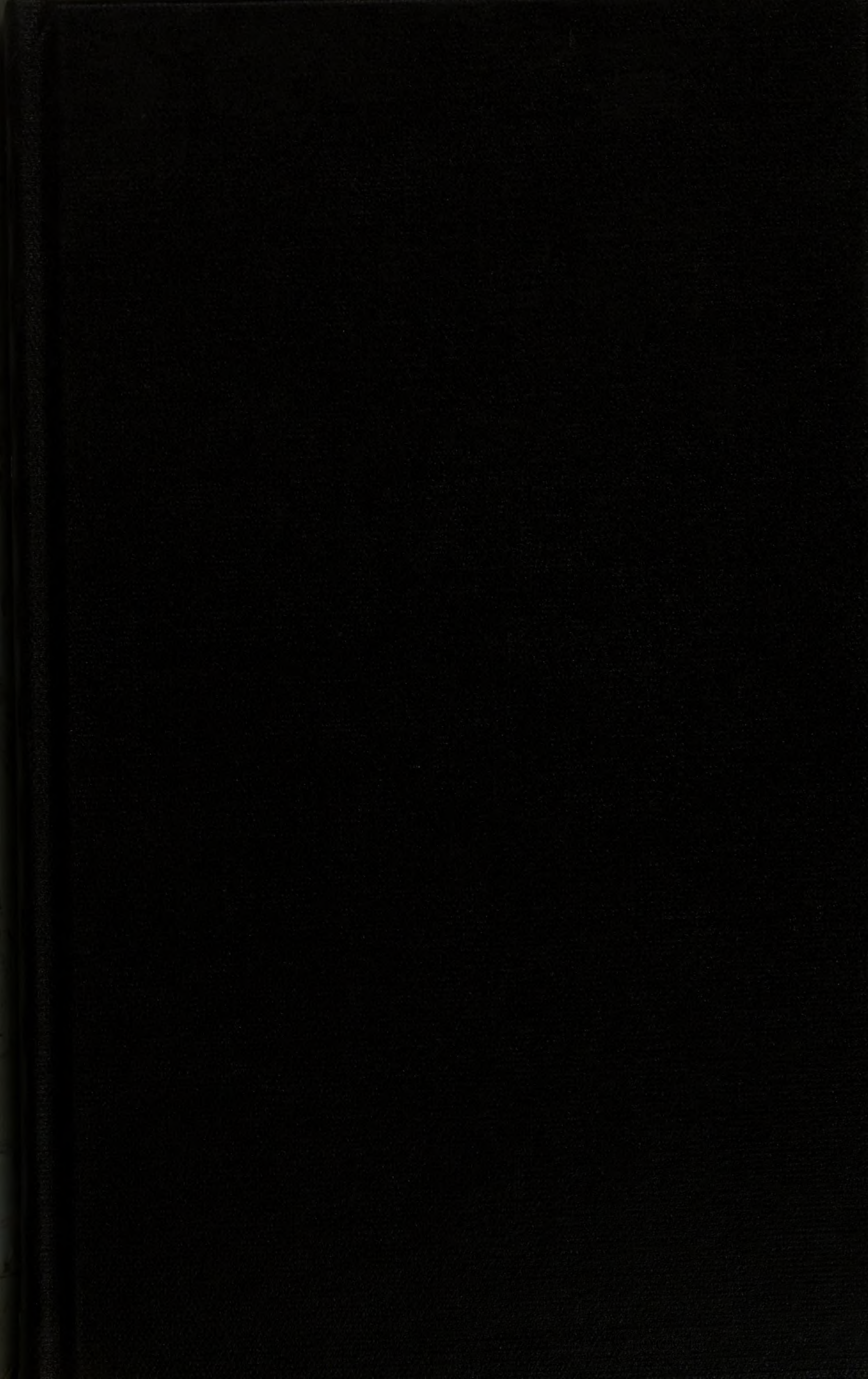

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1893. No 3 March

МАРТЪ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

(См. слѣдующую страницу обертки).

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

Russkoe obozrienie.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.

МАРТЪ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

The
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

РАННІЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

(Продолженіе.)

Возвращеніе въ Москву, въ домъ Григорьевыхъ. — Пріѣздъ Августѣйшихъ Особъ. — Родные. — Экзамены. — Вакація. — Опять въ Москвѣ. — Вѣсть о смерти Лермонтова и стихотвореніе С. П. Шевырева. — В. П. Боткинъ. — А. И. Герценъ. — П. П. Новосильцовъ. — И. П. Борисовъ. — Литературные занятія и успѣхи. — Увлеченіе поэзіей Гёте и Гейне. — Отношеніе къ поэзіи — начальства, профессоровъ и товарищей. — С. П. Шевыревъ. — А. А. Григорьевъ. — Шуточное стихотвореніе Я. П. Полонскаго. — Д. Л. Крюковъ. — И. И. Давыдовъ. — Ѳ. Н. и А. П. Глинки и литературный вечеръ у нихъ. — Князь Шаховской. — Литературные вечера у Павловыхъ. — Анекдотъ Т. Н. Грановскаго. — Подарокъ М. П. Погодина. — Семейство Калайдовича. — Знакомство съ К. и Ив. Аксаковыми. — Продѣлка.

Вскорѣ по моемъ возвращеніи въ Москву отецъ привезъ изъ Петербурга сестру Любиньку, окончившую курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ, но безъ шифра, о которомъ отецъ постоянно мечталъ.

Великій постъ и Святая не только подошли, но и прошли незамѣтно, особенно для меня, для котораго провалиться на экзаменѣ вторично равнялось исключенію изъ университета. Какъ нарочно, погода стояла чудная, и, сидя день и ночь надъ тетрадками лекцій, я мучительно завидывалъ каменьщикамъ, сидѣвшимъ передъ нашими окнами съ обвязанными тряпками ступнями на мостовой и разбивающими упорные голыши тяжелымъ молоткомъ. Тамъ знаешь и понимаешь, что̀ дѣлаешь, и если камень разбитъ, то въ успѣхѣ ни самъ труженикъ, ни сторонній усомниться не

можетъ. Здѣсь же не зная, что̀ въ сущности дѣлаешь и для чего трудишься, — нельзя быть и увѣреннымъ въ успѣхѣ, который можетъ зависѣть отъ тысячи обстоятельствъ.

— Слышали ль вы новость? сказалъ однажды снявшій мундирный фракъ и парикъ Александръ Ивановичъ, выходя къ обѣденному столу.—Конечно, вамъ теперь не до того, и вы ничего не слыхали; такъ я вамъ скажу: курьеръ привезъ извѣстіе, что Государь будетъ встрѣчать въ Москвѣ Цесаревича съ его августѣйшею невѣстой. Процессія пойдетъ изъ Петровскаго дворца въ Кремль, и всѣ бросились нанимать окна по Тверской. Я тоже поручилъ знакомому человѣку взять намъ окно въ строющемся домѣ, близъ Шевалдышевой гостиницы.

Слухъ, принесенный Александромъ Ивановичемъ, распространился по всей Москвѣ, какъ несомнѣнный,—и въ назначенный день не только мы съ Аполлономъ прошли за Александромъ Ивановичемъ въ недостроенный еще домъ, чтобы занять нанятое окошко, но провели за собою и Татьяну Андреевну, никуда не выходившую изъ дома, за исключеніемъ приходской церкви въ свѣтлую заутреню. Провести нашу старушку до окна было далеко не легко, такъ какъ приходилось, вопервыхъ, пробивасться сквозь толпившійся на тротуарѣ народъ, а вовторыхъ, всходить въ третій этажъ не по лѣстницѣ, а по лѣсамъ для всхода рабочихъ; самые стулья стояли на лѣсахъ, передъ оконными отверстіями, въ которыхъ еще и рамы не были вставлены.

Съ нашей высоты въ гору, почти до дома генералъ-губернатора была ясно видна вся улица съ тротуарами, окаймленными непрерывными линіями пѣхоты. Самая улица, по совершенному отсутствію прохожихъ и проѣзжихъ и даже простого говора, хранила торжественное молчаніе. Вдругъ отъ Иверскихъ воротъ во весь духъ въ гору понеслась на почтовой парѣ зеленая телѣжка съ сидящимъ въ ней за ямщикомъ офицеромъ въ шинели и треугольной шляпѣ съ чернымъ перомъ. Подъ трескъ приближающихся колесъ послышалась команда: на плечо! но когда командовавшій вѣроятно убѣдился, что это фельдъегерь, — раздалось вторично: отставь! Черезъ часъ глаза наши, обращенные въ гору, убѣдили насъ, что шествіе приближается. Впереди всѣхъ на гнѣдой лошади въ генеральскомъ мундирѣ и въ каскѣ ѣхалъ несравненный красавецъ Государь; за нимъ шагомъ слѣдовала коляска августѣйшей невѣсты. Экипажъ ея обращалъ всеобщее вниманіе шестерикомъ цугомъ запряженныхъ бѣло-

снѣжныхъ коней, подаренныхъ ей ея августѣйшимъ родителемъ, великимъ герцогомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ. Когда шествіе стало спускаться подъ гору, на площади противъ дома генералъ-губернатора раздался такой очевидно давно сдерживаемый взрывъ громогласнаго *ура*, и затѣмъ толпа, не взирая ни на что, пестрымъ потокомъ такъ пошла подъ гору, что, какъ говорили, многія дамы попадали въ обморокъ. Картина, происходившая передъ нашими окнами, навсегда врѣзалась въ моей памяти. По обѣ стороны кортежа народныя волны скатились по улицѣ и, совершенно запруживая ее, сомкнулись вокругъ Императора.

Въ первое время мы еще слышали его нетерпѣливое: прочь! прочь! и видѣли отталкивающій жестъ его руки, но затѣмъ народная волна и непрерывный гулъ *ура!* очевидно побѣдили всемогущаго Царя. Во всей бѣгущей толпѣ только и видны были поднятыя правыя руки, накладывающія на себя крестное знаменье. Непосредственно окружающіе Императора цѣловали его ботфорты, чепракъ, а не могущіе дотянуться до нихъ самую лошадь, которая, стѣсненная со всѣхъ сторонъ приподымающимъ ее народомъ, казалось, еле дотрогивалась до мостовой. Такъ и пронесли, можно сказать, на плечахъ царственнаго всадника къ Иверской часовнѣ, гдѣ наши взоры уже не могли слѣдить за поѣздомъ. Сказывали потомъ, что на попытку полицеймейстера пріостановить потокъ народа ему отвѣчали: „чаво? Самъ тутъ!“

На другой день студенческіе помыслы наши были окончательно увлечены отъ вчерашней великолѣпной картины народнаго торжества и ото всего въ мірѣ приготовленіями къ экзаменамъ. Когда мы съ Аполлономъ сошли къ вечернему чаю въ столовую, выходящую окнами на улицу, то сначала услыхали подъѣхавшій къ калиткѣ экипажъ, а затѣмъ и громкій звонокъ. Любопытный Александръ Ивановичъ первый побѣжалъ къ деревянному помосту, ведшему отъ калитки къ парадному крыльцу, и воскликнулъ: „какой-то офицеръ, должно быть адъютантъ.“ Черезъ минуту мы дѣйствительно увидали вошедшаго въ переднюю небольшаго роста адъютанта, котораго лицо мнѣ сразу показалось какъ будто знакомымъ. Но гдѣ я его видѣлъ, я не могъ сказать, да и быть можетъ мнѣ это только показалось. Какъ ни мало мы всѣ были знакомы съ военными формами, но, несмотря на обычные адъютантскіе эполеты и эксельбанты, тотчасъ же признали въ незнакомцѣ иностранца. Незнакомецъ, оказавшійся говорящимъ только по-нѣмецки, и слѣдовательно понятно только

для меня и Аполлона, сказалъ, что онъ желалъ бы видѣть студента Фета, и когда я подошелъ къ нему, онъ со слезами бросился обнимать меня, какъ сына горячо любимой сестры. Оказалось, что это былъ родной дядя мой, Эрнестъ Беккеръ, пріѣхавшій въ качествѣ адъютанта принца Александра Гессенскаго, брата высоконареченной невѣсты.

Наша хозяйка Татьяна Андреевна, подобно всѣмъ не говорящимъ на иностранныхъ языкахъ, вообразила, что дядя мой не понимаетъ ее только потому, что не довольно ясно слышитъ слова, и пустилась отчаянно выкрикивать членораздѣльные звуки. Это не подвинуло нимало взаимнаго ихъ пониманія, и дѣло пришло въ порядокъ только, когда обѣ стороны убѣдились, что никакого обмѣна мыслей не будетъ, если я не буду ихъ переводчикомъ. Между прочимъ, вѣроятно, изъ любезности ко мнѣ и къ моему дядѣ, Аполлонъ характеризовалъ меня какъ поэта. „Вотъ бы, сказалъ дядя, обращаясь ко мнѣ, — тебѣ слѣдовало высказать свое дарованіе въ привѣтственномъ стихотвореніи, которое я нашелъ бы возможность представить, при посредствѣ принца, августѣйшей невѣстѣ".

Черезъ день затѣмъ стихотвореніе было написано, тщательно переписано, и я ко времени завтрака отправился въ полной формѣ въ Кремль въ помѣщеніе дяди, который черезъ часъ представилъ меня принцу, благосклонно принявшему мое стихотвореніе. Такъ какъ родные перестали баловать меня значительными денежными подарками, то подаренный мнѣ дядею столбикъ въ пятьдесятъ серебряныхъ рублей показался мнѣ великою щедротой. Когда на другой день я на минутку забѣжалъ къ дядѣ, послѣдній встрѣтилъ меня со смущеннымъ лицомъ и сказалъ: „а я сейчасъ собирался послать за тобою. Боже, Боже, что на свѣтѣ дѣлается! Вообрази, сказалъ онъ, жалобно глядя на меня,—твоя сестра Лина здѣсь, и мы сейчасъ съ тобою поѣдемъ къ ней".

Въ номерѣ гостиницы мы застали замѣчательно красивую и милую дѣвушку, которая, нѣжно встрѣтившись со мною, сказала, что не понимаетъ переполоха дяди, что она свой поступокъ считаетъ весьма естественнымъ. Ей хотѣлось увидать хоть разъ въ жизни свою мать и родныхъ по матери; она доѣхала до Москвы съ знакомой ей дамой и надѣялась и на возвратномъ пути найти спутницу.

Я долженъ отдать полную справедливость любезности стари-

ковъ Григорьевыхъ, которые, услыхавъ о пріѣздѣ сестры, тотчасъ же пригласили ее въ свободную въ нижнемъ этажѣ комнату и послали за нею свою коляску. Сестра говорила по-французски, старикъ Григорьевъ тоже сохранилъ отрывки этого языка изъ дворянскаго пансіона,—и поэтому объясненія уже не представляли тѣхъ затрудненій, какъ при свиданіи съ дядей.

Между тѣмъ экзамены шли своимъ чередомъ и до послѣдняго времени для меня благополучно. Сестра очень хорошо понимала, что мнѣ было не до разговоровъ, когда я просиживалъ дни и ночи напролетъ, готовясь къ послѣднему экзамену политической экономіи. Но вотъ экзаменъ сданъ съ пятеркой, и, доѣхавъ по Лѣнивкѣ до поворота на Каменный мостъ, я инстинктивно зашелъ въ винный погребъ Гревсмюля и захватилъ бутылку рейнвейна. Дома я, конечно, зашелъ съ радостною вѣстью къ сестрѣ, поджидавшей окончанія экзаменовъ, чтобъ уѣхать съ дядею Эрнстомъ въ его походной коляскѣ въ Новоселки.

— Ура! воскликнулъ я, входя и обнимая сестру:—страшный экзаменъ сданъ.

Затѣмъ выпивъ съ жадностью откупоренный рейнвейнъ, я тутъ же среди дня повалился на сестрину постель и въ ту же минуту заснулъ мертвымъ сномъ. Солнце было уже низко, когда я проснулся. Когда сестра, услыша мое пробужденіе, вошла въ комнату, она воскликнула: „Боже, что съ тобой? У тебя лицо въ крови“. Оказалось, что я, не обращая ни на что вниманія, повалился на постель, на подушкѣ которой лежала сестрина мантилья, красною шелковою подкладкой кверху. Усталый и измученный, я обильно проступившею испариной неизгладимо отпечаталъ свой силуэтъ на мантильи, а ея краску—на половинѣ своего лица. Но на радостяхъ было не до мантильи. На другой день Лина уѣхала съ дядей Эрнстомъ въ Новоселки, а я остался на нѣсколько дней поджидать его возвращенія въ Москву и отъѣзда вмѣстѣ съ дворомъ въ Петербургъ. На этотъ разъ мои каникулы были особенно удачны. Я засталъ сестру Лину не только вполнѣ освоившеюся въ семействѣ, но и успѣвшею заслужить всеобщую симпатію, начиная съ главныхъ лицъ, то-есть нашего отца и дяди Петра Неофитовича. Старушка Вѣра Александровна Борисова, узнавъ отъ матери нашей, что Лина есть сокращенное—Каролина и что покойнаго Фета звали Петромъ, сейчасъ же передѣлала имя сестры на русскій ладъ, назвавъ ее Каролиной Петровной.

Сестры, Лина и Любинька, подружились между собою, а братъ Петруша такъ привязался къ старшей сестрѣ, что почти не отходилъ отъ нея.

Между всякаго рода продѣлками Лины въ видахъ оживленія общества помню одну. Въ одинъ изъ семейныхъ праздниковъ, когда гости, вышедши изъ-за стола, направились въ гостиную къ кофею и фруктамъ, намъ нежданно объявили, что барышни просятъ всѣхъ въ новый флигель, стоявшій въ то время пустымъ. Хотя до этого флигеля не было и ста шаговъ, и погода была прекрасная, для желающихъ стояли у крыльца экипажи. Во флигелѣ мы нашли переднюю съ раскрытыми дверями и большую половину гостиной уставленною рядами стульевъ, тогда какъ меньшая половина комнаты, упирающаяся въ глухую стѣну, была завѣшана простынями, изъ-подъ нижняго конца которыхъ виднѣлись досчатые подмостки. Когда зрители усѣлись и простыни раздвинулись въ рамѣ, обтянутой марлей, взорамъ предстали три фигуры живой картины, въ значеніи которыхъ не было возможности сомнѣваться: Любинька стояла съ большимъ, съ полу подымающимся, чернымъ крестомъ и въ легкомъ бѣломъ платьѣ; близъ нея, опираясь на якорь, Лина въ зеленомъ платьѣ смотрѣла на небо, а восьми-лѣтній Петруша въ красной рубашкѣ съ прелестными крыльями, вѣроятно позаимствованными у бѣлаго гуся, и съ колчаномъ за плечами, цѣлился изъ лука чуть ли не на насъ. Конечно, можно бы было замѣтить, что въ картинѣ произошло смѣшеніе христіанской символики съ греческой миѳологіей; но критика зрителей не была такъ строга, и неподвижно цѣлящійся въ теченіе цѣлыхъ двухъ минутъ хорошенькій мальчикъ заслужилъ общую симпатію. Раздались рукоплесканія, и всѣ отправились въ домъ, исполненные дѣйствительнаго или поддѣльнаго восторга.

Въ подтвержденіе того, что Грибоѣдовъ почерпнулъ изъ жизни двустишіе Фамусова

„Нѣтъ, я передъ родней ползкомъ,
Сыщу ее на днѣ морскомъ“,—

мнѣ не разъ приходилось уже говорить о нашихъ поѣздкахъ къ роднымъ, которыя отецъ считалъ обязательными со стороны приличія, или пристойности, какъ онъ выражался. Бѣдная мать, проводившая большую часть времени въ постели, только чувствуя себя лучше по временамъ, выѣзжала лишь по близости и едва

ли не въ одинъ домъ Борисовыхъ. За то отецъ счелъ бы великимъ упущеніемъ не съѣздить за Болховъ, верстъ за сто, къ неизмѣнной кумѣ своей, Любови Неофитовнѣ и не представить ей вышедшую изъ института дочь, падчерицу и меня-студента. Опять желтая четвероместная карета съ важами, наполненными дамскими туалетами и нашимъ платьемъ, подъѣзжаетъ шестерикомъ подъ крыльцо, дверцы отворяются, подножка въ четыре ступеньки со стукомъ подставляетъ свои коврики, и мы занимаемъ надлежащія мѣста: поваръ Аѳанасій садится съ кучеромъ на козлы, а проворный камердинеръ Иванъ Никифоровъ, крикнувъ: „пошелъ!" на ходу вскакиваетъ на запятки и усаживается въ крытой сидѣлкѣ. И нынѣ проѣзжій по проселкамъ и уѣзднымъ городамъ, не желающій ограничиваться прихваченною съ собой закуской, вынужденъ брать повара, такъ какъ никакихъ гостиницъ на пути нѣтъ, а стряпнѣ уѣздныхъ трактировъ слѣдуетъ предпочитать сухой хлѣбъ.

Но вотъ, худо ли, хорошо ли, карета останавливается предъ крыльцомъ продолговатаго двухэтажнаго дома, обшитаго тесомъ, подъ тесовою крышей, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній и затѣй, представляющаго желтоватый брусъ, въ родѣ двухъ кирпичей, положенныхъ другъ на друга. Это и есть село Пальчиково тетушки Любовь Неофитовны Шеншиной.

Конечно, о пріѣздѣ нашемъ было дано знать тетушкѣ, которая на свое старенькое ситцевое платье успѣла накинуть желтую турецкую шаль. Поднялись преувеличенныя восклицанія восторга со стороны тетушки и обычные поцѣлуи въ воздухъ, такъ какъ она напирала на лицо паціента не губами, а лѣвою щекой. Разсыпалась тетушка въ преувеличенныхъ похвалахъ всѣмъ намъ вмѣстѣ и въ частности и, получивъ отъ дѣвушекъ, на вопросъ— сошлись ли онѣ между собой?—увѣреніе въ дружескихъ отношеніяхъ, завершила рѣчь обычнымъ возгласомъ: „о, са фетъ онеръ а во пренсипъ!"

— Какъ жаль, что милая сестра Елизавета Петровна нездорова! говорила тетушка, вытирая рукой катящіяся слезы, и въ то же мгновеніе обращалась къ поднявшейся предъ нею на заднихъ лапкахъ желтой кошкѣ, съ восклицаніемъ: „кошка-капошка, покажи язычекъ"; и когда кошка дѣйствительно высовывала языкъ, тетушка брала съ блюдечка микроскопическій кусочекъ сахару и, давая его кошкѣ, прибавляла: „дансе, дансе, о мисинька, комъ се жоли!

— Я, братецъ, была увѣрена въ удовольствіи увидать васъ, говорила тетушка, обращаясь къ отцу, — завтра день Петра и Павла, и ты навѣрное поѣдешь поздравлять двоюроднаго брата Павла Васильевича Матвѣева,—вѣдь его имѣніе отъ меня въ четырехъ верстахъ, и онъ очень цѣнитъ оказываемую ему честь. Тѣмъ пріятнѣе будетъ ему вниманіе такого человѣка, комъ ву, денъ омъ де во пренсипъ. А меня ты можешь поздравить: мой Капишъ произведенъ въ офицеры; но монъ-шеръ, гусарская форма, это такъ дорого, иль мекри э демандъ боку даржанъ, о, боку даржанъ, о, боку даржанъ! Се тафре!

— Да вѣдь, сестра, нельзя же отказать въ необходимомъ.

— О, комъ де резонъ, но хлѣбъ нипочемъ, и ду прандръ монъ Дье...

Хотя у тетушки еще со временъ покойнаго мужа были и повара и всякаго рода дворня, но, должно-быть, все это разладилось съ непривычки подавать одинокой старухѣ что-либо, кромѣ щей изъ сборной баранины и какой-либо домашней каши.

Худо ли, хорошо ли, тетушка угостила насъ сначала обѣдомъ, а затѣмъ ужиномъ и отправила спать по отдѣльнымъ комнатамъ большаго дома. На другой день часамъ къ 12-ти мы всѣ и тетушка въ своей допотопной каретѣ отправились на именины къ Павлу Васильевичу. Это былъ небольшаго роста сѣдой старикъ, съ зеленымъ зонтомъ надъ воспаленными глазами. Когда онъ женился и сталъ заниматься хозяйствомъ, у него были самыя ограниченныя средства. Но не выѣзжая изъ имѣнія, онъ постояннымъ земледѣльческимъ трудомъ достигъ значительныхъ результатовъ, расширивъ имѣніе покупкой земли, мало-по-малу отстроилъ прекрасный домъ съ флигелями и образцовою усадьбой, развелъ садъ и замѣчательный въ свое время рогатый скотъ. Я помню, какъ однажды отецъ сказалъ дядѣ: „Нѣтъ, теперь Павла Васильевича голою рукой не возьмешь“.

— Не возьмешь, не возьмешь, отвѣчалъ дядя, умѣвшій въ свою очередь устроить свое состояніе, жить бариномъ въ позднѣйшіе годы и нажить капиталъ. Но бездѣтному дядѣ это было легче исполнить, чѣмъ Павлу Васильевичу съ пятью сыновьями и двумя дочерьми, изъ коихъ, какъ я слышалъ, старшая, очень красивая и развитая, вышла противъ желанія отца по любви и умерла отъ чахотки. Хотя Павелъ Васильевичъ и старался дать сыновьямъ наиболѣе широкое образованіе, но въ избраніи карьеры никому изъ нихъ не препятствовалъ и, не принимая въ раз-

счетъ послѣдней, давалъ всѣмъ сыновьямъ по 1.000 руб. ассигнаціями въ годъ. Какъ ни мало было такое содержаніе, но для помѣщика все-таки средней руки, при пяти сыновьяхъ и дочери живущей въ домѣ, задача была не изъ легкихъ, которую пояснить могла только поговорка Павла Васильевича: „хозяинъ вокругъ дома обойдетъ, копѣечку найдетъ".

Когда мы пріѣхали и прошли въ гостиную поздравить именинника, все въ домѣ имѣло какой-то торжественный видъ. Отецъ нашъ попеременно представилъ намъ всѣхъ пятерыхъ братьевъ Матвѣевыхъ, своихъ двоюродныхъ племянниковъ. Всѣ они были въ парадныхъ мундирахъ: старшій Василій и третій Аѳанасій были въ офицерскихъ гусарскихъ, а меньшой Дмитрій въ юнкерскомъ гусарскомъ мундирахъ; второй Петръ былъ въ адъютанскомъ, а четвертый Александръ, бывшій на пятомъ курсѣ Московскаго университета, медикъ—въ студенческомъ. Въ качествѣ заклятаго охотника, онъ только наканунѣ вернулся изъ отцовскаго имѣнія Мценскаго уѣзда на рѣкѣ Неручи, откуда привезъ много дичи и дупелей къ именинамъ отца.

— А, монъ шеръ едделанъ, восклицала тетушка, припадая щекою къ щекѣ Петра Павловича и цѣлуя воздухъ мимо его уха.

Обѣденный столъ былъ щегольски сервированъ во всю длину залы, и хорошіе домашніе повара не ударили лицомъ въ грязь. Когда часа черезъ два обѣдъ кончился, молодые Матвѣевы раньше всѣхъ встали изъ-за стола, чтобы поцѣловать руку отца, и я помню, какъ Павелъ Васильевичъ, обращаясь къ отцу моему, сказалъ: „такъ пріятно, когда всѣ они приходятъ благодарить".

Отецъ положилъ пуститься на другой день въ обратный путь прямо отъ Матвѣевыхъ, и потому намъ пришлось тамъ ночевать. Отцу и дѣвицамъ отведено было помѣщеніе въ домѣ, а я попалъ къ молодежи во флигель. Вечеромъ, на сонъ грядущій, и утромъ, во время кофея и чая, къ намъ приходила неугомонная старуха Нѣмка, бывшая поочередно нянькою всѣхъ Матвѣевыхъ и проживавшая въ домѣ болѣе 30 лѣтъ. Странно, что въ теченіе этого времени, продолжая обращаться ко взрослымъ гусарамъ какъ къ ребятишкамъ со словомъ „ду", она если и говорила порусски, то непосвященный въ ея жаргонъ ничего бы не понялъ. Но говоря со всѣми по-нѣмецки, она во всеуслышаніе разсказывала вещи самыя невозможныя, называя ихъ по именамъ.

Отъѣзжая въ концѣ августа въ Москву, я оставилъ Лину, съ которой, по случаю ея начитанности и развитости, очень подру-

жился, вполнѣ освоившеюся въ Новоселкахъ. Я бы рѣшился сказать, что доживалъ до періода, когда университетское общеніе и знакомство со всевозможными поэтами сгущало мою нравственную атмосферу и, придавая въ то же время ей опредѣленное теченіе, требовало настоятельно послѣднему исхода. [1] Добрый Аполлонъ, несмотря на свои занятія, продолжалъ восхищаться моими чуть не ежедневными стихотвореніями, и тщательно переписывать ихъ. Вниманіе къ нимъ возникало не со стороны одного Аполлона. Нѣкоторыя стихотворенія ходили по рукамъ, и въ настоящую минуту я за малыми исключеніями не въ состояніи указать пути, непосредственно приведшіе меня въ такъ называемые интеллигентные дома. Однажды Ратынскій, пришедши къ намъ, заявилъ, что критикъ *Отечественныхъ Записокъ*, Вас. Петр. Боткинъ желаетъ со мной познакомиться и просилъ его, Ратынскаго, привести меня. Ратынскій въ то время былъ въ домѣ Боткиныхъ своимъ человѣкомъ, такъ какъ приходилъ младшимъ дѣвочкамъ давать уроки. Боткинъ жилъ въ отдѣльномъ флигелѣ и въ 30 лѣтъ отъ рода пользовался семейнымъ столомъ и получалъ отъ отца 1.000 руб. въ годъ. У Боткина я познакомился съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ, котораго потомъ встрѣчалъ и въ другихъ московскихъ домахъ. Слушать этого умнаго и остроумнаго человѣка составляло для меня величайшее наслажденіе. Съ Вас. Петр. знакомство мое продолжалось до самой моей свадьбы, за исключеніемъ періода моей службы въ новороссійскомъ краѣ.

Чтобы не говорить о слишкомъ будничныхъ явленіяхъ, я до сихъ поръ умалчивалъ о своихъ посѣщеніяхъ семейства Петра

---

[1] При трудности тогдашнихъ путей сообщенія, прошло нѣкоторое время до распространенія между нами роковой вѣсти о трагической смерти Лермонтова. Впечатлительный Шевыревъ написалъ по этому случаю стихотвореніе, изъ котораго память моя удержала только два разрозненныхъ куплета:

О, грустный вѣкъ! мы видно заслужили
И по грѣхамъ намъ видно суждено,
Чтобъ мы въ слезахъ такъ рано хоронили
Все что для думъ высокихъ рождено.

Мысль, что толпѣ все равно, кончается куплетомъ:

«Иль что орла стрѣлой пронзили люди,
Когда младой къ свѣтилу дня летѣлъ,
Иль что поэтъ, зажавши рану груди,
Безмолвно палъ и пѣсни не допѣлъ.

Петровича Новосильцова, въ домѣ у Харитонія въ Огородникахъ и на дачѣ въ Сокольникахъ. Въ то время любезный ко мнѣ, Новосильцовъ все-таки смотрѣлъ на меня, какъ на полумальчика, и потому я старался уходить въ классную къ знакомому уже намъ Нѣмцу Фелькелю, продолжавшему съ тою же нѣмецкою аккуратностью давать латинскіе уроки Ваничкѣ и уроки исторіи Катенькѣ на французскомъ языкѣ, вѣроятно болѣе ей понятномъ. За обѣдомъ у Новосильцова кромѣ Агрипины бывалъ нерѣдко въ бѣломъ галстукѣ старый полуглухой Текутьевъ, когда-то поклонникъ свѣтскихъ красавицъ, у ногъ которыхъ оставилъ значительное состояніе: онъ по старой памяти весьма часто хаживалъ обѣдать къ Новосильцову. Къ обѣду появлялись иногда его весьма пожилыя дочери, и нерѣдко завязывался за столомъ такой разговоръ:

— Петръ!

— Что тебѣ, Текутичъ?

— Когда же мы съ тобой поѣдемъ къ ней?

— А прехорошенькая эта княжна.

— И не говори, Петръ!

— Папа, восклицаетъ одна изъ дочерей Текутьева.

Текутьевъ не слышитъ.

— Папа, продолжаетъ, возвышая голосъ и пригибаясь на ухо къ отцу, та же дочь:—папа, вамъ стыдно.

— Э! восклицаетъ онъ, махая на нее рукой:—что ты понимаешь! Не могу, я влюбленъ.

— Подумайте, вамъ скоро 80 лѣтъ, а ей 18.

— Не слышу.

— Текутичъ, говоритъ Петръ Петровичъ: хорошая мадера, не хочешь ли?

— Что, мадера? давай.

— Это онъ слышитъ, смѣясь говоритъ Петръ Петровичъ.

Тутъ же за столомъ нерѣдко сиживалъ Иванъ Петровичъ Борисовъ, бывшій фельдфебелемъ въ кадетскомъ корпусѣ и ожидавшій съ послѣднимъ лагеремъ выпуска въ офицеры. Два меньшихъ брата Борисова, Петръ и Александръ, къ немалому горю матери, умерли въ корпусѣ отъ чахотки.

На этотъ разъ по пріѣздѣ въ Москву я узналъ отъ Фелькеля совершенно неожиданную новость. Обожающій память покойной жены Мансуровой 48-лѣтній Петръ Петровичъ сдѣлалъ предложеніе и женится на 35-лѣтней дѣвицѣ Берингъ.

Прежде чѣмъ свадьба состоялась, на Лубянкѣ былъ нанятъ домъ Гиппіуса, въ который вмѣстѣ съ новобрачной поселилось и все семейство. Тутъ начались пріемы и звачые обѣды.

Въ этомъ году выпущенный изъ корпуса офицеромъ въ артиллерію, Борисовъ поселился въ одной изъ комнатъ, занимаемыхъ Ваничкой и Фелькелемъ. Приписанный къ штабу шестаго корпуса исправляющимъ должность адъютанта, Борисовъ посвящалъ службѣ весьма мало часовъ, такъ что во всякое время можно было его застать дома за чтеніемъ.

По воскреснымъ днямъ утромъ, а въ будничные дни послѣ лекцій я часто заходилъ въ отдѣленіе молодежи, гдѣ значительно старшій насъ ученый и солидный Нѣмецъ Фелькель непрочь былъ во время приготовительныхъ уроковъ 14-тилѣтняго Ванички забраться изъ сосѣдней классной въ комнату Борисова и предаться самому легкомысленному и нецензурному зубоскальству.

Сухощавый и длинноногій Ваничка былъ весьма сходною копіей отца, но такой же подвижной онъ казался дергункомъ, которымъ забавляются дѣти, или пляшущимъ журавлемъ. Запирая за собою двери, мы очень хорошо знали, что Ваничка всѣмъ сердцемъ стремился къ намъ и не будь грознаго Фелькеля непремѣнно прибѣжалъ бы изъ своей спальни, гдѣ готовилъ уроки. Но когда Фелькель шелъ давать урокъ сестрѣ Ванички или куда либо отлучался, Ваничка бросалъ книжку и бѣжалъ мѣшать Борисову заниматься. При этомъ онъ становился противъ Борисова и начиналъ неутомимо выплясывать, при чемъ ноги его мелькали съ необыкновенною быстротой. Черезъ полминуты раздавался голосъ Борисова: „Ваничка, перестань, уйди“. Но мельканіе ногъ продолжалось.

— Ваничка, уйди, говорю. Вотъ ты улыбаешься, а какъ бы тебѣ плакать не пришлось.

Ноги продолжаютъ мелькать.

Однажды мускулистый Борисовъ всталъ и, приподнявъ легковѣснаго плясуна за талію, такъ безцеремонно ударилъ его ногами о паркетъ, что я невольно вскрикнулъ: „что ты?“

Впослѣдствіи плясунъ въ подобныя минуты убѣгалъ послѣ первой угрозы.

Однажды, когда мы съ Борисовымъ сидѣли въ его комнатѣ, а Фелькель заставилъ Ваничку въ спальнѣ повторить урокъ, произошла пренелѣпая сцена. Противъ рабочаго стола къ глухой стѣнѣ комнаты стояла кровать Ванички съ висящимъ надъ

нею ковромъ, на которомъ Ваничка размѣстилъ собранные имъ доспѣхи, начиная съ масокъ и рапиръ и кончая черкесскою шашкой въ старыхъ кожаныхъ ножнахъ. Не умѣя отвѣчать на вопросы Фелькеля, Ваничка пытался было рисовать карандашомъ по тетради, но, получивши окрикъ и не зная, что̀ дѣлать, машинально поднялъ глаза не на расходившагося Фелькеля, а на коверъ. Ученому педагогу представилось, что ученикъ замышляетъ на его жизнь. Въ предупрежденіе грозящей опасности, Фелькель бросился и схватилъ смертоносную шашку за свѣсившійся нижній конецъ, чтобы снять ее съ гвоздя. Онъ не сообразилъ, что старая кожа на ножнахъ протерлась, и судорожно охваченный клинокъ порѣзалъ ему палецъ. При видѣ обильнаго кровотеченія, Фелькель совершенно потерялъ голову и заревѣлъ благимъ матомъ, зажимая рану фуляровымъ платкомъ. Растворивъ дверь въ нашу комнату, онъ закричалъ: „Иванъ Петровичъ! у-у-у, вотъ онъ Ваничка, вы видите, это онъ, онъ „разбойникъ“.

Когда мы вышли въ комнату катастрофы, поблѣднѣвшій Ваничка сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. Но Фелькель продолжалъ ревѣть во все горло: у-у, онъ „разбойникъ“.

На грѣхъ ѣхавшій на службу Петръ Петровичъ, проходя по корридору, услыхалъ крикъ и вошелъ къ намъ. Вмѣсто всякаго объясненія, Фелькель продолжалъ: „у-у, Ваничка „разбойникъ,“ это онъ меня“.

Петръ Петровичъ, выпуча глаза, (такими глазами онъ пугалъ дѣтей и называлъ ихъ львиными) схватилъ Ваничку за галстукъ и, тряся его, только восклицалъ: „Ваничка, а-а-а, Ваничка, а-а-а!“ И когда убѣдился, что достаточно нагналъ страху на сына-проказника, не прибавляя ничего, вышелъ изъ комнаты.

Новая хозяйка въ домѣ и близящееся совершеннолѣтіе замѣчательно умной и образованной дочери внесли въ домъ Петра Петровича небывалое оживленіе. Сверхъ обычныхъ пріѣздовъ гостей, среди которыхъ чаще всѣхъ появлялся замѣчательно образованный и любившій широко пожить московскій почтъ-директоръ Ал. Як. Булгаковъ, отецъ знаменитаго въ свое время по своимъ продѣлкамъ гвардейскаго офицера Кости Булгакова, по временамъ давались великолѣпные и многочисленные обѣды. Эти обѣды, приготовляемые Власомъ изъ Англійскаго клуба и роскошно сервированные, казалось могли бы удовлетворять насъ, я подразумѣваю: Фелькеля, Борисова и меня. Но на дѣлѣ выходило другое. Не знаю теперь сроковъ полученія Борисовымъ

изъ штаба жалованья; помню только, что, заручившись послѣднимъ, онъ въ извѣстные дни, оставляя извощика у калитки Григорьевскаго дома, всходилъ ко мнѣ наверхъ со словами: „ну, ѣдемъ, и Фелька будетъ“. И вслѣдъ за тѣмъ мы отправлялись въ Печкинскую гостиницу, гдѣ прихихикивающій Фелькель ожидалъ насъ. Мы помѣщались въ комнатѣ близъ музыкальной машины, подъ звуки которой съѣдали три очень хорошихъ обѣда по 60 коп., приправляя ихъ рейнвейномъ, портеромъ и шампанскимъ. Ни я, ни Фелькель никогда не платили за обѣды; Фелькель—по разсчетливости, а я по неимѣнію денегъ; Борисовъ всегда былъ нашимъ амфитріономъ.

Между тѣмъ, хмѣль, сообщаемый произведеніями міровыхъ поэтовъ, овладѣлъ моимъ существомъ и сталъ проситься на волю. Гете со своими римскими элегіями и *Германомъ и Доротеей* и вообще мастерскими произведеніями подъ вліяніемъ античной поэзіи влекли меня до того, что я перевелъ первую пѣсню *Германа и Доротеи*. Но никто въ свою очередь не овладѣвалъ мною такъ сильно, какъ Гейне своею манерой говорить не о вліяніи одного предмета на другой, а только объ этихъ предметахъ, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношенія въ общей картинѣ, напримѣръ, плачущей дочери покойнаго лѣсничаго и свернувшейся у ногъ ея собаки. Гейне въ ту пору завоевалъ всѣ симпатіи; вліянія его не избѣжалъ и самобытный Лермонтовъ. Мои стихотворенія стали ходить по рукамъ. Не могу въ настоящую минуту припомнить, какимъ образомъ я въ первый разъ вошелъ въ гостиную профессора исторіи словесности Шевырева. Онъ отнесся съ великимъ участіемъ къ моимъ стихотворнымъ трудамъ, и снисходительно проводилъ за чаемъ по часу и по два въ литературныхъ со мною бесѣдахъ. Эти бесѣды меня занимали, оживляли и вдохновляли. Я чувствовалъ, что добрый Степанъ Петровичъ относился къ моей сыновней привязанности съ истинно-отеческимъ расположеніемъ. Онъ старался дать ходъ моимъ стихотвореніямъ, и съ этою цѣлію, какъ соиздатель *Москвитянина*, рекомендовалъ Погодину написанный мною рядъ стихотвореній, подъ названіемъ: *Снѣга*. Всѣ размѣщенія стихотвореній по отдѣламъ съ отличительными прозваніями производились трудами Григорьева.

Счастливъ юноша, имѣющій свободный доступъ къ сердцу взрослаго человѣка, къ которому онъ вынужденъ относиться съ

величайшимъ уваженіемъ. Такой нравственной пристани въ минуты молодыхъ бурь не можетъ замѣнить никакая дружба между равными. Мнѣ не разъ приходилось хвататься за спасительную руку Степана Петровича въ минуты, казавшіяся для меня окончательнымъ крушеніемъ. Но не одинъ Шевыревъ замѣчалъ мое стихотворство.

Увлеченный до крайности выпуклыми и изящными объясненіями Дм. Льв. Крюковымъ Горація, я представилъ послѣднему свой стихотворный переводъ оды Горація, кн. I, XIV, *Къ республикѣ*. Какъ университетское начальство—отъ попечителя графа Строганова до инспектора П. С. Нахимова—относилось къ студенческому стихотворству, можно видѣть изъ ходившаго въ то время по рукамъ шуточнаго стихотворенія Я. П. Полонскаго, по поводу нѣкоего Данкова, писавшаго мизерные стишки къ Масленой, подъ названіемъ *Блины*, а къ Святой, подъ названіемъ *Красное Яичко*, и продававшаго эти небольшія тетрадки книгопродавцу издателю Лонгинову за десятирублевый гонораръ.

Привожу самое стихотвореніе Полонскаго, насколько оно удержалось въ моей памяти.

Второй этажъ, Платонъ сидитъ,
Предъ нимъ студентъ Данковъ стоитъ:
— Ну, вотъ, я слышалъ, вы поэтъ.
На Масленицѣ сочинили
Какіе-то блины, и въ свѣтъ
По пятіалтынному пустили.
— Платонъ Степанычъ, я писалъ
Затѣмъ, что чувствовалъ призванье.
— Призванье! кто васъ призывалъ?
Я васъ не призывалъ, графъ тоже;
Тожь Дмитрій Павловичъ. Такъ кто же?
Скажите, кто васъ призывалъ?
— Платонъ Степанычъ, я пою
Въ пылу святаго вдохновенья,
И я мои стихотворенья
Въ отраду людямъ продаю.
— Опять не то, опять вы врете!
Кто вамъ мѣшаетъ дома пѣть?
Мнѣ дѣла нѣтъ, что вы поете:
Стиховъ-то не могу терпѣть.

Стиховъ-то только не марайте!
Я потому вамъ говорю,
Что мнѣ васъ жаль. Теперь ступайте!
— Покорно васъ благодарю!

Однажды только-что начавшій лекцію Крюковъ, прерывая обычную латинскую рѣчь, сказалъ по-русски: „Мм. гг., — въ качествѣ наглядной иллюстраціи къ нашимъ филологическимъ объясненіямъ одъ Горація, позвольте прочесть переводъ одного изъ вашихъ товарищей, Фета, книги первой, оды четырнадцатой, *Къ республикѣ*.

При этихъ словахъ дверь отворилась, и графъ С. Г. Строгановъ вошелъ въ своемъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ. Раскланявшись съ профессоромъ, онъ сѣлъ на кресло со словами: „прошу васъ продолжать“. И безмолвно выслушалъ чтеніе моего перевода. Такое въ тогдашнее время исключительное отношеніе къ моимъ трудамъ было тѣмъ болѣе изумительно, что проявлялось уже не въ первый разъ. Такъ,—когда И. И. Давыдовъ въ сороковомъ году сказалъ мнѣ на лекціи, въ присутствіи графа Строганова: „Вашу печатную работу я получилъ, но желалъ бы получить и письменную“,—графъ спросилъ: „Какую печатную работу?“ и на отвѣтъ профессора: „небольшой сборникъ лирическихъ стихотвореній“,—ничего не отвѣтилъ. Не помню хорошо, какимъ образомъ я вошелъ въ почтенный домъ Ѳедора Николаевича и Авдотьи Павловны Глинокъ. Вѣроятно, это случилось при посредствѣ Шевырева. Не трудно было догадаться о небольшихъ матеріальныхъ средствахъ бездѣтной четы; но это ни мало не мѣшало ни внѣшнему виду, ни внутреннему значенію ихъ радушнаго дома. Въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, въ одномъ изъ переулковъ близь Срѣтенки, мнѣ хорошо памятны только три, а если хотите двѣ комнаты: тотчасъ направо изъ передней небольшой хозяйскій кабинетъ, куда желающіе уходили курить, и затѣмъ налѣво столовая, отдѣленная аркой отъ гостиной, представлявшей какъ бы ея продолженіе. За то это былъ домъ чисто художественныхъ интересовъ. Здѣсь каждый цѣнился по мѣрѣ своего усердія къ этому вопросу, и если съ одной стороны въ гостиной не появлялось чванныхъ людей напоказъ, за то не было тамъ и неотесанныхъ неуковъ, прикрывающихъ свою неблаговоспитанность мнимою ученостью. Мастерскіе переводы Авдотьи Павловны изъ Шиллера ручаются за ея литературный вкусъ, а *Письма русскаго офицера* свидѣтельствуютъ объ обра-

зованности ихъ автора. Въ оживленной гостиной Глинокъ довольно часто появлялся оберъ-прокуроръ Мих. Ал. Дмитріевъ. Между дамами замѣчательны были по уму и по образованію двѣ сестры дѣвицы Бакунины, изъ которыхъ меньшая, несмотря на зрѣлыя лѣта, сохранила еще неизгладимыя черты красоты. Мы собирались по пятницамъ на вечеръ, и почти каждый разъ присутствовалъ премилый живописецъ Рабусъ, о которомъ Глинки говорили, какъ о замѣчательномъ талантѣ. Онъ держалъ себя чрезвычайно скромно, выказывая по временамъ горячія сочувствія той или другой литературной новинкѣ. Не знаю, по какому случаю на этихъ вечерахъ я постоянно встрѣчалъ инженернаго капитана Непокойчицкаго, и когда въ 1877 году я читалъ о дѣйствіяхъ начальника штаба Непокойчицкаго, то поневолѣ сближалъ эту личность съ тою, которую глазъ мой привыкъ видѣть съ ученымъ аксельбантомъ на вечерахъ у Глинокъ.

Услыхавъ о моей попыткѣ перевести *Германа и Доротею*, Глинки просили меня привезти въ слѣдующую пятницу тетрадку и прочесть оконченную первую пѣснь. Не трудно представить себѣ мое смущеніе, когда въ слѣдующій разъ, при появленіи моемъ въ гостиной, Өедоръ Николаевичъ, поблагодаривъ меня за исполненіе общаго желанія, прибавилъ: „Мы ждемъ сегодня князя Шаховскаго и рѣшили прочесть при немъ отрывокъ изъ его поэмы: *Расхищенныя шубы*. Это старику будетъ пріятно“. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени въ гостиную вошелъ старикъ Шаховской, котораго я непремѣнно узналъ бы по чрезвычайно схожему и давно знакомому мнѣ изъ ста русскихъ литераторовъ гравированному портрету.

Старому князю видимо было чрезвычайно пріятно слушать прекрасное чтеніе его плавныхъ и по своему времени гармоническихъ стиховъ.

Тѣмъ сильнѣе было мое смущеніе, когда, послѣ небольшаго всеобщаго молчанія, хозяйка напомнила мое обѣщаніе прочесть начало перевода. Вѣдь нужно же было судьбѣ заставить меня выступить съ моими неизвѣстными попытками непосредственно за чтеніемъ произведенія славнаго и присутствовавшаго писателя. Но робость стѣсняла меня только до прочтенія первыхъ двухъ-трехъ стиховъ, а затѣмъ самое теченіе поэмы увлекло меня, и я старался только, чтобы чтеніе было по возможности на уровнѣ содержанія. Не менѣе смущенъ и восхищенъ былъ я общимъ одобреніемъ кружка, когда я окончилъ. Пріятнѣе всего было мнѣ

слышать замѣчаніе Рабуса: „Я хорошо знаю *Германа и Доротею*, и во все продолженіе чтенія мнѣ казалось, что я слышу нѣмецкій текстъ“.

Около полуночи въ залѣ накрывался столъ, установленный грибками и всякаго рода соленьями, посреди которыхъ красовалась большая деревенская индѣйка и, кромѣ разныхъ водокъ, появлялись разнообразныя и превкусныя наливки.

Совершенно въ другомъ родѣ были литературные чайные вечера у Павловыхъ, на Рождественскомъ бульварѣ. Тамъ все, начиная отъ роскошнаго входа, съ параднымъ швейцаромъ, и до большаго хозяйскаго кабинета, съ пылающимъ каминомъ, говорило если не о роскоши, то, по крайней мѣрѣ, о широкомъ довольствѣ.

Находя во всю жизнь большое удовольствіе читать избраннымъ свои стихи, я постоянно считалъ публичное ихъ чтеніе чѣмъ-то нескромнымъ, чтобы не сказать профанаціей. Вотъ почему я всегда старался придти къ Кар. Карл. Павловой, пока въ кабинетѣ не появлялось стороннихъ гостей. Тогда по просьбѣ моей она мнѣ читала свое послѣднее стихотвореніе, и я съ наслажденіемъ выслушивалъ ея одобреніе моему. Затѣмъ мало-помалу прибывали гости, между которыми я въ первый и послѣдній разъ былъ представленъ не меньшей въ свое время знаменитости М. Н. Загоскину. За столомъ, за которымъ сама хозяйка разливала чай и появлялись рѣдкія еще въ то время мелкія печенья, сходились по временамъ А. И. Герценъ и Т. Н. Грановскій. Трудно себѣ представить болѣе остроумнаго и забавнаго собесѣдника, чѣмъ Герценъ. Помню, что увлеченный вѣроятно его примѣромъ, Тимоѳей Николаевичъ, которымъ въ то время бредили московскія барыни, въ свою очередь разсказалъ своимъ особеннымъ невозмутимымъ тономъ съ пришепетываніемъ анекдотъ объ одномъ лицѣ, державшемъ у него экзаменъ изъ исторіи для полученія права домашняго учителя.

„Видя, что человѣкъ и одѣтъ-то бѣдно, говорилъ Грановскій—я рѣшился быть до крайности снисходительнымъ и подумалъ: Богъ съ нимъ, пусть получитъ кусокъ хлѣба. Что̀ бы спросить полегче? подумалъ я. Да и говорю: не можете ли мнѣ что-нибудь сказать о Петрѣ?—Петръ, заговорилъ онъ,—былъ великій государь, великій полководецъ и великій законодатель.—Не можете ли указать на какое-либо изъ его дѣяній? — Петръ разбилъ, былъ отвѣтъ.—Не можете ли сказать, кого онъ разбилъ

при Полтавѣ? Онъ подумалъ, подумалъ и сказалъ: Батыя. Я удивился.—Кто же, по вашему мнѣнію, былъ Батый? Онъ подумалъ, подумалъ и сказалъ: протестантъ.—Мнѣ остается спросить васъ: что такое, по вашему мнѣнію, протестантъ?—Всякій неисповѣдующій православную греко-россійскую церковь.—Извините, сказалъ я,—я не могу поставить вамъ больше единицы. — Если вы недовольны и такимъ знаніемъ, сказалъ онъ уходя, то я и не знаю, чего вы требуете".

Помню, что однажды у Павловыхъ я встрѣтилъ весьма благообразнаго иностраннаго нѣмецкаго графа, который вѣроятно узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, не взирая на свои почтенныя лѣта, подсѣлъ ко мнѣ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ на чужбинѣ говорить о родной литературѣ. Услыхавъ мои восторженные отзывы о Шиллерѣ, графъ сказалъ: „вполнѣ понимаю вашъ восторгъ, молодой человѣкъ, но вспомните мои слова: придетъ время, когда Шиллеръ уже не будетъ удовлетворять васъ, и предметомъ неизмѣннаго удивленія и наслажденія станетъ Гете". Сколько разъ пришлось мнѣ вспоминать эти слова.

Однажды сходя съ лекціи, Шевыревъ сказалъ мнѣ на лѣстницѣ: „Мих. Петр. готовитъ вамъ подарокъ". А такъ какъ Ст. Петр. не сказалъ, въ чемъ заключается подарокъ, то я находился въ большомъ недоумѣніи, пока черезъ нѣсколько дней не получилъ желтаго билета на журналъ *Москвитянинъ*. На оборотѣ рукою Погодина было написано: „талантливому сотруднику отъ журналиста; а студентъ берегись! пощады не будетъ, развѣ взысканіе сугубое по мѣрѣ талантовъ полученныхъ". *Погодинъ*.

Въ числѣ посѣтителей нашего Григорьевскаго верха появился весьма любезный правовѣдъ Калайдовичъ, сынъ покойнаго профессора и издателя пѣсенъ Кирши Данилова. Молодой Калайдовичъ не только оказывалъ горячее сочувствіе моимъ стихамъ, но, къ немалому моему удовольствію, ввелъ меня въ свое небольшое семейство, проживавшее въ собственномъ домѣ на Плющихѣ. Семейство Калайдовичей состояло изъ добрѣйшей старушки матери, прелестной дочери, сестры Калайдовича, и двоюроднаго его брата, исполнявшаго въ домѣ роль хозяина, такъ какъ самъ Калайдовичъ, кончивъ курсъ школы правовѣдѣнія, поступилъ на службу въ Петербургѣ и у матери проводилъ только весьма короткое время. Старушка такъ полюбила и приласкала меня, что и по отъѣздѣ сына я нерѣдко просиживалъ вечера въ ихъ уютномъ домикѣ. Чтобы не сидѣть сложа руки,

мы раскидывали ломберный столъ и садились играть въ преферансъ по микроскопической игрѣ, несмотря на мою совершенную неспособность къ картамъ. Черезъ молодаго Калайдовича я познакомился съ его друзьями: Константиномъ и Иваномъ Аксаковыми. Однажды, начитавшись пѣсенъ Кирши Данилова, я придумалъ подъ нихъ поддѣлаться, и мы съ Калайдовичемъ рѣшили ввести въ заблужденіе любителей и знатоковъ русской старины братьевъ Аксаковыхъ. Отыскавъ между бумагами покойнаго отца чистый полулистъ, Калайдовичъ постарался поддѣлаться подъ руку покойнаго и передалъ рукопись Конст. Серг., сказавъ, что нашелъ ее въ бумагахъ отца, но желалъ бы знать, можно ли довѣриться ея подлинности. Въ слѣдующій мой приходъ я съ восхищеніемъ услыхалъ, что Аксаковъ, прочитавъ пѣсню, сказалъ: „очень можетъ быть, очень можетъ быть; надо хорошенько ее разобрать". Но, кажется, въ слѣдующее затѣмъ свиданіе Калайдовичъ расхохотался и тѣмъ положилъ конецъ нашей затѣѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

А. Фетъ.

ЗЛЫЕ ВИХРИ.

РОМАНЪ.

...а міра сего тлѣннаго и вихровъ, исходящихъ отъ злыхъ человѣкъ, не перенять, потому что во всемъ свѣтѣ разсѣяни быша, точію бо человѣку *душою* предъ Богомъ не погрѣшить, а *вихри злые*, отъ человѣкъ нашедшіе, кромѣ воли Божіей, что̀ могутъ учинить?

Изъ письма царя Алексѣя Михайловича Ордину Нащокину.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Наталья Порфирьевна остановилась въ дверяхъ между двумя гостиными, гдѣ сосредочилось, на этотъ разъ, все оживленіе, и окинула быстрымъ, внимательнымъ взглядомъ ту и другую комнату. На ея губахъ еще не успѣли застыть послѣднія слова только-что произнесенныхъ ею безсознательно заученныхъ фразъ, всегда казавшихся, какъ ей самой, такъ и другимъ, новыми и умными.

Сейчасъ произнесетъ она другія, подобныя же фразы. Ея бѣлыя, пухлыя щеки, дряблость и морщинки которыхъ таятся за незамѣтнымъ слоемъ искуснаго притиранья, уже дрогнули отъ привычно вызываемой, тихой и безконечно мягкой полуулыбки. Это та самая полуулыбка, о которой лѣтъ двадцать тому назадъ, послѣ аудіенціи, давно ужь замолкшія, ласковыя уста сказали: „Cette bonne madame Vilimsky a le sourire d'une sainte“.

Теперь репутація святости Натальи Порфирьевны Вилимской-Талубьевой была общеизвѣстнымъ, несомнѣннымъ фактомъ, отпраздновала свой юбилей, а ея мягкая, тихая полуулыбка получила оффиціальное значеніе и неизмѣнно находилась на своемъ посту, при исполненіи своихъ обязанностей.

Внимательный взглядъ на обѣ гостиныя доложилъ Натальѣ Порфирьевнѣ, что все обстоитъ благополучно. Да и могло ли быть иначе? Развѣ она, полноправная хозяйка этого чуднаго дома, гдѣ каждая мельчайшая подробность носила на себѣ слѣды неподдѣльнаго стариннаго барства, не обладала, рядомъ со своею святостью, знаніемъ всѣхъ глубочайшихъ тайнъ свѣтской жизни? Развѣ не восприняла она съ юныхъ лѣтъ своею художественною душой всю гармоничную красоту внѣшнихъ формъ этой жизни? Развѣ не была она иной разъ незримымъ, но вѣчно дѣйствующимъ капельмейстеромъ прекрасно разучивающаго свои партіи оркестра, носящаго названіе „большого свѣта"?..

Шла третья недѣля Великаго поста, а потому вечеръ Натальи Порфирьевны имѣлъ, конечно, соотвѣтствующій этому времени характеръ. Длинная анфилада парадныхъ комнатъ, отъ яркаго освѣщенія двухъ гостиныхъ, казалась потонувшей въ полумракѣ. Приглашенныхъ насчитывалось всего около сорока человѣкъ. Однако это вовсе не было случайное собраніе добрыхъ знакомыхъ хозяйки. Наталья Порфирьевна не любила, да и не хотѣла даже признавать ничего случайнаго.

Съ тѣхъ поръ какъ она вышла замужъ и стала проводить зимы въ этомъ домѣ, то-есть уже болѣе тридцати лѣтъ, каждый день ея жизни имѣлъ свою задачу, былъ стремленіемъ къ какой-либо опредѣленной цѣли. Сначала дни и вечера оказывались нужными для устройства ея собственныхъ дѣлъ. Когда всѣ эти дѣла были устроены, когда она почувствовала, что создала свое положеніе „на скалѣ", которую не расшатаютъ никакія волны— она вовсе и не подумала складывать руки. Въ ней жила, не слабѣя и не притупляясь съ годами, жажда дѣятельности, потребность строить планы и приводить ихъ въ исполненіе.

Эта женщина, объявленная образцомъ семейныхъ добродѣтелей, эта Пенелопа нашихъ дней, безупречно вѣрная своему вовсе не „хитроумному", но вѣчно пребывавшему въ разныхъ отлучкахъ Улиссу,—знала въ жизни одно лишь наслажденіе—наслажденіе побѣды. Задумать — и исполнить. И чѣмъ труднѣе достиженіе цѣли, чѣмъ хитрѣе и тоньше пущенные въ ходъ ди-

пломатическіе и стратегическіе пріемы, — тѣмъ наслажденіе полнѣе.

Такой страсти Натальи Порфирьевны многія, иной разъ и дѣйствительно общеполезныя, предпріятія были обязаны своимъ процвѣтаніемъ, а сотни мужчинъ и женщинъ устройствомъ своихъ дѣлъ, карьеры, даже, если хотите, счастья. Она протежировала охотно и творила просто чудеса. Только надо было умѣть поймать ее въ такую минуту, когда запасъ ея „насущнаго хлѣба“ истощался и она, чувствуя первые приступы голода, спрашивала себя: „что̀ бы такое устроить? чего бы добиться?“

Если же „хлѣба“ у нея было достаточно, — она превращалась въ камень и оставалась равнодушною къ страданіямъ всего человѣческаго рода. На ея лицѣ сіяла святая улыбка; но значеніе этой улыбки становилось безнадежнымъ. Оставалось выжидать болѣе подходящаго времени, а если дѣло не допускало отлагательства, то ставить на немъ крестъ...

Нѣсколько заранѣе подготовленныхъ партій предстояло Натальѣ Порфирьевнѣ разыграть и въ этотъ вечеръ. Она уже выставила первые вѣрные ходы и обдумывала дальнѣйшіе. Въ такъ-называемой „маленькой“ гостиной, за двумя карточными столами, партнеры были соединены съ „доброй цѣлью“. Въ „большой“ гостиной образовались группы и велись достаточно оживленные, но до того малошумные разговоры, что они не покрывали собою позвякиванія ложечекъ о севрскій фарфоръ чайныхъ чашекъ.

„Кого же еще нѣтъ?“—подумала Наталья Порфирьевна, вспомнила кого именно, сдѣлала почти неуловимую недовольную мину—и вернулась на свое мѣсто, между двумя немолодыми уже дамами, погруженными въ тихую, малооживленную бесѣду и въ какое-то рукодѣлье.

Въ эту минуту маленькій, очень развязный молодой человѣкъ ловко и неслышно пробирался черезъ всю огромную комнату. Онъ останавливался на мгновеніе, обмѣнивался то съ тѣмъ, то съ другимъ двумя-тремя словами — и спѣшилъ дальше. На его замѣчательно красивомъ, хотя черезчуръ женственномъ лицѣ, въ его большихъ черныхъ глазахъ, въ невольномъ поднятіи шнурочкомъ выведенныхъ бровей — читалось изумленіе и въ то же время какъ бы нѣкоторая радость.

Теперь ужь можно было видѣть, что онъ направляется къ человѣку, только-что покинутому сказавшею ему нѣсколько словъ молодою, но некрасивою дамой и остановившемуся въ сторонѣ.

— Миша! милый! est-ce bien toi? ласково и весело заговорилъ маленькій красавецъ, сжимая протянувшуюся къ нему руку своей нѣжною рукой, до того красивой и выхоленной, что ей могла позавидовать любая кокетка.—Ты ли это? и коими судьбами здѣсь? и давно ли въ Петербургѣ? Вѣдь я думалъ, что ты гдѣ-нибудь за тридевять земель, chez les antipodes... я ужъ панихиды по тебѣ заказывалъ... просвирки вынималъ pour le salut de ton âme... вѣдь сколько... да, четыре года, какъ ты исчезъ! покажись-ка! все тотъ же! и ничевошеньки-то ты не постарѣлъ!

— Да вѣдь и въ тебѣ, Вово, никакой перемѣны! услышалъ онъ давно знакомый, звучный, но сдерживаемый голосъ,—на тѣхъ же крылышкахъ порхаешь, съ тѣмъ же лукомъ и колчаномъ за плечами...

— Это я-то? à d'autres, mon cher,—voyez un peu ça!

Онъ наклонилъ голову, комичнымъ жестомъ указывая на свои сильно рѣдѣющія, коротко подстриженныя кудри и затѣмъ внезапно стихая.

— La belle et la bête! торжественно возвѣстилъ онъ, поведя глазами ко входнымъ дверямъ и слегка подтолкнувъ локтемъ пріятеля.

Въ гостиную входилъ маленькій, толстый человѣчекъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ лицомъ не только некрасивымъ, но противнымъ и глупымъ до послѣдней степени. Этотъ господинъ велъ подъ руку молодую женщину, бывшую почти на голову выше его и поражавшую своею яркой, побѣдоносной красотой. При первомъ же взглядѣ на эту пару каждый долженъ былъ согласиться, что болѣе мѣткаго, остроумнаго ея опредѣленія, чѣмъ опредѣленіе Вово—нельзя было и придумать. Дѣйствительно—la belle et la bête!

Однако тотъ, за упокой чьей души Вово вынималъ просвирки, не успѣлъ улыбнуться. Онъ вглядѣлся въ „la belle“ и сразу поблѣднѣлъ и застылъ, какъ только умѣютъ блѣднѣть и застывать черезчуръ нервные люди.

II.

Двѣ молоденькія дѣвушки—одна маленькая, бѣленькая, синеглазая, а другая черноволосая, съ горячими глазами и такая огромная, что видно было какъ она дѣлаетъ послѣднія, безплодныя усилія, чтобы казаться меньше,—проходили мимо пріятелей.

— Князь,—сказала маленькая,—рѣшите нашъ споръ...

Вово тотчасъ же къ нимъ присоединился, и они прошли дальше.

Его пріятель остался на своемъ мѣстѣ, будто приросъ къ нему. Онъ видѣлъ какъ „la belle" и „la bête" приближались къ хозяйкѣ, какъ она встала и сдѣлала два, три шага имъ на встрѣчу.

Вотъ она подводитъ ихъ къ сидящей рядомъ съ нею дамѣ. „La belle" дѣлаетъ граціозный реверансъ; „la bête" склоняется и почтительно прикладывается губами къ протянутой ему рукѣ. „La belle" остается съ дамами, присаживаясь въ указанное ей Натальей Порфирьевной кресло. Она что-то говоритъ, чуть-чуть опустивъ глаза и невинно улыбаясь, причемъ сверкаютъ ея ровные хорошенькіе зубы, а на правой щекѣ образуется прелестная ямочка. „La bête", осторожно пятясь, отходитъ и присоединяется къ группѣ мужчинъ, которымъ онъ пожимаетъ руки.

Все это видитъ пріятель князя Вово и не видитъ ничего инаго. А на него ужь обращаютъ вниманіе. Онъ слишкомъ выдѣляется своимъ одиночествомъ, своею застывшей позой. Да и самая наружность его какъ-то не совсѣмъ у мѣста въ этой гостиной—въ немъ есть что-то неуловимое, но прямо говорящее, что онъ не принадлежитъ къ этому свѣту, что онъ здѣсь не *свой*, а только случайный посѣтитель.

Его небольшая плотная фигура изящна, но своеобразнымъ изяществомъ, съ которымъ споритъ не то усталость, не то привычная лѣнь и разсѣянность. Его мягкіе волосы небрежно зачесаны, и блѣдно золотистая прядь ихъ то и дѣло непослушно спадаетъ на широкій бѣлый лобъ. Ему ужь очевидно за тридцать лѣтъ, а то пожалуй даже и больше; но вообще онъ очень моложавъ и только вокругъ свѣтлыхъ глазъ съ тяжелыми вѣками сгустилась темная тѣнь и собрались мелкія морщинки. Эти глаза и взглядъ ихъ изъ тѣхъ, которые часто раздражаютъ, отталкиваютъ мужчинъ и сводятъ съ ума женщинъ.

— Вово, съ кѣмъ ты это сейчасъ говорилъ? спрашивалъ видный молодой человѣкъ хорошенькаго князя, когда тотъ покончилъ свою бесѣду съ маленькой и огромной барышнями.

— Что? гдѣ? и когда?—разсѣянно проговорилъ Вово.

— Да сейчасъ, вонъ тотъ... такой странный...

— Странный? чѣмъ же? c'est mon vieil ami, Аникѣевъ.

— Аникѣевъ? это что жь такое? и почему онъ здѣсь? откуда взялся?

Вово пристально взглянулъ своими бархатными глазами на собесѣдника.

— Его не было въ Петербургѣ года четыре, а теперь вотъ онъ вернулся. Здѣсь онъ потому, что Наталья Порфирьевна его очень любитъ, elle a été jadis très liée avec sa mère. Да неужели ты никогда о немъ не слыхалъ, графъ? Онъ такой умница, plein de talents, какой музыкантъ, какъ поётъ...

— Аникѣевъ! да, теперь вспоминаю... mais, cher, c'est un homme, qu'on ne connait pas!

Въ лицѣ Вово что-то дрогнуло, и на лбу появилась морщина.

— Qu'on ne connait pas? почему же это? откуда тебѣ померещилось, когда, видишь, онъ здѣсь et quand je te dis qu'il est mon vieil ami? очень серьезно произнесъ онъ.

— Enfin... нѣтъ, я вспомнилъ, презрительнымъ тономъ подтвердилъ графъ, — была какая-то скверная исторія... quelque chose de très vilain...

— Что̀ такое? какая исторія?

— Была, была, и прескверная... тутъ женщина еще замѣшана... его жена или чужая... онъ кого-то обманулъ, ограбилъ... или его тамъ что ли ограбили — словомъ что-то невозможное, скандалъ по всей формѣ... и его нигдѣ не принимали. А тутъ вдругъ... у Натальи Порфирьевны! времена!

Молодой человѣкъ пожалъ плечами и, оставивъ своего собесѣдника, величественно подошелъ къ дамамъ. Вово остался съ разинутымъ ртомъ. Онъ хотѣлъ было остановить графа, отвѣтить ему, но вдругъ услышалъ вблизи свое имя въ устахъ маленькой бѣленькой барышни, весело разсказывавшей что-то молодому флигель-адъютанту.

— Княжна, по какому это поводу вы произносите мое имя всуе? повернулся онъ на своихъ лакированныхъ башмачкахъ безъ каблуковъ, и забылъ и графа, и Аникѣева и всю его „скверную“ исторію.

— Если „по поводу“ — значитъ не всуе! отвѣтила барышня, лукаво скользнувъ по его лицу смѣющимся, дѣтски - веселымъ взглядомъ...

Аникѣевъ все слѣдилъ за „la belle“. Ни одно малѣйшее движеніе ея прелестнаго лица не ускользнуло отъ его пристальнаго взгляда. И онъ видѣлъ, какъ все въ ней, начиная отъ слабой улыбки, показывавшей кончики сверкавшихъ зубовъ и ямку на щекѣ,—обдумано, взвѣшено, законченно и совершенно. Онъ не могъ слышать того, что̀ она говорила; но былъ увѣренъ, что и

слова ея такъ же взвѣшены, хладнокровно обдуманы, какъ выраженіе лица, мины и позы.

Около шести лѣтъ не видалъ онъ ея. Онъ зналъ, что раньше или позже вѣроятно ее встрѣтитъ, и не разъ представлялъ себѣ ту перемѣну, какую найдетъ въ ней. Вѣдь ей уже двадцать восемь лѣтъ, насколько же померкла ея ослѣпительная красота за это время? Вѣдь женская красота — такой нѣжный, быстро-отцвѣтающій цвѣтокъ.

И вотъ онъ видитъ, что она не только не померкла, но стала еще болѣе торжествующей, всепобѣдной. Для нея время даже и не остановилось, а будто пошло назадъ и вернуло ей всѣ самыя свѣжія краски первой юности...

Но вмѣстѣ съ этимъ какая перемѣна! Совсѣмъ новое существо, свѣтская актриса, да и какая еще — первостепенная, безукоризненная... А онъ пророчилъ ей, что та жизнь, на какую пошла она, скоро ее измучаетъ, состаритъ, убьетъ!...

Грустная усмѣшка мелькнула и застыла на губахъ его.

И, погруженный въ свои мысли, воспоминанія, наблюденія, сосредоточенныя на одномъ, всецѣло притянувшемъ его къ себѣ центрѣ, онъ не замѣтилъ какъ въ гостиной и вблизи отъ него произошло нѣкоторое движеніе. Онъ очнулся только заслыша аккорды рояля. Старый князь Бирскій, съ видомъ человѣка, приступавшаго къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, высоко поднимая руки, ударялъ по клавишамъ. Позади его табуретки, на приличномъ другъ отъ друга разстояніи, стояли кавалеръ и дама. Дама была молода, не хороша и не дурна, съ очень смѣлыми и холодными глазами. Кавалеръ былъ безукоризненно приличный молодой человѣкъ, и выраженіе его лица говорило, что онъ намѣренъ, во что̀ бы ни стало, идти впередъ, ни подъ какимъ видомъ не останавливаясь и пользуясь всѣмъ, что̀ можетъ попасться ему на дорогѣ.

Кавалеръ и дама обмѣнялись быстрымъ взглядомъ сообщниковъ и запѣли подъ аккомпаниментъ князя Бирскаго.

Строго относиться къ ихъ пѣнію было нельзя, да и никто не думалъ объ этомъ. Они детонировали, но не особенно; ихъ маленькіе голоса были не безъ пріятности, и все дѣло заключалось, конечно, въ выбранномъ ими дуэтѣ. Этотъ дуэтъ изъ оперы, поставленной передъ масленицей, только-что начиналъ входить въ моду.

Послѣ дуэта, тотъ же скромный и безукоризненный молодой

человѣкъ, аккомпанируемый тѣмъ же княземъ Бирскимъ, пропѣлъ старинный французскій романсъ, изо всѣхъ силъ постаравшись сдѣлать это со вкусомъ. Затѣмъ, быстро и неуловимо, произошло слѣдующее. Старый, но сохранявшійся въ отличномъ порядкѣ и представительности господинъ, уныло дремавшій подъ пѣніе и глядѣвшій на всѣхъ до безнадежности безучастно, вдругъ, поддакивая оказавшейся рядомъ съ нимъ Натальѣ Порфирьевнѣ, похвалилъ и старинный романсъ и его исполненіе.

Онъ рѣшительно не зналъ, что̀ такое, какъ и кѣмъ было пѣто, потому что сознательно ничего не слышалъ и потому что, несмотря на свою репутацію меломана, давно ужь потерялъ охоту ко всякому пѣнію. Наталья Порфирьевна хвалила, и онъ, естественно, выразилъ свое полное одобреніе. Она отозвалась о пѣвцѣ, какъ о прекрасномъ молодомъ человѣкѣ, способномъ къ серьезной службѣ, исполненномъ самыхъ лучшихъ стремленій. Старый господинъ отозвался, что это весьма утѣшительно и похвально.

Тутъ молодой пѣвецъ, какъ бы магически привлеченный, очутился возлѣ нихъ и былъ представленъ старому господину. Въ доброй улыбкѣ Натальи Порфирьевны и въ ея ласково и побѣдно сіявшихъ глазахъ, обращенныхъ къ пѣвцу, сказалось: „я на сегодня свое сдѣлала, теперь вы ужь постарайтесь—et bonne chance!“

Пѣвецъ отвѣтилъ ей благодарнымъ взглядомъ, почтительно присѣлъ на стулъ, отодвинувъ его чуть-чуть назадъ, чтобы не быть на одной линіи съ тѣмъ, кому онъ былъ представленъ, и началъ стараться, вдохновляемый надеждой на исполненіе своихъ завѣтныхъ мечтаній.

Въ это время гостиная оглашалась высокими, форсированными нотами тоже стариннаго, но уже не французскаго, а нѣмецкаго романса. Принявъ изящно скромную позу и видимо пытаясь по возможности меньше раскрывать ротъ, пѣвица невольно, своими смѣлыми и холодными глазами, смотрѣла все по одному и тому же направленію.

Она видѣла, какъ Наталья Порфирьевна подсѣла къ дамѣ, съ которой такъ долго и съ такимъ замѣтнымъ успѣхомъ бесѣдовала предъ тѣмъ „la belle“.

Наталья Порфирьевна шепнула нѣсколько словъ дамѣ, та отвѣтила едва замѣтнымъ наклономъ головы, и вотъ ласково и ободрительно глядитъ на пѣвицу.

Пѣвица томно опустила глаза и вытянула такую опасную ноту,

что сама было испугалась. Но все сошло благополучно, и романсъ закончился при общемъ шопотѣ одобренія. Пѣвица уловила два призывающіе ее взгляда и, вспыхнувъ отъ удовольствія, устремилась за полученіемъ своей aubaine, подготовленной ей „этой милой-милой, этой ангельски-доброй Натальей Порфирьевной“...

Прошло именно столько времени, сколько надо было, чтобъ испарилось впечатлѣніе и замолкли разговоры, вызванные моднымъ дуэтомъ и двумя старинными романсами. Когда всевидящій взглядъ и всеслышащія уши хозяйки убѣдились въ томъ, что настало самое подходящее мгновеніе, она незамѣтно оказалась возлѣ Аникѣева.

— Михаилъ Александровичъ, дружескимъ тономъ и достаточно громко, чтобы многіе это слышали, сказала она,—доставьте намъ удовольствіе послушать вашъ голосъ и вашу музыку, вѣдь это, во всѣхъ смыслахъ, такое рѣдкое удовольствіе!

Аникѣевъ, какъ ей показалось, очень странно взглянулъ на нее, проговорилъ: „слушаю-съ“—и лѣниво подошелъ съ нею къ роялю.

— Что̀ вы намъ споете?—шепнула ему Наталья Порфирьевна.

— Я еще и самъ не знаю,—разсѣянно отвѣтилъ онъ.

Она посмотрѣла на него почти съ испугомъ. Онъ придвинулъ табуретъ, сѣлъ, опустилъ руки на колѣни, закрылъ глаза. Такъ прошло около долгой—долгой минуты. Можно было подумать, что онъ заснулъ.

Всѣ глядѣли на него съ едва замѣтнымъ насмѣшливымъ изумленіемъ, и кое-кто уже переглянулся между собою. Съ лица Натальи Порфирьевны сбѣжала безъ остатка ея святая полуулыбка, брови ея поднялись...

III.

Вдругъ нѣсколько сильныхъ, смѣлыхъ аккордовъ огласили гостиную. Аникѣевъ выпрямился, поднялъ голову, и его бѣлыя руки съ длинными гибкими пальцами привычно, какъ бы безъ участія его воли, забѣгали по клавишамъ. Онъ глядѣлъ затуманившимися, широко раскрытыми глазами прямо передъ собою и видѣлъ клубящійся голубоватый туманъ, наплывавшій со всѣхъ сторонъ и отдѣлявшій его отъ остальнаго міра. Ощущеніе глубокаго оди-

ночества быстро охватило его, и въ то же время по всѣмъ нервамъ пробѣжалъ знакомый трепетъ. Что-то кипѣло въ сердцѣ, въ мозгу, во всемъ существѣ его. Проносились, обгоняя другъ друга, неясныя воспоминанія; неуловимыя, какія-то таинственныя ощущенія появлялись и пропадали.

Весь этотъ странный, волшебный хаосъ воплощался въ безсознательно вызываемыхъ звукахъ, сливался съ ними...

Это была необычная гармонія, возбуждавшая самые крѣпкіе и спокойные нервы; въ ней было что-то захватывающее, опьяняющее—и всѣ слушатели ощутили на себѣ ея вліяніе. Даже бывшій меломанъ прервалъ свою полудремоту и спрашивалъ себя: хорошо это или плохо, и вообще что́ же это такое?

Между тѣмъ туманныя вереницы ощущеній и образовъ, проносившихся передъ Аникѣевымъ, мало-по-малу исчезли. Ему казалось теперь, что онъ лежитъ, какъ лежалъ когда-то, у открытаго окна, и что темная южная ночь глядитъ на него всѣми своими звѣздами, дышетъ на него всѣмъ своимъ горячимъ благоуханіемъ. А на сердцѣ смутно, въ мысляхъ темно—и томитъ мучительная безсонница. Это все ужь было, не разъ было, и онъ даже когда-то передалъ это словами и переложилъ на музыку...

Онъ вспомнилъ слова, вспомнилъ музыку, незамѣтно, тихими, подбирающимися звуками перешелъ къ ней, глубоко вздохнулъ всей грудью—и запѣлъ:

Мучительно тянется время ночное,
Какъ жизнь одинокая, вяло, безъ цѣли...
И мрачныя думы толпой налетѣли...
И кровью заплакало сердце больное...

У него былъ сильный, хорошо обработанный теноръ, чистый и звонкій въ высокихъ нотахъ и совсѣмъ мягкій въ низкихъ. Съ этимъ послушнымъ гибкимъ голосомъ онъ могъ, какъ истинный, поддающійся вдохновенію художникъ, дѣлать что̀ угодно. Главное же, придя въ такое настроеніе, въ какомъ теперь находился, онъ совсѣмъ не замѣчалъ своей творческой работы—онъ игралъ и пѣлъ безсознательно, испытывая при этомъ сладкое и мучительное наслажденіе.

Наслажденіе это было капризно и являлось вовсе не часто, а когда его не было—Аникѣевъ не любилъ ни играть, ни пѣть, такъ какъ ему приходилось, въ такихъ случаяхъ, играть и пѣть не *свое*, но *чужое*, не вылившееся изъ собственной души его.

Для слушателей онъ оставался превосходнымъ пѣвцомъ и піанистомъ; но ему самому это было скучно.

Поэтому, съ юности много поработавъ надъ своимъ даромъ и пройдя хорошую школу, онъ никогда не выступалъ не только на театральныхъ подмосткахъ, но даже и въ большихъ концертахъ. Наталья Порфирьевна, говоря, что его музыка и пѣніе во всѣхъ смыслахъ рѣдкое удовольствіе,—сказала только правду.

До сихъ поръ было издано всего нѣсколько его романсовъ и пьесъ, настолько своеобразныхъ и настолько терявшихъ въ обыкновенномъ, *не его*, исполненіи, что они среди „публики" не могли имѣть особеннаго успѣха. Лучшія же его фантазіи не только не были изданы, но оказывались даже и не записанными: онѣ были въ немъ, онъ никому не хотѣлъ ихъ отдавать, да и законченности въ нихъ не было, потому что, исполняя ихъ, онъ каждый разъ придавалъ имъ иной видъ, включалъ въ нихъ много новаго, для него самого неожиданнаго, внезапной импровизаціи.

Когда находилъ на него мучительно-сладкій трепетъ, и дѣйствительность исчезала передъ безплотными образами—онъ, самъ того не замѣчая, импровизировалъ. Въ его мозгу внезапно создавались мѣрныя рифмованныя фразы, одѣвались переливами его голоса и пополнялись звуками инструмента, послушно оживавшаго подъ его пальцами. Потомъ онъ часто хотѣлъ вспомнить и слова, и мелодію, но не могъ этого.

Импровизировалъ онъ и теперь на нѣсколько прежнихъ словъ и мотивовъ...

... Безсонница становится мучительнѣй. Все, что отравило жизнь, все, что обмануло — встаетъ теперь въ сердцѣ неотвязнымъ, злымъ призракомъ...

Немолчные стоны тоски, униженья,
Любви опозоренной горькія слезы,
Разбитая вѣра, погибшія грезы,
Мучительный ядъ и вражды и презрѣнья...

Куда скрыться отъ этого призрака, въ чемъ найти забвенье?..

Проклятья! проклятья! безумныя муки!..
Но вдругъ... будто искра небеснаго свѣта,
Но вдругъ—будто капля тепла и привѣта,
Закралися въ душу забытые звуки...

Это все тѣ же звуки далекой чистой любви, сулившей когда-то дѣтски наивному, просившему счастья сердцу неизвѣданное и безпредѣльное блаженство. Это голосъ, нѣжный и ласковый, не умѣющій лгать и притворяться... Это она—и онъ видитъ ее такою, какою была она въ ясные дни и долгіе блѣдные вечера той далекой весны, когда вокругъ нихъ осыпàлись бѣлые лепестки со старыхъ яблонь, грушъ и вишенъ... Осыпался цвѣтъ весенній!.. и опять призракъ!..

Но жизнь все же зоветъ, зовутъ добро, правда, всѣ завѣтные идеалы. Въ нихъ—спасеніе! Кипитъ борьба, напрягаются силы—а послѣ долгихъ лѣтъ,—уставшія руки, уставшая голова, уставшее сердце и—вѣтряныя мельницы съ машущими, даже неполоманными крыльями...

Что жь остается?

И вотъ, какъ бы изъ самой глубины чернаго, душистаго мрака этой южной ночи, доносится глухой призывный голосъ. Онъ зоветъ къ наслажденію, ибо внѣ грубаго, животнаго наслажденія—ничего нѣтъ въ этомъ мірѣ...

Что-то жгучее и жуткое пробѣжало по клавишамъ рояля — и застонало, а потомъ засмѣялось злымъ, мучительнымъ смѣхомъ. Голосъ Аникѣева замеръ послѣднимъ вздохомъ на самой высокой, незамѣтно ушедшей въ безпредѣльность ноткѣ, — потомъ быстро упалъ до своихъ крайнихъ низкихъ нотъ и, дѣйствительно будто изъ глубины бездны, началъ жутко-циничный призывъ къ наслажденію...

„Боже мой! что жь это онъ такое поётъ! — вся насторожившись и въ неподдѣльномъ ужасѣ соображала Наталья Порфирьевна. — Вѣдь это ужасти! это безнравственно... и у меня!.. молодежь тутъ... Lise... маленькая княжна Ninette... другія... слушаютъ! во всѣ уши слушаютъ... и теперь Великій постъ, наконецъ! Да онъ просто съ ума сошелъ... Богъ мой, какъ я обманулась“...

Она ужь давно не видала такой неблагодарности. Она такъ обласкала его, „все поняла—и простила“, взялась его реабилитировать, — а онъ вотъ чѣмъ отплачиваетъ! „Но вѣдь это хоть и безнравственно, а дивно хорошо—то, чтò онъ поётъ, съ какою душой, съ какою страстью! Хоть бы слова-то не такъ ясно выговаривалъ...“

Она повела однимъ глàзомъ въ самыя опасныя мѣста—и увидѣла, что всѣ какъ бы парализованы, всѣ подъ обаяніемъ этихъ необычныхъ, чудныхъ звуковъ.

„Enfin! c'est un vrai artiste!“—рѣшила она, забыла свою тревогу—и слушала.

Исходящій изъ глубины бездны голосъ, сверкающими мрачнымъ огнемъ звуками, убѣждалъ:

Неизбѣжный законъ—сладострастье...
Для земного, мгновеннаго счастья
Онъ природою мудрой данъ;
Въ этомъ мірѣ безплодныхъ стремленій,
Сновъ прекрасныхъ и злыхъ пробужденій
Все иное—обманъ!
Пусть на днѣ этой чаши лишь тлѣнье—
Изъ нея ароматъ наслажденья,
Къ ней припавъ, не смущаясь ты пей.
Пусть полна она грязи и яда,
Но краса вся и неба и ада
Отразилась лишь въ ней!..

Послѣдній звукъ замеръ, слившись съ оглушительнымъ, торжествующимъ аккордомъ. Аникѣевъ поднялся будто выросшій, съ блѣднымъ какъ слоновая кость лицомъ и сверкавшими, лучистыми глазами. Нѣсколько мгновеній въ огромной гостиной стояло полное молчаніе. Никто еще не пришелъ въ себя, не шевельнулся.

— Вотъ такъ пѣніе! вотъ музыка! первый произнесъ сановный меломанъ, совершенно вышедшій изъ своей полудремоты.— Давно ужь я не испытывалъ такого художественнаго удовольствія! прибавилъ онъ тише, обращаясь къ „la bête“, оказавшемуся его сосѣдомъ.

Потомъ онъ невольно, прежнимъ привычнымъ движеніемъ, поднялъ руки и громко ими хлопнулъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ гостиной раздались и тутъ же прилично смолкли рукоплесканія.

Наталья Порфирьевна окинула всѣхъ взглядомъ, приподнялась и подошла къ Аникѣеву съ протянутой рукою.

— Спасибо вамъ, Михаилъ Александровичъ, громко сказала она, пожимая ему руку,—вы, кажется, никогда еще такъ дивно не пѣли!

Она подвела его къ только-что покинутой ею дамѣ, дотронулась до кресла, приглашая его сѣсть, и затѣмъ сдѣлала общій обходъ гостиной.

— Oui, c'est beau! говорила она то тамъ, то здѣсь,—это не-

обыкновенно хорошо... Онъ истинный артистъ, un grand artiste... И онъ имѣетъ право кой о чемъ забыть и слушаться только своего вдохновенія...

Эти слова, а главное ихъ тонъ, объявляли всѣмъ, что ничего компрометантнаго не случилось, и что позволительно только восхищаться.

IV.

— Я подумала о томъ, какое бы удовольствіе доставлялъ такой вашъ талантъ Софьѣ Михайловнѣ,—сказала дама, опуская свое рукодѣлье и останавливая на Аникѣевѣ ласковый взглядъ большихъ, спокойныхъ глазъ.

— Да, ваше —ство, моя мать очень заботилась о томъ, чтобъ я сдѣлалъ изъ моихъ музыкальныхъ способностей все, что можно... вѣдь это *ея* наслѣдство,—отвѣтилъ Аникѣевъ.

Онъ ужь очнулся отъ припадка вдохновенія и владѣлъ собою. Весь его внутренній міръ, еще за минуту кипѣвшій и наплывавшій на него со всѣхъ сторонъ, внезапно заснулъ, исчезъ, будто его никогда и не бывало. Только легкое и довольно пріятное утомленіе чувствовалось въ тѣлѣ.

Вспомнилось далекое время, когда мать давала первые уроки музыки, когда онъ такъ любилъ тихими вечерами слушать ея пѣніе. Матери давно нѣтъ, она забыта, а ужь особенно въ этомъ „большомъ свѣтѣ", гдѣ такъ скоро все забывается. И вотъ ее вспомнили!

Его собесѣдница прочла и почувствовала въ его глазахъ благодарность.

— Софья Михайловна чудесно пѣла, отозвалась она на эту благодарность.— Я какъ теперь помню... она часто бывала у насъ до своего замужества, когда мы были еще дѣтьми, да и потомъ, пріѣзжая въ Петербургъ... Мы съ сестрой ее очень, очень любили!.. И нельзя было не любить ее... Мы были такъ поражены ея слишкомъ ранней кончиной... Вѣдь вы не одни? Elle nous parlait de ses enfants...

— У меня есть и братья и сестры, ваше—ство.

— Гдѣ же они?

— Всѣхъ насъ вырвали изъ родного гнѣзда и разметали по свѣту злые вихри.

— Злые вихри! тихо повторила она,—васъ они должно-быть далеко теперь носили! нѣсколько лѣтъ не слыхали мы вашего пѣнія...

Аникѣевъ сказалъ сколько было надо о своихъ далекихъ путешествіяхъ, о своей деревенской жизни. Его слушали съ живымъ интересомъ, глядѣли на него съ очевидной добротой и симпатіей. Наталья Порфирьевна долго не прерывала этой бесѣды и была ею довольна.

Наконецъ она рѣшила, что ея „артистъ", по крайней мѣрѣ на сей вечеръ, достаточно реабилитированъ, а потому подошла именно въ то мгновеніе, когда порвалась нить разговора. Аникѣевъ почтительно уступилъ ей свое кресло и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оказался рядомъ съ княземъ Вово, который шепнулъ ему, крѣпко сжавъ его руку:

— Ну, Мишенька, удружилъ! je suis dans les nues! ужь какъ ты тамъ себѣ хочешь, а заберусь я къ тебѣ завтра же на весь вечеръ—и пой! Знаешь что̀ мнѣ сейчасъ одна дама сказала? Отъ такого пѣнія, говоритъ, и святая можетъ стать великой грѣшницей... Угадай кто?

— Это все равно, улыбаясь отвѣтилъ Аникѣевъ,—вотъ еслибъ она сказала, что великая грѣшница можетъ стать святою—тогда стоило бы еще потрудиться...

— Князь, представь меня пожалуста! любезно произнесъ, подходя, молодой человѣкъ, въ началѣ вчера увѣрявшій Вово, что Аникѣевъ—un homme qu'on ne connait pas.

Хорошенькій князь повелъ на него своими великолѣпными черными глазами, закусилъ губу и оффиціальнымъ тономъ произнесъ:

— Графъ Ильинскій, о добродѣтеляхъ котораго ты, конечно, много наслышанъ.

Важный молодой человѣкъ чуть-чуть сморщилъ брови, но тутъ же сталъ еще важнѣе.

— Къ несчастію я о добродѣтеляхъ вспоминаю только Великимъ постомъ, да и то къ вечеру, весь день провозившись съ благотворительницами, сказалъ онъ, пожимая руку Аникѣева.—Я, увы, всѣмъ въ мірѣ добродѣтелямъ предпочитаю вотъ хоть бы такое удовольствіе, какимъ вы насъ сегодня подарили, monsieur Аникѣевъ. И особенно великолѣпенъ этотъ призывъ къ наслажденью... все иное—обманъ! oui, c'est ça! но и смѣлы же вы... пропѣть такую вещь въ *этой* гостиной и, вдобавокъ, постомъ! Еслибы вы видѣли, какъ вытянулись нѣкоторыя лица... on a voulu

crier au scandale, да Наталья Порфирьевна стала всѣмъ объяснять, что для артистовъ (онъ подчеркнулъ это слово)—законъ не писанъ. Да, жестоко вы съ ней поступили...

Все это графъ Ильинскій проговорилъ съ видомъ полнѣйшаго добродушія и даже наивности.

„Экая дрянь!“ подумалъ про него князь Вово.

Аникѣевъ ничего о немъ не подумалъ; но только теперь сталъ вспоминать и соображать, что вѣдь дѣйствительно онъ пѣлъ нѣчто совсѣмъ не подходящее къ мѣсту и времени и что, конечно, поставилъ въ неловкое положеніе любезную и добрую хозяйку. Вѣдь онъ зналъ, отправляясь сюда, что долженъ будетъ пѣть и даже рѣшилъ спѣть два романса, выборъ которыхъ Наталья Порфирьевна непремѣнно бы одобрила.

Отказать ей онъ не могъ и готовился къ исполненію непріятной для него обязанности. И все шло очень хорошо. Онъ споетъ два романса и потомъ постарается какъ-нибудь незамѣтно, или подъ благовиднымъ предлогомъ, уѣхать пораньше...

Но почемъ же онъ зналъ, что увидитъ здѣсь Алину—и увидитъ „такою“! Прежняго въ немъ нѣтъ, но оно вспомнилось... Онъ ужъ не могъ пѣть приготовленныхъ романсовъ, онъ долженъ былъ пѣть то, что̀ вдругъ наполнило всю его душу и не вылей онъ всего этого въ звуки—онъ бы задохся...

Вотъ и подвелъ Наталью Порфирьевну, да и самъ сдѣлалъ большую неловкость... Хорошо еще если сочтутъ за дерзость, за нахальство, за вызовъ—а то вѣдь просто: intrus, mal élevé—и больше ничего...

Ему стало неловко и противно. Графъ Ильинскій достигъ своей цѣли.

„Поскорѣе бы отсюда! И зачѣмъ только попалъ я сюда!“ устало думалъ онъ, почти безсознательно отвѣчая на вопросы своего новаго знакомца.

Но Вово вдругъ повлекъ его куда-то.

— Съ тобой непремѣнно желаетъ познакомиться княжна Хрепелева, Ninette... она премиленькая и преумненькая... совсѣмъ ребенокъ... говорятъ этотъ Ильинскій имѣетъ у нея успѣхъ и жениться собирается... жаль будетъ, она сто̀итъ чего-нибудь получше... быстрымъ шопотомъ объяснилъ онъ, подводя Аникѣева къ маленькой, бѣленькой дѣвушкѣ, бывшей на этотъ разъ безъ своей громадной подруги и сидѣвшей въ уютномъ уголкѣ.

— Вотъ вамъ и онъ, получайте съ рукъ на руки! весело и дружески глядя на нее, проговорилъ Вово и упорхнулъ.

Она по истинѣ была очень мила, эта живая саксонская куколка, со своимъ почти еще дѣтскимъ личикомъ и большими синими глазами, горѣвшими радостью жизни, изумленіемъ и любопытствомъ. Ей недавно исполнилось восемнадцать лѣтъ и ея только-что стали вывозить эту зиму. Она очень смущалась и хотѣла казаться совсѣмъ развязной.

Ея крохотная рука черезчуръ крѣпко сжала руку Аникѣева.

— Я непремѣнно хотѣла вамъ сказать, что никогда не могла себѣ представить ничего такого. Вы какой-то волшебникъ, ваша игра, ваше пѣніе — именно: чудо. Не отвѣчайте... это вѣдь не комплиментъ и не похвала — хвалить васъ и дѣлать вамъ комплименты я не имѣю никакого права — и понимаю это. Только я думаю—вы должны знать какое впечатлѣніе производите, отъ васъ не надо, не должно скрывать этого. И потому я вамъ говорю, что я совсѣмъ какъ-то подавлена и ничего не понимаю. Я знаю только вотъ что: до тѣхъ поръ какъ вы подошли къ роялю—я была какъ всегда, а съ той минуты какъ вы отошли отъ него—я стала другая. Не знаю долго ли останется это такъ; но вы меня и восхитили и ужаснули, мнѣ хочется и смѣяться и плакать, и чего-то ужасно-ужасно жалко! вотъ!..

— Вы меня смущаете, княжна, сказалъ Аникѣевъ, любуясь ея оживленнымъ лицомъ и сверкавшими, даже какъ-то жутко сверкавшими глазами, — я вовсе не хотѣлъ производить такого сильнаго впечатлѣнія, такъ потрясать чьи-либо нервы. Я пѣлъ совсѣмъ не то и не такъ, какъ бы слѣдовало, и теперь, послѣ вашихъ словъ, особенно жалѣю объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не жалѣйте! быстро и горячо воскликнула княжна,—вѣдь такого, можетъ-быть, никогда въ жизни больше и не услышишь...

Она остановилась. Она увидѣла свою мать, величественно подходившую къ нимъ съ такимъ лицомъ, которое не предвѣщало ей ничего добраго.

— Maman... monsieur Аникѣевъ... прошептала бѣдная Ninette, опуская свои внезапно-померкшіе глаза.

Княгиня Хрепелева, дама еще красивая и такая же бѣлокурая какъ дочь, только почти на̀ голову выше ее ростомъ, окинула „артиста“ холоднымъ, какъ ледъ, взглядомъ и, на его поклонъ, отвѣтила вѣжливымъ наклоненіемъ головы. Лицо ея было

серьезно и строго, и очень ясно внушало ему, что между ними нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго.

Онъ не успѣлъ очнуться, какъ обѣ онѣ ужъ исчезли.

— Cousin, вы меня совсѣмъ не узнаёте! разслышалъ онъ за собою рѣзкій, скрипящій голосъ.

Онъ обернулся—и увидѣлъ „la bête“.

Трудно было и представить себѣ что-нибудь противнѣе этого человѣка. Его лысѣющая голова съ низкимъ и покатымъ лбомъ и съ такими шишками черепа, по которымъ френологъ узналъ бы развитіе самыхъ неблагородныхъ свойствъ, его желтоватые масляные глаза, черезчуръ тонкій носъ, оканчивающійся спускавшимся къ верхней губѣ утолщеніемъ, выдвинутая впередъ челюсть, покрытая рѣденькой и жесткой растительностью, короткое круглое туловище на тоненькихъ ножкахъ, и этотъ скрипящій, рѣзкій голосъ—все было подъ стать одно другому.

— Узнаю, князь,—отвѣтилъ Аникѣевъ,—васъ не узнать трудно, вы все тотъ же.

— Зачѣмъ же измѣняться, кривя толстыя губы въ улыбку и показывая два ряда слишкомъ ослѣпительныхъ вставныхъ зубовъ, скрипѣлъ князь.—Ну какъ же я радъ, что вы въ Петербургѣ... Вѣдь Алина здѣсь, а вы ее и не видѣли... впрочемъ вы никого не видите... вы въ эмпиреяхъ... ну, а мы всѣ только на васъ и глядѣли... Ахъ, какъ вы поёте, mon-cher, чортъ возьми какъ вы поёте! Пойдемъ же къ Алинѣ. Она вамъ намылитъ голову за то, что вотъ ужь сколько дней въ Петербургѣ, а къ намъ ни ногою! къ роднымъ-то!

Аникѣевъ могъ только съ удивленіемъ глядѣть на него, и слушать едва вѣря своимъ ушамъ: „cousin“, „къ роднымъ“—откуда подулъ этотъ вѣтеръ?

— Идемъ же! опять проскрипѣлъ „la bête“, беря его подъ руку.

V.

„La belle“ встрѣчала его своей самой прелестной и въ то же время нѣсколько загадочной улыбкой, смыслъ которой онъ, такъ хорошо когда-то изучившій это лицо, не могъ теперь разобрать. Ея рука крѣпко сжала, но тотчасъ же, даже слишкомъ поспѣшно, отпустила его руку.

— Пожалуста будь строже съ твоимъ кузеномъ, Алина; онъ,

право, заслуживаетъ отъ тебя примѣрнаго взысканія,—странно осклабляясь, не то любезнымъ, не то насмѣшливымъ тономъ проговорилъ „la bête“—и покинулъ ихъ.

Однако, „la belle“ очевидно не желала быть строгой. Она глядѣла на Аникѣева грустными и нѣжными глазами, то-есть именно тѣмъ самымъ взглядомъ, которымъ въ прежніе годы ей такъ легко было послать его на какое угодно преступленіе.

— Неужели вы дѣйствительно такъ бы и не подошли ко мнѣ, Michel, еслибъ я сама не отправила его за вами? тихо спросила она.

— Конечно!—еще тише отвѣтилъ Аникѣевъ.

— Чѣмъ же я заслужила это? я отпускала васъ какъ друга... шесть лѣтъ прошло... что же такое случилось за это время? относительно васъ я все та же...

— Вы знали, Алина, что за эти года я два раза былъ въ Петербургѣ...

— Знала, и очень бы хотѣла васъ видѣть... но тогда это было невозможно.

— Ничто не измѣнилось и теперь, развѣ вотъ, что мы встрѣтились *здѣсь*, что я пѣлъ безнравственную пѣснь и что, несмотря на это, со мною все же милостиво бесѣдовали...

— А хоть бы и такъ!.. одного желанія слишкомъ мало, надо имѣть хоть самую крохотную возможность... и вотъ я ухватываюсь за первую такую возможность. Вы ничего не понимаете, Michel, не хотите понимать, вы неисправимый идеалистъ. Ну и что-жь? вамъ тепло что ли на свѣтѣ отъ вашего идеализма, котораго, вдобавокъ, никто въ васъ и не признаётъ кромѣ меня? довольны вы жизнью? вы не говорите ужь, какъ прежде, что жизнь—страданіе?

— Все осталось по старому, только вѣдь я, если помните, никогда и не ожидалъ никакой перемѣны, сказалъ Аникѣевъ спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ.

— Да, но однако вы чего-то все ищете, вы бѣгаете за призраками счастья, говорила она и опять глядѣла на него грустными и нѣжными глазами,—вѣдь я многое о васъ знаю, я всѣ эти годы старалась какъ можно больше узнавать о васъ...

Онъ хотѣлъ сказать ей, что самое вѣрное средство узнать о немъ было—написать ему, что со дня ихъ разлуки онъ два долгихъ года ждалъ отъ нея письма, клятвенно обѣщаннаго ею. Но онъ не сказалъ ничего этого. И онъ тоже, пока не нахо-

дилъ на него „припадокъ звуковъ“, умѣлъ владѣть собою и не выдавать своихъ чувствъ и мыслей. Только этому онъ и научился какъ слѣдуетъ отъ жизни.

— Вы надолго? спрашивала Алина.

— Развѣ я когда-нибудь могу отвѣтить на такой вопросъ? Я усталъ путешествовать, усталъ скучать въ деревнѣ, пріѣхалъ сюда, взялъ квартиру на годъ—а что̀ будетъ дальше—не знаю.

— Что̀ жь—миръ и старая дружба? Пріѣдете? Когда? Будемъ говорить обо всемъ... пріѣзжайте завтра обѣдать, а теперь — отойдите.

Все это было сказано такъ, какъ только можетъ сказать женщина, навѣрное знающая, что ей ни въ чемъ не будетъ отказа.

И отказа не послѣдовало. Онъ отвѣтилъ: „хорошо“ — и послушно отошелъ.

Его взглядъ встрѣтился со взглядомъ графа Ильинскаго; но ему некогда было удивляться тому выраженію, съ какимъ глядѣлъ на него этотъ молодой человѣкъ. Притомъ же все это было очень мгновенно — мелькнула и коснулась чуткихъ нервовъ „артиста“ направленная на него изъ чужихъ глазъ злоба— и только.

Такое ощущеніе было ему давно и хорошо знакомо; онъ испытывалъ его почти всегда въ людныхъ собраніяхъ, гдѣ приходилось сталкиваться со знакомыми и полузнакомыми. Поэтому онъ и не любилъ большихъ собраній, поэтому многіе и считали его за мрачнаго нелюдима, за человѣка съ тяжелымъ, непріятнымъ характеромъ; и когда кто-нибудь изъ близкихъ его пріятелей увѣрялъ, что онъ въ сущности крайне добръ, способенъ на дѣтскую экспансивность и веселость—этому не хотѣли вѣрить.

Вообще, сталкиваясь съ новыми людьми, онъ почти всегда возбуждалъ къ себѣ внезапную симпатію или антипатію, — средины не бывало. Антипатія оказывалась несравненно чаще — и онъ всякій разъ это безошибочно и болѣзненно чувствовалъ. Но и помимо того, его чуткость, особенно въ тѣ дни, когда онъ былъ „музыкально“ настроенъ, до и послѣ „припадка звуковъ“,— оказывалась совсѣмъ необыкновенной.

Находясь въ театральной или концертной залѣ, въ многолюдномъ обществѣ, онъ очень быстро выходилъ изъ своего обычнаго спокойнаго состоянія, ощущалъ на себѣ вліяніе окружавшей его толпы, превращался въ какую-то губку, невольно вбиравшую въ себя чужія ощущенія.

Такое свойство, особенно съ тѣхъ поръ какъ онъ его сознавалъ и даже нерѣдко анализировалъ, — очень быстро его опьяняло, утомляло, доводило до мучительнаго раздраженія. Онъ возвращался домой разбитымъ, съ тяжелой головою, какъ послѣ долгой попойки, и только мало-по-малу приходилъ въ себя, освобождался отъ незримыхъ бактерій, попавшихъ въ него изъ чужихъ организмовъ.

Конечно онъ никому не разсказывалъ о такихъ своихъ странностяхъ,—вѣдь и такъ уже многіе, даже иногда самые близкіе ему люди, почему-то склонны были считать его „фокусникомъ" и не довѣрять его искренности, тогда какъ именно искренность, доходившая до наивности, была, отъ юныхъ дней, его отличительнымъ качествомъ—или недостаткомъ ..

Не будь Аникѣевъ такъ поглощенъ теперь подробностями своей встрѣчи съ Алиной, онъ больше бы обратилъ вниманія на графа Ильинскаго, такъ какъ давно ему не случалось внезапно, и безо всякаго со своей стороны желанія, создать себѣ такого врага. Этотъ важный, изящный молодой человѣкъ съ перваго взгляда почувствовалъ къ разсѣянному „артисту" самую рѣшительную злобу.

Графъ Ильинскій, несмотря на свою молодость — ему было всего лѣтъ двадцать семь или восемь,—уже начиналъ имѣть въ обществѣ и въ служебномъ мірѣ значеніе, возроставшее съ каждымъ годомъ. О немъ говорили какъ о человѣкѣ, предназначенномъ для крупной карьеры. Ни способностей, ни знаній, ни трудолюбія у него не было; но за нимъ числились самыя важныя качества: полезное родство и связи, умѣнье красиво говорить пріятнымъ голосомъ, умѣнье устраивать и поддерживать отношенія съ нужными ему людьми, отсутствіе какихъ-либо „нравственныхъ предразсудковъ", всепобѣждающая наглость и, наконецъ, мстительная зависть ко всему, что, такъ или иначе, выдѣлялось изъ сѣрой посредственности.

Съ такими качествами ему, конечно, была открыта гладкая удобная дорога, которая обѣщала привести его очень далеко и высоко.

По своимъ свойствамъ графъ Ильинскій, естественно, оказывался прирожденнымъ врагомъ всего выходящаго изъ узкихъ и строго очерченныхъ рамокъ того круга, гдѣ онъ вращался, — еслибы въ его власти было—онъ бы оградилъ этотъ кругъ та-

кой китайской стѣною, черезъ которую не имѣлъ бы доступа даже самый воздухъ.

И вотъ этотъ строжайшій „цензоръ нравовъ“, среди своего законнаго общества, да вдобавокъ еще въ гостиной Натальи Порфирьевны, увидѣлъ Аникѣева. Онъ сразу призналъ въ немъ человѣка съ чужой планеты и притомъ почему-то и чѣмъ-то выдающагося. Этого было за глаза достаточно, чтобы заставить его возмутиться. А тутъ еще какая-то, возбудившая въ свое время толки, исторія!

Графъ Ильинскій относился свысока ко всякому искусству и всѣ ихъ считалъ по меньшей мѣрѣ безполезными; но все же, послѣ импровизаціи Аникѣева, онъ не могъ не почувствовать огня и силы его оригинальнаго таланта. Тогда въ немъ поднялась обычная зависть, дошедшая до ненависти, когда онъ увидѣлъ вниманіе, оказываемое „артисту“.

Но дальше случилось уже совсѣмъ неожиданное. На сцену явилась княжна Ninette. Онъ незамѣтно подслушалъ ея горячія слова, обращенныя къ Аникѣеву, видѣлъ ея возбужденіе и восторгъ, видѣлъ какими глазами она глядѣла на „волшебника“.

Княгиня Хрепелева была не далеко. Онъ поспѣшилъ къ ней и шепнулъ что̀ надо, указавъ на возмутительный tête-à-tête княжны съ этимъ безнравственнымъ пѣвцомъ и напомнивъ о томъ кто такое этотъ Аникѣевъ „avec sa vilaine histoire“.

При этомъ онъ велъ тутъ сложную игру, и обстоятельства складывались для него неожиданно благопріятно. Аникѣевъ оказался его невольнымъ сообщникомъ.

Еще съ прошлой весны графъ Ильинскій ухаживалъ за Ninette, а въ послѣднее время, какъ всѣмъ было отлично извѣстно, состоялъ ея женихомъ, хоть еще и не объявленнымъ. Въ интимномъ кружкѣ Хрепелевыхъ знали, что свадьба будетъ лѣтомъ, что приданое невѣсты уже заказано въ Парижѣ. О томъ, что это, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, партія очень подходящая и что молодые люди неравнодушны другъ къ другу, было рѣшено и подписано.

Но вотъ уже больше мѣсяца какъ въ мысляхъ Ильинскаго произошла рѣшительная перемѣна. Онъ увидѣлъ, что, выбравъ Ninette, чуть было не сдѣлалъ непоправимой ошибки. Любви или чего-либо подобнаго у него не было къ этой прелестной дѣвушкѣ. Сначала, рѣшивъ, что ему слѣдуетъ именно теперь жениться, что пришло время, когда этого требуютъ планы даль-

нѣйшаго преуспѣянія на житейскомъ поприщѣ, онъ считалъ Ninette самой подходящей невѣстой. Онъ взвѣсилъ ея красоту и юность, цифру ея приданаго, новыя связи, приносимыя ему этимъ бракомъ,—и всего этого оказалось достаточно.

Сближеніе ихъ, уже въ качествѣ жениха и невѣсты, привело его однако къ тревожнымъ вопросамъ. Онъ видѣлъ, что Ninette увлекается имъ больше и больше; но въ то же время, пристально ее разглядывая, подмѣчалъ въ ней нѣкоторыя свойства характера, идущія въ разрѣзъ съ его планами. Несмотря на свою крайнюю юность, маленькая княжна была, какъ говорится, „съ душкомъ“, проявляла самостоятельность и упорство.

Главное же—направленіе ея самостоятельности и упорства было отвратительно жениху. Она именно отрицала то, что онъ признавалъ—и обратно. Она всѣмъ своимъ юнымъ существомъ возмущалась не только китайскими стѣнами, но и менѣе прочными перегородками, отдѣляющими ея ограниченный міръ отъ остального безпредѣльнаго Божьяго міра. Она чувствовала себя въ клѣткѣ и рвалась на просторъ, къ солнцу, хоть и не знала, гдѣ это солнце и какіе пути ведутъ къ нему.

Когда маленькая княжна признала въ себѣ что-то особенное, новое, повлекшее ее къ этому красивому и важному молодому человѣку, о которомъ всѣ отзывались съ такимъ одобреніемъ, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе и родители ея дали свое согласіе,—она рѣшила, что очень счастлива. Она вдругъ стала взрослой и получила право громко говорить обо всемъ, о чемъ до сихъ поръ молчала и только про себя думала.

У нея явился слушатель. Кому же ей и говорить все-все, какъ не ему! Онъ долженъ все знать, всѣ ея мысли. А такъ какъ этихъ мыслей, безпорядочныхъ и горячихъ, накопилось много въ быстро работавшей головкѣ, она и говорила, говорила безъ умолку въ тѣ рѣдкіе часы, когда свѣтская жизнь, разгаръ сезона, позволяли имъ оставаться вмѣстѣ подъ надзоромъ княгини или старой Англичанки.

Женихъ внимательно слушалъ и съ каждымъ разомъ все больше и больше возмущался направленію мыслей своей невѣсты и несомнѣннымъ признакамъ ея упорства, подмѣченнаго имъ въ разныхъ случаяхъ.

Онъ никакъ не ожидалъ ничего подобнаго. Вѣдь Хрепелевы совсѣмъ безукоризненно порядочные люди; Ninette, ея двѣ младшія сестры и братъ — хорошенькій пажикъ,—воспитываются по

самой лучшей программѣ. Откуда же взялось все это? Значитъ оно сидитъ въ самой природѣ Ninette, значитъ она, такая изящная и безупречная по внѣшности, въ сущности — нравственный уродъ. Положимъ, она очень молода еще, почти ребенокъ, ее можно вылѣчить.. но вѣдь это цѣлая возня, и ему вовсе некогда заниматься перевоспитаніемъ жены...

Неизвѣстно къ какимъ рѣшеніямъ пришелъ бы графъ Ильинскій, еслибы въ свѣтѣ не появилась невѣста, несравненно болѣе выгодная во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ Ninette, и уже безо всякихъ нравственныхъ недостатковъ, о чемъ она сама и заявляла съ первыхъ же словъ. Такая невѣста появилась—и графъ рѣшилъ, что необходимо спастись отъ Ninette, пока это еще не поздно.

Положеніе его было трудно и щекотливо. Требовалось дѣйствовать крайне осторожно, такъ, чтобъ остаться на высотѣ своей репутаціи и даже, по возможности, еще больше ее возвысить въ глазахъ „порядочныхъ" людей.

До сихъ поръ это неудавалось, да и времени было слишкомъ мало.

Сейчасъ же вотъ, вслушиваясь въ „неприличныя и глупыя" слова Ninette, вглядываясь въ выраженіе ея глазъ, устремленныхъ на Аникѣева, графъ почувствовалъ, что рѣшительный мигъ насталъ и что надо ковать желѣзо, пока оно горячо.

Его внезапная ненависть и зависть къ „артисту" осложнились новымъ еще ощущеніемъ. Это ощущеніе было — ревность къ дѣвушкѣ, которую онъ не любилъ, отъ которой хотѣлъ отказаться. Она, по его мнѣнію, дѣлала именно то, что давало ему въ руки необходимое противъ нея оружіе,—а онъ негодовалъ на нее, злился и ревновалъ. Впрочемъ это была, конечно, не настоящая ревность; а исключительно одно самолюбіе, которое и всегда-то составляетъ чуть ли не девять десятыхъ самой даже законной ревности.

VI.

Между тѣмъ настало время собравшимся въ этой гостиной испытать новое эстетическое наслажденіе. Молодой дипломатъ, съ лицомъ, похожимъ на блѣдную загадочную маску и съ очень солидной лысиной, славившійся не столько дипломатическими способностями, сколько мастерскимъ чтеніемъ французскихъ pro-

verbes и эффектныхъ монологовъ, — обратилъ на себя общее вниманіе.

Съ книжкой въ рукѣ, кидая направо и налѣво объяснительныя фразы, онъ подошелъ къ столу, выдвинутому по сосѣдству съ роялемъ, непринужденно подсѣлъ къ нему, удобнѣе перемѣстилъ подсвѣчникъ съ четырьмя свѣчами, прикрытыми длиннымъ абажуромъ—и выжидалъ пока всѣ займутъ свои мѣста.

Въ гостиной водворилось молчаніе. Тогда онъ началъ чтеніе небольшой пьесы, пересыпанной блёстками французскаго остроумія и съ совершенно неуловимымъ содержаніемъ. Молодой лысый дипломатъ оказывался на высотѣ своей репутаціи — онъ читалъ отлично, гармонія его „дипломатическаго“ французскаго языка была удивительна.

Дамы болѣе или менѣе прилежно занимались своимъ рукодѣльемъ и, послѣ каждой особенно яркой блёстки остроумія, обмѣнивались легкими одобрительными улыбками. Сановный меломанъ надѣлъ темное pince-nez, чтобы удобнѣе закрывать глаза. Нижняя его челюсть отвисла, онъ скоро самъ себя поймалъ на легкомъ всхрапѣ, тряхнулъ головою, скинулъ pince-nez и уныло повелъ вокругъ себя почти безжизненными глазами. Глядя на его томительную борьбу съ усталостью и сномъ, на его очевидныя мученія, никакъ нельзя было понять — зачѣмъ же онъ здѣсь, когда ему совсѣмъ необходимо быть въ постели.

„La belle“ сидѣла на видномъ мѣстѣ, облитая мягкимъ свѣтомъ, въ застывшей позѣ, и каждый завитокъ ея волосъ, каждая складка ея тяжелаго платья говорили: „любуйтесь мною.“ Было не мало глазъ, слушавшихся этого приказа и невольно любовавшихся ею. Аникѣевъ старался не глядѣть на нее; но не всегда могъ справиться съ собою—слишкомъ ужь много возбуждала она въ немъ жгучихъ и печальныхъ воспоминаній.

Графъ Ильинскій помѣстился не далеко отъ Ninette и наблюдалъ за нею. Онъ хорошо видѣлъ, что она вовсе не слушаетъ чтенія, что ея возбужденіе вовсе не прошло, а только еще усилилось. Онъ никогда не видалъ ее такой: глаза неестественно горятъ, румянецъ то ярко вспыхиваетъ, то совсѣмъ потухаетъ, смѣняясь блѣдностью, грудь высоко, нервно дышетъ. Онъ стискиваетъ зубы и мысленно повторяетъ: „вотъ какъ! тѣмъ лучше!“

Князь Вово вынулъ крошечную записную книжку, съ веселостью школьника въ нѣсколько штриховъ карандаша рисуетъ удачныя и смѣшныя изображенія то того, то другого изъ присутствую-

цахъ, вырываетъ листки изъ книжки и передаетъ ихъ сосѣдямъ. Листки таинственно ходятъ по рукамъ, вызывая улыбки и производя легкій безпорядокъ.

Всевидящая Наталья Порфирьевна замѣчаетъ это, понимаетъ въ чемъ дѣло и едва замѣтно грозитъ ему пальцемъ, только поощряя его этимъ къ дальнѣйшему вдохновенію. Лысый читающій дипломатъ съ тонкой улыбкой на растянутыхъ губахъ, а также ведущій отчаянную борьбу со сномъ меломанъ—вышли особенно удачно.

Вово принялся за почтенную старушку, бывшую лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ украшеніемъ петербургскихъ салоновъ, а теперь составлявшую ихъ неизбѣжную принадлежность, когда чтеніе закончилось и гостиная, вся какъ бы всколыхнувшись, оживилась.

Дипломатъ, на своемъ изысканномъ языкѣ, довольно громко излагалъ дамамъ свои взгляды на новѣйшую французскую литературу. Онъ разъяснялъ стремленія различныхъ новаторовъ. Далеко было слышно:

— On a imaginé un nombre incalculable d'essentielles bagatelles qui obscurcissent le fond unique et réel de toutes choses... Le rêve du Vrai!.. Le Beau!.. Mais d'abord, qui sait s'il existe? Est-il dans les objets ou dans notre esprit? L'idée du Beau, ce n'est peut-être qu'un sentiment immédiat, irraisonné, personnel, qui sait?.

Наконецъ онъ сообразилъ, что лекція не входитъ въ программу сегодняшняго вечера, да къ тому же немного сбился — и начиналъ забывать что же дальше...

— Enfin, est-ce la décadence, la vraie, ou l'aurore du jour nouveau?—заключилъ онъ свои фразы вопросомъ и затѣмъ, уже по-русски, прибавилъ: — пока, мнѣ кажется, слѣдуетъ воздержаться отъ опредѣленнаго отвѣта, надо имъ дать время совершенно высказаться... но все-таки тутъ есть что-то... что-то смущающее!

Дамы не стали возражать противъ этого.

Французское чтеніе значительно сократило время. Слишкомъ затягивать великопостный вечеръ было нельзя, и черезъ нѣсколько минутъ общество, уже бодрѣе и оживленнѣе переговариваясь, открыло шествіе къ ужину. Аникѣевъ встрѣтился со взглядомъ Алины—и очень ясно прочелъ въ этомъ взглядѣ, что она хотѣла бы имѣть его за ужиномъ своимъ кавалеромъ, но что

если онъ вздумаетъ подойти къ ней, онъ сдѣлаетъ глупость и будетъ наказанъ за это. Его отвѣтный взглядъ долженъ былъ ее успокоить. Онъ не претендовалъ на такую честь и даже рѣшилъ, что какъ можно дальше отъ нея сядетъ.

Передъ нимъ мелькнула прелестная фигурка Ninette, но онъ не успѣлъ еще сообразить, какая была бы съ его стороны безтактность и жестокость, еслибъ онъ повелъ эту свою новую поклонницу къ ужину, —какъ она уже прошла мимо него подъ руку съ графомъ Ильинскимъ.

Сама Наталья Порфирьевна, обо всемъ думавшая и заботившаяся, нашла для своего „артиста“ *настоящую* даму. Незамѣтнымъ образомъ направила она его къ madame Туровой. Это, какъ и всегда, съ ея стороны было умно и въ интересахъ обѣихъ сторонъ.

Madame Турова, уже далеко немолодая, но интересная женщина, жена одного изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ, могла очень и очень пригодиться Аникѣеву въ смыслѣ его дальнѣйшей реабилитаціи.

Она сама считалась превосходной піанисткой—по крайней мѣрѣ старикъ Гензельтъ оставилъ ей репутацію своей лучшей ученицы. Ея характеръ и положеніе ставили ее выше всякихъ возможныхъ и невозможныхъ сплетенъ, и она имѣла право позволять себѣ, какъ и Наталья Порфирьевна, интересоваться кѣмъ угодно. Она уже немного знала Аникѣева въ прежнее время и ставила его очень высоко, понимала всю оригинальность его таланта.

Проходя съ нею длинной галлереей, увѣшанной и уставленной произведеніями стариннаго искусства, въ глубинѣ которой, за рѣзной дубовой дверью, помѣщалась столовая, Аникѣевъ сразу почувствовалъ себя непринужденно. Онъ понялъ, что съ этой женщиной нечего бояться скуки. Она не станетъ вынимать изъ кармана болѣе или менѣе избитыхъ фразъ, не заставитъ придумывать приличныхъ отвѣтовъ на обычные комплименты. У нея, въ сужденіяхъ объ искусствѣ, есть кое-что свое, продуманное, пережитое ею, а потому, во всякомъ случаѣ, интересное.

Она, съ первыхъ же словъ, и сказала ему, что очень понимаетъ его артистическое отшельничество, что по достоинству цѣнитъ и уважаетъ въ немъ его исключительное во всѣ времена, а ужъ тѣмъ болѣе въ наше время, равнодушіе къ толпѣ, къ успѣху, къ извѣстности.

— Я, кажется, въ первый еще разъ слышу подобное одобре-

ніе!—весело улыбнувшись воскликнулъ Аникѣевъ.—Меня обыкновенно упрекаютъ именно за это „артистическое отшельничество“, находятъ его нелѣпымъ. Но я не хочу оставлять васъ въ заблужденіи относительно его настоящей причины. Я думаю, что тутъ у меня вовсе не равнодушіе...

— Не страхъ же! не трусость? ихъ у васъ быть не можетъ!

— Почемъ знать, бываютъ разныя причины страха. Вѣдь мы всѣ, если строго разбирать, не совсѣмъ нормальны—у каждаго есть какой-нибудь „пунктикъ“, навязчивая, преслѣдующая идея, и пунктики эти многочисленны и разнообразны. Иныхъ вотъ преслѣдуетъ страхъ смерти; кого-нибудь можетъ преслѣдовать „страхъ жизни“ въ смыслѣ вѣчнаго волненія, суеты, ожесточенной борьбы, столкновенія страстей, интересовъ, этой вѣчной трагикомедіи...

Madame Турова повернула къ нему свое поблекшее, но очень пріятное лицо и внимательно глядѣла на него умными глазами. Она чувствовала, что онъ говоритъ искренно и серьезно. Это вѣдь такая рѣдкость. Разговоръ завязался даже, пожалуй, слишкомъ крѣпко для времени и мѣста.

VII.

Громадная столовая, въ строго выдержанномъ стилѣ, вся изъ темнаго дуба, встрѣчала проголодавшихся гостей Натальи Порфирьевны, уже давно имъ знакомымъ, красивымъ величіемъ. Весело затопленный въ ея глубинѣ каминъ, своими очертаніями и размѣрами, переносилъ воображеніе въ какой-нибудь, художественно реставрированный, средневѣковой зáмокъ.

Огни высокихъ тяжелыхъ канделябровъ выдѣляли, по темнымъ стѣнамъ, матовый блескъ разнообразной серебряной утвари, огрóмная коллекція которой, носившая на себѣ слѣды многихъ поколѣній, была одною изъ рѣдкостей этого дома.

Ужинъ оказался сервированнымъ на нѣсколькихъ небольшихъ круглыхъ столахъ, уютно размѣщенныхъ недалеко отъ камина. Такъ всегда бывало у Натальи Порфирьевны во время ея интимныхъ собраній, когда число приглашенныхъ не превышало сорока, самое бóльшее пятидесяти человѣкъ. Лакеи въ чулкахъ и башмакахъ, съ гербомъ Вилимскихъ-Талубьевыхъ на пуговицахъ, подъ командой почтеннаго дворецкаго, до неприличія похо-

жаго на хорошіе портреты Гёте въ старости, артистически и безшумно дѣлали свое дѣло.

Аникѣевъ и его дама продолжали, съ видимымъ интересомъ, отвлеченную бесѣду, не забывая однако тонкаго ужина Натальи Порфирьевны и осторожно отдавая должную дань винамъ ея домашняго погреба. Этотъ погребъ былъ гордостью отсутствовавшаго хозяина—Улисса, нарочно объѣзжавшаго ежегодно всѣ мѣста Европы, славящіяся лучшими винами. Погребъ то и дѣло пополнялся новыми сокровищами, а изъ самой глубины его, по реестру за собственноручной подписью хозяина, въ дни званыхъ обѣдовъ и ужиновъ, появлялись на свѣтъ такіе „старички", какихъ нельзя было найти нигдѣ въ Петербургѣ.

Аникѣевъ былъ доволенъ, что „la belle" далеко отъ него и онъ даже ея не видитъ. Это дало ему возможность, сдѣлавъ надъ собой усиліе, о ней не думать. Но оказалось другое отвлеченіе и отъ разговора съ madame Туровой, и отъ превосходнаго ужина и отъ рѣдкихъ винъ. Очень близко отъ него, за сосѣднимъ столомъ и, вдобавокъ, такъ, что ему не надо было повертывать головы для того, чтобы ее видѣть,—сидѣла Ninette.

Ихъ взгляды то и дѣло встрѣчались.

Аникѣевъ и въ болѣе юномъ возрастѣ не былъ фатомъ, а ужь особенно сегодня вовсе не думалъ о томъ, чтобы „культивировать" впечатлѣніе, произведенное его игрою и пѣніемъ на молоденькую дѣвушку. Онъ уѣдетъ черезъ часъ изъ этого дома и можетъ-быть никогда больше не встрѣтится съ нею, ничуть о томъ не жалѣя.

Мало ли юныхъ сердецъ и пылкихъ воображеній зачаровывалъ онъ своимъ искусствомъ, дѣйствующимъ непосредственно. Только вѣдь это недолговѣчныя чары: замерли волшебные звуки, въ которыхъ выливается душа его—и съ каждой минутой слабѣетъ и слабѣетъ ихъ власть, ихъ вліяніе.

Ninette очень мила и граціозна; въ ней чувствуется, особенно рѣдкое среди этого свѣта, что-то цѣльное, нетронутое, чистое... Но стóитъ ему допустить въ себѣ ощущеніе женскаго обаянія—и его тотчасъ же влечетъ совсѣмъ иная красота, имѣщая очень мало общаго съ дѣвственной чистотою.

Отчего же онъ не можетъ оторваться отъ Ninette и то и дѣло глядитъ на нее съ возрастающей тревогой? Его чуткіе нервы все громче и громче подсказываютъ ему, что непремѣнно, вотъ-вотъ сейчасъ, должна случиться какая-нибудь бѣда съ этимъ пре-

лестнымъ полуребенкомъ. Не онъ одинъ глядитъ на нее и ее видитъ; но никто ничего не замѣчаетъ.

Еслибъ онъ только могъ, онъ сейчасъ бы кинулся къ ея матери и шепнулъ ей: „скорѣй, скорѣй увозите вашу дочь, не то ей непремѣнно грозитъ здѣсь какая-то бѣда“. Онъ до такой степени, наконецъ, увѣренъ въ неминуемости этой бѣды, что не сталъ бы думать о себѣ, еслибы такой его поступокъ могъ достигнуть цѣли. Но онъ отлично зналъ, что только сдѣлаетъ себя общимъ посмѣшищемъ и вдобавокъ скомпрометируетъ дѣвушку, возбуждавшую его жалость...

Зачѣмъ же пришла эта глупая мысль? зачѣмъ не уходитъ мучительное, назойливое, почти непреодолимое желаніе идти къ такъ враждебно взглянувшей на него женщинѣ и шепнуть ей слова, которыя, на законномъ основаніи, будутъ приняты всѣми за неслыханную дерзость или прямое доказательство его сумасшествія? Такъ и тянетъ, такъ и тянетъ!..

„Вотъ одна изъ причинъ моего „отшельничества“, подумалъ Аникѣевъ,—„вѣдь пожалуй братъ Николай и правъ, когда вертитъ пальцемъ у лба и объявляетъ, что у меня „въ этомъ мѣстѣ—того... не всѣ дòма!... да, пожалуй онъ и правъ!..“

И какъ бы для того, чтобы вѣрнѣе доказать себѣ это, онъ тихо сказалъ madame Туровой:

— Взгляните на княжну Хрепелеву, вы не находите въ ней чего-нибудь особеннаго?

Madame Турова съ удивленіемъ посмотрѣла сначала на него, а потомъ на Ninette.

— То-есть какъ это—особеннаго? спросила она.

— Мнѣ кажется... она, вотъ теперь, не такая, какъ всегда, какъ была ну часъ что ли тому назадъ... Она въ какомъ-то неестественномъ возбужденіи, будто въ горячкѣ... можетъ-быть она больна, только еще сама не понимаетъ или не хочетъ понимать этого...

Madame Турова нѣсколько мгновеній очень внимательно всматривалась въ дѣвушку, которая, замѣтя ея взглядъ, ей совсѣмъ по-дѣтски улыбнулась, не прерывая своего оживленнаго разговора съ графомъ Ильинскимъ и съ красивымъ флигель-адъютантомъ, сидѣвшимъ по другую ея сторону.

— Какія, однако, у васъ мрачныя и, полагаю, на этотъ разъ невѣрныя наблюденія! сказала madame Турова, слегка пожавъ плечами и усмѣхаясь. — За что вы хотите уложить въ постель,

и даже надѣляете горячкой эту хорошенькую княжну? Она, конечно ужь, гораздо здоровѣе насъ съ вами. У нея горячка юности и здоровья, а можетъ-быть, почти даже навѣрно, и счастья... Она очень мила и не можетъ не нравиться художнику, поэтому вамъ лучше совсѣмъ не смотрѣть на нее, car, vous savez, puisque tout le monde le sait: la place est prise...

Между тѣмъ Аникѣевъ былъ правъ.

Возбужденіе маленькой княжны достигало высшаго предѣла, становилось болѣзненнымъ, истеричнымъ. Здоровая и выносливая, несмотря на свою кажущуюся хрупкость фарфоровой куколки, она все-таки съ дѣтства была всегда очень нервна и впечатлительна. Сегодня же у нея весь день гуляли нервы. Она, изъ-за какого-то пустяка, чуть не поссорилась со своей шестнадцатилѣтней сестрой, Кэтъ, которую особенно нѣжно любила. Ее заставили надѣть на вечеръ не то платье, какое она хотѣла. Наконецъ, уже передъ самымъ выѣздомъ, она вдругъ, сама не зная почему, всплакнула. Все это было очень глупо и совсѣмъ на нее не похоже. Она разсердилась на себя; но что-то давило ей грудь, подступало къ горлу, точно клубокъ какой.

Потомъ, когда она вошла въ гостиную Натальи Порфирьевны, все какъ рукой сняло. Ей сдѣлалось даже необыкновенно легко и весело. Женихъ показался ей особенно красивымъ, и она трепетно чувствовала его присутствіе. Князь Вово, ея старый другъ и пріятель,—она его часто называла даже своей „подругой“,—былъ, какъ и всегда, милъ и забавенъ. Всѣ, начиная съ Натальи Порфирьевны, относились къ ней такъ ласково и внимательно.

Но эта игра, это страшное, волшебное пѣніе Аникѣева! Оно осталось въ ней—и звучитъ, звучитъ, наполняя ее трепетомъ, восторгомъ и ужасомъ... Онъ, конечно, не такой человѣкъ, какъ другіе; но что же въ немъ — добро или зло? Ей такъ хотѣлось послушать, что онъ будетъ говорить ей, хотѣлось понять, разглядѣть...

А тутъ мама... съ такимъ лицомъ... такъ холодно, такъ обидно отнеслась къ нему... А потомъ ей выговоръ—тихо, кратко, такъ что никто, разумѣется, не замѣтилъ; но какія слова: „ты бы сама могла понимать, что̀ для тебя прилично, и что нѣтъ“. Больше ничего; но вѣдь, кажется, черезчуръ довольно и слишкомъ ясно! За что̀ же это?! Неприлично поблагодарить ce grand artiste (сама Наталья Порфирьевна такъ его называетъ) за его волшебное пѣніе, пожать ему руку, поговорить съ нимъ!..

Она никакъ не можетъ примириться съ такой очевидной и злой несправедливостью... она ни за что не уступитъ, она будетъ спорить съ мама и докажетъ ей, да, докажетъ, что не сдѣлала ничего неприличнаго, а напротивъ, напротивъ!

— Графъ!.. вдругъ обратилась она къ Ильинскому, совершенно безсознательно выпивая почти залпомъ рюмку густого, душистаго вина, которую онъ ей подставилъ,—вы вѣдь знакомы съ Анпкѣевымъ... я видѣла какъ вы съ нимъ говорили...

— Такъ что же?

Онъ покосился на нее, и въ глазахъ его мелькнуло самое злое выраженіе.

— Я очень прошу васъ уговорить мама и привезти его къ намъ, если только онъ захочетъ... Я непремѣнно должна еще разъ слышать его пѣніе, чтобы понять...

— Что̀ вы такое говорите! какъ бы съ ужасомъ прошепталъ ей Ильинскій.—Бога ради тише... я просто не вѣрю ушамъ своимъ... Я увѣренъ, что княгиня сильно раскаявается, что повезла васъ на этотъ ужасный вечеръ...

Маленькой княжнѣ сдѣлалось душно и жарко. Кровь быстро прилила ей въ голову и въ виски застучало. Въ то же время она почувствовала сильную жажду, у нея совсѣмъ пересохло горло.

— Я васъ не понимаю, Жоржъ, прошептала она,—тутъ просто какая-то тайна... пожалуста объясните мнѣ ее...

Графъ Ильинскій въ это время потянулся, чтобы взять ея тарелку, такъ какъ увидѣлъ возлѣ своего плеча подаваемое блюдо.

— Нѣтъ, нѣтъ, не кладите! поспѣшно сказала Ninette.

— Но вѣдь вы совсѣмъ ничего не кушаете, вы какъ есть ни до чего не дотронулись...

— У меня сегодня никакого аппетита, я и обѣдала плохо... А вотъ пить ужасно хочется...

„Бабочка сама летитъ въ сѣтку!“ подумалъ графъ Ильинскій, указывая на стаканъ стараго бургундскаго, его стараніями стоявшій передъ нею.

— Да вѣдь это вино! вы знаете—я не люблю вина... и оно, навѣрно, крѣпкое.

— Нѣтъ, это слабое вино и очень вкусное, оно освѣжаетъ, попробуйте.

Она поднесла стаканъ къ губамъ, сдѣлала глотокъ и кивнула головой.

— Правда, очень вкусно!

Она, не отрываясь, медленно выпила до дна.

— Хотите еще?

Онъ оглянулся, лакей уловилъ его взглядъ и стаканъ снова полонъ.

— Вы увѣрены, что это не крѣпко? спрашивала она.

— Для меня не существуетъ крѣпкихъ винъ, да вѣдь вы же сами должны были почувствовать слабо оно или крѣпко.

— Кажется - нѣтъ, очень вкусно... и я такъ пить хочу!

Флигель-адъютантъ, все время разговаривавшій со своей дамой, повернулъ голову къ Ninette.

— Это очень крѣпкое вино, княжна, особенно съ непривычки,—серьезно сказалъ онъ.

Ея стаканъ уже былъ пустъ.

Сидѣвшій за тѣмъ же столомъ напротивъ чтецъ-дипломатъ поглядывалъ на нее, и выраженье его глазъ, его не то насмѣшливая, не то плотоядная усмышка, кривившая кончики тонкихъ губъ, ясно говорили: „fichtre! ça promet!“

Но она, кажется, даже и не подозрѣвала его существованія. У нея начинала кружиться голова, мысли путались, хотѣлось то заплакать, то засмѣяться.

— Да! вспомнила она,—объясните же мнѣ, Жоржъ, эту тайну... почему... почему вы называете этотъ вечеръ ужаснымъ... и мама разсердилась...

— Вы все о томъ же! съ недоброй улыбкой произнесъ графъ Ильинскій,—вы ставите, однако, меня въ очень странное положеніе и я, право, не знаю что̀ думать... завтра я буду у васъ... мы обо всемъ потолкуемъ если угодно, сегодня же вы въ такомъ... настроеніи...

— Въ какомъ, въ какомъ?..

Ея голова кружилась все больше и больше. Она хотѣла говорить, но языкъ сдѣлался какимъ-то деревяннымъ. Вдругъ вернулось ощущеніе клубка, поднимающагося къ горлу. Это было такъ мучительно, такъ невыносимо, и притомъ же ей ясно почувствовалось, что она обижена, оскорблена и не въ силахъ вынести этой обиды. Она поблѣднѣла какъ мертвая, откинулась на высокую спинку стула, взвизгнула не своимъ голосомъ, дико захохотала. Хохотъ тотчасъ же перешелъ въ громкія, отчаянныя рыданія.

Впечатлѣніе было произведено—настоящее.

VIII.

Всѣ встали со своихъ мѣстъ и растерянно глядѣли другъ на друга. Княгиня Хрепелева, съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ, кинулась къ дочери.

— Боже мой, что̀ жь это съ нею?! отчаянно повторяла она.— Вѣдь никогда, никогда ничего подобнаго не бывало... au nom du Ciel!.. que faut-il faire... je perds la tête!..

Откуда-то появился стаканъ воды. Княгиня, дрожавшей рукою, разливая воду на шею и платье дочери, старалась заставить ее выпить. Наталья Порфирьевна протягивала флакончикъ съ англійской солью и громко шептала: „Ah! la cherie! la pauvre petite!“

Но ея святая полуулыбка исчезла, ея лицо становилось все мрачнѣе. Вѣдь и у нея въ домѣ „никогда ничего подобнаго не бывало“!

Дамы и мужчины безцѣльно суетились.

Бѣдная княжна Ninette извивалась и билась, какъ рыбка, выброшенная на песокъ, оглашая громадную столовую порывами истерическаго хохота и рыданій.

Графъ Ильинскій и Аникѣевъ, не сговариваясь, внезапно и рѣшительно подошли къ ней, подняли ее и, крѣпко держа, понесли. Наталья Порфирьевна спѣшила впереди; княгиня, окруженная нѣсколькими дамами, то и дѣло спотыкаясь, вся въ слезахъ, замыкала это шествіе.

Княжна все билась, вырывалась, кричала: „душно! душно!.. пустите!“ Аникѣевъ, крѣпко охвативъ ея тонкую талію, дѣлалъ послѣднія усилія, чтобы не выпустить ее изъ рукъ. Наконецъ онъ возмутился и вознегодовалъ на нее, на себя, на всѣхъ и на все.

— Перестаньте! замолчите! успокойтесь!—произнесъ онъ раздраженнымъ и повелительнымъ голосомъ.

Ninette широко открыла глаза, увидѣла и узнала возлѣ своего лица его лицо, его строгіе блестящіе глаза. Она внезапно стихла, вѣки опустились, тѣло ея вытянулось, руки повисли. Еслибы не порывистое дыханіе — ее можно было бы принять за мертвую...

Въ столовой безпорядокъ продолжался. Великолѣпный старикъ-дворецкій, похожій на Гёте, неслышно ступая, подходилъ

то къ тому, то къ другому и почтительно приглашалъ къ столамъ. Но его никто не слушалъ. То тамъ, то здѣсь слышалось: „нашъ нервный вѣкъ“, „la grande hystèrie“, „Шарко“, „гипнотизмъ“.

— L'hystèrie! mais voyons! y est elle pour quelque chose, quand la petite demoiselle s'est tout bêtement grisée! конфиденціально сообщилъ чтецъ-дипломатъ стоявшему возлѣ него „la bête“.

— Allons donc!—съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, но радостно воскликнулъ „la bête“, сразу оживляясь.

— Quand je vous le dis! я, да и не я одинъ, многіе видѣли какъ она, будто воду, осушала старый „Кло“ стаканъ за стаканомъ... Ну, думаю, молодецъ! обѣщаетъ! — et v-la! trop verte!

— Tiens! c'est joli... прелесть!

„La bête“ тихонько отошелъ отъ дипломата—и черезъ двѣ-три минуты не оставалось никого, кто бы не зналъ въ чемъ дѣло.

Теперь повторялось:

„Ну, что жь княгиня! сама виновата — такъ дѣтей не воспитываютъ!..“

„Кого жаль, такъ это Ильинскаго... вѣдь онъ, кажется, былъ серьезно неравнодушенъ... всѣмъ извѣстно—женихъ... и приданое заказано... свадьба весною“...

„Да неужто онъ послѣ этого женится?! вѣдь онъ долженъ понимать... Это было бы и съ его стороны непростительно... Нѣтъ, онъ благоразуменъ... et tout le monde sera de son coté... vous savez—il y a des choses... des choses...“

Князь Вово пробовалъ было заступаться за бѣдную Ninette.

— Ecoutez... c'est trop méchant!—горячо толковалъ онъ.—Она вѣдь еще такой ребенокъ...

— Tant pis!—возражали ему.

— Да тутъ вовсе не вино,—не сдавался онъ, —причемъ тутъ вино! просто нервы... ну тамъ, можетъ-быть, корсетъ слишкомъ затянутъ... que sais-je! право нельзя же! И еслибы даже такъ, вѣдь Ильинскій былъ рядомъ съ нею, это было его дѣло остановить... развѣ она понимаетъ!...

— Всѣ знаютъ, князь, что вы не изъ друзей Ильинскаго, но теперь онъ въ такомъ положеніи... его и не друзья пожалѣть могутъ! замѣтилъ кто-то.

Вово долженъ былъ замолчать. Онъ хорошо понималъ, что не ему измѣнить внезапно сложившееся мнѣніе свѣта. Какъ бы ни было нелѣпо это мнѣніе, разъ оно установлено, съ нимъ ничего

не подѣлаешь, пока оно само собою, такъ же неожиданно и быстро какъ создалось, не разсыпется безъ слѣда и помина.

Одинъ только флигель-адъютантъ дѣйствительно слышалъ, видѣлъ и понималъ все происшедшее. Но Ильинскій былъ ему очень нуженъ для его собственныхъ, личныхъ дѣлъ, и онъ не могъ наживать себѣ въ немъ врага: это было бы ужь черезчуръ глупо. Поэтому онъ запретилъ себѣ думать объ этомъ вздорѣ и рѣшительно сводилъ разговоръ со своей дамой на посторонніе предметы.

Появилась Наталья Порфирьевна, соболѣзнующая, разстроенная и въ то же время очевидно скрывающая свое законное раздраженіе.

Едва вступивъ въ столовую и ни съ кѣмъ не сказавъ еще и двухъ словъ, она уже, какимъ-то таинственнымъ способомъ, была увѣдомлена обо всемъ.

— Elle est à plaindre, cette jeune personne,—многозначительно сказала она,—она больна, бѣдняжка... это очень, очень жаль, но...

Она не договорила. Ея „но“ было окончательной, безаппелляціонною конфирмаціей составленнаго здѣсь приговора...

Минутъ черезъ десять въ картинной галлереѣ Аникѣевъ нагналъ хорошенькаго князя, быстро, почти скользя, стремившагося въ своихъ маленькихъ башмачкахъ по мозаичному паркету.

— Вово, сказалъ Аникѣевъ,—мнѣ какъ-то не по себѣ и просто жутко моего одиночества... мы такъ давно не видались... поѣдемъ ко мнѣ...

— Милый, avec plaisir!—отвѣтилъ князь, беря пріятеля подъ руку.

Они спустились съ лѣстницы, надѣли шубы, вышли на подъѣздъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями. Вово усадилъ Аникѣева въ свою карету, спросилъ адресъ, повторилъ его кучеру и захлопнулъ за собой дверцу. Прозябшія лошади помчались.

Аникѣевъ закрылъ глаза, поддаваясь ощущенію нервной усталости, сразу его охватившей.

Ну развѣ не правъ онъ, отказываясь отъ общества, гдѣ, какъ ему всегда говорили, онъ могъ бы играть роль и многаго достигнуть! Чего достигнуть? Какихъ такихъ благъ, за которыя стоило бы заплатить этимъ вѣчнымъ раздраженіемъ, усталостью души, смятеніемъ мыслей? Вѣдь вотъ, стоило только окунуться на нѣсколько часовъ,—и сколько путаницы, сколько тяжелыхъ, утомившихъ впечатлѣній!...

Ему вспомнились слова Алины: „Однако вы чего-то все ищете, вы бѣгаете за призраками счастья“. Чего-чего не испробовалъ онъ въ самомъ дѣлѣ! И все-таки вернулся опять сюда, въ этотъ Петербургъ, къ вѣчному, когда-то такъ замучившему его утомленію. Зачѣмъ же онъ вернулся? А вотъ затѣмъ, что это неизбѣжно, что пришло такое время, когда онъ не можетъ больше владѣть собою...

Прежде это было не такъ часто, находило и уходило, забывалось. А теперь, уже сколько мѣсяцевъ, ночью и днемъ, и все чаще и чаще слышится ему тоненькій голосокъ маленькой дѣвочки: „папа! гдѣ ты, папа?“

Только и всего, эти четыре слова. И каждый разъ, какъ онъ заслышитъ ихъ, ему тяжко и душно. Такъ жить нельзя...

— Прежде я любилъ всѣхъ, вдругъ заговорилъ Вово, какъ-то по-кошачьи кутаясь въ шубу, подбираясь и ютясь въ своемъ углу кареты, — теперь я люблю только дѣтей, да вотъ иногда старенькихъ-старенькихъ старушекъ, которыя давно-давно позабыли свои грѣхи, сдѣлались совсѣмъ святыми, всѣмъ интересуются—и какъ есть ровно ничего не понимаютъ. Вотъ такихъ я люблю, я у нихъ цѣлую ручки, а онѣ меня въ плѣшку... Батюшки, не отъ этого ли волосы такъ вылѣзать стали!

Онъ засмѣялся своимъ веселымъ смѣхомъ и продолжалъ:

— Non, sérieusement, je les aime, ces petites vieilles... есть у насъ такія, да съ ними бѣда: сегодня ты у ней ручки цѣлуешь, она тебѣ всякія миленькія исторійки разсказываетъ, а черезъ недѣлю: „съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ“... Иной разъ ночью проснешься, послѣ похоронъ-то, такъ и ждешь— войдетъ она—и въ плѣшку! Бр!.. А потому только дѣти и остаются. Ихъ тоже мало, есть такія, что похуже взрослыхъ, совсѣмъ испорченныя, ледащія, злыя,—черти, а не дѣти. Но все-таки еще попадаются настоящія дѣти, и лучше ихъ у насъ нѣтъ ничего и быть не можетъ. Такой была и эта бѣдняжка Ninette... Вѣдь они, какъ грибы растутъ, вчера еще была совсѣмъ крошка, въ куклы со мной играла, въ „ангельскомъ чинѣ“ состояла, comme disaient nos chères няни russes, dont la race s'est éteinte... А сегодня вотъ выросла... Споткнулась на гладкомъ мѣстѣ—и только на недѣлю о ней разговоровъ,—а затѣмъ... coulée!..

— Забудется! сказалъ Аникѣевъ...

— Никогда. Ты вѣдь не слышалъ—приговоръ произнесенъ...

Entre nous, этотъ негодяй Ильинскій навѣрное подпоилъ ее потому, что расхотѣлъ на ней жениться. Теперь онъ, конечно, свободенъ. И замѣть, что онъ правъ, мнѣ слова сказать не дали, это, видишь ли, у меня противъ него личность, я его всегда недолюбливалъ. Ninette исключена изъ списка живыхъ, держу какое угодно пари — ее нигдѣ больше не примутъ... У насъ все дозволено, больше чѣмъ все; но только за прозрачною ширмочкой, на которой написано: „безъ именныхъ билетовъ никто не впускается"...

Онъ остановился—и потомъ прибавилъ:

— Да и какъ тутъ быть? нельзя вѣдь тоже допускать такихъ публичныхъ представленій... и гдѣ же!—у Натальи Порфирьевны!.. А все ты виноватъ, одинъ ты!

— Я? спросилъ Аникѣевъ, тоскливо чувствуя, что есть много странной правды въ такомъ обвиненіи.

— Конечно ты, и это очень на руку Ильинскому... Ты будешь героемъ исторіи—je t'en reponds!

Они замолчали.

Аникѣевъ опять закрылъ глаза — и ему представилось, съ ясностью почти вещественной, почти осязательной, женское лицо. Но это была не Ninette, и не Алина. Это была тоже очень красивая женщина. Она глядѣла на него, сдвинувъ брови, глядѣла холоднымъ, злымъ и упрекающимъ взглядомъ. Ему слышался ея голосъ:

„Вздоръ! все это потому, что у тебя нѣтъ сердца, ты безнравственный человѣкъ, ты эгоистъ! Ты никогда никого не любилъ и любить не можешь... Ты любишь только какія-то тамъ свои фантазіи, а до всего остального тебѣ нѣтъ дѣла! Ты безсердечный деспотъ—и ничего больше!.."

На него пахнуло тѣмъ адомъ,—отъ котораго въ конецъ истерзанный, весь полный негодованія, возмущенія и жгучей боли,—онъ бѣжалъ, очертя голову.

„Папа! гдѣ ты, папа?" — раздалось нѣжнымъ и невыносимо жалобнымъ призывомъ въ сердцѣ.

Онъ задыхался. Карета остановилась.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Всеволодъ Соловьевъ.

НА ОКСУСѢ И ЯКСАРТѢ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.)

V.

Голодная степь.

Поѣздъ остановился, а мы еще спимъ въ своемъ покойномъ вагонѣ. Путь его конченъ, дальше ничего, кромѣ грязи и пыли. Новая европейская цивилизація, вторгшаяся по желѣзнымъ рельсамъ въ старыя владѣнья „Желѣзнаго Хромца", замираетъ на порогѣ его столицы. Отсюда начинается еще ничѣмъ не расшатанное царство верблюда и арбы.

Мы торопливо собираемъ свои пожитки и спускаемся въ вокзалъ. Прекрасные парные извозчики на бойкихъ лошадяхъ, въ помѣстительныхъ фаэтонахъ, на-перебой другъ съ другомъ предлагаютъ свои услуги. Усаживаемся въ покойную колясочку и несемся словно съ кѣмъ-нибудь на перегонку по отлично мощенымъ улицамъ „Русскаго Самарканда". Тутъ въ каждомъ городѣ необходимая двойственность. Русская Бухара, русскій Самаркандъ, русскій Ташкентъ, русскій Коканъ, русскій Мергеланъ, рядомъ съ туземнымъ Самаркандомъ, туземною Бухарой, туземнымъ Мергеланомъ... Условія жизни Русскаго и Азіатца до того не похожи другъ на друга, до того трудно переносятся тѣми, кто не привыкъ къ нимъ, что нельзя было выдумать ничего лучше, какъ этимъ звѣрямъ двухъ разныхъ породъ позволить жить, такъ сказать, въ разныхъ клѣткахъ, не мѣшая другъ другу. Къ тому

же и въ видахъ безопасности немногочисленнаго русскаго населенія было вполнѣ благоразумно собрать ихъ въ отдѣльную дружную кучку, подальше отъ опасной тѣсноты туземныхъ улицъ и двориковъ. И почти вездѣ появленіе рядомъ со старыми азіатскими центрами торговли и власти новыхъ русскихъ поселковъ заставляетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе засыхать вѣтви и корни старыхъ азіатскихъ стволовъ, питательные соки которыхъ постепенно оттягиваются отъ нихъ молодою русскою порослью.

Русскій Самаркандъ—такая прелесть, которой никакъ не ожидаешь въ этой странѣ варварства. Широкія, отлично мощеныя улицы уходятъ длинными перспективами направо и налѣво, пересѣкая другъ друга съ геометрическою правильностью. Это даже не улицы, а тѣнистыя аллеи, дышащія прохладой, журчащія ручьями. Тополя-гиганты, какихъ мы не знаемъ въ Россіи, тѣсными зелеными полками провожаютъ въ нѣсколько рядовъ оба тратуара улицы, не пропуская внутрь ея боковыхъ лучей утренняго солнца; и у корней этихъ зеленыхъ колоссовъ съ веселымъ лепетомъ бѣгутъ неизбѣжные здѣсь арыки, безъ которыхъ въ Туркестанѣ невозможна никакая растительность, никакая жизнь.

Чистота и порядокъ вездѣ. Сейчасъ видно, что всѣмъ распоряжается здѣсь, все здѣсь создала и создаетъ—и этотъ порядокъ и эту чистоту—военная сила. Она тутъ и мостить, и строитъ, и насаждаетъ и обводняетъ.

Я давно пришелъ къ тому убѣжденью, что русскій человѣкъ удивительный человѣкъ, если его держать въ строгой дисциплинѣ. Англичанинъ, совершенно наоборотъ, удивителенъ вездѣ, гдѣ онъ можетъ проявить свою личность и свободу иниціативы. Наши русскіе монахи и солдаты—лучшій примѣръ этому. Неопрятное вольное русское хозяйство обращается въ чистоплотную голландскую ферму гдѣ-нибудь въ Соловецкомъ монастырѣ, подъ желѣзною ферулой иноческаго послушанья, а что можетъ сдѣлать нашъ солдатикъ по приказу начальства—хорошо знаютъ всѣ, кто посѣщали наши восточныя окраины, цивилизуемыя россійскимъ воинствомъ.

Домики небольшіе, низенькіе, всѣ въ одинъ этажъ, но всѣ за то каменные, всѣ чистенькіе и бѣленькіе; они такъ молодо и весело вырѣзаются на зеленомъ фонѣ садовъ и деревьевъ, заполонившихъ здѣсь все.

Послѣ зноя безлюдной пустыни въѣзжаешь какъ въ зеленый рай въ такой тѣнистый зеленый уголокъ.

Въ этомъ „губернскомъ городѣ“ далекаго „забраннаго края“ ничего подобнаго тѣмъ пыльнымъ, въ отчаянье приводящимъ улицамъ и тѣмъ безотраднымъ вереницамъ кирпичныхъ двухъэтажныхъ и трехъэтажныхъ сундуковъ, что̀ беззащитно жарятся на солнцѣ въ заправскихъ губернскихъ городахъ старой Россіи, во всѣхъ этихъ Орлахъ, Курскахъ, Тулахъ, Калугахъ и Тамбовахъ...

Видно и мы, Русскіе, научились чему-нибудь и что-нибудь забыли въ эти годы своего историческаго опыта.

Конечно, прежде всего научила насъ здѣсь новымъ строительнымъ и устроительнымъ пріемамъ здѣшняя же природа и здѣшняя же жизнь. Солнце Туркестана, бездождіе Туркестана волей-неволей заставятъ вспомнить о тѣни дерева, о водѣ арыка. Къ тому же каждый туземный кишлакъ своими сплошными садами, густо облегающими дороги, своими вездѣ журчащими канавками далъ русскому цивилизатору готовый образчикъ для будущихъ поселеній его, и мы только развили этотъ прирожденный здѣсь типъ тѣнистаго кишлака въ несравненно болѣе грандіозный, несравненно болѣе удобный и опрятный типъ новаго русскаго города въ совершенную противоположность съ узенькими непроѣздными переулками, вьющимися среди глиняныхъ заборовъ, зноемъ, пылью и вонью старыхъ большихъ городовъ Туркестана, которые сохраняютъ тѣнистый характеръ кишлаковъ только на окраинахъ своихъ, но ужь никакъ не въ серединѣ своей, переполненной людомъ и торговлею.

Настоящихъ гостиницъ въ Самаркандѣ нѣтъ, а есть такъ называемые „*нумера*“, болѣе или менѣе сносные. Намъ посовѣтовали остановиться въ Варшавскихъ нумерахъ. Въ небольшомъ домикѣ, на углу проѣзжей улицы, намъ отвели очень порядочную и, прежде всего, очень тѣнистую комнату, устланную войлоками, обвѣшанную по стѣнамъ коврами. Тутъ же по заказу вашему готовится не особенно хитрый, но вкусный столъ, вполнѣ домашняго характера. Цѣны божескія, хозяева услужливые. Мнѣ прежде всего нужно было нанять экипажъ для изрядно продолжительнаго путешествія въ Ташкентъ, Коканъ и далѣе, къ Ошу. Пришлось порядочно порыскать для этого по незнакомому городу, а все-таки я остановился въ концѣ-концовъ на помѣстительномъ казанскомъ тарантасѣ нашего хозяина, несомнѣнно ви-

давшемъ всякіе виды на своемъ вѣку. Дороги во многихъ мѣстахъ Туркестана, особенно гористой Ферганской области, такъ каменисты и неровны, а почтари-Киргизы такая еще дичь, что тутъ нужно выбирать себѣ экипажъ, крѣпкій какъ наковальня, если приходится, какъ намъ, сдѣлать на немъ добрыхъ полторы тысячи верстъ взадъ и впередъ. Къ тому же намъ требовался цѣлый Ноевъ ковчегъ своего рода, чтобы помѣстить въ одно и то же время и насъ обоихъ, и нашъ далеко не шуточный багажъ.

Пріятель нашъ Американецъ Крэнъ отсталъ отъ насъ въ Бухарѣ, которая увлекла его своеобразностью своихъ типовъ и нравовъ. Мы хотѣли провести Святую недѣлю у своихъ въ Ташкентѣ, и онъ обѣщалъ нагнать насъ тамъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда вмѣстѣ съ нами отправиться въ Ферганскую область, изъ которой смѣлый Янки разсчитывалъ пробраться еще въ Кашгаръ и Яркендъ. Но почему-то ему не удалось исполнить своего намѣренія, и уже въ Ташкентѣ мы получили отъ него письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ насъ, что дальше Самарканда поѣхать не могъ и возвращается черезъ Кавказъ въ Европу. Впослѣдствіи, когда мы уже были въ Россіи, этотъ милый спутникъ нашъ прислалъ намъ изъ Чикаго цѣлый транспортъ крайне для меня интересныхъ фотографическихъ снимковъ, которые онъ дѣлалъ своимъ моментальнымъ аппаратомъ съ типовъ и мѣстностей Кавказа, Туркестана, Бухары и Самарканда.

Только разставшись съ нимъ, мы узнали, что этотъ въ высшей степени скромный и неприхотливый человѣкъ — одинъ изъ крупныхъ милліонеровъ въ Чикаго, владѣлецъ всякихъ пароходовъ, фабрикъ и акцій, и что его страсть — всесвѣтныя путешествія.

Россію онъ особенно любитъ и старается изучить, состоя даже членомъ нашего Императорскаго Географическаго Общества; онъ очень просилъ меня доставлять ему для перевода на англійскій языкъ, съ цѣлью ознакомить съ ними американскую публику, болѣе талантливыя произведенія новыхъ русскихъ беллетристовъ, если только можно имѣть ихъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, просилъ меня также прислать ему для той же цѣли мои книги о Кавказѣ и Крымѣ.

Мы рѣшились въ этотъ проѣздъ не осматривать Самарканда, а отложить это до обратнаго пути, такъ какъ иначе мы никакъ не могли поспѣть къ Свѣтлому празднику въ Ташкентъ, гдѣ насъ ждалъ къ этому дню сынъ со своею молодою женой.

Закупились всякою провизіей на дорогу, послали куда слѣдуетъ телеграммы, уложились въ своемъ старомодномъ тарантасѣ, какъ старосвѣтскіе помѣщики, отправлявшіеся, бывало, изъ деревни въ Москву на собственныхъ лошадкахъ и, благословясь, тронулись въ путь. Хотя намъ и пришлось проѣхать черезъ туземный Самаркандъ, хотя мы и любовались издали его изумительными древними мечетями, но я воздержусь здѣсь отъ всякаго описанія славной столицы Тимура, потому что будетъ гораздо удобнѣе сдѣлать это за одинъ разъ при подробномъ осмотрѣ нашемъ на возвратномъ пути всѣхъ достопримѣчательностей этого характернаго города.

Безъ конца долго тянется старый Самаркандъ своими пригородами и предмѣстіями, своими чудными тѣнистыми садами, безконечными рядами высокихъ пирамидальныхъ тополей и глубокими оврагами большихъ древнихъ арыковъ своихъ. Безъ конца долго и за нимъ тянутся такіе же тѣнистые, такіе же очаровательно зеленые кишлаки. Глазъ радуется на все, на что ни взглянетъ: на молодую ярко-сіяющую весну, на роскошно цвѣтущіе сады, на сытыя зеленыя поля, гдѣ трудолюбивый Сартъ пашетъ на быкахъ своимъ первобытнымъ деревяннымъ раломъ, глубоко взрывая землю подъ рисъ и подъ дыни. Ярмо на его быкахъ такое же первобытное какъ и его плугъ: тяжелое бревно безо всякаго выгиба и вырѣзки немилосердно третъ выносливыя шеи бѣдной скотины, покоя на себѣ привязанный сверху конецъ плужнаго дышла. Кажется, невозможно придумать запряжки глупѣе и неудобнѣе этой, а между тѣмъ вотъ какое уже столѣтіе такое простое и справедливое соображеніе не приходитъ въ голову наивному туземному землепашцу, и онъ, ничто же сумняся, изъ поколѣнія въ поколѣніе продолжаетъ мучить этими бревнами свой злополучный рабочій скотъ.

Весело на землѣ, весело на небѣ, весело на душѣ! Всего 18 апрѣля, а тутъ уже ярко, жарко, зелено и пышно какъ у насъ въ началѣ іюня. И зелень эта кажется еще зеленѣе отъ сіянія снѣговыхъ горъ, все время провожающихъ издали нашу дорогу непрерывающимся туманнымъ хребтомъ. Это отрогъ Алайской цѣпи горъ, хребетъ Чуйкаръ-тау, заслоняющій собою съ сѣвера верхнюю долину Заравшана — первая ступень далекаго гиганта Тянь-Шаня.

Жизнь, движеніе кругомъ; разноцвѣтныя птицы, удоды, сойки, сивоворонки унизываютъ какъ яркіе каменья безконечную проволоку телеграфа, стрекочутъ и перегоняются взапуски другъ съ другомъ. И нагоняешь, и встрѣчаешь вездѣ толпы народа, арбы цѣлыми обозами, нескончаемые караваны верблюдовъ; тутъ настоящее верблюжье царство, а на дорогахъ настоящій базаръ! Киргизы попадаются все чаще и чаще. Киргизы тутъ ямщики, Киргизы тутъ и *лаучи*, то-есть верблюдовожатые. Теперь имъ холя, при русскомъ владычествѣ. Какой-нибудь одинъ мальчишка-Киргизенокъ, чуть примѣтный между лохматыхъ горбовъ передоваго верблюда, ведетъ себѣ днемъ и ночью изъ-за нѣсколькихъ сотенъ верстъ, черезъ всякіе уѣзды и области, города и деревни, десять, пятнадцать, двадцать верблюдовъ, обвѣшанныхъ тюками, беззаботно ночуетъ съ ними въ степи, беззаботно двигается съ ними по пустыннымъ дорогамъ, и горя ему мало. А давно ли приходилось туземцамъ охранять свои караваны цѣлыми вооруженными отрядами, стоять по недѣлямъ на границахъ ханствъ, ожидая охранныхъ грамотъ, платить произвольныя пошлины и поборы чуть не въ каждомъ попутномъ городѣ и, несмотря на все это, частенько терять свой товаръ и свой скотъ, подчасъ и свою голову.

Теперь степь держитъ себя тише воды, ниже травы. Нигдѣ ни разбоевъ, ни грабежа. Грозный призракъ русской военной силы стоитъ здѣсь надо всѣмъ и оберегаетъ здѣсь все.

Лицо Киргиза уже совсѣмъ не то, что у Узбека, у Сарта; не то даже, что у Туркмена: въ немъ гораздо больше монгольства, калмычины. И весь видъ Киргиза какой-то дикій, полузвѣриный. Особенными дикарями смотрятъ желтые морщинистые Киргизы, беззубые, безусые, съ рѣдкими клочками волосъ на подбородкѣ. Остроконечные колпаки, какъ сахарныя головы, изъ бѣлаго войлока съ широкими разрѣзными полями, подбитыми иногда краснымъ или синимъ, уцѣлѣвшіе, должно-быть, еще отъ временъ Темучина, сообщаютъ еще болѣе монгольскій видъ этимъ характернымъ монгольскимъ физіономіямъ. На многихъ еще растрепанные зимніе малахаи на мѣху съ затыльниками и наушниками; звѣроподобныя рожи Киргизовъ выглядываютъ особенно свирѣпо и звѣроподобно изъ рамокъ этихъ лохматыхъ мѣховыхъ опушекъ. Попадаются на Киргизахъ и болѣе легкія шапочки, тоже изъ бѣлаго войлока, но не такія высокія и лопоухія, съ отвернутыми

вверхъ красными полями безъ разрѣза; только спереди край шапки не отогнутъ, а заслоняетъ глаза отъ свѣта вмѣсто козыря.

Мальчишки-почтари всѣ въ такихъ шапкахъ да еще съ мѣдными казенными бляхами напереди, которыми они, повидимому, гордятся будто какимъ-нибудь заслуженнымъ орденомъ. Все-таки, молъ, казенная особа, на царской службѣ своего рода, а не простой вожакъ верблюдовъ.

За первою станціей послѣ Самарканда—Джамбулатомъ,—какъ только переѣдешь многочисленные разливы Заравшана, начинается очень порядочное шоссе; оно продолжается и всю слѣдующую станцію отъ Каменнаго моста до Сарайлыка узкою каменною плотиной, густо обсаженною деревьями; подъ тѣнью ихъ ѣдешь какъ по зеленому корридору; арыки журчатъ по обѣимъ сторонамъ, еще болѣе прохлаждая зной воздуха и утѣшая путника своимъ несмолкающимъ лепетомъ. Встрѣчи на каждомъ шагу, никакъ не минуешь этихъ безъ перерыва идущихъ каравановъ. А разъѣхаться съ громоздкими арбами, съ громоздкими верблюдами, обвѣшанными многопудовыми тюками хлопка, не особенно удобно на этой узкой насыпи. Верблюды, ослы, лошади съ испугомъ пятятся отъ звонковъ почтовой тройки, обрываясь въ канавы, цѣпляясь за деревья. Для этихъ азіатскихъ обозовъ нуженъ и просторъ азіатской степи, а не тѣсная рамка цивилизованной европейской дороги. Всадники тутъ бо̀льшею частью все по два на одномъ конѣ, экономіи ради. Какой-нибудь босоногій мальчуганъ обхватитъ своими смуглыми рученками шею старика-отца и стоитъ себѣ за нимъ на сѣдлѣ цѣлые часы сряду, незамѣтно воспитываясь съ младенческихъ лѣтъ въ привычкахъ джигита. А вонъ одинъ усѣлся совсѣмъ на хвостъ верблюда, не считая двухъ другихъ, помѣстившихся среди горбовъ. Терпѣливый горбачъ все выноситъ, всѣхъ донесетъ.

Грунтовая дорога тоже обсаживается во многихъ мѣстахъ деревьями, и все почти новыхъ породъ, неизвѣстныхъ прежде Туркестану: айлантомъ, китайскимъ клёномъ, гледичіей, бѣлою акаціей, чуть ли не изъ обширныхъ питомниковъ Мервскаго Государева имѣнія въ Байрамъ-Али.

Обсадка дорогъ—уже русское нововведеніе, и я нахожу, что ничѣмъ нельзя лучше цивилизовать и оживить знойныя равнины

Туркестана, какъ деревомъ и водою; а здѣсь, гдѣ посажено дерево, туда, значитъ, проведена и вода.

На одной изъ станцій мы попали въ шумный и пестрый базаръ. Цѣлая туча Сартовъ, Узбековъ, Киргизовъ, верхами по одному и по двое, на ослахъ, лошадяхъ и верблюдахъ, въ ярчайшихъ полосатыхъ халатахъ, толкались среди тѣснаго деревенскаго рынка. Женщинъ тутъ было не меньше мужчинъ, и понять было трудно, за какимъ собственно дѣломъ сбилась сюда и праздно шаталась здѣсь эта многолюдная толпа, окружавшая жалкія лавочки съ товаромъ на три гроша.

Мы стояли на крылечкѣ станціи, любуясь на эту живописную азіатскую толкотню, на характерные, еще мало знакомые намъ типы, и помаленьку перебрасывались словечкомъ съ хозяйкой станціи, домовитою и чистоплотною русскою бабой изъ Пермской губерніи, только что угостившею насъ свѣжимъ молокомъ въ своей по-христіански убранной опрятной горницѣ.

— Насъ ни Сарты, ни Киргизы никогда не обижаютъ, ни Боже мой! разсказывала намъ умная старуха.—Боятся Русскихъ! Бываетъ, съ деньгами не маленькими по базарамъ деревенскимъ ходишь, домой ночью ворочаешься, а не тронетъ ни одинъ. Мы съ мужемъ три года въ Мурза-Рабатѣ на станціи жили, совсѣмъ одни, ужь на что̀, кажется, степь глухая, на пятьдесятъ верстъ деревушки не найдешь, Киргизы все кругомъ дикіе, кибитки, гдѣ его тамъ поймаешь, сегодня здѣсь, завтра слѣдъ простылъ... А никогда ничего не было, грѣхъ сказать. Потому что строгость отъ начальства. А еслибы-то не строго, и жить бы было совсѣмъ нельзя! Теперь если на Киргиза или на Сарта жалобу въ судъ или по начальству подашь, такъ онъ отъ страха не знаетъ, куда ему дѣться, въ ногахъ валяется, проситъ: не подавай на него жалобы... А промежь себя у нихъ за самую малость сейчасъ драка! рубашки поскидаютъ и уцѣпятся другъ за дружку, начнутъ тузить другъ друга по чемъ попало. Сарты—тѣ еще хуже на драку, чѣмъ Киргизы; слово ему не такъ показалось, какъ порохъ вспыхнулъ, и въ потасовку сейчасъ. А живутъ хорошо, одѣваться любятъ, въ гости другъ къ другу ходятъ, гостинцами угощаютъ, и народъ рабочій, ничего! Только вотъ хлѣбушка мало ѣдятъ, не то что̀ нашъ братъ православный!..

Со вздохомъ соболѣзнованія закончила старуха.

Ночевать намъ пришлось на станціи Ямы-Курганъ, въ 72 верстахъ отъ Самарканда. Здѣшнія почтовыя станціи не балуютъ путешественника особеннымъ комфортомъ, да на него и смѣшно здѣсь разсчитывать. Провизію всякаго рода необходимо везти съ собою, хотя случайно можно раздобыться кувшиномъ молока или мискою горячей похлебки, если захватишь за обѣдомъ хозяевъ станцій. Спать приходится тоже по-спартански, на какихъ-нибудь узенькихъ жесткихъ диванахъ или на каменной лежанкѣ, если, конечно, они не захвачены раньше васъ другими проѣзжими. Съ нами ни разъ случались потомъ и эти оказіи; тогда мы просто-напросто устраивались на ночь въ своемъ объемистомъ тарантасѣ, опуская пониже зонтикъ, застегивая повыше фартукъ и укутываясь потеплѣе въ пледы и бурки. Когда дѣйствительно хочется спать, то и на такой постели спишь сномъ праведнаго.

Рано утромъ лошади уже были готовы, и мы удальски покатили по каменистой дорогѣ. Намъ совѣтовали проѣхать пораньше ущелья, пробитыя въ толщѣ горнаго хребта русломъ бурной рѣчки Елань-Уте. Длинныя цѣпи горъ, отдѣлившіяся отъ Алайскаго хребта, сначала подъ именемъ Мальгучаръ, потомъ подъ именемъ Кара-тау, тянутся на западъ въ песчанныя пустыни Бухары и отдѣляютъ какъ стѣной южную плодоносную область Заравшана,—„разносителя золота",—отъ громадной безплодной равнины, что̀ разстилается къ сѣверу отъ этихъ горъ до самаго русла Сыръ-Дарьи. Это-то и есть знаменитая „Голодная степь". Чтобы добраться до нея, нужно было прорѣзать насквозь горную цѣпь по ущельямъ Елань-Уте. Живописныя ущелья эти безконечною змѣей извиваются между скалистыхъ выступовъ и обрывовъ, провожая капризные повороты рѣки, и добрыхъ 20 верстъ приходится ѣхать ими, поминутно пробираясь черезъ многочисленныя колѣна рѣки. При малѣйшемъ дождѣ, при сильномъ таяньи снѣга въ горахъ, рѣка дѣлается не проѣздною, оттого-то самое безопасное — переѣзжать ее пораньше утромъ, пока солнце еще не нагнало съ горъ снѣговыхъ водъ. По щебню и камнямъ Елань-Уте мчаться совсѣмъ невозможно, а волей-неволей тащишься чуть не шагомъ, наслаждаясь зато разнообразными горными ландшафтами дикаго ущелья. Все это крайніе западные отроги горныхъ громадъ Тянь-Шаня, который входитъ въ наши среднеазіатскія владѣнія одною изъ крупныхъ вѣтвей своихъ— Алайскимъ хребтомъ.

На половинѣ дороги между Ямы-Курганомъ и Джизакомъ, верстъ за 12 отъ него, ущелье Елань-Уте принимаетъ грозный и эффектный видъ. Отвѣсныя скалы его разомъ выростаютъ и сдвигаются съ обѣихъ сторонъ, сдавливая своими каменными пятами бѣшенно-ревущій потокъ. Это „Тамерлановы Ворота". На крайней лѣвой скалѣ ихъ, довольно близко надъ рѣкой, гладко стесано мѣсто, величиной около квадратной сажени, и на немъ начертана длинная арабская надпись. Преданіе говоритъ, что это собственноручная надпись Тамерлана, который будто бы раздвинулъ руками человѣческими эту скалистую тѣснину, гдѣ прежде съ трудомъ могъ проѣхать одинъ всадникъ. Поэтому-то она и носитъ до сихъ поръ имя „Тамерлановыхъ Воротъ".

Въ противоположной скалѣ, направо отъ дороги, чернѣетъ пещера, которую туземцы тоже связываютъ съ именемъ своего любимца,—великаго хана Тимура. Тутъ онъ будто бы жилъ въ тѣ дни, когда пріѣзжалъ смотрѣть, какъ пробивали его ворота.

Мы входили въ эту пещеру, очень неглубокую и небольшую; она не представляетъ никакого интереса, хотя мнѣ разсказывали, будто тамъ были сдѣланы когда-то какія-то находки.

За „Тамерлановыми Воротами" горный пейзажъ принимаетъ уже совсѣмъ другой, менѣе живописный характеръ, зато мѣстность дѣлается населеннѣе и люднѣе. Кишлаки, сады, поля начинаютъ попадаться все чаще по мѣрѣ приближенія къ Джизаку.

Джизакъ—первый городъ послѣ Самарканда на пути къ Ташкенту. Отъ него около 100 верстъ до Самарканда и верстъ 185 до Ташкента. Теперь это уѣздный городъ со всѣми узаконенными уѣздными чинами и учрежденіями. Русскій городокъ маленькій, но хорошенькій, съ чистенькими бѣленькими домиками; онъ весь потонулъ въ садахъ, тополевыхъ аллеяхъ, молодыхъ посадкахъ и прячется въ тѣни близко надвинувшихся на него зеленыхъ горъ съ чудными ущельями и заманчивыми прогулками. На скамьяхъ городскаго садика посиживаютъ себѣ досужіе чиновники, русскія няньки съ дѣтьми, по улицамъ снуютъ наши молодцы-солдатики, кучера въ красныхъ рубахахъ, всюду развиваются по случаю табельнаго дня русскіе флаги. Вонъ и магазинъ русскаго купца Филатова, кажется, пока единственный, но зато такой же, какъ въ любомъ Орлѣ или Воронежѣ; а вонъ и православная церковь, немножко смахивающая впрочемъ своимъ черезчуръ упрощеннымъ стилемъ на лютеранскую кирку. Дѣ-

лается радостно на душѣ отъ этого съ дѣтства дорогаго вида родной русской силы на такой далекой и чуждой сердцу окраинѣ.

За русскимъ городкомъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ него разбросался безконечнымъ кишлакомъ туземный Джизакъ съ своими густыми старыми садами, глубокими арыками, искусно-расписанными глиняными дувалами. Базары его были переполнены яркою разноцвѣтною толпой франтоватыхъ Сартовъ, съ красивыми, но сердитыми и непріязненными лицами.

Джизакъ славится своимъ гончарнымъ производствомъ, и потому всѣ лавченки его до верху набиты огромными кувшинами, горшками, мисками, кубышчатыми печами и всякимъ другимъ скудельнымъ товаромъ. Пьяный землякъ нашъ отчаянно дрался за что-то въ одиночку съ цѣлою кучкой ощетинившихся Азіатовъ при безмолвномъ, но очень неодобрительномъ созерцаніи собравшагося базара.

Въ концѣ туземнаго города — большая Бухарская калà съ очень высокими стѣнами, башнями весьма внушительно смотритъ изъ-за глубокихъ рвовъ, наполненныхъ водой. Эти рвы и стѣны стоили намъ немало при взятіи Джизака.

Джизакъ изстари былъ защитнымъ укрѣпленіемъ Заравшанской долины съ сѣвера отъ степныхъ кочевниковъ. Онъ стоитъ своего рода сторожемъ „Тамерлановыхъ Воротъ“ при единственномъ проходѣ черезъ горы и на распутьи важныхъ дорогъ. Прямая караванная дорога, обращенная теперь въ почтовую, ведетъ отъ него на сѣверо-востокъ къ Ташкенту; направо, на востокъ, другой такой-же старинный торговый путь, и тоже теперь почтовый, пробирается населенными предгоріями, черезъ значительный прежде городъ Ура-Тюбе, въ Ходжентъ и дальше въ Коканъ и другіе крупные промышленные центры Ферганской области, какъ Маргеланъ и Андижанъ. Третья дорога рѣзко поворачиваетъ изъ Джизака на сѣверо-западъ, въ сторону противоположную Ходжентской дорогѣ. Она тянется безконечными пустынями и песками по кочевьямъ Киргизовъ и заворачиваетъ потомъ дугой къ юго-западу на Аму-Дарью и Хиву. Понятно по этому, что обладаніе Джизакомъ всегда открывало ворота въ цѣлое Бухарское ханство.

„Голодная степь“ начинается за Джизакомъ не сразу. Цѣлыя 15 верстъ до станціи Учь-Тюбе и еще версты двѣ за эту станцію—стелется, какъ подножіе зеленыхъ предгорій, ровный плодородный лугъ, изрѣзанный многочисленными арыками, распаха-

ный подъ поля. Множество скота бродитъ по этимъ лугамъ, множество народа встрѣчается на каждомъ шагу, и вездѣ кругомъ виднѣются становища кибитокъ, кишлаки, потонувшіе въ садахъ, длинные ряды тополей. Горная цѣпь вырисовывается высоко, красиво и ясно, осѣненная сверху, будто безплотными призраками, далекими снѣговыми великанами.

Но уже за Учь-Тюбе мѣстность измѣняется рѣзко, какъ декорація театра. Села, сады, поля—все вдругъ исчезаетъ. Безбрежная равнина болѣе ста верстъ ширины и въ нѣсколько сотъ верстъ длины разстилается между Учь-Тюбе и берегами Сыръ-Дарьи. Съ юго-востока она подходитъ къ Ура-Тюбе, съ сѣверо-запада теряется въ пескахъ Кызылъ-Кума.

Это знаменитая „Голодная степь". Голодная она не потому, чтобы ея почва не годилась подъ посѣвы; напротивъ, это въ сущности тучная почва, способная давать хорошіе урожаи, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, покрытыхъ солончаками. Голодная она потому, что въ ней совершенно нѣтъ воды. Великій князь Николай Константиновичъ, давно поселившійся въ Туркестанѣ, въ качествѣ частнаго лица, и имѣющій владѣніе по сосѣдству съ „Голодною степью", положилъ, говорятъ, не менѣе ста тысячъ рублей на то, чтобы напоить эту безводную равнину и обратить ее изъ мертвой страны въ живую и плодоносную. Онъ провелъ въ нее множество арыковъ съ юго-западной стороны и вызвалъ на орошенныя земли русскихъ колонистовъ. Но до сихъ поръ это полезное предпріятіе еще не установилось прочно, и о результатахъ его нельзя пока сказать ничего опредѣленнаго.

Нашимъ глазамъ впрочемъ эта ужасная „Голодная степь" представилась, благодаря веснѣ, въ самомъ чарующемъ видѣ. Она казалась преисполненною обиліемъ всякаго рода. Яркая зеленая трава покрывала ея неоглядными коврами, и по этимъ привольнымъ пастбищамъ ея радостно бродили, отъѣдаясь до́сыта послѣ зимней голодовки, безчисленныя стада барановъ, безчисленные табуны лошадей и верблюдовъ... Муравьиныя кучи черныхъ киргизскихъ кибитокъ, прикочевавшихъ сюда ради обильныхъ кормовъ, то и дѣло темнѣютъ на пригоркахъ среди этого сплошнаго зеленаго бархата. Тутъ и помимо ихъ бродятъ разные туземные обитатели: большіе сѣрые журавли, красноносые аисты, орлы, сокола́. Орлы тутъ огромны и смѣлы какъ звѣри. Даже приближеніе тройки съ колокольчиками не вспугиваетъ ихъ. Они едва только отпрыгиваютъ, гнѣвно шипя, шага на два отъ дороги и

продолжаютъ съ вызывающимъ видомъ смотрѣть своими сурово-хищными глазами на дерзкихъ нарушителей ихъ царственныхъ правъ надъ пустыней...

Во всякомъ случаѣ престранная „Голодная степь“ съ такими сытыми хозяевами!..

Нигдѣ я не видалъ такого изумительнаго обилія черепахъ какъ въ „Голодной степи“. Вѣроятно, теперь былъ сезонъ ихъ любви. Вся „Голодная степь“, сколько мы ни ѣхали ею, была покрыта этими ползучими тварями. Бѣлесоватыя полушарія ихъ горбовъ свѣтятся издали среди зеленой травы; когда онѣ лежатъ неподвижно, грѣясь парочками на солнцѣ, кажется, будто вы ѣдете среди бакши недоспѣвшихъ кавуновъ, и что это ихъ бѣлесоватые горбушки вырѣзаются, освѣщенные солнцемъ, на фонѣ зелени. Когда ѣдешь версту, десять верстъ, двадцать верстъ, пятьдесятъ верстъ, и вездѣ кругомъ себя, куда только хватаетъ глазъ, видишь миріады этихъ медленно ворочающихся гадинъ, отказываешься понять, откуда вдругъ появились онѣ въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, и гдѣ скрываетъ все это таинственное населеніе свое мать сыра-земля.

На дорогѣ постоянно попадаются раздавленныя черепахи, потому что и колеса, и подковы лошадей и тяжелыя копыта верблюда—все безцеремонно ступаетъ на нихъ, переѣзжаетъ черезъ нихъ когда онѣ своею неспорою развалистою походкой торопятся переправляться черезъ колевины дорогъ.

Нагляделся таки я до́сыта, до отвращенія, можно сказать, на этихъ черепахъ! Онѣ гораздо крупнѣе, свѣтлѣе и горбатѣе тѣхъ черныхъ черепахъ, что̀ я, бывало, часто видывалъ въ болотахъ и ручьяхъ Крыма. Бѣлесоватый цвѣтъ ихъ, конечно, отъ бѣловатой глинистой почвы, среди которой онѣ родятся и живутъ, точно такъ же, какъ черный цвѣтъ крымской черепахи результатъ ея постояннаго пребыванія въ черной грязи болотъ. Странно во всякомъ случаѣ, какъ это до сихъ поръ человѣкъ не ухитрился обратить себѣ на пользу, да еще въ „Голодной степи“, столько сытой и въ сущности вполнѣ чистой твари, которая сама отдается ему въ руки.

Но мнѣ пришло въ голову, что въ нѣкоторомъ смыслѣ черепаха, пожалуй, уже сослужила нѣкоторую службу туземцу-кочевнику. Она несетъ на своей спинѣ природный образецъ той самой кибитки,—переноснаго круглаго жилья, гдѣ можно въ каждую минуту спрятаться отъ дождя, зноя, вѣтра, которую дикарь

степей, можетъ-быть, перенялъ отъ нея, своего стараго сосѣда, какъ древній Грекъ или Финикіянинъ могъ заимствовать модель своего паруснаго корабля отъ раковины Кавтилуса.

Кибитка Киргиза въ сущности очень недалеко ушла отъ костяного шарообразнаго горба черепахи. Вѣдь и въ нее только можно влѣзть въ минуту крайности, вѣдь и она точно также вскидывается на горбъ верблюда и везется съ мѣста на мѣсто. Посмотрите на нее издали: такой же круглый шатеръ и даже также точно расписанъ отдѣльными щитками, потому что сшитъ изъ разныхъ войлоковъ. А когда черепаха, медленно перекачиваясь, ползетъ по дорогѣ, то невольно вспоминается туземная арба съ ея круглымъ верхомъ, раскачивающаяся изъ стороны въ сторону и медленно переползывающая съ камня на камень.

Черепахи ползутъ другъ за другомъ, и другъ къ другу, взадъ и впередъ. Къ вечеру онѣ расползались какъ-то особенно суетливо. Въ этой безмолвной, чуть не окаменѣвшей твари тоже волнуются страсти, кипятъ желанія. Весна своими жаркими лучами жизни прохватила насквозь даже ихъ костяные горбы.

Вонъ онѣ повысовывали, наконецъ, изъ непроницаемыхъ панцырей на свѣтъ Божей свои головки, и задравъ ихъ вверхъ, безшумно перебѣгаютъ, будто какія-то крупныя перепелки, на кончикахъ своихъ высоко приподнятыхъ жирныхъ лапъ.

Но не долго „Голодная степь“ будетъ такою оживленною, населенною и сытою. Уже въ маѣ зелень исчезнетъ безслѣдно, и вся эта необъятная равнина обратится въ одинъ сплошной желтый войлокъ. Уйдутъ далеко отсюда стада овецъ и табуны верблюдовъ, отлетятъ журавли и даже попрячутся по своимъ глубокимъ норамъ каменныя кибитки черепахъ. Уже и теперь бѣлые обглоданные костяки лошадей и верблюдовъ, частенько-таки торчащіе изъ зеленой травы, говорятъ вамъ краснорѣчиво, что „Голодная степь“ дѣйствительно бываетъ голодною. А голые оазисы солончаковъ, постоянно попадающіеся среди тучной почвы, живо рисуютъ вамъ картину ея будущаго безплодія.

Лошади наши пугливо рвутся въ сторону и таращатъ свои навострившіяся уши, неожиданно наталкиваясь на побѣлѣвшіе костяки. У звѣря, видно, не меньше воображенія и нервности, чѣмъ у нашего брата. А ужь особенно у дикаго звѣря, каковъ киргизскій конь, еще не впавшій въ апатическое состояніе на-

шего ко всему равнодушнаго домашняго скота. Мы съ женой отъ души смѣялись, глядя на обычную здѣсь запряжку Киргизами-ямщиками „почтовыхъ“ киргизскихъ коней. Рѣдкую лошадь можно ввести въ оглобли мирно и просто. Почти всякую нужно держать подъ уздцы человѣкамъ двумъ, пока не тронется экипажъ; а пристяжныхъ частенько даже и запречь нельзя. Привяжутъ поводъ, завожжаютъ, а постромки надѣть не смѣютъ,—не то сейчасъ задомъ швырнетъ и подхватитъ. Постромку держитъ на отлетѣ какой-нибудь Киркизъ-ямщиченокъ, а другой подъ уздцы пристяжную. Только ямщикъ сѣлъ на козлы, едва успѣлъ вожжи въ руки взять, какъ лошадей разомъ спускаютъ, и онѣ подхватываютъ съ мѣста въ карьеръ; хорошо если еще гладко да ровно, нѣтъ никакихъ воротъ, никакихъ мостиковъ и трудныхъ поворотовъ, а то пиши пропало. Киргизъ съ постромкой бѣжитъ нѣкоторое время рядомъ и старается на ходу накинуть петлю на головашку ваги. Иногда ему приходится для этого пробѣжать не малую толику, а кое-когда случается, что пристяжная еще и протащитъ его носомъ по землѣ саженъ пять, десять, пока онъ ухитрится прикрѣпить постромку.

За двѣ версты до станціи Акчеты (Агашты) ландшафтъ „Голодной Степи“ еще разъ рѣзко измѣняется. Нигдѣ кругомъ не видно больше ни зеленаго бархата травъ, ни верблюдовъ, ни лошадей, ни овецъ, ни киргизскихъ кибитокъ, ни даже—черепахъ. А между тѣмъ мы въѣхали не въ какіе-нибудь безплодные пески или солончаки. Напротивъ того, мы опять среди тука и обилія. Куда только ни посмотришь: впереди, назади, направо, налѣво—сплошные лѣса какого-то могучаго и своеобразнаго растенія. Хотя растеніе это не дерево, но издали оно кажется небольшимъ хорошенькимъ деревцомъ въ аршинъ и въ полтора высоты, съ искусно обстриженною кроной. Круглый какъ трубка стволъ его, толщиной въ порядочную руку, вѣнчается роскошнымъ и чрезвычайно правильнымъ зонтикомъ, въ видѣ цѣлаго шара вѣтокъ, листьевъ и зеленовато-желтыхъ цвѣтовъ. Сразу видишь, что это растеніе изъ семейства зонтичныхъ, въ родѣ нашей зóри садовой, архангелики и имъ подобныхъ, но только еще сочнѣе и еще

сытѣе. Снизу вокругъ голаго ствола стелятся по землѣ сплошнымъ поддонникомъ жирные листья, въ родѣ листьевъ нашего арбуза. Когда глядишь на громадную равнину, вездѣ густо заросшую этимъ страннымъ растеніемъ, впадаешь въ иллюзію: все кажется, что предъ тобой лѣса какихъ-то карликовыхъ деревьевъ; круглыя кроны ихъ, опрятно подобранныя вверхъ, напоминаютъ наши ракиты большихъ дорогъ, какими онѣ видны издали.

Меня заинтересовало это могучее растеніе, заполонившее всю степь, и я не разъ порывался остановить тройку, чтобы сорвать на память какой-нибудь хорошенькій экземпляръ, но станція была близка, и не стоило терять времени на остановку, все равно около станціи можно было сколько угодно нарвать этихъ незнакомыхъ мнѣ цвѣтовъ.

Къ благополучію нашему, въ Акчетахъ мы нагнали какого-то полковника изъ мѣстнаго начальства, распивавшаго чай. Слово-за-слово, разговорились о томъ, о семъ, о „Голодной Степи", о черепахахъ.

— Нужно будетъ пойти нарвать этихъ цвѣтовъ; за станціей я видѣлъ ихъ много, сказалъ я женѣ.—Удивительно странное растеніе, дерево-не-дерево, а силы сколько! Всю степь покрыло... Вы не знаете, что̀ это за растеніе? обратился я къ полковнику.

— Боже мой! да это асса-фетида! вскрикнулъ онъ.—Вы развѣ никогда не видали асса-фетиды? Избави васъ Богъ руками тронуть, цѣлую недѣлю не отмоете, и платье провоняетъ, и все. Запахъ такой убійственный, что близко подойти нельзя... Оттого-то ни одно животное его не трогаетъ. Растутъ вонъ цѣлые лѣса громадные, какъ вы видѣли, а толку никому никакого.

— Такъ это асса-фетида? удивился я. — Счастливъ же мой Богъ, что я не соскочилъ изъ тарантаса на дорогѣ, какъ хотѣлъ, и не нарвалъ этой гадости. Хороши бы мы теперь были.

— Въ ротъ бы не могли ничего взять, подтвердилъ полковникъ;—всякая пища опротивѣла бы отъ этого невыносимаго и ужасно цѣпкаго запаха.

— Послушайте же, однако, полковникъ, замѣтилъ я.—Если это асса-фетида, какъ вы говорите, то вѣдь, сколько я знаю, асса-фетида очень дорогое лѣкарственное средство; въ арабской Азіи имъ крупная торговля идетъ... Почему же у насъ не эксплуатируютъ такое даровое сокровище?

— Ну, ужь этого не могу вамъ сказать; пробовалъ у насъ

одинъ докторъ въ Ташкентѣ, собиралъ, сушилъ, продавать думалъ, да что-то у него не выгорѣло дѣло; навѣрное не знаю отчего. Должно-быть добра этого у насъ во всякомъ случаѣ не много требуется; ну а заводить дѣла съ заграницей—умѣнье особенное надо, капиталъ. А тутъ еще даль такая, что одна перевозка будетъ стоить?...

Асса-фетида идетъ сплошными непрерывающимися зарослями верстъ на 65 въ ширину. Она началась за нѣсколько верстъ до станціи Акчеты, тянется 31 версту до станціи Мурза-Рабата и за Мурза-Рабатомъ захватываетъ почти всю слѣдующую станцію до Малека. Немудрено, что эти необъятныя одуряющія заросли изгнали изъ себя всякую жизнь. Даже сидя въ тарантасѣ, высоко надъ этими шаровидными кронами желтыхъ цвѣтковъ и постоянно глотая чистый воздухъ, чувствуешь какую-то неясную тошноту отовсюду проникающаго поганаго духа этого растенія-отравителя.

— Слушай, ямщикъ, а сюда эта трава надалеко идетъ? спросилъ я глупаго Киргиза съ носомъ, вздернутымъ какъ у мопса, сидѣвшаго на нашихъ козлахъ. Я показалъ при этомъ направо и налѣво.

Киргизъ дурацки ухмыльнулся и тряхнулъ своею бѣлою войлочною шапкой.

— Туда—конца нѣтути! Туда сто верстъ, двѣсти верстъ, болше двѣсти верстъ! отвѣтилъ онъ, безнадежно махнувъ рукой.— Усе будетъ эта трава одинъ.

Только по близости къ окраинамъ начинаютъ попадаться между разсѣянными островками ассафетидовыхъ лѣсковъ довольно большія травянистыя поляны, съ пасущимися овцами и верблюдами. Отъ станціи Малекъ ассы-фетиды уже не видно, и степь получаетъ свой прежній оживленный и разнообразный видъ. Опять тысячи верблюдовъ пасутся и вблизи, и вдали, опять торчатъ, какъ гнѣзда грибовъ, на каждомъ пригоркѣ кибитки Киргизовъ. Опять вся почва покрыта ползующими черепахами. Мы, по истинѣ, попали въ верблюжье царство. Верблюдовъ здѣсь видимо-невидимо. Сотнями они гуляютъ по степи, сотнями ихъ гонятъ назадъ съ базаровъ въ пустыхъ громоздкихъ сѣдлахъ, сотнями они

везутъ на себѣ тюки товара. А товаръ здѣсь все одинъ—хлопокъ. Стало-быть, это не только верблюжье, но и еще хлопковое царство. Конца-краю нѣтъ караванамъ верблюдовъ съ бѣлыми тюками, перекрещенными веревкой, какандскимъ арбамъ, на высочайшихъ и тончайшихъ колесахъ, аршинъ по пяти въ поперечникѣ, тоже до верху набитымъ тѣми же бѣлыми тюками. Эти арбы очень напоминаютъ китайскія. Арбакеши ихъ тутъ сидятъ по туркменскому обычаю уже не на козлахъ, какъ кавказскіе Татары, а верхомъ на запряженной лошади, спустивъ съ сѣдла на оглобли свои босыя ноги.

Безъ всякой статистики убѣждаешься и, такъ сказать, видишь своими очами, что Россія можетъ очень скоро обойтись безъ американскаго хлопка. Всѣ дороги Туркестана и Туркменіи день и ночь завалены этими бѣлыми тюками, давно уже намозолившими мнѣ глаза. То и дѣло и въ открытой степи, и на площадяхъ кишлаковъ видишь цѣлыя укрѣпленья, цѣлыя громадныя стѣны этихъ наваленныхъ другъ на друга бѣлыхъ тюковъ, которые съ непривычки долго принимаешь издали за какіе-нибудь огромные дома или грандіозныя развалины. А отвернешь взглядъ въ другую сторону—тамъ арміи отдыхающихъ въ степи верблюдовъ, цѣлый походный городокъ изъ сомкнутыхъ вмѣстѣ арбъ, оглоблями внизъ, будками вверхъ.

Верблюды тутъ крупной породы, не облѣзшіе до-гола, какъ въ Туркменскихъ степяхъ, а всѣ обросли густою и длинною шерстью; бородатыя шеи, бородатые чубы, бородатыя гривы; штаны на ногахъ лохматые, горбы на спинѣ лохматые. Верблюдъ прегордѣливо и пресамостоятельно задираетъ голову вверхъ и глубоко презрительнымъ взглядомъ окидываетъ человѣка и его тройку жалкихъ коньковъ. Но мальчишки-Киргизы, повидимому, нисколько не проникаются уваженіемъ къ этимъ четвероногимъ философамъ-молчальникамъ, и забравшись, какъ чижикъ на заборъ, высоко на ихъ жирные горбы, отчаянною рысью, съ отчаянными криками, съ отчаяннымъ маханьемъ рукъ—палками сгоняютъ къ нагрузкѣ разбредшихся по всей степи верблюдовъ. Деревянныя сѣдла никогда ни снимаются съ потныхъ верблюдовъ; деревяшки эти обыкновенно укладываются на довольно толстыхъ матрацахъ, замѣняющихъ потники нашихъ верховыхъ коней. Подъ нижніе рожки сѣдла засовываются продольныя палки, и уже сверху нихъ навѣшиваются тюки. Необходимо распредѣ-

лить очень равномѣрно тяжесть этихъ тюковъ на обѣ стороны сѣдла. Малѣйшій перевѣсъ на одну сторону уничтожаетъ силы верблюда и потираетъ ему бока. Во время долговременныхъ походовъ неумѣлая вьючка верблюдовъ губитъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ безкормица, жара или какія-нибудь другія постороннія причины. Умно навьюченный хорошій сытый верблюдъ можетъ поэтому поднимать на своемъ горбу до 24 пудовъ товара, то-есть обычный нашъ лошадиный возъ; между тѣмъ какъ заурядные верблюды, нагруженные безъ особаго вниманія, могутъ нести круглымъ счетомъ на своей спинѣ не болѣе десяти или двѣнадцати пудовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Е. Марковъ.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.[1]

Романъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Въ самомъ уединенномъ краю предмѣстья Нельи, почти на берегу Сены, вдоль улицъ-бульваровъ, обсаженныхъ платанами, тянулись въ рядъ виллы. За сквозными рѣшетками бросались въ глаза среди густой зелени большихъ садовъ самыя разнообразныя постройки. Дома и домики причудливыхъ очертаній, гдѣ были перемѣшаны всѣ стили, отъ строго-готическаго до псевдо-китайскаго, казалось, стояли напоказъ и спорили между собой о пальмѣ первенства за эффектъ и оригинальность.

Въ числѣ другихъ виллъ была одна, отличавшаяся тѣмъ, что вся постройка спряталась въ глубинѣ сравнительно огромнаго участка, но среди непроницаемой чащи свободно разросшагося почти запущеннаго сада, окруженнаго, къ тому же, не сквозною рѣшеткой, а глухою каменною оградой. Только сквозь узорчатый трельяжъ чугунныхъ воротъ виднѣлся въ концѣ шоссированной просѣки лишь однимъ угломъ и подъѣздомъ небольшой домъ въ два этажа своеобразной архитектуры, не имѣвшій ничего общаго со всѣми сосѣдними домами.

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* январь 1893 г.

Этотъ домъ, давно, лѣтъ съ двадцать назадъ, случайно появившійся на берегу Сены, былъ однако нѣчто довольно обыкновенное: новое подражаніе древнему византійскому стилю съ примѣсью фантазіи. Стилю этому можно-бы было дать по справедливости названіе „новороссійскій“.

Вилла принадлежала замоскварѣцкому уроженцу, гонимому хандрой или сплиномъ, Георгію Андреевичу Аталину.

Сначала Аталинъ жилъ здѣсь постоянно, и зиму и лѣто, за исключеніемъ поѣздокъ по Европѣ, ради прогулокъ и ежегодной поѣздки въ Россію, ради дѣлъ. Но не въ отцовскій домъ на Ордынкѣ въ Москвѣ, а въ эту виллу на берегу Сены возвращался онъ „домой“. Не въ Замоскварѣчьи, а здѣсь была его близкая сердцу обстановка, его библіотека, его коллекціи гравюръ, фарфора, монетъ и, наконецъ, маленькая галлерея отличныхъ копій съ любимыхъ картинъ и Дрездена, и Флоренціи и Мадрита.

Здѣсь же, въ этихъ комнатахъ, оживали для него, будто стояли невидимкой предъ его глазами, немногія свѣтлыя минуты его прошлаго. Отсюда вышла замужъ сестра Леночка и затѣмъ гостила здѣсь два раза съ мужемъ и съ первымъ ребенкомъ. Здѣсь же каждый четвергъ собирались когда-то его друзья Французы,—пылкая молодежь, теперь состарѣвшаяся, какъ и онъ, и безвѣстно разсыпавшаяся по лицу земли.

Домъ въ Нельи, стоявшій пустымъ иногда по полугоду, содержался такъ, что при нечаянномъ его возвращеніи ему казалось, что онъ уѣхалъ лишь наканунѣ.

Причиной этого была прислуга его, четыре человѣка, жившіе у него съ давнихъ поръ и преданные ему вполнѣ. Всѣ они были довольны своимъ существованіемъ и цѣнили возможность при большомъ жалованьи жить въ свое удовольствіе, хозяевами, такъ какъ самъ хозяинъ скрывался на цѣлые долгіе мѣсяцы. Лакей и горничная—Французы, садовникъ и онъ же привратникъ — Швейцарецъ и кучеръ — полу-Бельгіецъ, полу-Англичанинъ были всѣ четверо почти идеальными слугами по сравненію съ людьми, которые жили въ московскомъ домѣ.

Помимо трезваго поведенія, порядка и чистоты во всемъ, нельиская прислуга удивляла Аталина своимъ отношеніемъ къ нему. Никто изъ этихъ людей не ликовалъ навязчиво, когда онъ появлялся и не горевалъ нелѣпо, когда онъ уѣзжалъ, но каждый дѣлалъ свое дѣло усердно и добросовѣстно за его отсутствіе и

охотливо, почти весело, когда онъ былъ на лицо. Въ Москвѣ люди встрѣчали его изъявленіями радости и чуть не восторженно служили ему... съ недѣлю. Послѣ этого начиналась всякая разладица, лѣнь, неряшество, умышленная тупость и, конечно, пьянство.

Когда Аталинъ входилъ въ московскій домъ, то каждый разъ невольно говорилъ себѣ:

— Чистый склепъ!

Зимой домъ бывалъ холоденъ, плохо вытопленъ, хотя огромный складъ дровъ былъ на подачу руки. Лѣтомъ спертый и затхлый воздухъ въ комнатахъ доказывалъ, что окна остаются запертыми по недѣлямъ. Прислугу эту приходилось часто мѣнять, такъ какъ она спивалась отъ праздности и самостоятельнаго существованія безъ хозяина.

— Отъ заглазной жизни все это трафится! объяснилъ однажды Аталину старикъ-дворникъ, старообрядецъ, жившій въ домѣ уже сорокъ слишкомъ лѣтъ.—Заглазная жизнь, родной мой, всякаго человѣка къ запою приведетъ. Съ жиру только скотинка не бѣсится, а человѣкъ завсегда.

Однако на нельискую прислугу „заглазная" жизнь не имѣла вліянія. Аталинъ зналъ чрезъ своего повѣреннаго, изрѣдка навѣщавшаго домъ за его отсутствіе, что не только люди ведутъ себя чинно и все въ порядкѣ въ домѣ, но привратникъ Франсуа Карпо вѣчно хлопочетъ въ саду, лакей Жакъ и горничная Маделена ежедневно все чистятъ и убираютъ въ горницахъ, а кучеръ Джонсъ не только холитъ четырехъ лошадей, но ежедневно, педантически аккуратно съ восьми утра, проѣзжаетъ ихъ по улицамъ предмѣстья.

„Когда же у русскаго человѣка „заглазная" жизнь исчезнетъ изъ его міросозерцанія?" думалось часто Аталину, который обобщалъ это выраженіе старика-старообрядца.

А между тѣмъ въ домѣ за Москвой-рѣкой на рукахъ у пяти человѣкъ была только старая допотопная мебель, не требовавшая никакого особаго ухода, а въ нельискомъ домѣ одна коллекція картинъ, не считая всего затѣйливаго убранства горницъ, не вѣдала ни пылинки, благодаря Жаку и Маделенѣ.

Домъ былъ собственно довольно великъ не количествомъ, а размѣромъ комнатъ. Внизу были гостиная, столовая, большая библіотека, рабочій кабинетъ и комната безъ названія, гдѣ была всякая всячина.

— Mon bric-à-brac! рекомендовалъ ее Аталинъ.

На верху помѣщалась его спальня, комнаты для гостей и въ концѣ корридора для прислуги.

И въ этомъ домѣ на чужбинѣ прошла почти вся жизнь Аталина, нравственно одинокая, однообразная и вполнѣ безрадостная, безъ ожидаемаго постоянно и невольно разсвѣта. А этотъ разсвѣтъ, эта заря новой, иной жизни могла явиться только въ случаѣ смерти госпожи Аталиной, прозябавшей теперь невѣдомо гдѣ и какъ...

Да, еслибъ онъ вдругъ овдовѣлъ, то допускалъ возможность жениться, конечно, не иначе какъ „по разсудку". Такъ думалъ и говорилъ онъ сестрѣ. Полюбить теперь было поздно и немыслимо вообще. Въ этомъ онъ былъ убѣжденъ. И наивно!..

Теперь въ его жизни былъ только одинъ двигатель, да и то второстепенный, была излюбленная работа, которая съ большими перерывами существовала уже давно. Онъ писалъ цѣлое огромное сочиненіе, которое предназначалось къ печати только послѣ смерти. Это былъ переводъ философіи Канта съ комментаріями. Иногда казалось ему, что его критика „Критики чистаго разума" капитальный трудъ, который стóитъ довести до конца и стóитъ допустить увидѣть свѣтъ, иногда же онъ приходилъ къ убѣжденію, что его работа—„сочиненіе гимназиста" на заданную учителемъ тему и просто „забавничество сибарита" и даже много хуже того—„одна срамота".

Послѣ такихъ подступовъ разочарованія въ себѣ Аталинъ бросалъ работу на долго, часто на годъ и болѣе, но иногда, вернувшись въ Нельи изъ какого-нибудь путешествія или изъ Россіи, вдругъ снова принимался за Канта. Время работы бывало однако всегда временемъ, когда онъ наименѣе скучалъ и хандрилъ, наиболѣе примирялся со своимъ ненормальнымъ существованіемъ анахорета-изгнанника.

Но зачѣмъ онъ жилъ за границей и былъ „дома", въ Парижѣ. Неужели не нашлось ему дѣла въ Россіи? Это былъ вопросъ сложный, на который отвѣчать было мудрено. То, что лѣзло въ руки на родинѣ—къ этому не лежала душа... То, что желалось и мерещилось, не давалось или не существовало. Наконецъ въ Европѣ онъ только скучалъ, а на родинѣ раздражался и иногда озлоблялся.

Внукъ простаго мужика, Аталинъ признавалъ и чувствовалъ,

что въ жилахъ его течетъ чистая русская крестьянская кровь, „благородная“, не зараженная никакой иной.

Натура непосредственная, правдивая и прямодушная, но крайне отзывчивая, крайне способная къ невольной ассимиляціи, крѣпкая лишь самому себѣ невѣдомою силой, онъ, блуждалъ среди своего широкаго кругозора, терялся въ собственномъ міросозерцаніи. Какъ человѣкъ впечатлительный, онъ бывалъ часто въ полномъ противорѣчіи съ самимъ собою. Однако, здраво умный человѣкъ, онъ не выносилъ лгуновъ и кривотолковъ, а таковыми считалъ всѣхъ, кто, нахватавъ вершковъ, ударялся въ крайности какъ въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, такъ и въ вопросахъ религіи, нравственности и даже общежитія. Онъ находилъ, что нѣтъ страны, гдѣ бы царила такая неискренность, водилось столько лицемѣровъ и кривотолковъ, какъ въ его отечествѣ, и онъ приписывалъ это явленіе главнымъ образомъ строю отечества и системѣ воспитанія и образованія нашего времени...

„Лицемѣрить на Руси стали давно, думалось ему, — наукѣ этой обучилось первымъ дворянство у Грознаго, у Петра, у Бирона и въ свой чередъ обучило ей своихъ крѣпостныхъ рабовъ. Теперь наука эта пожалуй еще нужна, но лишь отчасти, привычка же беретъ свое. Но, однако, давно ли было время, когда недоросль изъ дворянъ, пройдя Букварь и Часословъ, считался уже образованнымъ человѣкомъ, готовымъ служить родинѣ и становился общественнымъ дѣятелемъ... почище нынѣшнихъ. Это зубренье Часослова будто подготовляло болѣе крупныя цѣльныя натуры или же не мѣшало имъ содѣлываться таковыми. А нынѣшнее гомеопатическое полиглотство видно разжижаетъ кровь, и просвѣщенный человѣкъ—или миніатюра, или карикатура.

Аталинъ былъ глубоко убѣжденъ, что сильная доля чистой мужицкой крови, московско-мужицкой, въ политическомъ тѣлѣ Россіи мощно борется и еще спасаетъ его отъ другихъ долей, гдѣ есть и германская, и монгольская, и финская, и инородческая и сборно-интернаціональная, въ которой, конечно, основою—*иксъ*, а закваскою—уже жидовская кровь.

Однако онъ тоже вѣрилъ, что придетъ часъ, когда окраины задавятъ Москву „собирательницу“, когда члены заразятъ сердце. Образчикъ будущей Россіи уже на лицо, это современное общество, или такъ называемая „интеллигенція“, то-есть сбродъ, сволока, маскарадъ, вавилонское столпотвореніе, гдѣ царитъ разноголосица и разноязычіе и гдѣ къ тому же „своя своихъ не познаша“.

„Вчера Святая Русь была Азіей, говорилъ онъ,—но завтра будетъ Америкой“.

Въ настоящій же моментъ Россія казалась Аталину многочисленною и разнохарактерною семьей, которая только-что переѣхала съ одной квартиры на другую. Расположеніе комнатъ еще не рѣшено; гдѣ будетъ гостиная и гдѣ спальня рѣшится завтра. А покуда вновь купленная обстановка перемѣшалась со всякимъ старымъ хламомъ. И все это на новосельи тутъ сбилось хаотически въ кучу, а тамъ разсыпалось въ дикой безсмысленной неразбирихѣ. Шляпа у самовара, на стулѣ чернилица, сапогъ на столѣ, лаханка въ кіотѣ, образъ на подоконникѣ, семейные портреты на полу.

И когда еще разберется это все по мѣстамъ и что еще произойдетъ? Диковинное... Если старому хламу, безсознательно или лицемѣрно, захотятъ снова отвести главное мѣсто.

На этомъ новосельи Аталинъ чувствовалъ себя лишнимъ и сталъ добровольнымъ изгнанникомъ.

V.

Все Нельи и самая вилла произвели теперь на Аталина необычное впечатлѣніе. Чрезчуръ показалось глухо и мертво все кругомъ. А прежде онъ этому радовался, это именно и любилъ. Что̀ же перемѣнилось? Онъ не сознавалъ или не сознавался...

И вернувшись къ себѣ „домой“, Аталинъ сталъ поневолѣ тотчасъ помышлять о покинутой уже съ годъ работѣ, но рѣшилъ не доставать покуда изъ желѣзнаго шкафа тщательно сберегаемой объемистой рукописи.

„Надо подождать, думалъ онъ, — съ недѣлю не приниматься ни за что... А тамъ видно будетъ. Болѣе недѣли эта глупость тянуться не можетъ. Подожду терпѣливо.“

Разумѣется, ждать приходилось не чего-либо другаго, какъ рѣшенія Монклера. Аталинъ положилъ, въ случаѣ вызова артиста, принять его, но за часъ до поединка дать знать графинѣ Отвиль, что Монклеръ не только убитъ, но и раненъ не будетъ. Аталинъ собирался умышленно промахнуться, стрѣлялъ же слишкомъ хорошо, чтобы попасть въ соперника нечаянно.

За признаніе графини, на которое ей, конечно, трудно было рѣшиться, онъ считалъ долгомъ отплатить тою же монетой, то-есть

доказательствомъ дружбы. Это признаніе сначала поразило его, затѣмъ будто возмутило, но не на долго. Онъ тотчасъ оправдалъ бѣдную женщину, семейная жизнь которой, съ такимъ супругомъ, какъ графъ Отвиль, была, казалось, еще тяжелѣе его собственнаго существованія.

Однажды, вставъ ранѣе обыкновеннаго, Аталинъ вспомнилъ, что прошла уже недѣля съ его пріѣзда и слѣдовательно нечего ждать. Монклеръ, очевидно, подъ вліяніемъ любимой женщины или по своей художнической натурѣ рѣшился бросить дѣло.

Аталинъ проснулся и поднялся раньше, вслѣдствіе сильной грозы и гулкихъ раскатовъ грома, отъ которыхъ дрожала и дребезжала кровля дома... Проливной дождь принимался идти разъ пять... Вѣтеръ порывистымъ натискомъ гнулъ и рвалъ деревья, такъ раскачивая ихъ, что ближайшія къ дому хлестали вѣтвями въ окна.

И цѣлыхъ два часа бушевала непогода на дворѣ, будто желая напомнить среди жаркаго и тихаго лѣта, что есть и осень, и придетъ въ свой часъ. Это соображеніе явилось въ головѣ Аталина, когда онъ, одѣвшись, вышелъ въ столовую и сѣлъ къ накрытому столику за завтракъ и за чай съ самоваромъ.

И при уныломъ настроеніи ему стало думаться, что и у него тоже на плечахъ осень, и вотъ скоро наступитъ и зима... Но не русская, могучая, алмазная, ярко и крѣпко сіяющая, будто все берущая въ тиски, возбуждающая и подбадривающая... Нѣтъ. Его зима будетъ европейская. Не морозъ а сырость, не глыбы серебра, а грязь и слякоть... А небо не чистое, голубое, съ яснымъ солнцемъ, а пасмурное, въ оловянныхъ облакахъ и отъ зари до зари плачущее, тоскливо и безпомощно.

Послѣ многолюдства въ за́мкѣ Отвиль, знакомства съ оригинальною дѣвочкой и благодаря тоже ссорѣ съ графиней Аталинъ, конечно, былъ еще болѣе уныло настроенъ.

Позавтракавъ и наливъ себѣ чаю, онъ долго просидѣлъ за столомъ недвижно и глубоко задумавшись объ „Газели“... Только появленіе лакея Жака разбудило его.

„Довольно! Нечего больше вспоминать о ней... Забавный звѣрокъ и только... Пожалуй несчастный звѣрокъ...

Аталинъ перешелъ въ гостиную, сѣлъ у окна и отворилъ его настежь. На дворѣ ужь стихла непогода и прояснилось небо, но онъ только теперь замѣтилъ это. Солнце ярко свѣтило среди яснаго неба и повсюду кругомъ, на дорожкахъ сада, на листвѣ

и цвѣтахъ сверкали дождевыя капли... Чистый и освѣженный грозою воздухъ ворвался чрезъ окно и принесъ съ собой опьяняющій ароматъ цвѣтовъ съ многочисленныхъ клумбъ, окружавшихъ домъ.

Полная тишина, почти деревенская, всегда царила въ этой пустынной части Нельи, гдѣ половина виллъ стояла пустая, будучи для своихъ богачей-владѣльцевъ излишней прихотью, такъ какъ сами они проводили лѣто гдѣ-нибудь въ курортахъ или въ путешествіяхъ и только поздней осенью на время появлялись въ Нельи, когда на берегу моря или на водахъ оставаться было уже нельзя, а возвращаться въ Парижъ рано.

Послѣ промчавшейся грозы во всей окрестности было еще тише обыкновеннаго, и не вѣрилось, что за версту отсюда уже конецъ предмѣстью и начинается самый Парижъ.

Вдыхая чистый воздухъ, Аталинъ сталъ ждать когда немного просохнетъ, чтобы выйти въ садъ и побродить въ чащѣ, гдѣ только съ десятокъ огромныхъ деревьевъ были остатками отъ прежняго парка, когда-то принадлежавшаго Орлеанскимъ принцамъ и конфискованнаго у нихъ правительствомъ Наполеона... Все остальное было посажено и разведено самимъ Аталинымъ, и его руками пустырь былъ обращенъ въ чащу лѣсную. Всѣ эти двадцатилѣтнія деревья онъ въ видѣ хворостинъ воткнулъ когда-то въ землю... Это было тогда, когда онъ могъ еще находить удовольствіе во многомъ, а въ томъ числѣ и въ садоводствѣ. Теперь же онъ могъ только упрямо спорить и сражаться со своимъ садовникомъ за свое дѣтище. Швейцарецъ, ученый садоводъ, стремился рьяно чистить, рѣзать, рубить и приводить садъ въ чопорно приглаженный и прилизанный видъ. Наоборотъ, Аталинъ любилъ этотъ садъ именно за то, что онъ съ годами обратился въ простую чащу, гдѣ лохматые кусты лѣзли и цѣплялись другъ за друга вѣтвями даже черезъ дорожки. Каждую вѣтку, не только цѣлый кустъ, отстаивалъ онъ предъ ученымъ садоводомъ, доказывая, что искусство, касаясь природы, обезображиваетъ ее.

— Et les femmes donc! возразилъ однажды Карпо, человѣкъ далеко не глупый. — Что̀ бы было, еслибы женщины ходили не причесанныя, безъ корсетовъ и не пользовались косметикой и цѣлымъ арсеналомъ тайныхъ прикрасъ. Что̀ бы было тогда? Первѣйшая красавица въ мірѣ была бы только смазливою мордочкой... un minois chiffonné.

— Нѣтъ, любезный Франсуа, шутя отвѣчалъ Аталинъ,—было

бы лучше и женщинамъ быть тѣмъ, чѣмъ онѣ есть... А то теперь, послѣ притираній лица и рукъ, рисованыхъ бровей, послѣ чужихъ волосъ, поддѣльнаго бюста, фальшивой фигуры съ головы до пятъ, стали уже притирать и примазывать чувства и мысли, то-есть стали лукавить въ силу правила: être et paraître.

Разговоръ этотъ между бариномъ и слугой произошелъ съ годъ назадъ. Швейцарецъ горячо поспорилъ съ Русскимъ, мѣшавшимъ ему прихорашивать садъ, гдѣ зря пропадали рѣдкія дерева и растенія, заглушенныя дичью, кустами медвѣжьихъ ягодъ, бузиною и всякимъ бурьяномъ. Аталинъ хотя не сдался, но послѣ этого спора внутренно чувствовалъ себя побѣжденнымъ.

„Дѣйствительно правъ мой господинъ Карпо, думалось ему. Встрѣтилъ ли я когда-либо гдѣ-либо женщину, которая бы была—сама природа, правдивая до грубости и ни капли не прикрашенная ничѣмъ, ни нравственно, ни физически и при этомъ была бы привлекательна?.. Нѣтъ нигдѣ, никогда... Деревенская молодуха захолустья всего ближе къ природѣ, но вѣдь за то же какъ бы она умна и красива ни была, она все-таки будетъ для меня—не женщина.“

Теперь Аталинъ, оглядывая съ довольствомъ свои владѣнія, свою чащу, нечаянно вспомнилъ этотъ разговоръ съ садовникомъ и вдругъ внутренно встрепенулся. Онъ правъ! Онъ былъ тогда правъ, а не Карпо!

Природа, не уклонившаяся отъ законовъ мірозданія, сама по себѣ—красота и прикрасъ не требуетъ. Тогда онъ въ это вѣрилъ, ибо чуялъ это, а теперь у него есть доказательство...

„Эльза—доказательство!“ подумалъ онъ.

И мысли его снова унеслись далеко отъ Нельи, туда, гдѣ бѣгаетъ у заставъ странная дѣвочка съ страннымъ прозвищемъ и лицомъ. Сейчасъ онъ обѣщался больше не думать о ней, подшучивалъ надъ собой, называлъ ее „звѣркомъ“, а теперь вдругъ снова будто нечаянно думалъ о ней.

Мысли, а быть-можетъ и грезы, Аталина были прерваны звукомъ голосовъ на дорогѣ по просѣкѣ, которая шла отъ воротъ къ крыльцу... Онъ поднялъ голову и присмотрѣлся...

Шелъ Карпо, жестикулируя, разводя руками и что-то будто горячо доказывающій или сердито ворчащій... Ворчанье это относилось къ какой-то сѣренькой фигуркѣ, двигавшейся около него. Идущіе медленно приближались къ дому... и понемногу сѣ-

ренькая фигурка, отчетливѣе обрисовавшись на глазахъ Аталина, заставила его вскочить съ мѣста...

Чрезъ мгновеніе онъ слегка ахнулъ и дыханіе захватило въ груди.

— Неправда! Что я? вымолвилъ онъ вслухъ, но въ ту же минуту быстрыми шагами двинулся, смущенный и оторопѣвшій, въ переднюю и на крыльцо...

Сердце стучало необычно, когда онъ сталъ растворять дверь на улицу...

VI.

Иныя тучи, собравшіяся надъ обывателями зàмка Отвиль и приведшія къ нравственной грозѣ, нависли болѣе всего надъ бѣдною дѣвочкой. Главный, сильнѣйшій ударъ грома разразился надъ ней.

На всю жизнь должны были остаться въ памяти Эльзы нѣсколько мгновеній, пережитыхъ ею въ зàмкѣ вскорѣ послѣ отъѣзда дорогаго ей Русскаго.

Оправившись отъ удара, она сказала себѣ:

„Я отправлюсь къ нему!“

И тотчасъ же рѣшила она двинуться въ путь. Ей казалось, что еслибъ Аталинъ былъ не только за нѣсколько десятковъ, но и за нѣсколько сотенъ верстъ, то она все-таки отправилась бы и отыскала его.

Махинація, придуманная графиней Отвиль, удалась вполнѣ. Эльза, лежа въ кровати, слышала отъ слова до слова весь разговоръ графини съ горничной Жюли, который онѣ вели шепотомъ около растворенныхъ дверей ея горницы, предполагая, что она спитъ... Якобы предполагая!.. Они ловко разыграли комедію, что ведутъ тайную бесѣду, которую Эльза не должна слышать.

Правдивая и честная дѣвочка, не подозрѣвая, что самое ее обманываютъ, стыдилась своего лукавства, и того, что тайно прислушивается.

И прислушиваясь, она то горѣла, какъ въ огнѣ, то холодѣла и дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Она узнала два факта, и оба ударили ее въ сердце.

„Аталинъ любитъ ее! Сознался въ этомъ графинѣ.“

„Аталинъ долженъ драться съ артистомъ и будетъ убитъ!“

Было отчего не только трепетать, пылать и холодѣть, но даже лишиться чувствъ.

Разумѣется, обманутая лукавыми лгуньями, Эльза притворилась, что хочетъ быть скорѣе дома у матери. Графиня охотно согласилась отпустить ее и тотчасъ приказала закладывать экипажъ. При этомъ она дала Эльзѣ сто франковъ, обѣщанные за позированіе, и письмо на имя Аталина, которое попросила бросить въ почтовый ящикъ.

— Если при всемъ этомъ она не отправится къ нему тотчасъ въ Парижъ, рѣшила горничная ликуя,—je ne croirai plus que je me nomme Julie.

Пріѣхавъ домой, Эльза тотчасъ разсказала матери все приключившееся въ зàмкѣ и прибавила, что она обязана вмѣшаться въ это дѣло и спасти Русскаго, жизнь котораго изъ дружбы къ ней находится въ опасности...

Анна выслушала дочь довольно равнодушно, за то Этьенъ, безумно счастливый, что сестра вернулась, съ суровой грустью согласился, что она должна отправляться съ первымъ утреннимъ поѣздомъ.

Явившійся поздно вечеромъ Баптистъ удивился возвращенію Эльзы, и когда узналъ онъ отъ Анны про всю исторію и сборы дѣвочки въ Парижъ, то рѣшительно и злобно заявилъ женщинѣ.

— Никогда! Ты съ ума сошла! Это будетъ то же, что было съ Марьеттой три года назадъ. Elle sera fichue aussi... Будь еще Французъ, а то Русскій. Ce sont les plus roués du monde. Мнѣ Марьетта говорила. Elle est payeé pour le savoir, грубо разсмѣялся онъ и тотчасъ же громко и злобно кликнулъ Эльзу. Она пришла изъ кухни съ своимъ любимцемъ кроликомъ Кокó на рукахъ и спокойно усѣлась предъ Баптистомъ. Онъ объявилъ ей, что мать запрещаетъ ей ѣхать въ Парижъ и чтобы она сейчасъ же ему отдала полученные сто франковъ. Разумѣется завязался споръ. Эльза холодно заявила, что денегъ не дастъ и поѣдетъ. При этомъ она начала блѣднѣть, а глаза ея загорѣлись ярче и почти зловѣщимъ огнемъ. Баптистъ сталъ грозиться скандаломъ на станціи, обѣщая объявить на платформѣ при всѣхъ, что она ѣдетъ къ любовнику и попроситъ по порученію Анны помощи жандармеріи..

Эльза объяснила, что глупаго скандала не боится, а что жандармы ее не тронутъ, ибо слишкомъ хорошо ее знаютъ, чтобы повѣрить его клеветѣ. Стычка продолжалась долго... Анна не

вступалась, хотя Баптистъ выходилъ изъ себя и даже два раза съ кулаками подступалъ къ Эльзѣ.

— La monnaie—ou je t'assomme! кричалъ онъ.

Эльза, дико озлобленная, всячески сдерживалась и твердо объясняла, что насиліе съ его стороны обойдется ему дорого, что эти деньги заработаны ею и половина пойдетъ на покупки для Этьена, а другая на поѣздку въ Парижъ. Баптистъ видѣлъ ея странное лицо, сверкающіе глаза и колебался. Наконецъ онъ вдругъ стихъ, задумался и долго просидѣлъ молча и не двигаясь. Только разъ проворчалъ онъ, презрительно глядя на всѣхъ:

— Enfants de dix-sept pères, sans compter les passant!

— Это брань исключительно одной мнѣ можетъ быть обидною, замѣтила Анна тихо, но не кроткимъ, а вялымъ голосомъ, будто спросонья.

— Это только про чужеземцевъ... началъ было Этьенъ, но сестра строго остановила его.

— Замолчи! Мы-то знаемъ, кто мы и откуда.

— Vous! Des satanès negrillons! проворчалъ Баптистъ но ни братъ, ни сестра не отозвались ни словомъ.

Баптистъ снова задумался и чрезъ минуту, улыбаясь, выговорилъ:

— C'est bon! Все-таки деньги будутъ у меня и ты въ Парижѣ не будешь. И не далѣе, какъ сегодня-же я ихъ отъ тебя получу.

— Увидимъ! отозвалась дѣвочка спокойно и, вставъ, вышла на улицу отнести Кокò въ его чуланъ. Когда она вернулась въ домъ, то нашла Баптиста совершенно развеселившагося, и онъ началъ даже подшучивать надъ ней и грубо острить насчетъ Русскаго. Ему никто не отвѣчалъ.

Наконецъ всѣ сѣли за ужинъ, а затѣмъ Эльза и Этьенъ ушли тотчасъ къ себѣ на верхъ. Баптистъ вышелъ изъ дому къ заставамъ, посвистывая. А это было дурнымъ признакомъ.

Мальчуганъ, счастливый, что сестра наконецъ снова дома и съ нимъ вмѣстѣ въ ихъ комнатѣ, былъ однако озабоченъ.

— Онъ затѣваетъ что-то, fifille, чтобы добыть у тебя деньги, рѣшилъ онъ.—Отдай ему половину добровольно. Мнѣ никакихъ вещей не нужно. А остальнаго тебѣ хватитъ на поѣздку.

Эльза не согласилась и стала успокоивать брата. Затѣмъ она улыбнулась и доставъ изъ кармана пять червонцевъ завернула въ бумажку, всунула ихъ въ одну изъ дырочекъ ветхаго матраца Этьена.

— Онъ затѣялъ украсть ихъ ночью, пускай вотъ поищетъ, шепнула она.

— Охъ нѣтъ. Что-нибудь другое! настаивалъ мальчикъ.

Они уже собрались раздѣваться и ложиться, когда вдругъ подъ самымъ окномъ раздался голосъ Баптиста, веселый и самодовольный.

— Ohé, les négrillons! Отворите окно. На секунду. Нужно.

Братъ съ сестрой переглянулись и глаза ихъ будто сказали другъ другу.

„Вотъ оно!“

Баптистъ никогда еще не окликалъ ихъ такъ съ улицы, въ особенности ночью. Они смутились. Этьенъ вскочилъ первый и, увидѣвъ свѣтъ подъ окошкомъ, шепнулъ:

— Онъ съ фонаремъ!

Эльза поднялась. Они отворили окно, и оба беззвучно ахнули. Эльза только отъ удивленья и загадки, а Этьенъ тому, что мгновенно сообразилъ и понялъ.

Подъ окномъ на скамьѣ былъ поставленъ фонарь, а предъ нимъ, близко, стоялъ Баптистъ, поднявъ высоко руки. Въ одной висѣлъ взятый за уши ея любимецъ Кокó, а въ другой блестѣлъ огромный кухонный ножъ, приставленный къ животу маленькаго звѣрька.

— La monnaie, ma charmante demoiselle... S'il vous plait, радостно смѣясь, крикнулъ Баптистъ.—Или же я его выпотрошу живаго и пущу побѣгать...

— Quelle horreur! тихо вскрикнула Эльза.

Она схватила себя за голову и зажмурилась, будто боясь глядѣть въ окно.

— Отдавать? Fifille? Отдавай скорѣе, вскрикнулъ Этьенъ и бросился къ матрацу.

— Живо! Живо! весело кричалъ Баптистъ и невольно смѣялся своей затѣѣ, чуть не добродушно.

— Будьте добры, возьмите половину, крикнулъ Этьенъ, уже держа деньги въ рукѣ.

— Prix fixe, négrillon cheri! захохоталъ тотъ.

Эльза взяла деньги изъ руки брата и швырнула ихъ за окно. Баптистъ бросилъ ножъ на скамью, но продолжая держать кролика, поднялъ свертокъ, разорвалъ зубами бумажку и, найдя пять монетъ, выговорилъ презрительно:

— Pas plus malin que ça, mes amis.

Онъ выпустилъ кролика, взялъ фонарь и, продолжая смѣяться

своей затѣѣ и удачѣ, двинулся къ заставамъ, гдѣ уже тяжело громыхалъ товарный поѣздъ.

Этьенъ тотчасъ выбѣжалъ поймать кролика и снова запереть въ чуланъ, а Эльза, взявъ себя за голову, безпомощно опустилась на кровать брата и слезы показались въ ея глазахъ. Ей думалось:

„Этьенъ безъ ничего... Но главное... главное... Надо видѣть его. Надо! А какъ теперь быть. Гдѣ достать денегъ на проѣздъ. Въ Терiэлѣ? У кого? Они всѣ милы и привѣтливы. А попроси двадцать, тридцать франковъ? Получишь только совѣтъ: не привыкать занимать. Да если кто и дастъ? Когда и какъ можно обѣщать заплатить? Этого сказать опредѣленно нельзя. Стало-быть лгать, обманывать... Никогда!“

И у Эльзы вдругъ, рыданьемъ, вырвалось громко:

— Sainte Marie, plaine de grace... Aidez moi!

Всю ночь не спала она, безпокойно ворочаясь въ постели, среди темноты... Этьенъ притворился спящимъ, не окликалъ сестру и только изрѣдка тяжело вздыхалъ украдкой. И уже на разсвѣтѣ услыхалъ онъ слова: Sainte Marie, шепотомъ сказанныя сестрой.

Мальчуганъ позвалъ ее тихонько.

— Fifille, ты не спишь?

— Нѣтъ! отозвалась она.

— Спи... Придумаемъ днемъ.

— Я уже придумала, mon gars.

— Что̀ же? У кого-нибудь занять... Я тоже это придумалъ и хотѣлъ тебѣ сказать.

— У кого?

— Еще не знаю.

— А отдадимъ когда? Изъ какихъ денегъ?

— Правда.

— Нѣтъ я придумала. И хорошо. La sainte mère de Dieu est venue à mon aide! Спи!.. Завтра узнаешь.

Они смолкли, но Этьенъ не успокоился.

Голосъ сестры былъ не веселый. Что̀ же такое придумала она? Продать Кокò. Но за него дадутъ только два, три франка... А онъ все имущество Эльзы, если не считать одного золотаго крестика у постели ея.

На утро Эльза поднялась поздно. Проснувшись, она быстро вскочила. Первая ея мысль была: Парижъ.

— Что̀ дѣлать? шепнула она.—Хорошо, что и это еще пришло на умъ. Просто! А могло вѣдь на умъ не придти. Не приходило же никогда прежде... Это по моей молитвѣ Пресвятая Дѣва мнѣ открыла. Она и поможетъ мнѣ.

Прежде всего, еще не одѣваясь, Эльза достала изъ кармана платья письмо графини къ Аталину и списала адресъ на бумажку...

Одѣвшись и спустившись внизъ, она нашла мать и брата въ кухнѣ. Этьенъ сидѣлъ въ углу у окна задумавшись.

— Ну, что̀? усмѣхнулась Анна весело.—Вотъ тебѣ и Парижъ, и Русскій. Каково надумалъ ce rusé... Не нравится? Что дѣлать. Онъ правъ! Il a raison!

— Comme toujours! откликнулся сурово мальчуганъ.

Эльза промолчала и стала себѣ готовить кофе, а брата послала въ Теріэль бросить письмо въ почтовый ящикъ. Чрезъ полчаса она была около заставъ, поджидая Этьена. Мальчикъ вскорѣ явился и они, отдалясь отъ дома, сѣли на траву. — Эльза начала тихо, унылымъ голосомъ, объяснять брату, что именно она намѣрена предпринять.

— Это трудно. Это ужасно! Это опасно! повторялъ Этьенъ взволновано.

— Что дѣлать. Я должна спасти его.

Этьенъ замолкъ, задумался глубоко и наконецъ выговорилъ печальнымъ шепотомъ:

— Eh bien, vrai — nous sommes de pauvres enfants!

Чрезъ часъ Эльза исчезла изъ дому и не появлялась цѣлый день, не вернулась и къ вечеру. Анна безпокоилась, а Баптистъ выходилъ изъ себя, и они, конечно, приставали къ мальчугану съ вопросами о сестрѣ, будучи увѣрены, что онъ не можетъ не знать, куда дѣвалась она.

Анна упрашивала сына сказать правду, Баптистъ грозилъ его исколотить. Этьенъ сурово объяснилъ, что если тотъ его тронетъ хоть пальцемъ, то онъ тоже исчезнетъ изъ дому. А ему приходилось вѣрить, ибо онъ зря никогда не обѣщался и не грозился.

— Не пѣшкомъ же она пошла въ Парижъ? сообразила Анна уже ложась спать.

— Дура ты, пустоголовая... огрызнулся Баптистъ.—Пѣшкомъ!? Ты пробовала это? Да еще безъ гроша денегъ. Вы всѣ Карадоли на словахъ прытки. Ушла въ за̀мокъ другія деньги просить у графини. Но я и эти ухитрюсь отобрать.

VII.

Когда Аталинъ распахнулъ дверь крыльца, то яркій румянецъ загорѣлся на его смущенномъ лицѣ. Предъ нимъ стояла дѣйствительно она, Эльза. Она! Здѣсь! У него въ Нельи! Въ тѣ самыя мгновенья когда онъ думалъ о ней, считалъ ее въ замкѣ и, наконецъ, былъ увѣренъ, что отнынѣ никогда болѣе не увидитъ ее...

— Elza? Vous?! выговорилъ онъ упавшимъ отъ чувства голосомъ.

Эльза, стоящая предъ нимъ, молча глядѣла ему прямо въ глаза, и только одно выражалъ ея взглядъ — стыдъ... И робкій, грустный стыдъ.

Швейцарецъ что-то объяснялъ барину, будто кропачась, извиняясь, удивляясь... но Аталинъ не слыхалъ ни слова; онъ протянулъ обѣ руки Эльзѣ и дружески привлекъ ее къ себѣ чрезъ двѣ ступени подъѣзда...

И въ это мгновеніе онъ ахнулъ снова. Онъ увидѣлъ, что дѣвочка вся мокрая, какъ еслибы вышла изъ воды... Сѣренькое платье гладко и плотно облѣпило ее, какъ трико, башмаки, покрытые грязью, были тоже совершенно пропитаны водою. Ея руки были ледяныя, а въ лицѣ виднѣлась тоже едва уловимая синева, появляющаяся у окостенѣвшихъ отъ холода.

— Вы озябли. Вы попали подъ дождь? воскликнулъ онъ.

— Да. Все время... тихо отозвалась она.

— Какъ все время?

— Всю грозу я шла, а укрыться было негдѣ...

— Подъ первымъ навѣсомъ, въ первыхъ воротахъ, наконецъ въ любомъ магазинѣ.

— Ничего такого по дорогѣ не было.

— Какъ не было! Чтò съ вами... Я не понимаю...

Эльза опустила глаза и промолчала...

— Но чтò же это я... Входите... Скорѣе... Надо сейчасъ что-нибудь придумать...

Аталинъ почти заметался въ передней и не зналъ чтò предпринять; но вдругъ ему пришло нѣчто на умъ, и онъ радостно крикнулъ и повторилъ нетерпѣливо нѣсколько разъ имя уже откликнувшейся тотчасъ горничной...

— Маделена!...

— Me voila, me voila... отзывалась эта сверху. Быстро спустившись по лѣстницѣ, она остановилась въ недоумѣніи при видѣ нежданной гостьи. Конечно, оригинально красивая фигура Эльзы, но равно и жалкій видъ въ намокшемъ платьѣ удивили служанку.

Аталинъ началъ было суетливо спрашивать и объяснять Маделенѣ, какъ и что̀ именно надо придумать, но женщина, знавшая „son maître“ уже съ десятокъ лѣтъ, сообразила сразу не только то, что для гостьи нужно скорѣе сухое бѣлье и одежду, но равно и то удивительное обстоятельство, что эта гостья—исключительная. Женщина умная и смѣтливая, тотчасъ почуяла и поняла многое и многое, что̀ выдавали лицо и голосъ барина, необычно оживившагося и будто радостно растерявшагося. Такимъ она его никогда еще не видала, да и не чаяла когда-либо увидѣть... Его... Un homme serieux. Un lettré! Человѣка вѣчно читающаго или пишущаго...

— Сейчасъ все будетъ сдѣлано. Не безпокойтесь, объявила Маделена съ жестомъ полководца, который спасаетъ армію отъ разгрома однимъ своимъ стратегическимъ секретомъ.—Suivez moi, mademoiselle, s'il vous plait! обратилась она къ гостьѣ ласково-вѣжливо.

Эльза двинулась машинально, какъ бы еще не понявъ вполнѣ, зачѣмъ ее зовутъ. Но сдѣлавъ два-три шага, она остановилась и обернулась къ Аталину, снова смущаясь...

— C'est une grosse affaire, monsieur, qui m'amène, вымолвила она виновато и какъ бы въ свое оправданіе предъ служанкой.

— Да, да... уже весело воскликнулъ онъ.—Идите, идите. Вы озябли... Согрѣйтесь скорѣе.

Эльза снова двинулась къ лѣстницѣ, но Аталинъ, засуетившійся до того, что ничего сразу не замѣчалъ, снова вскрикнулъ:

— Да вы едва ходите? И эта палка?..

Дѣйствительно, у Эльзы въ правой рукѣ былъ настоящій посохъ странницы, или здоровая деревенская палка, на которую она опиралась, налегая всѣмъ корпусомъ. Дѣло было въ томъ, что она черезъ силу ступала на одну ногу...

— Ваша нога еще не прошла?

— Нѣтъ. Прошла было... стало много легче. А теперь въ дорогѣ разболѣлась опять... Вчера отъ ходьбы начала уже болѣть, а сегодня еще хуже.

— Какой ходьбы?... По Парижу?

— Въ Парижѣ я не была. Я прямо изъ Теріэля.

Аталинъ оторопѣлъ, начиная догадываться и, ничего не вымолвивъ, вдругъ смутился. Эльза замѣтила это. Они смолкли и смотрѣли другъ на друга.

— S'il vous plait, mademoiselle, прозвучалъ снова голосъ Мадлены, показывающей гостьѣ на лѣстницу, и эти слова разбудили будто обоихъ.

Дѣвочка двинулась за горничной, едва ступая на больную ногу, а онъ, круто повернувшись, быстрыми шагами прошелъ изъ прихожей въ гостиную, и, видимо взволнованный, сѣлъ на первое попавшееся кресло.

— Что̀ же это? вслухъ выговорилъ онъ.—Все это—что̀? Une grosse affaire—это предлогъ. Un faux fuyant.

И вдругъ онъ вспомнилъ, что наканунѣ получилъ анонимное и загадочное письмо съ знакомымъ почеркомъ, гдѣ было сказано лаконически: „Если у васъ явится нежданная гостья, пожалѣйте хоть ее и уступите."

„Неужели это письмо было отъ Эльзы?" подумалъ онъ. „На что̀ намекаетъ оно? Да... На что̀?..."

И чрезъ минуту, будто овладѣвъ собой и ставъ нѣсколько спокойнѣе, онъ произнесъ рѣзче и холоднѣе:

— Что̀ бы ни было, это все вздоръ. Извините, Георгій Андреичъ! Вздоръ. Ея дѣйствія не могутъ служить оправданіемъ вашихъ. Она ребенокъ. Но я не подлецъ, не малолѣтокъ и до низости себя не допущу.

И Аталинъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по гостиной, затѣмъ вдругъ остановился, оглянулся, посмотрѣлъ въ окно и будто удивился чему-то...

Его домъ и садъ будто поглядывали на него и совершенно иначе. Его уединенное жилище вдругъ будто другое стало, преобразилось, ожило...

Неужели это ради присутствія симпатичнаго существа? Да. Но за все это послѣднее время вѣдь явилось же въ его жизни что-то заставившее позабыть невольно объ всегдашней хандрѣ и тоскѣ. Въ немъ самомъ что-то вызвало преображеніе.

„Что-то?!"

Это слово—ложь разсудка!.. А на глубинѣ души, которой невѣдомы ни ложь, ни софизмы, ни лукавство, тамъ просто и прямо вспоминалось и теперь сказывается что̀ именно сверкнуло лучемъ среди сумерекъ существованія.

Стыдно сознаться! Дѣвочка...

Да. Этотъ полуребенокъ разсѣялъ его хандру, заставилъ смѣяться, радоваться, сердиться, заступаться за себя и наконецъ косвенно заставилъ поссориться съ давнишними пріятелями. Какимъ образомъ? Прослѣдить и объяснить нѣтъ никакой возможности. Нельзя же смотрѣть на это глазами boulevardier и кокодеса виконта Камилла, или глазами стараго эпикурейца и циника, его отца.

Отвѣтъ на ихъ измышленья простой. Между нимъ и дѣвочкой не можетъ быть ничего общаго. Вдобавокъ ей шестнадцать лѣтъ, а ему сорокъ пять. Еслибъ и могло быть что-либо общее, воспитаніе, интересы, мечты и стремленья, то эти тридцать лѣтъ разницы, допустивъ одну симпатію, стали бы преградой... иному. Да, но она опять около него и еще ближе. Она въ его домѣ!

За эту недѣлю здѣсь, въ Нельи, гдѣ когда-то онъ думалъ только объ одномъ лишь навѣянномъ послѣднею книгой, онъ уже напрасно силился читать. Теперь между строкъ страницы онъ видѣлъ только нѣчто имъ чуждое, бросалъ книгу и задумывался, вспоминая недалекое прошлое.

Да, но все это еще вчера было прошлымъ... И она тоже — прошлое. А теперь все опять стало настоящимъ. Она здѣсь!

Мгновеніями, и въ зáмкѣ и дома, по-неволѣ сознаваясь, что это существо завладѣло его мыслями, пожалуй даже близко ему, Аталинъ спрашивалъ себя.

— Чтò же именно привлекаетъ меня къ ней? Оригинальность, красота, пылкій характеръ? Нѣтъ. Привлекаетъ—правда... А затѣмъ привлекаетъ и то, что я вижу въ ея глазахъ. А чтò? Симпатія ко мнѣ... Я чувствую, что ей нравлюсь и не какъ дѣвочкѣ...

И вотъ теперь она доказала это ребяческимъ поступкомъ. Она явилась сюда.

И обдумывая ея поступокъ, Аталинъ воскликнулъ мысленно.

— Но вѣдь тогда я самъ кругомъ виноватъ, и все это болѣе чѣмъ глупо. Это позорно, не честно, не достойно порядочнаго человѣка и вдобавокъ пожилаго человѣка. Да, вотъ... Она здѣсь! У меня! И въ этомъ я виноватъ!

VIII.

Прошло болѣе получаса и наконецъ Эльза въ сопровожденіи горничной явилась въ столовую. Аталинъ двинулся навстрѣчу. Она была переодѣта въ черное шерстяное платье Маделены, которое широко и неуклюже сидѣло на ней и все-таки,—странное дѣло — оно шло къ ней. Послѣ своего сѣренькаго платья, изъ котораго она очевидно выросла, Эльза въ этомъ черномъ казалась старше года на два, казалось дѣвушкой лѣтъ восьмнадцати и вмѣстѣ съ тѣмъ будто еще красивѣе. Аталинъ невольно замѣтилъ это преображенье.

— Voyez! Un accoutrement. И все-таки прелестно, сказала Маделена.

Эльза вошла сильно прихрамывая, хотя была въ просторныхъ туфляхъ. Встрѣтивъ Аталина, она стала предъ нимъ съ легкимъ румянцемъ смущенія на лицѣ и съ опущенными глазами. Онъ снова протянулъ ей дружески обѣ руки, но это движеніе было сдержаннѣе и холоднѣе, чѣмъ въ первый разъ, при встрѣчѣ на крыльцѣ. Эльза почувствовала это и оробѣла. Она не могла знать, что эта холодность—напускная.

— Я прикажу подать завтракъ для mamzelle Caradol? вопросомъ замѣтила Маделена и давая понять, что бесѣдовала съ гостьей и уже знаетъ ея имя.

— Конечно. Конечно... воскликнулъ онъ.—Мнѣ и на умъ не пришло. Пожалуста поскорѣе...

Маделена вышла, а Аталинъ взялъ Эльзу за руку и повелъ въ гостиную...

— Venez, mon enfant... будто строго и свысока вымолвилъ онъ.

Эльза, чутко и трепетно прислушивавшаяся и слухомъ, и сердцемъ къ его словамъ и тону голоса, смутилась и оробѣла еще болѣе. Это былъ совсѣмъ другой Аталинъ, чѣмъ прежній въ замкѣ!.. Онъ осуждаетъ ее за это появленіе у него въ домѣ. Онъ будто презираетъ ее.

„А сейчасъ при встрѣчѣ, на крыльцѣ?!. думалось ей. Какой былъ голосъ и какое лицо? Онъ былъ искренно радъ“.

— Ну, садитесь... Разсказывайте. Я ничего не понимаю, заговорилъ онъ постепенно оживляясь и забывая свою сдержанность.—Почему вы сдѣлали мнѣ удовольствіе явиться ко мнѣ...

Я такъ обрадовался и удивился вашему появленію, что даже кажется растерялся, не замѣтилъ сразу, что вы измокли подъ дождемъ и хромаете... Согрѣлись ли вы. Отчего вы опять хромаете... Когда вы изъ зàмка? Чтò графиня... Я забрасываю васъ вопросами и не даю отвѣчать. Ну, по-очереди... Согрѣлись вы?

— Нѣтъ. Все еще легкая дрожь. Но это пройдетъ... Я голодна. Поѣмъ, пройдетъ... Я со вчерашняго вечера ничего не ѣла.

— Какимъ образомъ?

— Вчера съѣла послѣдній кусокъ хлѣба, взятаго изъ дому. Да и спала плохо. Боялась! улыбнулась Эльза.

— На постояломъ дворѣ.

— Нѣтъ. Просто... Близъ дороги, въ кустахъ, на опушкѣ лѣса.

— Зачѣмъ же вы пошли пѣшкомъ?.. Неужели...

— Ѣхать нельзя было... Денегъ не было...

— Какимъ же образомъ вы рѣшились на такое путешествіе? Вѣдь это около ста километровъ. Зачѣмъ?

— Разстояніе не бѣда. А вотъ нога болѣла... Да главное — одна и совсѣмъ безъ гроша денегъ. Я рѣшилась, ибо видѣть васъ было необходимо. Видѣть и поговорить объ очень важномъ дѣлѣ.

— Какое дѣло?.. Говорите...

— Нѣтъ. Не могу... рѣшительно отвѣтила Эльза.—Дайте отдохнуть, поѣсть, успокоиться и тогда я все объясню вамъ.

— Правда... Правда...

— Времени еще у насъ много.—А вечеромъ вы прикажете кому-нибудь проводить меня до квартиры сестры Марьетты, такъ какъ я боюсь идти одна по Парижу, боюсь заплутаться. И кромѣ того... Я хочу просить... поневолѣ... Эльза запнулась, сильно заволновалась и вдругъ, будто пересиливъ себя, рѣзко выговорила:

— Вы мнѣ не откажете дать взаймы срокомъ на полгода, денегъ на билетъ, чтобы доѣхать обратно. Съ больной ногой я не дойду пѣшкомъ... А у сестры я ни за что брать не хочу...

— Non, mademoiselle... jamais! шутливо отвѣтилъ Аталинъ и прибавилъ серьезнѣе... Къ сестрѣ вамъ не зачѣмъ идти ночевать, а пускаться обратно въ путь невозможно, надо отдохнуть. На второмъ этажѣ у меня четыре комнаты, предназначаемыя для гостей, которыхъ прежде я часто и много принималъ здѣсь.

— Нѣтъ, это право лишнее... Я васъ прошу только дать мнѣ взаймы на проѣздъ.

— Деньги, вотъ онѣ, возьмите, сказалъ онъ доставъ и пере-

давая ей сто-франковый билетъ.—Но сегодня я васъ не выпущу... Вы сдѣлаете мнѣ эту уступку, какъ доказательство вашей дружбы и... и вашего довѣрія ко мнѣ...

Эльза, стыдясь, поблагодарила за деньги, но настояла на томъ, чтобы онъ далъ ей только двадцать франковъ. Онъ повиновался.

— Отвѣчайте. Вы останетесь до завтра? снова спросилъ онъ.

Она вздохнула и вымолвила, серьезно, но кротко глянувъ ему въ глаза:

— Et les mauvaises langues?

— Богъ съ ними. Да и никто этого не узнаетъ. Вы скажете дома, что ночевали въ Парижѣ, въ гостиницѣ.

— Лгать?

— Это невинная ложь.

— А вы допускаете невинную ложь. Вы сами прибѣгаете къ ней?

— Надо допускать.

— И невинное воровство? Невинное убійство?

— Таковыхъ не бываетъ! разсмѣялся Аталинъ.

— Нѣтъ. Чѣмъ лгать, я лучше ночую у Марьетты.

Аталинъ нахмурился вдругъ, и наступило молчаніе. Наконецъ онъ произнесъ сурово:

— Нѣтъ, ma chère mamzelle Elza... Вамъ не надо даже заходить къ вашей сестрѣ, не только ночевать у нея. Вамъ не мѣсто у такихъ женщинъ. Если вы считаете меня вашимъ другомъ, человѣкомъ къ вамъ расположеннымъ искренно, то вы послушаетесь моего совѣта.

— Хорошо. Я останусь до завтра у васъ, подумавъ отвѣтила Эльза серьезно.—Но скажу это моей матери... Pour la forme, потому что, право, ей вѣдь это все равно. Ей не до дѣтей теперь, угрюмо добавила Эльза.

— Почему?

— Баптистъ, кажется, поговариваетъ выходить въ отставку и переѣзжать въ Парижъ... И одинъ... Вы понимаете какой это ударъ для нея.

Аталинъ ничего не отвѣтилъ и задумался...

— Все къ лучшему на свѣтѣ, произнесъ онъ чрезъ минуту тихо вздохнувъ.

— Ахъ, не говорите этого! Какая эта нелѣпая людская выдумка, чтобы обманывать себя.

— Право оно такъ. Даже несчастіе, не только бѣды, бываетъ людямъ въ прокъ.

— Въ прокъ, но не къ лучшему. Польза не счастье. Въ моей жизни у меня было много полезныхъ уроковъ, но счастья я никогда не знавала и не узнаю. Даже самое лучшее въ моей жизни, самое свѣтлое и дорогое, должно служить мнѣ на горе, нервно выговорила Эльза порывомъ, будто поневолѣ.

Аталинъ удивился рѣзкой странности ея голоса и взглянулъ на нее пристально и пытливо. Она опустила глаза и, какъ бы пойманная, вся вспыхнула.

— Что вы хотите этимъ сказать...

Эльза молчала угрюмо потупившись.

— Я этого объяснять не могу, не хочу. Не слѣдовало и заговаривать. Это у меня вырвалось невольно.

Въ эту минуту появился въ гостиной Жакъ и доложилъ, что завтракъ поданъ. Лакей съ плохо скрытымъ любопытствомъ оглядѣлъ Эльзу съ головы до пятъ.

„Странная гостья, думалъ онъ.—Можно ли было предполагать, что le maître, такой степенный человѣкъ, за котораго можно было ручаться, окажется вдругъ способнымъ... на подобное приключеніе. Il ne faut jurer de rien!“

Выйдя въ столовую, Эльза сѣла за накрытый столъ, нѣсколько стѣсняясь и конфузясь. Она здѣсь видѣла себя настоящею гостьей, а не такъ, какъ въ зàмкѣ графа Отвиля. Аталинъ сѣлъ противъ нее радостно улыбаясь.

Онъ все еще, казалось, въ себя не могъ придти, что эта „Газель“ изъ глуши, это оригинальное существо, у него въ домѣ и сидитъ за этимъ столомъ, гдѣ онъ съ часъ тому назадъ завтракалъ одинъ-одинехонекъ, скучающій, грустный и вдобавокъ все время думалъ о ней же. Онъ воображалъ ее тамъ у Отвилей, а она была уже въ Нельи и разыскивала по предмѣстью его виллу...

„Точно чудо какое?“ думалъ онъ.

Эльза, сильно проголодавшаяся, невольно повеселѣла, увидя предъ собой два вкусныхъ блюда и кофе.

— Думалось ли мнѣ увидѣть васъ когда-либо въ этомъ домѣ, выговорилъ Аталинъ, облокачиваясь локтями на столъ и кладя на нихъ голову, причемъ взглядъ его добродушныхъ глазъ былъ устремленъ на дѣвочку озабоченно и вопросительно.

И долго молча смотрѣлъ онъ на нее будто испытующимъ взоромъ, такъ что Эльзу сталъ наконецъ стѣснять этотъ упорный взглядъ.

— Какъ у васъ хорошо здѣсь! заговорила она, чтобы только прервать молчаніе... Я смотрѣла изъ окна комнаты на верху въ садъ... Знаете, что мнѣ особенно нравится... У васъ не простой садъ, а точно лѣсъ. Уйти туда, и ничего, и никого не видно будетъ, покажется, что находишься далеко, далеко отъ всякаго жилья и людей. А это чувство—чудное. J'aime à me sentir abandonnée, égareé, perdue pour le monde.

И она болтала все, что приходило ей въ голову, но Аталинъ не отзывался и не отрывалъ отъ нея глазъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Графъ Саліасъ.

О ТРЕХЪ ПРИНЦИПАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Всякій разъ, когда человѣку предстоитъ перевести текущую дѣйствительность къ чему-нибудь новому, когда онъ готовится дѣйствовать, измѣнять, онъ можетъ сдѣлать это или по нравственнымъ основаніямъ, или опираясь на право, или по соображеніямъ политическимъ. Внѣ связи съ чѣмъ-либо изъ указаннаго, всякое дѣйствіе человѣка есть простой физическій актъ, есть только явленіе природы, которое обладаетъ прочностью, насколько въ немъ есть физической силы сохранить себя, но не болѣе; напротивъ, въ связи съ указанными началами каждый актъ пріобрѣтаетъ нѣкоторую идеальную прочность и хотя физически онъ, конечно, можетъ быть разрушенъ, однако тотчасъ требуетъ возстановленія себя, такъ-какъ физическими причинами неразрушимы его идеальныя основанія.

Эти три основанія—право, нравственность, политика, образуютъ какъ бы идеальную оболочку физической дѣятельности человѣка, изслѣдимую только умомъ, по которой законы суть и законы дѣятельности физической, насколько за этою послѣдней есть разумность.

I.

Право есть основаніе, лежащее позади физическаго акта и его предполагавшее въ себѣ какъ идеально возможное ранѣе, чѣмъ онъ сталъ физически дѣйствительнымъ. Около практической дѣятельности человѣка оно образуетъ какъ бы сферу идеальной причинности, гдѣ слѣдствіе есть эта дѣятельность, а ея основаніе или причина есть само право. Совершенно противоположно этому отношенію отношеніе къ физической дѣятельности политическихъ осно-

ваній: *они лежатъ всегда впереди ея*, оправдываютъ ее, какъ послѣдующее оправдываетъ связанное съ нимъ предыдущее; такимъ образомъ *политика есть сфера цѣлесообразнаго надъ практическою дѣятельностью человѣка*. Наконецъ, *въ нравственности основаніе дѣйствія и самое дѣйствіе сливаются по времени въ одно:* послѣднее есть матеріальное выраженіе духовнаго акта, который въ немъ содержится и отъ него неотдѣлимъ, какъ сердцевина содержится въ своей оболочкѣ и неотдѣлима отъ нея. Такъ-какъ одновременность, предшествованіе и послѣдованіе исчерпываютъ собою возможные способы отношенія между явленіями, то ясно, что сверхъ нравственныхъ, политическихъ и правовыхъ нѣтъ иныхъ идеальныхъ началъ около физической дѣятельности человѣка, съ которыми она была бы связана и которыя ее поддерживали бы.

По содержанію своему, всякое право есть соединеніе *свободы* и *ограниченія*, свободы на что-нибудь, ограниченія въ этой именно свободѣ, за предѣлы которой не можетъ переступить физическое дѣйствіе носителя права, и въ предѣлы которой, стѣсняя его свободу, не можетъ вступить ничье иное дѣйствіе.

Эта опредѣленная свобода въ дѣйствіи, простирающаяся на послѣдующее, можетъ вытекать только изъ свободы же въ какомъ-нибудь актѣ, который былъ совершенъ ранѣе, потому-что разнородныя вещи и явленія не могутъ быть въ причинной связи между собою. И дѣйствительно, *трудъ есть общій источникъ права*, настолько оно пріобрѣтается человѣкомъ, а не дано ему изначала или не передано ему отъ другаго человѣка. Въ трудѣ, ранѣе совершенномъ и притомъ со свободно избранною цѣлію, эта *цѣль* своимъ содержаніемъ и *опредѣляетъ границы* вытекающаго изъ него *права*. Построивъ домъ съ тѣмъ, *чтобы владѣть имъ*, я и обладаю *правомъ* этого *владѣнія*, то-есть свободою, въ этомъ правѣ содержащеюся, но имъ и исчерпываемою.

Ясна изъ сказаннаго *ненарушимость* всякаго права: коренясь въ фактѣ, который уже былъ и его нѣтъ болѣе (трудъ совершенный), оно неразрушимо въ своемъ источникѣ и слѣдовательно въ себѣ самомъ. Есть contradictio in adjecto въ самыхъ выраженіяхъ: „отмѣнить право", „отнять право" и даже „измѣнить" его; какъ время уже протекшее нельзя вернуть обратно и дерево, давшее плодъ, хотя бы онъ былъ горекъ, нельзя возвратить къ порѣ разцвѣта, такъ однажды возникшее право, будетъ ли оно нести въ себѣ добро и зло, нельзя ни уничтожить, ни ограничить иначе, какъ черезъ новый трудъ и съ нимъ выро-

стающее новое право, которое своею коллизіей съ прежнимъ тѣмъ или инымъ способомъ обезвреживало бы его. И, равнымъ образомъ, нѣтъ времени, по истеченіи котораго право, хотя бы имъ не пользовались, могло перестать существовать: его существованіе есть обязательное для всѣхъ людей и вѣчно; имъ пользованіе принадлежитъ свободной волѣ того, кто имъ владѣетъ. Не только „десятилѣтней давности" нѣтъ для забвенія права: кто понимаетъ его природу—для этого забвенія нѣтъ и вѣчности,—оно не можетъ наступить на всемъ ея протяженіи.

Второе качество права, вытекающее изъ его природы, есть невозможность для него возникнуть помимо труда: его вѣчность, разъ оно возникло, уравновѣшивается его *несоздаваемостью*, разъ для него не было реальныхъ основаній. Поэтому, такое же contradictio in adjecto, какое есть въ выраженіи „отнять право", есть и въ другомъ, столь же часто слышимомъ; „даровать право": его можно только *передать* и для этого нужно предварительно обладать самому имъ, то-есть совершить соотвѣтствующій трудъ для его полученія. Право, возникшее изъ этого труда, *свое* право, можно передать другому, конечно, въ то же время уже лишаясь его.

Это приводитъ къ заключенію, что, напримѣръ, *въ государствѣ*, которое въ статической своей части само возникаетъ изъ права, есть лишь сложность и сцѣпленіе порознь возникшихъ правъ, *нѣтъ* какъ бы *хранилища* этихъ *правъ*, куда они могутъ уходить и откуда могутъ появляться. Въ отношеніи къ праву, роль государства есть чисто консервативная: оно только блюдетъ его, но не переиначиваетъ, не поглощаетъ и не создаетъ вновь,—и не можетъ этого сдѣлать по самой природѣ права. Поэтому свобода на такой актъ, какъ, напримѣръ, амнистію осужденнаго,носитъ названіе „права" лишь по недоразумѣнію: это есть вмѣшательство нравственнаго чувства (сострадавія) въ правовую сферу, эту сферу нарушающее. Замѣтимъ, что эта свобода можетъ принадлежать государству лишь въ случаяхъ преступленія противъ государства же, но никогда—противъ лицъ.

Содержа въ себѣ свободу и ограниченіе, право носитъ исключительно внѣшній или формальный характеръ: въ немъ нѣтъ ничего внутренняго, субъективнаго, оно проводитъ только линію очертаній для дѣятельности, по одну сторону которой можетъ быть все совершено, и по другую—ничего. Оно только разграничиваетъ, раздѣляетъ людей, сословія, страны, царства. И, раздѣляя, ихъ оформливаетъ, даетъ имъ структуру какъ внѣшнюю, такъ и вну-

треннюю, но не жизнь, не одушевленность, которая, исходя изъ другихъ источниковъ, можетъ, однако, течь лишь по линіямъ этой структуры.

Въ силу отсутствія въ немъ внутреннихъ, субъективныхъ началъ, право не имѣетъ въ себѣ *творческаго момента*, и эта особенность его неизмѣримо значительна для народовъ, которымъ предстоитъ управляться въ своей жизни и исторіи его принципомъ, наравнѣ съ другими двумя, которые мы назвали. Этой жизни и исторіи преобладаніе права можетъ сообщить неподвижность, а его недостатокъ можетъ дать неустойчивость. Ничего не создавая вновь, ни къ чему не побуждая, оно твердо охраняетъ то, что̀ есть; напротивъ, нравственный и политическій принципы, одушевляя народы къ высокому, поднимая ихъ до героическаго—всего менѣе препятствуютъ ихъ паденію въ пропасти, ихъ нисхожденію въ низины. Римъ, образецъ правоваго государства, былъ и образцомъ консерватизма; въ предѣлахъ этого консерватизма, охраняя, а не внося разрушеніе [1], онъ былъ и героиченъ. Но въ немъ былъ великій недостатокъ иниціативы, и это было слѣдствіемъ недостатка въ немъ вообще творческихъ, живыхъ силъ. Напротивъ, въ Греціи былъ ихъ избытокъ, при бѣдности консервативныхъ началъ. Героическая эпоха Александра Великаго вытекла именно отсюда, и отсюда же вытекло ея паденіе вслѣдъ за минутой торжества. Греція, столь мало скрѣпленная правомъ, почти безъ сопротивленія была увлечена въ это паденіе; напротивъ, Римъ падалъ, крушился въ теченіе полу-тысячелѣтія.

Мы сказали, что цѣль свободно избраннаго труда опредѣляетъ

---

[1] Здѣсь намъ могутъ указать на трибунатъ, всегда наступающій, вѣчно разрушительный по отношенію къ старымъ учрежденіямъ Рима; но вѣдь онъ, въ которомъ воплотилась вся дѣятельная, пробивающаяся впередъ жизнь Рима (и отсюда его значеніе) былъ магистратурой строго-внѣшнею по отношенію къ патриціанской общинѣ, этому ядру «вѣчнаго города»: онъ возникъ не столько въ Римѣ, сколько вопреки ему и о-бокъ съ нимъ, хотя территоріально и въ немъ. Это внѣшнее положеніе движущаго начала въ Римѣ ясно отвѣчаетъ внѣшней же организаціи, основой коего было право. Далѣе, что касается до военной борьбы, то лишь на почвѣ Италіи, на защищаемыхъ границахъ, она велась героично: всѣ почти внѣ-итальянскія войны велись Римомъ съ замѣчательною вялостью (Нумантинская, Серторіанская, Митридатовскія, Югуртинскія). Греція никогда не была такъ энергична въ защитѣ, какъ Римъ во вторую Пуническую войну, — Римъ никогда не былъ такъ энергиченъ въ нападеніи, какъ Греція въ эпоху Александра Великаго.

границы права, которое изъ него возникаетъ. *Субъектъ*, носитель этой *цѣли*, есть вмѣстѣ и *обладатель права;* въ его лицѣ единится, такимъ образомъ, право и его основаніе, и они не могутъ быть разъединены по разнымъ лицамъ. Трудъ, мною совершенный, никакъ не можетъ сдѣлаться основаніемъ чужаго права, его результатъ, произведенная вещь, есть объектъ права, всегда только моего. Правда, въ моей власти разрушить этотъ объектъ или передать, но существенно, что лишь переданный моимъ свободнымъ актомъ, онъ можетъ стать чужимъ.

Справедливое относительно лицъ, это справедливо и относительно группъ ихъ, — состояній, странъ, народовъ. Не только личный и временный, но и коллективный, историческій трудъ, источникъ великихъ правовыхъ организацій, не можетъ быть переданъ въ своемъ плодѣ, этихъ организаціяхъ — никому кромѣ того, кому принадлежалъ этотъ трудъ; и не можетъ быть у нихъ отнятъ, а отнятый нуждается въ возстановленіи. Но кому принадлежитъ этотъ трудъ, когда есть лишь продолжатели его и нѣтъ уже иниціаторовъ и долгихъ поколѣній, которыя за ними слѣдовали?

Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ идеѣ *историческаго права:* если самые многочисленные виды созидаемаго обязаны личности, то самые важные его виды—поколѣніямъ; въ каждый данный моментъ кому принадлежитъ право на это послѣднее, и въ какой мѣрѣ?

Въ силу неумирающаго смысла всякаго права, оно принадлежитъ тѣмъ, кого нѣтъ болѣе *какъ личности*, но въ комъ они живы какъ *родъ*, какъ *генерація*, или какъ *организованная община*,—но лишь въ мѣру того, насколько они не отказываются отъ своего рода, насколько они суть носители той цѣли, съ которою организовалась община. Люди умираютъ, но не ихъ *кровь*, и также не ихъ *идея*,—а она именно создала вещь, и право на нее остается вѣчно за этою кровью или идеей. Люди погибаютъ, но поколѣнія остаются вѣрны ихъ праву, ему связаны, если только хотятъ участвовать въ плодѣ ихъ труда; и тотчасъ, какъ только не хотятъ они этого, самое право уходитъ отъ нихъ: точнѣе, они сами уходятъ отъ него, оно же остается тамъ и таковымъ, гдѣ и каковымъ они его оставили—тѣмъ, кто остался вѣренъ цѣли труда, который его создалъ. Поэтому нѣтъ, напримѣръ, у государства, права на разрушеніе всякихъ особыхъ организацій, которыя гдѣ-либо оно застало уже готовыми и вклю-

чило ихъ въ свои нѣдра, или которыя допустило въ себѣ возникнуть; нѣтъ у него основаній другихъ, кромѣ физическихъ, для вмѣшательства въ правовую сферу, напримѣръ, церкви, или какой-нибудь свѣтской организаціи. И, далѣе, въ самомъ государствѣ какъ цѣломъ нѣтъ права у каждаго единичнаго поколѣнія на безграничное распоряженіе его судьбой, его силами, его средствами: пріумножить все это оно можетъ, или измѣнить, примѣнивъ его частности къ частностямъ своихъ нуждъ; но разрушить или очень сильно видоизмѣнить, коснуться главнаго—оно не можетъ. Это главное отдѣляется отъ случайнаго тѣмъ, что оно было равно дорого всѣмъ предыдущимъ поколѣніямъ, было священно для нихъ и они, въ идеяхъ своихъ, создавая его, считали, что оно останется неразрушимымъ на всѣ времена. Ожиданія умершихъ суть долгъ живущихъ; это — *переданное* право, но не живущему поколѣнію, а только *черезъ него*—дальнѣйшимъ. Ясно, что рука передающаго въ моментъ, когда въ ней исчезаетъ полученное, есть рука похитившаго.

На истребленіе картины Рафаэля, на то, чтобы разбить „Моисея" Микель Анджело, или сжечь Вестминстеръ, на это нѣтъ права у всѣхъ безчисленныхъ милліоновъ людей, населяющихъ теперь землю, и никогда не будетъ. Они могутъ созерцать эти вѣчные въ своемъ правѣ на существованіе памятники, они могутъ отвернуться отъ нихъ; но коснуться ихъ—вотъ чего они никогда не могутъ, иначе какъ физически только, безъ какой-либо скрѣпляющей ихъ актъ идеальной опоры.

Относительно только-что названныхъ вещественныхъ памятниковъ, созданій индивидуальнаго генія, это такъ ясно и неоспоримо. Но не простирается ли сказанное и на другіе нѣкоторые памятники еще болѣе важные, которымъ обязаны люди не личности, но тому, что̀ можно назвать геніемъ исторіи. Имѣлъ ли за собою какія-нибудь идеальныя опоры Вольтеръ, когда писалъ свою *Pucelle?* или Ренанъ, когда онъ писалъ *Жизнь Іисуса?*

Терять что-нибудь, что̀ было получено и затѣмъ сочтено ненужнымъ, каждый можетъ,—въ этомъ состоитъ его индивидуальное право; но простирается-ли это индивидуальное право и на то, чтобы другихъ заставлять также разжимать пальцы и выпускать изъ рукъ имъ данное? скажемъ точнѣе: простирается-ли это право на то, чтобъ обезцѣнивать внутреннее значеніе того, что̀ всѣ еще имѣютъ, чѣмъ всѣ дорожатъ? Что̀ сказали бы мы о человѣкѣ, который, войдя въ общество людей одѣтыхъ нагимъ,

незамѣтно откупорилъ бы стклянку съ жидкостью, ѣдкіе пары которой испортили бы одежду и всѣхъ остальныхъ? Будетъ ли онъ въ своемъ правѣ, — и между тѣмъ не есть-ли это строгая аналогія того, что̀ уже допущено въ принципѣ всюду и только относительно нѣкоторыхъ, немногихъ святынь исторіи не распространено въ очень отсталыхъ странахъ, удерживаемыхъ какимъ-то инстинктомъ?

Мы думаемъ, каждое единичное поколѣніе можетъ допустить абсолютную свободу критики только своихъ дѣлъ; только они еще, надъ которыми не произнесенъ судъ исторіи, неизвѣстно, несутъ-ли въ себѣ добро или зло. Ихъ не назвали еще „добромъ“ длинныя поколѣнія людей; они не сказали, что это „добро“ согрѣло ихъ душу, осушило ихъ слезы, дало имъ силы надѣяться въ униженіи, вѣрить въ свѣтъ правды среди безъисходнаго мрака зла. Но то, о чемъ это уже сказано, что̀ признано таковымъ и девятымъ, и седьмымъ, и т. д., поколѣніемъ *до* насъ, мы, не знающіе его значенія для седьмаго и девятаго поколѣнія *послѣ* насъ, можемъ-ли, на время получивъ въ свои руки, выбросить прочь съ путей исторіи, потому-что оно оказалось ненужнымъ для насъ?

Скажутъ: „тогда станетъ невозможенъ прогрессъ исторіи“; нѣтъ, но онъ станетъ остороженъ, и въ ней зиждущимъ силамъ будетъ данъ перевѣсъ надъ разрушающими. Мы повторяемъ, должна быть открыта свобода критикѣ настоящаго, и, сосредоточивъ свои силы на немъ, она станетъ гораздо могущественнѣе, чѣмъ теперь,—а этотъ видъ критики одинъ значущъ для улучшенія дѣйствительности. Мы хотѣли-бы только удалить изъ исторіи безплодное раздраженіе, ненужную борьбу съ тѣмъ, что́ вовсе не вызываетъ противъ себя борьбы. Чему помѣшалъ во Франціи историческій образъ Жанны д'Аркъ? Кого оскорбилъ Іисусъ? Итакъ, если дурное чувство одного или другаго оскорблено было ихъ памятью, могутъ-ли они кричать, что въ этихъ образахъ нѣтъ святости? Вѣдь и слабый, безсильный художникъ, созерцая Мадонну Рафаэля, можетъ ощутить противъ нея мучительное чувство; но если бы, взявъ ножницы, онъ захотѣлъ изстричь святой ликъ, не удержали ли бы мы его руку? не въ правѣ ли были бы сдѣлать это? не былъ ли бы, наконецъ, это нашъ *долгъ?*

Итакъ, нѣтъ безграничной свободы для индивидуальнаго сужденія; оно ограничено историческимъ сужденіемъ, которому должно быть подчинено первое, пока индивидуумъ двинется въ исторіи,

подчинено въ *выраженіи* своемъ, если уже разошлись съ нимъ внутри себя, въ своемъ существѣ.

При этихъ границахъ, правыхъ границахъ, человѣкъ можетъ требовать возвращенія себѣ неправо отнятой у него свободы, говоримъ о свободѣ индивидуумовъ организовываться во всякую ассоціацію, цѣль которой не выходила бы за придѣлы ихъ личныхъ интересовъ. Право на это вытекаетъ изъ особаго источника, иного, нежели трудъ, но столь же ненарушимаго.

Мы разумѣемъ здѣсь *потенціальную природу самого человѣка:* будучи весь въ задаткахъ, онъ имѣетъ первичное и священное *право на развитіе въ себѣ* этихъ *задатковъ;* не только на употребленіе своихъ способностей, на чтò онъ имѣлъ бы право, еслибы его природа являла собою полную реальность, еслибы она была механизмъ, а не ростокъ,—но и на сложное ихъ возростаніе, на ихъ углубленіе, чтò часто неосуществимо безъ внѣшней организаціи людей. Такъ, соединиться въ общество съ цѣлью наилучшимъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей,—не такъ воспитывать, какъ это установлено кѣмъ-либо; или сложиться въ другое общество съ цѣлью научныхъ изысканій, въ третье—съ цѣлью совершенствованія еще въ чемъ-нибудь, на все это люд не нуждаются ни въ чьей санкціи.

Индивидуумъ свободенъ и ограниченъ въ отношеніи къ обществу; общество свободно и ограничено въ отношеніи къ индивидууму. Никто изъ нихъ, ни всѣ въ отношеніи къ одному, ни одинъ въ отношеніи ко всѣмъ, не имѣютъ безбрежной неопредѣленности дѣйствій. Но по мѣрѣ того, какъ которая-нибудь сторона впадаетъ въ эту неопредѣленность, тотчасъ вступаетъ въ нее и другая сторона—какъ-бы по нѣкоторому закону, который безсознательно для людей стремится возвратить ихъ въ границы своего права. *Преступленіе* есть фактъ, который помимо своихъ физическихъ основаній, лежащихъ въ организаціи человѣка, имѣетъ подъ собою эту другую, историческую основу. Личность, не цѣнимая болѣе, пренебрегаемая цѣлымъ, пренебрегаетъ это цѣлое; ея группы, цѣлое общество, пренебрегаемое другими, болѣе обширными организаціями, надъ нимъ стоящими, утрачиваетъ смыслъ этихъ организацій и, произвольно или непроизвольно, сталкиваясь съ ними, разрушаетъ ихъ въ частяхъ или въ цѣломъ. Великій организмъ права, эта возросшая въ исторіи сѣть предѣловъ для личности, для государства, церкви, колеблется къ вреду, къ страданію и личности, и государства, и церкви.

II.

Въ противоположность праву, только формальному, только внѣшнему, нравственность есть второй принципъ человѣческой дѣятельности, исключительно внутренній по своему положенію, чисто субъективный. Ея источникъ коренится въ самыхъ сокровенныхъ нѣдрахъ человѣческой природы, въ тѣхъ, которыя мы всѣ чувствуемъ въ себѣ, которыхъ опредѣлить не умѣемъ и только называемъ *совѣстью:* она, вѣчно грозящая намъ извнутри, такъ укоряющая насъ, когда мы и ограждены извнѣ правомъ, есть вѣчно мучащій насъ господинъ нашъ, которому повиноваться мы почитаемъ за высочайшее для себя благо, которому неповиновенія боимся болѣе, нежели самыхъ тяжкихъ внѣшнихъ страданій. Человѣкъ есть рабъ своей совѣсти,—жалкій трепещущій рабъ; его гордыня, его самонадѣянность, его требованія себѣ свободы,—все это опадаетъ какъ блеклый листъ передъ грозящимъ изъ него закономъ, который говоритъ ему, какъ онъ жалокъ, какъ онъ безсиленъ, и, сокрушая гордыню его силой внутреннихъ мукъ, подтверждаетъ истину своихъ опредѣленій. Привязанный страданіемъ къ этому грозящему господину, въ одной вѣрности ему человѣкъ находитъ себѣ утѣшеніе; ему слѣдовать—черезъ бѣдствія, черезъ униженія, черезъ потерю всего—это значитъ для него радоваться; отъ него уклониться ради внѣшнихъ благъ, ради сохраненія земныхъ утѣхъ—это значитъ вдругъ ощутить въ себѣ пустоту, потерять то, ради чего утѣхи, блага. *Лицо* есть человѣкъ, это его лучшее опредѣленіе, глубочайшее, самое высокое; и то, что̀ дѣлаетъ его *лицомъ*, а не абстрактнымъ совершителемъ отвлеченныхъ общихъ дѣлъ, есть именно совѣсть,—*моя* совѣсть, *мнѣ* одному извѣстная, со мною *однимъ* взаимодѣйствующая, мнѣ *только* грозящая и проливающая въ *мое* сердце свѣтъ радости. Какъ будто въ душѣ человѣка это есть отраженіе какого-то другаго лица, его блюдущаго, его оберегающаго, и, когда онъ не хочетъ быть сбереженъ, его оставляющаго. Ничего не происходитъ извнѣ при этомъ, никто этого не видитъ, не знаетъ кромѣ одного: но вотъ померкаетъ свѣтъ въ лицѣ этого одного; радости его не радуютъ, бѣдствія его не трогаютъ, какъ бы пеленою отдѣляются они отъ него и не доходятъ болѣе внутрь его, гдѣ за запертою дверью—никого нѣтъ,

въ отворенное окно — никто невидимъ. Что-то было здѣсь живое, чѣмъ жилъ и этотъ померкнувшій человѣкъ, и вотъ—его нѣтъ болѣе, а онъ самъ—только механически движущаяся оболочка, не знающая, ожидающая, когда же эти мускулы разомкнутся, эти кости раздѣлятся, которымъ не для чего болѣе быть соединенными вмѣстѣ. Рабъ, но Того, Кому и нужно быть рабомъ, Кто насъ создалъ, Кто далъ намъ всѣ наши радости,— нѣтъ, Кому рабъ есть вся природа, это и есть человѣкъ, рабъ видящій руку своего господина, когда ее не видитъ еще вся природа. „Казни меня въ костяхъ моихъ, сотри мое тѣло, но не оставляй меня, не оставляй до конца", вотъ одно, чего истинно хочетъ человѣкъ, чего онъ главнымъ образомъ проситъ если не плетущимся языкомъ своимъ, то свѣтомъ души своей въ личности, въ народахъ, въ человѣчествѣ.

Онъ, правда, не сознаетъ этого; кто же сознаетъ себя, свои внутреннѣйшія движенія, свои нѣдра? Кто ощущаетъ въ себѣ движеніе крови, работу тканей, процессы своего мозга? Но вотъ гдѣ-нибудь въ этихъ тканяхъ, въ этомъ кровообращеніи произошло замѣшательство, и мы чувствуемъ муки, все въ насъ кружится и мы погибаемъ неудержимо. *Тогда* мы чувствуемъ и понимаемъ, что въ неощутимыхъ движеніяхъ внутри нашего тѣла и былъ источникъ того, что мы такъ свободно махали руками, такъ живо двигались и легко болтали въ пору и въ не въ пору, безъ нуждъ и по нуждѣ, празднымъ языкомъ. Руки болѣе не двигаются, языкъ нѣмъ, все тѣло безсильно лежитъ,—хотя все это еще цѣло, ни въ чемъ этомъ нѣтъ никакой видимой перемѣны. Такъ и народы, и человѣкъ, пока они не разошлись со своею совѣстью, они свободно идутъ впередъ, радостно имъ существованіе и, какъ будто ничѣмъ не занятые, они придумываютъ для себя тысячи цѣлей и иногда умираютъ даже, серьёзно думая, что для этихъ цѣлей они жили, что онѣ поддерживали ихъ существованіе. Но вотъ, еще цѣли всѣ стоятъ передъ нами, только чуть-чуть что-то перемѣнилось въ насъ, и эти цѣли поблекли, онѣ почему-то ненужны стали; нѣтъ болѣе яркости въ нашемъ отношеніи къ внѣшнему, все обратилось у насъ внутрь, къ какой-то пустотѣ, которой нечего и созерцать, гдѣ ничего не видно; и вотъ то, что тамъ ничего не видно, наполняетъ насъ страхомъ; мы все смотримъ на опустѣлое мѣсто и, ничего тамъ не различая, не можемъ отвести отъ него глазъ, какъ не

можемъ отвести ихъ отъ лица дорогаго человѣка, который еще недавно оживлялъ насъ и теперь лежитъ неподвиженъ и мертвъ.

Нить, связующая насъ съ „мірами иными“ неощутимо, невидимо—пока она не перервана, (тогда мы гибнемъ)—и есть эта совѣсть; она же единитъ насъ и съ міромъ, открываетъ намъ сердце людей и открываетъ для нихъ наше сердце. Мы всѣ рабы—но одного закона, мы всѣ трепещемъ—но одно нарушить, мы всѣ радостны—но при одномъ только условіи, и на этомъ одномъ мы единимся, понимаемъ другъ друга, любимъ, жалѣемъ, сочувствуемъ. Во всемъ прочемъ мы разнимся, прихотливо разбѣгаемся въ разныя стороны, не отрываясь другъ отъ друга, пока не прервана связующая насъ всѣхъ нить; и, разъ она прервана, какъ бы тѣсно мы ни были слиты съ людьми, какъ бы ни обращали къ нимъ руки, эти руки будутъ холодны, въ мольбѣ нашей будетъ ненависть.—и погибнуть, уйти въ „иной міръ“, гдѣ обрывокъ нити, за которую мы держались, есть все, что̀ намъ остается, чего мы должны ожидать, и хоть не должны, намъ запрещено это, однако неодолимо уходимъ, какъ рабъ, виновный уходитъ къ наказанію, котораго трепещетъ, но и знаетъ, что его и нельзя, и не слѣдуетъ избѣгать.

Свобода, которую даетъ намъ право, ограничивается этою совѣстью; внутри его оболочки, гдѣ намъ предоставлено все, она указываетъ немногое, что̀ мы должны избирать: ея указанія—это узкій путь, которымъ мы должны слѣдовать среди широкихъ путей права. „Ты можешь, имѣя жилище, оставить холоднаго гибнуть за дверью“, говоритъ право; „ты этого не долженъ, ты этого не смѣешь“, ограничиваетъ совѣсть: „позже, но хуже, чѣмъ этотъ холодный, ты погибнешь, если его не согрѣешь“, говоритъ она. И тогда какъ, соблюдая право, мы не ощущаемъ никакой награды, каковое бы ни было право, хотя бы оно вовсе не походило на только что указанное,—повинуясь совѣсти, отказываясь отъ права, мы тотчасъ получаемъ награду въ живомъ чувствѣ радости. Что̀ это за чувство, какова его природа?

Въ отличіе отъ удовольствія, наслажденія и проч. радость есть чисто внутренній актъ: это чувство не только внутреннее,[1] но и о внутреннемъ, ощущеніе себя таковымъ, каковъ я долженъ быть по какимъ-то внутреннимъ требованіямъ, хотя-бы

[1] То-есть оно не зарождается, не протекаетъ во внѣшнихъ органахъ, не есть вообще ощущеніе внѣшнее или внѣшняго.

вопреки всѣмъ внѣшнимъ. Далѣе, радость есть терминъ противоположный смерти, есть ея отрицаніе, есть удаленіе души на совершенно обратную сторону, чѣмъ гдѣ лежитъ смерть: никогда радующійся человѣкъ не пожелалъ умереть, какъ этого слишкомъ часто желалъ человѣкъ наслаждающійся, пресыщенный удовольствіями. Такимъ образомъ, это чувство есть въ высшей степени жизненное; мы не ошиблись бы, еслибы сказали, что оно и сама жизнь—тождественны: радость есть въ высшей степени полное и яркое ощущеніе жизни, есть пламя ея, высоко взвившееся кверху, тогда какъ обыкновенно оно скорѣе клонится долу. Удовольствія, наслажденія суть именно то, что ее клонитъ долу; они понижаютъ жизненное ощущеніе, и отъ этого человѣку, обремененному ими, такъ часто хочется ее оставить. До нѣкоторой степени мы можемъ это понять: среди наслажденій, привязанный безчисленными страстями къ внѣшнимъ предметамъ, человѣкъ какъ бы сливается съ ними, границы его личности, его особаго существованія въ мірѣ становятся тускнѣе; отдѣлиться отъ внѣшнихъ предметовъ, которые онъ такъ любитъ, для него значитъ почти то же, что перестать жить. При полной кажущейся свободѣ, онъ внутренно связанъ ими; онъ господинъ надъ ними и, въ сущности, рабъ ихъ. При отреченіи отъ всѣхъ ихъ, на „узкомъ пути", гдѣ человѣкъ одинъ, ничто не затемняетъ его личности, ни съ чѣмъ не слито, не смѣшано его бытіе. Не неся на себя никакихъ тѣней отъ міра, онъ ярокъ въ лицѣ своемъ, особенъ въ существованіи своемъ; и ярокъ же лежитъ предъ нимъ міръ, такъ удаленный отъ его желанія, такъ отграниченный отъ него. Этотъ избытокъ бытія, эта яркость сознанія и перевѣшиваетъ весь избытокъ наслажденій, но тускло переживаемыхъ, какія получаетъ человѣкъ, дурно понявшій смыслъ своей природы. Отъ этого не только вообще ограниченіе нравится человѣку, но и высшія степени его, которыя мы называемъ аскетизмомъ, отреченіемъ отъ міра, приносятъ ему съ собой неизъяснимыя радости. Не было примѣра во всемірной исторіи, кажется ни одного примѣра, чтобы человѣкъ, отвѣдавшій этого ограниченія, перешелъ отъ него къ безграничности наслажденій; чтобы, разъ имѣвъ силу подняться на „узкій путь", онъ сошелъ съ него вновь на низины широкихъ путей. Нѣтъ отшельниковъ, вернувшихся въ міръ, если только удаленіе ихъ отъ него не было насильственнымъ или не совершилось по подражанію, то-есть *безъ внутренняго* самоограниченія. А мы го-

воримъ только о внутреннихъ актахъ души, о дѣйствительномъ, а не о кажущемся.

Такимъ образомъ, отъ ограниченія, которое вноситъ совѣсть въ пользованіе правомъ, мы перешли къ ограниченію, которое она налагаетъ на самаго человѣка. Во всемъ человѣкъ противоположенъ природѣ, хотя, повидимому, и завершаетъ ее собою; и въ самоограниченіи, къ которому онъ тайно влечется, выражается его безсознательное усиліе утвердить эту противоположность. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего въ природѣ, что̀, обладая данными силами, задержало бы въ себѣ эти силы, не примѣнило бы ихъ къ чему-нибудь, къ чему онѣ могутъ быть примѣнены, будетъ ли то земля, которую сосетъ корень, свѣтъ, который поглощается листомъ, кровь и внутренности, которыя питаютъ собою другую внутренность. И вотъ, въ противоположность этому физическому міропорядку, въ человѣкѣ открывается другой, нравственный міропорядокъ: *покорность*—взамѣнъ борьбы, *кротость*—взамѣнъ самонадѣянной вѣры въ себя, *самопожертвованіе*—взамѣнъ пользованія другимъ для себя. Всѣ эти явленія, которыя мы называемъ и, называя, понимаемъ ихъ, то-есть чувствуемъ, что въ насъ есть нѣчто, что̀ имъ отвѣчаетъ—и не имѣютъ имени для себя, и не имѣютъ чего-либо, отвѣчающаго своему понятію, во всей природѣ. Но если это такъ, если дѣйствительно даже малѣйшаго зародыша мы не находимъ для всего этого въ природѣ, ясно, что не одна природа (φύσις) живетъ въ человѣкѣ, что въ него заронена и искра другаго чего-то, что̀ къ этой природѣ имѣетъ отношеніе только отрицательное. Для смысла, не говоря уже о волѣ или о проявленіи страстей, брезжущіе начатки мы находимъ до человѣка, и потомъ въ немъ—лишь чрезмѣрное развитіе этихъ зачатковъ. Но для его совѣсти, для его трепета предъ внутреннимъ нравственнымъ закономъ, для его страха почувствовать нарушеннымъ что-то, о чемъ не говорятъ ему, что̀ въ немъ не видятъ, чего отъ него не требуютъ, что̀ онъ одинъ знаетъ въ тайнѣ про себя, для всего этого въ цѣлой природѣ до человѣка мы не находимъ ничего, кромѣ молчанія. Это вскрываетъ намъ смыслъ, который соединяетъ человѣкъ со словомъ, такъ же непонятнымъ въ природѣ, непостижимымъ для нея, со словомъ *грѣхъ*. Совѣсть есть внутренній законъ, а то что̀ лежитъ за его предѣлами, куда впадаетъ человѣкъ, переходя его грани, есть грѣхъ; это есть безграничная область *не* указаннаго человѣку, *запрещеннаго* для него, куда физически своими

похотями онъ вѣчно хотѣлъ бы переступить, но душою своею боится переступить болѣе, чѣмъ нарушить какой-нибудь ясный, грубый, себя защищающій наказаніями, законъ. Въ родственности душѣ человѣческой понятія грѣха открывается ея потусторонній смыслъ ея *не* физическое происхожденіе, а вмѣстѣ истинная и глубочайшая ея природа.

Понятіе это не есть только обобщеніе человѣческихъ пожеланій: оно противится имъ, вводитъ ихъ въ границы; и оно не есть также результатъ исторической памяти, потому что, что болѣе часто и съ болѣе древнихъ временъ указывалось человѣку какъ не право его на плодъ своего труда,—и вотъ, вопреки этому праву, человѣкъ все еще отдѣляетъ отъ этого плода часть, чтобы передать ее другому, который „не сѣялъ, не жалъ". Чего боится онъ, совершая все это, почему чувствуетъ себя печальнымъ, когда не совершилъ, противъ *кого* виновнымъ, когда обиженный уже забылъ вину или его нѣтъ болѣе, на это напрасно мы искали бы отвѣта внѣ человѣка, все это тянется своимъ смысломъ лишь внутрь его: съ собою, но откуда — неизвѣстно, онъ уже приноситъ на землю это знаніе, онъ боится и радуется потому, что *человѣкъ*, но не потому, что *наученный*, что *обставленный законами* человѣкъ. Грѣхъ — это то, для чего онъ *не* посланъ въ міръ; это *не* то, по законамъ чего образована его душа, о чемъ онъ долженъ бы *помнить* пока, до какого-то времени, что ему припоминается, его тяготитъ всего болѣе, когда онъ готовъ закрыть глаза на всякую дѣйствительность, съ котораго, повидимому, оставляетъ и грѣхъ свой, но *онъ*, этотъ грѣхъ, его не оставляетъ, а готовится идти съ нимъ въ какую-то новую дѣйствительность. Все это — потустороннія ощущенія и понятія, принесенныя человѣкомъ въ міръ, но не уносимыя изъ него.

Эти понятія, человѣкъ чувствуетъ, коренныя въ немъ, безъ которыхъ онъ всего менѣе хочетъ существовать, безъ которыхъ *не умѣлъ бы* существовать. Коренясь въ индивидуумѣ, насколько индивидуумъ несетъ на себѣ отраженія цѣлаго —они присущи и цѣлому: исторія, сверхъ другаго всего, есть также исторія паденій или просвѣтленій человѣческой совѣсти, есть большее или меньшее обремененіе человѣка грѣхомъ. Не только человѣкъ, но и цѣлые народы, длинныя эпохи ихъ существованія, могутъ нести въ себѣ, въ своихъ нѣдрахъ, извращеніе первичныхъ основъ нравственности; и какъ индивидуумъ несетъ на себѣ наказаніе этого извращенія, такъ не избавлены бываютъ отъ него и цѣлыя

эпохи и народы. То время только можетъ быть радостно, тотъ народъ свѣтелъ внутренно, который твердо чувствуетъ, ясно сознаетъ, что его сила не истекаетъ ни изъ чьей слабости, его величіе — изъ чужаго униженія, что его насыщенность не есть только сытость очень сильнаго животнаго. Какъ бы ни успокаивался онъ въ этой силѣ, какъ бы ни утѣшался своимъ величіемъ, пройдутъ краткія минуты этого утѣшенія, за которыми онъ найдетъ только долгій сумракъ. Чуткія души въ его средѣ, не неся никакой личной отвѣтственности, въ тревогахъ своей совѣсти первыя понесутъ наказаніе за грѣхъ цѣлаго; но скоро, очень скоро и обширныя массы людей, ничего не понимая въ своемъ внутреннемъ состояніи, ощутятъ въ немъ то же разстройство, которое уже начало сводить съ лица земли ихъ болѣе раннихъ, болѣе даровитыхъ, и потому глубже отвѣтственныхъ, предшественниковъ,—пока, какъ тѣнь гонимая солнечнымъ лучемъ, не сбѣжитъ съ лица земли, изъ поля исторіи, и вся ненужная болѣе ни для чего эпоха, не понявшій смысла своего и назначенія народъ. Римъ, геніальный выразитель правовыхъ отношеніе, но не хотѣвшій ни въ чемъ, никогда и нигдѣ потѣсниться въ нихъ, есть глубокій, и поразительный, и страшный примѣръ для всѣхъ болѣе позднихъ народовъ; чудовище, попиравшее столько народовъ, ощутитъ ли онъ какую-нибудь, сколько-нибудь *длящуюся* сытость? Вотъ никого болѣе не осталось, кто могъ бы укорить его; но, никѣмъ не укоренный, сперва въ единичныхъ людяхъ и затѣмъ въ массахъ, давно не противящихся болѣе гибели, [1] онъ сталъ уходить ихъ исторіи, какъ болѣе ненужная тѣнь. И только въ новой религіи, на новыхъ тѣсныхъ путяхъ, снова завязавъ связь души своей съ „иными мірами", откуда она пришла, человѣчество получило, конечно, изъ этихъ же міровъ, и новыя силы для жизни, какъ мы теперь знаемъ, болѣе

[1] ...«Римъ разграбленъ, а бѣглые Римляне идутъ въ Карѳагенъ (еще римскій на нѣсколько дней) развернуть предъ его глазами свою безнравственность. Триръ четыре раза берется приступомъ, а остатокъ его жителей усаживается посреди крови и разрушенія па опустѣлыхъ скамьяхъ его амфитеатра. „*Бѣглецы Трира*, восклицаетъ Сальвіанъ, *вы обращаетесь къ императорамъ съ просьбой позволить вамъ открыть театръ и циркъ: но гдѣ же городъ, гдѣ народъ, объ увеселеніяхъ котораго вы хлопочете!..*" Въ это же время одинъ поэтъ, Рутилій, излагалъ въ стихахъ свое путешествіе изъ Рима въ Этрурію, какъ Горацій, въ счастливые дни Августа, свое путешествіе изъ Рима въ Брундузій, какъ Сидоній Аполлинарій воспѣвалъ свои сады въ Овернѣ, въ который вторглись Вестъ-Готы.» Шатобріанъ, «Etudes Historiques».

продолжительной и лучшей. Но всякій разъ, какъ, забывая о перенесенномъ наказаніи, оно снова вступаетъ на прежній слишкомъ широкій путь, прежнія чувства тяготятъ его, и въ нихъ грозитъ ему прежнее наказаніе. Европейское человѣчество, (и за нимъ мы сами, насколько умѣемъ только подражать ему) стоитъ предъ этимъ наказаніемъ, уже его испытывая и все-таки еще не видя, слѣпое внутренно среди поражающаго свѣта кругомъ, потерявшее знаніе простыхъ и основныхъ истинъ среди миріадъ вычурныхъ и утонченныхъ знаній. Гоня голодную, просящую толпу, безъ „права" надоѣдающую имущимъ, оставляя за тысячами женщинъ „право" стать лишь употребляемою вещью для каждаго, кто захочетъ, [1] „свободное", „христіанское", съ прошлаго вѣка „разумное" человѣчество Запада и также Востока конечно не болѣе древняго римскаго хранитъ въ себѣ главное право всего живущаго, которое *нужно еще оправдать*, — право на жизнь, на существованіе, на продленіе того, что̀ было дано и всегда можетъ быть отнято.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Розоновъ.

---

[1] Въ самомъ дѣлѣ, не поразительное ли это явленіе: права на закрѣпощеніе кого-нибудь нельзя давно купить во всей христіанской Европѣ, хотя бы оно было свободно предлагаемо кѣмъ-нибудь; раба я не могу имѣть, даже съ условіемъ сохраненія его жизни, здоровья, но только съ правомъ по смерть на его свободу и всякій трудъ. И, въ то же время, и у меня, и у всякаго въ каждый текущій моментъ въ распоряженіи не одна, но толпы, но тысячи рабынь,—рабынь, изъ которыхъ каждая закрѣпощена не одному, но всякому, кто захочетъ, на каждый *его* часъ и на *всю свою* жизнь, и закрѣпощена не только относительно свободы, не только труда, но труда до такой степени для всѣхъ презрѣннаго, принужденіе силой къ которому есть уголовное преступленіе,—не это ли нарушеніе всѣхъ христіанскихъ законовъ, не это ли неслыханное въ исторіи проявленіе тартюфизма? «Европа, гдѣ твой разумъ, гдѣ твоя совѣсть, могъ бы спросить каждый, когда охраняя за этимъ вотъ драгоцѣнную его свободу, ты допускаешь его до величайшаго несчастія, для избѣжанія котораго онъ охотно бы отдалъ свою свободу, — до несчастія видѣть, какъ дочь его, имъ когда-то лелѣянный ребенокъ, будетъ взята вотъ этимъ другимъ, «его братомъ» (fraternité), для удовлетворенія началъ пробудившихся его скотскихъ похотей.» Конечно, и тѣни права на имя христіанской не имѣетъ Европа, пока въ ней допущена, есть (быть-можетъ. поощряется?) проституція.

ХУДОЖНИКЪ БЕЗПАЛОВЪ

и

НОТАРІУСЪ ПОДЛЕЩИКОВЪ.

КОМИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

VIII.

Два Эпизода.

Dans les drames, les épisodes doivent être courts, tandis que l'epopée peut les développer tout à son aise.

Aristote.

Портретъ близился къ концу; Андрею Николаевичу желалось узнать о немъ мнѣніе того своего пріятеля, котораго въ разговорѣ съ женой онъ звалъ иносказательно докторомъ. И вотъ, волей-неволей, намъ приходится познакомиться съ новымъ лицомъ.

Назначивъ, по соглашенію съ Фанни Юрьевной, день для осмотра портрета, Безпаловъ написалъ доктору записку. Самое простое было-бы отправить ее по городской почтѣ, но Андрей Николаевичъ, подобно многимъ россіянамъ, столько разъ не отвѣчалъ по лѣни, безпечности, разгильдяйству или нежеланію на нужныя письма и до того часто, въ свое оправданіе, сваливалъ вину на почту, будто бы затерявшую его отвѣтъ, что наконецъ и самъ увѣровалъ въ ея неисправность. Онъ придумалъ слѣдующій, казавшійся ему самымъ удобнымъ и вѣрнымъ, способъ отправки письма. На углу тупика, гдѣ онъ жилъ, по московскому

обычаю, стояла цѣлая семья извощиковъ; Безпаловъ выбралъ изъ нихъ самаго толковаго и непьющаго, Василія, и послалъ его съ письмомъ, разъяснивъ ему подробно, даже можетъ быть черезчуръ подробно, адресъ доктора.

Швейцаръ при меблированныхъ комнатахъ, гдѣ стоялъ докторъ, тѣмъ не менѣе письма не принялъ, объявивъ, что никакого доктора у нихъ нѣтъ, что по фамиліи г. Голубцовъ точно есть, но такого, чтобы доктора Голубцова не имѣется

— Да тебя къ дохтуру-ли еще послали? спросилъ онъ извощика.

— Къ дохтуру; это точно, что къ дохтуру. Самъ баринъ наказывалъ; барыня, что-ль, больна; поакуратнѣе молъ свези.

Болѣзнь барыни была ученымъ домысломъ Василія.

— А если къ дохтуру, такъ я тебѣ вотъ-что скажу; видишь на искосокъ, тутъ же на Тверской, въ номерахъ, Лисабонъ прозываются, только не нашего хозяина, точно что дохтуръ стоитъ; только не Голубцовъ, а Соколовъ прозывается, сказалъ швейцаръ по той собственно причинѣ, что по условію получалъ съ Соколова малую мзду за рекомендацію каждаго паціента.

Извощикъ подумалъ, подумалъ и окончательно убѣдясь, что барыня дѣйствительно больна, подалъ письмо въ Лисабонскіе номера.

Не мудрено, что Андрей Николаевичъ, явясь на другое утро въ назначенный часъ, не засталъ Голубцова дома.

— Да развѣ вчера извощикъ письма́ не привозилъ? спросилъ онъ швейцара.

— Письмо точно что привозилъ, да какъ онъ все толковалъ, что барыня очино больны, и велѣно поаккуратнѣе, такъ я его къ дохтуру Соколову и отправилъ. Чудесный дохтуръ, не изволите знать? Прахтика огромнѣющая.

Безпаловъ какъ схватился за шапку при имени доктора Соколова, такъ и стоялъ.

— А развѣ они къ вамъ не заѣзжали? полюбопытствовалъ швейцаръ.

— И куда онъ только провалился! воскликнулъ Безпаловъ.

— По больнымъ, надо полагать, поѣхали; безпремѣнно къ вамъ заѣдутъ, ужь за это побожиться можно. Такъ, развѣ позадержались, гдѣ малость. Отмѣнный дохтуръ!

— Да ты про кого? Я о Голубцовѣ спрашиваю.

— А г. Голубцовъ только-что вышли, пятью минутами не застали.

— Одинъ?

— Нѣтъ, какой-то съ ними; не то, чтобъ баринъ настоящій, и ежели скажемъ такъ, что ахтеръ, такъ не ахтеръ, потому — не бритый и не взрачный такой, такъ что даже ихняго лица описать невозможно.

— Куда бы онъ пошелъ? вслухъ ломалъ голову Андрей Николаевичъ.

— Не въ трактиръ-ли; этотъ, что̀ съ ними, на счетъ новой водки будто толковали.

Андрея Николаевича точно озарило, и онъ полетѣлъ къ Тѣстову.

Тамъ, въ комнатѣ налѣво, за угольнымъ круглымъ столомъ, на насиженномъ мѣстѣ, обрѣтался черноволосый, невысокій, худощавый и стройный человѣчекъ, съ умнымъ лицомъ и спокойными голубыми глазами, изъ породы извѣстной подъ именемъ тараканьихъ мощей. То̀ и былъ докторъ Голубцовъ. Подлѣ него помѣщался господинъ, вида котораго невозможно было описать, по выраженію швейцара. Особенно трудно это было въ настоящую минуту, ибо господинъ сутуловато держалъ голову книзу, при чемъ длинныя космы, падая на лицо, закрывали его до половины, а чернявенькая бородка топорщилась впередъ и даже наровила на концѣ завиться колечкомъ, точно она была не унылой бородкой, а веселымъ собачьимъ хвостикомъ.

— А! докторъ! еще въ дверяхъ вскричалъ Безпаловъ.—А я то ищу тебя.

Голубцовъ всталъ ему навстрѣчу.

— Въ чемъ дѣло?

Безпаловъ объяснилъ.

— Съ кѣмъ ты? слѣдомъ спросилъ онъ,

— Такъ, штучка довольно интересная... Только я его завтракомъ обѣщалъ накормить: очень ужь расхваливалъ новую водку. А послѣ завтрака не успѣемъ?

— Чего не успѣть? весьма успѣемъ, отвѣчалъ Безпаловъ, взглянувъ на часы.

Они подошли къ столу.

— Вы не знакомы? спросилъ докторъ.

— Угрюмовъ, сказалъ незнакомецъ, сутулясь еще сильнѣе.

Безпаловъ сдѣлалъ видъ, будто припоминаетъ фамилію.

— Драматургъ, добавилъ Угрюмовъ, тщетно стараясь освободить лицо отъ волосъ.

— А!... Какже-съ!... Очень пріятно, не извѣстно для чего солгалъ Безпаловъ, и назвалъ себя.

Польщенный драматургъ осыпалъ его самыми восторженными хвалами.

Но читателю уже давно не терпится узнать, какой именно науки докторомъ былъ Голубцовъ, и я начинаю:

Эпизодъ первый.

Какой науки докторомъ былъ Голубцовъ.

О, моя юность, о, моя свѣжесть!
Гоголь.

Внимательный читатель, по нѣкоторымъ подробностямъ и замѣчаніямъ, конечно, уже давно пришелъ къ совершенно вѣрному заключенію, что дѣйствіе нашего разсказа происходитъ въ Москвѣ, въ семидесятыхъ годахъ истекающаго столѣтія; теперь я попрошу его перенестись въ Петербургъ и во времена болѣе отдаленныя, въ старину болѣе сѣдую (или юную, если хотите), въ конецъ пятидесятыхъ годовъ.

О полученіи Голубцовымъ степени доктора, а равно о томъ когда и при какихъ обстоятельствахъ это произошло, въ ученомъ мірѣ существуетъ нѣсколько разсказовъ и даже легендъ, но всѣ варіанты въ одинаковой степени не заслуживаютъ вниманія, кромѣ того, который я буду имѣть честь сейчасъ предложить читателю.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, Голубцовъ былъ молодымъ человѣкомъ, недавно окончившимъ университетскій курсъ. Онъ тогда еще не получалъ наслѣдства, но имѣлъ нѣкоторыя средства, дозволявшія ему, по собственному его выраженію, не столько жить, сколько путаться въ Петербургѣ. Въ тѣ дни онъ былъ друженъ съ неимѣвшимъ практики медикомъ Шперлингомъ (чуть ли не барономъ) и нерѣдко захаживалъ съ нимъ въ „Золотой Якорь“.

Въ Петербургѣ тогда существовало довольно много трактировъ второй руки, гдѣ готовили изъ свѣжей провизіи и хорошо кормили за недорогую цѣну. Если заведеніе дѣлилось на двѣ половины, то чистая неизмѣнно именовалась „дворянскою“. Между ея посѣтителями нерѣдко встрѣчались господа съ загорѣлыми лицами, крутыми усами и въ венгеркахъ. Дворянскія комнаты

были снабжены органами, давно пожелтѣвшими отъ табачнаго дыма занавѣсками, приличною сервировкой, серебряными ложками и большимъ выборомъ трубокъ, съ длинными чубуками, янтарными мундштуками и „свѣженькими“ перышками. Порой эти трактиры носили семейный характеръ; при нихъ находилось нѣсколько небольшихъ комнатъ, но расположенныхъ не вдоль длиннаго корридора, какъ теперь, а другъ подлѣ друга, какъ въ частныхъ квартирахъ: тогда, видно, не опасались, что чей-нибудь нескромный глазъ заглянетъ хотя бы въ самую дальнюю комнатку. Эти трактиры процвѣтали до 1862 года и затѣмъ стали постепенно хилѣть, и, наконецъ, и совсѣмъ закрылись, надо думать одновременно съ исчезновеніемъ послѣдняго выкупнаго свидѣтельства изъ кармана послѣдняго средней руки барина былыхъ временъ.

Года три назадъ, въ холодный и вѣтреный день, случилось мнѣ быть на Острову; я порядочно прозябъ и заѣхалъ обогрѣться въ „Золотой Якорь“, думая воскресить юношескія впечатлѣнія. Увы! никакой не только дворянской, но просто чистой половины въ немъ не оказалось. Трактиръ, тѣмъ не менѣе, процвѣталъ; онъ былъ полонъ народу, но то былъ все простой народъ: купцы, разнощики, прикащики; въ большой залѣ стоялъ веселый и вольный говоръ. Выпивъ рюмку, я предался унылымъ думамъ. Я сожалѣлъ, что со мной нѣтъ милѣйшаго К. Н. Какою діатрибой разразился бы онъ противъ демократизаціи не только всего изящнаго и высокаго, но даже трактировъ средней руки! И когда онъ вошелъ бы въ полный паѳосъ, то я сразу срѣзалъ бы его, пригласивъ потянуть носомъ воздухъ. Дѣло было въ посту, и въ залѣ нестерпимо пахло постнымъ масломъ. Этотъ запахъ подѣйствовалъ бы благотворно на благочестивое обоняніе моего друга и заставилъ бы его примириться съ демократизаціей ... по крайней мѣрѣ трактировъ средней руки. Но я немного занесся.

Голубцовъ и Шперлингъ всегда садились въ комнатѣ съ органомъ, въ излюбленномъ уголкѣ и почти всякій разъ разыгрывали слѣдующую шутку. Голубцовъ раньше всего требовалъ винную карточку и начиналъ чтеніе съ отдѣла шипучихъ.

— Клико, читалъ онъ.

— Далеко, вторилъ Шперлингъ.

— Редереръ.

— Trop cher.

— Кремантъ.

— Намъ не по *karman*.

— Эль-де-пердри.

— Morgen früh.

И такъ далѣе. Затѣмъ неизмѣнно заказывалось по двѣ порціи борща съ ветчиной и сосиськами (причемъ Шперлингъ причмокивалъ) и бифштекса по-гамбургски (причемъ Шперлингъ становился необычайно серьезенъ).

— И водочки съ прибавленіемъ шнапса! возглашалъ онъ.

Половой, давно знавшій всю эту рацею, наконецъ свободно вздыхалъ и, взмахнувъ салфеткой, опрометью бросался исполнять заказъ, но чрезъ три шага останавливался и подбѣгалъ къ гостямъ.

— А пива: Крона или Фрица прикажете?

— Фрица, непремѣнно Фрица, всенепремѣнно его же, наинепремѣнно того же и всенаипремѣннѣйше онаго! провозглашалъ Шперлингъ, любившій похвалиться полнымъ знаніемъ русскаго языка.

Пиво Фрица было тогда въ модѣ; впрочемъ Шперлингъ чувствовалъ къ нему особую нѣжность съ тѣхъ поръ, какъ въ часъ безденежья и жажды сочинилъ два слѣдующія стиха:

Какъ бы умудриться
Выпить пива Фрица.

Однажды, утоливъ волчій голодъ (какимъ онъ и долженъ быть въ юности), пріятели принялись за утоленіе гусиной жажды (какой она и должна быть въ молодыхъ лѣтахъ), какъ стеклянная, съ мѣдными прутиками дверь отворилась съ шумомъ и дребезгомъ. Влетѣлъ довольно дюжій кудряватый господинъ съ кіемъ въ лѣвой рукѣ; правой же рукой онъ тащилъ за собою сильно упиравшагося коренастаго Нѣмчика, ухвативъ его за шиворотъ. Лицо господина съ кіемъ было красно и горѣло гнѣвомъ; у Нѣмчика глаза суетливо бѣгали, какъ мыши въ западнѣ, и лицо выражало одновременно и ужасъ, и покорность судьбѣ, какъ у путешественника, отошедшаго по оплошности отъ спутниковъ и невзначай захваченнаго канибалами. Слѣдомъ валила толпа гостей и вдали слышался топотъ спѣшившихъ на скандалъ половыхъ.

— Я тебѣ говорилъ, чортовъ Нѣмецъ, что̀ ты у меня попляшешь, кричалъ кудряватый господинъ.

— Да это Полубоевъ! воскликнулъ Шперлингъ.

Полубоевъ былъ извѣстный въ то время стихотворъ, импровизаторъ и буянъ.

— А кому я понадобился? отозвался Полубоевъ.

— Что съ тобой? спросилъ Голубцовъ.

Полубоевъ съ волненіемъ разсказалъ, что онъ игралъ на бильардѣ „вотъ съ нимъ",—тутъ онъ такъ энергически ткнулъ кіемъ въ сторону барина съ необыкновенно бѣлыми усами и аннинской петлицей, что тотъ попятился,—а этотъ „чортовъ Нѣмецъ" сидѣлъ, да посвистывалъ и какъ только ему играть, онъ возьметъ и свистнетъ подъ-руку, а Полубоевъ все мимо и мимо. Нѣсколько разъ онъ предупреждалъ Нѣмца, что онъ у него попляшетъ, если не перестанетъ свистѣть, но тотъ все не унимался. Наконецъ Полубоевъ вышелъ изъ себя.

— Андрей, пускай машину! закричалъ Полубоевъ, окончивъ разсказъ,— а ты!..

При этомъ онъ такъ тряхнулъ Нѣмца, что тотъ споткнулся; Полубоевъ невольно выпустилъ изъ рукъ чужой воротникъ и самъ чуть было не полетѣлъ.

— Нѣтъ, ты постой! закричалъ онъ, стараясь вновь схватить Нѣмца за воротъ.

— Да погоди же! вступился Шперлингъ, бросаясь между ними.

— Докторъ! не суйся между дракономъ и его яростью, съ величавымъ гнѣвомъ возгласилъ Полубоевъ.

— Голубцовъ, да урезонь же его... Иль ты не видишь самъ, что Нѣмецъ ничего не понимаетъ?.. Я переведу сейчасъ.

Голубцову удалось сдержать буяна, и Шперлингъ обратился къ своему соплеменнику съ допросомъ по-нѣмецки. Подсудимый Нѣмецъ объяснилъ, что онъ путешественникъ и, посѣтивъ многія образованныя страны, вздумалъ посмотрѣть на полудикую Россію, куда отправился не зная языка, ибо его другъ, берлинскій негоціантъ, прожившій двадцать лѣтъ въ Петербургѣ, удостовѣрилъ его, что за все указанное время онъ нисколько не нуждался въ туземномъ языкѣ и выучилъ, единственно для разговора съ простымъ народомъ, два энергическія выраженія, при помощи коихъ можно добиться всего. Тутъ Нѣмецъ, къ радостному изумленію и гоготу всей публики, совершенно спокойно и даже съ нѣкоторою важностью произнесъ два русскихъ сквернословія. Затѣмъ онъ показалъ, что, придя сегодня въ этотъ трактиръ, онъ пообѣдалъ и закуривъ *свою* сигару, отправился пить *свой* кофе въ бильярдную, ибо любитъ, куря и прихлебывая кофе послѣ обѣда,

смотрѣть какъ господа упражняются въ этой пріятной и полезной для здоровья игрѣ. Господинъ съ кіемъ игралъ съ высокороднымъ господиномъ съ орденскою ленточкой и игралъ дурно, вѣроятно вслѣдствіе опьяненія. Онъ, обращаясь къ нему, Нѣмцу, нѣсколько разъ кричалъ что-то съ явнымъ раздраженіемъ, повторяя особенно часто два слова: „swesti“ и „pleischi“, смыслъ которыхъ остался для подсудимаго непонятенъ. Наконецъ, когда повернувшись спиной, какъ разъ противъ него, Нѣмца, господинъ съ кіемъ сыгралъ особенно неудачно, причемъ шаръ даже перелетѣлъ чрезъ бортъ, то съ остервенѣніемъ набросился на него и нежданно схвативъ за-воротъ, куда-то потащилъ. Вѣроятно онъ, мирный путешественникъ, подвергся бы еще грубѣйшему насилію со стороны этого дикаря, еслибы не благородное заступничество соплеменника, которому онъ и приноситъ свою сердечную благодарность.

Подсудимый пожалъ руку Шперлингу и умолкъ.

— Ну? нетерпѣливо спросилъ Полубоевъ.

Шперлингъ немного подумалъ.

— Сейчасъ... Слушай, Голубцовъ, какую штуку я выкину надъ симъ Филистимляниномъ... Будь покоенъ, обратился онъ къ Полубоеву,— онъ у насъ сейчасъ запляшетъ.

— Ну! столь же нетерпѣливо повторилъ тотъ.

— А вы свистали, когда этотъ господинъ игралъ? спросилъ Шперлингъ путешественника.

Путешественникъ отвѣчалъ, что дѣйствительно вспоминалъ нѣкоторые мотивы.

— У насъ, въ Россіи, севершенно серьезно продолжалъ докторъ,—существуетъ обычай, что тотъ, кто свищетъ во время игры другаго, обязанъ потомъ протанцовать предъ нимъ, особенно, если играющій крикнетъ тѣ два кабалистическія слова, которыя васъ такъ смутили и такъ вамъ запомнились.

— О... Oh!.. So-o? протянулъ Нѣмецъ.—Странный, но весьма любопытный обычай. Онъ, впрочемъ, хотя и отдаленно, напоминаетъ древній ирокезскій обычай, о которомъ...

— Что онъ тамъ мямлитъ? спросилъ Полубоевъ.

— Вы согласны? строго обратился Шперлингъ къ соотечественнику.

— Если таковъ народный обычай... Надѣюсь, что и господинъ съ кіемъ не откажетъ мнѣ въ удовольствіи показать свое искусство въ такого рода народныхъ танцахъ.

Шперлингъ передалъ.

— Ну, ладно, Нѣмецъ. Гляди же, потрафляй! Посмотримъ, кто кого перепляшетъ. Андрей! запусти „Комаринскаго".

„Комаринскаго" запустили. Нѣмецъ сдѣлалъ нѣсколько медвѣжеобразныхъ движеній и просто остолбенѣлъ, увидѣвъ какого ловкаго трепака откалываетъ Полубоевъ. Публика разразилась рукоплесканіями.

—Ну, счастливъ твой Богъ! сказалъ Полубоевъ, цѣлуя Нѣмца,— дешево отдѣлался. Другаго раскровянилъ бы. Докторъ! переведи этому уроду.

Шперлингъ такимъ же серьезнымъ тономъ, какъ и раньше, объявилъ путешественнику, что поцѣлуй, который онъ получилъ, называется „поцѣлуемъ Іуды" и означаетъ, что господинъ съ кіемъ не доволенъ его слабымъ участіемъ въ танцахъ, а потому, согласно обычаю, имѣетъ право, буде успѣетъ выпить въ его присутствіи залпомъ цѣлую бутылку пива, что̀ называется *ex*, вызвать противника на дуэль на ножахъ. Полубоевъ въ это время взялся за бутылку,—и Нѣмца только и видѣли!

Шперлингъ, Голубцовъ и Полубоевъ просидѣли въ трактирѣ до того часу, когда его потребовалось запирать. Полубоевъ заупрямился было уходить, но Голубцовъ что-то шепнулъ ему на ухо.

— А! въ такомъ случаѣ идемъ.

Они вышли благополучно, но едва затворилась за ними дверь, какъ Полубоевъ вспомнилъ, что не выпилъ „посошка". Онъ сталъ стучать въ дверь; служитель, запиравшій дверь, былъ изъ новыхъ, не зналъ свычаевъ Полубоева и отвѣчалъ, что никакъ нельзя.

— А! нельзя? такъ вотъ же тебѣ.

И стекло въ двери разлетѣлось въ дребезги.

— Что̀ ты дѣлаешь? закричалъ Голубцовъ.

— А вотъ что̀, спокойно отвѣчалъ Полубоевъ, сходя по ступенькамъ на тротуаръ и слѣдомъ выбилъ палкой еще два окна въ нижнемъ этажѣ.

Поднялся скандалъ. Выбѣжалъ служитель, выскочилъ дворникъ, набралась публика, откуда-то взялся чрезвычайно бѣлоусый господинъ съ аннинской петлицей, проходившій мимо купецъ Фунтиковъ заявилъ, что „мы тоже видѣли", явился и городовой. Всякій галдѣлъ свое. На бѣду проходилъ мимо недавно-поступившій въ полицію офицеръ; изъ ревности къ службѣ онъ приказалъ свести всѣхъ въ кварталъ. Въ кварталѣ никакого

толку не вышло. Новый служитель, разсчитывая, что имѣетъ дѣло съ хорошими господами, не привычными къ кварталамъ, заломилъ за стекло тройную цѣну, не безъ тайной надежды прикарманить двѣ трети оной. На него набросились всѣ, причемъ чрезмѣрно бѣлоусый кричалъ и бранился пуще всѣхъ, утверждая, что онъ не позволитъ обидѣть благородныхъ людей. Квартальный не смогъ угомонить расходившіяся страсти, и въ виду благородства буяновъ распорядился всѣхъ ихъ отправить къ полковнику.

Необходимо припомнить, что въ то время была впервые настоятельно сознана потребность „облагородить полицейскую службу"; ради сего, въ особенности же для занятія должностей поважнѣе, были приглашены молодцоватые на видъ и бравые гвардейскіе офицеры, бойко говорившіе по-французски.

Въ части полковника не оказалось. Приходилось ждать. Трое пріятелей вмѣстѣ со свидѣтелями были помѣщены въ большой низкой, закоптѣлой и запотѣлой комнатѣ, гдѣ, при жалкомъ освѣщеніи, нѣсколько человѣкъ въ сомнительныхъ костюмахъ и съ еще болѣе сомнительными физіономіями что-то быстро строчили, изрѣдка перекликаясь между собою.

Усталый Голубцовъ сѣлъ въ уголъ и задремалъ; онъ не зналъ, долго ли дремалъ, но когда очнулся, то услышалъ бѣготню, перешептыванья и звонъ стекла.

— Что̀ онъ тамъ бьетъ? было первой мыслью Голубцова.

Оказалось, что никто ничего не бьетъ, а нижній чинъ убираетъ пивныя бутылки и стаканы, пришептывая: „Никакъ нельзя-съ; сейчасъ полковникъ войдутъ-съ". Лица Полубоева, Шперлинга и черезчуръ бѣлоусаго защитника благородныхъ людей доказывали, что они не тратили времени даромъ. Голубцовъ, поглядѣвъ на нихъ, только за-ухомъ почесалъ.

Вошелъ полковникъ. Голубцовъ толково объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

— Который г. Полубоевъ? спросилъ полковникъ.

Полубоевъ приподнялся со скамьи и грузными шагами, съ необыкновенно-унылымъ видомъ подошелъ къ полковнику.

— Вопервыхъ, г. Полубоевъ, я принужденъ сдѣлать вамъ замѣчаніе, что вы вели себя не вполнѣ благородно; дворянину буянить не подобаетъ: noblesse oblige. Вовторыхъ, конечно, виноватъ и половой, запросивъ несоотвѣтственную цѣну и съ него за это взыщется по всей силѣ законовъ. Я вполнѣ согласенъ съ

вашимъ знакомымъ, что такихъ денегъ платить не слѣдуетъ, и что требованіе ихъ можетъ привести благороднаго человѣка въ раздраженіе, но видите ли, теперь уже далеко за-полночь и пора спать, а потому я предлагаю вамъ слѣдующее. Оставьте деньги, какія онъ требуетъ, у меня, а завтра утромъ, — условьтесь въ которомъ часу, вотъ съ поручикомъ Томашевскимъ,—(поручикъ выдвинулся впередъ); онъ отправится вмѣстѣ съ вами, оцѣнитъ на мѣстѣ причиненные вами убытки, а остальныя деньги вы получите обратно. Вы, конечно, согласны?

— Нѣтъ, не с... с... согласенъ, съ трудомъ ворочая языкомъ, точно онъ у него прилипалъ и къ небу, и къ деснамъ, сказалъ Полубоевъ.

— Какъ? почему?

— Не в... в... вѣрю, также сказалъ Полубоевъ.

— Кому? поручику Томашевскому не вѣрите?

— И ему... не... в... вѣрю.

— Но мнѣ-то, надѣюсь, вы повѣрите же? съ очаровательно любезною улыбкою спросилъ полковникъ.

— И вамъ не в... вѣрю.

— Послушайте, однако!.. Почему же вы мнѣ не вѣрите?

— П... п... полиціи не вѣрю.

— Да прежде, конечно, полиція... Но теперь?!

И полковникъ вздернулъ плечами.

Россіяне, добившись до лакомаго и завиднаго мѣста, сразу какъ-то убѣждаются, что вѣдомство, по ихъ же вчерашнимъ словамъ, запущенное и неприглядное, съ *ихъ*-то назначеніемъ, процвѣтетъ въ одну ночь, подобно жезлу Ааронову. Полковникъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ общему мнѣнію.

— Впрочемъ, немного помолчавъ и не слыша къ своему сокрушенію льстиваго одобренія собственнымъ словамъ, продолжалъ полковникъ,—вѣдь и надъ нами есть начальство. Въ случаѣ неудовольствія, вы можете жаловаться г. оберъ-полицеймейстеру.

— И ему... не вѣрю.

— Ну, въ такомъ случаѣ господину генералъ-губернатору, съ усмѣшкой сказалъ полковникъ.

— И ему... не вѣрю.

— Но,—наконецъ..., съ особымъ торжествомъ возгласилъ полковникъ.

— И наконецъ... не вѣрю.

Полковникъ вспыхнулъ.

— Ка-акъ? И наконецъ, не вѣрите? Да это lèse-majesté!.. Господинъ Ивановъ, потрудитесь составить протоколъ.

— Mais monsieur le colonel, вступился Голубцовъ.

Французскій языкъ мгновенно оказалъ на полковника успокоительное дѣйствіе, и они заговорили на этомъ дворянскомъ нарѣчіи.

— Докторъ, не подличай!.. Нѣмецъ, пляши! совсѣмъ нежданно вскричалъ Полубоевъ.

У него до того помутилось въ головѣ, что давешній скандалъ въ трактирѣ смѣшался съ настоящимъ въ частномъ домѣ.

— А!.. вы докторъ? обратился полковникъ къ Голубцову.

— Да, усмѣхаясь, отвѣчалъ онъ,—только не медицины.

— Какой-же науки, смѣю спросить? съ особымъ уваженіемъ освѣдомился полковникъ.

Голубцовъ чуть подумалъ.

— Ассоціаціонной психологіи, не моргнувъ глазомъ отвѣчалъ онъ,—и занимаюсь вообще феноменологіей человѣческаго духа.

Полковникъ обидился.

— Э! сказалъ онъ про себя,—да ты меня, кажется, почитаешь за круглаго невѣжду. Нѣтъ, братъ, я знаю, что ассоціаціи бываютъ въ политической экономіи, а френологія совсѣмъ другое дѣло! И затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ вообще и не къ кому въ особенности, полковникъ звучно произнесъ слѣдующую рѣчь:— Вы видите, господа, что я хотѣлъ окончить дѣло благороднымъ образомъ, но господинъ Полубоевъ... Предоставляю вамъ самимъ произнести судъ надъ его поведеніемъ... Словомъ, я принужденъ его задержать до утра, въ надеждѣ, что онъ станетъ тогда... сговорчивѣе. А вы, господа, обратился онъ къ свидѣтелямъ, кромѣ Голубцова, который стоялъ по другую отъ него сторону,—можете идти.

Свидѣтели раскланялись и стали расходиться, при чемъ господинъ съ бѣлыми до странности усами и аннинской петлицей, счелъ долгомъ благодарственно пожать руку полковнику.

— Надѣюсь, и я могу уйти? обратился Голубцовъ къ полковнику.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ полковникъ, поворачиваясь къ Голубцову съ самой очаровательной улыбкою,—я попросилъ-бы васъ остаться.

Голубцовъ всей своей фигурой выразилъ изумленіе.

— Но почему же?

— Вы... слишкомъ много разговаривали, шутливо отвѣчалъ полковникъ и, быстро повернувшись, пошелъ изъ комнаты.

Новопожалованный докторъ хотѣлъ было протестовать, но подумавъ, что нельзя-же оставлять Полубоева въ такомъ видѣ одного, отложилъ протестъ до завтра.

Вошелъ поручикъ Томашевскій, провожавшій полковника.

— Не угодно-ли пожаловать за мною, любезно предложилъ онъ Голубцову и Полубоеву.

— Полубоевъ, идемъ, сказалъ Голубцовъ

— А? туда? ладно, отозвался Полубоевъ, все еще воображая себя въ трактирѣ.

— Ничего, ваше благородіе, шепнулъ Голубцову нижній чинъ, убиравшій бутылки,—я вамъ отведу покойчикъ по-чище: для господъ по-лучше держимъ.

Голубцовъ, какъ вошелъ въ покойчикъ по-чище, такъ и повалился въ пальто и калошахъ на кровать. Нижній чинъ вышелъ; въ покойчикѣ водворилась тьма; Голубцовъ закрылъ глаза и досадливо, какъ отъ мухъ, отмахивался отъ лѣзшихъ ему въ голову мыслей.

— Ну, и пусть!.. Ну, и къ чорту! твердилъ онъ, пока мыслямъ точно наскучило толкаться въ неотзывчивую голову. Голубцову показалось, что онъ заснулъ.

— Вставай! будилъ его чей-то голосъ.

Онъ открылъ глаза и увидѣлъ Полубоева.

— Да ты какъ-же трезвъ? изумился онъ.—Иль успѣлъ выспаться?

— Нѣтъ, вѣдь это у меня скоро: вступитъ и сейчасъ-же осядетъ. Ну, вставай-же! не спать же тутъ: клопы заѣдятъ.

При такомъ убѣдительномъ аргументѣ, Голубцовъ спѣшно вскочилъ съ кровати. На столѣ горѣла сальная свѣчка, стояло съ полъ-дюжины пива и два стакана. Полубоевъ мигомъ опорожнилъ стаканъ, другой, и почувствовалъ себя, какъ... въ трактирѣ.

— Пиво не дурно, сказалъ онъ, — а вотъ наше дѣло, такъ Лаврикоко.

Голубцовъ припомнилъ, что имя этого американскаго озера въ устахъ Полубоева нерѣдко замѣняло слово дрянь.

— Да, Титикака порядочная, отвѣчалъ онъ.

— А это что̀?

— Озерко же.

— Въ тѣхъ же мѣстахъ?

— Въ оныхъ же.

Полубоевъ пропустилъ еще стаканъ.

— Слушай, вдумчиво сказалъ онъ, — я-то, помнится, набуянилъ порядочно, а тебя за что̀ же засадили?

Голубцовъ объяснилъ.

— Ха, ха, ха! Такъ за разговоры? Ну, а докторомъ теперь мы всѣ тебя звать станемъ. И науку же придумалъ! Ха, ха, ха! И слѣдомъ онъ сказалъ экспромтъ:

За болтливость, какъ сорока,
Запертъ въ клѣтку Голубцовъ;
Какъ буянъ и забіяка,
Арестованъ я безъ словъ...

— Какъ, какъ? будто не разслышавъ, перебилъ его Голубцовъ.

— За болтливость, какъ сорока, повторилъ Полубоевъ.

— Вотъ тебѣ и Лаврикоко! подхватилъ Голубцовъ.

— Какъ буянъ и забіяка, продолжалъ импровизаторъ.

— Вотъ тебѣ и Титикака!

— Ахъ, чортъ! воскликнулъ Полубоевъ,—да это великолѣпно!.. Знаешь что̀, давай-ка поэму сочинять.

— Какую?

— Да такую, чтобы въ ней другихъ риѳмъ, кромѣ Лаврикока и Титикаки не было.

— Ладно.

И немного подумавъ, докторъ продекламировалъ:

Ты мнѣ скажешь: „глянь, братъ, во-ко!
Сколько риѳмъ на Лаврикоко.“
Я тебѣ въ отвѣтъ: „Однако,
Мало ль ихъ на Титикака?“

— Ахъ, чортъ! Да этакъ и мнѣ за тобой не угоняться.

Плодомъ ихъ совмѣстнаго творчества и ночнаго бдѣнія была поэма, въ коей одни насчитывали до двухъ сотъ стиховъ, другіе же (что̀ явно преувеличено) даже до четырехъ сотъ; къ сожалѣнію эта замѣчательная поэма утрачена, подобно многимъ великимъ произведеніямъ древнихъ и новыхъ временъ. Въ памяти повѣствователя сохранились только ничтожные отрывки. Въ началѣ риѳмы подбирались, какъ пришлось; но затѣмъ былъ составленъ планъ и разрозненныя строфы приведены въ стройный порядокъ. Поэма начиналась описаніемъ озеръ:

Отъ студеныхъ зимъ далеко
Озерко есть Лаврикоко;

Подъ палящимъ солнцемъ *Рака*
Златомъ блещетъ Титикака.

Затѣмъ слѣдовало поэтически-роскошное и научно-вѣрное изображеніе флоры и фауны обоихъ озеръ; далѣе воспѣвалась высокая культура или, точнѣе, грубое невѣжество народовъ, обитающихъ на ихъ берегахъ. Въ самомъ дѣлѣ,

Не читаютъ Поль-де-Кока
Рыбаки на Лаврикоко,
И не вѣдаютъ Бальзака
Рыболовы Титикака.

Еще далѣе повѣствовалось объ ужасномъ трагическомъ событіи. Судите сами:

По могучей волѣ Рока,
Переплывши Лаврикоко,
Наша рыжая собака
Утонула въ Титикака.

Въ заключеніе скромные авторы казнили самихъ себя за виршеписаніе, утверждая будто

Сосланъ въ каторгу безъ срока
Голубцовъ на Лаврикоко;
Полубоевъ-забіяка
Былъ утопленъ въ Титикака.

Нельзя не пожалѣть, что поэма не сохранилась до нашихъ дней, когда, по газетному сказанію, въ нашей интеллигенціи снова пробуждается вкусъ къ поэзіи; она не прошла бы не замѣченной отечественной критикою; болѣе: слава ея, конечно, распространилась бы до далекой и дружественной французской республики, дошла до президента Карно и онъ произвелъ бы обоихъ поэтовъ въ офицеры Академіи и украсилъ ихъ петлицу академическими пальмами,—отличіе котораго, къ общему ликованію Россіянъ, уже удостоились лирическія подергиванія Жидовина Жана Застѣнкина и драматическія передергиванія Осетина Жоржа Пупатова.

На другое утро поручикъ Томашевскій съ сухимъ поклономъ объявилъ арестованнымъ, что ранѣе препровожденія г. Полубоева по принадлежности къ его превосходительству г. оберъ-полицеймейстеру, г. полковникъ желаетъ удостовѣриться, для помѣщенія такого обстоятельства въ рапортъ, тотъ ли это самый г. Полубоевъ, который за поносительный поступокъ относитель-

но военнаго патруля на Петровскомъ острову былъ выдержанъ, по особому повелѣнію, двѣ недѣли на Сенатской гауптвахтѣ.

Полубоевъ видимо смутился, даже слегка поблѣднѣлъ, но твердо отвѣчалъ, что онъ тотъ самый и есть. Поручикъ удалился.

— Плохо, братъ! сказалъ Полубоевъ.—Вотъ когда настоящее Лаврикоко пришло! И тогда-то хотѣли выслать на мѣсто родины, а ужь теперь!..

— Э?!

Второе явленіе поручика Томашевскаго. Онъ былъ сухъ и дѣловитъ попрежнему.

— Ну-съ, г. Полубоевъ, не угодно ли вамъ отправиться со мною? Что же касается васъ, г. Голубцовъ, то вы, буде пожелаете, конечно, можете сопровождать вашего знакомаго въ качествѣ свидѣтеля.

— Я, конечно, пожелаю сопровождать его, только не въ качествѣ свидѣтеля, съ жаромъ сказалъ Голубцовъ, — а для принесенія жалобы его превосходительству на неправильное мое заарестованіе...

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ доложить объ этомъ г. полковнику.

При третичномъ появленіи, поручикъ Томашевскій предсталъ предъ заключенными совсѣмъ въ иномъ видѣ. Куда дѣвались сухость и дѣловитость! Онъ былъ любезенъ, привѣтливъ, ласковъ, даже льстивъ слегка.

Онъ съ обаятельною улыбкой объяснилъ Голубцову, что г. полковникъ поручилъ ему извиниться предъ нимъ въ не совсѣмъ законномъ его задержаніи, происшедшемъ будто бы единственно потому, что полковникъ воротился вчера чрезмѣрно усталымъ и разбитымъ и не вполнѣ отчетливо уяснилъ себѣ всѣ обстоятельства дѣла.

— Впрочемъ, добавилъ онъ, все можетъ устроиться самымъ благороднымъ образомъ: мы втроемъ отправимся въ „Золотой Якорь“, оцѣнимъ убытки, заплатимъ деньги и возьмемъ съ хозяина, или буфетчика росписку, что онъ никакихъ претензій на г. Полубоева не имѣетъ, а г. Голубцовъ, смѣю надѣяться, со своей стороны будетъ столь любезенъ, что не откажетъ намъ въ одолженіи и дастъ подписку о неимѣніи никакихъ претензій на дѣйствія полиціи.

Полубоевъ робко, но не безъ надежды взглянулъ на пріятеля,—но тотъ не видѣлъ его взгляда.

— Что жь, глядя на часы, сказалъ Голубцовъ, — оно хотя и рано, а позавтракать все жь можно.

Все было сдѣлано, какъ сказаню. Поэты, почувствовавъ къ поручику Томашевскому внезапное влеченіе, приглашали его позавтракать съ ними съ коварною цѣлью накачать его до безчувствія, но поручикъ отказался по долгу службы и единственно по благородству чувствъ предложилъ самъ выпить по рюмкѣ водки, причемъ закусилъ тешкой съ хрѣномъ.

Теперь читателю вполнѣ извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ и по какой именно каѳедрѣ Голубцовъ былъ удостоенъ докторской степени, и мы можемъ продолжать прерванное повѣствованіе.

* * *

Не успѣли докторъ Голубцовъ, художникъ Безпаловъ и драматургъ Угрюмовъ распорядиться насчетъ завтрака, какъ изъ комнаты съ органомъ вошли двое. Впереди шелъ коренастый, средняго роста мужчина, въ лицѣ котораго преобладали сѣрые тона; эту сѣроватость усиливали пепельные съ сильною просѣдью волосы, растрепанные и на головѣ, и въ бородѣ, отчего лицо его походило на затуманенный ликъ мѣсяца, только-что прорѣзавшійся сквозь облака. На немъ былъ старый, въ запыленныхъ пятнахъ, побѣлѣвшій по швамъ фракъ,—что помогало общему впечатлѣнію сѣроватости. Несмотря на коренастое сложеніе незнакомца, фракъ на немъ висѣлъ, какъ на вѣшалкѣ, точно былъ взятъ на-прокатъ съ высокаго и широкоплечистаго барина. Ему, очевидно, было не по себѣ въ такомъ парадѣ, и онъ все прикрывалъ и ерошилъ себѣ грудь пятернею, отчего запонки на рубашкѣ растегнулись и правое жабо стремилось сблизиться съ ухомъ, чему способствовала разсѣянность незнакомца, забывшаго повязать галстухъ.

За нимъ шелъ высокій и плотный молодой человѣкъ, необычайно бѣлый, съ румянцемъ какъ на хорошо выпеченномъ пшеничномъ хлѣбѣ; словомъ, молодецъ изъ породы крупитчатыхъ, какихъ можно видѣть за прилавкомъ у Филиппова или Севостьянова. Быть-можетъ, въ силу такого подобія, казалось будто лицо и голова молодца посыпаны мукой. Онъ былъ также во фракѣ; но на его цилиндрообразномъ тѣлѣ платье точно облипло, что давало ему сходство съ огурцомъ, оставленнымъ на сѣмена,

или лучше съ вполнѣ налившейся дубовою почкой, ждущей легкаго пониженія температуры, чтобы разорвать свою оболочку.

— Гляди ка: Немыкинъ и вдобавокъ во фракѣ! сказалъ Безпаловъ.

— Какой Немыкинъ? редакторъ? жадно спросилъ Угрюмовъ.

— Онъ самый, отвѣчалъ Голубцовъ.

— Пожалуйста, познакомьте меня съ нимъ.

— Ладно.

То былъ дѣйствительно извѣстный Немыкинъ, редакторъ новоявленнаго журнала *Русское Добро.* Собственно, Немыкинъ желалъ назвать свое обозрѣніе *Славянское Вѣче*, но Главное Управленіе по дѣламъ печати не безъ основанія опасаясь, что съ появленіемъ первой же книжки, а чего добраго, даже перваго объявленія о *Вѣчѣ*, какой-нибудь вольнодумный пономарь отъ Спаса въ Наливкахъ ударитъ въ набатъ, который будетъ подхваченъ всѣми сорока сороками, и въ Москвѣ мгновенно водворится удѣльно-вѣчевой укладъ въ томъ довольно безтолковомъ видѣ, какъ онъ описанъ въ сочиненіи Костомарова, — предложило редактору перемѣнить заголовокъ. Эпитетъ „славянское“ былъ замѣненъ болѣе скромнымъ „русское“, а бурное *Вѣче* превратилось въ скромное *Добро*, по той единственно причинѣ, что остальныя цензурныя существительныя, подходящія къ прилагательному „русскій“ были уже разобраны другими журналами. Чтобы показать любезность и со своей стороны, цензура, скрѣпя сердце, согласилась оставить въ эпиграфѣ стихи Пушкина:

Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ.

Впрочемъ, все обошлось благополучно; австрійское посольство противъ эпиграфа не протестовало (секретарь не доглядѣлъ), но на бѣду въ то же время какой-то водочный заводчикъ выпустилъ высшій сортъ столоваго вина за № 2.001 подъ тѣмъ же именемъ „Русское добро“,—обстоятельство, подавшее поводъ къ фельетонному зубоскальству, на которомъ не мало заработали сотрудники враждебныхъ газетъ.

Голубцовъ и Безпаловъ пошли на встрѣчу Немыкину. Тотъ, увидавъ подходящихъ, сощурился елико возможно, и наконецъ узналъ Голубцова.

— А, Θедоръ Θедоровичъ! обрадовался онъ и озарился широкой во все неузкое лицо улыбкой.

— Вотъ ужь не ждалъ васъ здѣсь встрѣтить! отвѣчалъ Голубцовъ.

— Я по дѣлу... Да вотъ, вашего пріятеля, обратился Немыкинъ къ Безпалову,—извините, я сразу васъ не узналъ, здравствуйте!

И Немыкинъ, пожавъ руку художнику, умолкъ, полагая, что послѣдними словами объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Какого моего пріятеля?

— Нотаріуса Лещинскаго, то-есть, виноватъ Подлещикова, а Лещинскій польскій король, я все путаю... Его здѣсь нѣтъ? оглядывая комнату разсѣяннымъ и блуждающимъ взоромъ, спросилъ Немыкинъ.

— Онъ человѣкъ аккуратный, сказалъ Андрей Николаевичъ,—и если ужь обѣщалъ...

— Да, мы немного рано, сказалъ Немыкинъ, глядя на часы.

— Такъ не угодно ли вамъ будетъ побесѣдовать съ нами? предложилъ Голубцовъ.

— Превосходно! Кстати, намъ надо еще кончить разговоръ объ Иммерманѣ. Помните, въ прошломъ году, у Писемскаго, но намъ помѣшали...

Они подошли къ столу. Голубцовъ представилъ драматурга редактору. Немыкинъ притворился, будто ему очень пріятно.

— Позвольте же и мнѣ со своей стороны представить вамъ... Нѣшкинъ, мой секретарь, то-есть собственно секретарь редакціи, Иванъ Петровичъ...

— Это васъ Иванъ Петровичъ зовутъ, внушительно сказалъ секретарь,—а я Петръ Иванычъ.

— Ка-акъ? точно вскинувшись отъ глубокаго сна, сказалъ редакторъ.—Ахъ, да!.. Впрочемъ, вы правы...

— Зачѣмъ вы здѣсь, сказалъ Голубцовъ,—мы знаемъ, но отчего вы во фракѣ? Вѣдь это тоже въ своемъ родѣ явленіе необыкновенное.

— Мы были у графа Путивцева.

— Какъ? развѣ онъ здѣсь?

— Да, проѣздомъ въ деревню...

— Ну, чтò онъ? Разскажите, разскажите.

Немыкинъ сталъ разсказывать, но авторъ предпочитаетъ повести рѣчь о томъ же предметѣ отъ своего имени, и его повѣствованіе составитъ:

Эпизодъ второй.

Отставка графа Путивцева.

Вотъ, видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль.
А. Пушкинъ.

Отставка графа Путивцева надѣлала большаго шума и радостно взволновала общество. Конечно, въ подобномъ явленіи не было ничего необычайнаго; какъ извѣстно, всякая отставка министра или инаго высокопоставленнаго сановника производитъ въ нашемъ обществѣ радостное волненіе. Наши министры пользуются сочувствіемъ общественнаго мнѣнія только въ то время, какъ идутъ слухи объ ихъ назначеніи, но стоитъ имъ пробыть мѣсяцъ, много два, на мѣстѣ, какъ та же людская молва уже начинаетъ съ злорадствомъ толковать объ ихъ предстоящей отставкѣ. И все-таки отставка графа Путивцева была чѣмъ-то замѣтнѣе. Правда, его не долюбливали, что доказывается успѣхомъ слѣдующаго эпиграмматическаго четверостишія, сочиненнаго на его счетъ:

Леталъ по воздуху Гамбетта
Для внутреннихъ французскихъ дѣлъ;
Умнѣй была бы шутка эта,
Когда бъ Путивцевъ полетѣлъ.

Но, опять-таки, всякія эпиграммы на высокопоставленныхъ сановниковъ, даже безъ соблюденія стихотворнаго размѣра и грамматическихъ правилъ, пользуются у насъ успѣхомъ. Особое оживленіе въ настоящемъ случаѣ имѣло болѣе тонкую и политическую причину, какъ выражается Гоголевскій судья. Именно, люди консервативнаго направленія видѣли въ графѣ тайнаго либерала и надѣялись, что онъ будетъ замѣщенъ явнымъ консерваторомъ, люди же либерально настроенные усматривали въ Путивцевѣ явнаго консерватора и жили чаяніемъ, что вмѣсто него будетъ назначенъ по меньшей мѣрѣ тайный либералъ. Въ виду того, что либералы у насъ вообще многочисленнѣе консерваторовъ, и что они, въ качествѣ поборниковъ свободы слова, куда болтливѣе своихъ политическихъ соперниковъ, въ то время часто можно было слышать, что теперь-то ужь навѣрное реакціи при-

шелъ капутъ, причемъ съ засосомъ прибавлялось, что наконецъ-то газетамъ ретрограднаго пошиба заткнутъ глотку,—желаніе не столь либеральное, сколь искреннее.

Въ Химкахъ, въ особое отдѣленіе, занимаемое графомъ, вошелъ его камердинеръ и, доставъ изъ картонки форменную фуражку, которую графъ прежде всегда надѣвалъ предъ въѣздомъ въ Москву, подалъ ее его сіятельству.

— Что̀ это?... Нѣтъ, мой другъ, дайте мнѣ шляпу, съ умягченною кротостью сказалъ графъ,—а это теперь годится развѣ на проселкѣ.

И графъ затуманился, вспомнивъ какое невниманіе и забвеніе отъ многихъ, даже черезчуръ многихъ испыталъ онъ послѣ отставки. Онъ вспомнилъ, какъ предъ послѣднею аудіенціей онъ встрѣтился съ другимъ сановникомъ въ залѣ, гдѣ имъ приходилось ждать очереди, и тотъ, будто пользуясь случаемъ, началъ выспрашивать его мнѣніе о дѣлѣ, которое имъ предстояло рѣшить по соглашенію, прекрасно зная, что графъ уже не будетъ принимать участія въ рѣшеніи ни этого, ни другихъ дѣлъ,—шпилька самаго высокаго полета. Онъ вспомнилъ также какая, бывало, огромная и почтительная толпа встрѣчала его при прежнихъ посѣщеніяхъ нашей первопрестольной столицы...

Графъ принялъ всѣ мѣры, чтобъ о его нынѣшнемъ пріѣздѣ не зналъ никто; онъ не написалъ о немъ даже самымъ близкимъ друзьямъ.

Выйдя изъ вагона, онъ плотно закутался въ шинель съ бобровымъ воротникомъ и быстро направился къ выходу. Народу было немного, но все же двое, трое встрѣчныхъ, при видѣ его, посторонились съ почтительнымъ недоумѣніемъ. Графъ былъ очень польщенъ такимъ вниманіемъ; дѣйствительно, если они, при встрѣчѣ съ нимъ, отъ неожиданности и не обнажали головъ, за то, по его проходѣ, долго еще стояли съ открытымъ ртомъ.

Остановясь, какъ подобаетъ, въ *Дрезденѣ,* графъ на-скоро убрался, переодѣлся и поѣхалъ поклониться московскимъ святынямъ. Въ Кремлѣ графъ, по обычаю, залюбовался на великолѣпный видъ Замоскварѣчья. Въ его головѣ толпились историческія воспоминанія, и мысли сами собой, по привычкѣ, слагались въ закругленные и звучные періоды. Періоды поочередно начинались словами „здѣсь“ и „отсюда“. *Здѣсь* стоялъ тотъ-то (а много ихъ стояло, начиная съ князя Даніила!), *отсюда* смотрѣлъ тотъ-то (охъ, много ихъ смотрѣло, начиная съ Калиты!), и

всѣ стоявшіе, и всѣ смотрѣвшіе думали, подобно графу, равно глубокую думу. Наконецъ, въ своемъ историческомъ синодикѣ графъ дошелъ до Наполеона, и съ тѣмъ вмѣстѣ, понятно, сталъ думать по-французски. Употребленное при этомъ слово *retraite* невольно ему напомнило о собственной отставкѣ; онъ сравнилъ свою судьбу съ судьбой Французскаго императора.

— Но Наполеонъ, продолжалъ онъ, — развѣ онъ успокоился? Развѣ ему не предстояли годы борьбы, Эльба, и вновь сто дней власти?... Такъ и я... не навсегда же... нѣтъ, у меня еще будутъ свои сто дней, которые я, какъ дѣятель болѣе мирный и осмотрительный, постараюсь растянуть, по меньшей мѣрѣ, на сто мѣсяцевъ.

Графъ повернулся, чтобъ отправиться въ гостиницу, и вдругъ, увидѣвъ соборы, смутился; онъ изловилъ себя на грѣховной гордости и обуревавшемъ его съ юности честолюбіи. Онъ смиренно снялъ шляпу и искренно прошепталъ прошеніе объ избавленіи его отъ духа любоначалія. И тотъ, кто видѣлъ бы графа въ это мгновеніе, проникся бы невольнымъ къ нему сочувствіемъ; все напускное, привитое, выдѣланное, вицмундирное куда-то спряталось и осталось одно доброе, прямо человѣческое лицо.

Воротясь въ *Дрезденъ*, графъ спросилъ завтракъ, и затѣмъ, закуривъ сигару, сталъ медленно пить кофе, въ ожиданіи времени ѣхать съ визитами. Ему доложили о г. Немыкинѣ. Онъ нѣсколько изумился, но приказалъ просить.

Графъ способствовалъ Немыкину въ полученіи разрѣшенія на изданіе журнала. Немыкину при этомъ сильно помогъ его университетскій товарищъ, служившій у графа секретаремъ. Секретарь остался вѣренъ Путивцеву и извѣстилъ Немыкина о его скоромъ пріѣздѣ въ Москву, добавивъ, что графу, конечно, будетъ пріятно, что о немъ не всѣ забыли. Немыкинъ чувствовалъ нелицемѣрную благодарность къ графу за его содѣйствіе и почелъ долгомъ исполнить товарищескій намекъ. Пѣшкину было поручено слѣдить за пріѣздомъ графа, на что тотъ охотно согласился, выманивъ предварительно съ редактора обѣщаніе, что и онъ будетъ взятъ къ графу. Пѣшкинъ никогда не видалъ вблизи сильныхъ міра сего, не слышалъ, какъ они разговариваютъ, а потому стремился испытать и то и другое. Вообще этого достойнаго молодаго человѣка весьма занимали высокопоставленныя лица, и онъ не упускалъ случая освѣдомиться на счетъ ихъ свычаевъ и обычаевъ; влекла ли его къ тому мечта

о будущемъ собственномъ величіи, или же онъ, подобно Чичикову, просто интересовался познаніемъ всякаго рода мѣстностей—пусть рѣшаютъ досужіе умы.

Пѣшкинъ наканунѣ узналъ, что для графа заказаны комнаты въ *Дрезденѣ* и озаботился вовремя явиться къ редактору, чтобы наблюсти за его туалетомъ,—безъ чего Немыкинъ, вѣроятно, не смотря на все желаніе, по разсѣянности, остался бы только при мысленномъ изъявленіи благодарности.

Графъ всталъ на встрѣчу посѣтителямъ. Немыкинъ, кудряовато выразивъ ему свою благодарность, принесъ изъявленіе сожалѣнія, что графъ удалился отъ дѣлъ и надежду, что онъ еще возвратится къ государственной дѣятельности.

— Благодарю васъ за память, отвѣчалъ графъ,—именно за память, ибо люди скорѣе забывчивы, чѣмъ неблагодарны. Суета, погоня за удовольствіемъ, мечты честолюбія!.. графъ не окончилъ фразы, боясь впасть въ излишнее осужденіе.— Со своей стороны, продолжалъ графъ,—желаю вамъ исполнить программу журнала въ томъ сочувственномъ для меня видѣ, въ какомъ вы передавали ее мнѣ при вашей занимательной и памятной для меня бесѣдѣ въ Петербургѣ. Дай вамъ Богъ счастливаго плаванія; будьте же благоразумны и старайтесь избѣгать по возможности подводныхъ, или, точнѣе сказать, подцензурныхъ камней.

И графъ совершилъ помовеніе рукою, что въ былое время означало въ переводѣ окончаніе аудіенціи; но вспомнивъ о настоящемъ и слегка вздохнувъ о томъ, что посѣтители уже не въ силахъ отнять у него драгоцѣннаго, посвященнаго дѣламъ государственнымъ, времени, графъ сѣлъ и пригласилъ садиться своихъ гостей.

— Вотъ вы изволили сказать, ваше сіятельство, началъ Немыкинъ,—чтобы мы старались по возможности избѣгать подцензурныхъ камней. Таково и мое самое искренное желаніе; къ сожалѣнію, на путевой картѣ журнальнаго плаванія они не обозначены, и порой, не взирая на всякія предосторожности, невольно на нихъ наталкиваешься. Не будете ли вы такъ добры, не согласитесь ли, ваше сіятельство, помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, и если не стать моимъ кормчимъ, то все же указать на способъ распознавать мѣстонахожденіе этихъ опасныхъ камней.

— На вопросы категорическіе, громко, точно говоря передъ большимъ собраніемъ, сказалъ графъ,—я люблю давать отвѣты категорическіе, но такъ какъ въ вопросѣ, вами предложенномъ,

не заключается ничего категорическаго, то я и позволю себѣ оставить его безъ отвѣта.

Графъ былъ доволенъ своею репликой, или вѣрнѣе, былъ бы доволенъ ею, будь она произнесена всего двѣ недѣли назадъ: о! тогда она произвела бы эффектъ потрясающій, она повторялась бы на разные лады тысячью устъ и, такъ-сказать, попала бы въ ходячую хрестоматію образцовъ политико-ораторскаго краснорѣчія, но теперь!.. Графъ вдругъ почувствовалъ неудовлетворительность своего отвѣта; такія рѣчи внушительны, когда вслѣдъ затѣмъ слушатель удаляется съ покорнымъ поклономъ. Но именно такого финала теперь и недоставало; нельзя же было графу мановеніемъ руки удалить благодарнаго человѣка, который вдобавокъ едва успѣлъ присѣсть.

— Но-о, протянулъ графъ,—вы скажете, что мои слова не способны оказать вамъ услуги практическаго свойства. Заранѣе согласенъ. Я признаю, что дѣло журналиста—дѣло трудное, и что тутъ часто incidit in Scyllam qui vult vitare Charybdin.

Немыкинъ сочувственно улыбнулся.

— Во всякомъ случаѣ, не мнѣ быть вашимъ руководителемъ въ дѣлѣ, которое вамъ свое, а мнѣ чуждое. Вы знаете, что я всегда стоялъ за то, чтобы печати было предоставлено право обсужденія общественныхъ дѣлъ и вопросовъ, но, разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ. За это я попалъ въ немилость у господъ, желающихъ возможно ограничить власть, но не терпящихъ даже самомалѣйшаго ограниченія своихъ стремленій. Уже по тому положенію, которое я занялъ съ самаго преобразованія цензуры, я не могъ не интересоваться развитіемъ нашей печати; я съ любознательнымъ сочувствіемъ, хотя безъ излишняго пристрастія, слѣдилъ за ея попытками, колебаніями и увлеченіями. Прошу васъ помнить, что то, что̀ я скажу вамъ, никакъ не можетъ быть названо соображеніями государственнаго человѣка; это просто, въ самомъ строгомъ смыслѣ, мнѣніе частнаго лица, и если вы остались недовольны моимъ отвѣтомъ насчетъ подцензурныхъ камней, то, быть-можетъ, не откажете въ сочувствіи моему взгляду на неминуемо вамъ предстоящіе камни преткновенія,—кто знаетъ, быть можетъ еще болѣе опасные?

Немыкинъ насторожился.

— Вы издатель ежемѣсячнаго обозрѣнія, или, какъ у насъ принято довольно нелѣпо ихъ называть, толстаго журнала. У васъ есть время обдумать событіе, или правительственную мѣру;

у васъ есть возможность быть серьезнѣе и обстоятельнѣе, спокойнѣе и сосредоточеннѣе. Бойтесь же вторженія въ вашу область вліянія ежедневной прессы, вліянія газеты, — а оно, къ сожалѣнію, какъ я замѣчаю, несомнѣнно начинаетъ проникать во многіе, самые серьезные журналы. Говоря далѣе о газетахъ, я буду имѣть въ виду отнюдь не одну отечественную прессу: многое на Западѣ въ этомъ отношеніи, пожалуй, хуже чѣмъ у насъ. Краббъ уже давно назвалъ газетчиковъ:

A traitor-crew, who thrive in troubled times,
Fear'd for their force and courted for their crimes;

къ сожалѣнію, то, что̀ было имъ сказано въ первой четверти столѣтія относительно Англіи, теперь, когда мы вступили уже въ его послѣднюю четверть, можетъ быть повторено на всемъ континентѣ. Газета, какъ нѣкогда третье сословіе, или—по мѣткому замѣчанію одного писателя — какъ у насъ теперь семинаристы, хочетъ стать всѣмъ. Повторяя на всѣ лады черезчуръ прославленное ceci tuera cela, газеты грозятъ убить не только обозрѣнія, подобныя вашему, но и книги. Быть-можетъ, съ горькою усмѣшкой добавилъ графъ, — онѣ мечтаютъ даже замѣнить собою для человѣчества ту Книгу, которую мы зовемъ книгой по преимуществу...

Графъ помолчалъ, опустивъ голову.

— Газетчикъ, продолжалъ онъ,—хвалится тѣмъ, что онъ обязанъ не только составить, но и высказать свое мнѣніе мгновенно, едва совершится событіе, едва задумана мѣра, едва опустился занавѣсъ въ театрѣ, едва книга попала на прилавокъ, едва живописецъ успѣлъ вставить свое полотно въ раму. Этого будто бы требуетъ публика, и кто въ этой своего рода steeple-chase опередилъ другихъ, тотъ и уменъ. Составилъ ли газетчикъ о данномъ предметѣ опредѣленное мнѣніе, или нѣтъ, все равно онъ обязанъ сегодня же mettre du noir sur du blanc, не заботясь о томъ, что ему, весьма возможно, завтра же придется passer du noir au blanc. Что̀ же руководствуетъ нашего скорописателя, если позволителенъ такой неологизмъ? Вы скажете: убѣжденіе, принадлежность въ данной партіи, и такъ далѣе. Но вѣдь всѣ мы имѣемъ убѣжденія, принадлежимъ болѣе или менѣе къ извѣстной партіи и такъ далѣе; однако же мы не хвалимся своею поспѣшностью и не считаемъ своимъ долгомъ провозглашать сужденіе раньше, чѣмъ строго обдумаемъ дѣло. Я скажу прямо,

что газетой руководствуетъ реклама, не въ обиходномъ, впрочемъ, значеніи этого слова; но въ томъ, что какъ постоянная цѣль, такъ и главнѣйшая побудительная причина газетной дѣятельности состоитъ въ самореклампрованіи, то-есть въ рекламированіи самого себя, а никакъ не предмета обсужденія. Газетчикъ пройдетъ съ холоднымъ молчаніемъ мимо явленія замѣчательнаго, какъ скоро оно, по редакторскому разсчету, не даетъ ему повода къ самореклампрованію; онъ выдвинетъ на первый планъ ничтожность, когда чрезъ то будетъ въ состояніи порисоваться самъ. Бранитъ ли онъ, или хвалитъ, онъ думаетъ не о томъ, насколько его статья обратитъ вниманіе на тотъ государственный вопросъ, на то произведеніе, или на ту картину, о которыхъ онъ пишетъ, но единственно о томъ, насколько нашумитъ *его* статья, насколько онъ *самъ* прославится, въ качествѣ обличителя, защитника, великаго критика, или провидца грядущихъ событій. И, пожалуй, онъ правъ: въ публикѣ производитъ шумъ, дѣлаетъ grand éclat не событіе, не книга и тому подобное, а именно его статья; большинству, повидимому, и дѣла нѣтъ до того, о чемъ онъ пишетъ, ни до того, сколько правды въ его писаніи. Оно ослѣплено, оно оглушено, оно ошеломлено и воображаетъ, будто читаетъ свои мнѣнія, свои слова; будто это оно само шумитъ, само блеститъ и бряцаетъ, какъ кимвалъ звенящій:

И вотъ общественное мнѣнье!

Въ свою очередь и самъ газетчикъ оглушается своимъ шумомъ, ослѣпляется своимъ блескомъ, и въ концѣ-концовъ считаетъ себя альфой и омегой умственнаго и политическаго движенія. Онъ полагаетъ себя непогрѣшимымъ во всемъ: онъ непогрѣшимъ, высказывая сегодня одно; высказывая завтра противоположное, онъ еще непогрѣшимѣе. Съ одинаково развязнымъ легкомысліемъ онъ относится ко всему; даже къ народнымъ бѣдствіямъ, будь то война, голодъ, повѣтріе!.. Право, я порой думаю, что эти господа, столь усердно рекламируя самихъ себя, дойдутъ наконецъ до самообожанія въ буквальномъ смыслѣ слова, то-есть не шутя, какъ нѣкогда Неронъ, вообразятъ себя богами, способными на все; они станутъ сочинять законы, увѣрятся, что они способные администраторы, талантливые писатели, чего добраго, даже доблестные полководцы и... ну, хоть музыканты!

Нѣмыкинъ беззвучно, но сочувственно засмѣялся.

— Въ словахъ вашего сіятельства много правды, сказалъ

онъ,—и нельзя не пожалѣть, что вы, вѣроятно, никогда не вздумаете развить свои мысли въ статьѣ, которая, конечно, украсила бы собою страницы любаго журнала.

Графъ скромно опустилъ глаза.

— Отчасти то, что̀ вы провидите, графъ, уже сбылось, продолжалъ Немыкинъ.—Если газетчики еще не вообразили себя окончательно богами, то другіе уже считаютъ ихъ божествомъ и поклоняются имъ, какъ древле, римскимъ императорамъ. По ихъ мѣркѣ пишутся романы, рисуются картины и даже порой въ сферахъ правительственныхъ...

— Вы хотите сказать, подхватилъ графъ,—что иные сановники не прочь,—какъ бы выразиться?—если и не вполнѣ заискивать въ газетѣ, то все же, въ жаждѣ популярности, охотно допускаютъ, чтобъ имъ воскурялся ѳиміамъ, съ опасностью de se faire casser le nez à coups d'encensoir... Но оставимъ эту обыденность... Sufficient unto the day is the evil thereof...

Немыкинъ съ невольнымъ изумленіемъ взглянулъ на графа.

— Васъ удивляетъ, не правда-ли? сказалъ графъ,—что я евангельскія слова привожу по-англійски. Не думайте, чтобъ я не зналъ ихъ по-славянски; скажу болѣе, славянскій изводъ, это „довлѣетъ дневи злоба его“, гораздо полновѣснѣе и величественнѣе англійскаго перевода, но по особенностямъ моего воспитанія я раньше ознакомился съ библіей по-англійски, чѣмъ по-славянски, а привычки дѣтства неистребимы!

Они помолчали.

— Я обѣщалъ, снова заговорилъ графъ,—указать вамъ на нѣкоторые камни преткновенія, но слишкомъ увлекся однимъ изъ нихъ, и по-неволѣ долженъ ограничиться теперь немногими примѣрами. Вы, помнится, въ Петербургѣ говорили мнѣ,—и я даже помню, что говорили прекрасно—о томъ уваженіи, какое питаете ко всему что̀ выросло исторически, на народной почвѣ, какъ вы выразились.

Немыкинъ склонилъ голову въ знакъ согласія.

— Вы, конечно, не станете отвергать историческаго значенія русскаго дворянства?

Немыкинъ отвѣчалъ, что никоимъ образомъ дѣлать этого не намѣренъ.

— Позвольте же указать вамъ, какъ ошибочно и, къ сожалѣнію, не одни демократическіе органы смотрятъ у насъ на нѣкоторые вопросы, тѣсно связанные съ вопросомъ дворянскимъ,

хотя эта историческая связь и ускользаетъ отъ вниманія людей поверхностныхъ. У насъ принято теперь бранить огуломъ и Нѣмцевъ, и Поляковъ, и забывая полученное отъ нихъ добро, воздавать за причиненное ими зло... Но Поляки, развѣ они не имѣли вліянія на развитіе нашей дворянской идеи? развѣ самое слово дворянинъ, именно благодаря внесеннымъ ими въ нашу жизнь понятіямъ, не пріобрѣло новаго высшаго значенія, совершенно отличнаго отъ того, которое съ нимъ связывалось въ до-петровскую старину? Вы, конечно, знаете примѣчательное, недавно обнародованное письмо, канцлера Александра Романовича Воронцова, гдѣ онъ своимъ идеаломъ ставитъ не англійскаго лорда, но польскаго магната; вы, полагаю, не забыли, что до изданія грамоты о вольностяхъ дворянства, оно съ гордостью именовало себя шляхетствомъ, что первое воспитательное заведеніе для дѣтей благороднаго сословія носило у насъ названіе шляхетскаго корпуса. Или эти факты не довольно убѣдительны? Подобное же можно повторить и о доблестныхъ потомкахъ „Божьихъ дворянъ", какъ наши лѣтописцы квалифицировали ливонскихъ рыцарей. Мнѣ не къ чему напоминать вамъ объ ихъ строгой лояльности и вѣрной службѣ новымъ сюзеренамъ, засвидѣтельствованной ихъ кровью; прибавлю, что мы во многомъ имъ же обязаны развитіемъ нашей государственной идеи; что не мало искусныхъ администраторовъ и государственныхъ дѣятелей вышли изъ ихъ же школы, или, выражаясь реальнѣе, получили прочный политическій закалъ въ ихъ средѣ, въ тѣ годы своего служебнаго поприща, которые провели въ Прибалтійскомъ краѣ...

Немыкинъ вспомнилъ, что самъ графъ занималъ въ названныхъ губерніяхъ не маловажный постъ.

— И что̀ же? все болѣе одушевляясь продолжалъ графъ,— небезызвѣстные вамъ демагоги, прикрываясь личиной вѣрноподданства и благонамѣренности, подняли руку на этихъ вѣрныхъ сыновъ государства и неприкровенно зовутъ ихъ чуть не измѣнниками. Ненависть къ нимъ перешла уже границу, и всякій Нѣмецъ сталъ подозрителенъ для нашихъ доморощенныхъ террористовъ; особенно же они злобствуютъ на Пруссаковъ, которыхъ нашъ незабвенный Жуковскій почтилъ эпитетомъ „добрыхъ". Сѣется вражда, и пожнется кровь. И теперь уже замѣчается охлажденіе и принужденность. Я не далѣе какъ нынѣшнимъ лѣтомъ былъ въ Германіи на водахъ, и по обычаю встрѣтился тамъ съ государственными людьми сосѣдней страны. Да,

они попрежнему вѣжливы и любезны, но гдѣ былой душевный привѣтъ, былая сердечная предупредительность, былое искреннее сочувствіе? Туча уже надвигается; невольно чувствуешь ея набѣгающую тѣнь, ея приближающійся холодъ. А кто виновенъ?.. Но такъ-то:

Wenn man das Böse thut, sieht man fur klein es an;
Man sieht, wie gross es ist, erst wenn es ist gethan.

Графъ замолчалъ и взглянулъ на Немыкина, ожидая встрѣтить на его лицѣ прежнюю сочувственную улыбку, но редакторъ сидѣлъ, склонивъ на сторону голову, какъ бы все еще прислушиваясь, съ неподвижною физіономіей и крѣпко сжатыми устами. Графъ слегка заелозилъ въ креслѣ, чѣмъ, какъ извѣстно, нѣкоторыя высокопоставленныя лица даютъ посѣтителямъ понять, что время имъ откланяться. Пѣшкинъ зналъ эту примѣту, но увлеченный краснорѣчіемъ графа проглядѣлъ его граціозный намекъ.

— Вы, помнится, по молчаніи сказалъ графъ,—говорили мнѣ въ Петербургѣ, что не останетесь равнодушны къ вопросамъ религіознымъ вообще и въ частности къ вопросамъ о лучшемъ церковномъ устройствѣ.

Немыкинъ, видя что графъ перемѣнилъ тему, понялъ неловкость своего молчанія послѣ предыдущей рѣчи сановника, и поспѣшилъ многословно выразить свое удовольствіе по поводу того, что графа интересуютъ вопросы религіозные и отъ его вниманія не ускользнули и потребности церковной реформы.

— Замѣчая ваше сочувствіе къ этому предмету, сказалъ графъ, — я въ короткихъ словахъ выражу вамъ мой, если не вполнѣ проектъ, то мой взглядъ, который былъ уже готовъ облечься въ форму проекта. Дѣло пока касается до нашей высшей духовной іерархіи. Нѣтъ человѣка, который больше моего питалъ бы къ ней самое искреннее почтеніе. Но, согласитесь, что наши власти духовныя слишкомъ не отъ міра сего, слишкомъ—какъ бы сказать?—отвлеченны... надѣюсь, вы понимаете въ какомъ именно смыслѣ я употребляю это слово. Даже по манерамъ и рѣчи, онѣ черезчуръ и, къ сожалѣнію, не къ своей выгодѣ, отличаются отъ властей свѣтскихъ. Я полагалъ бы, что имъ слѣдуетъ предоставить болѣе дѣятельное участіе въ обсужденіи государственныхъ мѣропріятій, сдѣлать ихъ вполнѣ сановниками, выдѣливъ изъ ихъ среды наиболѣе достойныхъ и образовавъ изъ послѣднихъ особый классъ, въ родѣ того, что̀ въ Англіи зовется Lords spiritual...

Тутъ графъ снова взглянулъ на Немыкина и, не встрѣтивъ снова на его лицѣ сочувствія къ своимъ взглядамъ, окончательно потерялъ расположеніе къ дальнѣйшему метанію умственнаго бисера; онъ опять граціозно зашевелился въ креслѣ. На этотъ разъ Пѣшкинъ замѣтилъ выразительное движеніе графа и слегка ущипнулъ редактора за ногу. Оба встали и имѣли честь откланяться его сіятельству.

— Однако, сказалъ Немыкинъ, сходя съ лѣстницы, — я считалъ его прямолинейнымъ, а онъ многосторонній и даже отчасти многогранный...

Секретарь не понялъ, что̀ именно хотѣлъ выразить редакторъ.

— Н-да! изрекъ онъ, въ свою очередь,—мозгъ государственный.

NB. Читатель! вникни въ два изображенные эпизода и ты поймешь, какъ въ немногіе годы смягчились россійскіе нравы. Во времена отдаленнѣйшія для простыхъ смертныхъ былъ не безопасенъ разговоръ даже съ полицейскимъ оберъ-офицеромъ; во времена ближайшія простые смертные уже удостоивались бесѣды отъ лицъ, предъ коими сами полицейскіе оберъ-офицеры стоятъ въ безмолвной вытяжкѣ. Если отечественная критика не замѣтитъ такого обстоятельства, то ужь никакъ не по винѣ автора.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. Аверкіевъ.

ПРАЗДНИКЪ ХРИСТІАНСКОЙ АРХЕОЛОГІИ ВЪ РИМѢ ВЕСНОЮ 1892 ГОДА.

(Сообщеніе, читанное въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ 16 февраля сего года, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича.)

20 и 25 апрѣля минувшаго года Аппіева дорога близъ Рима и отдѣляющаяся отъ нея въ западномъ направленіи via Ardeatina отличались чрезвычайнымъ оживленіемъ. Обыкновенно тихія и рѣдко посѣщаемыя иначе, какъ небольшими группами иностранцевъ въ опредѣленные сезоны года, а въ остальное время служащія для сообщенія лишь ближайшихъ окрестностей со столицей, обѣ эти дороги представляли въ указанные дни исключительное зрѣлище. Массы пѣшаго люда всѣхъ возрастовъ и состояній, блестящіе экипажи римской аристократіи и наемные коляски и фіакры тянулись по нимъ густыми лентами. Вся эта разнохарактерная процессія останавливалась у Катакомбъ Св. Каллиста. Поводомъ къ такому многолюдному пилигримству служило не обычное въ каждомъ году празднованіе памяти того или другаго мученика, нѣкогда покоившагося въ Катакомбахъ, но чествованіе заслугъ одного ученаго Римлянина, трудамъ котораго темная исторія Римскихъ Катакомбъ обязана въ нашемъ вѣкѣ наибольшимъ освѣщеніемъ.

Этому ученому исполнилось незадолго предъ тѣмъ семьдесятъ лѣтъ; католическій міръ, справедливо считающій его однимъ изъ своихъ наиболѣе славныхъ представителей, и ученые Европы и Америки, безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, сходились теперь воздать ему дань справедливаго почтенія.

Имя этого Римлянина — Джіованни Баттиста де-Росси (Giovanni Battista de Rossi).

Чествованіе его заслугъ продолжалось цѣлыхъ два дня.[1] Церемонія открытія мраморнаго бюста де-Росси, поставленнаго ему при Катакомбахъ Св. Каллиста многочисленными его почитателями, пріемъ разнообразныхъ депутацій, торжественная месса въ Катакомбахъ, совершавшаяся, по распоряженію папы, кардиналомъ-викаріемъ, обходъ Катакомбъ со свѣчами въ рукахъ и пѣніемъ священныхъ гимновъ, въ воспоминаніе древнѣйшихъ исповѣдниковъ вѣры Христовой, и дружеская трапеза на Аппіевой дорогѣ въ одной изъ ближайшихъ тратторій—все это едва уложилось въ рамки отмѣреннаго времени. Эхо этого праздника отдавалось то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ Рима и въ слѣдующіе дни.

Я не буду утомлять вниманія Общества описаніемъ обрядовой стороны этого ученаго юбилея. Вмѣсто указанія хотя бы славнѣйшихъ именъ многочисленныхъ его участниковъ, вмѣсто описанія церемоній мірскаго и духовнаго свойства, вмѣсто характеристики тѣхъ высокихъ государственныхъ отличій и ученыхъ титуловъ и наградъ, которые въ такомъ изобиліи поднесены были со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра юбиляру въ день 20 апрѣля, я осмѣливаюсь предложить вашему благосклонному вниманію нѣсколько фактовъ изъ жизни де-Росси и въ заключеніе указать на его особыя заслуги предъ Россіей и Русскими учеными.

Джіованни Баттиста де-Росси родился 23 февраля 1822 года въ Римѣ, въ почтенной семьѣ Камилло Луиджи де-Росси (Camillo Luigi de Rossi).[2] Подобно дѣтямъ лучшихъ римскихъ фамилій, по-

[1] Юбилейное торжество должно было состояться 23 февраля, въ день рожденія этого ученаго; но невозможность приготовленія мраморнаго бюста, заказаннаго почитателями юбиляра, и неудобство этого времени для лицъ профессорскаго и педагогическаго сословія заставили отложить это празднованіе до Пасхальной недѣли. Впрочемъ Римскій Нѣмецкій Археологическій Институтъ посвятилъ одно изъ своихъ февральскихъ пятничныхъ засѣданій (19 февр. 1892) чествованію заслугъ своего старѣйшаго сочлена.

[2] См. P. M. Baumgarten, G. B. de-Rossi fondatore della scienza di archeologia sacra. Cenni biografici. Versione dalla lingua tedesca per Giuseppe Bonavenia d. C. d. G. Edizione accresciuta e coretta dall'autore. Roma 1892.= Giovanni Battista de Rossi der Begründer der christlich-archäologischen Wis-

слѣ домашняго образованія, онъ посѣщалъ до восемнадцатилѣтняго возраста Collegium Romanum, Collegio Romano, превосходную школу, руководителями которой были монахи іезуитскаго ордена. Здѣсь онъ прошелъ всѣ классы средняго образованія и двухгодичный курсъ философіи.

Считаясь постоянно первымъ между товарищами, онъ въ 1840 году, на девятнадцатомъ году жизни, обратился къ изученію каноническаго и гражданскаго права въ Римскомъ университетѣ, носившемъ названіе Sapienza. Три года провелъ онъ въ занятіяхъ юридическими науками и вышелъ изъ университета съ высшей степенью почетнаго доктора обоихъ правъ (Doctor iuris utriusque ad honorem), дававшейся тогда по выдержаніи особаго экзамена, обстановленнаго большими строгостями какъ въ устныхъ вопросахъ, такъ и въ письменныхъ задачахъ.

Такимъ образомъ и университетское образованіе и еще болѣе воля отца готовили Дж. Баттиста де-Росси къ служебной юридической карьерѣ. Но не таковы были истинныя наклонности самого молодаго человѣка. Пристрастившись еще съ отроческаго возраста къ чтенію Житій Святыхъ, онъ необычайно и до невѣроятности рано остановился въ своихъ интересахъ и симпатіяхъ на первыхъ временахъ христіанства. Оттого, когда было ему всего одиннадцать лѣтъ, отецъ не искалъ для него лучшаго подарка, какъ сочиненіе Бозіо О подземномъ Римѣ (La Roma Sotterranea).—Четырнадцати лѣтъ де-Росси увлекается изученіемъ латинскихъ и греческихъ надписей Рима и въ этомъ возрастѣ задается грандіознымъ планомъ— составить отдѣльный сборникъ всѣхъ греческихъ надписей, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ Вѣчнаго Города. Разъ за этими

---

senschaft. Eine biographische Skizze von Paul Maria Baumgarten. Köln 1892; Giovanni Battista de Rossi von Franz Xaver Kraus въ *Deutsche Rundschau* 1892, Heft 5, стр. 571 и слѣд.; Album G. B. de-Rossi. M. DCCC. XCII. Roma 1892—юбилейное изданіе. Содержаніе его составляютъ, между прочимъ: 1) перечень и краткая характеристика трудовъ юбиляра; 2) описаніе открытія бюста Дж. Б. де-Росси со внесеніемъ сюда всѣхъ рѣчей, адресовъ, телеграммъ, имѣвшихъ мѣсто 20 апрѣля при Катакомбахъ Св. Каллиста; 3) описаніе религіозныхъ службъ и церемоній, происходившихъ 25 апрѣля въ этихъ Катакомбахъ; 4) описаніе дружеской трапезы (Agape) того же дня; 5) перечень многочисленныхъ наградъ и ученыхъ подношеній, полученныхъ юбиляромъ со всѣхъ сторонъ, и т. д.

занятіями засталъ его въ Ватиканской Галлереѣ Надписей (Galleria Lapidaria) знаменитый кардиналъ Анджело Маи, тогдашній библіотекарь Ватикана. Удивившись серьезности, съ которою гимназистъ погруженъ былъ въ списываніе камней съ греческими начертаніями, онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ и съ слѣдующаго же дня приблизилъ его къ себѣ. Впослѣдствіи эти отношенія превратились въ искреннюю дружбу, которую славнѣйшій изъ ученыхъ кардиналовъ нашего вѣка сохранилъ къ молодому археологу до конца своихъ дней.

Съ веселою улыбкой на лицѣ вспоминаетъ нынѣ Дж. Б. де-Росси и о встрѣчѣ инаго рода въ залахъ Ватикана, относящейся также къ его гимназическимъ годамъ и въ свое время причинившей ему большое горе. Разъ онъ вмѣстѣ съ толпою иностранцевъ обходилъ Ватиканъ, въ сопровожденіи кустода. Здѣсь обратила его особенное вниманіе одна латинская надпись христіанскаго времени, прикрѣпленная къ стѣнѣ. Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и началъ было списывать ее; но тутъ накинулся на него кустодъ, вырвалъ у него изъ рукъ книжку и уничтожилъ написанное. Эта жестокая строгость объяснилась тѣмъ, что въ то время собираніемъ латинскихъ надписей занимался нѣкто профессоръ Сарти, одинъ изъ чиновъ при Ватиканѣ. Опасаясь предупрежденія или конкурренціи въ этомъ дѣлѣ, онъ отдалъ строгій приказъ кустодамъ не допускать никого до списыванія надписей. Такимъ образомъ де-Росси, будущій издатель колоссальнаго и классическаго по своимъ научнымъ достоинствамъ труда Inscriptiones Christianae urbis Romae, поплатился сильнымъ огорченіемъ за свою преждевременную ревность къ латинской эпиграфикѣ.

Прошло послѣ того около десяти лѣтъ. Джіованни Баттиста де-Росси самъ вступилъ въ число администраціи Ватиканской Библіотеки; кустодъ же, когда-то вырвавшій изъ его рукъ записную книжку и отогнавшій его отъ латинскаго камня, оставался на прежнемъ мѣстѣ и сдѣлался теперь подчиненнымъ нашего ученаго. Указывая на мимо проходившаго де-Росси, онъ имѣлъ обычай говаривать: „кто бы могъ подумать, что этотъ мальчикъ, у котораго я съ такимъ насиліемъ вырвалъ бумагу изъ рукъ, такъ скоро могъ сдѣлаться моимъ же начальникомъ!“

Читая и перечитывая въ свои гимназическіе и студентческіе годы книгу Бозіо о Римскихъ Катакомбахъ, Дж. Б. де-Росси воспиталъ въ себѣ сильную страсть къ этимъ священнымъ мѣстамъ погре-

бенія первыхъ христіанъ. Его постоянныя мечты объ этихъ таинственныхъ подземельяхъ и желаніе видѣть ихъ самому были въ немъ тѣмъ сильнѣе, что въ то время Римляне знали о нихъ почти только по преданіямъ. Только рѣдкіе отваживались спускаться въ ближайшіе корридоры Катакомбъ. Насчетъ необъятности и запутанности переходовъ ихъ ходили въ римскомъ обществѣ цѣлыя легенды. Разсказывали, напримѣръ, какъ погибъ многолюдный караванъ иностранцевъ, какъ заплуталась и умерла съ голоду въ Катакомбахъ за воротами Св. Севастіана цѣлая компанія воспитанниковъ „Нѣмецкой Коллегіи", Collegium Germanicum, не нашедшая себѣ выхода, и какъ много времени спустя оказались кости ихъ разсѣянными по всѣмъ направленіямъ Катакомбъ. Ходили по Риму слухи и о дикихъ звѣряхъ, водившихся въ Катакомбахъ и неминуемо опасныхъ для человѣка. Публика со страхомъ взирала на эти глубокія подземелья, считавшіяся къ тому же вредными для здоровья, и вѣрила всѣмъ разсказамъ сенсаціоннаго свойства. Ничего по этому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что отецъ будущаго директора и историка Катакомбъ строго-на́строго воспретилъ своему сыну всякую мысль о посѣщеніи этихъ опасныхъ мѣстъ. Желая быть увѣреннымъ въ исполненіи своей непреклонной воли, онъ, въ отвѣтъ на одну изъ такихъ просьбъ сына потребовалъ отъ него форменной и торжественной клятвы въ томъ, что тотъ никогда, въ теченіе всей своей жизни, не спустится въ этотъ подземный, темный, страшный Римъ. Сынъ вынужденъ былъ клятву эту дать, но все-таки послѣ сдѣлался явнымъ клятвопреступникомъ.

Данное обѣщаніе только сильнѣе разжигало его мечты видѣть запретныя мѣста. „Какъ часто ходилъ я къ базиликѣ Св. Севастіана—разсказываетъ теперь де-Росси—и становился передъ дверью, которая ведетъ къ Катакомбамъ! Съ какою-то невыразимой силою влекло меня въ эти темные переходы. Но строгій запретъ моего отца заставлялъ долгое время оставаться желанію безъ исполненія".

На помощь мололому энтузіасту пришелъ знаменитый археологъ своего времени, монахъ Джузеппе Марки, Padre Marchi, какъ обыкновенно называли его въ Римѣ.

Начавши изученіе Катакомбъ Св. Агнесы, онъ приблизилъ къ себѣ де-Росси, тогдашняго студента юриспруденціи. Несмотря на большое различіе въ лѣтахъ, оба они, одушевленные общими идеалами, среди окружавшаго ихъ равнодушія и недо-

вѣрія, сдѣлались необходимыми другъ для друга. Они вмѣстѣ спускались въ темные корридоры подземелій, вмѣстѣ изучали ихъ строеніе и планъ, вмѣстѣ собирали памятники жизни и кончины древнихъ христіанъ и мучениковъ за новую вѣру. Ихъ дружба, ихъ совмѣстные труды и препровожденіе всего времени, свободнаго у де-Росси отъ посѣщенія университетскихъ лекцій и занятій правомъ, бросались въ глаза другимъ и потому они получили въ Римѣ кличку Двухъ Неразлучныхъ, „I due Inseparabili“.

Этимъ тѣснымъ отношеніемъ къ Марки, этимъ бесѣдамъ и руководству въ археологическихъ трудахъ де-Росси обязанъ своими первыми шагами на широкомъ полѣ изученія Катакомбъ. Оттого и донынѣ, далеко опередивши своего наставника и дарованіями, и успѣхами археологическихъ изслѣдованій и необычайною широтой познаній, де-Росси хранитъ благодарную память о немъ и пользуется всякимъ поводомъ засвидѣтельствовать предъ современниками свое глубокое почтеніе къ этому безкорыстному и лишь въ тѣсномъ кругѣ спеціалистовъ извѣстному труженику науки. [1]

Если еще въ свои гимназическіе годы де-Росси, будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, мечталъ о составленіи сборника греческихъ надписей христіанской эпохи, находившихся въ Римѣ, то въ годы своего студентчества, въ самомъ началѣ его дружескихъ отношеній къ Марки, у него созрѣлъ планъ собиранія уже всѣхъ древнѣйшихъ христіанскихъ надписей Рима въ одномъ общемъ ученомъ трудѣ. На исполненіе этого, съ юношескою горячностію задуманнаго предпріятія, ушли потомъ цѣлые десятки лѣтъ зрѣлой ученой работы: первый томъ его Inscriptiones Christianae появился въ Римѣ въ 1861 году, второй огромнаго объема напечатанъ тамъ же лишь пять лѣтъ тому назадъ, въ 1888 году.

Такъ Дж. Б. де-Росси остается вѣрнымъ до глубокой старости тѣмъ идеаламъ, которые онъ сложилъ для себя и которые увлекали его въ пору сознательной юности.

Но спеціализировавши свои научные интересы на древностяхъ

---

[1] Марки долгое время занимался латинской нумизматикой и имѣлъ въ этой области несомнѣнныя заслуги. Къ христіанской археологіи онъ обратился уже, когда ему было болѣе пятидесяти лѣтъ. Сочиненіе его о Катакомбахъ Рима вышло подъ заглавіемъ: Architettura della Roma sotterranea Cristiana и составляло лишь начало предположеннаго имъ обширнаго изданія Dé Monumenti primitivi delle arti cristiane nella necropoli del cristianesimo.

Римскихъ Катакомбъ и на древне-христіанскихъ надписяхъ, де-Росси, вопреки многимъ своимъ ученымъ соотечественникамъ, не заключился въ своей, такъ-сказать, мѣстной скорлупѣ. Извѣстна чрезвычайная неподвижность итальянскихъ ученыхъ, извѣстна ихъ чрезмѣрная любовь къ своему отечественному городу, къ своему родному, насиженному мѣсту. И нынѣ, при желѣзныхъ дорогахъ, пересѣкающихъ Апеннинскій полуостровъ во всѣхъ направленіяхъ, совершенно обычное дѣло встрѣтить ученаго Неаполитанца, который не собрался бывать въ Римѣ, хотя этотъ городъ и отстоитъ всего на семь часовъ ѣзды. Мнѣ извѣстны весьма почтенные и въ археологической наукѣ уважаемые люди, которые, живя въ Неаполѣ, не видали ни Болоньи, ни Венеціи, ни Милана. И если это мы встрѣчаемъ теперь въ объединенной Италіи, то замкнутость въ районѣ отечественнаго города была тѣмъ болѣе обычнымъ явленіемъ въ Италіи прежняго времени, при дѣленіи ея на цѣлую сѣть мелкихъ государствъ, изъ коихъ каждое съ недовѣріемъ и надменностью взирало на всѣ остальныя. Ученые тогда обыкновенно сидѣли по своимъ угламъ и разработывали исключительно свои мѣстные, отечественные матеріалы.

Джіованни Баттиста де-Росси составлялъ въ этомъ случаѣ замѣчательное исключеніе. По окончаніи университетскаго курса, онъ предпринимаетъ въ разные годы нѣсколько путешествій, близкихъ и дальнихъ. Онъ изучаетъ памятники археологіи Неаполя и Помпей (въ 1844—1850 годахъ, въ каникулярные мѣсяцы), объѣзжаетъ Тоскану, Романью, Ломбардію и Венецію (въ 1853 году), повсюду посѣщая библіотеки, монастыри, архивы, музеи. То была для него пора необычайной ученой любознательности и какой-то лихорадочной работы по собиранію всего, что такъ или иначе входило въ кругъ его спеціальныхъ интересовъ.

Мучимый жаждою научнаго знанія, онъ забывалъ тогда все остальное, не исключая и самого себя. Доселѣ не выходитъ у него изъ памяти слѣдующее приключеніе, бывшее съ нимъ въ 1853 году, во время одного изъ такихъ путешествій. Пріѣхавъ въ Венецію рано утромъ, онъ заѣзжаетъ въ гостиницу только затѣмъ, чтобъ оставить свой чемоданъ, и тотчасъ спѣшитъ въ библіотеку Св. Марка, занятый мечтой найти здѣсь одну, необходимую для него рукопись. Догадка его, что этотъ кодексъ долженъ находиться въ Венеціанской Библіотекѣ, вскорѣ оправдалась. Получивъ его въ руки, онъ принялся за списываніе его и такъ прорабо-

талъ до времени закрытія библіотеки. Не желая разставаться съ своею находкой, онъ проситъ библіотекаря оставить его въ библіотекѣ на ночь и запереть его. Библіотекарь не соглашается на это, но видя необычайный интересъ и неотступныя просьбы молодаго археолога, онъ переноситъ кодексъ въ свой рабочій кабинетъ, сажаетъ де-Росси здѣсь, даетъ ему свѣчи и вручаетъ ему ключъ отъ этой комнаты для выхода на улицу. Запершись въ своемъ уединеніи, де-Росси проработалъ до полуночи, пока головокруженіе и скаканье предметовъ въ глазахъ не положили конца его непомѣрному напряженію силъ.

Возвратившись въ гостиницу въ первомъ часу ночи, онъ прямо легъ спать. Но счастливо найденный кодексъ не давалъ ему покоя. Черезъ два часа онъ поднялся снова и опять отправился въ зданіе библіотеки. За работой онъ встрѣтилъ восходъ солнца, за работой засталъ его библіотекарь, пришедшій на другой день на службу. Эксцерпированіе и списываніе рукописи продолжалось имъ затѣмъ до четырехъ часовъ пополудни, до наступленія болѣзненнаго припадка. При выясненіи причинъ обнаружилось, что де-Росси принималъ пищу, въ послѣдній разъ, еще въ городѣ Феррарѣ, сорокъ восемь часовъ тому назадъ. Этотъ случай изъ своей молодой жизни передаетъ де-Росси самъ, и потому его слова должны быть принимаемы съ полною вѣрой.

Изъѣздивъ Италію, въ 1856 году де-Росси отправился въ заграничное путешествіе. Цѣлью его исканій на этотъ разъ составляли церкви, монастыри и библіотеки Лигуріи, Пьемонта, Швейцаріи, Франціи, Бельгіи. Черезъ два года онъ продолжаетъ изысканія снова въ Пьемонтѣ, въ западной Швейцаріи, въ Рейнской области вплоть до Кёльна. Отсюда онъ направляется въ Ахенъ, Триръ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, въ Южную Германію, въ особенности долго остается въ разныхъ городахъ католической Баваріи; работаетъ затѣмъ въ Австріи и снова появляется въ Венеціанской области и Романьи. Путешествію де-Росси по нѣмецкимъ землямъ много представляло затрудненій незнаніе имъ нѣмецкаго языка въ ту пору. Пріобрѣтеніе имъ навыка читать нѣмецкую спеціальную ученую литературу относится уже къ слѣдующимъ годамъ его жизни.

Въ 1861 году мы встрѣчаемъ де-Росси работающимъ въ Парижѣ, въ различныхъ городахъ Сѣверной Франціи и въ Лондонѣ, который для него воплотился почти исключительно въ Британскомъ музеѣ съ его рукописными, книжными и художе-

ственными сокровищами. Въ 1865 году подвергаются его ревностному изученію книгохранилища и памятники христіанской археологіи Южной Франціи: онъ работаетъ въ Марсели, Монпельѣ, Нимѣ и въ другихъ городахъ. Въ 1867—68 годахъ онъ снова путешествуетъ по Франціи. Не касаясь здѣсь частыхъ его поѣздокъ по всѣмъ направленіямъ Италіи, укажемъ на новое его пребываніе въ Парижѣ и въ Швейцаріи въ 1877 году. Между тѣмъ годы брали свое; продолжительныя путешествія становились ему уже не подъ силу. А болѣзнь, постигшая его въ Неаполѣ въ 1879 году, заставила его и совсѣмъ прекратить этотъ подвижный образъ жизни. Съ тѣхъ поръ де-Росси почти безвыѣздно живетъ въ Римѣ, ограничиваясь лишь небольшими поѣздками въ сосѣднія области Лаціума и Умбріи.

Частыя пребыванія за границей открыли Дж. Б. де-Росси возможность тѣхъ обширныхъ сношеній съ ученымъ міромъ всѣхъ странъ, которыя отличаютъ его предъ другими учеными Италіи. Число его корреспондентовъ, знакомыхъ и друзей, живущихъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, поразительно. Но не одни ученые оказываютъ ему свои услуги и помощь въ нужную для него минуту; способствуютъ успѣху его трудовъ и иностранныя правительства. Рукописи и наиболѣе рѣдкія печатныя изданія высылались къ нему на домъ изъ Испаніи, Португаліи, Алжира, изъ Швейцаріи, Франціи, Англіи, Германіи, Австріи, изъ странъ Балканскаго полуострова, изъ Россіи. Такимъ необычайнымъ довѣріемъ де-Росси обязанъ своей ученой славѣ, уже давно прогремѣвшей во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Эта слава создана его учеными трудами, какъ историка и бытописателя Римскихъ Катакомбъ, какъ собирателя христіанскихъ надписей, какъ величайшаго и несравненнаго представителя археологіи древнѣйшихъ временъ христіанства.

Литературная дѣятельность Дж. Б. де-Росси необычайно обширна по своимъ размѣрамъ и разнообразна. За многія десятилѣтія его ученаго писательства изъ-подъ его пера вышло столько сочиненій всѣхъ объемовъ, начиная съ мелкихъ замѣтокъ и кончая огромными томами Inscriptiones Christianae и La Roma Sotterranea, что не легко было бы и поднять одному человѣку все, имъ напечатанное. Одна дружеская для него рука дважды собирала воедино всѣ заглавія его книгъ, брошюръ, статей, замѣтокъ: въ первый разъ, десять лѣтъ тому назадъ, и въ другой

разъ, къ послѣднему его юбилею. Новѣйшій перечень всего напечатаннаго де-Росси занимаетъ 43 страницы листоваго формата (kl. Folio).[1]

Было бы утомительно, безполезно да и физически невозможно останавливаться подробно на классификаціи и характеристикѣ этого необыкновенно продолжительнаго и исключительно плодотворнаго дѣланія нашего сочлена.[2] Ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на его главные по размѣрамъ и по особому научному значенію труды.

1. La Roma Sotterranea Cristiana въ трехъ большихъ томахъ, сопровождаемыхъ атласами хромо-литографическихъ таблицъ: Roma 1864; 1867; 1877; четвертый и пятый томы приготовляются имъ къ печати и частію уже набираются въ типографіи.

2. Bullettino di Archeologia Cristiana, — существующій уже 30-й годъ и безпрерывно продолжающійся до сего дня. Этотъ органъ былъ сначала ежемѣсячнымъ; съ 1870 года онъ выходитъ 4-мя выпусками въ годъ. Не даромъ это изданіе называютъ журналомъ де-Росси; онъ наполняется почти весь его собственноручными статьями. Здѣсь де-Росси публикуетъ новыя находки Катакомбъ, новые археологическіе матеріалы изъ древнѣйшихъ временъ христіанства, открываемые въ другихъ мѣстахъ, новыя надписи. Здѣсь предварительно разрабатываются имъ вопросы, связанные съ его главнѣйшимъ трудомъ о Римскихъ Катакомбахъ; тутъ же помѣщаются протоколы и отчеты о засѣданіяхъ Общества христіанской археологіи.

3. Inscriptiones Christianae Urbis Romae septimo saeculo antiquiores. Tomus primus. Romae 1861. Voluminis secundi pars prima. Romae 1888.

Это классическое изданіе составляетъ достойный pendant къ извѣстному колоссальному своду языческихъ надписей Римскаго народа, Corpus inscriptionum Latinarum, издаваемому Берлинской Академіей Наукъ. Въ своихъ собираніяхъ и объясненіяхъ

---

[1] Профессоръ Giuseppe Gatti въ первый разъ составилъ Elenco delle opere, pubblicate dal Comm. G. B. de Rossi, въ 1882 г.; нынѣ этотъ библіографическій трудъ продолженъ до октября 1892 г. и дѣлится на двѣ части: I. Opere maggiori in corso di pubblicazione, II. Opere varie e scritti minori nell'ordine cronologico della loro pubblicazione.

[2] Дж. Б. де-Росси состоитъ членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ давняго времени.

де-Росси ограничился шестью первыми вѣками и ведетъ этотъ трудъ въ теченіе сорока лѣтъ съ рѣдкимъ постоянствомъ.

Мы намѣтили три главныя категоріи трудовъ де-Росси. Но эта классификація не обнимаетъ собою ни его многочисленныхъ сообщеній и статей по классической, римской и греческой, эпиграфикѣ, [1] ни его статей по топографіи города Рима въ разные вѣка, ни изслѣдованій по географическимъ и разнымъ археологическимъ вопросамъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ видъ больших книгъ, крупныхъ и дорогихъ изданій, какъ его трудъ о мозаикахъ римскихъ церквей до XV ст. I Musaici delle chiese di Roma anteriori al secolo XV; [2] ни, наконецъ, его образцовыхъ каталогическихъ и археографическихъ работъ въ Ватиканѣ. [3]

Но главная слава этого ученаго связывается съ Римскими Катакомбами. Разрытіе и обширное описаніе ихъ и самъ де-Росси считаетъ главнымъ своимъ жизненнымъ дѣломъ, которое несомнѣнно и упрочитъ необычайное значеніе его имени въ грядущихъ вѣкахъ. [4] Оттого-то и онъ самъ любитъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, вспоминать, въ присутствіи и отечественныхъ слушателей, и иностранцевъ о своихъ первыхъ находкахъ, о своихъ первыхъ шагахъ въ работѣ надъ Римскими Катакомбами, шагахъ тѣмъ болѣе трудныхъ, что его преслѣдовали общее не-

[1] Дж. Б. де-Росси состоитъ однимъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Римѣ, въ засѣданіяхъ котораго главнымъ образомъ и дѣлаются его разнообразныя сообщенія по классической и средневѣковой археологіи, помѣщаемыя послѣ въ изданіяхъ этого учрежденія. Огромная доля труда пала на него, при собираніи матеріала для VI тома Corpus Inscriptionum Latinarum, вышедшаго подъ заглавіемъ: Inscriptiones Urbis Romae Latinae, collegerunt Guilelmus Henzen et Iohannes Baptista de Rossi, ediderunt Eugenius Bormann et Guilelmus Henzen. Berolini 1876 и слѣд.

[2] Это роскошное изданіе начато въ 1872 году и продолжается доселѣ: вышло 23 выпуска; мозаики, вошедшія сюда, начинаются съ IV вѣка. Издателемъ этого дорогаго предпріятія явился римскій книгопродавецъ Spithöver.

[3] Здѣсь между прочимъ ему принадлежитъ необычайно важный трудъ по описанію латинскихъ рукописей Ватиканской библіотеки: Томы X, XI, XII, XIII, вмѣстѣ съ подробными указателями обязаны его трудамъ. Первый томъ этого подробнаго рукописнаго каталога начатъ печатаніемъ въ 1886 году.

[4] Объ отличительныхъ достоинствахъ этой заслуги Дж. Б. де-Росси передъ другими учеными, занимавшимися Римскими Катакомбами раньше его, въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ, мы говорили въ сообщеніи на VIII Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ, которое печатается въ «Трудахъ» этого Съѣзда.

довѣріе и недостатокъ сочувствія къ его стремленіямъ даже самого папы.

Носясь съ мечтою о методическомъ разрытіи всѣхъ Катакомбъ, на далекое пространство отовсюду окружающихъ Римъ, де-Росси, еще къ 1849 году, свелъ особо близкое знакомство съ собственникомъ одного виноградника на Via Appia.[1] Искать этого знакомства заставляло де-Росси въ особенности одно каменное зданіе, служившее тогда кладовой и виннымъ погребомъ, зданіе, которое, по соображеніямъ нашего ученаго, должно было быть церковью Св. Сикста съ древнѣйшихъ временъ христіанства. Роясь здѣсь въ разныхъ каменныхъ обломкахъ, де-Росси разъ напалъ на фрагментъ латинской надписи, которая, по легкомъ возстановленіи недостающихъ буквъ, заключала въ себѣ имя Корнелія, мученика и епископа половины III в. римской церкви. Надпись была надгробная — и это послужило для де-Росси основаніемъ къ заключенію, что именно около этого мѣста, подъ этимъ виноградникомъ нужно искать Катакомбъ, въ которыхъ погребались многіе древнѣйшіе папы или вѣрнѣе епископы Рима. Широко начитанный въ житіяхъ римскихъ святыхъ, въ исторіи римскихъ мучениковъ, и зная какъ никто другой на свѣтѣ древнехристіанскую топографическую литературу относительно Катакомбъ, де-Росси убѣдился въ чрезвычайной важности этого виноградника передъ другими мѣстами. Ожидая открытія мѣстъ упокоенія древнѣйшихъ римскихъ епископовъ именно здѣсь, онъ испросилъ аудіенцію у папы Пія IX. Папа хорошо зналъ де-Росси раньше, какъ чиновника Ватиканской библіотеки, иногда призывалъ его къ себѣ, хотя долго и не раздѣлялъ нисколько его археологическихъ увлеченій и не вѣрилъ его обѣщаніямъ великихъ результатовъ для церкви отъ разрытія Катакомбъ, которыя папа считалъ давно совершенно разграбленными и безнадежно разрушенными и временемъ и обстоятельствами.

Заручившись надписью съ именемъ епископа Корнелія и другими признаками существованія чрезвычайно важныхъ Катакомбъ подъ интересовавшимъ его виноградникомъ, де-Росси произнесъ предъ папою Піемъ IX горячую рѣчь о необычайномъ значеніи своего открытія и важности этого куска земли, прося святѣйшаго отца о пріобрѣтеніи его за счетъ казны и о начатіи здѣсь ме-

[1] Этотъ виноградникъ лежитъ въ углу образуемомъ Via Appia и Via delle sette chiese.

тодическихъ раскопокъ. Папа показывалъ видъ, что не вѣрить этимъ восторженнымъ обѣщаніямъ молодаго археолога, и рѣзко прервалъ аудіенцію полнымъ отказомъ въ вопросѣ о выкупѣ этого виноградника. Де-Росси удалился въ крайнемъ смущеніи, считая дѣло совершенно потеряннымъ.

Но едва онъ вышелъ за дверь, какъ папа, любившій шутки, при появленіи своего мажоръ-дóма, монсиньора Де-Мероде, разразился смѣхомъ. „Я только-что прогналъ де-Росси, сказалъ онъ,—вздувши его, какъ провинившагося кота; но виноградникъ все-таки куплю“ [1]. И дѣйствительно виноградникъ былъ послѣ купленъ папою и отданъ де-Росси для раскопокъ.

Работа началась имъ сейчасъ же и въ скоромъ времени де-Росси напалъ на нѣсколько историческихъ погребальныхъ криптъ. Нашлись надписи съ именами Антера, Фабіана, Луція, Эвтихіана, римскихъ епископовъ III ст. и очевидно тѣхъ, которые прославляются въ стихотворныхъ надписяхъ папою третьей четверти IV в. Св. Дамасомъ, одна изъ каковыхъ была здѣсь найдена де-Росси. Слухъ о такихъ неожиданныхъ для другихъ открытіяхъ облетѣлъ Римъ и достигъ до ушей папы. Пій IX, вообще сначала чуждый археологическимъ интересамъ даже по отзыву католическаго духовенства, захотѣлъ посмотрѣть на раскопки самъ. Назначенъ былъ день выѣзда папы на Аппіеву дорогу и предупрежденъ былъ объ этомъ де-Росси, который вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ приглашеніе на обѣдъ, дававшійся папою въ одной изъ виллъ на Авентинскомъ холмѣ большой ассамблеѣ изъ кардиналовъ, посланниковъ, прелатовъ, министровъ, римской аристократіи. Де-Росси посаженъ былъ вблизи папы. И на этотъ разъ Пій IX вздумалъ пошутить надъ увлеченіями энтузіаста-археолога и подразнить его. Разговаривая съ ближе сидѣвшими къ нему, папа нарочно повелъ рѣчь о своемъ недовѣріи къ археологамъ, этимъ, по его словамъ, мечтателямъ и поэтамъ, которые любятъ заниматься только вещами, недоступными для другихъ. Де-Росси проглотилъ эту пилюлю и не счелъ умѣстнымъ выступить здѣсь на защиту своего излюбленнаго дѣла.

Прошло послѣ того нѣсколько дней, папа пріѣхалъ посмотрѣть на раскопки, о которыхъ такъ много говорили тогда въ Римѣ. При входѣ въ подземелье, Дж. Б. де-Росси представилъ высокому

---

[1] «Ho cacciato via de-Rossi, come un gatto frustato, ma nondimeno comprerò la vigna.»

посѣтителю краткій отчетъ о работахъ и о важности сдѣланныхъ имъ находокъ. Пій IX и здѣсь не удержался отъ вопроса:

— Да правда ли всё это? Не возможно ли тутъ какое-нибудь заблужденіе?

— Здѣсь невозможно никакое заблужденіе, святѣйшій отецъ, отвѣчалъ де Росси, — когда найдены надгробныя надписи древнихъ. достопочитаемыхъ и святыхъ наслѣдниковъ апостола Петра. Если вашему святѣйшеству будетъ угодно соединить вмѣстѣ вотъ эти фрагменты писанныхъ камней, то явятся предъ вами имена тѣхъ папъ, о которыхъ говоритъ въ своихъ надписяхъ папа Дамасъ, [1] этотъ непрестанный поклонникъ мучениковъ, почивающихъ въ катакомбахъ.

Папа взялъ въ руки куски исписанныхъ камней и началъ читать ихъ, сравнивая съ именами, стоящими въ надписяхъ Святаго Дамаса. Густая краска, по словамъ де-Росси, залила лицо папы; слезы радости выступили на глазахъ его:

— Такъ это дѣйствительно надгробные камни моихъ предшественниковъ? воскликнулъ онъ.

Помня недавнія шутки папы надъ археологами, де-Росси, въ отвѣтъ на это восклицаніе, замѣтилъ:

— Нѣтъ, святой отецъ, всё это грезы, всё это сны. [2]

— Ахъ, какой вы злой человѣкъ, де-Росси! [3] ласково сказалъ папа и съ тѣхъ поръ сдѣлался щедрымъ покровителемъ ученаго археолога и могучимъ защитникомъ его отъ всяческихъ навѣтовъ враговъ и завистниковъ, которыхъ у де-Росси, какъ у всякаго человѣка инициативы, было не мало въ средѣ римскаго духовенства. Съ тѣхъ поръ успѣхъ христіанской археологіи въ Римскихъ Катакомбахъ былъ обезпеченъ навсегда. Въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ непрерывной работы, непрерывныхъ раскопокъ, огромная площадь этого подземнаго Рима разрыта и стала доступна подробному и всестороннему изученію. Но работы остается еще все-таки много впереди, и маститый археологъ, вступившій теперь въ 71-й годъ жизни, конечно не мечтаетъ довести это гигантское дѣло до конца. Оно потребуетъ работы нѣсколь-

[1] Епископъ Дамасъ былъ поэтомъ и между прочимъ посвящалъ свой стихотворный даръ прославленію первыхъ мучениковъ и представителей Римской церкви.

[2] Ma sono tutti sogni, Padre Santo, sono tutti sogni.

[3] «O come siete cattivo de Rossi!».

кихъ ученыхъ поколѣній и будущему вѣку, можетъ-быть, суждено будетъ извлечь на свѣтъ науки весь археологическій и художественный матеріалъ изъ этихъ темныхъ, но чрезвычайно интересныхъ и поучительныхъ подземелій.

Но и не окончивши этого дѣла, превышающаго силы одного человѣка, каковы бы онѣ ни были, де-Росси останется наиболѣе крупной величиной въ исторіи христіанской археологіи. Не даромъ уже при жизни его называютъ на всѣхъ языкахъ „Княземъ христіанской археологіи“: principe dell'archeologia cristiana, Fürst der christlichen Archäologie, Prince de l'archéologie chrétienne, и пр., какъ и устно и печатно величаютъ его Итальянцы, Нѣмцы, Французы. Не даромъ всѣ цивилизованныя націи міра уже во второй разъ [1] сошлись въ его недавнемъ праздникѣ, чтобы воздать ему дань общаго почета и глубокой признательности за эту плодотворную жизнь, всецѣло посвященную той наукѣ, которая повѣствуетъ намъ о первыхъ вѣкахъ нашей религіи, величайшей эпохѣ, невольно приковывающей къ себѣ самое горячее вниманіе всѣхъ христіанъ, безъ различія всѣхъ вѣроисповѣданій.

Въ этой всеобщей дани почтенія Дж. Б. де-Росси свою долю участія приняли и русскіе археологи и любители древности случившіеся тогда въ Римѣ. Это участіе выразилось съ нашей стороны, правда въ весьма скромной формѣ, болѣе скромной, чѣмъ того требовала важность заслугъ де-Росси; [2] но, по странной случайности, русскіе археологи узнали о готовящемся чествованіи лишь за нѣсколько дней.

А между тѣмъ на русскихъ ученыхъ лежалъ не меньшій долгъ въ отношеніи Джіованни Баттиста де-Росси, чѣмъ на всѣхъ другихъ. Домъ его одинаково открытъ и для насъ; его авторитетный совѣтъ, ученая и административная помощь также всегда готовы и для русскихъ археологовъ, пріѣзжающихъ въ Римъ, какъ и для ученыхъ другихъ странъ. Обо всемъ этомъ

[1] Первый юбилей былъ десять лѣтъ тому назадъ.

[2] Адресъ отъ имени русскихъ археологовъ напечатанъ въ вышеобозначенномъ юбилейномъ изданіи G. B. de Rossi. M. DCCC. XCII. Roma 1892, стр. 163 и слѣд.

въ прежнее время говорили наши ученые, ближе къ нему стоявшіе: покойный графъ А. С. Уваровъ, академикъ Ѳ. И. Буслаевъ, профессоръ Н. П. Кондаковъ и др. Въ послѣдніе годы честь пользованія болѣе близкимъ руководствомъ де-Росси выпала и на мою счастливую долю. Я называю эту долю счастливой потому, что безъ помощи де-Росси, безъ его довѣрія, ставшаго въ послѣднее время почти безграничнымъ, невозможенъ былъ бы никакой успѣхъ того дѣла, которое начато мною въ 1888 году и которое съ тѣхъ поръ безостановочно продолжается доселѣ и будетъ, дастъ Богъ, продолжаться впредь.

Отправляясь весной 1888 года въ продолжительное заграничное путешествіе и зная, что большая часть его пройдетъ у меня въ Римѣ, я рѣшился воспользоваться этимъ временемъ для составленія сборника образцовъ стѣнной живописи Римскихъ Катакомбъ. Приступить къ исполненію этого моего намѣренія было тѣмъ легче, что въ Москвѣ тогда безъ всякаго труда нашелся человѣкъ, пожелавшій принять на себя издержки не только по копированію живописи, но и, что̀ особенно важно, по несомнѣнному дорогому изданію рисунковъ въ свѣтъ.[1] А въ Римѣ давно жилъ нашъ, русскій художникъ, который готовъ былъ взяться за это дѣло со всею, издавна извѣстною мнѣ, добросовѣстностію. На мою долю остались выборъ матеріала, подлежавшаго копированію, матеріала, разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ, во всѣхъ направленіяхъ отъ Рима, общее руководство дѣломъ и контроль при пріемѣ работъ художника.

Но это счастливое стеченіе обстоятельствъ само по себѣ еще не привело бы насъ желанной цѣли, еслибы мы не встрѣтили готовности помогать намъ и словомъ и дѣломъ въ Джіованни Баттиста де-Росси, въ единоличномъ управленіи котораго находятся Римскія Катакомбы.

Эта готовность увеличивалась въ названномъ ученомъ, по мѣрѣ укрѣпленія въ немъ мысли, что начатое дѣло стало серьезнымъ, что оно обѣщаетъ продолжаться цѣлый рядъ лѣтъ, что за исполненіе его принялся художникъ сильныхъ дарованій, неустанной энергіи и человѣкъ глубокой вѣры въ важность порученнаго ему дѣла для археологической науки.

[1] К. С. Поповъ, представитель чайной торговой фирмы «Братья К. и С. Поповы».

Джіованни Баттиста де-Росси, конечно, ближе всякаго другаго зналъ, что безъ его довѣрія и безъ его указаній и научной помощи никоимъ образомъ нельзя будетъ обойтись въ этомъ обширномъ предпріятіи. Совершенно поэтому естественно, что для него было необходимо сначала присмотрѣться къ людямъ, явившимся къ нему со смѣлой просьбой открыть имъ Катакомбы, нужно было подвергнуть ихъ нѣкоторому искусу, прежде чѣмъ предоставить имъ тѣ, во истину широкія, полномочія, которыми мы пользуемся въ послѣдніе годы.

Къ счастію для моего дѣла, главнымъ исполнителемъ его явился художникъ необыкновеннаго характера, который снискиваетъ ему горячія симпатіи всѣхъ, кто ближе знакомится съ нимъ, будутъ ли то Русскіе или иностранцы. Имя этого художника Ѳ. П. Рейманъ. Русскій по происхожденію и православный по вѣроисповѣданію, онъ болѣе двадцати лѣтъ живетъ въ Римѣ, занимаясь живописью и даваніемъ уроковъ рисованія въ русскихъ семействахъ. Даровитый акварелистъ, онъ съ величайшею готовностію принялъ мое предложеніе заказа многолѣтняго и притомъ такого по своей природѣ, который, въ случаѣ удовлетворительнаго исполненія, долженъ будетъ создать ему несомнѣнно почтенное имя въ исторіи христіанской археологіи.

Легко вошедши въ пониманіе всей строгости требованій, предъявляемыхъ наукой настоящаго времени къ художественнымъ копіямъ и въ особенности къ копіямъ съ оригиналовъ, которымъ грозитъ скорая и неминуемая гибель, Ѳ. П. Рейманъ принялся за предлежавшій ему трудъ съ необычайной настойчивостью. Энергія и выдающееся искусство исполненія уже къ концу перваго года работы обратили на него вниманіе римскихъ археологовъ, художниковъ и путешественниковъ всѣхъ странъ.

Понесся по Риму слухъ объ истинно-подвижнической жизни русскаго художника въ Катакомбахъ и объ его неустанныхъ работахъ съ ранняго утра и до поздняго вечера, среди темноты и безмолвія глубокой могилы, простирающейся на цѣлыя версты кругомъ.

Но не одна эта темнота, одиночество и отдаленность отъ остальнаго міра составляютъ исключительныя условія существованія нашего почтеннаго соотечествен-

ника въ Катакомбахъ Рима. Самую опасную сторону здѣсь представляетъ сырость многихъ изъ нихъ, и удушливость воздуха въ болѣе глубокихъ этажахъ Катакомбъ, гдѣ нѣтъ никакой вентиляціи и гдѣ прахъ тлѣющихъ костей даетъ себя чувствовать со всею разрушительною силой. А какова сырость Катакомбъ Св. Присциллы, съ которыхъ началъ свои работы нашъ художникъ, можно судить по тому, что въ теченіе одной первой зимы сгнили подъ нимъ два стула; бревна деревянныхъ подмостокъ покрылись густымъ слоемъ темно-зеленой плѣсени, и веревки, служившія для связыванія бревенъ, сдѣлались негодными для дальнѣйшаго употребленія. Оттого администрація Катакомбъ послѣ сочла нужнымъ построить здѣсь, въ въ нѣкоторыхъ пунктахъ особые мостики изъ желѣза и окрасить ихъ масляною краской.

Новое и также чрезвычайное неудобство заключается въ отдаленности Катакомбъ отъ Рима, отдаленности, заставляющей нашего художника жить всю зиму въ безпріютной Римской Кампаньи, кое-какъ устроившись или на вышкѣ придорожной тратторіи, или въ комнаткѣ у сторожа какого-нибудь сосѣдняго виноградника или овощнаго огорода—въ помѣщеніяхъ съ такими окнами и дверями, которыя поневолѣ приходится, въ холодныя, сырыя и непогожія ночи, разсматривать какъ своихъ злѣйшихъ и, къ сожалѣнію, непобѣдимыхъ враговъ.

День, проводимый подъ землей, ночь, проходящая въ борьбѣ съ холодомъ и вѣтромъ, и, наконецъ, невозможность нормальнаго питанія въ состояніи расшатать самый крѣпкій организмъ и подорвать, какое угодно, желѣзное здоровье.

И въ такихъ-то необычайныхъ условіяхъ существуетъ и неустанно работаетъ нашъ соотечественникъ вотъ уже пять лѣтъ. Его энергія, не знающая предѣловъ, служитъ предметомъ удивленія цѣлаго Рима. Уже со втораго года его работъ за нимъ установилось имя несравненнаго и доселѣ въ исторіи разработки Катакомбъ не встрѣчавшагося спеціалиста въ дѣлѣ копированія подземныхъ фресокъ. Ученое „Общество возстановленія древнихъ христіанскихъ памятниковъ Рима“ единогласно избрало его въ свои почетные члены, предварительно посѣтивши его студію in corpore съ председателемъ во главѣ и осмотрѣвши его копіи. Въ минувшемъ году оно командировало изъ своей среды одного жи-

вописца подъ руководство г. Реймана. И мы сами видѣли не разъ этого уже сѣдаго человѣка сидящимъ и работающимъ въ студіи Реймана. Въ археологическихъ римскихъ кругахъ нашъ художникъ извѣстенъ подъ именемъ Maestro delle Catacombe, данное ему де-Росси, для котораго онъ теперь сдѣлался близкимъ человѣкомъ, постояннымъ совѣтникомъ и помощникомъ въ дѣлѣ заготовленія таблицъ къ ближайшимъ томамъ его Roma Sotterranea.

Въ теченіе пяти лѣтъ Ѳ. П. Рейманъ исполнилъ около третьей части предполагаемаго нами собранія. Не имѣя возможности мечтать о большемъ, мы ограничились въ выборѣ матеріала лишь первыми вѣками христіанства, лишь тою живописью, которая носитъ явные слѣды еще языческаго вліянія, слѣды классическаго искусства. Съ V вѣка въ значительной степени проникаетъ въ Катакомбы Рима уже Византійская иконографія. Образцовъ ея здѣсь немало и нѣкоторые изъ нихъ превосходны и по исполненію и по сохранности. Но для этой работы, то-есть для снимковъ и обслѣдованія живописи этого порядка, придутъ въ свой чередъ другіе люди, явятся для этого болѣе подготовленныя силы. [1]

Доселѣ г. Рейманомъ нарисовано до 50 картоновъ. О степени ихъ необыкновенной тщательности прошу васъ судить по выставленнымъ здѣсь образцамъ. [2] Эти рисунки являются продолженіемъ той серіи, которую я имѣлъ честь выставлять во время доклада „О судьбахъ изученія Римскихъ Катакомбъ“, читаннаго мною на послѣднемъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ. Въ поразительномъ сходствѣ ихъ съ оригиналами я долженъ былъ убѣдиться, принимая ихъ отъ г. Реймана прошедшей весною въ Римѣ и провѣряя каждый рисунокъ по подлинникамъ въ самихъ Катакомбахъ.

Но какъ бы ни были велики достоинства работы нашего ху-

---

[1] Такъ, весною 1892 г., мы встрѣтили въ Римѣ извѣстныхъ учениковъ профессора Н. П. Кондакова, привать-доцента Императорскаго Казанскаго университета Д. В. Айналова и нынѣшняго приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго университета Е. К. Рѣдина, которые усердно работали здѣсь надъ памятниками византійскаго искусства.

[2] Во время чтенія акварели г. Реймана были передъ глазами слушателей, равно какъ и портреты Дж. Б. де-Росси и нашего художника, о которыхъ говорится въ заключеніи.

дожника, онъ не могъ бы проявить ихъ, еслибы Джіованни Баттиста де-Росси для этого успѣха р у с с к а г о предпріятія не сдѣлалъ всего, что отъ него зависѣло по оффиціальному его положенію, еслибы онъ, устранивъ многія формальныя препятствія, не помогалъ намъ словомъ и дѣломъ.

Эта непосредственная близость знаменитаго ученаго къ русской работѣ и послужила для меня основаніемъ связать рѣчь о Римскомъ археологѣ съ рѣчью о нашемъ отечественномъ живописцѣ, часть трудовъ и фотографическое озображеніе котораго находится здѣсь предъ нами.

И. Цвѣтаевъ.

ЛЕГЕНДА О САТАНѢ.

I.

Когда Сынъ Божій сошелъ на землю, чтобы взять на себя грѣхи міра, чтобы, претерпѣвъ крестную смерть, искупить человѣчество дорогою цѣной, — сатана не повѣрилъ въ Сына Божія. Сердце его зачерствѣло, давно утратило способность любить и вѣрить, и онъ ничему не могъ повѣрить, чего не могъ объять и проникнуть умомъ своимъ. И хотя умъ его былъ неизмѣримо выше ума человѣческаго, но онъ не могъ объять и проникнуть умомъ своимъ того, чего не могли объять и проникнуть умомъ и Ангелы на небесахъ — тайны воплощенія Божества. И смущенный явленіемъ на землѣ Сына Божія, сатана, въ гордынѣ своей, все же мыслилъ, что и Сей, владѣющій могуществомъ и властью сверхчеловѣческими, не устоитъ противъ силы искушенія его.

И искушалъ.

И отошелъ со стыдомъ, не выдержавъ взгляда Его очей, такихъ благихъ и ясныхъ, какихъ никогда не видалъ міръ, какихъ никогда не видалъ сатана и у Ангеловъ Небесныхъ.

И со звучащими въ ушахъ словами: „Отойди отъ Меня, сатана", произнесенными нездѣшнимъ голосомъ, съ неземными глубиной и силой, бродилъ сатана среди безплодной и безводной пустыни.

Смѣялся онъ и надъ гнѣвомъ Божіимъ, смѣялся онъ и надъ обѣтованіемъ Божіимъ о Томъ, Который пріидетъ и сотретъ

главу змію; но теперь Сей, сошедшій на землю въ нищенскомъ образѣ, смутилъ его..

Не находя себѣ мѣста, сатана бродилъ по землѣ.

Онъ слышалъ проповѣдь Божественнаго Учителя, онъ видѣлъ чудеса и воскрешеніе Лазаря, видѣлъ, какъ самые бѣсы повинуются слову Сына Божія. И злоба все болѣе и болѣе накипала въ его сердцѣ. Невидимо, силою бѣсовской, распалялъ онъ ненависть и страсти въ ватагѣ фарисейской, невидимый ходилъ по пятамъ за Іудой, капля-по-каплѣ вливая ядъ въ его сердце.

И когда, наконецъ, сатана увидѣлъ Его, покорившаго міръ, ѣдущаго на осляти, шествующаго какъ царь среди несмѣтной толпы народа, устилающей путь Его одеждами и пальмовыми вѣтвями, когда онъ услышалъ громовое „Осанна", раздавшееся на землѣ и подхваченное хорами Ангеловъ на небѣ,—тогда злоба его перешла мѣру терпѣнія.

И, распалившись, князь тьмы употребилъ всю силу свою, всю власть свою надъ душами людей, уже ему подвластныхъ. Онъ влилъ въ отравленное сердце Іуды еще послѣднюю каплю, онъ разсѣялъ послѣднее колебаніе въ душахъ учителей народныхъ и первосвященниковъ.

И то, чему отъ вѣка предназначено было совершиться — совершилось.

Съ изступленнымъ торжествомъ смотрѣлъ сатана. какъ судили Сына Божія; видѣлъ Его, поруганнаго, оплеваннаго, заушеннаго; видѣлъ его въ мукахъ на крестѣ; присутствовалъ, при тяжкой борьбѣ Его духа. И улыбка гордаго торжества проступила на мрачномъ лицѣ владыки ада, когда онъ увидѣлъ все это, и чело его разгладилось и засмѣялся онъ тихимъ и долгимъ смѣхомъ, отъ котораго вздрогнула всякая земная тварь... И въ неслыханной гордынѣ думалъ онъ: „вотъ Ты умираешь Самъ, Ты, побѣждающій смерть и адъ—рабъ смерти."

Но когда Христосъ умеръ на крестѣ, когда въ то же мгновеніе и земля и небо потряслись отъ громоваго вопля Серафимовъ и Херувимовъ, возгласившихъ громовое „Осанна",—вздрогнулъ сатана, и поблѣднѣлъ и застылъ на мѣстѣ. И въ страшной тоскѣ бросился онъ въ пустыню безплодную и безводную, и бродилъ тамъ, а громовое „Осанна" все звучало въ его ушахъ. Но онъ, ободряя себя, говорилъ: „Онъ умеръ и не воскреснетъ,—смерть никогда не отдаетъ своихъ жертвъ, не отдастъ и Его, ибо и Онъ былъ изъ плоти и крови, былъ земля—и обратится въ землю.

Пусть гремятъ свое „Осанна". Это все тотъ же обманъ, довременный, предвѣчный обманъ..."

И такъ успокоивъ себя, пошелъ онъ, влекомый какъ бы невѣдомою силой, ко гробу Господню. И видѣлъ онъ, какъ Ангелъ снизошелъ съ неба и отвалилъ камень у гроба; видѣлъ, какъ въ безпамятствѣ стража упала на землю; видѣлъ, какъ Сынъ Божій возсталъ и ожилъ. Слышалъ онъ, какъ и небо, и земля, и всѣ миріады міровъ и вся вселенная сотряслись, когда Силы Небесныя славили чудо воскресенія Сына Божія, вопія:

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ,
Смертію смерть попра,
И сущимъ во гробѣхъ животъ дарова!

И прислушавшись къ звукамъ этой новой, неслыханной пѣсни, сатана оледенѣлъ отъ ужаса. Онъ бросился бѣжать, самъ не зная куда, будто кто за нимъ гнался по пятамъ, но вопли Силъ Небесныхъ, славившихъ Христа новою, чудною пѣснью, все преслѣдовали его и жгли, и терзали и мучили каждымъ звукомъ, каждымъ словомъ. Сатана ринулся въ бездну, но и тамъ, въ его царствѣ, звуки святой пѣсни преслѣдовали его и жгли и терзали...

Мертвая тишина воцарилась въ безднѣ ада; все приникло, какъ приникаетъ тварь земная, чуя близость грозы; приникъ самъ сатана, чуя близость Его, побѣдившаго смерть и адъ.

И Онъ уже былъ близокъ. Окруженный Силами Небесными, сошелъ Онъ въ мрачную бездну ада, съ лицомъ свѣтлымъ, какъ солнце, въ одеждахъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ.

И остановился Сынъ Божій противъ мрачнаго трепещущаго князя тьмы, и взглянулъ на него, взглянулъ Онъ, распятый на крестѣ, въ мукахъ умершій за грѣхи міра, смертію смерть поправшій.

И не выдержалъ сатана Его взгляда и поникъ, и будто окаменѣлъ, недвижимый...

И по манію Сына Божьяго Ангелы Небесные наложили цѣпи на князя тьмы, ибо кончилось царство его.

И Сынъ Божій еще разъ отверзъ уста, глаголя:

„Истинно говорю вамъ! Доколѣ въ часъ Моего воскресенія хотя одинъ человѣкъ на землѣ съ вѣрою и умиленіемъ скажетъ сіи слова: „Христосъ воскресъ", дотолѣ не распадется цѣпь сія; писано бо есть: „тогда поглощена будетъ смерть побѣдою! Смерть, гдѣ жало твое? Адъ, гдѣ побѣда твоя?"

И еще разъ взглянувъ на поверженнаго сатану, вознесся Сынъ Божій на небеса и святые Ангелы съ нимъ, вопія, взывая и глаголя:

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ,
Смертію смерть попра,
И сущимъ во гробѣхъ животъ дарова...

II.

И когда опомнился сатана, страшная злоба закипѣла въ сердцѣ его, ибо онъ видѣлъ и не повѣрилъ.

И скрежеща зубами и гремя сковывающею его цѣпью, въ страшномъ ожесточеніи онъ началъ пилить свою цѣпь. И пилилъ непрестанно, безъ отдыха, съ пѣною на посинѣлыхъ губахъ, съ ненавистью въ помутившемся взглядѣ, со страшными проклятіями на устахъ.

Но цѣпь не распадалась. Прошло много времени, а онъ успѣлъ распилить цѣпь только до половины. Прошло еще время и вотъ цѣпь уже почти распадалась. Поднялъ голову торжествующій сатана; страшныя проклятія, обращенныя къ небу, вырвались изъ устъ его и, въ предчувствіи близкой свободы, съ новою, удвоенною силой, онъ сдѣлалъ еще одинъ взмахъ, долженствовавшій разрушить цѣпь...

Но въ это мгновеніе изъ глубины катакомбъ, съ окровавленныхъ аренъ цирковъ, изъ мрака темницъ, тысячи голосовъ, со слезами и умиленіемъ возопіяли: „Христосъ воскресъ!"—а Силы Небесныя вторили своимъ громовымъ воплемъ земнымъ слезамъ, земнымъ вздохамъ.

И въ то же мгновеніе, какъ только были произнесены на землѣ святыя слова, цѣпь, сковывающая сатану, снова срослась...

Страшно завопилъ сатана и въ судорогахъ грохнулся о земь...

Шли года, а сатана все продолжалъ свою безконечную работу, потому что какъ только въ храмахъ, во дворцахъ, въ лачугахъ, въ тюрьмахъ люди восклицали: „Христосъ воскресъ", перепиленная цѣпь снова сросталась и снова въ тоскѣ и отчаяніи сатана въ судорагахъ падалъ на землю, потрясая бездну своими воплями и проклятіями...

Шли года, шли десятки лѣтъ, шли столѣтія и уже не тысячи, не десятки, не сотни тысячъ, а милліоны людей, во всѣхъ кон-

цахъ земли, каждый годъ, въ часъ Воскресенія Христова произносили святыя слова...

И сатана отчаялся... Безнадежно, съ смерною тоской въ душѣ пилилъ онъ свою цѣпь...

Отчаялись и служебные духи его, глядя на отчаяніе своего владыки.

Не отчаялся только одинъ любимый его Аггелъ.

Онъ предсталъ предъ тронъ сатаны и сказалъ:

„О, мой великій властитель! Снова и снова предвѣчный обманъ затемнилъ намъ очи. Цѣлые вѣка ты пилишь свою цѣпь и не можешь распилить, потому-что каждый разъ, какъ она готова уже распасться, люди произносятъ слова, которыя околдовываютъ твою цѣпь. Надо сдѣлать такъ, чтобы они не произносили этихъ словъ—и тогда цѣпь распадется, и ты освободишься, и побѣдимъ.

„Великій владыка, позволь мнѣ идти на землю и сдѣлать это. Люди всегда — люди и надо только умѣть искушать ихъ. Я затрону ихъ гордость, я затрону ихъ тщеславіе, я затрону похоть плоти ихъ; я скажу имъ, что нѣтъ Бога, что нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія; я буду смѣяться надъ ними: я скажу имъ, что ихъ одурачили и что они сами себя дурачатъ; я увѣрю ихъ, что всѣ бѣдствія ихъ, всѣ несчастія ихъ, все несовершенство ихъ происходитъ отъ того, что они вѣрятъ въ Бога, въ вѣчность, въ Христа, въ воскресеніе, въ побѣду надъ смертью. И они повѣрятъ мнѣ, и возмутятся и отвергнутъ и Бога, и вѣчность, и Христа и воскресеніе.

„Пусть мой путь будетъ дологъ и труденъ, пусть пройдутъ вѣка и вѣка, пока я исполню все, но лучше же достигнуть цѣли чрезъ вѣка, которые для насъ, безплотныхъ духовъ, все равно, что мгновенія, нежели всю вѣчность истощаться въ безплодныхъ усиліяхъ. Великій владыко, отпусти меня!“

И сатана отпустилъ его.

Аггелъ пришелъ на землю. Онъ зналъ, что здѣсь милліоны людей славятъ Бога, вѣчность, Христа, воскресеніе, но не смутился этимъ. Осмотрѣвшись, онъ избралъ свою жертву.

Старикъ ученый, всю жизнь погруженный въ книги, сидѣлъ въ бѣдной своей кельѣ и читалъ при свѣтѣ убогой лампады. Онъ постигъ всю мудрость человѣческую, всю мудрость вѣковъ; онъ зналъ все, что̀ есть и что̀ было, и лишь тайны бытія не постигъ онъ и не могъ постигнуть. И сердце его разрывалось на

части, когда онъ думалъ о томъ, что постигъ всю мудрость вѣковъ для того лишь, чтобы узнать, что ничего не знаетъ. Часто онъ плакалъ и молился, желая отогнать отъ себя эти тяжкія мысли, и иногда онѣ таяли отъ силы молитвы и слезъ, но иногда еще болѣе терзали его, и тогда слова молитвы мертвенно звучали въ его душѣ, въ его сердцѣ.

И вотъ теперь, когда онъ думалъ о томъ же, аггелъ невидимо проникъ въ его келью. Чѣмъ-то тягостнымъ повѣяло въ кельѣ, и голова старика затуманилась. Онъ хотѣлъ прилечь и уснуть, но сонъ бѣжалъ отъ его очей. Голова горѣла, въ вискахъ стучало, а мысли, одна другой мучительнѣй, одна другой тягостнѣй, шли, чередуясь, все быстрѣй и быстрѣй.

И вдругъ, среди мертвенной тишины ночи, старику почудилось, что кто-то стоитъ у его изголовья и шепчетъ тихо, но явственно, будто въ легкомъ дуновеніи:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія"...

Холодный потъ выступилъ на лбу стараго ученаго, сѣдые волосы зашевелились на головѣ; онъ хотѣлъ поднять руку, чтобы сотворить крестное знаменіе, но рука будто оледенѣла; онъ хотѣлъ прошептать молитву, но помертвѣлыя губы его шевелились беззвучно и безмысленно.

А странный шепотъ все не умолкалъ.

Медленно, тихо, но внятно, какъ слабый звукъ монотонно падающихъ одна за другою капель, проникалъ въ ухо старика тотъ же шепотъ:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія"...

И цѣлую ночь преслѣдовалъ оледенѣлаго отъ ужаса старика страшный кошмаръ; а едва занялась заря, онъ вышелъ изъ дому и пошелъ бродить, куда глаза глядятъ. Онъ прошелъ городъ, прошелъ поле, вошелъ въ лѣсъ, не замѣчая, куда идетъ, съ опущенною головой, углубившись въ какую-то думу. Онъ и самъ не могъ бы сказать, о чемъ думаетъ, только на сердцѣ у него было тяжко, а въ головѣ смутно.

Наступило чудное весеннее утро; лѣсъ зеленѣлъ и благоухалъ; птицы пѣли пріютившись въ вѣтьвяхъ деревьевъ, зеленый коверъ лужайки пестрѣлъ цвѣтами. Не замѣчая ничего, старикъ присѣлъ на обрубокъ пня и сидѣлъ съ опущенною головой, погруженный въ свои странныя думы,

И вдругъ, помимо своей воли, самъ не замѣчая, машинально, онъ тихо и медленно проговорилъ:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія“...

Но только-что онъ успѣлъ сказать, какъ гдѣ-то, у ногъ его, множество тоненькихъ голосковъ, пріятныхъ, какъ звукъ крошечныхъ серебряныхъ колокольчиковъ, потихоньку, всѣ хоромъ, прозвенѣли:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе!“

Старикъ изумленно оглянулся вокругъ себя; потомъ посмотрѣлъ внизъ, на лугъ, и увидѣлъ, что это пестрѣющіе на немъ цвѣты, всѣ хоромъ, вновь и вновь повторяютъ:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе“...

Всѣ цвѣты, вмѣстѣ и порознь, каждый со своего мѣста: серебристые ландаши, обрызганные росой, изъ-подъ тѣни кустовъ, желтофіоли и голубенькіе колокольчики — съ средины луга, маленькіе анютины глазки—съ берега пробѣгавшаго тутъ ручья—всѣ они хоромъ, потихоньку, звенящими серебристыми голосками повторяли:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе“...

И чѣмъ болѣе старый ученый прислушивался къ этимъ тихимъ, серебристымъ голосамъ, говорившимъ о вѣчности, о Христѣ, о воскресеніи, тѣмъ свѣтлѣе и свѣтлѣе становилось у него на душѣ, тѣмъ ровнѣе и спокойнѣе билось его сердце, а прояснившіеся старческіе глаза увлажнились слезами.

Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ кругомъ на зеленѣющій лѣсъ, на изумрудный лугъ, на серебристый ручей, на голубое чистое и свѣтлое, будто бездонное, небо.

И показалось ему, что какъ бы тихое дуновеніе пронеслось по всему лѣсу,—и въ этомъ шелестѣ лѣса, и въ журчаньи ручья, и въ колыханіи цвѣтовъ и въ тихомъ чириканьи перепархивающихъ съ вѣтки на вѣтку птицъ слышались тѣ же раздававшіяся, Богъ вѣсть откуда, тихія слова:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе“...

И раскрылась душа стараго ученаго, и спала тяжесть съ сердца его, и онъ палъ на колѣни среди зеленаго луга, и заплакалъ и плакалъ долго, неудержимыми, сладкими слезами—и плакалъ и молился, повторяя:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе!“

И старикъ успокоенный воротился домой въ свою келью.

Но наступила ночь, и снова чѣмъ-то тягостнымъ повѣяло въ его кельѣ, и снова кто-то стоялъ у его изголовья и снова раздавался тотъ же тихій, какъ дуновеніе, но внятный шепотъ:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія...“

Такъ продолжалось много ночей.

Старый ученый привыкъ къ странному шепоту и болѣе не ужасался. Тысячи мыслей зароились въ его головѣ. И вдругъ ему показалось, что онъ проникъ въ тайну бытія, и что эта тайна бытія заключается въ томъ, что нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія. Горделивая улыбка появилась на лицѣ старика; онъ,—первый онъ, узналъ это; онъ,—первый онъ, разгадалъ тайну бытія.

Онъ судорожно вскочилъ со своего бѣднаго ложа и съ загорѣвшимися глазами, и съ улыбкой гордаго торжества на губахъ, упоенный однимъ предчувствіемъ того, что̀ онъ сдѣлаетъ, съ гордымъ восторгомъ произнесъ:

„Я первый возвѣщу міру, что нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія! Я сниму слѣпоту съ людскихъ очей, я открою людямъ тайну бытія!“

И съ этого часа старый ученый углубился въ свою работу. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ написалъ книгу, въ которой возвѣстилъ міру, что нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія; что только безъ Бога, безъ вѣчности, безъ Христа, безъ воскресенія становится понятна тайна бытія, становится понятнымъ простое и ясное устройство міра.

И люди возстали на стараго ученаго. Они осудили и убили его—убили во имя Христа и правды Его. Аггелъ торжествовалъ. Люди совершили злодѣяніе, нарушили завѣтъ Христовъ, уже не во имя похоти плоти, а во имя правды Божьей, какъ они думали, совершили злодѣяніе во имя Христово...

III.

Стараго ученаго убили, но осталась книга его, и ее читали многіе—и многіе соблазнились.

Конечно, говорили они съ гордостью, нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія. Все это сказки, годныя для глупой черни, мы же понимаемъ тайну бытія и устройство міра.

И гордясь, что они поняли все это, сами стали писать книги, гдѣ говорили, каждый по своему, что нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія.

Сперва такія книги читали не многіе люди, потому что мало кто умѣлъ читать; но прошло много, много лѣтъ, читать научились всѣ, и такихъ книгъ, написанныхъ уже не учеными, а просто глупыми людьми, которые тоже хотѣли всѣмъ показать, что и они могутъ понимать вещи такъ точно, какъ онѣ есть, безъ предразсудковъ—такихъ книгъ появилось множество и въ такихъ книгахъ уже не писали, что нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія, а просто смѣялись надъ тѣми людьми, которые думали иначе.

И вотъ многіе малодушные люди, которые и вѣрили въ то, что есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе, боясь, что ихъ засмѣютъ, тоже стали притворяться, будто не вѣрятъ. Имъ было очень тяжело это дѣлать, но они были такъ малодушны, что больше боялись людской насмѣшки, нежели гнѣва Божьяго. Но все-таки много еще было на землѣ людей, которые вѣрили, что есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе. И когда наступалъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, эти люди съ вѣрой и умиленіемъ произносили: „Христосъ Воскресъ"—и цѣпь, сковывавшая сатану, вновь сросталась, и аггелъ видѣлъ, что его дѣло не скоро еще будетъ окончено.

Но прошло еще много, много лѣтъ, и люди уже перестали спорить о томъ, есть ли Богъ, есть ли вѣчность, есть ли Христосъ, есть ли воскресеніе. Все это было забыто, забыто было самое имя Божіе... Только ученые, рывшіеся въ старыхъ книгахъ, знали, что люди когда-то вѣрили въ Бога, въ вѣчность, въ Христа, въ воскресеніе.

И вотъ люди стали жить безъ Бога, безъ вѣры, безъ надежды, безъ любви...

И все потухло въ мірѣ.

Люди жили, ѣли, пили, женились и выходили замужъ, рождали дѣтей, ссорились и мирились, но смыслъ жизни былъ потерянъ, и жизни уже не было. Все умерло въ душахъ людей, кромѣ похоти плоти, и страшная неслыханная тоска овладѣла міромъ. Начались безсмысленныя и безпощадныя войны; никто не зналъ, изъ-за чего онѣ происходятъ и къ чему приведутъ, но всѣ были увѣрены, что что-то знаютъ, что чего-то хотятъ и, думая такъ, тосковали еще болѣе. Люди убивали другъ друга, но еще болѣе убивали сами себя. Раздраженные, алчные, жадные къ утѣхамъ плоти, безсильные добыть ихъ, или утомленные ими,

люди убивали себя безъ сожалѣнія, безъ раскаянія, безъ мысли о томъ, что̀ будетъ тамъ, за предѣломъ земной жизни.

Тогда торжествующій аггелъ предсталъ предъ скованнымъ сатаной.

Онъ думалъ, что дѣло его окончилось! Онъ думалъ, что уже всѣ люди забыли святыя слова, ибо давно въ ихъ груди умерли чувства чистой радости и умиленія.

„Великій владыко, сказалъ аггелъ,—я совершилъ все, что̀ обѣщалъ тебѣ. Міръ снова въ твоей власти. Не успѣетъ солнце обойти землю, какъ ты будешь свободенъ. На всей землѣ никто больше и никогда не произнесетъ тѣхъ словъ...

Но еще не пришли времена и сроки, и не сбылись слова аггела.

Далеко, на краю свѣта, въ сѣверныхъ лѣсахъ спасался старецъ. Онъ самъ уже не помнилъ, сколько ему лѣтъ — не помнилъ и того, сколько прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ онъ міръ, спасаясь отъ скверны его. Распятіе, которое онъ принесъ съ собою, да ветхая, святая книга составляли все его достояніе. Жилъ онъ въ пещерѣ, которую образовала сама природа, питался чѣмъ Богъ пошлетъ, непрестанно молясь и прославляя Христа. Объ одномъ тужилъ старецъ: потерялъ онъ счетъ мѣсяцамъ и днямъ, такъ что не зналъ, когда приходится какой праздникъ, а больше всего печалило его, что не зналъ онъ, когда приходится Свѣтлое Христово Воскресеніе. Праздновалъ онъ его на-угадъ: какъ повѣетъ тепломъ, весной, такъ онъ и празднуетъ. И чувствуя приближеніе часа смертнаго, взмолился старецъ къ Богу:

„Господи, хоть бы разъ мнѣ угадать, когда Воскресеніе Христово“.

И тутъ же старецъ почувствовалъ, что завтра оно приходится навѣрное, почувствовалъ и не усумнился.

Цѣлый день и начало ночи простоялъ онъ на молитвѣ, а какъ только пришла полночь, онъ взялъ въ руки Распятіе и, весь въ слезахъ, старческимъ, умиленнымъ голосомъ проговорилъ и разъ, и два, и три:

„Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ“!

И въ то же мгновеніе старецъ увидѣлъ, что предъ нимъ стоитъ человѣкъ, въ грубыхъ, какъ бы священническихъ одеждахъ, съ длинными прядями падающихъ волосъ, съ лицомъ изнеможеннымъ, но неземной красоты.

И только лишь старецъ произнесъ въ третій разъ: „Христосъ воскресъ!"—стоявшій передъ нимъ наклонился, облабызалъ его и тихо отвѣтилъ: „Во истину".

И тутъ же старецъ узналъ Его, узналъ, что стоящій передъ нимъ есть самъ Христосъ. Ибо еще разъ явился Онъ въ земномъ своемъ видѣ, и въ нищитѣ своей, и въ рубищѣ своемъ, и въ язвахъ своихъ, и поруганный и оплеванный.

И палъ старецъ на колѣни, и заплакалъ отъ великой радости отъ великаго умиленія, и плакалъ, омывая слезами ноги Сына Человѣческаго, плача и повторяя:

„Ты еси Богъ и Господь мой, смертію смерть поправшій".

А когда поднялъ старецъ глаза, то увидѣлъ, что лицо Его стало свѣтло какъ солнце, одежды бѣлы, какъ снѣгъ, и сонмы Ангеловъ окружали Его, вопія, взывая и глаголя:

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ,
Смертію смерть попра,
И сущимъ во гробѣхъ животъ дарова...

И увидѣлъ старецъ, что небо разверзлось, и увидѣлъ, какъ Онъ вознесся и возсѣлъ одесную Отца: и когда Онъ возносился, услышалъ старецъ какъ бы въ вѣяніи хлада тонка, божественныя слова:

„Нынѣ будешь со мною въ раю!"

И палъ старецъ на землю, и въ ту же минуту тихо отошелъ...

И снова, почти перепиленная, цѣпь сатаны срослась...

И теперь уже не застоналъ сатана, не завопилъ, не изрыгалъ хулы и проклятій, не грохнулся на землю съ пѣною у рта; но страшно стало лицо его, такъ страшно, что вздрогнулъ и затрепеталъ весь адъ.

Любимый аггелъ сатаны стоялъ, опустивши голову долу, и не смѣлъ взглянуть на грознаго владыку. Страшное отчаяніе раздирало сердце аггела,—отчаяніе, пересилившееи ужасъ передъ гнѣвомъ сатаны.

И маніемъ руки давая знакъ аггелу, чтобы онъ удалился, сатана сказалъ:

„Прочь съ глазъ моихъ! Удались въ мѣсто безплодное и безводное, будь тамъ вѣчно, ибо вѣченъ гнѣвъ мой, ибо неизмѣненъ я въ гнѣвѣ моемъ!"

Аггелъ удалился. Страшныя муки терзали его. Все его дѣло, совершенное вѣками, погибало. Быть-можетъ, на землѣ кромѣ

умершаго старца остался еще только одинъ человѣкъ, котораго онъ не успѣлъ соблазнить, но онъ уже не можетъ ослушаться велѣнія своего владыки, не можетъ болѣе приступать къ людямъ. Проклиная свою опрометчивость и поспѣшность, аггелъ удалился въ мѣсто безплодное и безводное и пребывалъ тамъ въ смертельномъ унынии.

Но не осталось ни одного человѣка. Со смертью старца все потухло въ мірѣ. И когда снова наступилъ день Свѣтлаго Воскресенія Христова, никто на землѣ не сказалъ „Христосъ воскресъ", ибо не осталось не одного. кто бы вѣровалъ въ Бога, въ вѣчность, въ Христа, въ воскреніе...

И тогда сбылось слово Христово.

Распалась цѣпь сатаны, и князь тьмы съ гордымъ торжествомъ расправилъ свои гигантскія крылья, и взмахнулъ ими, и воспарилъ, и остановился между землей и небомъ. И гигантскими крыльями закрылъ небо отъ земли, закрылъ солнце.

И наступила тьма, и люди ужаснулись. Смертельный холодъ объялъ землю, и люди въ страшной неслыханной тоскѣ метались, какъ безумные...

Но не просвѣтлѣли сердца ихъ...

Всѣ средства науки и знанія были испробованы, но ничто не могло замѣнить свѣта и тепла солнца, блеска луны, мерцанія звѣздъ...

Въ страшномъ отчаяніи люди начали избивать ученыхъ и мудрецовъ—и убили всѣхъ. И зажгли города, села, лѣса,—и пожаръ охватилъ всю землю. Случались поминутныя убійства. Дрались изъ-за полѣна дровъ, изъ-за куска горячей пищи. И по всей землѣ наступила такая скорбь, какой не было съ сотворенія міра...

Но все-таки не размягчились сердца людей...

Жилъ тогда одинъ древній старикъ, ученый.

Онъ избѣгъ общаго избіенія, потому что жилъ уединенно, не знался съ людьми, весь свой вѣкъ погруженный въ изученіе старинныхъ хартій и книгъ. Зналъ онъ по этимъ стариннымъ книгамъ, что люди когда-то вѣрили въ Бога, въ вѣчность, во Христа, въ воскресеніе. Каждый разъ, когда ему приходилось читать старинную книгу—Евангеліе, сердце его болѣзненно сжималось, какъ сжимается оно при воспоминаніи о чистыхъ и непорочныхъ на всегда утраченныхъ дняхъ юности; но, сынъ своего вѣка, онъ считалъ все это старою, прекрасною легендой изъ вре-

менъ младенчества людскаго рода. И вотъ теперь, когда великая скорбь охватила міръ, сердце старика раскрылось: будто сверкнувшая молнія освѣтила ему все, и онъ прозрѣлъ и увидѣлъ.

И увѣровалъ въ Бога, въ вѣчность, въ Христа, въ воскресеніе.

И сталъ онъ ходить повсюду, проповѣдуя Бога, вѣчность Христа, воскресеніе, возвѣщая людямъ, что все случившееся случилось потому, что они забыли Бога, вѣчность, Христа, воскресеніе; но люди слушали и не понимали его и считали безумцемъ. А потомъ, озлобившись, ибо онъ обличалъ ложь ихъ жизни,— взяли и мучили его, и убили. И умирая, прославлялъ онъ Бога, вѣчность, Христа, воскресеніе. Но и тутъ не размягчились сердца людей, и они, сами погибая отъ тьмы и стужи, издѣвались надъ нимъ...

Прошло немного времени, и все, что̀ можно было сжечь, было сожжено. Кое-гдѣ догорали остатки костровъ. Люди дрались и убивали другъ друга за каждый едва тлѣющій уголь. И вскорѣ всѣ погибли,—иные отъ стужи и голода, потому что земля перестала давать дары свои, другіе убитые своими братьями. Остались лишь два человѣка и бродили, не зная одинъ о другомъ, отыскивая хоть искру огня. И одинъ набрелъ на тлѣющие еще подъ пепломъ костра угли и сталъ раздувать ихъ; но другой, увидя его, тихо подкрался и вонзилъ ему ножъ въ спину, дабы одному завладѣть сокровищемъ. Но, не перенесши клокотавшей въ немъ злобы, и страха, и усилія,—тутъ же самъ упалъ мертвый...

И увидя это, засмѣялся сатана такимъ же тихимъ и продолжительнымъ смѣхомъ, какъ тогда, когда Христосъ умиралъ на крестѣ; но теперь уже некому было содрогнуться на землѣ отъ этого сатанинскаго смѣха.

И опустился торжествующій князь тьмы на гигантскую скалу, выдвигавшуюся надъ моремъ, и сложилъ свои крылья, и съ торжествомъ окинулъ взглядомъ разстилавшуюся у ногъ его опустѣвшую, мертвую землю, усѣянную пожарищами и трупами, освѣщенную вновь ярко засіявшимъ надъ нею солнцемъ...

И стоялъ онъ такъ долго, долго и все смотрѣлъ на дѣло рукъ своихъ...

А время все шло и шло; солнце свѣтило ярче и ярче, грѣло сильнѣй и сильнѣй; живительная теплота проникла въ нѣдра земли; наступила весна, все зазеленѣло, запестрѣло цвѣтами. Сатана, погруженный въ свою думу, не замѣчалъ, что̀ дѣлается

у его ногъ. Онъ вспоминалъ, какъ Сынъ Божій снизошелъ въ адъ и сковалъ его; какъ предсталъ передъ нимъ любимый аггелъ его; какъ соблазнилъ онъ людей своею нехитрою и простою выдумкой... И съ искривленнымъ насмѣшкой лицомъ князь тьмы произнесъ:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія"...

И только сказалъ, какъ у его ногъ будто зазвенѣли милліоны серебряныхъ колокольчиковъ, раздались тихіе голоса, хоромъ прозвенѣвшіе:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе"...

Въ страшной ярости сатана наклонился къ землѣ и увидѣлъ, и услышалъ, что это всѣ цвѣты, всѣ былинки, всѣ травки по всей землѣ хоромъ повторяли:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе"...

А солнце смѣялось на небѣ, прислушиваясь къ тихимъ звенящимъ голоскамъ, и свѣтило и грѣло, давая всему жизнь, радость и ликованье...

Съ остервенѣлымъ безуміемъ взмахнулъ сатана крыльями, чтобы снова затмить солнце; но не успѣлъ онъ еще сорваться съ мѣста, какъ Архангелъ Божій съ пылающимъ мечомъ преградилъ ему дорогу.

Дрогнулъ сатана и скорчился, и завопилъ, и со страшными проклятіями ринулся въ бездну.

А солнце все ярче и ярче свѣтило на небѣ; а цвѣты, травки, былинки все громче и громче, все радостнѣй и радостнѣй звенѣли на землѣ:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе".

Г. О.

О ПОЛОЖЕНІИ ПРАВОСЛАВІЯ

ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

XIV.

Ненормальное положеніе Православія въ Вильнѣ и краѣ особенно рельефно можетъ характеризоваться настоящимъ состояніемъ и дѣятельностью Виленскаго Свято-Духовскаго Братства.

Начало виленскихъ православныхъ братствъ восходитъ къ XV вѣку. Они были учреждаемы при Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ. Числомъ ихъ было восемь: 1) дворянское, 2) Виленской думы (рады), 3) купеческое, 4) шляпниковъ, 5) сапожниковъ, 6) портныхъ, 7) скорняковъ и 8) россское. Особенно изъ нихъ славилось братство купеческое, имѣвшее свою гимназію и типографію. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Вильнѣ будетъ введена унія, и что Троицкій монастырь будетъ отданъ уніатамъ, тѣ изъ виленскаго православнаго духовенства и братствъ, кто не хотѣлъ идти ни въ какія сдѣлки съ Поляками и папами, около 1590 года пріобрѣли участокъ земли противъ Троицкаго монастыря, черезъ улицу, на которомъ построили церковь и монастырь, сначала деревянные, а потомъ каменные, во имя Св. Духа, и образовали при нихъ единое Свято-Духовское Братство.

Цѣлію какъ Троицкихъ братствъ, такъ и Свято-Духовскаго было поддержаніе Православія въ его борьбѣ съ католичествомъ. Но соединенная сила польщизны и католичества побѣдила борца, и братство прекратило свое существованіе, потому что некого болѣе было защищать и не изъ кого набираться. Такъ это про-

должалось до графа М. Н. Муравьева, который, возстановляя и укрѣпляя Православіе въ краѣ, видѣлъ, что оно и послѣ него долго еще будетъ нуждаться въ сильной опорѣ, и стойкомъ, энергическомъ борцѣ. Въ этихъ видахъ онъ возстановилъ древнее Виленское Свято-Духовское Братство, цѣлію котораго было, какъ и прежде, соединенными силами духовенства и міранъ, оберегать въ краѣ Православіе и содѣйствовать его преуспѣянію.

Обыкновенно спрашиваютъ: почему Братство не было возстановлено въ Вильнѣ прежде прибытія въ нее графа Муравьева, напримѣръ вскорѣ послѣ „возсоединенія уніи" въ 39 году? — Дѣйствительно и тогда Православіе нуждалось въ поддержкѣ: но тогда не изъ кого было составлять братства, — въ Вильнѣ слишкомъ еще было мало православныхъ міранъ.

Въ первые годы послѣ своего возстановленія Братство быстро возрастало въ силѣ, обѣщая въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться крѣпкимъ борцомъ Православія и твердо и зорко стоять на стражѣ его. Но сила вещей повернула дѣло иначе. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ, по легкомыслію или предательству, была отброшена патріотическая политика графа Муравьева и его двухъ ближайшихъ преемниковъ. Прибывшій послѣ нихъ въ Вильну генералъ-губернаторъ Потаповъ съ своими клевретами принялъ въ свое руководство космополитизмъ. Еще не мало и теперь есть людей, хорошо помнящихъ этого печальной памяти „дѣятеля", и его дѣянія,—какъ онъ публично заявлялъ, что онъ ненавидитъ „крайнихъ патріотовъ", какъ онъ гналъ ихъ изъ края, какъ онъ ломалъ все сдѣланное Муравьевымъ, какъ являвшіеся на поздравленіе къ его женѣ ксендзы находили любезный привѣтъ въ ея гостиной, а православное духовенство, являвшееся съ тою же цѣлію, было скоро выпроваживаемо съ холодною любезностью изъ зала; какъ вообще было оказываемо нескрываемое предпочтеніе польщизнѣ и католичеству, и какъ послѣднее подъ его эгидою высоко подняло голову и снова пустило въ ходъ свои махинаціи, широко пользуясь услугами русскаго чиновничества потаповскаго ставленья въ краѣ.

Одною изъ такихъ махинацій было учрежденіе въ Вильнѣ Общества „Доброхотной Копѣйки", основаннаго г-жею Потаповою для отвлеченія силъ отъ Свято-Духовскаго Братства. Дѣйствительно, много крупныхъ чиновниковъ Вильны и края оставили Братство и перебрались въ Общество „Доброхотной Копѣйки", неся въ него свои немалые рубли, особенно въ виду того об-

стоятельства, что жертвователи „рублей“ были вознаграждаемы щедро цѣлыми „имѣніями“, находившимися въ распоряженіи Виленскаго генералъ-губернатора. Вступали въ Общество и богатые польскіе паны. Кромѣ щедрыхъ приношеній отъ членовъ, генералъ Потаповъ надѣлилъ Общество домами и землями, и въ томъ числѣ отдалъ ему миссіонарскій монастырь въ живописнѣйшей мѣстности Вильны. Частыя, едва ли не еженедѣльныя собранія членовъ Общества,—мужчинъ и дамъ, — происходили въ генералъ-губернаторскомъ помѣщеніи, въ изящной, увлекающей обстановкѣ. Характеръ Общества „Доброхотной Копѣйки“ былъ космополитическій, „чуждый всякой узкой національной и религіозной исключительности“, какъ напыщенно тогда возглашали виленскіе чиновники. Но подъ этою шумихою скоро оказалась истина: изъ „космополитности“ его благотвореній почти совершенно была исключена русская народность и Православіе; благотворительность эта почти исключительно простиралась на польскую народность и католичество. Остававшіеся въ Вильнѣ хорошіе русскіе люди возмущались дѣяніями „Доброхотной Копѣйки“. Объ нихъ разсказывались неимовѣрныя вещи.

И захудало опять Свято-Духонское Братство. Вскорѣ оно еще болѣе было ослаблено новымъ образовавшимся „Обществомъ Ревнителей Православія“, сдѣлавшимъ еще бо̀льшее отвлеченіе силъ отъ братства. Правда, это общество потомъ слилось съ братствомъ: но „Доброхотная Копѣйка“ и до сихъ поръ остается отдѣльнымъ обществомъ.

Вполнѣ достаточною иллюстраціею слабости Свято-Духовскаго Братства въ настоящее время можетъ служить его дѣло съ виленскою думою о землѣ для Муравьевской школы и церкви, о которомъ я упоминалъ выше. Припомните, Братство не могло даже обсудить въ своемъ собраніи своего собственнаго дѣла! Ему было сказано—„Берите, что̀ даютъ!“—и оно взяло то, что̀ дала ему виленская польско-жидовская дума.

Настоящее число братчиковъ весьма ограничено. Перечитывая списокъ ихъ, вы видите, что въ немъ нѣтъ многихъ, которымъ странно не быть. Напрасно Братство зазываетъ къ себѣ виленскихъ русскихъ людей: они нейдутъ въ него. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году Братство приглашало чиновъ одного обширнаго вѣдомства въ Вильнѣ въ число своихъ братчиковъ, и получило короткій отвѣтъ отъ предсѣдательствующаго, что „желающихъ не оказалось“. Въ цѣломъ-то вѣдомствѣ, въ которомъ

многіе получаютъ нѣсколько-тысячные оклады! (См. въ дѣлахъ Братства отношеніе отъ 2-го іюня 1892 г., за № 1317). Другіе, вступая въ Братство, „по долгу своего служебнаго положенія", дѣлаютъ въ него такіе взносы, что за нихъ, вчужѣ приходится краснѣть. Такъ въ спискѣ братчиковъ за 1890 г. значится дѣйствительный статскій совѣтникъ, занимающій въ Вильнѣ крупную административную должность и получающій не менѣе четырехъ тысячъ рублей жалованья, внесшій ежегоднаго, добровольнаго, взноса *полтинникъ!*.. Сначала я почелъ это за опечатку: но по справкѣ фактъ оказался вѣрнымъ (Любопытствующіе могутъ узнать имя этого достойнаго „русскаго человѣка", съ его чиномъ и должностью въ „Отчетѣ" Братства за 1890 годъ). Случись это при Муравьевѣ, — онъ былъ бы выпровоженъ изъ Вильны, какъ оскорбляющій Братство и позорящій русское имя.

Даже внутри самаго Братства существуетъ сознаніе своей малоплодной дѣятельности: иначе чѣмъ можно объяснить сдѣланное въ послѣднемъ общемъ собраніи его предложеніе одного весьма вліятельнаго лица удѣлять изъ скудныхъ братскихъ средствъ часть денегъ въ космополитную „Доброхотную Копѣйку?" Этого даже не отваживался сдѣлать самъ Потаповъ. А я предлагаю болѣе разумную и справедливую мѣру: самую „Доброхотную Копѣйку" присоединить къ Братству. Пора перестать играть въ космополитство! Виленскія польки и безъ нея хорошо обезпечены весьма богатымъ виленскимъ польскимъ „Обществомъ Доброчинности", изъ котораго, смѣю сказать, за все время его существованія не получили ни одной копѣйки ни одинъ православный и ни одна православная.

А чѣмъ объяснить настоящее уклоненіе виленскихъ русскихъ людей отъ поступленія въ Братство? Вѣдь поступаютъ-же они,— даже весьма солидные люди, — въ какой-нибудь увеселительный „кружокъ?" Ужели ежегодный взносъ какихъ-нибудь 3—10 рублей въ Братство, при тысячныхъ окладахъ, разоритъ ихъ, бросающихъ бо̀льшія суммы на карты и другой вздоръ?

Должно признать правду,—немалая вина въ томъ лежитъ и на руководителяхъ Братства. Нетолько внутренняя дѣятельность Братства плоха, мало-энергична, но даже его общія „торжественныя" собранія, бывающія одинъ разъ въ году, плохи, не интересны, не привлекательны, не представительны.

Характеръ общихъ торжественныхъ собраній Братства долженъ быть измѣненъ и сдѣланъ общественнѣе. Для образца я могу

указать на торжественныя собранія Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Петербургѣ. Публичныхъ собраній должно быть по меньшей мѣрѣ два въ году: одно—6-го августа, другое на — Пасхѣ или на святкахъ; время дня для собраній — лучше вечеромъ. Мѣсто собраній должно быть въ болѣе обширномъ и представительномъ помѣщеніи, напримѣръ въ залѣ архіепископскаго дома, или генералъ-губернаторскаго дворца,—вѣдь въ послѣднемъ бываютъ же „живыя картины" и другія увеселительныя представленія. Дѣло Православія въ Вильнѣ есть существеннѣйшее дѣло Русскаго Государства, и потому оно должно быть въ числѣ первѣйшихъ заботъ виленскаго генералъ-губернатора, могущаго ассигновать изрядную сумму на эти собранія изъ имѣющагося въ его распоряженіи спеціальнаго фонда. На собранія должны быть приглашаемы нетолько члены Братства, но и все виленское общество въ представителяхъ обоихъ половъ. Желательно, чтобы въ этихъ собраніяхъ участвовала и учащаяся молодежь обоихъ половъ. Хорошо, если она будетъ записываться и въ число братчиковъ. Это уже не безпримѣрно, и я рекомендую это родителямъ, – конечно, если они хорошіе русскіе люди. А чтобы собранія были привлекательнѣе, не должно ограничиваться на нихъ чтеніемъ однихъ сухихъ отчетовъ, и столь же сухими толками о „дѣлахъ". Въ прежнія времена Братство варило свои пива́ и меды́, которыми угощало богомольцевъ, приходившихъ въ Вильну на большіе праздники. Почему бы и теперь Братству не угощать своихъ гостей на собраніяхъ *духовнымъ* пивомъ и медомъ въ видѣ интереснаго чтенія и изящнаго пѣнія? Въ Вильнѣ есть хорошіе пѣвческіе хоры: архіерейскій, семинарскій и любительскіе: пусть они въ собраніи споютъ нѣсколько хорошихъ вещей. Должна быть въ собраніяхъ выставляема и хоругвь Братства. Также полезно установить какой-нибудь знакъ для ношенія на груди дѣйствительнымъ членамъ Братства обоихъ половъ.

Пусть теперь читатель сравнитъ нравственные рессурсы и дѣятельность Свято-Духовскаго Братства съ дѣятельностью и рессурсами сосѣда его Островоротнаго Братства, о которомъ было сказано выше, и другихъ братствъ, о которыхъ будетъ сказано ниже,—и православное братство далеко позади у католическаго братства окажется, не смотря на многія внѣшнія преимущества.

На прошлогоднемъ общемъ собраніи Братства, во время чтенія отчета одинъ изъ именитыхъ братчиковъ, сидѣвшихъ вокругъ

стола, заснулъ. По окончаніи засѣданія подходитъ къ нему другой именитый братчикъ и говоритъ:

— Я вамъ завидовалъ!.. И я дремалъ, но никакъ не могъ заснуть.

Да! насъ одолѣваетъ дремà... Потому что нѣтъ въ насъ „духá живá“, который одинъ поддерживаетъ въ людяхъ вѣру въ себя, бодрость и энергію. А врагъ нашъ не дремлетъ.

XV.

Такое или иное положеніе Православія въ Вильнѣ имѣетъ значеніе по стольку, по скольку оно выражаетъ положеніе Православія во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, по закону наведенія: если *таково* положеніе Православія въ Вильнѣ, казовомъ концѣ, центрѣ и резиденціи главной администраціи края, то *каково* же оно должно быть въ самомъ краѣ, вдали отъ центра? Отдѣльно же взятое положеніе Православія въ Вильнѣ — не важно. Главный и вліяющій контингентъ русскаго населенія Вильны — чиновничество. Конечно, въ немъ есть люди серьезные и православные: но большинство ихъ, какъ и повсюду,—или иновѣрцы, или люди съ нигилистическою закваской, находящіеся на низкомъ нравственномъ уровнѣ, относящіеся къ Православію индифферентно, и много-много принимающіе на себя трудъ исполнять нѣкоторые церковные обряды по требованію службы. Главный нашъ интересъ заключается въ положеніи Православія въ провинціи, — въ селахъ и деревняхъ, гдѣ живетъ коренной западно-русскій народъ, который мы должны крѣпко беречь отъ Поляковъ. Каково же здѣсь настоящее положеніе Православія?

Прежде всего объ этомъ могутъ сказать православные храмы. Видъ и состояніе ихъ могутъ быть мѣриломъ состоянія Православія. Гдѣ населеніе предано Православію, дорожитъ Православіемъ, тамъ оно создаетъ достойные храмы и поддерживаетъ ихъ; гдѣ же населеніе относится къ Православію пренебрежительно, отвращается отъ него, тамъ оно не будетъ создавать новыхъ храмовъ и созданныхъ другими поддерживать. Въ какомъ же видѣ являются намъ православные храмы въ Сѣверо-Западномъ краѣ?

Въ 1886 году покойный профессоръ М. О. Кояловичъ задалъ себѣ задачу осмотрѣть Сѣверо-Западный край, котораго онъ уроженецъ. Результаты своихъ наблюденій онъ напечаталъ въ концѣ

того же года въ *Церковномъ Вѣстникѣ*. Вотъ въ какомъ состояніи онъ видѣлъ иные сельскіе храмы: „Тутъ не такъ давно построенная церковь уже ветшаетъ, почернѣла, украшенія отвалились, колокольня покачнулась на бокъ, и крыша въ ней продырявилась; а недалеко отъ церкви красуется обновленный, или даже вновь выстроенный костелъ". (*Церковный Вѣстникъ* 1886 г. стр. 767).

Въ *Новомъ Времени* 1884 г. было сказано: „На будущій годъ испрошенъ кредитъ въ размѣрѣ 320.000 рублей на сооруженіе православныхъ церквей и помѣщеній для причтовъ въ Западномъ краѣ. Съ 1863 г. на этотъ предметъ израсходовано уже свыше шести милліоновъ рублей, каковая сумма служитъ лучшимъ доказательствомъ, что интересы Православія въ этомъ краѣ находятъ себѣ сильную и энергичную поддержку со стороны высшаго правительства. Но церкви эти гніютъ; полы въ нихъ проваливаются; потолки рушатся; живопись исчезла; наружная штукатурка обваливается; богослуженіе во многихъ изъ этихъ храмовъ прекращено и перенесено въ нарочно устроенныя часовни. И вотъ, когда эти церкви совсѣмъ разрушатся, тогда можно будетъ сказать положительно, что отъ дѣятельности графа Муравьева въ этомъ многострадальномъ краѣ не осталось и слѣдовъ".

Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* (1887 г. № 242) такъ описывается православный храмъ въ мѣстечкѣ Кривичи Виленской губерніи: „Число православныхъ прихожанъ простирается до 1.475 душъ обоего пола. Окруженные католическимъ населеніемъ, эти прихожане, числящіеся только по имени православными, далеко не оправдываютъ это названіе на дѣлѣ, если судить по отношенію ихъ къ своей православной церкви. Сначала тутъ была деревянная церковь, весьма ветхая, и сорокъ лѣтъ не ремонтированная. Отъ того цѣлые потоки дождя, ничѣмъ не сдерживаемые, стекали прямо на престолъ, и птицы вили свои гнѣзда въ ней, потому что въ окнахъ наполовину не было стеколъ, и вся она склонилась на бокъ. Потому въ 1881 году церковь была помѣщена въ убогомъ покрытомъ соломою домѣ и занимаетъ всего одну комнату длиною въ 16, а шириною въ 10 аршинъ. Несмотря на такое положеніе церкви, прихожане, всѣ люди зажиточные, а нѣкоторые даже владѣющіе нѣсколькими сотнями десятинъ земли, болѣе чѣмъ равнодушно относятся къ своей церкви, и всѣ ихъ пожертвованія ограничиваются нѣсколькими ко-

пѣйками. Убогій видъ храма тѣмъ сильнѣе внушаетъ крайне прискорбное чувство, что въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него гордо возвышается величественный костелъ, видный за двадцать верстъ, и своимъ величіемъ уступающій даже немногимъ виленскимъ костеламъ". Такъ это было до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, когда, по усиленнымъ стараніямъ виленской духовной власти, въ Кривичахъ построена новая каменная церковь: „Но прихожане и въ дѣлѣ постройки новой церкви выказали свое равнодушіе къ ней. На убѣдительныя просьбы священника, чтобъ они слѣдили за постройкою церкви, прихожане отвѣчали отказомъ, говоря, что имъ дѣла нѣтъ до постройки церкви, и что казна церковь выстроила,—пусть она же даетъ деньги и на ремонтировку, если она потребуется. Во внутренней обстановкѣ бѣдность церкви такъ велика, что въ ней даже недостаетъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ. Убогому положенію церкви вполнѣ соотвѣтствуетъ и помѣщеніе настоятеля ея. Это—низенькій, небольшой и старый домикъ, крытый соломою и находящійся въ двухъ верстахъ отъ всякаго жилища".

Въ той же газетѣ за 1888 годъ (№ 103) читаемъ слѣдующее описаніе православной церкви въ мѣстечкѣ Кобылиники (Свѣнцянскаго уѣзда, Виленской губерніи): „Построенная въ 1880 году въ совершенно несоотвѣтствующемъ для церкви мѣстѣ, вблизи жилыхъ крестьянскихъ и еврейскихъ домовъ, около самой грязной улицы, эта церковь до 1884 года не имѣла даже ограды и ничѣмъ не отдѣлялась отъ жилыхъ домовъ. Весной и осенью была около церкви непроходимая грязь, бродили свиньи и другія домашнія животныя. Вообще, церковь была въ запустѣніи, и эта запущенность производила непріятное впечатлѣніе на человѣка даже съ самымъ скромнымъ религіознымъ чувствомъ. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливалось при взглядѣ на костелъ, который, удалившись отъ мѣстечковой грязи, возвышается на красивомъ холмѣ и тонетъ въ вѣковыхъ кленахъ, ясеняхъ и липахъ. При сравненіи живописнаго вида костела съ невзрачною обстановкой церкви, является вопросъ: неужели строители и лица, которымъ былъ порученъ выборъ мѣста для церкви, не нашли болѣе приличнаго мѣста для дома Божія? Построивъ церковь въ тѣсномъ уголкѣ, они придали ей видъ удрученности въ сравненіи съ широко-раскинувшимся костеломъ. Внутренняя обстановка церкви соотвѣтствовала наружной и носила отпечатокъ бѣдности".

Вотъ еще извѣстіе, помѣщенное въ *Новомъ Времени*, изъ мѣ-

стечка Уллы (Витебской губерніи, Лепельскаго уѣзда). Недавно во время пожара сгорѣли двѣ православныя церкви, обѣ деревянныя, ветхія, малыя и очень бѣдныя. Корреспондентъ по этому поводу говоритъ: „Нельзя не подумать теперь объ устройствѣ въ Уллѣ православной церкви, которая бы по благолѣпію была не хуже католическаго костела. Католиковъ въ Уллѣ менѣе трети общаго числа жителей. Благодаря дѣятельности своего духовенства, они имѣютъ каменный костелъ въ три раза больше нашей церкви и богато украшенный внутри, тогда какъ православныя церкви, не только сгорѣвшія, но и вообще приходскія, отличаются бѣдностью убранства, и внѣшній видъ ихъ полуразрушенный“.

Въ 27 верстахъ отъ Вильны есть уѣздный городъ Троки, знаменитый своими древними развалинами зáмка на одномъ изъ островковъ живописнаго Трокскаго озера. Въ городѣ есть православная церковь, но какая церковь? Величиной съ часовню; хотя и каменная, но уже съ большими слѣдами обрушенія, убожества и смотритъ какъ-то сиротливо, какъ человѣкъ заброшенный на чужбину. А на другомъ краю города возвышается огромный католическій костелъ, доминирующій надъ всѣмъ городомъ и окрестностями на далекое разстояніе. И это убожество православной церкви видятъ виленскіе русскіе люди, каждое лѣто пріѣзжающіе въ Троки на пикники, и имъ это не стыдно и не больно!...

Въ настоящее время расходы правительства на православные храмы въ западной Россіи достигаютъ восьми милліоновъ. Но построенныя церкви требуютъ ремонта, а на ремонтъ взять денегъ неоткуда. „Православные“ прихожане на костелы даютъ рубли, а на православную церковь — гроши, и то, по совѣту ксендзовъ, „для отвода глазъ“. Чѣмъ же православныя церкви будутъ поддерживаться благовидно и украшаться? Слова кривичскихъ прихожанъ своему священнику: „Казна церковь выстроила, — пусть она же даетъ деньги и на ремонтировку, если она потребуется“, вѣроятно повторяются весьма многими, если не всѣми прихожанами сельскихъ православныхъ церквей въ сѣверо-западномъ краѣ.

При такомъ небреженіи прихожанъ о своихъ православныхъ храмахъ нельзя ожидать, чтобъ они посѣщали и совершаемое въ нихъ богослуженіе. Всѣ добросовѣстные люди, имѣвшіе случай видать богослуженіе въ сельскихъ церквахъ, свидѣтельствуютъ

объ этомъ. Но въ Вильнѣ стараются это скрывать. Нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ случилось быть въ Трокахъ, въ праздникъ Вознесенія, въ пору обѣдни. Зашелъ въ церковь и нашелъ въ ней всѣхъ молящихся семь человѣкъ: четырехъ солдатиковъ (очевидно изъ Великоруссовъ), двухъ простыхъ женщинъ и старика, можетъ-быть церковнаго сторожа. Но въ городѣ есть не мало чиновниковъ и ихъ семействъ, предполагаемыхъ православными: ихъ почему не было въ церкви въ столь большой праздникъ? На это я отвѣчу словами профессора Кояловича: „Въ клубахъ все уѣздное веселіе, а въ православныхъ церквахъ пустынно и уныло".

Заключу эту картину отношеній прихожанъ къ Православной Церкви неоспоримо авторитетнымъ свидѣтельствомъ профессора Кояловича, что „православный храмъ чуждъ тамошнему Русскому народу".

XVI.

Но отъ чего же „чуждъ"?

Было время, когда вся Западная Россія была православною. Въ доказательство сего достаточно указать на тотъ фактъ, что она потомъ сдѣлалась уніатскою, а часть уніатской впослѣдствіи обратилась въ католическую. Унія возникла только въ области Православія. Въ началѣ своемъ она создана была папами только въ интересахъ католичества; но въ своемъ примѣненіи къ дѣйствительной жизни въ бывшей Рѣчи Посполитой обращена была въ могущественное политическое средство ополяченія многомилліоннаго населенія Западной Россіи. Такимъ образомъ уніатство здѣсь было переходною степенью изъ Православія въ католичество, изъ русской народности въ польскую. Но вотъ Рѣчь Посполитая пала. Западно-русскія области ея возвратились къ Россіи. Но онѣ были еще частію уніатскими, частію католическими и сильно ополяченными, слѣдовательно еще чуждыми русской народности и Православія. Поэтому, по возвращеніи этихъ областей къ Русскому государству, естественно должна была возникнуть въ русскомъ правительствѣ идея возстановленія въ нихъ русской народности и возвращенія къ Православію, какъ древняго его достоянія. Такимъ образомъ произошло „Возсоединеніе уніи", совершенное частію въ концѣ прошедшаго вѣка, частію въ первой половинѣ нынѣшняго, и „обращеніе католиковъ" въ шестидесятыхъ годахъ. Этими тремя мѣрами было возвращено Православію

нѣсколько милліоновъ западно-русскаго народа. Но было ли прочно это „возвращеніе“?

На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить указаніе способа „возвращенія“, было ли оно по свободному убѣжденію, или иначе.

О первомъ „возсоединеніи уніи“, бывшемъ въ прошедшемъ вѣкѣ, мало извѣстно. Много о томъ было писано Поляками и Французами; но мы не можемъ давать вѣры тѣмъ и другимъ, какъ сторонѣ слишкомъ заинтересованной и въ своей озлобленности, употреблявшей въ изображеніи этого дѣла краски темнѣе, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности. Но вотъ свидѣтельство профессора Кояловича, написавшаго объ этомъ „возсоединеніи“ большую книгу и слѣдовательно изучившаго это дѣло обстоятельно и при томъ писателя нашей стороны. Онъ говоритъ слѣдующее: „Можно себѣ представить, что сказали бы о возсоединеніи около трехъ милліоновъ западно-русскихъ уніатовъ при Екатеринѣ II. Тогда присоединялись все почти цѣлыми массами. Сколько противностей нашлось бы тамъ принципу религіозной свободы!“ (*Церковный Вѣстникъ* 1885 года, № 45).

Больше мы знаемъ о второмъ „возсоединеніи“ 39 года, какъ болѣе близкомъ къ намъ по времени и котораго очевидцы остаются въ живыхъ до сихъ поръ. Конечно, свѣдѣнія, сообщаемыя ими, разнохарактерны: одни представляютъ все дѣло и результаты его въ блестящемъ видѣ, факты, несогласные съ ихъ панегирикомъ, замалчивая или преувеличивая, или уменьшая, и когда кто-либо осмѣлится указать на извращеніе ими истины, выходя изъ себя и объявляя дерзновеннаго чуть ли не врагомъ государства. Другіе безбоязненно указываютъ на обратную, непоказную сторону дѣла, на его скрытые мотивы. Несомнѣнно и эти послѣдніе могутъ ошибаться; потому для искателя истины предлежитъ здѣсь путь сличенія фактовъ взаимно и съ ихъ результатами, которые мы видимъ до сего времени собственными глазами. А добраться до истины въ этомъ дѣлѣ крайне необходимо, потому что только она одна можетъ опредѣлить путь и характеръ дальнѣйшаго дѣйствія.

Прежде всего мы должны установить фактъ, что иниціатива возсоединенія не вышла изъ среды народа: въ немъ не было никакого движенія къ возсоединенію. Это подтверждается всѣми дальнѣйшими результатами. Какъ „соединеніе“ западно-русскаго Православія съ католичествомъ (унія) было дѣломъ польской политики, такъ и „возсоединеніе“ уніи съ Православіемъ было дѣломъ

русской политики. Обыкновенно началомъ дѣла „возсоединенія уніи“ 39 года ставятъ „Записку“, представленную въ 1827 году молодымъ луцкимъ каноникомъ Іосифомъ Симашкомъ директору департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскому. И это невѣрно. Каноникъ Симашко подалъ свою записку не proprio motu, а вызванъ былъ къ тому сдѣлавшимся тогда извѣстнымъ разговоромъ Государя Николая Павловича съ графомъ Блудовымъ (приводимымъ у Вигеля въ его *Запискахъ*). Государь, вспоминая о своемъ пребываніи въ Литвѣ, между прочимъ сказалъ, что ему особенно не нравилось уніатство, которое было не католичество и не Православіе, и что было бы хорошо возсоединить его съ Православною Церковью. Разговоръ этотъ дошелъ и до луцкаго каноника Іосифа Симашки, жившаго тогда въ Петербургѣ и служившаго въ уніатской коллегіи. Таковъ былъ начальный мотивъ „возсоединенія“ 39 года.

И почва къ нему уже была достаточно подготовлена въ высшемъ уніатскомъ духовенствѣ. Въ это время оно уже было крайне озлоблено на римскую курію, которая, расточая католическимъ прелатамъ почести и бенефиціи, уніатскихъ держала въ черномъ тѣлѣ, думая этимъ средствомъ понудить ихъ скорѣе переходить въ католичество, что̀ было основною цѣлію уніи. Но почтенная „ватиканская дама“ ошиблась въ разсчетѣ. Уніатскіе прелаты, наскучивши устремлять просительные взоры къ Риму, повернули къ Петербургу.

Луцкій каноникъ Симашко, по свидѣтельству людей, близко знавшихъ его, былъ человѣкъ гордый, честолюбивый и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичный, недюжиннаго ума и хорошо образованный,— именно такой человѣкъ, какой можетъ сдѣлать большое дѣло. И онъ его сдѣлалъ, естественно при данныхъ ему большихъ средствахъ. Государь, прочитавши „Записку“ Симашки, пожелалъ его видѣть, имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ и нашелъ его способнымъ вести это дѣло, которое и поручилъ ему.

Поляки съ ненавистью произносятъ и по сіе время имя Іосифа Симашки. Это совершенно естественно. Онъ нанесъ страшный ударъ польщизнѣ въ Западной Россіи. Порицаютъ его и нѣкоторые Русскіе, указывая на результаты его дѣла; но это крайне несправедливо. Симашко сдѣлалъ то, что онъ могъ сдѣлать въ данное время при данныхъ средствахъ. Потомъ другіе современные ему и позднѣйшіе „дѣятели“ въ краѣ дѣло его тормозили, извращали и оставляли глохнуть. Дѣло Симашки

было такого рода, что и послѣ него должно было оставаться предметомъ главной заботы администраціи Сѣверо-Западнаго края. Но къ сожалѣнію этого не было даже при немъ.

Облеченный довѣріемъ Государя, Симашко началъ подбирать помощниковъ себѣ. Главные изъ нихъ хорошо извѣстны: Антоній Зубко, Михаилъ Голубовичъ, Василій Лужинскій, бывшіе потомъ епископами, и протопресвитеръ Топольскій. Довѣренные и искусные люди были посланы по всему краю склонять сельскихъ священниковъ „подписаться" подъ заявленіемъ желанія „возсоединиться" съ Православною Церковью. Бо́льшаго кромѣ „подписки" не требовалось. Болѣе покладистые „подписывались" легко,—и такихъ было преобладающее большинство, особенно въ виду обѣщанія улучшить ихъ матеріальный бытъ, который въ это время былъ по истинѣ плачевнымъ. Упорствовавшимъ было дано понять, что они не будутъ оставлены на своихъ мѣстахъ, что̀ для людей, обремененныхъ семействами, не представлялось желательной перспективой. Народъ совсѣмъ не спрашивали, довольствуясь фактомъ, что онъ будетъ „записанъ" православнымъ. Бо́льшаго и ожидать было нельзя: масса, привыкшая къ извѣстному культу въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, не можетъ перемѣнить его сразу на другой.

Явилось больше затрудненія при очисткѣ уніатскаго богослуженія. Въ послѣднее время Поляки успѣли въ большой мѣрѣ вытѣснить изъ уніатскихъ храмовъ греко-восточное богослуженіе и замѣнить его римскимъ: такъ церковно-славянскій языкъ былъ замѣненъ во многихъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ польскимъ, удалены были иконостасы и замѣнены открытыми алтарями и алтариками, введены были органы, звонцы и под. Все это требовалось удалить. Наиболѣе хлопотъ было съ удаленіемъ органовъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ прихожане на защиту ихъ вооружились кольями. Потребовались казаки. Но скоро дѣло было улажено; найденъ былъ сносный modus vivendi: сосѣдніе ксендзы обязательно предложили возбужденнымъ прихожанамъ „возсоединенныхъ" церквей органы, звонцы и прочее въ своихъ костелахъ. Большая часть возсоединенныхъ храмовъ оказались крайне бѣдны, нуждались въ самой необходимой церковной утвари. Эта нужда въ скоромъ времени удовлетворена была богатыми присылками церковной утвари изъ Великоруссіи и особенно изъ Москвы. Но большинство „возсоединенныхъ" священниковъ не умѣли ею пользоваться и не умѣли служить, — большею частію

вмѣсто православной обѣдни пѣли католическую литанію. Потомъ нѣкоторые выучились. Впрочемъ, и не-для-кого было совершать богослуженіе: народъ пересталъ ходить въ свои церкви съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были „возсоединены". „Возсоединеніе" сдѣлало то, чего напрасно добивались папы отъ уніи столько лѣтъ: народъ въ огромномъ числѣ перешелъ въ католичество. А оставшіеся при „возсоединенныхъ" церквахъ числились по бумагамъ православными, а на самомъ дѣлѣ были тайными католиками, требы совершали для нихъ ксендзы, на богослуженіе ходили они въ костелы,—и на все это возсоединенное духовенство смотрѣло сквозь пальцы. Впрочемъ, и дѣлать-то было нечего. Здѣсь сбывалась поговорка: „лошадь можно подвести къ водѣ, но заставить пить ее нельзя". Оставалось одно — ждать, когда она сама захочетъ.

Все это было небезъизвѣстно правительству, пробовавшему къ устраненію нѣкоторыя мѣры. Такъ, напримѣръ, было дано предписаніе ксендзамъ не принимать на исповѣдь и для другихъ требъ людей, имъ неизвѣстныхъ, безъ письменнаго удостовѣренія, что они не принадлежатъ къ Православію. Но это предписаніе оставалось мертвою буквою для ксендзовъ, которые не только принимали на исповѣдь и къ причастію безъ разбора всѣхъ приходившихъ къ нимъ, но и старались увлекать тѣхъ, которые уже приближались къ Православной Церкви. Такъ продолжалось дѣло до графа Муравьева. Въ этотъ періодъ, обнимающій близъ четверти вѣка (отъ 1839 до 1863) въ краѣ было построено новыхъ и возобновлено старыхъ болѣе 400 костеловъ.

XVII.

Такое положеніе дѣла не могло укрыться отъ графа Муравьева, прибывшаго въ Вильну въ 1863 году. Къ раскрытію истины послужило одно неважное обстоятельство. Для нѣкоторыхъ административныхъ соображеній затребованы были отъ католическаго духовенства свѣдѣнія о числѣ католиковъ въ краѣ по приходамъ. При сличеніи доставленныхъ свѣдѣній съ отчетами гражданскихъ властей оказалось, что въ каждомъ костелѣ число прихожанъ, показанное ксендзами, больше того, какое показано гражданскою администраціею. Для раскрытія истины была учреждена въ Вильнѣ такъ называемая „Повѣрочная Комиссія", которая и добралась

до сути дѣла,—именно: по гражданскимъ свѣдѣніямъ число прихожанъ каждаго костела показывало только явныхъ, оффиціально числящихся таковыми; а по ксендзовскимъ отчетамъ значились и тайные католики, оффиціально „по бумагамъ", числившіеся православными, но совершавшіе всѣ требы у ксендзовъ и ходившіе на богослуженіе въ костелы.

Это открытіе вызвало порученіе отъ графа Муравьева виленскому вице-губернатору А. И. Полозову и директору виленскихъ народныхъ училищъ А. И. Садокову объѣхать весь Сѣверо-Западный край и тщательно изслѣдовать въ немъ состояніе православныхъ церквей и ихъ духовенства. Порученіе было выполнено, и обоими представлена „Записка о состояніи православныхъ церквей и ихъ духовенства въ Сѣверо-Западномъ Краѣ". Въ запискѣ представлено это состояніе крайне печальнымъ. Оригиналъ этой „Записки" вѣроятно хранится въ управленіи виленскаго генералъ-губернаторства, а копіи были посланы митрополиту Симашкѣ и въ Св. Синодъ,—и я удивляюсь, почему она до сихъ поръ остается не напечатанною: она многое объяснила бы, что̀ теперь остается темнымъ. Она нисколько не можетъ компрометировать дѣятельности митрополита Іосифа. Онъ былъ въ краѣ не одинъ. Чѣмъ онъ дорожилъ, тѣмъ пренебрегали виленскія гражданскія власти, о чемъ онъ болѣлъ душой, къ тому гражданскія власти или были индифферентны, или враждебны. На это указываетъ самъ митрополитъ Іосифъ Симашко въ своихъ „Запискахъ", говоря о виленскихъ генералъ-губернаторахъ: „Были истинные ревнители и по душѣ, и по разуму; но ихъ было весьма немного. Къ нимъ справедливо отнести губернаторовъ, Муравьева, нынѣ министра государственныхъ имуществъ, [1] и Семенова, нынѣ сенатора. За то нельзя отнести сюда генералъ-губернаторовъ. Они вообще маневрировали и легко склонялись къ видамъ могучей латино-польской партіи, такъ что рѣдко можно было обойтись по дѣламъ безъ борьбы. Эта борьба вызывалась, можетъ-быть, не столько личнымъ характеромъ генералъ-губернаторовъ какъ происками чиновничества, всегда стоявшаго на сторонѣ польской партіи. Они въ самомъ началѣ старались всегда внести разладъ между мною и генералъ-губернаторами, и болѣе или менѣе въ томъ успѣвали; такъ что я обыкновенно былъ съ сими начальниками края болѣе въ вѣжливыхъ, нежели

[1] Писано въ 1861 году.

въ искреннихъ отношеніяхъ". Съ особенною горечью митрополитъ Іосифъ отзывается о Назимовѣ: „Владиміръ Иванычъ Назимовъ былъ присланъ въ Вильну съ видимою цѣлію примирить Поляковъ и Латинянъ. Пошли уступки за уступками, и хотя онѣ не составляли большой важности, однако ободрили, оживили и усилили Поляковъ и Латинянъ, дали имъ сильный толчекъ и довели до требованія и ожиданія невозможнаго. Я съ Назимовымъ не заводилъ борьбы. Мнѣ больно было видѣть его двуличность, даже что-то въ родѣ коварства. Онъ дѣлалъ видъ Полякамъ и Латинянамъ, что стоитъ за нихъ противъ меня и православныхъ, не понимая, что этимъ не только поднималъ враждебную партію, но и подавлялъ элементы, преданные государству. Онъ выпустилъ въ печать въ *Колоколѣ* мое письмо къ графу Протасову съ видимою цѣлію повредить мнѣ, а самому выслужиться у Поляковъ".

Да! В. И. Назимовъ уже слишкомъ старался выслуживаться у Поляковъ. Вѣроятно, однимъ изъ средствъ его выслуживанья было и то, что въ его одно управленіе краемъ здѣсь было построено и возобновлено костеловъ больше, чѣмъ при всѣхъ его предшественникахъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Слова митрополита Іосифа, авторитетныя и сами по себѣ, получаютъ еще бо́льшую силу изъ того, что съ ними согласуются отзывы и графа Муравьева въ его „Запискахъ", о предшествовавшихъ ему генералъ-губернаторахъ: „Въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ не только не принимались мѣры къ уничтоженію въ краѣ польской пропаганды, но, напротивъ того, давались всѣ средства къ развитію польскаго элемента въ краѣ и уничтожались русскія начала. Я не стану въ подробности упоминать о дѣйствіяхъ тѣхъ лицъ, которыя съ 1831 года были главными на мѣстѣ распорядителями, о ихъ безсмысленности и неразумѣніи положенія края и польскихъ тенденцій, о незнаніи ими исторіи сей искони русской старины и постоянномъ ихъ увлеченіи призраками польскаго высшаго общества, пресмыкавшагося предъ ними и выказывавшаго преданность правительству, но не только тайно, а явно обнаруживавшаго свои тенденціи къ уничтоженію всего русскаго: но все это привлекало на ихъ сторону генералъ-губернаторовъ; а въ особенности привлекалъ женскій полъ, жертвовавшій честію и цѣломудріемъ для достиженія сказанныхъ цѣлей". (*Русская Старина* 1882 г., ноябрь).

Графъ М. Н. Муравьевъ видѣлъ, что польско-католическій

костелъ есть единственное польское учрежденіе, остававшееся во всей силѣ въ Русскомъ государствѣ, и что онъ служитъ Полякамъ крѣпостью, далеко вдающеюся въ русскую народность, противъ которой они ведутъ изъ него непрестанныя наступленія. Потому изъ полученныхъ имъ свѣдѣній о положеніи въ краѣ Православія и отношеніи къ нему католичества графъ Муравьевъ сдѣлалъ совершенно вѣрное заключеніе, что пока будетъ оставаться въ краѣ воюющее польское католичесто, и польско-католическій костелъ будетъ стоять рядомъ съ православною церковью, дотолѣ костелъ будетъ подавлять церковь. Въ этихъ видахъ онъ рѣшился очистить край отъ католичества. Вызваны были „обращенія" крестьянъ-католиковъ цѣлыми приходами. Лица, хорошо понимавшія суть дѣла, открыто говорили, что католичество будетъ выброшено за Нѣманъ. И оно могло быть выброшено! Этого не на шутку испугались петербургскіе радѣтели польщизны, и добились отозванія графа Муравьева изъ Вильны.

Его мѣсто занялъ К. П. Кауфманъ, неуклонно слѣдовавшій по стопамъ графа Муравьева. Потому и онъ съ небольшимъ черезъ годъ былъ отозванъ изъ Вильны. Но при немъ былъ созданъ новый планъ къ огражденію Православія отъ давленія на него польскаго католичества,—*располяченіе* костела въ Западной Россіи, посредствомъ замѣны въ немъ польскаго языка русскимъ. Несомнѣнно этимъ планомъ вполнѣ достигалась имѣвшаяся въ виду цѣль; потому прибывшій на виленское генералъ-губернаторство послѣ К. П. Кауфмана графъ Э. Т. Барановъ далъ этому плану энергическое осуществленіе. Но и онъ скоро былъ отозванъ изъ Вильны. Мѣсто его занялъ генералъ Потаповъ. Онъ публично и въ глаза обругалъ православное духовенство за то, что оно обращало католиковъ въ Православіе насильственно, и потомъ затормозилъ планъ располяченія западно-русскаго костела,—такъ затормозилъ, что онъ и по сіе время влачится неосуществленнымъ. Такимъ образомъ въ краѣ все пошло по старому, какъ было *до* графа Муравьева. По старому католичество подавляетъ Православіе, и не дозволяетъ ему ассимилировать возсоединенныхъ уніатовъ и обращенныхъ католиковъ. По старому ведутся противъ Православія панско-ксендзовскія махинаціи. Со времени графа Муравьева православное духовенство въ краѣ было много усилено и въ самосознаніи, и въ средствахъ матеріальныхъ и нравственныхъ: но все это мало помогаетъ,—противная ему сила слишкомъ велика.

Да не толкуютъ вкривь мои слова, принимая ихъ въ смыслѣ религіозныхъ преслѣдованій. Я — твердый сторонникъ „свободы совѣсти",—но лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы никакой религіозный культъ въ государствѣ не враждовалъ противъ государства, государственной религіи и народности. А польское католичество долгимъ опытомъ доказало, что онъ не таково.

XVIII.

Адамъ Мицкевичъ о миссіи польскаго костела въ Западной Россіи и могуществѣ его говоритъ: „Что это за страшная сила, которая подняла Польскій народъ, двинула его на русскія земли, и отбросила за Днѣпръ русскую народность? Это—колоссальное могущество костела, который принялъ подъ свое покровительство польское дѣло и сдѣлалъ польское дѣло своимъ дѣломъ." А душа костела есть ксендзъ, самовластный повелитель католическихъ населеній Сѣверо-Западнаго края. Имя ему—„легіонъ". Одинъ ксендзъ можетъ попасться подъ колесо съ своими махинаціями, его мѣсто занимаетъ другой, и судьба его предшественника дѣлаетъ его только хитрѣе и осторожнѣе,—и такъ до безконечности. Ксендзовство есть та сказочная „сила", которая увеличивается отъ каждаго наносимаго ей удара.

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ существуетъ многочисленный классъ польскаго дворянства. Напримѣръ, въ одной Виленской губерніи его находится не меньше пятидесяти тысячъ всѣхъ градацій, начиная отъ „магнатовъ" до „околичной шляхты" (родъ нашихъ однодворцевъ, отличающійся особенною мятежностью). Взятое все въ совокупности, польское дворянство края—весьма богато, и слѣдовательно обладаетъ большими матеріальными средствами для веденія борьбы противъ „Москвы". Но оно само не руководитъ этою борьбой, а слѣдуя совѣту Чарторыйскаго (приведенному мною выше), предоставило водительство въ ней „пастырямъ душъ", ксендзамъ, давая имъ только на то обильныя матеріальныя средства. Такъ весьма многіе ксендзы въ селахъ и мѣстечкахъ получаютъ „доходъ" не менѣе десяти тысячъ рублей ежегодно.

Причинъ, по которымъ паны предоставляютъ ксендзамъ главенство и водительство въ войнѣ польщизны противъ русской народности и государственности, много. 1) Сближеніе пана съ его недавнимъ хлопомъ еще слабо: въ первомъ возбуждаетъ мало охоты

къ себѣ, въ послѣднемъ—мало довѣрія. 2) Панъ не имѣетъ и достаточной способности къ тому —догадливости и изворотливости. 3) Для пана дѣло это далеко не безопасно: въ случаѣ раскрытія его продѣлокъ онъ рискуетъ поплатиться своимъ имуществомъ. 4) Панъ не имѣетъ и достаточно точекъ соприкосновенія съ крестьянами и поводовъ къ тому. 5) Панъ не имѣетъ въ глазахъ крестьянина и достаточно авторитета.

Совсѣмъ инымъ является ксендзъ. „In parafia parochus alter papa est“, гласитъ ксендзовская поговорка [1]. Крестьянинъ питаетъ къ ксендзу довѣріе, уваженіе, благоговѣніе; ксендзъ, говорящій отъ имени Бога, для крестьянина есть лицо священное и потому высоко-авторитетное, властитель его совѣсти, внушающій ему все что̀ захочетъ и ведущій его, куда захочетъ. Точки и поводы соприкосновенія ксендзовъ съ крестьянами безчисленны: съ амвона въ проповѣди, изъ конфессіонала въ исповѣди и въ каждомъ мѣстѣ и времени крестьянскаго быта. Ксендзъ въ веденіи интриги проницательнѣе, дальновиднѣе, изворотливѣе, лицемѣрнѣе, потому что іезуитизмъ въ настоящее время есть свойство всего ксендзовства. И менѣе опасности для ксендза представляютъ махинаціи, не только какъ труднѣе раскрываемыя, но и въ случаѣ раскрытія не влекущія слишкомъ тяжелой кары для ксендза, который — одинокій человѣкъ, „вольная птица“, тѣмъ болѣе, что и въ какой-нибудь Вяткѣ или Вологдѣ онъ не будетъ забытъ отъ „своихъ“.

Такимъ образомъ, руководителемъ и главнымъ дѣятелемъ борьбы польщизны съ русскою народностью и государственностью является ксендзъ. Но это не означаетъ что панъ совершенно отчуждился отъ махинацій противъ „Москвы“. Онъ только ради „ойчизны“ подчинилъ себя водительству и командованію ксендза. По своей натурѣ и по исторіи, панъ—весьма не религіозный человѣкъ. Съ глазу-на-глазъ, онъ, пожалуй, назоветъ ксендза „плёхомъ“, но посмотрите, какъ онъ внимателенъ къ этому „плеху“ при народѣ! Какъ онъ подобострастно цѣлуетъ его „рончку“! Все это для того, чтобы возбудить въ народѣ благоговѣніе къ ксендзу. И ксендзъ это понимаетъ и принимаетъ; такимъ образомъ оба въ назиданіе „хлопа“ разыгрываютъ комедію.

Но главный контингентъ ксендзовскихъ наиболѣе дѣятельныхъ силъ составляютъ и не паны, а костельныя братства. Они со-

[1] То-есть: «Въ своемъ приходѣ ксендзъ—второй папа.»

ставляють ксендзовское воинство,—и мы, вынужденные вести войну съ нимъ, должны хорошо знать степень его силы, его характеръ и образъ дѣйствія.

Начало костельныхъ братствъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ относится къ XVI вѣку. Учрежденіе ихъ было вызвано успѣхами реформаціи на Литвѣ, и первыми учредителями ихъ были іезуиты, которые прибыли въ Вильну въ концѣ 1569 года и черезъ три года, то-есть въ 1573 году, основали при своемъ Ивановскомъ костелѣ первое братство въ Западной Россіи, подъ названіемъ: „Братства Тѣла Господня.“ Вскорѣ затѣмъ они же основали братства Св. Анны, Милосердія и Банка (Mons Pietatis). Этими братствами была достигнута двоякая цѣль: кальвинское ученіе, которое такъ охотно было принимаемо панами, было изгнано изъ Западной Россіи, и среди православныхъ удалось ввести унію и передать православныя церкви уніатамъ.

Во время войны съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1663—1669) Поляки имѣли случай убѣдиться, что сѣверо-западное населеніе, несмотря на свою унію, не переставало быть русскимъ и тянуло къ Москвѣ. Это вызвало въ Полякахъ рѣшеніе совершенно ополячить и окатоличить Западную Россію. Съ этою цѣлію они завели еще нѣсколько братствъ, какъ-то: Рожанцовое, Коронки, Шкаплерное и др., въ которыя завлекали народъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши ксендзы основали еще четыре или пять братствъ, подъ названіемъ „Семи Скорбей Пр. Богородицы“. Послѣ 1815 года Поляки, увидѣвъ, что западно-русскія губерніи присоединены къ Имперіи, а не къ Царству Польскому, какъ они разсчитывали, еще съ бо́льшею энергіей принялись за ополячиваніе Западной Россіи. Съ этою цѣлію въ Вильнѣ было учреждено нѣсколько свѣтскихъ обществъ, о которыхъ мною было сказано выше. Но правительство проникло въ затѣи Поляковъ и закрыло свѣтскія общества въ краѣ. Тогда-то Поляки рѣшительно отдались подъ покровительство костела и повели ополяченіе Русскаго народа въ краѣ чрезъ ксендзовъ, а эти чрезъ свое „воинство“—костельныя братства.

Въ 1826 году католики праздновали такъ-называемый юбилей, цѣлію котораго была пропаганда. По словамъ Лелевеля, ксендзы на исповѣди и въ проповѣдяхъ, подъ предлогомъ религіи, возбуждали въ народѣ вражду къ Россіи и ввели въ Сѣверо-Западномъ краѣ до 80-ти костельныхъ братствъ, которыя старались укрѣплять въ народѣ ксендзовскія внушенія.

Послѣ мятежа 1831 года государь Николай Павловичъ обратилъ серьезное вниманіе на разныя уловки Поляковъ, и костельныя братства притаились. Въ 1847 году, по интригамъ польскихъ пановъ, былъ заключенъ русскимъ правительствомъ съ папою конкордатъ, необыкновенно расширившій власть католическихъ епископовъ, которые не только въ Польшѣ, но и въ Западной Россіи, были Поляки, или считали себя Поляками, и совершенно развязавшій руки ксендзамъ. Это имѣло громадное вліяніе на образованіе костельныхъ братствъ, которыя ксендзы начали свободно сами заводить при своихъ костелахъ, нерѣдко по нѣскольку при одномъ и томъ же костелѣ. Въ это время особенно были распространяемы по краю братства: 1) Терціарское (то-есть „третіе" изъ основанныхъ Францискомъ,—первое для монаховъ, второе для монахинь, и третье для мірянъ). Членами этого братства бываютъ почти исключительно женщины, помѣщицы и чиновницы: онѣ-то и есть столь прославившіяся въ краѣ своимъ святошествомъ и фанатизмомъ „терціарки". 2) Братства миссіонерскія. 3) Братство Островоротное (о немъ достаточно уже было сказано выше). 4) Братство Резуррекціонистовъ („Змартвыхвстанцевъ"). И это братство, своей иниціативой обязанное сумсабродной мечтательности поэта Мицкевича, особенно пришлось по вкусу экзальтированнымъ паннамъ и паненкамъ,—здѣшнимъ помѣщицамъ, чиновницамъ и вообще женщинамъ, считающимъ себя Польками. 5) Братство Трезвости. Этимъ братствомъ ксендзы хотѣли завлечь въ польскій мятежъ простой народъ, такъ какъ оно спеціально предназначалось для мѣщанъ и крестьянъ. Во время присоединенія католиковъ къ Православію при К. П. Кауфманѣ, въ 1866 году, оно агитировало къ удержанію католиковъ отъ присоединенія. Викарный ксендзъ виленскаго Ивановскаго костела, Осипъ Деревинскій, въ своей проповѣди, призывая народъ въ братство, прямо заявлялъ, что оно остановитъ движеніе народа въ пользу присоединенія къ Православію [1].

Прочія костельныя братства не стóитъ перечменовывать. Какъ я сказалъ выше, только въ трехъ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Ковенской ихъ насчитывалось въ 1868 г. до 400 братствъ.

У каждаго братства имѣется свое братское начальство, со-

[1] Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній.

стоящее изъ старшаго братчика и его помощника, казначея, кантора, и двухъ руководителей. Этими послѣдними бываютъ только помѣщикъ и помѣщица. Выборы братскаго начальства бываютъ въ годовщину учрежденія братства. Выборнымъ начальникамъ и руководителямъ братчики въ своихъ „обѣтахъ“ обязываются повиноваться слѣпо.

Всѣ братства, по своимъ писаннымъ „уставамъ“, представляются совершенно благовидными и невинными. Вотъ, напримѣръ, уставъ братства рожанца: братчики должны носить освященный рожанецъ (четки) и еженедѣльно по-нему прочесть 150 разъ „Отче нашъ“, 15 разъ „Богородице, Дѣво, радуйся“, и однажды „Вѣрую“. Братчики коронки (третьей части рожанца) должны носить при себѣ коронку и прочесть по ней каждодневно по разу „Отче нашъ“, „Богородице, Дѣво, радуйся“ и „Вѣрую“. Братчики шкаплерные должны носить шкаплеры (scapulae—лоскутки матеріи, на которыхъ вышиваются шелкомъ, а иногда золотомъ и серебромъ имена Іисуса и Маріи, и которые набожные католики носятъ на груди), читать ежедневно семь разъ „Отче нашъ“, столько же разъ „Богородице, Дѣво, радуйся“, и не ѣсть мясной пищи по средамъ и субботамъ. Повидимому, что можетъ быть невиннѣе этихъ уставовъ? Но тайныя дѣйствія этихъ и всѣхъ прочихъ братствъ направлены противъ русскаго государства, русской народности и Православія.

XIX.

Наши мудрецы—газетные и всякіе другіе—уже болѣе четверти вѣка разжевываютъ и не могутъ разжевать вопроса о важности *богослужебнаго языка* въ дѣлѣ охраненія и утвержденія народности, — особенно въ такой странѣ, какъ Западная Россія, гдѣ борются за свое существованіе двѣ народности: польская и русская. Но Поляки давно поняли эту важность и дѣйствовали соотвѣтственно. Такъ еще въ XVII вѣкѣ они перевели на польскій языкъ съ церковно-славянскаго православную литургію Св. Іоанна Златоустаго (нѣсколько печатныхъ экземпляровъ ея хранится въ Виленской Публичной Библіотекѣ). Потомъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія были переведены на польскій языкъ главныя уніатскія литургическія книги для холмскихъ и галицкихъ уніатовъ. Но ихъ собственное католическое

богослуженіе оставалось не польское, а латинское, что̀ они почитали для себя неудобнымъ, въ видахъ ополяченія западно-русскаго народа. Потому нѣсколько ксендзовъ, наиболѣе ярыхъ ополячивателей, начали служить литургію (миссу) на польскомъ языкѣ, вмѣсто латинскаго. Но когда извѣстіе объ этомъ дошло до Рима, то курія воспретила это нововведеніе, какъ несогласное съ видами папства. Тогда Поляки, чтобъ обойти папское запрещеніе, ополячили дополнительное католическое богослуженіе и увеличили его насчетъ главной латинской части. Съ этою цѣлію они латинскія пѣснопѣнія во время костельныхъ процессій перевели на польскій языкъ, а моленія рожанцовыя и коронковыя, состоявшія изъ повторенія извѣстнаго числа разъ „Отче нашъ“ и „Богородице, Дѣво, радуйся“ замѣнили длинными молитвами, подъ тѣмъ же названіемъ, на польскомъ языкѣ; увеличили и количество дополнительныхъ польскихъ пѣснопѣній. Такимъ образомъ сумма польскаго дополнительнаго богослуженія была сильно увеличена насчетъ главнаго латинскаго, которое продолжалось не болѣе тридцати минутъ, и какъ бы стушевалось; а все вниманіе народа было обращено на часть богослуженія, совершавшуюся по-польски. Соотвѣтственно съ этимъ планомъ издаются и польско-католическіе молитвенники. Ксендзы зорко смотрѣли, чтобы богослуженіе совершалось именно въ такомъ порядкѣ, и въ этомъ особенную помощь оказывали имъ братчики различныхъ братствъ, руководившіе дополнительнымъ богослуженіемъ и бывшіе запѣвалами послѣобѣденныхъ польскихъ пѣснопѣній.

Каждое изъ братствъ кромѣ того имѣетъ свои особые праздники и особыя придаточныя богослуженія, которыя совершаются также по-польски, и при томъ постоянно перемѣняются, — старыя выходятъ изъ употребленія, а новыя вводятся. Благодаря этому разнообразію и новизнѣ, католическое народонаселеніе края совершенно свыклось съ мыслію видѣть у себя постоянно новыя богослуженія, и эти богослуженія — неизмѣнно польскія, на польскомъ языкѣ совершаемыя по всему бѣлорусскому краю, для бѣлорусскаго населенія.

До сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, ксендзы по воскресеніямъ и праздникамъ служили заутреню и миссу (обѣдню). Съ 1847 года ксендзы мало-по-малу перестали служить заутреню, въ особенности по сельскимъ костеламъ, такъ какъ отъ нихъ, совершаемыхъ на латинскомъ языкѣ, нѣтъ пользы къ опо-

лячиванію населенія. Вмѣсто оной, съ семи часовъ до одиннадцати утра, по воскресеніямъ и праздникамъ, братчики начинаютъ пѣть безъ ксендза „годзинки" (часы), „коронки" и „рожанцы". Но подъ этими названіями не должно разумѣть „Отче нашъ" и „Богородице, Дѣво, радуйся", какъ это дѣлалось прежде, а длинныя молитвы и пѣснопѣнія, на польскомъ языкѣ, находящіяся въ польскихъ молитвенникахъ. Съ одиннадцати часовъ начинается процессія, съ пѣніемъ также польскихъ пѣснопѣній, и затѣмъ уже слѣдуетъ латинская обѣдня (мисса), продолжающаяся не болѣе получаса. Послѣ нея опять поется по-польски „супликація", то-есть „Святый Боже", и псаломъ: „Богъ намъ прибѣжище". Въ нѣкоторыхъ костелахъ Сѣверо-Западнаго края во время Великаго поста братчики поютъ польскія пѣснопѣнія о „Страстяхъ Господнихъ".

Все придаточное богослуженіе у католиковъ Бѣлоруссіи и Литвы, по большей части мѣстнаго и новѣйшаго происхожденія, совершается братчиками, которые ради большаго эффекта надѣваютъ во время служенія „комжу" (стихарь), подобающую по католическимъ правиламъ только лицамъ духовнаго званія; нѣкоторые надѣваютъ на себя въ это время кардинальскіе плащи, на томъ основаніи, что ксендзъ изображаетъ папу, а братчики суть его кардиналы.

Братства стараются своимъ многочисленнымъ праздникамъ („фестамъ") придавать характеръ польско-народныхъ празднествъ и праздновать ихъ какъ можно великолѣпнѣе. Для того устраиваются по селамъ и мѣстечкамъ ярмарки („кирмаши"), съѣзды, совѣты, весьма частые, и сзываются ксендзы и народъ изъ сосѣднихъ приходовъ. Наканунѣ и въ самый день праздника костелъ бываетъ великолѣпно иллюминованъ. Одинъ изъ ксендзовъ служитъ обѣдню, другіе исповѣдуютъ народъ, а братчики отъ разныхъ костеловъ соединенными силами поютъ „годзинки", „рожанцы" и „коронки", естественно по-польски, хотя нерѣдко костелъ бываетъ наполненъ исключительно русскимъ народомъ. Въ 11 часовъ начинается процессія съ пѣніемъ также польскихъ пѣснопѣній. Во время обѣдни самый бойкій изъ ксендзовъ произноситъ проповѣдь, обыкновенно о великой пользѣ братствъ и объ отпущеніи грѣховъ, даруемомъ братствамъ. Послѣ вечерни снова вся мисса народа составляетъ процессію, за которою опять слѣдуетъ проповѣдь, приглашающая слушателей вступать въ братство. Засимъ предъ всѣми ксендзъ благодаритъ

нѣкоторыхъ изъ братчиковъ за ихъ ревность и принимаетъ новыхъ братчиковъ. Нововступающіе становятся на колѣни предъ алтаремъ и принимаютъ обѣты братства; ксендзъ читаетъ молитву, накладываетъ на нихъ эмблему братства, окропляетъ святою водой и даетъ поцѣловать крестъ; имя и фамилія нововступающаго вписываются въ книгу братчиковъ, нерѣдко весьма разукрашенную ради эффектности. Затѣмъ слѣдуютъ совѣты по разнымъ дѣламъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ религіи. Наконецъ всѣ братчики вмѣстѣ падаютъ на колѣни и возобновляютъ клятву повиноваться безусловно папѣ и ксендзу. Вся эта процедура не можетъ не дѣйствовать весьма вліятельно на умы здѣшняго народа, совершенно сбитаго съ толку и заѣденнаго ксендзами, и легко могущаго дѣлаться слѣпымъ орудіемъ польскихъ агитаторовъ. Ею увлекаются и многіе изъ православныхъ, особенно изъ состоящихъ въ смѣшанныхъ бракахъ (такихъ, въ которыхъ брачущіеся принадлежатъ — одинъ полъ къ Православію, другой къ католичеству) и въ мѣстностяхъ, гдѣ православные живутъ смѣшанно съ католиками.

Такъ какъ у братствъ есть собственные капиталы, иногда весьма не малые, то въ свои праздники они устроиваютъ братскую „консоляцію“, то-есть пирушку, на которую также приглашаютъ православныхъ, не могущихъ при семъ не сравнивать католическаго, полнаго одушевленія, костельнаго быта съ православнымъ церковнымъ, — къ невыгодѣ послѣдняго. Капиталы же братствъ составляются изъ взносовъ въ братскую кружку съ каждаго братчика не менѣе 30 коп. и посредствомъ сборовъ, „квестацій“, съ каковою цѣлію братчики то-и-дѣло разъѣзжаютъ по своему приходу, выманивая подъ предлогомъ костельныхъ нуждъ у довѣрчивыхъ крестьянъ деньги и разныя хозяйственныя произведенія, какъ-то: шерсть, полотно, медъ и под. Самый прибыльный изъ сборовъ есть сборъ на миссы. Эти капиталы братствъ служатъ немалою приманкою для крестьянъ, ради ихъ охотно вступающихъ въ братства, помимо всякихъ другихъ приманокъ.

По совѣту Михайла Чайковскаго (въ исламѣ Садыка-паши), въ пятидесятыхъ годахъ, для пропагандированья польщизны въ Сѣверо-Западномъ краѣ, было установлено по сельскимъ костеламъ такъ называемое *майское* празднованіе, продолжавшееся весь мѣсяцъ май. Тому, кто участвуетъ разъ въ богослуженіи этого празднованія, прощаются грѣхи за 300 дней; а тому, кто

въ это празднованіе будетъ у исповѣди, прощаются всѣ грѣхи. Главную часть этого празднованія составляютъ ксендзовскія проповѣди, которыя братчики разъясняли народу и раздавали красные шкаплеры съ революціонными прокламаціями, зашитыми въ нихъ.

Но самое удобное для польскихъ махинацій, и потому наиболѣе любимое братствами, костельное сборище есть такъ-называемое „сорокачасовое богослуженіе“. Оно не празднуется въ одно и то же время во многихъ костелахъ, а только въ одномъ, чтобы собрать въ одно мѣсто какъ можно больше народа, такъ что въ деканатѣ (благочиніи) въ одну недѣлю празднуется въ одномъ костелѣ, въ другую въ другомъ и т. д. Празднованія эти обыкновенно начинаются вскорѣ послѣ Пасхи. Обще-католическое значеніе этого празднованія есть трехдневное чествованіе Св. Даровъ, выставляемыхъ на главномъ алтарѣ: тому, кто посѣтитъ ихъ хоть одинъ разъ въ продолженіи трехъ дней, прощаются грѣхи за 7 лѣтъ; а кто будетъ посѣщать ихъ во всѣ три дня, тому прощаются всѣ грѣхи. Такъ какъ у западно-русскихъ ксендзовъ все вниманіе устремлено на пропаганду польщизны среди русскаго народа, то въ этомъ празднованіи главное мѣсто занимаютъ проповѣди, произносимыя по нѣскольку въ день, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно говорится о торжествѣ въ краѣ католичества и исчезновеніи Православія. Тысячи народа исповѣдываются ежедневно,—и въ томъ числѣ множество православныхъ. Самыми главными дѣятелями на этихъ празднествахъ являются опять братчики, которые то-и-дѣло шныряютъ въ народѣ, стараясь еще болѣе утвердить его въ ксендзовскихъ поученіяхъ.

Немало помогаютъ ксендзамъ и братчикамъ воодушевляться „стара вудка“, наливки, литовскія пивà и меды̀ и обильныя яства, присылаемыя въ эти празднества въ домъ ксендза польскими помѣщицами. Послѣ обѣдни паны, шляхта, съ ихъ семействами, и пріѣзжіе ксендзы собираются къ обѣду въ домъ мѣстнаго ксендза, и тутъ-то, среди „своихъ“, вырабатываются планы борьбы съ „Москвой“ и разрушенія Православія въ краѣ, и собираются на то „офяры“.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. Владиміровъ.

ДВА СОНЕТА.

(Посвящаются С. А. Сафонову.)

I.

Fin de Siècle.

Къ исходу близится холодный, грубый вѣкъ...
Совсѣмъ измаявшись безъ цѣли и безъ вѣры,
Земной природы царь—несчастный человѣкъ
  Опять преслѣдуетъ опасныя химеры....
Толпу слѣпыхъ душой и умственныхъ калѣкъ
Морочатъ дерзкіе лжецы и лицемѣры....
Гдѣ-жъ голосъ истины, что-бъ это зло пресѣкъ,
  Святыхъ стремленій гдѣ высокіе примѣры?
Пророки новые не отогнали прочь
Сомнѣній роковыхъ безжалостную ночь,—
  И праздны, и вредны ихъ жалкія затѣи:
Передъ Завѣтомъ Господа-Христа
Должны сомкнуть, въ смятеніи, уста
  Всѣ маги нашихъ дней, волхвы и чародѣи!

II.

Въ церкви.

Я, послѣ долгихъ лѣтъ, невольно въ мирный храмъ
Опять вступилъ теперь, чтобъ отдохнуть душою,
Чтобъ на сомнѣнія найти отвѣты тамъ,
  Гдѣ всё проникнуто отрадой неземною!
Вотъ изъ кадильницы струится ѳиміамъ
Полупрозрачною, душистою волною
Подъ своды купола, и мыслью къ небесамъ
  Стремлюсь я, рядъ чудесъ прозрѣвши предъ собою!
Святыя таинства въ злосчастный міръ принёсъ
И бѣдный родъ людской Самъ искупилъ Христосъ,
  Омывъ его грѣхи божественною кровью!
И, въ наши дни, себя на роковомъ пути
Отъ навожденій злыхъ сумѣемъ мы спасти
  Лишь вѣрою въ Него да чистою любовью!

С. Бердяевъ.

МОЛИТВА.

Боже Владыко! Десницею властною
Праздности духъ, празднословья, унынія
Самъ отжени!.. Не томлюсь пусть отнынѣ я
Любоначалія жаждою страстною!..

Духъ цѣломудрія, силу смиренія
Въ сердцѣ раба твоего обнови!
Даруй мнѣ, Боже, терпѣнья, любви,
Даруй мнѣ вѣдать мои прегрѣшенія...

Чтобъ я отнынѣ грѣха осужденія
Къ ближнему въ сердцѣ своемъ не питалъ!
Чтобы Твой Духъ надо мною виталъ
И возносилъ меня въ горнихъ селенія...

А. С—ъ.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ.

Edouard Drumont. *La fin d'un monde*. Etude psychologique et sociale. Paris. Albert Savine éditeur.

Разыгравшееся совершенно, повидимому, неожиданно на нашихъ глазахъ пресловутое Панамское хищеніе, въ какихъ-нибудь два мѣсяца раскрыло картину такого страшнаго нравственнаго разложенія въ верхнихъ слояхъ Франціи, что совершенно сбило съ толку многихъ поклонниковъ такъ называемаго „европейскаго прогресса"... Величественный республиканскій фасадъ, съ гордымъ девизомъ: „Liberté, égalité, fraternité" разсыпался въ прахъ, очарованіе исчезло, маски сорваны,—и бѣдная Франція предстала предъ нами во всемъ ужасѣ своего позора и духовной нищеты. Подумать страшно: и тѣ, что стоятъ во главѣ ея правительства, громко называя себя избранниками и представителями народа, и тѣ, что вчера были у власти, и тѣ, кто только жаждутъ власти и борятся за нее, оказываются одинаково покрытыми несмываемою грязью, лишенными всякой тѣни авторитета и нравственнаго достоинства. Все во Франціи было лишь маскою, все было показнымъ, все оказалось ложью и комедіей: и патріотизмъ, и гражданская доблесть, и самоуправленіе, и широкая политическая свобода, и такъ называемая республиканская честность и нравственность. Все обличено, все съ грохотомъ рухнуло, и на развалинахъ современнаго строя не оказывается ничего, кромѣ страшнаго общественнаго разврата и всеобщаго нравственнаго разложенія. Еще годъ тому назадъ многіе ли бы рѣшились повѣрить, что случится то, что совершается нынѣ въ Парижѣ?

А между тѣмъ въ разоблаченіяхъ и предсказаніяхъ недостатка не было. Въ самой французской литературѣ поднимались проро-

ческіе голоса и заставляли трепетать измельчавшія души. Но никто не ожидалъ, чтобы ликвидація наступила такъ скоро...

Когда появились во Франціи первыя книги Эдуарда Дрюмона: *Mon vieux Paris* и *La France Juive*, все буржуазно-еврейское общество вздрогнуло и почувствовало, что этому честному человѣку, осмѣлившемуся открыто бросить въ лицо правящимъ классамъ Франціи самыя тяжкія обвиненія, суждено будетъ вызвать большое общественное движеніе, разоблачить и снять маски со всѣхъ безстыдныхъ людей, въ погонѣ за золотомъ развратившихъ свою родину и бросившихъ ее къ подножію всевозможныхъ Ротшильдовъ, Эфрусси, Бишофсгеймовъ и прочихъ князей израильскихъ, воцарившихся въ современной Франціи. Книги эти, особенно послѣдовавшая за ними *La fin d'un monde*, имѣвшая огромный успѣхъ, несмотря на всеобщее мертвое молчаніе республиканской печати, были тѣми дрожжами, которыя бросилъ Дрюмонъ во французскіе умы и дѣйствіе коихъ, спустя небольшой промежутокъ времени (1889—1892 г.), сказывается теперь въ пресловутомъ Панамскомъ дѣлѣ, разматывающемся послѣдовательно, словно гигантскій клубокъ нитокъ.

Первою мыслію читателя, своевременно углубившагося въ *La fin d'un monde*, было: „такъ это не можетъ кончиться! Если хоть десятая доля того, въ чемъ обвиняетъ Дрюмонъ современную Францію—вѣрна, то великая нравственная катастрофа неизбѣжна".

У насъ *La France Juive* произвела довольно странное впечатлѣніе. Выдержки изъ нея дѣлало *Новое Время* въ нѣсколькихъ фельетонахъ, но то, что разсказывалъ Дрюмонъ, до такой степени противорѣчило утвердившимся у насъ розовымъ взглядомъ на западные порядки, что мы по-просту не повѣрили ему, и его патріотическія разоблаченія, его пророческія предсказанія объявили чуть не злымъ бредомъ разсерженнаго и мстящаго неудачника и ненавистника Евреевъ. Книга Дрюмона *Конецъ одного міра* поэтому осталась у насъ вовсе непрочтенною и даже невспомянутою. Насколько извѣстно, всего лишь одинъ изъ московскихъ публицистовъ прочелъ по ея поводу публичную лекцію „О современной Франціи", и на эту лекцію собралось не болѣе пятидесяти человѣкъ. Въ программѣ стояло „по Дрюмону", и публика, вообще очень любящая публичныя лекціи, не пошла слушать. Въ нашемъ представленіи вплоть до „Панамы" Дрюмонъ такъ и оставался вздорнымъ крикуномъ, желчнымъ и неосновательнымъ обвинителемъ „лучшихъ людей" своей родины.

Любопытно, однако, теперь, когда этихъ „лучшихъ людей“: депутатовъ, министровъ, сенаторовъ, десятками, словно уличныхъ воровъ, въ наручникахъ ведутъ въ Мазасъ, когда слѣдствіе и судъ раскрываютъ ужасы всеобщаго государственнаго воровства, подкупа и всякихъ гнусностей, когда мы себѣ и представить не можемъ, кого обвинятъ, или вѣрнѣе, кто уйдетъ отъ обвиненія завтра— любопытно заглянуть въ эту книгу Дрюмона *Конецъ одного міра*. Въ данную минуту это превосходный „словарь современниковъ“. Авторъ изучилъ одного за другимъ всѣхъ мало-мальски выдающихся дѣятелей Франціи во всѣхъ партіяхъ и политическихъ группахъ. Достаточно раскрыть алфавитный указатель въ концѣ книги, найти страницу противъ даннаго имени и читать.

La fin d'un monde представляетъ собою въ самомъ дѣлѣ явленіе чрезвычайно знаменательное. Въ жизни народовъ бываютъ такія эпохи, когда накоплявшееся вѣками зло захватываетъ всѣхъ въ такіе страшные тиски, становится такою безпощадною, угнетающею силой, что патріоты и мыслители, задумывающіеся надъ судьбами своей родины, впадаютъ въ безъисходное отчаяніе. Изслѣдуя свой бытъ, общественный и государственный строй во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, вездѣ наталкиваясь на одну ложь, лицемѣріе, профанацію всякихъ идеаловъ, вездѣ усматривая гибель и разложеніе, они, не въ силахъ будучи найти ни одной свѣтлой точки, не смѣя вѣрить ни въ какой счастливый выходъ, находятъ въ себѣ достаточно мужества и искренности, чтобы громко, предъ лицомъ всего народа высказать свой приговоръ. „Я горячо люблю мою родину, какъ бы говоритъ Дрюмонъ всей своею книгой; но я съ болью сердца долженъ признать, что она погибла. Для нея нѣтъ ни будущности, ни воскресенія. Франція—гнилой трупъ“.

Прочитавъ всю книгу, вы невольно присоединяетесь къ патріотическому отчаянію автора. Тѣ свѣтлыя точки, которыя мелькаютъ тамъ и здѣсь и на которыхъ какъ бы съ надеждою останавливается Дрюмонъ, меркнутъ тутъ же одна за другой подъ его безпощаднымъ анализомъ. Картина всеобщей гибели, оподленія и разложенія развертывается подъ его перомъ въ такихъ страшныхъ размѣрахъ, что вы не пытаетесь и протестовать. Вы видите воочію какъ гибнетъ цѣлый міръ, дѣйствительно цѣлый міръ, вынесшій на своихъ плечахъ всю культуру Запада. Но странное дѣло! Едва вы закрываете оконченную книгу, какъ нарождается новое заключеніе, выплывающее поверхъ охватив-

шаго васъ отчаянія. Вы чувствуете, что уже въ самомъ осужденіи, только что высказанномъ такъ безпощадно-сурово, лежитъ нѣкоторая надежда. Произнесенный повидимому базаппелляціонно и серьезно мотивированный приговоръ вдругъ всколыхиваетъ все. Общество оглядывается на себя, и въ немъ могучей струей пробуждается инстинктъ жизни, самосохраненія, инстинктъ правды. Самый фактъ возможности такого страшнаго приговора указываетъ, что еще есть сердца, которыя отзывчиво воспримутъ горькую правду, которыя еще поборются за родину и, можетъ-быть, спасутъ ее.

Эдуардъ Дрюмонъ пріобрѣлъ во Франціи почетную извѣстность, какъ писатель, выступившій съ грознымъ своимъ обличеніемъ всемогущему въ Европѣ еврейству. Его книга „La France Juive", извѣстная въ выдержкахъ и у насъ, произвела на родинѣ волненіе необычайное. Это не было обличеніе какихъ-нибудь частныхъ злоупотребленій, присущихъ расѣ. Это былъ вопль Европейца и Христіанина, познавшаго гибель всего духовнаго, гражданскаго и экономическаго строя своей родины, вслѣдствіе нашествія Семита, захватившаго въ свои хищныя руки самое средоточіе общественной жизни и устраивающее новое царство Израиля на развалинахъ цивилизованной Европы. „La fin d'un monde", представляетъ логическое продолженіе первой книги. Тамъ Дрюмонъ имѣлъ въ виду самый фактъ еврейскаго торжества, здѣсь онъ разбираетъ подробно обстоятельства, пріуготовившія это торжество.

Въ книгѣ „La fin d'un monde" Еврей появляется только въ глубинѣ картины. Все вниманіе обращено на внутреннее положеніе Франціи. Авторъ изслѣдуетъ всѣ наличныя силы своей родины,проводитъ предъ читателемъ вереницы общественныхъ дѣятелей, рисуетъ различныя партіи и слои общества, изслѣдуетъ печать, школу, церковь, семью, касается земледѣлія и промышленности и вездѣ видитъ одно и то же.

Революція ниспровергла старый строй. Экономическій и политическій либерализмъ далъ временное торжество буржуазіи. Она добилась господства надъ народомъ и начала эру научнаго и техническаго прогресса, политическаго нигилизма и великихъ торговыхъ спекуляцій. Въ эту, новую культуру, лишенную всякихъ бытовыхъ и нравственныхъ устоевъ ворвался Еврей и захватилъ въ свои руки все, ибо среди всеобщаго разложенія только у него оказались и ясныя цѣли, и планъ дѣйствій и

своеобразная нравственная подкладка. Въ политическомъ мірѣ создалась новая сила, невѣдомая предшествовавшей эпохѣ. Французскій парламентъ голосуетъ законы и мѣняетъ министерства, у всѣхъ на устахъ имя Франціи, а въ дѣйствительности правитъ страной какой-нибудь домъ Ротшильдовъ; онъ держитъ въ своихъ рукахъ войну и миръ, богатство и убожество, онъ говоритъ устами печати и парламента, онъ диктуетъ законы и устраиваетъ союзы, а все, что облечено властью, начиная съ президента республики и кончая послѣднимъ garde champêtre — полевымъ сторожемъ, является лишь арміей его чиновниковъ.

И въ этомъ, совершенно основательно, видитъ Дрюмонъ гибель Франціи.

Я попробую, вслѣдъ за этимъ замѣчательнымъ писателемъ, изобразить наиболѣе замѣчательные моменты этого паденія.

Наканунѣ празднованія столѣтія „великой" революціи во Франціи съ особенною силою проявилось глубокое разочарованіе во всемъ томъ, ради чего была пролита такая масса крови. Добытая политическая свобода въ теченіе столѣтія успѣла обратиться въ новый, еще горшій видъ рабства, незнакомый даже древнему міру. Отеческій деспотизмъ старыхъ королей смѣнился деспотизмомъ ариѳметическаго большинства мнимыхъ представителей народа, послушныхъ, какъ воскъ, въ рукахъ истинныхъ хозяевъ страны, тѣхъ Rois de la république, для которыхъ не существуетъ иныхъ нравственныхъ мотивовъ, кромѣ ненасытной жажды всемірнаго господства и для которыхъ хороши всѣ средства, лишь бы ослабить *гоевъ*, низвести весь народъ до степени своихъ чернорабочихъ. Новый видъ феодализма, еврейско-промышленный, возрастаетъ въ послѣдніе годы въ такой ужасающей прогрессіи, что вызываетъ у Дрюмона слѣдующія строки:

„Много странныхъ режимовъ и тяжкихъ тиранній видѣлъ свѣтъ, но никогда не видѣлъ онъ ничего подобнаго: разоренные народы благословляютъ тѣхъ, кто ихъ разорилъ, кто пріобрѣлъ чудовищныя состоянія насчетъ милліоновъ тружениковъ.

„Въ нѣсколько лѣтъ Ротшильды изсушили всю Австрію. Венгрія, благодаря ихъ вмѣшательству, удесятерила свой долгъ менѣе нежели въ двѣнадцать лѣтъ. Венгерскій долгъ въ 1873 г. равнялся 221 милліону гульденовъ; въ 1885 г. онъ равнялся уже 1.461 милліону, а нынѣ превышаетъ 2.600 милліоновъ. Въ виду этого-то результата г. Тисса, министръ, любимый Евреями, предлагалъ въ свое время пригласить ко двору барона Альбер-

та Ротшильда и его супругу, баронессу Беттину „въ признательность за заслуги г. Ротшильда по развитію національнаго кредита Венгріи".

„Въ Австро-Венгріи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые депутаты протестуютъ; во Франціи ни одинъ депутатъ ни правой, ни лѣвой не осмѣливается заявить, что только Ротшильдамъ и ихъ ростовщическимъ операціямъ обязаны мы тѣмъ ужаснымъ финансовымъ положеніемъ, отъ котораго теперь напрасно отбиваемся. Власть „царей республики" такъ велика, что по одному мановенію ихъ руки поднимается чуть не вдвое цѣна на хлѣбъ, исчезаетъ съ рынка весь кофе, мѣдь всего земнаго шара оказывается скупленною. Не имѣя ничего общаго ни съ какимъ патріотизмомъ, Ротшильды заставляютъ французскій народъ помѣщать три милліарда своихъ сбереженій въ итальянскій долгъ, давая этимъ средства Итали для вооруженія противъ Франціи."

Наконецъ тѣ же Ротшильды съ послушнымъ имъ парламентомъ продѣлали слѣдующее: они поставили Францію въ положеніе совершенной беззащитности,—въ день объявленія войны она банкротъ. Вотъ что̀ говоритъ Дрюмонъ:

„Нѣсколько уступая Германіи съ точки зрѣнія численности арміи, Франція имѣла за собой силу, которою возстанавливалось полное равновѣсіе: она была богата... Она могла составить военную казну болѣе значительную, нежели Шпандаусская. Она могла сказать Россіи: „Поставьте на ноги сотни тысячъ человѣкъ, кликните кличъ по всѣмъ степямъ, протрубите сборъ всѣмъ окраинамъ вашей обширной имперіи,—мы гарантируемъ вамъ всѣ займы". Хозяинъ парламента, въ силу франкмасонства, которое цѣликомъ находится въ рукахъ нѣмецкихъ Евреевъ, Бисмаркъ, нашелъ средство отнять у насъ и это оружіе. Въ нѣсколько лѣтъ къ нашему долгу въ шесть милліардовъ консолидированной ренты республиканскіе депутаты прибавили еще два милліарда текущаго долга. Франція находится теперь при послѣднемъ издыханіи. Безъ войны мы растратили болѣе, нежели Наполеонъ I на завоеваніе всей Европы. Вторженіе республиканцевъ стоило намъ болѣе, нежели вторженіе Нѣмцевъ. И къ чему послужили эти баснословныя суммы? Ни къ чему. Эти деньги, какъ говорятъ сельскіе жители, *расклеваны птицами.* Кто изъ трудящихся, честныхъ Французовъ можетъ сказать: „это гигантское перемѣщеніе денегъ было полезно для меня"? Или кто изъ рабочихъ, изъ крестьянъ, изъ мелкихъ чиновниковъ рѣшится написать мнѣ,

подписавъ свое имя: „безумныя суммы были взяты взаймы, но, по крайней мѣрѣ, часть этихъ денегъ была употреблена на улучшеніе моей участи“.

Это перемѣщеніе золота принесло пользу только Евреямъ; и лучшее доказательство тому, что въ то время, какъ крестьянинъ и мелкій чиновникъ остались въ прежнемъ положеніи, въ то время, какъ рабочій, умирая съ голода, тщетно стучится въ двери фабрикъ и заводовъ, повсюду закрывающихся, Евреи, которые въ 1871 и 1872 годахъ пришли во Францію въ опоркахъ и пробивались торговлей очками, нынѣ обладаютъ прекраснѣйшими отелями въ Парижѣ и княжескими охотами въ провинціи.

„Возьмите изъ *Gaulois*, говоритъ Дрюмонъ, списокъ приглашенныхъ на большой великосвѣтскій балъ, или зрителей какого-либо торжественнаго представленія, и спросите Евреевъ, занимающихъ тамъ первыя мѣста, чѣмъ располагали они двадцать лѣтъ назадъ? Если ничего у нихъ не было и если теперь есть, взяли же они откуда-нибудь то, чѣмъ теперь располагаютъ...“

Послѣ этихъ строкъ совершенно понятнымъ становится слѣдующее замѣчательное мѣсто книги, относящееся къ празднованію столѣтняго юбилея революціи.

„Вмѣсто того, чтобы покориться судьбѣ, или лучше того, углубиться, войти въ себя, постараться исправиться, ибо Господь, по Писанію, вложилъ въ народы способность къ исцѣленію,— Франція, повидимому, хочетъ окончить свои дни театральнымъ апоѳеозомъ: она прославляетъ свое паденіе съ хвастливымъ чванствомъ, шарлатанствомъ и безумнымъ ухарствомъ, котораго у нея не замѣчалось въ счастливые дни ея силы и блеска. Намъ наносятъ обиду за обидой: Германія стрѣляетъ въ нашихъ офицеровъ на границѣ, Италія по ослиному лягаетъ насъ, Европа уже дѣлитъ между собою наши ризы; вторженіе у нашихъ воротъ, а банкротство у нашего очага; мы изнемогаемъ подъ тяжестью долга въ тридцать милліардовъ; заводы закрываются, земледѣліе гибнетъ, мало-по-малу всѣ рынки міра уплываютъ изъ-подъ рукъ нашихъ промышленниковъ... Мы, сыны Франціи, хотимъ, чтобы мать наша, по крайней мѣрѣ, съ достоинствомъ переносила всѣ эти испытанія... Космополиты, занявшіе наше мѣсто, во что бы то ни стало хотятъ, чтобы Франція сдѣлалась посмѣшищемъ всего міра; имъ нужно, чтобы нація, такъ горько униженная, стала еще и глупою, чтобы на смѣхъ всѣмъ она заявила, что никогда не была такою великою, такою могущественною, такою

страшною и такою богатой, какъ нынѣ. Эйфелева башня, свидѣтельство пошлости, безвкусія и глупаго бахвальства, выросла нарочно для того, чтобы провозгласить все это до небесъ. Этотъ памятникъ — символъ нынѣшней Франціи; его миссія — быть дерзкимъ и глупымъ, какъ современная жизнь, и своею безсмысленною высотой давить Парижъ нашихъ отцовъ, Парижъ воспоминаній, старинныхъ домовъ и церквей, собора Богоматери и Тріумфальной Арки, молитвы и славы... Это чванное безуміе составляетъ одну изъ историческихъ формъ агоніи обществъ. То же было и съ Византіей: когда какой-либо изъ императоровъ терпѣлъ пораженіе со стороны Болгаръ, или Готовъ, или постыдно, цѣною золота покупалъ перемиріе на нѣсколько лѣтъ, или уступалъ какой-либо обрывокъ своей территоріи, безпрестанно уменьшавшейся, онъ возвращался въ Константинополь, облачался въ тріумфальныя одежды, какъ Сципіонъ или Марій, а цѣлая армія скомороховъ, выходя къ нему на встрѣчу, распѣвала кантаты въ честь его.

Еврейско-республиканская литература на этомъ праздникѣ разумѣется хоромъ возславляла революцію.

„Эта литература потокомъ лжи, самохвальства и вздора прольется чрезъ весь 1889 годъ, предсказывалъ Дрюмонъ. Будутъ повторять на всѣ лады, что Франція св. Людовика, Генриха IV и Людовика XIV была дикой страной, и что нужно было пролить на нее всю кровь съ эшафотовъ террора, чтобы ее просвѣтить. Въ умственномъ отношеніи это столѣтіе оставитъ въ наслѣдство будущему неоцѣнимые документы относительно времени велерѣчиваго и богохульнаго безумія, которое переживаютъ нѣкоторые народы прежде, чѣмъ исчезнуть. Со своей фатальной наружностью, Карно самый подходящій человѣкъ для этого положенія; онъ именно человѣкъ похоронъ, погребальной помпы; онъ похоронитъ революціонную Францію, завернутую въ эту особенную карнотскую фразеологію словно въ старую дырявую простыню. Пруссаки будутъ находиться уже въ Шалонѣ, а въ воздухѣ все еще будетъ носиться отголосокъ этихъ громкихъ и пустыхъ рѣчей: „Геджра свободы, новый Синай, возрожденіе человѣчества, братство народовъ, мирная борьба труда, Франція—маякъ міра“.

„Мы тихо угасаемъ, говоритъ Дрюмонъ далѣе, въ комнатѣ, изъ которой мало-по-малу вынесена вся мебель, равно какъ все цѣнное, все серебро, всѣ реликвіи прошедшаго, все, что говорило

душѣ, все, что напоминало о жизни предковъ. Ротшальдъ началъ съ опустошенія сундуковъ, Герольдъ сорвалъ распятіе, Жидамъ Вандергейму и Блоку поручено было, по почину Локруа, продать коронные брилліанты."

Изслѣдованію всѣхъ обстоятельствъ, какимъ образомъ Франція дошла до такого позорнаго разложенія и рабства, посвященъ трудъ Дрюмона. Вотъ въ какихъ чертахъ рисуется въ настоящую минуту когда-то гордая и славная французская аристократія.

„Общественные классы не воскресаютъ, — съ этою очевидностью соціологъ долженъ считаться; они умираютъ по законамъ своего развитія. „Аристократія, сказалъ Шатобріанъ, проходитъ чрезъ три фазы: чрезъ фазу службы, фазу привилегій и фазу тщеславія". Высшіе классы въ 1889 году находятся въ подобномъ же положеніи, какъ и въ 1789 г.; фаза тщеславія кончилась такъ же, какъ въ 1789 г. кончилась фаза привилегій.

„Прибавилось еще религіозное преслѣдованіе, и декреты вынудили свѣтскихъ людей сохранять въ теченіе нѣкотораго времени видъ жертвъ Деоклетіана. Они испытали на себѣ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, вліяніе стольких краснорѣчивыхъ страницъ объ обязанностяхъ привилегированныхъ классовъ. Теперь они совсѣмъ распустились и съ веселою улыбкой, которая идетъ къ этимъ красивымъ дамамъ и изящнымъ молодымъ людямъ лучше, нежели прежній, притворно-опечаленный видъ, они говорятъ: „Будетъ съ насъ вашихъ тирадъ о подъемѣ Франціи и о нашихъ общественныхъ обязанностяхъ! Графъ Шамборъ умеръ, его схоронили; графъ Парижскій нисколько не интересуетъ насъ, мы ему не желаемъ ни зла, ни добра. Если будетъ коммуна, мы постараемся во время убраться, собрать нѣкоторыя деньги и унести свои брилліанты. Мы желаемъ одного только: развлекаться, исполнять предъ нашими дочерьми „La visite de Noces", одѣваться, танцовать и любить."

Разумѣется, что разъ возобладало подобное настроеніе, разложеніе пошло быстро. Евреи, разбогатѣвшіе до баснословныхъ размѣровъ, ввели роскошь, передъ которой померкло даже мотовство Наполеоновскаго двора. Аристократія, волей-неволей принужденная тянуться за банкирами, почувствовала ограниченность средствъ; пришлось искать и добывать деньги всякими путями. Еще немного, и деньги стали всѣмъ. Тѣ самые носители славныхъ историческихъ именъ, которые еще такъ недавно, при жизни графа Шамбора, хранили жалкіе остатки преж-

няго духа, нынѣ, безъ зазрѣнія совѣсти, наполняютъ салоны дамъ, мужья которыхъ проворовались на подрядахъ и публично заклеймены. Аристократическія дамы, имѣщія 25—30.000 годоваго дохода и расходующія 100—200.000 франковъ въ годъ, вынуждены искать богатыхъ стариковъ, пополняющихъ дефицитъ, при чемъ очень часто такими покровителями являются Евреи, какихъ-нибудь двадцать лѣтъ назадъ пѣшкомъ пришедшіе изъ Одессы или Познани и торговавшіе тряпьемъ на улицахъ.

Вотъ до какого поведенія дошла французская аристократія. Дрюмонъ приводитъ слѣдующій пикантный случай:

„Два года назадъ Парижъ съ изумленіемъ услышалъ о предстоящемъ бракѣ одной молодой аристократки съ богатымъ парижскимъ купцомъ, однимъ изъ тѣхъ, которымъ, по выраженію Вильсоновскихъ загонщиковъ дичи, „нельзя достать ордена и за 100.000 фр.“ (qui ne sont pas décorables meme pour 100 mille fcs). Все было уже рѣшено, и газеты возвѣстили о предстоящемъ бракѣ, когда отецъ невѣсты испросилъ спѣшную аудіенцію у графа Парижскаго. Наступилъ назначенный день, и онъ явился къ претенденту съ мрачною и скорбною миной графа Нанжи изъ *Маріонъ де-л'Ормъ*. Недоставало лишь оруженосцевъ съ алебардами.

— Monseigneur, вамъ извѣстна преданность наша монархіи, но позвольте мнѣ сказать вамъ съ почтительной откровенностью: мнѣ пріятнѣе было бы, еслибы вы потребовали отъ меня не этого...

— Въ чемъ дѣло, объяснитесь?

— Да, государь, тяжелой жертвы требуете вы отъ насъ...

— Я васъ не понимаю...

— Состояніе, жизнь, все это ничего, но здѣсь затронута наша честь.

— Я приказываю, говорите прямо.

— Monseigneur, этотъ бракъ!..

— Какой бракъ?

— Бракъ моей дочери... Вы приказали передать мнѣ, что желаете этого союза для примиренія аристократіи съ крупною парижскою коммерціей.

— Я? Я ничего не велѣлъ передавать вамъ...

Недоразумѣніе разъяснилось. Богатый Еврей отослалъ къ одному изъ приближенныхъ графа Парижскаго уплаченный счетъ его жены, а приближенный не нашелъ лучшаго средства выра-

зить признательность за этотъ великодушный поступокъ, какъ припутать имя графа Парижскаго, чтобы склонить отца молодой дѣвушки къ этому браку.“

Если это можетъ дѣлаться въ непосредственной близости претендента на престолъ и если графъ Парижскій все-таки удержалъ при себѣ господина, совершившаго подобную гнусность, можно сдѣлать заключеніе о нравахъ нынѣшней французской аристократіи.

Теперь перейдемъ къ буржуазіи. Ея исторія складывается по Дрюмону изъ необычайныхъ жестокостей во время террора, гдѣ народъ оставался совсѣмъ въ сторонѣ, изъ захвата конфискованныхъ у эмигрантовъ имуществъ и основанія цѣлаго ряда полуаристократическихъ родовъ, изъ проповѣди чистаго либерализма и деспотической практики либеральнаго режима и наконецъ изъ страшнаго растлѣнія, внесеннаго ею во французскую жизнь. Никому иному, какъ буржуазіи обязана Франція своимъ нынѣшнимъ несчастнымъ положеніемъ:

„Въ дореволюціонную эпоху государство и Церковь регламентировали трудъ. Личность человѣка ограждалась отъ хищной эксплуатаціи рядомъ законовъ, стѣснявшихъ чрезмѣрное промышленное развитіе, ту *индустріализацію*, которая стала основной чертой нашего времени и привела народы къ рабству у капитала и машинъ.

„Буржуазія измѣнила все это, не считая себя связанною никакими нравственными обязательствами въ отношеніи къ тѣмъ, чьи силы она употребляла себѣ на пользу; она ввела трудъ безъ передышки, трудъ, не дающій человѣческому существу ни минуты на самоуглубленіе, на молитву, на размышленіе, и назвала это прогрессомъ, торжествомъ XIX вѣка, вѣнцомъ новой эры. Въ трудѣ христіанское общество нашло средство достигать небесъ, не слишкомъ страдая на землѣ; буржуазное общество обратило его въ средство отсылать человѣческія души прямо въ адъ“.

Вотъ какъ возражаетъ Дрюмонъ на избитое либеральное положеніе о благахъ промышленнаго прогресса въ странахъ сѣвера Европы, въ противоположность которому выставляется обыкновенно Испанія, коснѣющая въ невѣжествѣ, обремененная праздниками, мѣшающими развитію фабрикъ.

„Посмотрите на Испанца, прежде нежели заговорите съ нимъ, гордый видъ, смѣлый взглядъ; здоровый, красивый, онъ живетъ

полною и яркою жизнью, онъ молится, сочиняетъ пѣсни для своей возлюбленной, поетъ ихъ при свѣтѣ звѣздъ, пьетъ шоколадъ или чистую воду, мечтаетъ и работаетъ, насколько это требуется Божественнымъ закономъ. А взгляните теперь на ваше промышленное населеніе, посмотрите на Манчестеръ, на Ливерпуль, поглядите на эти подавленныя извращенныя, малокровныя, лимфатическія и огрубѣвшія существа, поддерживающія себя однимъ алкоголемъ. Войдите въ эти лачуги, гдѣ матери, отцы, братья и сестры живутъ въ самомъ позорномъ смѣшеніи, напиваются, спятъ рядомъ, какъ животныя. Вотъ что̀ вы прославляете какъ послѣднее слово прогресса".

Но обвиненія, падающія на буржуазію, еще болѣе тяжки. Она уничтожила больше человѣческихъ поколѣній, нежели прежніе завоеватели. Эти послѣдніе порабощали отдѣльныхъ лицъ, буржуазія бросила зародышъ смерти въ цѣлыя расы; менѣе нежели въ столѣтіе, ибо наибольшее развитіе промышленности началось только съ 1850 г., она поглотила всѣ запасы, оставленные старымъ строемъ. Монархія, послѣ тысячелѣтняго существованія, выразилась въ гигантскихъ войнахъ республики и имперіи, въ тѣхъ необыкновенныхъ людяхъ, которые не знали усталости, которые были закалены душой и тѣломъ. Царство буржуазіи, послѣ восьмидесяти лѣтъ привело къ переполненнымъ тюрьмамъ и госпиталямъ, къ безчисленнымъ самоубійствамъ, къ алкоголизму, который въ большихъ городахъ завоевываетъ все, къ страшному вырожденію физическому и нравственному у всѣхъ народовъ.

Вотъ одна изъ картинокъ чисто буржуазнаго нравственнаго кодекса:

„Молодой буржуа встрѣтилъ дѣвушку, которая ничего ему не стоила, которая отдала ему лучшіе годы своей жизни и которая ласкала его и чинила ему бѣлье, пока онъ учился; потомъ онъ распростился съ нею и сдѣлался адвокатомъ, нотаріусомъ, судьею. Онъ держалъ себя очень важно въ преторіи роднаго города, лѣтомъ дышалъ свѣжимъ воздухомъ близъ маленькой рѣчки на террасѣ, зимою грѣлся у камина, играя въ вистъ. Дѣвушка же спускалась все ниже, валялась въ грязи и снискивала себѣ пропитаніе, оставаясь подъ снѣгомъ, ловя прохожихъ среди ужасовъ Парижскихъ улицъ. И онъ же, видя ее при свѣтѣ газоваго рожка старою и безобразною, отходитъ съ презрительною бранью. Какая буржуазная мать станетъ осуждать сына за такой поступокъ; какая изъ нихъ подумаетъ, что несчастная, покинутая ея сы-

номъ, такая же женщина, какъ и она? Народъ находитъ все это вполнѣ естественнымъ, какъ естественнымъ ему казалось дѣлать революціи, чтобы буржуа стали министрами; онъ обожаетъ студента, кутящаго съ прачкой или цвѣточницей и распѣвающаго жалобные романсы, сочиненные о немъ разными Надо и Мюрже".

Въ концѣ-концовъ буржуазія, съ ея либеральными принципами, работаетъ исключительно въ пользу Еврея.

„Еврей спрятался подъ одинъ зонтикъ съ буржуа, подъ принципы 89 года; онъ сослался на тѣ же теоріи, на которыхъ играла буржуазія и волей-неволей его приходится терпѣть. Въ сущности буржуазія трудилась для него, или вѣрнѣе, для него заставляла работать другихъ. Лисица ждетъ, пока цыплята выростутъ, и тогда ихъ пожираетъ; Еврей ждалъ, чтобы кладъ накопился и затѣмъ унесъ его мягко, съ улыбкой. Евреи не нуждаются въ сложномъ производствѣ; ихъ профессія совершается съ тросточкой въ рукахъ: бумага съ виньетками, горшокъ съ клейстеромъ для наклейки афишъ, вотъ и все. При помощи одного объявленія въ родѣ того, которое воспѣвало Гондурасскія акціи, разные Бишофлеймы, Шрейеры и Дрейфусы уносятъ восемьдесятъ милліоновъ французскихъ сбереженій".

„Нѣтъ производства, которое давало бы подобное вознагражденіе. Самые ловкіе промышленники тщетно уменьшали заработную плату, увеличивали рабочее время, доводили своихъ рабочихъ до полнаго истощенія,—имъ не удавалось производить столько нитей, столько рельсовъ, или столько головъ сахару, чтобы получать въ годъ подобныя суммы. Буржуазія, эксплуатирующая народъ и въ свою очередь эксплуатируемая Евреемъ,—таковъ выводъ экономической исторіи нынѣшняго вѣка. Весь этотъ громадный расходъ дѣятельности, силы, ума, это бѣшеное производство, эти человѣческія существа, кидаемыя въ горнило, этотъ огонь, пылающій на фабрикахъ день и ночь, эти трубы, неустающія выбрасывать дымъ свой до высоты небесъ, все это привело къ тому, что княжескіе зáмки и превосходныя охоты перешли въ руки босой команды, пришедшей съ Judengasse, изъ Германіи.

Результатъ таковъ. Въ послѣднее время буржуазія раздѣлилась на двѣ группы. Первая цѣликомъ примкнула къ еврейству и богатѣетъ посредствомъ спекуляцій.

„Буржуазія, принявъ еврейскую систему, сама принялась за спекуляціи и создала состоянія, которыя хотя и не сравнятся съ еврейскими, все же составляютъ порядочные куши; съ этого

момента она уже принадлежитъ той странной аристократіи, тому маскарадному дворянству, въ которое входятъ прежніе музыканты, какимъ былъ герцогъ Кампо Селисъ, или настоящіе князья, ставшіе декораторами и организаторами праздниковъ, какъ князь Саганъ; въ которое входятъ древніе французскіе герцоги, авантюристы всѣхъ странъ, торговцы невольниками, германскія горшечницы, украсившія себя коронами и нитями жемчуга, и множество финансистовъ, болѣе или менѣе подозрительныхъ, грубыхъ, какъ животныя, но называемыхъ баронами."

Другая часть буржуазіи, наиболѣе заслуженная, наиболѣе французская, сама трудившаяся, скоро обратится въ пролетаріатъ. Куріалы послѣднихъ временъ Римской имперіи предпочитали отказываться отъ званія собственниковъ, нежели платить подати, налагаемыя городами. Маленькіе фабриканты, задавленные патентами, налогами, всякаго рода сборами, не имѣя силъ бороться съ соединенными капиталами, охотнѣе распускаютъ своихъ немногочисленныхъ рабочихъ и отказываются отъ своей власти надъ ними, которая нѣкогда была ихъ гордостью. Ничего не подѣлаешь! Вся декламація, наполнившая это столѣтіе, привела на дѣлѣ къ возвращенію первобытныхъ нравовъ, гдѣ слабый безпощадно затаптывается сильнымъ. „Нынѣ, прекрасно говоритъ Лавеле въ своемъ *Современномъ соціализмѣ*, когда пали преграды, защищавшія слабыхъ и бѣдныхъ, дарвиновскій законъ „борьбы за существованіе" безгранично господствуетъ въ экономической средѣ. Самый сильный одерживаетъ верхъ, а самый сильный есть самый богатый".

Этотъ законъ безпощаденъ: еврейскій потокъ растетъ безпрестанно, и всякій Французъ, обладающій здравымъ смысломъ и сознающій, гдѣ врагъ, долженъ стушевываться предъ нимъ. Можетъ ли быть иначе, когда полиція, судъ, власти всѣхъ видовъ, вліяніе во всѣхъ манифестаціяхъ,—все принадлежитъ нѣмецкому Еврею?

Теперь наступаетъ конецъ и царству буржуазіи. Народъ разоренъ, обобранъ, налоги доведены до колоссальныхъ размѣровъ. Франція, говоритъ Дрюмонъ, унижена нравственно, вычеркнута изъ списка великихъ державъ. Дальше такъ продолжаться не можетъ, и первая реакція уже выразилась въ видѣ буланжизма.

„Послѣднею крѣпостью буржуазіи остается правительство и палата. Они тутъ всѣ—своя семья, съ головы до ногъ все буржуа. Монархисты охотно подчиняются республикѣ, подъ условіемъ,

чтобы за ними остались ихъ имущества; республиканцы охотно допускаютъ вступленіе на престолъ Орлеановъ, подъ условіемъ, чтобы за ними остались ихъ мѣста. Они обмѣниваются всѣми этими мыслями въ корридорахъ, въ самыхъ откровенныхъ разговорахъ и возвращаются въ засѣданіе, чтобы дѣлать видъ, будто борятся, и все это для забавы народа, для того, чтобъ онъ забылъ, что умираетъ съ голоду. У буржуазіи осталось одно только существо, которое можно безопасно эксплуатировать, ибо оно поправляетъ свои дѣла насчетъ плательщиковъ податей. Это существо — государство; предметомъ же служатъ государственныя должности, депутатскія полномочія, судебное мѣсто съ посторонними доходами, продажа голоса, вліянія и т. п. И изъ этого составляется образъ правленія, и всегда онъ одинаковъ, называется ли оппортунизмомъ, или радикализмомъ; онъ представляетъ изъ себя административную и парламентскую республику, дойную корову для буржуазіи, и буржуазія его придерживается твердо.“

Картина отношеній, установившихся въ буржуазномъ правительствѣ третьей республики, по истинѣ поразительна. Мы едва можемъ даже приблизительно составить себѣ понятіе о томъ страшномъ грабежѣ народнаго и государственнаго достоянія, о той возмутительной торговлѣ честью и благомъ Франціи, которыя практиковались при Греви, практикуются при Карно и будутъ практиковаться при всѣхъ правительствахъ, вплоть до того момента, когда Франція или окончательно погибнетъ, или найдетъ какой-нибудь выходъ изъ нынѣшняго парламентарно-буржуазнаго режима.

Я возьму на выдержку нѣсколько характерныхъ эпизодовъ, приводимыхъ Дрюмономъ. Вотъ что̀ онъ говоритъ о составленіи государственной ро̀списи:

„Говорили, что впредь нація будетъ контролировать свои расходы; это чистѣйшая ложь. Въ сущности прежде существовалъ дѣйствительно нѣкоторый контроль, а теперь нѣтъ никакого. Тѣ, кто дѣлаютъ видъ, что контролируютъ, въ сущности только крадутъ тѣ деньги, которыя имъ уплачиваются за исполненіе обязанностей, на самомъ дѣлѣ неисполняемыхъ. Въ 1882 г. сенатъ вотировалъ бюджетъ въ 16 дней, въ 1883 въ 18, въ 1884 въ 11. Какими бы способностями ни надѣлила васъ природа, я положительно оспариваю возможность познакомиться въ такой краткій срокъ съ бюджетомъ въ три милліарда. А вотъ каковъ контроль надъ исполненіемъ бюджета:

„Существуетъ учрежденіе, именуемое Государственнымъ Контролемъ; отъ времени до времени оно высказывается о счетныхъ дѣлахъ, относящихся къ отдаленнымъ временамъ. Законъ объ исполненіи росписей 1872, 1873 и 1874 гг., говоритъ Штурмъ въ *Economiste Français*, былъ представленъ только въ 1885 г. Эти старые бюджеты прошли предъ парламентомъ инкогнито среди проектовъ мѣстнаго значенія. Послѣдній бюджетъ, контроль надъ которымъ былъ законченъ, относится къ 1875 году; утвержденъ онъ окончательно только 21 іюля 1887 г.; всѣ послѣдующіе еще ждутъ своей очереди. Такимъ образомъ скопилось бюджетовъ почти за десять лѣтъ. На такомъ разстояніи законодательный контроль расплывается въ забвеніи. И къ чему служитъ этотъ обманъ? Если даже допустить, что отчетность будетъ просматриваться съ меньшей медленностью, Государственный Контроль все же не имѣетъ средствъ дѣйствительно вести контроль; онъ просматриваетъ только бумаги, а бумаги на три четверти всегда лживы. Никогда ни одинъ докладчикъ не ступалъ ногой ни въ одинъ арсеналъ; поэтому все, что онъ сообщаетъ о состояніи магазиновъ и поставкахъ туда, въ общемъ—ложь и обманъ.

„Выставка 1878 года, отчетъ Государственнаго Контроля о которой былъ опубликованъ только въ іюлѣ 1888 года, то-есть десять лѣтъ спустя, была настоящей эпопеей грабежа. Государственный Контроль не могъ получить ни инвентарей, ни оправдательныхъ документовъ по расходнымъ статьямъ, и его отчетъ представляетъ одно лишь голое перечисленіе невозможностей что-либо провѣрить.

„Но что изъ этого? Это не мѣшаетъ брату адмирала Кранца быть причисленнымъ къ Почетному Легіону и восхваляться всѣми журналами, даже консервативными. Это не мѣшаетъ комиссарамъ и подкомиссарамъ, воровавшимъ или позволявшимъ воровать, быть украшенными орденами наравнѣ съ Евреями, которые были поставщиками. Это не мѣшаетъ организаторамъ выставки 1889 года воровать, въ свою очередь, если война не разсѣетъ всего этого сброда. Что можетъ значить для людей, ворующихъ нынче, если чрезъ десять лѣтъ откроется, что отчеты ихъ подложны? Въ странѣ, управляемой неограниченно, можно представить себѣ монарха, который, страдая зубами и безсонницей и усмотрѣвъ случайно на столѣ подобный отчетъ, скажетъ: „завтра же отдать подъ судъ этихъ господъ, ограбившихъ государство“. Можно представить себѣ также дервиша, который въ пят-

ницу, на пути къ мечети, останавливаетъ правителя правовѣрныхъ, чтобы донести на какого-либо чиновника, а султанъ тутъ же подвергаетъ виновнаго пашу или бея разжалованію. Но ничего подобнаго не можетъ быть во Франціи! Расходы по печатанію такого доклада въ *Journal Oficiel* присоединятся къ расходамъ на бумагу, уже употребленную на самое дѣло, и на этомъ все кончится... Vana vanis".

Вотъ еще характерный фактъ, далеко оставляющій за собою всевозможныя наши исторіи съ подъемными и прогонными деньгами.

„Перемѣщеніе одного административнаго чиновника обошлось казнѣ, въ видѣ однихъ путевыхъ издержекъ, 48 т. фр.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ расходы по путешествію одного колоніальнаго комиссара обошлись еще дороже, именно 80.000 франковъ. Этотъ чиновникъ получилъ отпускъ для поправленія здоровья и прибылъ во Францію съ семьей въ восемь или десять человѣкъ. По истеченіи отпуска, этотъ администраторъ отправился чрезъ Соединенные Штаты въ Таити, конечно, въ сопровожденіи своихъ. Только-что прибылъ онъ въ Таити, ему даютъ повышеніе и назначаютъ въ Кохинхину. Онъ отправляется со своими домочадцами чрезъ Тихій океанъ, Сѣверную Америку, Атлантическій океанъ въ Гавръ, отдыхаетъ во Франціи и наконецъ изъ Марселя, на пароходѣ, отправляется въ Индо-Китай, къ мѣсту назначенія. Годъ пути и 80.000 фр. стоили странствованія этого скромнаго чиновника. Это все истина, но у насъ стараются ее заглушить, и Франція спокойно засыпаетъ, убѣжденная бумажными доводами, что у ней безподобный флотъ, страшная армія, полные арсеналы и магазины, набитые до потолка".

Таковы логическія послѣдствія буржуазно-либеральной программы, выросшей на почвѣ революціи. Совершенно понятнымъ является слѣдующій вопль Дрюмона:

„Для историка это лишь курьезная сторона, но прибавимъ, и логическое послѣдствіе революціи; сатанински она зародилась, сатанинскою и осталась; сатана, по Писанію, есть отецъ лжи и человѣкоубійца. Общество, вышедшее изъ революціи, пожирается ложью, какъ Сулла былъ съѣденъ насѣкомыми, лживое, оно вмѣстѣ съ тѣмъ и смертоносно; оно убиваетъ, оно мѣшаетъ всякому жизненному зерну развиваться близъ него. Заключительной сценой нашей эпохи будетъ разрушеніе этой лжи: все сразу

повалится одно за другимъ, всѣ эти фасады, весь этотъ лакъ, всѣ эти декораціи, скрывающія истину".

Любопытенъ тотъ психологическій фактъ, что въ средѣ парламента, изъ кого бы онъ ни состоялъ, какія бы свѣжія силы въ немъ ни появлялись, не раздается и не можетъ раздаться протеста противъ этихъ ужасающихъ явленій. Самый свѣжій человѣкъ, попадающій въ эту среду, плыветъ по теченію, входитъ всѣмъ своимъ существомъ въ мнимые интересы той или иной политической группы и начинаетъ жить совершенно особою жизнью. Таковъ уже самый воздухъ, самая почва парламентаризма. Лѣвая республиканская сторона, составляя большинство, не склонна ни къ чему иному, кромѣ сохраненія захваченной власти. Правая, состоящая изъ монархистовъ всѣхъ оттѣнковъ и клерикаловъ, казалось бы, могла оказывать сильное сопротивленіе, но увы! она сплошь занята мелкими интригами и компромиссами въ цѣляхъ исключительно партійныхъ. Въ результатѣ получается то, что парламентъ живетъ своей особой жизнью, ничего общаго не имѣющей съ реальной жизнью народа, и основною чертой этой искусственной жизни является необычайная трусость предъ всякимъ громко сказаннымъ словомъ, предъ всякимъ энергическимъ движеніемъ, какое-то всеобщее оподленіе, совершенно парализующее здоровую народную и государственную жизнь. А между тѣмъ, парламентъ монополизовалъ всю умственную жизнь и все нравственное чувство страны. Онъ является единственнымъ компактнымъ тѣломъ, онъ одинъ представляетъ Францію.

„Истинное несчастіе состоитъ въ томъ, говоритъ Дрюмонъ, что наша бѣдная Франція не можетъ уже думать сама за себя; она какъ бумажный змѣй: ей даютъ подняться, потомъ тянутъ за нитку назадъ, и она спускается. Нѣтъ болѣе Французскаго народа! Да и не можетъ существовать народъ безъ народнаго самосознанія, безъ твердыхъ учрежденій, безъ традицій; есть только личности, отдѣльные Французы, общество разбитое на атомы, по выраженію Ивана де Шимони; они носятся въ воздухѣ, какъ пыль; порывъ вѣтра ихъ подымаетъ, они несутся надъ землею; пойдетъ дождь и они обратятся въ липкую грязь. Французы не знаютъ даже, желаютъ они войны, или мира; все зависитъ отъ минутнаго теченія мыслей, настраиваемыхъ печатью то въ томъ. то въ другомъ направленіи. Годъ назадъ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ Берлинѣ лозунгомъ была война; биржа дала толчекъ, и весь міръ теперь преданъ миру; чрезъ мѣсяцъ, можетъ-быть, опять обра-

тятся къ войнѣ. На нашихъ глазахъ происходятъ цѣлые заговоры журналистики, и никто ихъ не замѣчаетъ. Благодаря нашимъ журналамъ, Французы переходятъ отъ самаго грубаго бахвальства къ самому невѣроятному равнодушію.“

Я коснусь ниже положенія печати, но теперь слѣдуетъ замѣтить, что эта трусость и оподленіе, исходя изъ среды парламента, даютъ общую окраску всему обществу и составляютъ его отличительную черту въ настоящую минуту. Это общество, устраивавшее въ такомъ изобиліи всякія революціи и перевороты, теперь ни къ чему болѣе не способно.

„Въ Парижѣ, говоритъ Дрюмонъ, не только не найдется сотни людей, готовыхъ для родины или идеи рискнуть головой, не найдется много даже такихъ, которые отложили бы для этого свой завтракъ. Вотъ почему общество, ежедневно волнуемое, возмущаемое и успокаиваемое печатью, мирится рѣшительно со всѣмъ, въ увѣренности, что завтра все будетъ обстоятельно изложено въ газетахъ за два су, а, слѣдовательно, сегодня нѣтъ никакого повода строить баррикады.“

Въ такомъ положеніи естественно, что серьезные мыслители ломаютъ головы, ища выхода и испытующимъ взоромъ вглядываются во всѣхъ, кому судьба создала хоть нѣсколько властное положеніе. Такими людьми являлись во Франціи, въ моментъ выхода разбираемой нами книги, два человѣка: графъ Филиппъ Парижскій и генералъ Буланже. Дрюмонъ подробно разбираетъ условія дѣятельности и личныя свойства того и другаго.

„Недостатокъ графа Парижскаго, совершенно уничтожающій всѣ его усилія,—тотъ, что возстановить положеніе и принципы старой, легитимной монархіи онъ *не можетъ* и не хочетъ, измѣнять же названіе республики на названіе монархіи, основанной на тѣхъ же буржуазныхъ принципахъ и дѣлающихъ буквально то же, что и нынѣшняя республика, рѣшительно не стóитъ. Завтра воцаряется Филиппъ VII, и все остается въ томъ же видѣ.

„Графъ Парижскій, если паче чаянія, станетъ королемъ, не распуститъ арміи чиновниковъ, пожирающихъ Францію; самое бóльшее, если онъ уволитъ нѣкоторыхъ, и это создастъ лишь новый классъ пенсіонеровъ. Были прежде пенсіонеры имперіи, потомъ пенсіонеры умѣренной республики, называемой консервативною, теперь будутъ пенсіонеры красной республики. Въ 1871 году было на пенсіи 45.000 чиновниковъ, и это стоило

30 милліоновъ въ годъ. Въ 1886 году ихъ было 80.000, и расходъ на нихъ достигъ 59 милліоновъ круглою цифрой. Жалованье же служащимъ достигло съ 307 милліоновъ до 460 милліоновъ въ годъ, то-есть увеличивалось на 53 милліона въ годъ. Государство кормило прежде 500.000 чиновниковъ, теперь 900.000. При намѣреніи графа Парижскаго не нарушить ни одного пріобрѣтеннаго права, намѣреніи, впрочемъ, естественномъ въ тѣхъ, кто боролся съ республикой въ надеждѣ получить вознагражденіе за прошлое, у насъ будетъ уже не 900.000 чиновниковъ, а 1.200.000. Они будутъ дѣлать то же, что и нынѣшніе 900.000; они будутъ насъ разорять, не обогащаясь сами; они всѣ будутъ бѣдны, всѣ дадутъ сыновей, которыхъ Францiя обязана воспитывать на свой счетъ и которые, выходя изъ училищъ, будутъ работать для революціи, ибо только она можетъ удовлетворить ихъ аппетиты. Графу Парижскому, какъ и республикѣ, трудно будетъ справиться съ этимъ ненормальнымъ положеніемъ. И затѣмъ, что̀ обѣщаетъ еще царствованіе Филиппа VII? Продолженіе нынѣшняго еврейскаго режима, ибо вся Францiя знаетъ съ какою предупредительностью относится претендентъ къ Евреямъ и какъ тонко и умно защищаетъ онъ либеральные принципы, тотъ зонтикъ, подъ который вмѣстѣ съ буржуазіей спрятался и Еврей."

Со смертью графа Шамбора потерялась всякая надежда на возстановленіе монархіи по божественному праву. Въ консервативномъ лагерѣ воцарилась такая же ложь, фальшь и лицемѣріе, какъ и въ лагерѣ республиканцевъ.

Монархисты идутъ машинально по инерціи впередъ, не вѣря ни одной минуты въ свое дѣло. Они спорятъ на трибунѣ палаты, чтобы только спорить. И тутъ же возможны такіе факты, какъ унизительные хлопоты герцога Омальскаго предъ какимъ-нибудь Флоке, чтобы выторговать право возвращенія во Францію...

Весьма серьезною силой, по мнѣнію Дрюмона, выступилъ генералъ Буланже. Вотъ что̀ о немъ говорится:

„Изо всѣхъ претендентовъ наиболѣе шансовъ имѣетъ Буланже. У меня много есть замѣтокъ о немъ, и замѣтокъ разнообразныхъ; но къ чему заранѣе спорить о человѣкѣ, который очевидно намѣченъ судьбой для совершенія великаго зла или великаго добра? У него есть выборъ: отъ него зависитъ быть очень великимъ или очень жалкимъ; онъ самъ себѣ хозяинъ, какъ говорятъ, и я полагаю, что самый вѣрный путь избрали наши свя-

щенники, служившіе молебствія о томъ, чтобы Господь его просвѣтилъ. Можно ли найти болѣе величественную роль, нежели его? Чтобы быть великимъ, не нужно быть геніемъ; достаточно твердо рѣшить про себя: „Я не буду негодяемъ! Измѣнники, управляющіе нами, размѣстили повсюду нѣмецкихъ или натурализованныхъ Евреевъ, которые предадутъ насъ во время войны. Я окружу себя Французами, происхожденіе которыхъ будетъ тщательно провѣрено. Господа, стоящіе у власти, поняли, что предъ Европой, которая почти вся соединилась противъ насъ, единственнымъ нашимъ шансомъ существованія остается единство; они и употребили всѣ средства, всѣ свои законы, всѣ свои газеты на то, чтобъ организовать у насъ междоусобную войну; они постарались разъединить всѣхъ Французовъ подъ предлогомъ, что есть люди, ходящіе къ обѣднѣ и не ходящіе; я же постараюсь установить согласіе; я никого не буду преслѣдовать; всѣхъ оставлю свободными...“ Пускай генералъ скажетъ: „Я буду у власти честнымъ человѣкомъ!“ Пускай придерживается этой мысли, и все пойдетъ хорошо. Онъ болѣе популяренъ, нежели самъ думаетъ; въ немъ воплощено всеобщее отвращеніе къ парламенту, полному грязи. Пронесся слухъ, что онъ выкинетъ палату за дверь, а этого достаточно для того, чтобы крестьяне почувствовали благодарность къ генералу, какъ будто дѣло уже совершено.“

Но увы! Генералу Буланже не суждено было спасти Францію. Самъ идеалистъ и, безспорно, честный человѣкъ, онъ потонулъ въ помойной ямѣ всеобщаго разложенія. Онъ не могъ отрѣшиться отъ такихъ страшныхъ союзниковъ, какъ Клемансо, а тотъ посадилъ къ нему въ качествѣ alter ego своего тайнаго хозяина и покровителя, пресловутаго Корнелія Герца. Буланже слишкомъ поздно спохватился, что составленная имъ вокругъ себя свита безпощадно его грязнила и погубила его популярность.

Дрюмонъ задаетъ вопросъ: за какія заслуги г. Корнелій Герцъ получилъ не простой орденъ Почетнаго Легіона и не его командорскій крестъ, а степень Grand Officier, то-есть нѣчто въ родѣ нашего Георгія 1-й степени, или Андрея Первозваннаго.

Вотъ что онъ разказываетъ:

„Когда вы поставите этотъ вопросъ, всѣ Рошфоры, Майеры и Маре обращаются въ бѣгство и зашиваютъ рты.

„— Что съ вами, господа? Куда вы бѣжите Ужь вы не хотите разговаривать съ товарищемъ? А ваше негодованіе, только-что высказанное (по поводу Вильсоновской торговли орденами)?

„Но у этихъ господъ ничего не вытащишь, кромѣ неопредѣленныхъ восклицаній въ два слога: „Виль-сонъ“, и никогда не въ три: „Кле-ман-со.“

„А между тѣмъ для господъ, взявшихъ на откупъ общественную нравственность и извлекающихъ изъ нея десятки тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода, казалось бы, не безразлично: за что господинъ Корнелій Герцъ получилъ титулъ Grand Officier, создающій особыя привилегіи для французскаго гражданина, напримѣръ, право быть допрашиваемымъ только прокуроромъ верховнаго суда, право гражданской неприкосновенности, и пр., и пр.“

И Дрюмонъ своимъ прекраснымъ, яркимъ и острымъ какъ сталь языкомъ разсказываетъ біографію Герца и его отношенія къ Клемансо и покойному Буланже. Этотъ разсказъ въ 1889 году казался возмутительною инсинуаціей, теперь это неумолимая исторія.

Корнелій Герцъ—баварскій Еврей, родившійся въ 1845 году въ Парижѣ. Карьера его: сначала мальчикъ *potard* въ аптекѣ, гдѣ его обязанностью было мыть стклянки и собаку хозяина. Затѣмъ провизорскій ученикъ, выгнанный за неспособность. Война: полевой фельдшеръ. Послѣ войны: отъѣздъ въ Америку. Самозванное докторство въ Санъ-Франциско. Безстыднѣйшая реклама, участіе въ темныхъ дѣлахъ. Содержаніе грязнаго театра, банкротство, бѣгство въ Нью-Йоркъ съ двумя милліонами долларовъ долга. Возвращеніе во Францію, гдѣ разложеніе подвинулось уже такъ далеко, что „трупный запахъ, по мѣткому выраженію Дрюмона слышался даже за океаномъ“.

Во Франціи вдругъ Корнелій Герцъ получаетъ огромныя средства, начинаетъ подкупать газеты, содержать избирательные комитеты, раздавать ордена и оказывать такія услуги государству, что становится неразлучнымъ съ Клемансо и Буланже, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ всегда сердечный пріемъ у Фрейсине.

Съ Клемансо составляется настоящій разбойничій договоръ. Обирается на три милліона нѣкій Додерни—и затѣмъ умираетъ, обирается одинъ американскій банкъ на Avenue de L'Opéra. Газеты молчатъ, власти не возбуждаютъ преслѣдованія.

„Въ министерствованіе Буланже, говоритъ Дрюмонъ, Корнелій Герцъ былъ полновластнымъ распорядителемъ военнаго вѣдомства. Это былъ уполномоченный, alter ego Клемансо, и это до нѣкоторой степени смягчаетъ вину генерала. Вотъ образецъ существовавшихъ отношеній.

„Въ клерикальномъ *Monde* появляется статья, компрометиру-

ющая Герца. На другой день въ редакцію являются *командированные по службѣ* начальникъ инженернаго вѣдомства, генералъ Ришаръ (умершій нынѣ) и подполковникъ Пенье, товарищъ начальника кабинета министра. Они заявляютъ:

„Мы не друзья г. Герца. Мы посланы отъ имени военнаго министра, который ручается вполнѣ за этого человѣка."

„Редакція перестаетъ печатать продолженіе статьи и помѣщаетъ извинительную замѣтку".

Дрюмонъ утверждаетъ, что Герцъ состоялъ во главѣ нѣмецкихъ шпіоновъ, а Клемансо былъ у него по-просту на содержаніи. Задача Герца была двойная: на нѣмецкія деньги укрѣпиться и путемъ интригъ создать себѣ во Франціи неуязвимость. Затѣмъ, пользуясь этою неуязвимостью, обирать Францію, при пособничествѣ завлекаемыхъ имъ и подкупаемыхъ дѣятелей въ родѣ Клемансо. Дѣло зашло такъ далеко и было ведено такъ ловко, что все время республиканскій лагерь не смѣлъ заикнуться о Корнеліи Герцѣ.

Подкупъ Клемансо былъ оформленъ участіемъ Герца въ изданіи *Justice*; за половину акцій ничтожнаго листка съ тиражемъ въ 2.000 экземпляровъ Герцъ далъ полмилліона франковъ. Затѣмъ, Клемансо „выкупилъ" эти акціи обратно и торжественно заявилъ, что онъ „никогда не рекомендовалъ Герца и не говорилъ въ его пользу ни одного слова".

Пророчество Дрюмона исполнилось. Для Франціи Буланже, окруженный Герцами, Клемансо, Рейнаками, Лагеррами, Делаге и пр. и пр., оказался также мало симпатиченъ, какъ и тѣ, кому онъ объявилъ войну. Вмѣсто дѣла очищенія Франціи, получилась частная ссора въ средѣ правящаго класса, и несчастный генералъ кончилъ самоубійствомъ въ изгнаніи.

* * *

Матеріалъ, представляемый книгою Дрюмона, такъ обширенъ и разносторонень, что мнѣ приходится, чтобы дать по возможности полную картину современнаго момента французской жизни, сжимать мое изложеніе и становиться почти голословнымъ.

Остается еще упомянуть о соціалистахъ и ихъ роли въ общественномъ процессѣ и затѣмъ коснуться положенія печати.

Совершенно новый взглядъ на соціализмъ, его происхожденіе и исторію даетъ въ своей книгѣ Дрюмонъ.

Вотъ въ короткихъ словахъ этотъ взглядъ.

Революція ниспровергла старый порядокъ вещей. Этимъ воспользовалась буржуазія, чтобы обогатиться и создать свое царство. Народъ остался такимъ же голоднымъ, какимъ и былъ. Вслѣдъ за великими войнами Наполеона наступаетъ успокоеніе и затѣмъ въ тридцатыхъ годахъ развивается широкое промышленное движеніе. Къ этому же времени относится возникновеніе соціализма и какъ ученія, и какъ нѣкотораго слабаго политическаго движенія, съ явно-христіанскимъ характеромъ. Первые учители соціализма протестовали противъ несправедливаго распредѣленія богатства, въ связи съ неправильною организацiей труда, постепенно низводившей въ рабство трудящійся классъ и создававшей колоссальныя состоянія единицамъ. Случилось бы совсѣмъ иное, еслибы духовенство стало съ самаго начала во главѣ соціальнаго движенія, что̀ оно должно было сдѣлать, ибо самый ясный и вѣрный взглядъ на трудъ, богатство и общество, взглядъ, способный примярить все и всѣхъ, дается Церковью Но французское духовенство не стояло тогда на высотѣ своей задачи. Оно поклонялось буржуазіи, уходившей въ дикій атеизмъ, оно само почти позабыло всѣ христіанскія начала. Движеніе пошло своимъ путемъ, разойдясь съ ученіемъ Церкви. Былъ еще моментъ, когда Церковь и трудящіеся классы могли встрѣтиться вновь. Но французскій клиръ запѣлъ „Te Deum“ Наполеону III.

Отбросивъ высшее обязательное нравственное начало, оставшись на одной формальной логикѣ, соціализмъ заранѣе былъ осужденъ на безплодіе. Лучшіе умы Франціи ломали головы, чтобы *придумать*, *изобрѣсти* идеальный общественный строй, идеальное распредѣленіе заработка, идеальную организацію труда. Появилась Интернаціоналка. Начавъ со скромнаго, почти поэтическаго протеста, совершенно чуждаясь идеи о насиліи и крови, это движеніе кончилось коммуной. Но и здѣсь, во всѣхъ мерзостяхъ и жестокостяхъ послѣдней, выдающаяся роль принадлежала не народу, а именно буржуазіи. Она разстрѣливала, она жгла, она, спасаясь, хватала и выдавала Версалю рабочихъ. Дрюмонъ подробно анализируетъ безчинства коммуны и снимаетъ съ пролетаріата несправедливыя обвиненія.

Въ соціальномъ движеніи послѣднихъ дней замѣтною становится новая сила—соціализмъ католическій. Французское духовенство, преслѣдуемое либеральною и атеистическою буржуазіей, замкнулось въ себѣ и начало перерождаться. Оно возвратилось

къ чистой христіанской нравственности и начинаетъ понимать свое мѣсто и роль. Въ послѣднее время образовался цѣлый лагерь соціалистовъ-христіанъ, такъ же протестующихъ противъ нынѣшняго общественнаго строя, такъ же мечтающихъ о лучшемъ устройствѣ, но идущихъ подъ знаменемъ Церкви. Къ сожалѣнію, это движеніе не только запоздало, но у него нѣтъ притягательной силы для массы рабочихъ. Оно не даетъ никакого плана, практической работы и учитъ одному смиренію и перенесенію страданій.

Выдающеюся фигурой въ этомъ лагерѣ является графъ Альбертъ де-Мёнъ.

„Но на насъ лежитъ словно проклятіе, восклицаетъ Дрюмонъ. Вмѣсто того, чтобы при его громадномъ ораторскомъ и мыслительномъ талантѣ вызвать общественную бурю, сплотить вокругъ себя все, что еще живо и свѣжо во Франціи, вмѣсто того, чтобы нанести страшные удары республикѣ, Евреямъ и буржуазіи, этотъ рыцарь, храбрецъ и герой, поетъ псалмы и протестуетъ только протестуетъ и при томъ самымъ безцвѣтнымъ образомъ.“

И вотъ, соціализмъ остается одною страшною стихіей разрушенія. Онъ выражается въ глухую, непримиримую ненависть массъ къ своимъ угнетателямъ, онъ выражается только движеніями отчаянія и злобы и только ускоряетъ процессъ разложенія современнаго общества.

Мнѣ остается коснуться положенія печати во Франціи. Ея роль во всеобщемъ оподленіи и разложеніи особенно замѣтна. Не характерный ли признакъ времени, въ самомъ дѣлѣ, не лучшее ли доказательство безсилія и разложенія нынѣшняго либерально-буржуазнаго строя то обстоятельство, что среди множества французскихъ газетъ не находится ни одной, которая, пользуясь огромной свободой печати, рѣшилась бы говорить все, всю правду, внѣ партійныхъ условностей и дисциплины, заставляющей нынѣ всю французскую печать поголовно замалчивать извѣстное явленіе, прикидываться ничего не видящей и не понимающей.

И здѣсь существуетъ цѣлая система, идеальная организація лжи, разврата и обмана. Существованіе независимой газеты является безусловно невозможнымъ. Дрюмонъ приводитъ поразительные тому примѣры.

Начать съ того, говоритъ онъ, что ни одному изъ богатыхъ христіанъ не придетъ въ голову дать средства на основаніе со-

вершенно независимаго органа. Объ этомъ нечего и мечтать. Всякій съ удовольствіемъ броситъ 50—100.000 франковъ на любую еврейскую спекуляцію и не дастъ на газету. Ее придется основывать съ ограниченными средствами, разсчитывая на популярность писателя и на ея собственную выручку. Вотъ газета основана. На первомъ же шагу еврейскій процессъ и грандіозный штрафъ суда, находящагося также въ рукахъ либеральной буржуазіи и еврейства. Но газета выдерживаетъ. Далѣе идетъ такого рода разговоръ редактора съ управляющимъ конторою:

„— Такъ ваши дѣла не запутаны?

„— Нисколько. Большіе магазины заготовляютъ уже къ нынѣшнему сезону... Они выпускаютъ какіе-то особенные чулки и платья цвѣта солнца по невѣроятнымъ цѣнамъ. Они даютъ намъ каждый цѣлую страницу объявленій по наивысшей цѣнѣ и рекламы на вторую страницу; это даетъ дохода въ 20.000 франковъ.

„— Браво! Что̀ можетъ быть законнѣе объявленій? Кто не захочетъ этихъ чулокъ, можетъ ихъ не покупать. Я не беру на себя никакой отвѣтственности, объявляя, что чулки продаются.

„— Конечно, но...

„— Но?..

„— Но директора разсчитываютъ, что, при подобныхъ сердечныхъ отношеніяхъ между журналомъ и ими, вы откажетесь нападать на большіе магазины.

„Что̀ можетъ тутъ подѣлать мелкій торговецъ, видя какъ его лавка пустуетъ, какъ толпа стремится въ большіе магазины и никто его не защищаетъ? Въ настоящую минуту можно смѣло сказать: лучшее средство говорить свободно состоитъ въ томъ, чтобы совсѣмъ не имѣть своего органа.

„Это не есть продажа совѣсти въ собственномъ смыслѣ, это условія общественнаго строя. Феодалъ, правитель говоритъ своимъ сосѣдямъ: „Хотите жить въ мирѣ со мной, прекрасно; но не вмѣшивайтесь тогда въ мои дѣла!“

„Тѣ суммы, которыя расходуются всяческими предпринимателями на подкупъ печати, поистинѣ невѣроятны. Лессепса въ Панамскомъ дѣлѣ обкрадывали не только газеты, но все правительство, весь парламентъ на десятки милліоновъ. Въ дѣлѣ Эрлангера было обнаружено, что молчаніе печати стоило до шести милліоновъ франковъ. Нѣтъ и не можетъ быть органа, который могъ бы устоять противъ искушенія. Даже газеты клерикальныя молчатъ, настолько важно имѣть объявленія и въ особенности

рекламы, доставляющія иногда единственную возможность существованія газетѣ, неокупающейся подпиской въ виду необычайной конкурренціи. Тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ подкупъ, пускаются въ ходъ разные компромиссы и очень часто тотъ же рыцарь чести де-Мёнъ пишетъ, бывало, записку издателю вліятельнѣйшаго клерикальнаго органа *L'Univers*, покойному Луи Вельо, умоляя его оставить въ покоѣ такого-то Еврея, или промолчать о такомъ-то безобразіи."

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изолгавшаяся печать служитъ къ поддержанію въ обществѣ постоянной тревоги, постояннаго нервнаго возбужденія. Ея закулисные руководители организуютъ по произволу все, что имъ угодно, начиная отъ скандальной встрѣчи покойнаго короля Альфонса XII, до шума, продѣланнаго съ исторіей Вильсона, разыгравшейся только тогда, когда еврейству и буржуазіи пришлось уже отказаться и отъ тестя, (Греви), и отъ зятя, чтобы спасать положеніе.

Эта вѣчная тревога, вѣчная растерянность мысли, вѣчное надувательство производятъ въ умахъ и сердцахъ настоящую анархію, сквозь которую видятъ свою адскую дорогу только Евреи, всецѣло овладѣвшіе Франціей.

Дрюмонъ пробуетъ разгадать, каковъ будетъ конецъ этого страшнаго состоянія, въ которомъ находится Франція. Онъ полагаетъ, что новая революція, которая неминуемо назрѣетъ и ниспровергнетъ все въ первобытный хаосъ, начнется съ арестованія и препровожденія въ Мазасъ нынѣшнихъ королей биржи. Всѣ эти: Ротшильды, Эрлангеры, Эфрусси, Гинцбурги, Каганы Анверскіе, Бамбергеры, Субейраны и прочіе, располагающіе шестью милліардами франковъ, владычествуютъ надъ Франціей только посредствомъ лжи и недоразумѣнія. Достаточно минутнаго просвѣтлѣнія народнаго самознанія, достаточно, чтобы народъ понялъ, что̀ за государство въ государствѣ составляетъ эта haute finance, чтобъ онъ разъ наложилъ свою руку на еврейскіе за̀мки и дворцы, отправилъ бы ихъ владѣльцевъ въ Мазасъ и назначилъ коммиссію для разсмотрѣнія ихъ коммерческихъ книгъ, и грозный призракъ самъ собою исчезнетъ. Когда-нибудь Франція удивится, говоритъ Дрюмонъ, какимъ образомъ яркая, наглая ложь, нарушеніе всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ, могла царить такъ полновластно и долго надъ живой страною...

* * *

Все, что̀ я приводилъ до сихъ поръ изъ книги Дрюмона, относится къ явленіямъ исключительно отрицательнаго характера. Если мы будемъ искать въ этой книгѣ хотя какого-нибудь намека на тотъ выходъ, чрезъ который должна восторжествовать правда, и обновиться народная и государственная жизнь страны,—мы его не найдемъ. Мыслитель не хочетъ обманывать себя и свою аудиторію. Онъ повторяетъ одно: *я выхода не вижу: Я въ обновленіе Франціи не вѣрю*, ибо живая жизнь, просвѣчивающая сквозь рядъ гнилыхъ фасадовъ, никакого матеріала для этого не даетъ. Изжито все. Вездѣ одна анархія. Старый порядокъ разрушенъ безповоротно, новый являетъ одинъ сплошной ужасъ, ведетъ къ одичанію и разложенію. Революція 1789 года оставила колоссальный запасъ живыхъ народныхъ силъ, растраченный затѣмъ отчасти на завоеванія и окончательно погубленный буржуазнымъ либерализмомъ. Впереди не видно ничего, по крайней мѣрѣ, *собственными силами Франція не можетъ быть спасена. Этихъ силъ нѣтъ.* Она шла во главѣ западнаго человѣчества, она была представительницей западнаго міра и его цивилизаціи. Она гибнетъ вмѣстѣ съ этимъ міромъ и этою цивилизаціей, ибо послѣдняя несла въ себѣ тлетворное, смертоносное начало.

Никогда еще въ нашей литературѣ, прославившейся своимъ отрицаніемъ и самобичеваніемъ, не раздавалось подобныхъ рѣчей. Тѣмъ болѣе новы и необычны онѣ во Франціи, гдѣ едва ли не сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, привыкли къ гордому самообожанію. И подобный выводъ принимается среди гробоваго молчанія, книга читается и изучается...

И вотъ страшная ликвидація наступаетъ.

Неужели и вправду Франція погибла? Такого рода вопросъ рождается самъ собою. Мы готовы были смѣяться, да и смѣялись въ свое время надъ славянофильскими положеніями о концѣ, наступающемъ для европейской цивилизаціи, о гніеніи Запада, мы усматривали здѣсь нашъ національный шовинизмъ, нашъ квасной патріотизмъ. Но вотъ раздаются одинъ за другимъ голоса съ Запада. Еще мы, по старой привычкѣ, ждемъ свѣта, обновленія и спасенія оттуда, а тамъ въ безнадежномъ отчаяніи обращаютъ взоры на насъ. Есть каррикатура, которую Дрюмонъ считаетъ пророчествомъ. Еврей, ликвидаторъ европейской цивилизаціи, ниспровергъ Нѣмца и забрался на его мѣсто. На него лѣзетъ медвѣдь. Еврей въ страхѣ предлагаетъ медвѣдю раздѣ-

лить съ нимъ міровое господство, но медвѣдь не соглашается и пожираетъ Еврея.

„Да, это поистинѣ предсказаніе, восклицаетъ Дрюмонъ. Будемъ надѣяться, что молодой народъ, въ сознаніи великаго своего назначенія въ мірѣ, отомститъ, наконецъ, за униженія арійскаго племени, распростертаго у ногъ Семита."

Заимствуя такъ много у замѣчательнаго французскаго писателя, представляющаго собою совершенно новое явленіе въ современной Франціи, я поневолѣ долженъ сокращать тѣ мои соображенія, которыми хотѣлось бы освѣтить положенія и выводы французскаго мыслителя. Я не имѣю никакого желанія полемизировать съ нимъ и, излагая приводимые имъ факты, предоставляю ему самому ихъ толкованіе. Но относительно вывода Дрюмона нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ.

Тѣ, кому знакома замѣчательная книга Данилевскаго *Россія и Европа*, найдутъ въ словахъ Дрюмона прямое подтвержденіе теоріи русскаго мыслителя, по которой прогрессъ въ человѣчествѣ совершается посредствомъ послѣдовательной смѣны культуръ. За Греками, съ ихъ культурой, одухотворенной торжествомъ прекраснаго, выступаетъ Римъ, съ его государственными и правовыми идеалами. Риму наслѣдуетъ Европа, съ ея техникой и наукой, за Европой грядетъ новая міровая сила, несущая новую цивилизацію, основною чертой которой должна быть *общественность*, *торжество нравственныхъ законовъ*, управляющихъ обществомъ, *разрѣшеніе цѣлаго ряда экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ въ духѣ любви и истины*. До сихъ поръ только тѣсный кружокъ славянофиловъ вѣрилъ въ то, что эту новую цивилизацію, которая въ свое время обновитъ міръ, понесетъ Славянство съ Россіею во главѣ. Теперь эта вѣра проникаетъ и на Западъ. Лучшіе умы Франціи не потому смотрятъ съ надеждой на Россію, что видятъ въ ней только возможнаго политическаго союзника, который поддержитъ Францію въ неминуемой борьбѣ будущаго. Они именно видятъ въ русскомъ народѣ того носителя новаго слова, который долженъ явиться. Въ наиболѣе популярномъ журналѣ *Revue des Deux Mondes* уже появляются статьи, выставляющія наше православіе истинною вѣрою, нашъ государственный строй, наше землевладѣніе завидными, нормальными. Наши мыслители и поэты вызываютъ всеобщій восторгъ именно во Франціи, ибо она шествовала неуклонно впереди Запада, вы-

носила на себѣ всю его историческую страду и первая же почуяла и узрѣла свѣтъ съ Востока.

Та вѣра, которая одушевляла великихъ русскихъ мыслителей: Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ, Данилевскаго, растетъ незримо и разливается по всему Западу. Не далеко то время, когда эта вѣра станетъ общимъ достояніемъ, и Славянство будетъ введено во владѣніе новою культурой. Но если на пути этой великой исторической силы собраны судьбой страшныя препятствія, то первое и главнѣйшее изъ нихъ—это мы сами. Едва успѣвъ вступить на предлежащій намъ путь самобытной міровой жизни, едва развернувъ наше всемірно-историческое знамя, мы уже успѣли заразиться тою страшною болѣзнью, которая подточила и разрушаетъ Западъ. Эта болѣзнь—ложь во всѣхъ ея формахъ и видахъ, лицемѣріе и апатія къ одолѣвающему со всѣхъ сторонъ злу. Молодой народъ, сдѣлавшій лишь нѣсколько шаговъ, какъ самостоятельная міровая сила, уже выглядитъ дряхлымъ, отживающимъ народомъ. Если вы окинете взглядомъ все высказанное Дрюмономъ про Францію, если вы мысленно сравните ея нынѣшнія условія съ нашими, вы будете поражены внѣшнимъ сходствомъ болѣзни. И у насъ, еще задолго до Дрюмона среди полнаго силъ молодаго общества восклицалъ въ глубокомъ отчаяніи русскій мыслитель:

Слабѣйте силы, —вы не нужны,
Усни ты, духъ,—давно пора...
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра.

Если тогда царила во всемъ „безсмысленная ложь“, если тогда честные, не мирящіеся съ нею люди сами себя искренно признавали безумцами, то нельзя сказать, чтобы послѣдняя пережитая четверть вѣка очень много подвинула насъ къ правдѣ...

Вотъ это-то горькое сознаніе и парализуетъ наше дѣло и губитъ нашу вѣру. Но не будемъ смущаться! Все же между нашимъ отчаяніемъ и отчаяніемъ Дрюмона цѣлая бездна. Кто знаетъ Россію, кто вѣритъ въ нее, какъ бы горько ни осуждалъ онъ наши болѣзни и злоключенія, все же никогда не скажетъ, что Россія—гнилой трупъ, который остается только похоронить. Мы всѣ вѣримъ и должны вѣрить въ наше грядущее исцѣленіе, ибо наша

болѣзнь не внутренняя, а наружная. И мы страна фасадовъ, но за этими фасадами скрыта не анархія и хаосъ, какъ во Франціи, а здравая, созрѣвающая въ тишинѣ народная мысль, свѣжее, томящееся по свѣту, по правдѣ чувство.

Но болѣзнь—все же болѣзнь, и чтобы не погибнуть по дорогѣ, еще не дойдя до черты, съ которой начнется исполненіе нашего великаго міроваго призванія, мы должны не покидать ни на минуту величайшаго оружія, несокрушимаго ни въ какой политической борьбѣ. Это оружіе — вѣра въ свою правду, силу и искренность.

С. Ш—овъ.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МИШЕЛЯ ТЕЙСЬЕ.

Соч. Эдуарда Рода.

(Переводъ съ французскаго **Е. Поливановой.**)

II.

На слѣдующій день Монде, вставъ рано поутру, принялся обходить весь домъ, съ любопытствомъ осматривая убранство комнатъ, изящную но нѣсколько поспѣшно устроенную обстановку, нѣсколько смѣшаннаго вкуса картины, какъ-бы спрашивая отъ вещей разоблаченія какой-то тайны: потому что чѣмъ больше онъ размышлялъ, тѣмъ болѣе убѣждался онъ въ томъ, что вчера въ оказанномъ ему Мишелемъ пріемѣ было какое-то сомнѣніе, какое-то колебаніе, какая-то сдержанность, какъ будто его неожиданный пріѣздъ его нѣсколько разстроилъ. Неужели же его забота въ качествѣ вождя партіи настолько поглотила его, что удалила его отъ его самаго близкаго друга? Или же тутъ можетъ быть что-нибудь иное, какая-нибудь тревога, какая-нибудь опасность, какая-нибудь изъ тѣхъ тайнъ, которыя встрѣчаются у людей, жизнь которыхъ повидимому бываетъ обставлена наилучшимъ образомъ, можетъ быть денежныя затрудненія, исторія, въ которой замѣшана женщина?.. Перебирая въ своемъ умѣ всѣ эти вопросы и не будучи въ состояніи разрѣшить ихъ, Монде присѣлъ въ столовой къ обѣденному столу, длинному безконечному столу, который какъ будто всегда ожидаетъ приборовъ для многихъ гостей.

Къ нему тотчасъ же подошелъ слуга въ бѣломъ фартукѣ и спросилъ его, что онъ желаетъ кушать: чай, кофе или шоколадъ. Монде угрюмо отвѣтилъ ему:

— Я подожду г. Тейсье... Что онъ будетъ кушать, то же буду и я...

— Дѣло въ томъ, объяснилъ слуга,—что г. Тейсье всегда кушаетъ супъ.

— Ну, такъ и я буду кушать супъ!

И Монде сразу повеселѣлъ. Ему было пріятно узнать, что среди своего недавно пріобрѣтеннаго благосостоянія Мишель сохранилъ эту ихъ старинную привычку дѣтства, юности, провинціи. Это его умилило, и изъ этого ничтожнаго факта онъ принялся дѣлать новыя заключенія: онъ снова начиналъ надѣяться на то, что онъ ошибся, что другъ его все тотъ же, что у него нѣтъ никакихъ тайнъ, что онъ былъ только утомленъ или взволнованъ, на что, въ сущности, имѣетъ полное право всякій депутатъ послѣ засѣданія, въ теченіе котораго ему пришлось говорить.

Бьетъ девять часовъ. Наконецъ появляется Тейсье въ черномъ сюртукѣ, уже совсѣмъ готовый, чтобы выѣхать изъ дома.

— А, вотъ и ты! говоритъ Монде, пожимая ему руку. — Однако, ты встаешь не особенно рано?

— Ты думаешь?.. Но ты и не знаешь, что сегодня поутру я уже успѣлъ часа два просидѣть за сведеніемъ цифровыхъ данныхъ.... Да, для бюджетной коммиссіи... За то и голоденъ же я!

И принимаясь поспѣшно за свой супъ, онъ прибавляетъ съ полнымъ ртомъ:

— Кромѣ того, мы вѣдь не въ Аннеси, старина!.. Приходится выѣзжать вечеромъ, поздно возвращаться домой, работать ночью. Надобно же и немножко поспать, если есть на то возможность, если спокоенъ духомъ, не страдаешь безсонницей; тѣмъ хуже, что приходится спать по утрамъ!

— У всякаго свои привычки, философски говоритъ Монде и затѣмъ прибавляетъ:—что мнѣ пріятно, такъ это то, что у тебя хорошій аппетитъ... Но только ты кушаешь слишкомъ поспѣшно, это не хорошо для желудка.

— Желудокъ у меня лучше всего, говоритъ Тейсье, утирая салфеткой усы.—Впрочемъ, ты не торопись, у меня есть время подождать тебя... Мы выѣдемъ вмѣстѣ, не правда ли?.. Куда подвезти тебя?

— Въ улицу Сентъ-Оноре, 217, къ моему нотаріусу... Это мое единственное дѣло въ твоемъ огромномъ Парижѣ... А затѣмъ я свободенъ... Мы еще повидаемся съ тобою?

— Всенепремѣнно!.. Еслибы ты меня предупредилъ, то я устроился бы такъ, чтобы свободно располагать всѣмъ своимъ днемъ.. Но ты пріѣхалъ точно съ луны свалился!.. Постой!.. Ты вѣдь вернешься къ завтраку, не правда ли?

— Да.

— Отлично!.. Только у меня будетъ народъ... Четверо или пятеро человѣкъ, безъ церемоніи, какъ и всегда, по дѣламъ... Но вечеромъ я буду свободенъ.. Слушай, вотъ моя идея: мы отправимся обѣдать въ ресторанъ, по холостому, и проведемъ вечеръ вдвоемъ, какъ подобаетъ старымъ друзьямъ. Желаешь?

— Само собою разумѣется, желаю... Но отнимать у тебя такъ цѣлый вечеръ, когда я видѣлъ, насколько ты занятъ, мнѣ, право, совѣстно... Прежде всего, ты знаешь, я не желаю тебя стѣснять.

— Меня стѣснять?.. Ты шутишь!.. Полагаю, я могу себѣ подарить одинъ вечеръ... У меня немного такихъ друзей, какъ ты, старина, и ты не особенно часто бываешь въ Парижѣ!

Въ каретѣ Тейсье принимается пробѣгать газеты, сославшись на то, что позднѣе ему будетъ некогда прочесть ихъ, а Монде все продолжаетъ оставаться смущеннымъ: въ былыя времена Мишель не удивился бы тому, что онъ „свалился съ луны", какъ онъ выразился, а принялъ бы его просто, радостно, бросилъ бы въ сторону всѣ дѣла. Что-нибудь да должно было съ нимъ случиться? Что́ бы это такое могло быть?

Этотъ тревожный для его чувства дружбы вопросъ занимаетъ добрѣйшаго Монде по меньшей мѣрѣ столько же, сколько и устройство его дѣла по наслѣдству. Онъ думаетъ о немъ у нотаріуса, который долго заставляетъ его дожидаться, а затѣмъ отпускаетъ его очень скоро. Онъ думаетъ о немъ и потомъ, шатаясь по улицамъ, останавливаясь передъ магазинами, отыскивая какой-нибудь маленькій подарокъ своей женѣ. Онъ думаетъ о немъ въ кафе, куда онъ зашелъ выпить рюмку вермута, какъ онъ это обыкновенно дѣлаетъ по воскресеньямъ въ Аннеси. Зала почти пуста. По врожденной ему общительности, Монде садится за столикъ, рядомъ съ которымъ за другимъ столикомъ сидятъ двое посѣтителей; они не спѣша бесѣдуютъ другъ съ другомъ, какъ бы поджидая еще кого-то.

Вдругъ Монде начинаетъ прислушиваться: до его слуха доле-

тѣло имя Тейсье. Его произнесъ одинъ изъ собесѣдниковъ, можетъ-быть разсуждая о вчерашнемъ засѣданіи. Другой собесѣдникъ отвѣчаетъ на это убѣжденнымъ тономъ:

— Да, это человѣкъ, въ прошедшемъ котораго не найдется никакого лихоимства... Это человѣкъ истинно почтенный, который живетъ честно, откровенно, не занимая столбцовъ газетъ своими пари или своими любовницами...

Но первый изъ собесѣдниковъ оказывается болѣе скептичнымъ.

— Надобно бы все знать!... говоритъ онъ.

— Все знать? пылко перебиваетъ его второй. — Развѣ человѣкъ въ его положеніи могъ бы что-нибудь скрыть? А еслибы за нимъ что-нибудь такое было, развѣ бы его въ этомъ уже не упрекнули бы, согласно обыкновенію нашихъ политическихъ дѣятелей рыться въ чужихъ дѣлахъ?... Нѣтъ, нѣтъ, за нимъ ровно ничего нѣтъ, потому что на него даже и клеветъ никто никакихъ не взводилъ!

— А я между тѣмъ кое-что слыхалъ.

— Чтò такое?

— Не помню хорошенько... дѣло касалось женщины... какое-то дѣло, въ которомъ онъ игралъ весьма гадкую роль... Да почему же ему и быть лучше другихъ?...

— Почему? я не знаю. Но онъ лучше другихъ, это несомнѣнно... Это чувствуется въ его словахъ... Въ него вѣрится... Чтò до меня, то еслибы мнѣ доказали, что онъ не лучше другихъ, то никому и ни во чтò въ политикѣ не сталъ бы я болѣе вѣрить...

Затѣмъ разговоръ переходитъ на другіе предметы, и Монде ужь больше ничего не слушаетъ, онъ изумленъ: итакъ, въ Парижѣ думаютъ такъ же, какъ въ Аннеси? потому что такія сужденія, простыя честныя сужденія, онъ сотни разъ слыхалъ тамъ относительно своего друга. Отчего является эта потребность въ честности, которая такъ неотступно преслѣдуетъ избирателей? можетъ-быть вслѣдствіе того что много всякихъ ловкихъ людей злоупотребляли ихъ простотой? или же добросовѣстность Мишеля дѣйствительно сіяетъ, бьетъ людямъ въ глаза, а его недюжинной личности дѣйствительно удалось пустить въ моду добродѣтель? „Странный народъ! странный народъ!“ твердитъ себѣ Монде, допивая свой вермутъ. И потомъ, пока ему подаютъ сдачи, онъ все еще продолжаетъ разсуждать самъ съ собой: „Ба! всѣ народы одинаковы!... Въ сущности, люди лучше, чѣмъ полагаютъ... Они любятъ добро, даже не вполнѣ сознавая, чтò такое добро...

Часто они о немъ и не помышляютъ, но они всегда встрепенутся, когда имъ станутъ говорить о добрѣ... И имъ пріятно слѣдовать за тѣми, кто идетъ прямымъ путемъ..." Онъ продолжаетъ философствовать въ томъ же родѣ, идя по улицамъ: „Еслибы Тейсье не былъ такъ искрененъ, можно было бы сказать, что онъ великій хитроумецъ... Вѣдь вотъ же нашелъ онъ то, чего мы хотѣли, чтò намъ было надобно... Онъ затронулъ въ насъ струну, которую долгое время держали въ забросѣ, струну простой честности... Ея не осмѣливались касаться, потому что ее называли стрункой добродѣтели, и потому что это выраженіе намъ всегда представляется нѣсколько смѣшнымъ... А онъ такъ вотъ осмѣлился... Ему повезло, онъ достигъ успѣха... Лишь бы онъ не спустилъ этой струны!..." Затѣмъ его вниманіе развлекаютъ всякіе щеголи и щеголихи, онъ замѣчаетъ, что запоздалъ, и ускоряетъ шаги. Когда онъ входитъ въ большую гостиную, тамъ уже вокругъ Сюзанны собрались де-Торнъ, Пейро, человѣкъ пять, шесть, въ числѣ ихъ одинъ аббатъ. Тейсье, по обыкновенію, заставляетъ себя ждать, и пока разговоръ идетъ о немъ.

Наконецъ, онъ появляется, извиняясь; жметъ всѣмъ руку; всѣ садятся за столъ, и разговоръ снова заходитъ о политикѣ.

Монде прислушивается изо всѣхъ силъ къ рѣчамъ этихъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые знамениты и которые въ своей бесѣдѣ толкуютъ о будущности страны. Они говорятъ о рабочихъ, о солдатахъ, объ юношествѣ, о церкви. Какъ удовлетворить рабочихъ? Въ чемъ заключаются истинныя стремленія молодежи? Чтò сдѣлать для морализаціи арміи? Слѣдуетъ ли отдаться церкви? или же возможно обходиться безъ нея? У нихъ великодушные помыслы, но они не согласны между собой; можно подумать, что они въ точности не знаютъ, чего хотятъ, за исключеніемъ де-Торна, который кратко и повелительно высказываетъ свои мнѣнія, похожія на приказанія.

Особенно тревожно дѣйствуетъ Пейро: у него на все готовыя возраженія, какія-то *но*, охлаждающія всякое увлеченіе; въ самыхъ простыхъ по своему виду вопросахъ онъ отыскиваетъ неожиданныя затрудненія; онъ развиваетъ ихъ на всѣ лады въ разрушительной діалектикѣ, пока безмолвствовавшій до сей минуты Тейсье не говоритъ ему:

— Положительно, у васъ умъ отрицательный...

Тогда онъ умолкаетъ, протестуя движеніемъ, испуганный тѣмъ,

что онъ классифицировалъ, онъ, которому никогда еще не удалось самому овладѣть своимъ гибкимъ и скользкимъ умомъ, а затѣмъ, послѣ краткаго молчанія, воспослѣдовавшаго послѣ словъ Тейсье, разговоръ снова переходитъ на вчерашнее засѣданіе.

— Мнѣ кажется, говоритъ де-Торнъ,—что вчерашнія событія доказали, что я правъ. Положеніе, принятое палатой, было вполнѣ ясно. Мы еще недостаточно сильны для исправленія всего, что есть испорченнаго въ нашемъ общественномъ строѣ. Намъ слѣдуетъ держаться политическихъ законовъ, которые не касаются личныхъ интересовъ и которые въ сущности, заживо затрогиваютъ весьма ограниченное количество людей...

— Будемте касаться вопросовъ прямо, отвѣчаетъ на это замѣчаніе Тейсье,—и будемте разбирать ихъ до самой ихъ основы! Почему бояться намъ затрогивать общественное мнѣніе, волновать общество? Мы можемъ только выиграть въ этомъ. У насъ идеи новыя, или по меньшей мѣрѣ обновленныя идеи: онѣ не могутъ восторжествовать безъ толчковъ, чтобъ онѣ были приняты и поняты. Необходимо, чтобъ было затронуто общественное сознаніе.

— Вы очень разсчитываете на общественное сознаніе, возражаетъ де-Торнъ.—Я же разсчитываю только на насъ и на васъ, мой другъ. Правда, въ общественномъ мнѣніи существуетъ движеніе, которое даже поддерживало насъ до сего времени. Но мы напрасно стали бы преувеличивать его значеніе. Въ концѣ концовъ отъ насъ теперь зивиситъ завладѣть этимъ мнѣніемъ и направлять его.

— Безъ сомнѣнія! поддакиваетъ молчавшій до сихъ поръ аббатъ.

„Положительно, они ни въ чемъ несогласны между собою,“ думаетъ Монде. Затѣмъ разговоръ становится общимъ, и онъ замѣчаетъ, что Мишель, говорившій безъ своего обычнаго увлеченія, совершенно пересталъ имъ интересоваться, что у него видъ тревожный, чѣмъ-то занятый, разсѣянный, что онъ обнаруживаетъ нетерпѣніе и дѣлаетъ знаки Сюзаннѣ, чтобъ она торопила прислугу. И до окончанія трапезы онъ остается все такъ же разсѣянъ, глаза его устремлены куда-то въ пространство, мысли его витаютъ гдѣ-то, но не здѣсь. Въ гостиной, послѣ кофе, когда гости его расходятся, онъ едва удерживается отъ движенія неудовольствія, когда де-Торнъ дергаетъ его за рукавъ и уводитъ въ кабинетъ.

— У меня спѣшное свиданіе, говоритъ Тейсье, вынимая свои карманные часы.

— То, что̀ я имѣю вамъ сказать, не терпитъ отлагательства, заявляетъ де-Торнъ, беря его подъ руку.

Монде пораженъ тровожнымъ взглядомъ, который Сюзанна останавливаетъ на своемъ мужѣ. Оставшись съ нею наединѣ, онъ замѣчаетъ то, чего не замѣтилъ до сихъ поръ, пока она исполняла свои обязанности хозяйки дома, съ тѣмъ геройскимъ спокойствіемъ, тайной котораго обладаютъ только однѣ женщины: Монде видитъ, что она страдаетъ тайною и жестокою мукой, что она владѣетъ собою, но что эта мука сильнѣе ея, потому-что вотъ у нея по щекѣ скатилась крупная слеза, которую она успѣла смахнуть прежде, чѣмъ лицо ея сколько-нибудь измѣнило ей! Ихъ дружба почти даетъ ему право спросить ее объ этомъ столь плохо скрываемомъ ею страданіи. Онъ хочетъ спросить ее: „что съ вами?“ но вò время останавливается, удерживаемый какимъ-то внутреннимъ предостереженіемъ, однимъ изъ тѣхъ чувствъ, присущихъ деликатной дружбѣ, которыя никогда не обманываютъ человѣка. Но Сюзанна прочла его вопросъ въ его глазахъ и жалобой предупреждаетъ всякіе распросы:

— Ахъ, эта проклятая политика, что за врагъ!.. Она снѣдаетъ нашу жизнь... Весь день у насъ проходитъ среди постояннаго шума словъ и всякихъ разсужденій... Мишель уже болѣе мнѣ не принадлежитъ, не принадлежитъ уже онъ и самому себѣ... я вамъ сказала вчера, что онъ, все тотъ же. Это неправда: онъ измѣнился, измѣнился до такой степени, что я едва узнаю его... Онъ столько же раздражителенъ и нервенъ, на сколько прежде былъ спокоенъ и насколько прежде владѣлъ собою... Вы, безъ сомнѣнія, замѣтили: у него всегда разсѣянный видъ... Какъ хотите вы, чтобъ онъ устоялъ противъ такого множества всякихъ заботъ? Онъ убьетъ себя, это несомнѣнно...

Монде слушаетъ, наблюдаетъ ее, и его проницательность не допускаетъ въ немъ заблужденія: Сюзанна жалуется, говоритъ о своемъ страданіи, но умалчиваетъ объ его причинѣ. Однако онъ все-таки отвѣчаетъ ей съ сомнѣніемъ человѣка, который боится отвѣтить невѣрно:

— Но онъ совершаетъ такое великое дѣло! Онъ исполняетъ такую прекрасную роль!.

— Да, это правда, онъ исполняетъ роль... прекрасную роль!..

повторяетъ она, стараясь скрыть иронію, которая помимо ея воли звучитъ въ ея голосѣ.

— Еслибы вы только слышали, какъ о немъ говорятъ, продолжаетъ Монде.—Да вотъ только сейчасъ, въ кафе, я слышалъ разговоръ двухъ незнакомцевъ между собою... Они восхваляли его, ихъ рѣчи доставили бы вамъ удовольствіе... Потому что вы не можете же не чувствовать себя счастливою при видѣ того, что̀ онъ дѣлаетъ, что̀ онъ есть...

Она прервала его, прошептавъ съ полузакрытыми глазами:

— Счастливою!..

— Вы, которая такъ гордились его первыми успѣхами!..

— Въ прежнія времена да, когда у меня существовали иллюзіи...

— Иллюзіи... относительно чего же?

— Относительно всего... относительно жизни, наконецъ!..

— И у васъ ихъ ужь больше нѣтъ?..

— У меня ихъ ужь больше нѣтъ...,

Они оба смолкаютъ, и послѣ краткаго молчанія, которое краснорѣчивѣе всякихъ признаній, Монде ласково беретъ руку Сюзанны:

— Вы мнѣ не говорите правды... Политика ни причемъ въ вашей печали... Есть, есть что-то другое... Почему же вы ужь больше не имѣете ко мнѣ довѣрія?.. Я въ достаточной мѣрѣ другъ вамъ обоимъ, чтобъ у васъ, ни у того, ни у другаго, не было отъ меня тайнъ... Какъ знать, не касается ли дѣло простаго недоразумѣнія, которое я, можетъ-быть, могъ бы разъяснить?... Я желалъ бы помочь вамъ, можетъ-быть я оказался бы въ состояніи это сдѣлать...

Но Сюзанна отрицательно качаетъ головой и послѣ нѣкотораго молчанія роняетъ слѣдующія слова, весь смыслъ которыхъ однако понятенъ Монде:

— Въ концѣ-концовъ чего же мнѣ жаловаться?.. Мнѣ остаются мои дѣти...

Въ эту минуту Мишель, выпроводивъ Де-Торна, быстро входитъ въ комнату со шляпою въ рукѣ.

— Ты уѣзжаешь? говоритъ Сюзанна.—А между тѣмъ сегодня нѣтъ засѣданія...

— Да, правда, но у меня есть дѣло... До свиданья, моя дорогая...

Онъ цѣлуетъ ее въ лобъ, не глядя на нее, нисколько не замѣчая бушующей въ ней бури. Потомъ онъ обращается къ Монде:

— Итакъ, рѣшено, я заѣзжаю за тобою въ семь часовъ и увожу тебя въ ресторанъ... Совсѣмъ совращаю тебя, мой милый провинціалъ!..

По его уходѣ Сюзанна и Монде смотрятъ другъ на друга.

— Вы видите! просто говоритъ она.

— Вижу, отвѣчаетъ Монде, желая ее успокоить,—вижу, что онъ занятъ, что у него забота, дѣла...

— Дѣла!..

На этотъ разъ она уже не сдерживаетъ своей ироніи и Монде, который съ минуту старается отогнать отъ себя неотвязную мысль, восклицаетъ:

— Скажите, ужъ не ревнуете ли вы?

Она разражается какимъ-то нервнымъ смѣхомъ.

— Ревную?.. Нѣтъ!.. Не старайтесь угадывать!.. Ровно ничего нѣтъ, вамъ ничего не найти, это оттѣнки, пустяки, женскія химеры!

Въ эту минуту входятъ вмѣстѣ со своею няней Анни и Лоренса, уже совсѣмъ одѣтыя, чтобы идти гулять. Сюзанна ихъ обнимаетъ съ какою-то страстностью, съ какимъ-то отчаяніемъ, какъ будто стараясь оградить ихъ отъ какой-то невѣдомой опасности. И обѣ дѣвочки, со свойственною дѣтямъ чуткостью къ страданіямъ, которыя со временемъ выпадаютъ на ихъ долю, чувствуютъ, что матери горько, и желаютъ утѣшить ее. Лоренса, взобравшись къ ней на колѣни, какъ маленькая птичка покрываетъ ея лицо поцѣлуями, между тѣмъ, какъ Анни съ тихою лаской устремляетъ на нее глубокій взглядъ своихъ большихъ, исполненныхъ состраданія глазъ.

— Ступайте, дѣти, ступайте, забавляйтесь!..

— Прощай, мама, прощай!..

И вотъ, онѣ уже выбѣжали изъ комнаты, но Анни останавливается на порогѣ, оборачивается и бѣжитъ обратно, чтобъ еще разъ броситься въ объятія матери.

— Можно подумать, что они понимаютъ, не правда ли? говоритъ Сюзанна, обращаясь къ Монде.

— Да, отвѣчаетъ онъ, дѣлая обычное ему утвердительное движеніе головой,—онѣ слишкомъ умны.

И затѣмъ онъ невольно думаетъ о своихъ шестерыхъ дѣтяхъ, которыя несравненно болѣе дѣти, чѣмъ эти двѣ маленькія парижанки; его дѣти толстыя, красныя; все у нихъ находится въ полномъ равновѣсіи,—и ласки, и радости у нихъ просты, какъ у ма-

ленькихъ здоровыхъ звѣрковъ: до такой степени справедливо, что эти маленькія существа, возрастающія среди нашей жизни поглощаютъ въ себя всѣ испаренія, всѣ атомы, исходящіе изъ нашей души.

Послѣполуденное время тянется медленно и проходитъ въ прерывистой бесѣдѣ, въ полупризнаніяхъ, въ которыхъ въ сущности ничего не говорится, но которыя позволяютъ все предполагать. Дѣти возвращаются съ веселыми воспоминаніями о прогулкѣ, о лошадяхъ, которыхъ они видѣли въ паркѣ.

Когда онѣ разсказываютъ свои впечатлѣнія, Монде восклицаетъ:

— Отлично!

И взявъ ихъ къ себѣ на колѣна, онъ заставляетъ ихъ скакать, забавляетъ ихъ, вызывая въ нихъ всю ребячливость, всю веселость, на которыя онѣ только могутъ быть способны. Сперва онѣ нѣсколько удивлены его добродушіемъ, его безцеремонностью, но вскорѣ онѣ заливаются веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ, начинаютъ возиться, мнутъ свои нарядныя платьица. Но вотъ за ними является няня: уже пять часовъ, то-есть какъ разъ то время, когда г-жа Тейсье принимаетъ у себя гостей. *Усѣвшись немного въ сторонѣ* Монде присутствуетъ при ежедневномъ пріемѣ, въ теченіе котораго въ гостиной перебывало человѣкъ двадцать посѣтителей различныхъ типовъ: были тутъ незнакомыя между собою дамы, которыя держа чашку чая въ рукахъ, осматривали другъ друга съ чувствомъ какого-то скрытаго недовѣрія; два весьма любезныхъ депутата, надѣявшіеся повидать Мишеля; академикъ, говорившій о ближайшихъ выборахъ и о кандидатурѣ монсеньера Рюсселя; затѣмъ, пока о немъ говорили, появился и самъ монсеньеръ Рюссель, человѣкъ съ такими чертами лица, въ родѣ Фенелона, съ вкрадчивымъ голосомъ, съ мягостью священнослужителя и изяществомъ свѣтскаго человѣка, съ гибкостью и подкладкой государственнаго дѣятеля. Чрезъ какую-нибудь минуту послѣ своего появленія онъ вступаетъ въ разговоръ съ академикомъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные гости слушаютъ ихъ бесѣду, помѣшивая ложечкой въ своихъ чашкахъ.

— ...Теперь начинаютъ понимать, говоритъ онъ, насколько монсеньеръ Лавижери былъ правъ... На республику нападать нельзя; она установлена, она принята, она сильна, она благоразумна... Она намъ возвращаетъ Францію, страну всехристіаннѣйшихъ королей... демократія долгое время полагала, что она можетъ обходиться безъ насъ: она сознала свое заблужденіе; те-

перь уже не далеко то время, когда она приметъ за точку своей опоры церковь...

— На это не слѣдуетъ слишкомъ полагаться, замѣчаетъ академикъ.—У демократіи существуютъ такія мели, которыя намъ мало извѣстны; какъ знать, что еще онѣ намъ готовятъ?.. Безъ сомнѣнія неожиданности, прискорбныя неожиданности, рѣзкія проявленія своеволій животнаго человѣка, какъ это обыкновенно бываетъ при крупныхъ переломахъ...

— Намъ надлежитъ предусматривать, предупреждать подобнаго рода явленія...

Итакъ они продолжаютъ разговоръ, предрѣшая будущее, пока ихъ не останавливаетъ появленіе новаго гостя; это чрезвычайно говорливый журналистъ, сообщающій важную новость: одна знаменитая актриса выходитъ замужъ за знатнаго дворянина. Разговоръ мѣняется самъ собою подобно колесу, которое перемѣняетъ свое направленіе отъ дѣйствія какой-то невидимой пружины, а безмолвные зрители продолжаютъ слушать все съ тѣмъ же интересомъ. Разговоръ еще нѣсколько разъ мѣняется, переходя отъ театра къ церкви, отъ свѣтскихъ сплетенъ къ высшей философіи, пока гостиная мало-по-малу начинаетъ пустѣть.

— Вотъ моя жизнь, говоритъ, обращаясь къ Монде, Сюзанна, послѣ того какъ она простилась со своимъ послѣднимъ гостемъ. И это такъ каждый день... Слова, слова и слова...

— Они бываютъ иногда интересны, отвѣчаетъ Монде примирительнымъ тономъ.

— Я этого уже болѣе не нахожу... Я знаю напередъ все, о чемъ они могутъ говорить.

— Подобно вашимъ дѣтямъ, вы также слишкомъ умны, или слишкомъ чутки...

— Въ данную минуту я всего болѣе чувствую утомленіе, какъ будто я сама говорила вмѣсто нихъ...

Монде смотритъ на нее своимъ добрымъ, понимающимъ взглядомъ:

— Это, потому что вы ихъ не слушали, говоритъ онъ.—Вы думали, о чемъ-то другомъ, вы отсутствовали мыслью!

— Нѣтъ!.. Нѣтъ, увѣряю васъ, вы ошибаетесь... О чемъ же бы мнѣ было думать, Боже мой!..

Голосъ ея звучитъ настолько фальшиво, въ дѣланномъ спокойствіи столько страданія, что Монде чувствуетъ себя тронутымъ до глубины души. Но онъ не рѣшается ее болѣе допра-

шивать: „А между тѣмъ я долженъ же знать въ чемъ дѣло, думаетъ онъ; я исповѣдую Мишеля, онъ все мнѣ скажетъ“...

Мишель, по обыкновенію, запаздываетъ и по обыкновенію же торопится, находясь въ томъ лихорадочномъ возбужденіи, которое оставляетъ его лишь тогда, когда онъ двигается:

— Скорѣй, ѣдемъ! говоритъ онъ входя... Я умираю отъ голода, да и ты, вѣроятно, тоже?

Сюзанна отпускаетъ ихъ, не дѣлая ни малѣйшаго усилія, чтобъ удержать ихъ дома.

— Ну, гдѣ же ты желаешь обѣдать, Монде?

— Гдѣ хочешь, лишь бы насъ никто не безпокоилъ...

Они отправляются въ Гельдерскую улицу и входятъ въ одинъ изъ модныхъ ресторановъ; къ Тейсье тотчасъ же подходятъ нѣсколько человѣкъ поздороваться.

— Нѣтъ, здѣсь спокойствія ждать нечего, обратился онъ къ своему другу,—намъ не удастся поговорить какъ слѣдуетъ... Не спросить ли намъ отдѣльную комнату?

Они слѣдуютъ за провожающимъ ихъ метръ-д'отелемъ, садятся за столъ и заказываютъ себѣ обѣдъ; какъ только метръ-д'отель и слуга выходятъ изъ комнаты, Монде облокачивается обоими локтями на столъ и смотритъ своему другу прямо въ лицо:

— Ну, говори! что съ тобою? спрашиваетъ онъ безо всякихъ предисловій.

Мишель пожимаетъ плечами:

— Со мною?.. Ровно ничего...

— Не говори мнѣ этого: такого друга, какъ я, обмануть невозможно... И зачѣмъ тебѣ, что̀ бы то ни было скрывать отъ меня?.. Ты отлично знаешь, что ты все можешь сказать мнѣ... И, насколько я тебя знаю, у тебя должна быть потребность высказаться... Итакъ, говори!.. это тебя облегчитъ...

Наступаетъ минутное молчаніе. Монде проглатываетъ нѣсколько устрицъ. Тейсье размышляетъ, устремивъ глаза въ потолокъ.

— Да, ты правъ, наконецъ, говоритъ онъ,—дѣйствительно есть нѣчто... Дѣло въ томъ, что я чувствую себя страшно несчастнымъ... Дѣло въ томъ, что я выбился изъ силъ... дѣло въ томъ, что я живу двумя или тремя жизнями, что обладая всѣмъ, я не имѣю того, чего я единственно желаю, что̀ я долженъ имѣть, или же это для меня смерть... Ты понимаешь?..

— Да...

Опять наступаетъ молчаніе. Слуга беретъ тарелки и подаетъ супъ. Послѣ его ухода Монде продолжаетъ:

— Да, я понимаю... Ты влюбленъ, вотъ и все... Это весьма печально, я признаю это... но вѣдь это не смертельно... Несчастье заключается въ томъ, что жена твоя это знаетъ...

— Моя жена! восклицаетъ Мишель,—она ровно ничего объ этомъ не знаетъ...

— Ты такъ полагаешь?

— Я въ этомъ увѣренъ...

— Не раздѣляю твоей увѣренности.

— Такъ она тебѣ что-нибудь говорила?

— Ровно ничего... Но она мнѣ показалась нервною и взволнованною... Если у нея нѣтъ увѣренности, то у нея есть подозрѣнія... Но что̀ до меня, то мнѣ скорѣе кажется, что ей все извѣстно...

— Все? Да вѣдь ровно ничего нѣтъ...

— Какъ ничего? Въ такомъ случаѣ это платоническая любовь?

— Да, платоническая, какъ ты выражаешься... Тутъ нѣтъ ничего, потому что ничего не можетъ быть... Мы разъединены препятствіемъ, которое сильнѣе насъ...

— Честью?

Тейсье отвѣчаетъ только однимъ пожатіемъ плеча.

— Ея мужъ твой другъ?

— Мужа нѣтъ...

Монде, который до сихъ поръ продолжалъ между вопросами ѣсть свой супъ, вдругъ опускаетъ ложку:

— Нѣтъ мужа?.. Такъ это молодая дѣвушка?.. Ахъ, мой бѣдный другъ, въ какую ты попалъ исторію!..

Потомъ, какъ бы осѣненный внезапнымъ свѣтомъ, онъ восклицаетъ:

— Ахъ, Боже мой!.. Бланшъ!.. Бланшъ Эстевъ!.. Несчастный! да подумалъ ли ты о томъ?.. Вѣдь это дочь нашего лучшаго друга!..

— Подумалъ, я думалъ обо всемъ, мой добрый Монде... И она также обо всемъ думала, увѣряю тебя...

— Такъ она знаетъ!

— Да, знаетъ... и... любитъ меня...

Монде вскакиваетъ изъ-за стола въ большомъ волненіи и нѣсколько разъ ходитъ изъ угла въ уголъ, пока слуга мѣняетъ тарелки.

— Но, наконецъ, говоритъ онъ снова садясь,—на что же вы идете?.. Что вы думаете дѣлать?.. Вы вѣдь не дѣти, во всякомъ случаѣ ты-то уже не ребенокъ... Вы не можете же не понимать, что это невозможно!..

— Мы это понимаемъ...

И Мишель продолжаетъ, какъ бы говоря въ какомъ-то полуснѣ:

— Да, мы это понимаемъ... мы сознаемъ всю глубину, разъединяющей насъ бездны... мы сознаемъ, что ничто не въ силахъ соединить насъ... Существуетъ только одинъ исходъ, мой другъ, и мысль о немъ не разъ соблазняла меня: развестись, чтобы жениться на Бланшѣ...

— А жена твоя? съ рѣзкимъ движеніемъ восклицаетъ Монде. Вѣдь ты убилъ бы ее... А твои дѣти? развѣ ты о нихъ забываешь?..

— Нѣтъ, продолжаетъ своимъ ровнымъ голосомъ Мишель,— я о всѣхъ о нихъ думалъ... И я понялъ, что и этотъ исходъ точно также невозможенъ... И я сжегъ свои корабли, какъ ты сказалъ вчера, не помышляя о томъ, какъ ты вѣрно угадалъ... Ты былъ правъ. Я требовалъ отмѣны развода именно для того, чтобъ отрѣзать себѣ этотъ путь... Политическая ошибка, говоритъ де-Торнъ... Вотъ что для меня-то ужь вполнѣ безразлично!.. Если ты полагаешь, что я думаю о томъ, что говорю, что дѣлаю, думаю о своей партіи...

— Знаешь ли, ты просто бредишь? Знаешь ли ты, что то, что ты мнѣ говоришь, это... это почти смѣшно? Человѣкъ твоихъ лѣтъ, въ твоемъ положеніи...

— Моихъ лѣтъ?.. Да я настоящій ребенокъ, милый другъ!.. Моему сердцу не болѣе восемнадцати лѣтъ!.. Я никогда не жилъ достаточно, чтобъ оно успѣло состарѣться, и я люблю, какъ юноша... Что же до моего положенія, то я проклинаю его каждый день, потому что, будь я простымъ, частнымъ лицомъ...

— Ну?

— Ахъ, я и самъ уже не знаю, что говорю... Я часто думаю о томъ, что не нынче, завтра, откроютъ наши невинныя отношенія, наши бѣдныя письма, наши свиданія въ церквахъ... Это подхватитъ какая-нибудь газета... Появятся каррикатуры, статьи... Я прослыву чудовищемъ лицемѣрія... Мнѣ только и остается, что подать въ отставку изъ депутатовъ и исчезнуть въ глуши частной жизни, а вслѣдъ мнѣ во имя оскорбленной мною нравственности подниметъ вой добродѣтельная шайка всякихъ Діе-

лей и имъ подобныхъ... Да, я часто помышляю о возможности этой случайности, и увѣряю тебя, нисколько не боюсь ея...

— Вотъ какъ!.. А отдаешь ли ты себѣ отчетъ въ томъ, что рушится вмѣстѣ съ тобой?.. Ты не одиноко стоящій отдѣльный человѣкъ: ты представляешь собою цѣлую общественную группу... Я скажу тебѣ даже, что ты почти являешься душою цѣлой страны...

— И ты скажешь глупость, мой милый!.. Исчезну я, и для выполненія моей роли найдется другой, болѣе достойный... Напримѣръ, де-Торнъ, который, не знаю почему, немного тушуется за мною... Вотъ у него такъ ужь не было бы никакихъ слабостей, а еслибъ и были, то это ровно ничего бы не значило; онъ человѣкъ ловкій, вполнѣ владѣетъ собою, честолюбивъ... У меня же лично этого нѣтъ, я простакъ...

— Ты искрененъ, вотъ что ты хочешь сказать... дѣло въ томъ, что ты человѣкъ единственный, или почти единственный, что ты сильнѣе ихъ всѣхъ, и что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи замѣнить тебя...

— Ты полонъ заблужденій на мой счетъ, другъ! Впрочемъ оставайся я тамъ, гдѣ я есть, или же погибни я, замѣнитъ ли меня кто-нибудь или не замѣнитъ, это самая ничтожная сторона вопроса... Мнѣ было бы стыдно заботиться о ней... Но какъ только я подумаю,—а я только объ этомъ и думаю,— я совершенно игнорирую свою роль, свое положеніе, положеніе моей партіи: я только и помышляю, что о небольшомъ количествѣ существъ, которыхъ прямо касаются мои чувства и мои поступки: о моей женѣ, которую я все-таки продолжаю любить, о моихъ дѣтяхъ, о ней... Увы! вотъ онѣ-то всѣ и составляютъ препятствіе!.. Для меня счастіе недостижимо безъ того, чтобы не страдали онѣ... какъ я уже и говорилъ тебѣ, выхода нѣтъ...

Слуга долженъ былъ рѣзать птицу и разговоръ прекратился на болѣе продолжительный промежутокъ времени. Оба друга сидятъ безмолвно, облокотясь руками на столъ, каждый углубленный въ свои собственныя мысли. Когда они снова остаются одни, Монде медленно говоритъ:

— Прежде всего, мы не имѣемъ права дѣлать несчастными тѣхъ, кто насъ любитъ и кто ни въ чемъ невиновенъ предъ нами.

— Я это знаю, отвѣчаетъ Мишель.

И онъ продолжаетъ медленно, пространно, довольный тѣмъ, что можетъ высказать всѣ свои долгія сердечныя муки.

— Еслибы ты только зналъ, какіе нелѣпые планы я создавалъ въ умѣ!... Впрочемъ, ты можешь о нихъ догадываться по тому, что̀ я уже говорилъ тебѣ... Разводъ являлся еще самымъ разумнымъ изъ плановъ... Да, я мечталъ о романтическихъ похищеніяхъ, о бѣгствѣ въ невѣдомыя страны, о двойномъ самоубійствѣ послѣ краткаго мѣсяца полнаго счастія... Думалъ я также и о смерти для одного себя... О, смерти я менѣе всего боюсь, она все устраиваетъ... Но къ чему всѣ эти бредни? Все это неисполнимо: выхода нѣтъ...

— Выхода нѣтъ, повторяетъ Монде, сразу не находя сказать ничего другаго.

Затѣмъ онъ вдругъ горячо продолжаетъ:

— Да нѣтъ же, выходъ есть! Соберите всю свою энергію... и, такъ какъ вы ничѣмъ не можете быть другъ для друга, то перестаньте видѣться! Вѣдь ты мужчина, ты разуменъ, силенъ...

— Не могу!...

— Такъ ты любишь свое страданіе въ такомъ случаѣ?

— Да, я люблю мое страданіе... Отказаться отъ него свыше моихъ силъ...

— Чего человѣкъ хочетъ, онъ можетъ.

— Да, если дѣло не касается сердца...

— Въ такомъ случаѣ вы погибли.

— Что̀ ты хочешь этимъ сказать?...

— О, ты отлично меня понимаешь... Ты достаточно ясно сознаешь свое безуміе, чтобы не понимать этого...

— Ты хочешь сказать, что мы кончимъ такъ, какъ кончаютъ такое множество другихъ, что она просто сдѣлается моею тайною любовницей, не такъ ли? Нѣтъ, другъ мой, ты ошибаешься... Этого никогда не будетъ: это вещь наименѣе возможная, наиболѣе отвратительная... Вопервыхъ, она никогда бы на это не согласилась: у нея слишкомъ высокая душа, чтобъ исполнять подобную роль со всѣмъ лицемѣріемъ, со всѣми низостями, со всѣмъ позоромъ, съ которыми она сопряжена... А вовторыхъ, я и самъ не захотѣлъ бы этого... Нѣтъ, нѣтъ, не говоря уже обо всемъ томъ, что̀ меня удерживаетъ, я видишь-ли, слишкомъ люблю ее для этого!...

Монде покачалъ головой.

— О, ты такъ говоришь, такъ думаешь... но достаточно внезапнаго чувственнаго порыва...

— Это бываетъ только въ натуралистическихъ романахъ... Мы владѣемъ собой, у насъ есть воля...

— До той минуты, когда вы перестанете владѣть собой...

— Нѣтъ. Я вполнѣ знаю, насколько сильна въ насъ воля...

Монде снова встаетъ и снова принимается ходить изъ угла въ уголъ. Затѣмъ онъ останавливается предъ своею дымящеюся чашкой кофе:

— Ахъ, вы бѣдныя, бѣдныя существа! восклицаетъ онъ съ глубокимъ состраданіемъ. Вы боретесь противъ самихъ себя, противъ природы... Вы боретесь отважно, я это допускаю, какъ люди честные, любящіе добро... Но, если вы сами не положите конца вашему безумію,—такъ или иначе, то вы будете побѣждены... Съ любовью не шутятъ, чортъ возьми! А если люди обладаютъ высокою душой, какъ ты говоришь, то они должны возвысить свою прозорливость и свою волю на уровень своей души... Иначе... Позволь мнѣ говорить съ тобой откровенно, Мишель, какъ старому другу, который имѣетъ право забыть о высотѣ твоего положенія... Иначе, вы падете, и паденіе ваше будетъ еще хуже, чѣмъ паденіе людей среднихъ, которые мирятся съ обычнымъ исходомъ и дозволенными низостями... Въ жизни каждаго человѣка страсть является несчастнымъ случаемъ, не болѣе того... Берегись, чтобъ у васъ страсть не сдѣлалась катастрофой...

Мишель отвѣчаетъ не тотчасъ же, и Монде наблюдаетъ за нимъ, нѣсколько надѣясь на то, что его слова разбудили въ немъ нѣкоторые дремавшіе отголоски. Спокойно, спокойнымъ движеніемъ, какъ это иногда бываетъ у людей, въ груди которыхъ клокочетъ самая ужасная буря, Мишель закуриваетъ сигару и слѣдитъ глазами за клубами дыма, поднимающимися кверху среди электрическаго освѣщенія комнаты. Можно почти подумать, что это занимаетъ его, что онъ ни о чемъ другомъ и не думаетъ; но вотъ, послѣ продолжительнаго безмолвія, съ устъ его срывается слѣдующее восклицаніе:

— Жребій брошенъ! будь, что̀ будетъ!..

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Эдуардъ Родъ.

НИЗШЕЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ.

Вглядываясь въ положеніе школьнаго дѣла въ Россіи, мы не можемъ не придти къ заключенію, что нѣтъ государственнаго дѣла болѣе заброшеннаго, чѣмъ это. Стараясь отвѣтить на вопросъ, есть ли низшее народное образованіе государственная потребность или нѣтъ, мы не можемъ не придти къ заключенію, что таковою оно не признается; дѣйствительно, сравнивая его съ положеніемъ средняго и высшаго образованія, мы видимъ, что оно въ положеніи пасынка по отношенію къ роднымъ дѣтямъ. Всѣ дѣти духовныхъ, нуждаясь въ образованіи, находятъ таковое въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, имѣющихся въ каждой епархіи; дѣти дворянъ и разночинцевъ всегда могутъ найти мѣсто въ гимназіи и реальномъ училищѣ въ своей губерніи; дѣти городскихъ жителей вездѣ имѣютъ къ своимъ услугамъ уѣздное училище. Что̀ же сказать о крестьянинѣ, желающемъ дать возможность своему сыну написать ему письмо, когда онъ будетъ въ солдатахъ, или не стоять въ церкви истуканомъ, не понимающимъ ни слова изо всей службы? Въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ этой возможности не имѣетъ; когда же есть школа болѣе или менѣе порядочная въ той деревнѣ, гдѣ онъ живетъ, то это есть не что̀ иное, какъ счастливая случайность. По оффиціальнымъ даннымъ, на 500 тысячъ слишкомъ населенныхъ мѣстъ въ Россіи имѣется не болѣе 40 тысячъ школъ; если мы при этомъ выкинемъ всѣ тѣ школы, которыя значатся на бумагѣ и которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ, а также и тѣ (коихъ громадное большинство), которыя не вмѣщаютъ и десятой доли желающихъ учиться, то дай Богъ, чтобы нашлось въ Россіи ты-

сячъ 5—10 школъ, удовлетворяющихъ самымъ насущнѣйшимъ потребностямъ въ грамотности. Въ чемъ же дѣло? Школы въ Россіи всѣ существуютъ, такъ-сказать, на частную благотворительность; государство же, кромѣ расходовъ на инспекцію и на мало полезныя министерскія образцовыя школы, не тратитъ ничего, тѣмъ самымъ какъ будто говоря обществу: хотите—учитесь, мнѣ же до этого нѣтъ никакого дѣла. Между тѣмъ, врядъ ли нужно доказывать, что въ этомъ отношеніи уже слишкомъ много упущено времени, и что косность нашего народа, на которую мы слышимъ столько жалобъ, есть не что̀ иное, какъ продуктъ его невѣжества. Мнѣ кажется, что не можетъ не рѣзать глаза контрастъ между нашими городами, съ громадными фабриками, освѣщенными электричествомъ, нашими желѣзными дорогами съ роскошными поѣздами и станціями, нашими университетами, переполненными учащимися, и несчастною русскою деревней, не имѣющей возможности научить своихъ дѣтей разницѣ между Богородицей и Троицей.

У насъ имѣются два типа школъ: церковно-приходская со школой грамоты и земская съ сельскою школой.

Попробуемъ разобрать въ отдѣльности эти два типа и опредѣлить, какія надежды можемъ возлагать на тѣ и на другія.

Вообразимъ, что та цѣль, къ которой мы не можемъ не стремиться (всенародная грамотность) можетъ быть достигнута церковною школой со школой грамоты: какіе для этого требуются отъ духовенства подвиги и какія даются ему на это средства? Всякій священникъ, имѣя среднимъ числомъ, ну, хоть два поселка въ приходѣ, долженъ открыть двѣ школы: одну при церкви, другую въ деревнѣ; въ одной будетъ обучать, положимъ, діаконъ, въ другой—отставной солдатъ; самъ же онъ будетъ законоучителемъ обѣихъ школъ. Первый вопросъ: гдѣ они будутъ учить? Въ крестьянской избѣ? А сколько въ ней помѣстится учениковъ? Врядъ ли пятая часть желающихъ. Затѣмъ можетъ быть очень поэтична картина босоногихъ ребятъ, забившихся на лавки, на печку, на нары и слушающихъ разсказы изъ Священной Исторіи у стараго діакона, но врядъ ли, предполагая даже, что это будетъ повсемѣстно, это приведетъ насъ къ грамотному поколѣнію. Первое, что требуется—это помѣщеніе, второе—учебныя пособія, третье—умѣлость преподавателя. Церковная, а тѣмъ болѣе школа грамоты, помѣщается или въ тѣсной церковной караулкѣ, или въ наемной избѣ, или въ домѣ у священника; можетъ ли такая

школа удовлетворять потребности въ количественномъ отношеніи? Очевидно нѣтъ. Стóитъ ли говорить о тѣхъ немногихъ церковныхъ школахъ, для которыхъ благотворителями строятся подобающія помѣщенія? Очевидно, это капля въ морѣ. Плохо же школьное дѣло въ Россіи, если считаютъ нужнымъ каждый разъ оповѣщать въ газетахъ, что выстроена хорошая школа, и это при 500 тысячахъ поселкахъ въ Россіи! Итакъ, церковная школа помѣщенія не имѣетъ.

Каковы же въ церковныхъ школахъ учебныя пособія? Много ли высылаютъ учебниковъ отдѣленія епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ? Всякій мало-мальски знакомый съ дѣломъ знаетъ, что и десятой доли той потребности, которая теперь ощущается при такомъ маломъ числѣ учащихся, не удовлетворяется отдѣленіями за недостаткомъ средствъ; и дѣйствительно, можно ли вообразить, чтобы такая громадная государственная потребность покрывалась пожертвованіями? И такъ теперешняя церковная школа, не удовлетворяя и не будучи когда-либо въ состояніи удовлетворить въ количественномъ отношеніи потребности населенія, не обезпечена и учебными пособіями. Я лично былъ свидѣтелемъ, какъ сравнительно хорошая школа пользовалась цѣлый годъ чернилами изъ волостнаго правленія или какъ у каждаго мальчика была своя азбучка, купленная у коробейника, при чемъ, конечно, всѣ онѣ были различны. Церковь же мѣстная школу обезпечивать не можетъ, такъ какъ всевозможныя обложенія не оставляютъ въ большинствѣ случавъ въ церковныхъ кассахъ достаточно денегъ на необходимый ремонтъ, не говоря уже о пособіяхъ для школы.

Переходимъ къ составу учителей церковныхъ школъ.

Учитъ діаконъ или псаломщикъ, а въ школѣ грамоты — отставной солдатъ. Могутъ ли тѣ и другіе удовлетворить этой цѣли? Очевидно нѣтъ. Часть діаконовъ не можетъ учить по старости, другая состоитъ изъ неспособныхъ учениковъ Семинаріи и духовныхъ училищъ, не окончившихъ курсъ и потому врядъ ли могущихъ быть порядочными преподавателями, третій разрядъ, окончившихъ курсъ, считаетъ это за навязанную ему обузу и болѣе читаетъ въ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* списокъ вакантныхъ священническихъ мѣстъ, нежели радѣетъ о школѣ. Что же касается стараго солдата, то тоже весьма поэтична картина стараго Николаевскаго служаки, у котораго на колѣнахъ и на плечахъ сидятъ ребятишки съ открытыми ртами, слу-

шающіе, какъ дѣдушка Антипъ складываетъ „буки азъ-ба". Но опять-таки никогда не повѣрю, чтобъ это былъ желательный контингентъ учителей.

Перейдемъ къ священнику, обязанному завѣдывать школой.

Неужели этотъ несчастный священникъ имѣетъ слишкомъ мало дѣла въ приходѣ, чтобы на него возлагать новое громадное дѣло; или у насъ такъ хорошо идетъ церковная проповѣдь и праздничныя собесѣдованія, что къ нимъ священнику готовиться нечего? Или всѣ другія обязанности священника, какъ пастыря и отца прихода, исполняются уже такъ аккуратно? Умиряетъ ли онъ всѣхъ ссорящихся? Предотвращаетъ ли расколъ и штунду, чтобы можно было вывести заключеніе, что пора ему въ отношеніи къ своимъ прямымъ обязанностямъ почить на лаврахъ и взяться за обученіе народа грамотѣ? Врядъ ли это есть его прямое назначеніе, а если ему и вмѣняется въ обязанность τὰ γράμματα διδάσχειν, то врядъ ли подъ этимъ подразумѣвается грамота, а не Священное Писаніе.

Все, что я говорю, не доказываетъ, что церковная школа въ настоящее время безполезна. Есть прекрасныя церковныя школы, хорошо обстроенныя, не нуждающіяся въ пособіяхъ, съ прекрасными учителями, но все это исключеніе и не можетъ на этомъ зиждиться вся система народнаго образованія. Прекрасенъ примѣръ и того священника, который отъ трудовъ въ приходѣ отдыхаетъ въ школѣ, а отъ трудовъ школьныхъ—въ приходѣ, но можно ли ожидать, что такому подвижнику уподобятся всѣ сельскіе пастыри?

Переходимъ къ другому типу школъ: школѣ земской и сельской.

Если въ школѣ церковной мы видимъ стремленіе къ всенародной грамотности безъ достаточныхъ на то средствъ, то въ земской мы видимъ другой недостатокъ: удивительная пестрота по уѣздамъ. Въ предѣлахъ одной и той же губерніи мы встрѣчаемся съ уѣздами, гдѣ нѣтъ ни одной земской школы, между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ уѣздѣ дѣло обставлено сравнительно хорошо. Зависитъ же это отъ того, что составъ земскаго собранія въ этихъ двухъ уѣздахъ различный, или отъ того, что въ одномъ уѣздѣ нашелся человѣкъ, посвятившій школьному дѣлу своего уѣзда всю свою жизнь, вложившій въ него душу, въ сосѣднемъ же уѣздѣ такого человѣка не оказалось. Такимъ образомъ опять же земство является благотворителемъ: хочетъ—жертвуетъ, если считаетъ школу стоющей жертвы, не считаетъ—не

жертвуетъ. То же можно сказать и о сельскомъ обществѣ. Міръ, что ни говорятъ наши общинники, удивительно мало подвиженъ на всякія добрыя предпріятія, хотя уговорить его не особенно трудно, если найдется человѣкъ. Я знаю много сельскихъ школъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ доброму священнику, дѣятельному старшинѣ, умному писарю. Сосѣднее село и сдѣлало бы то же, но двигателей не оказалось. И здѣсь мы видимъ принципъ благотворительности. Но какъ же послѣ этого не сказать, что народная школа есть пасынокъ Государства: покормятъ сосѣди—живъ, не покормятъ—умираетъ. Результатомъ выходитъ, что нѣкоторые уѣзды могутъ похвалиться школьнымъ дѣломъ, въ другихъ же школъ вовсе нѣтъ. Примемъ при этомъ во вниманіе, что и способы достиженія той же цѣли у различныхъ земствъ различны: одни вводили это дѣло постепенно, имѣя конечно цѣлью грамотность всего населенія, пріучали само населеніе участвовать въ большей мѣрѣ въ расходахъ по школѣ и тѣмъ поставили дѣло на прочную ногу, другіе слишкомъ горячо взялись за дѣло: всѣ расходы брали на свой счетъ, настроили чуть-ли не дворцы, затѣмъ сами испугались цифры школьнаго бюджета и начали пятиться, населеніе же, привыкшее уже къ даровой школѣ, на нее тратить не хочетъ. Нѣкоторымъ изъ такихъ земствъ уже приходится обращаться къ частной благотворительности. Третьи, наконецъ, давали на школьное дѣло денегъ, чтобы избѣгнуть упрека въ обскурантизмѣ, но особенно выработаннаго плана не имѣли, Въ послѣдніе годы сталъ являться новый тормазъ — недостатокъ денегъ. Пришлось сокращать бюджетъ школьный волей-неволей. Бѣдная школа, которая и существуетъ только, пока есть урожай! Чего же намъ говорить болѣе про земскую школу? Если есть хотя нѣсколько большее, чѣмъ церковныхъ, число школъ хорошо отстроенныхъ, хотя учебныхъ пособій почти всегда достаточно, учителя большею частію подходящіе, но можетъ ли такое положеніе быть названо мало-мальски удовлетворительнымъ? Очевидно нѣтъ. Очевидно оба типа школъ не удовлетворяютъ требованію: церковныя—за недостаткомъ средствъ и времени у духовенства, земскія — отчасти тоже за недостаткомъ средствъ, отчасти по неимѣнію людей преданныхъ дѣлу.

Какой же можетъ быть сдѣланъ выводъ? По моему только одинъ: школа должна быть ни церковная, ни земская — школа должна быть государственная. Только тогда можно ввести одно-

образіе въ распредѣленіе школъ по Имперіи, тогда всѣ школы могутъ быть одинаково обезпечены не роскошно, но достаточно для достиженія одной великой, святой цѣли—просвѣщенія *всего* народа,—конечно, въ духѣ церковности.

Постараюсь изложить вкратцѣ тѣ основанія, на которыхъ могла бы быть построена система государственной школы, и какіе бы можно было разыскать источники для доставленія ей необходимыхъ средствъ какъ для возникновенія, такъ и дальнѣйшаго существованія.

Для того, чтобы могло идти ученіе правильно, первое условіе должно быть, какъ мы говорили,—приспособленное и достаточно большое помѣщеніе. Въ Козловскомъ Земствѣ, которое можетъ считаться въ дѣлѣ народнаго образованія образцовымъ и гдѣ много прекрасныхъ школьныхъ зданій, принято считать, что расходъ на постройку обходится въ 10—12 руб. на ученика; надо при этомъ принять во вниманіе, что постройки въ Козловѣ какъ деревянныя, такъ и каменныя чрезвычайно дороги. Во избѣжаніе всякой ошибки примемъ норму въ 14 руб. Школьный возрастъ составляетъ 7% всего населенія. Такимъ образомъ расходъ населенія на постройку прекрасныхъ и достаточныхъ каменныхъ училищъ составляетъ максимумъ одинъ рубль на душу. Сопоставимъ этотъ расходъ съ нѣкоторыми другими. Козловскій уѣздъ по весьма точнымъ вычисленіямъ расходуетъ болѣе трехъ руб. съ жителя на водку; эта цифра получится и для всей Россіи, если къ акцизному доходу прибавимъ стоимость водки и барышъ кабатчика. Итакъ все что требуется отъ населенія,—это расходъ третьей части того, что оно пропиваетъ въ теченіе года. Вообще очень ложно представленіе общества на платежныя силы нашего народа..

Въ прошломъ году казалось, что народъ дошелъ до крайняго обѣднѣнія; въ нынѣшнемъ году картина сразу измѣнилась при среднемъ урожаѣ: безо всякаго насилія удалось собрать подати за два года почти безъ недоимки. Если нашъ народъ часто не платитъ, то это происходитъ отъ того, что въ обществѣ составилось совершенно ложное понятіе о бѣдности мужика и отъ того, что мужикъ это знаетъ, пользуется этимъ и не желаетъ платить. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ весьма страннаго явленія: одна волость казалась совершенно нищею и до января не платила ничего; волей-неволей пришлось полиціи назначать

торги; собрали скотину, но мужики до продажи, конечно, не допустили и въ нѣсколько часовъ собрали, кажется, пять или шесть тысячъ, оставили за собою 75 рублей недоимки. Если нашъ мужикъ бѣденъ, то причина этого кроется въ немъ самомъ: недостатокъ въ потребностяхъ, лѣнь, привычка къ разнымъ льготамъ, всѣ явленія, происходящія отъ недостатка твердой власти и отъ страха предъ псевдофилантропическими, либеральными воплями.

Возвращаюсь къ школамъ. Школа должна быть признана необходимостью каждой деревни, и населеніе обязано построить школы у себя, по даннымъ ему планамъ; повторяю, это такъ легко, какъ нельзя болѣе; будь у народа сознаніе, что это быть должно, мы бы вскорѣ увидали Россію покрытою сѣтью прекрасныхъ школъ. Въ нынѣшнемъ году послѣ голода во многихъ мѣстахъ было приказано, чтобы во всѣхъ селеніяхъ были хлѣбозапасные магазины, и таковые выросли въ теченіе мѣсяца, какъ только народъ убѣдился, что съ нимъ не шутятъ. Часто приходилось видѣть, какъ распоряженія начальства не исполнялись подчиненными, и это сходило съ рукъ; еслибы народъ зналъ, что съ нимъ не шутятъ никогда, то и смотрѣлъ бы иначе на приказанія; лучше не издавать закона и не давать приказаній, нежели не настаивать на ихъ исполненіи. Такъ и здѣсь, какъ мужики увидали, что хлѣбозапасные магазины должны быть построены, такъ они и воздвиглись. Гдѣ народъ созналъ пользу школъ (увы! весьма въ немногихъ мѣстахъ), тамъ онъ ихъ строитъ самъ, и это чрезъ годъ послѣ голода! Мы полагали стоимость помѣщенія на одного ученика въ четырнадцать рублей и утверждаемъ, что, сдѣлавъ постройку этихъ школъ обязательною, какъ постройку волостныхъ правленій и настоявъ на исполненіи этого приказанія, Правительство чрезъ три, четыре года безо всякаго отягощенія населенія могло бы построить въ Россіи нужныхъ 100—200 тысячъ школъ.

Переходимъ къ содержанію этихъ школъ послѣ постройки ихъ.

Различной величины селенія нуждаются и въ школахъ различной величины, причемъ и содержаніе ихъ будетъ различно; думаю достаточно было бы выработать пять или шесть типовъ, которые бы разнились какъ по величинѣ, такъ и по штату преподавателей и количеству потребныхъ пособій. Козловскій уѣздъ принимаетъ на себя содержаніе школы съ условіемъ взноса отъ крестьянскаго общества тридцат копѣекъ съ души, остальные

же расходы беретъ на себя. Мудрое постановленіе, пріучающее крестьянъ участвовать въ расходахъ на школы, упрочивающее положеніе каждой школы, доказывающее, что если школа строится, то она—потребность, сознанная самимъ населеніемъ! Сильное распространеніе школъ въ уѣздѣ доказываетъ, что это бремя не есть бремя непосильное, тѣмъ болѣе, что оно есть добровольное. Къ сожалѣнію, не вездѣ народъ къ тому пріученъ и еслибы желали слѣдовать этой системѣ, то, не говоря о томъ, что на это потребовались бы десятки лѣтъ, не вездѣ она была бы примѣнима, такъ какъ народъ, вкусивъ дароваго обученія, добровольно не согласился бы тратить на него деньги. Какъ для скорѣйшаго достиженія желаемой нами цѣли, такъ и для равномѣрности участія народа въ тратахъ на свое образованіе такое обложеніе должно бы быть обязательнымъ. Мнѣ станутъ возражать, что это былъ бы новый налогъ: на это я отвѣчу, что да, но налогъ опять-таки не обременительный, а вовторыхъ, самый справедливый, такъ какъ каждая собранная съ общества копѣйка пошла бы на это самое общество. Приплачивать приходилось бы для того, чтобы школа была вполнѣ организована отъ 60 до 70%, то-есть копѣекъ двадцать на душу. Это должно быть обязательнымъ расходомъ земства по народному образованію; иначе какъ обязательнымъ этотъ расходъ быть не можетъ, такъ какъ, странно сказать, но не всѣ земства пришли еще къ убѣжденію, что начальная школа для насъ почти такъ же необходима, какъ воздухъ и хлѣбъ. Вотъ тѣ основанія, вотъ тѣ средства, которыя обезпечивали бы нашу школу; если при томъ эти средства мы будемъ расходовать для большаго обезпеченія своевременности платежей изъ Государственнаго Казначейства, причемъ крестьянскія общества и земства вносили бы положенныя суммы въ то же Казначейство, то тогда мы можемъ прямо сказать, ничто не помѣшаетъ школѣ функціонировать правильно, безостановочно и тѣмъ удовлетворять этой потребности нашего крестьянскаго населенія. Я вѣрую, что такой расходъ крестьянъ и земства стократъ возвратится и тому и другому, такъ какъ главные наши грѣхи, пьянство и лѣнь, могутъ имѣть только одно противоядіе—школу, опирающуюся на Церковь. Если мы сознали, что дѣло плохо, что нашъ народъ спивается все болѣе и болѣе, если все чаще и чаще слышимъ проклятія противъ кабаковъ, если видимъ, что несмотря на это знаніе, ни строгость, ни убѣж-

денія, ни даже собственная нищета не спасаетъ его отъ пьянства, то пусть же мнѣ укажутъ какое-либо другое средство борьбы кромѣ воспитанія, такъ какъ сельская школа должна быть не мѣстомъ обученія только, но, главное, воспитанія.

Въ другой разъ я вернусь къ цифрамъ, мною примѣрно взятымъ въ опредѣленіи какъ стоимости постройки школъ, такъ и содержанія; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онѣ весьма близки къ тому, что̀ вызывается потребностью.

Само собою разумѣется, что типы школъ должны быть весьма различны, смотря по величинѣ селъ, въ которыхъ онѣ строятся. Опредѣлить же величину постройки, число учениковъ, какое возможно возложить на одного учителя, количество и качество учебныхъ пособій, содержаніе, которое должно быть опредѣлено учителямъ и ихъ помощникамъ,—все это дѣло дальнѣйшей разработки этого вопроса; то же, на чемъ я настаиваю, есть принципъ обязательности устройства школъ повсемѣстно, а можетъ-быть и принципъ обязательности обученія каждаго мальчика.

Относительно контингента учащихъ мы на первое время встрѣтимъ затрудненіе, такъ какъ не приготовлено достаточное число учителей, но врядъ ли это затрудненіе помѣшало бы исполненію самаго дѣла, такъ какъ приготовить должное число учителей не особенно трудно.

Расходомъ крестьянскихъ обществъ и земствъ не исчерпывается вся потребность въ деньгахъ по народному образованію, остаются двѣ статьи расхода: образованіе учителей и инспекція. Этотъ расходъ долженъ лечь на государство, но бояться его опять-таки не слѣдуетъ; стòитъ только сравнить бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на низшее образованіе съ бюджетами Министерства Военнаго и Путей Сообщенія. Инспекція должна быть повсемѣстно правительственная, никакъ не земская, причемъ, конечно, число инспекторовъ должно будетъ увеличиться; можетъ-быть, найдутся большіе уѣзды, гдѣ и одного инспектора на уѣздъ будетъ мало. Образованіе же учителей должно быть въ зависимости отъ того, какому вѣдомству будутъ подчинены сельскія школы, такъ какъ, очевидно, при государственной школѣ таковыя должны быть объединены въ одномъ вѣдомствѣ.

Я не могу допустить мысли, чтобы школа не была церковная по своему духу; еслибы мнѣ предложили школу не строго пра-

вославную, то отвѣтъ могъ бы быть только одинъ: пусть народъ пьетъ, пусть народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, пусть народъ бѣднѣетъ, лишь бы никогда не видать въ Россіи лаической школы. Необходимость надзора бдительнаго, строгаго, неукоснительнаго со стороны духовенства есть условіе, безъ котораго никакая школа не должна въ Россіи существовать. Такимъ же образомъ не должно въ Россіи быть школы безъ законоучителя-священника или діакона, но другое будетъ дѣло, если учительство будетъ возложено на членовъ причта. Нельзя отъ человѣка требовать двухъ дѣлъ. Имѣя особаго учителя, школьный инспекторъ можетъ его перевести за нерадѣніе въ худшую школу, можетъ его вовсе уволить, чего не можетъ быть при духовномъ учителѣ. Это чувствуется даже теперь, гдѣ на діаконѣ лежатъ двѣ обязанности: одинъ и тотъ же діаконъ можетъ быть прекраснымъ діакономъ и очень плохимъ учителемъ. Въ какомъ положеніи будетъ епархіальное начальство, если одного и того же діакона благочинный будетъ представлять къ наградѣ, а наблюдатель къ выговору? Если же на діакона смотрѣть исключительно какъ на учителя, то, вопервыхъ, онъ долженъ быть освобожденъ отъ всѣхъ требъ и отъ будничной службы, вовторыхъ, онъ не долженъ быть назначаемъ изъ окончившихъ курсъ Семинаріи, чтобы онъ не смотрѣлъ на свое діаконское мѣсто какъ на переходную ступень, а видѣлъ бы въ своей школѣ единственную свою заботу, причемъ бы всецѣло зависѣлъ отъ особой духовно-школьной инспекціи. Какъ контингентъ свѣтскихъ учителей, такъ и контингентъ учителей-діаконовъ могъ бы образоваться изъ окончившихъ уѣздное или духовное училище съ прибавленіемъ одного педагогическаго класса. Впрочемъ, уѣздныя училища и теперь требуютъ полнаго преобразованія, а тогда бы еще болѣе. Опять-таки мнѣ было бы болѣе симпатично видѣть обязанность готовить учителей лежащею на школахъ духовнаго вѣдомства. Такъ и инспектора могли бы быть назначаемы исключительно изъ академиковъ и студентовъ Семинаріи, что для нихъ было бы болѣе подходящимъ дѣломъ, нежели кандидатамъ по философіи и богословію быть въ духовныхъ училищахъ и Семинаріяхъ преподавателями древнихъ и новыхъ языковъ и математики, каковыхъ предметовъ они часто сами не знаютъ основательно, и гдѣ бы они съ успѣхомъ могли быть замѣнены университантами. При образованіи въ Россіи особаго класса

свѣтскихъ или духовныхъ учителей и положеніе ихъ могло бы быть упрочено первое тѣмъ, что имъ могли бы быть даны права государственной службы, второе — учрежденіемъ для нихъ пенсіи и эмиритуръ. Дѣйствительно, что̀ ужаснѣе теперь положенія семейнаго учителя, по болѣзни обязаннаго оставить школьныя занятія? Изъ этого видно, что второстепеннымъ является отнесеніе школьнаго дѣла въ свѣтское или духовное вѣдомство при соблюденіи слѣдующихъ условій, составляющихъ conditio sine qua non успѣшности веденія дѣла: 1) учитель, свѣтскій ли, діаконъ ли, долженъ получать опредѣленное жалованье и зависѣть даже и во второмъ случаѣ единственно отъ школьнаго инспектора; этимъ мы будемъ застрахованы отъ небрежнаго преподаванія, 2) надзоръ за воспитательною стороной дѣла и преподаваніе Закона Божія должны лежать на духовенствѣ, что̀ не дастъ школѣ сойти съ истиннаго пути, 3) положеніе учителя должно быть упрочено въ смыслѣ большей увѣренности, что семья его не умретъ съ голода, если онъ потеряетъ способность работать: это придастъ ему бодрости и энергіи въ его трудахъ. Вотъ тѣ основанія, на которыхъ, мнѣ кажется, могла бы быть удовлетворена насущная потребность крестьянскаго населенія въ низшемъ образованіи.—Вторымъ шагомъ на этомъ пути было бы введеніе обязательнаго обученія сначала мальчиковъ, а въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ и дѣвочекъ; вводить бы это можно было постепенно лишеніемъ неграмотныхъ нѣкоторыхъ правъ: права голоса на сходѣ, а впослѣдствіи можетъ быть и права полученія надѣла при новыхъ передѣлахъ; такъ какъ льгота по воинской повинности по образованію была бы уже немыслима, то наоборотъ могъ бы быть нѣсколько удлиненъ для неграмотнаго срокъ службы; возложенъ и обязательный экзаменъ по Закону Божію передъ женитьбой или выходомъ въ замужество; конечно—все мѣры, возможныя только въ будущемъ.

Такого рода реформа была бы, думаю, не менѣе важна, чѣмъ реформа 1861 года, и тѣмъ болѣе была бы своевременна, что явилась бы дополненіемъ той, исправила бы ея главный недостатокъ, сдѣлавъ крестьянское населеніе болѣе способнымъ пользоваться благами свободы и, воспитывая народъ, обуздывала бы тѣ дикіе порывы, для которыхъ нѣтъ болѣе удержу съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права.

Боюсь, какъ бы не подумали, что я, критикуя настоящее положеніе, не оцѣниваю по заслугамъ труды земскихъ дѣятелей и духовенства на поприщѣ народнаго образованія; нѣтъ, наоборотъ — много сдѣлано и тѣми и другими, но самый принципъ благотворительности, на которомъ зиждутся наши школы, очевидно недостаточенъ. Конечно, чѣмъ меньше у нихъ средствъ, тѣмъ болѣе свѣтъ, проливаемый школами земскими и церковными, составляетъ великую заслугу земствъ и духовенства. Но нельзя ли желаніе основать школьное дѣло въ Россіи на принципѣ благотворительности уподобить желанію освѣтить Михайловскій манежъ двумя свѣчами?

Александръ Новиковъ.

Ново-Александровка.
10 февраля 1893 г.

ВОЗМОЖЕНЪ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ДОЖДЬ?[1]

I.

Неурожаи послѣднихъ лѣтъ, бывшіе не только въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ, естественно должны были обратить вниманіе на причины ихъ и на пріисканіе мѣръ, дабы по возможности устранить подобное бѣдствіе на будущее время. Главная причина, конечно, ясна для всѣхъ: это засуха, это — недостатокъ влаги. Уже давно извѣстно изреченіе: „Дайте землѣ воды, и земля дастъ вамъ хлѣба“. Засуха же обусловливается какъ незначительнымъ количествомъ атмосферной влаги, выпадающей на данную площадь въ теченіе года въ формѣ дождя и снѣга, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что даже обильно-выпадающіе иногда дожди или же воды, происшедшія отъ таянія снѣга, чрезмѣрно быстро стекаютъ, поэтому не только не надлежащимъ образомъ всасываются почвой, но даже разрываютъ, разрушаютъ ее въ видѣ потока, унося плодородный слой почвы и оставляя послѣ себя наносы—печальные слѣды наводненія. Мы не будемъ касаться здѣсь этой причины засухъ, вреда происходящаго отъ истребленія лѣсовъ, необходимости облѣсенія нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ губерній. Для удержанія выпавшей атмосферной влаги и для урегулированія ея въ настоящее время въ Россіи предпринятъ рядъ общественныхъ работъ, обѣщающій принести громадную пользу нашему сельскому хозяйству.

[1] Читано въ публичномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 2 февраля 1893 года.

Мы намѣрены говорить здѣсь о предметѣ, который на первый разъ кажется парадоксальнымъ, но который, тѣмъ не менѣе, благодаря печати, проникъ въ публику. Много лицъ, даже нѣкоторые серьезные научные журналы придали вѣру доходившимъ до нихъ слухамъ. Много способствовало этому то обстоятельство, что первыя извѣстія до Европы пришли изъ Сѣверной Америки, а извѣстно, что предпріимчивый и смѣлый Янки ни предъ чѣмъ не останавливается, даже невозможное считаетъ возможнымъ, и, дѣйствительно, часто получаетъ успѣхъ въ такомъ предпріятіи, въ какомъ прочіе народы готовы были усмотрѣть нѣчто совершенно несбыточное, невозможное. Во всякомъ случаѣ, такой вопросъ какъ *„низведеніе съ неба дождя"* естественно долженъ былъ возбудить общее любопытство. Его начали обсуждать вкривь и вкось, не давая себѣ труда взвѣшивать и обдумывать всѣ условія, необходимыя для успѣха подобнаго, почти фантастическаго замысла, и, что главное, обсуждать спокойно, безъ предвзятой идеи.

Исторія естественныхъ наукъ указываетъ на многочисленные примѣры, какъ какое-либо научное мнѣніе или открытіе, появившееся, повидимому, недавно и въ первый разъ, тѣмъ не менѣе зародилось уже давно, но въ то время не обратило на себя должнаго вниманія и подъ наплывомъ интересовъ современной жизни или преобладающихъ въ то время событій пришло въ забвеніе, но потомъ, долго спустя, это мнѣніе и даже открытіе начинаетъ обращать на себя общее вниманіе, становится, такъ-сказать, la question du jour. Такъ было и съ занимающимъ насъ вопросомъ: уже давно указывалось на случаи разрѣшенія облаковъ вслѣдствіе канонады и вообще сотрясенія воздуха, а, съ другой стороны, приводились примѣры, какъ послѣ сраженій внезапно появлялись проливные дожди.

Въ I дѣйствіи *Ромео и Джульетты* (1597) находимъ слѣдующее выраженіе Монтекки, рисующаго любовныя терзанія Ромео:

Ужь много разъ его видали тамъ,
Какъ смѣшивалъ онъ съ утренней росою
Потоки слезъ, *какъ облака сгущалъ*
Онъ вздохами глубокими своими.

Очевидно, что Шекспиръ знакомъ былъ съ повѣріемъ, будто бы сотрясеніе воздуха можетъ способствовать сгущенію и даже осажденію атмосферной влаги.

Араго, въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи *Notice sur le Ton-*

nerre (T. IV, pgg. 314—321), приводитъ нѣсколько примѣровъ разсѣянія облаковъ вслѣдствіе пушечныхъ выстрѣловъ. Такъ, въ 1680 году адмиралъ Форбенъ упоминаетъ объ этомъ средствѣ, употребленномъ графомъ d'Estrée въ Южной Америкѣ многократно и съ успѣхомъ. Подобное же въ концѣ XVIII вѣка было въ употребленіи въ Баваріи и во Франціи съ цѣлію разсѣеванія градовыхъ облаковъ. Для этой цѣли служила мортира, потреблявшая на каждый выстрѣлъ 500 граммовъ пороха; въ теченіе года израсходовалось его отъ 4 до 500 килограммовъ. Но тотъ же Араго приводитъ примѣры противному, то-есть что выстрѣлы способствовали сгущенію атмосферной влаги. Такъ, въ 1806 году въ августѣ генералъ Фриріонъ въ теченіе цѣлаго дня обстрѣливалъ крѣпость близь Стральзунда, и въ тотъ же вечеръ былъ дождь съ сильною грозой. Опыты, произведенные на учебномъ артиллерійскомъ полигонѣ близъ Vincennes, показали, что стрѣльба способствуетъ сгущенію влаги и появленію облаковъ (хотя рѣшительнаго заключенія *сдѣлать нельзя.*[1]

Подробнымъ изслѣдованіемъ вопроса, дѣйствительно ли сотрясенія, въ атмосферѣ происходящія, могутъ имѣть послѣдствіемъ дождь, мы обязаны *Лемаў* (Le Maoût), аптекарю въ St. Briene (въ Бретаніи), напечатавшему въ 1856 году сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Les canonnades de Sébastopol, ou le Canon et le Baromètre pendant le siège de cette place, avec Notice sur l'action condensatrice du son des cloches, etc.* Авторъ очень терпѣливо и настойчиво наблюдалъ метеорологическія явленія (дожди, вѣтры, грозы и т. д.) на мѣстѣ своего жительства и изучалъ связь оныхъ съ дѣйствіями артиллеріи, происходившими въ это время на Крымскомъ полуостровѣ. Оказалось, что канонада оказывала на воздухъ дѣйствіе не только мѣстное, но что потрясенія распростра-

[1] Присутствовавшій въ засѣданіи Общества Любителей Естествознанія артиллерійскій генералъ Тихообразовъ, по окончаніи нашего реферата, сообщилъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣтомъ расположенъ бываетъ артиллерійскій лагерь, не знаютъ засухъ. Въ частности, это явленіе постоянно наблюдается въ селѣ Клементьевѣ, Можайскаго уѣзда; тамъ, между прочимъ, въ одну весну стояла довольно продолжительная засуха, прекратившаяся съ прибытіемъ туда артиллеріи и началомъ пушечной пальбы. Артиллеристы даже въ ясную погоду никогда не застрахованы отъ дождя во все время пальбы, а потому обыкновенно запасаются кителями. Къ замѣчанію генерала Тихообразова профессоръ Н. Ю. Зографъ добавилъ, что, насколько ему извѣстно, дожди въ селѣ Клементьевѣ большею частію бываютъ при юго-западномъ вѣтрѣ. Замѣчаніе г. Зографа подтверждаетъ наше мнѣніе (см. ниже).

нялись весьма далеко, могли быть ощущаемы даже въ Бретаніи и имѣли слѣдствіемъ измѣненіе высоты барометра и облачности. Замѣтимъ, что распространеніе сотрясенія воздуха на далекія разстоянія не подлежитъ сомнѣнію и, между прочимъ, блистательно подтвердилось знаменитымъ изверженіемъ Кракатоа, бывшемъ 27 августа 1883 года близъ острова Явы. Извѣстно, что двѣ воздушныя волны, причиненныя этимъ вулканическимъ изверженіемъ, обогнули земной шаръ и оба раза причинили въ Парижѣ значительное пониженіе барометра. Не ограничиваясь вышеупомянутымъ сочиненіемъ, Лемаў напечаталъ еще нѣсколько брошюръ, касающихся того же предмета, и когда недавно этотъ вопросъ возникъ съ новою силой въ Соединенныхъ Штатахъ, то Лемаў въ годъ своей смерти (въ 1887 году) печатно протестовалъ противъ попытокъ Американцевъ касательно присвоенія себѣ мысли о вліяніи сотрясенія воздуха на произведеніе дождя. Въ письмѣ, адресованномъ въ 1857 году французскому министру земледѣлія и торговли, Лемаў говоритъ, между прочимъ: „Какъ уже доказано мною въ многочисленныхъ моихъ изданіяхъ, дождь, вѣтеръ и грозы суть явленія, причиняемыя *искусственно*, въ особенности же шумомъ и трескомъ (par les bruits humains). Думаю не ошибиться, если утверждаю, что человѣкъ самъ для себя причиняетъ погоду, на которую онъ такъ часто сѣтуетъ (l'homme se fait lui-même le ciel, dont il se plaint si souvent). Старанія Лемаў не имѣли однакоже успѣха, и писанія его дали лишь пищу насмѣшкамъ надъ ихъ малоизвѣстнымъ авторомъ.

А между тѣмъ еще при жизни Лемаў высказаны были мнѣнія, подтверждающія его теорію. Въ 1859 году послѣ Солферинской битвы наступившую послѣ весьма яснаго и жаркаго дня грозу съ дождемъ приписывали сильной канонадѣ, и это же мнѣніе поддерживалъ Фонвіель въ сочиненіи своемъ *Éclairs et tonnerres*. Американецъ Френсисъ Пауэръ (Francis Power) въ 1871 году напечаталъ сочиненіе, въ которомъ приводитъ 157 случаевъ наступавшаго дождя послѣ пушечныхъ выстрѣловъ, а другой Американецъ Daniel Ruggles въ 1880 году взялъ даже привилегію на низведеніе дождя посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Основываясь на этихъ данныхъ, американскій сенаторъ Farewell предложилъ Вашингтонскому конгрессу ассигновать 50.000 франковъ на произведеніе искусственнаго дождя, посредствомъ способа Ruggles. Средства для производства опытовъ даны были конгрессомъ позже, лишь въ 1889 году, а самые опыты въ про-

винціи Техасѣ, страдающей бездождіемъ, производились въ теченіе 1890 и 1891 годовъ, хотя инымъ способомъ, чѣмъ тотъ, какой предлагалъ Ruggles: не близъ земной поверхности и не посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ дѣйствуютъ, а въ высшихъ слояхъ атмосферы производятъ сотрясеніе воздуха помощію вспышки баллона, наполненнаго гремящимъ газомъ. Достигши высоты 400—500 метровъ, баллонъ взрывается посредствомъ фитиля. Результаты американскихъ опытовъ, произведенныхъ въ Техасѣ, не даютъ, однако, повода радоваться великимъ успѣхамъ, хотя по донесенію генерала, подъ руководствомъ коего производились опыты, результаты получались блестящіе. „Въ теченіе трехъ лѣтъ (говорится въ этомъ донесеніи) до начала опытовъ не было въ означенной мѣстности значительныхъ дождей; послѣ же опытовъ выпало три сильныхъ дождя. Одинъ разъ шаръ, наполненный гремучимъ газомъ, былъ взорванъ посредствомъ гальваническаго тока на высотѣ 2.500 метровъ; десять минутъ спустя пущены были бумажные змѣи, ко хвосту коихъ привязаны были динамитные патроны; затѣмъ зажигаемъ былъ порохъ на протяженіе трехъ километровъ, вслѣдствіе чего поднялся дымъ почти на 200 футовъ. При началѣ опытовъ барометръ показывалъ хорошую погоду, воздухъ былъ очень сухъ, а на небѣ замѣчалось лишь нѣсколько маленькихъ cumuli (барашки). *Немного спустя по окончаніи взрывовъ пошелъ проливной дождь*". Противъ этого печать и нѣкоторые изъ жителей Техаса возражали, что опыты произведены были именно въ сырое время года и, вовторыхъ, что въ сосѣднихъ мѣстахъ въ это же самое время выпало гораздо бо̀льшее количество дождя, чѣмъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ производились взрывы. Впрочемъ, по словамъ одного американскаго сенатора, вслѣдствіе частыхъ динамитныхъ взрывовъ во время проведенія Панамской желѣзной дороги, въ этой мѣстности случались такіе дожди, сопровождаемые грозами, какихъ прежде никогда не бывало. Вотъ что, между прочимъ, сообщается въ англійскомъ *Nature*: „1 октября 1891 года, на каменоломняхъ въ Pernhyn разомъ взорвана была скала пятью тоннами пороха. Во весь день дулъ сильный вѣтеръ и облака, хотя довольно тяжелыя, были высоки; дождя не было, было довольно пасмурно и температура была низка. *Немедленно послѣ взрыва*, вѣтеръ совершенно прекратился, и минутъ пять, шесть продолжалось затишье: четверть часа спустя начался мелкій дождь, постепенно усилившійся и прекратившійся лишь спустя полтора часа. Въ

семь часовъ вечера всѣ произведенныя взрывомъ атмосферныя пертурбаціи, повидимому, прекратились, и настала такая же погода, какъ и до начала опыта. Должно притомъ замѣтить, что паденіе дождя ограничилось данною мѣстностью и не простиралось далѣе шести, семи миль карьеры". А вотъ, что писали въ 1891 же году изъ Бордо: „въ предмѣстьи этого города произошелъ взрывъ склада гремучей ваты; сотрясеніе распространилось далеко. Въ тотъ же день небо было пасмурно, но дождя не было; три минуты послѣ взрыва полилъ обильный дождь". Замѣтимъ, что въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ *была влажность*, были даже *облака*; взрывъ же *лишь ускорилъ* или же *помогъ* разрѣшиться дождю. Но, какъ бы то ни было, опыты, производящіеся и въ настоящее время въ Техасѣ, находятся подъ контролемъ Вашингтонской метеорологической обсерваторіи, и въ наряженной для этой цѣли коммиссіи предсѣдателемъ состоитъ ярый любитель метеорологіи, Гаррингтонъ. По мнѣнію означенной обсерваторіи, опыты удавались почти во всѣхъ случаяхъ, хотя дожди не всегда выпадали на желаемомъ районѣ, но иногда на тридцати километрахъ далѣе того мѣста, гдѣ взорванъ былъ шаръ. Побуждаемая отзывомъ Вашингтонской обсерваторіи, въ Соединенныхъ Штатахъ даже составилась компанія, обязующаяся по требованію произвести опредѣленное количество дождей, причемъ каждый округъ (counti) за это платитъ одинаковую сумму 2.500 франковъ; въ случаѣ же, если низведеніе дождя не удастся, означенная плата возвращается.

II.

Таковы факты и выводимыя на основаніи ихъ заключенія. Разсмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ справедливы эти заключенія, и дѣйствительно ли человѣкъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ можетъ низвести дождь, когда пожелаетъ. Теорія, на которой зиждется это мнѣніе, почти та же самая въ настоящее время, какъ изложена она была Лемаў въ пятидесятыхъ годахъ, такъ какъ послѣдовавшіе за нимъ писатели и экспериментаторы къ теоріи Лемаў ничего не прибовали новаго.

Извѣстно, что дождь (или снѣгъ) есть ничто иное, какъ сгущеніе находившихся въ атмосферѣ водяныхъ паровъ; извѣстно также, что пары, обратившіеся въ жидкое состояніе, занимаютъ

почти въ 1.800 разъ меньшій объемъ, чѣмъ въ состояніи газообразномъ. Когда же произошло такое сгущеніе, то равновѣсіе окружающихъ данное мѣсто слоевъ воздуха нарушено, и весьма легко подвижныя части газа со всѣхъ сторонъ стремятся занять мѣсто, гдѣ произошло сгущеніе водяныхъ паровъ, слѣдовательно, гдѣ образовалось *пустое* пространство. Вслѣдствіе этого въ высшихъ слояхъ атмосферы происходитъ вѣтеръ, *могущій* уносить съ собою къ мѣсту сгущенія новые, еще не осѣвшіе водяные пары. Такимъ образомъ извѣстное количество водяныхъ паровъ, надъ даннымъ мѣстомъ превратившихся въ дождь, *можетъ стать причиной* притока туда же новаго количества водяныхъ паровъ, которые, *при благопріятныхъ условіяхъ*, также могутъ превратиться въ жидкое состояніе и упасть въ формѣ дождя. Слѣдовательно незначительное, происшедшее вслѣдствіе неизвѣстной причины, сгущеніе водяныхъ паровъ можетъ притянуть къ данному мѣсту большее количество оныхъ и причинить дождь. Но такъ какъ движеніе, происшедшее въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ внутри газообразной массы, распространяется весьма далеко по разнымъ ея направленіямъ, то и сгущеніе паровъ, какъ первоначальная причина прилива къ данному мѣсту влажнаго воздуха, можетъ подъ конецъ притянуть къ этому же мѣсту и весьма отдаленныя отъ него части атмосферы. На этомъ основаніи Лемаў на дожди, происходившіе въ Бретаньи, смотрѣлъ, какъ на отраженіе дождей, имѣвшихъ мѣсто въ то же время на Крымскомъ полуостровѣ, гдѣ они, по мнѣнію Лемаў, обусловливались сильною канонадой собранной тамъ артиллеріи.

Но тутъ, очевидно, необходимы два условія: 1) это предполагаетъ, что въ данной мѣстности, въ моментъ производства опыта, въ высшихъ слояхъ атмосферы *существуютъ водяные пары*, которые извѣстнымъ способомъ превращаются въ жидкое состояніе и 2) что изъ окрестныхъ мѣстъ притекающіе къ мѣсту взрыва *пары достаточно обильны* для произведенія порядочнаго дождя и притомъ также осаждаются въ видѣ жидкости. Но первое условіе не всегда имѣетъ мѣсто: если дѣло идетъ о низведеніи дождя въ мѣстѣ, *обыкновенно* страдающемъ засухою, то это самое доказываетъ, что географическое и орографическое положеніе данной мѣстности таково, что влажные вѣтры обыкновенно минуютъ его или до него не достигаютъ. Если же такъ, то какимъ образомъ взрывъ можетъ произвести осажденіе влаги, въ дѣйствительности не существующей? Гдѣ взять водяныхъ паровъ, если

ихъ нѣтъ въ высшихъ слояхъ атмосферы? Могутъ ли сравнительно ничтожные по количеству водяные пары, образовавшіеся вслѣдствіе взрыва воздушнаго шара, наполненнаго гремучимъ газомъ, и перешедшіе даже въ жидкое состояніе, произвести такое нарушеніе равновѣсія воздушныхъ слоевъ, чтобы къ данной мѣстности притекли влажныя массы воздуха? Если же предположить, что опытъ производится въ то время, когда въ данной мѣстности атмосфера обладаетъ достаточною влажностью (облачно или преобладаютъ влажные вѣтры), то осажденіе паровъ можетъ произойти и безъ всякаго взрыва или безъ всякой стрѣльбы, а потому вполнѣ основательными являются упреки, сдѣланные лицомъ, производившимъ взрывы въ Техасѣ, именно въ мокрое время года, когда обыкновенно въ тропическихъ странахъ ливни бываютъ или могутъ быть ежедневно.

Что касается втораго условія, то и оно далеко не всегда и не вездѣ имѣетъ мѣсто. Если даже допустить, что въ данной мѣстности вслѣдствіе взрыва произошло значительное осажденіе паровъ въ жидкомъ состояніи и что вслѣдствіе происшедшей пустоты (или сильнаго разряженія верхнихъ воздушныхъ слоевъ) туда устремился воздухъ изъ окрестныхъ мѣстъ, то спрашивается: будетъ ли этотъ воздухъ достаточно насыщенъ парами, чтобы можно было надѣяться на ихъ осажденіе; и если это такъ, то всегда ли мѣсто, куда они притекаютъ, холоднѣе того мѣста, откуда они начали свое движеніе, и тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя пронеслись они прежде достиженія мѣста опыта? Если сильное пониженіе температуры въ этомъ пунктѣ въ данный моментъ не имѣетъ мѣста, а, напротивъ, температура высшихъ слоевъ атмосферы выше тѣхъ же слоевъ окрестныхъ мѣстностей, то очевидно, что пары, достигши мѣста взрыва, еще болѣе удалятся отъ точки насыщенія, и дождя не произойдетъ. Правда, что отъ смѣшенія двухъ массъ воздуха, содержащихъ водяные пары, но имѣющихъ разную температуру, влажность увеличивается и осажденіе паровъ вѣроятнѣе. Но чтобы выпалъ значительный дождь, нужно, вопервыхъ, чтобы влажность обѣихъ воздушныхъ массъ была значительна, и, вовторыхъ, чтобъ и разность ихъ температуръ также было довольна велика; въ противномъ случаѣ дождя не будетъ вовсе, если при превращеніи паровъ въ жидкое состояніе происшедшее вслѣдствіе этого освобожденіе такъназываемой скрытой теплоты будетъ настолько значительно, что температура смѣшавшихъ ее массъ воздуха повысится, а потому

пары удалятся отъ точки своего насыщенія. Наконецъ, можетъ и образоваться мелкій дождь, но малыя его капли, еще прежде достиженія земли, переходя послѣдовательно чрезъ болѣе и болѣе теплые и притомъ сухіе слои воздуха, опять разрѣшатся въ пары и дождя не будетъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что надежды на низведеніе дождя посредствомъ *привлеченія* въ данную мѣстность влаги не всегда основательны.

Но допустимъ, что метеорологическія наблюденія показали, что въ данной мѣстности въ высшихъ слояхъ атмосферы *влажность есть*. Какимъ образомъ заставить ее осадиться?

Мы уже выше видѣли, что пушечные выстрѣлы производятъ различное дѣйствіе на воздушные слои, смотря по мѣстнымъ условіямъ и гигроскопическому состоянію воздуха: то разсѣеваютъ тучи, то, напротивъ, притягиваютъ ихъ къ данному мѣсту. Мнѣніе, будто трескъ, происходящій при вулканическихъ изверженіяхъ, способствуетъ выпаденію дождя, не выдерживаетъ критики, такъ какъ извѣстно, что при подобныхъ явленіяхъ изъ кратера выходитъ громадное количество водяныхъ паровъ. Послѣдніе, поднявшись на значительную высоту и тамъ внезапно охладившись, конечно, могутъ причинять дождь и даже довольно сильный; слѣдовательно тутъ самый взрывъ (трескъ) ни причемъ. А что дѣйствительно количество накопившихся внутри вулкана водяныхъ паровъ можетъ быть громадное и упругостію они обладаютъ страшною, лучше всего доказываетъ бывшее 15 іюля 1888 года изверженіе вулкана Бандай въ Японіи: вслѣдствіе напора водяныхъ паровъ, вулканъ этотъ, вышиною 1.500 метровъ, раскололся на двѣ части. Половина была отброшена и обломками своими покрыла землю на протяженіи 60 километровъ, разрушила много деревень, причемъ 500 человѣкъ было убито. При этомъ лавы и слѣда не оказалось; *взрывъ причиненъ былъ единственно упругостію и громадною массой водяныхъ паровъ*. Толщина слоя покрывшаго землю простиралась отъ 3 до 30 метровъ, и въ иныхъ мѣстахъ даже до 300 метровъ.—Столь же неосновательно мнѣніе, будто бы вслѣдъ за молніей и громомъ часто наступающій или же усиливающійся дождь обусловливается трескомъ. Извѣстно, что дождь есть слѣдствіе сближенія другъ съ другомъ водяныхъ пузырьковъ. До электрическаго разряда пузырьки эти, вслѣдствіе сильнаго электрическаго отталкиванія, не могли сблизиться; когда же произошло уменьшеніе электриче-

скаго потенціала, пузырьки сблизились, упали другъ на друга и образовавшаяся болѣе тяжелая капля должна была упасть. Стало быть тутъ опять собственно трескъ грома ни причемъ.

Итакъ мы приходимъ къ заключенію, что взрывы, происходящіе на поверхности земли или на значительной высотѣ надъ горизонтомъ, могутъ развѣ причинять незначительное и кратковременное измѣненіе высоты барометра, но едва ли они могутъ способствовать дождю.

Предстоитъ разсмотрѣть другой вопросъ: если въ верхнихъ слояхъ атмосферы имѣется влага, то чѣмъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можно способствовать ея сгущенію въ формѣ дождевыхъ капель?

Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы какимъ-либо образомъ удалось внезапно охладить эти пары въ сильной степени, то они не могли бы держаться въ верхнихъ разрѣженныхъ слояхъ атмосферы и должны бы упасть въ видѣ дождя. Спрашивается: какіе имѣемъ мы способы произвести такое внезапное охлажденіе?

Такъ какъ по мѣрѣ повышенія надъ земною поверхностью температура воздушныхъ слоевъ постепенно уменьшается, и на значительной высотѣ даже лѣтомъ, въ сильные жары, температура воздуха постоянно гораздо ниже нуля, то ясно, что еслибы намъ удалось извѣстную массу воздуха, содержащую водяные пары, внезапно поднять на значительную высоту и чрезъ это внезапно охладить, то пары превратились бы въ жидкое состояніе. Это и имѣли въ виду опыты, производившіеся въ Техасѣ; посредствомъ взрыва динамитной ракеты старались сообщить высшимъ слоамъ воздуха извѣстную скорость снизу вверхъ. Между тѣмъ, какъ взрывъ шара, наполненнаго смѣсью кислорода и водорода, производитъ притокъ со всѣхъ сторонъ воздуха къ данному мѣсту, взрывъ нитроглицерина (динамита) или же пороха, произведенный въ высшихъ слояхъ атмосферы, причиняетъ сотрясеніе воздушныхъ слоевъ, направленное преимущественно снизу вверхъ. Правда, что взрывъ гремучаго газа имѣетъ слѣдствіемъ образованіе водяныхъ паровъ и быстрое осажденіе оныхъ въ формѣ капель; но количество послѣднихъ слишкомъ незначительно, чтобы могло повліять на дальнѣйшій переходъ паровъ въ жидкое состояніе. Лучшимъ средствомъ представляется взрывъ динамитной ракеты или ракеты обыкновенной, заряженной порохомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, благодаря разряженности верхнихъ слоевъ воздуха, происходитъ не совершенное сгораніе пороха, а выстрѣлъ

обыкновенно сопровождается дымомъ, то-есть *разбрасываніемъ мельчайшихъ частицъ* углерода, сѣры и другихъ продуктовъ сгоранія пороховой массы. Эти именно мелкія частицы, какъ оказывается, играютъ немаловажную роль при осажденіи паровъ въ капельно-жидкое состояніе. Остановимся нѣсколько на этомъ обстоятельствѣ:

До 1880 года сгущеніе водяныхъ паровъ или *тумановъ* въ физикѣ разсматривалось лишь, какъ явленіе осажденія паровъ, происшедшее или вслѣдствіе пониженія температуры даннаго пространства или же вслѣдствіе пресыщенія пространства парами, то-есть если данный объемъ воздуха содержитъ болѣе паровъ, чѣмъ онъ, при данной температурѣ, содержать можетъ. Въ 1880 году англійскій ученый *Айткенъ* (Aitken) доказалъ, что рѣшающее дѣйствіе при образованіи тумана имѣютъ мельчайшія частицы твердыхъ тѣлъ, носящіяся по воздуху; само же количество осадившейся влаги, иначе говоря—густота тумана находится въ зависимости, какъ отъ количества имѣющихся въ воздухѣ водяныхъ паровъ, такъ и отъ количества означенныхъ твердыхъ частицъ, ихъ физическихъ свойствъ и степени ихъ размельчанія. Такъ изъ опытовъ Айткена оказалось, что частицы сѣры въ сильной степени способствуютъ образованію тумана, а также нѣкотораго гигроскопическаго вещества,— послѣднія даже въ томъ случаѣ, если данный объемъ воздуха и не насыщенъ водяными парами. По опытамъ Айткена горѣніе, при которомъ всегда улетучиваются мелкія частицы твердыхъ тѣлъ, содѣйствуютъ образованію тумана. Сначала Айткенъ показалъ, что достаточно нагрѣвать 0,0006 грамма желѣзной проволоки, чтобъ образовался туманъ, видимый простымъ глазомъ. При болѣе совершенныхъ опытахъ оказалось совершенно достачнымъ для той же цѣли нагрѣвать 0,00006 и даже 0,0000006 грамма желѣзной или мѣдной проволоки. Далѣе опыты Айткена и Роберта Гельмгольца (сынъ знаменитаго физика и физіолога, недавно скончавшійся) доказали, что воздухъ можетъ въ иныхъ случаяхъ быть даже *пресыщеннымъ* парами и тѣмъ не менѣе тумана не образуется, если нѣтъ въ воздухѣ мельчайшихъ твердыхъ частицъ. Но введеніе въ массу воздуха хоть малѣйшаго количества этихъ частицъ сопровождается образованіемъ сначала тумана, а затѣмъ появленіемъ маленькихъ капель дождя, а разъ равновѣсіе нарушено, переходъ водяныхъ паровъ въ капельно-жидкое состояніе совершается быстро.

Этимъ мы нѣсколько можемъ объснить себѣ появленіе или образованіе знаменитыхъ лондонскихъ тумановъ. Дѣйствительно, Лондонъ и его окрестности въ изобиліи обладають обоими условіями, по теоріи Айткена необходимыми для произведенія тумана и дождя: и влажность воздуха, благодаря близости моря, значительна и количество фабричныхъ трубъ, ежедневно извергающихъ въ воздухъ громадное количество дыма (то-есть углерода, сѣры и проч.) огромное. Много писано было о лондонскихъ туманахъ, но полагали, что это ничто иное, какъ угольная копоть, носящаяся въ воздухѣ и въ изобиліи осаждающаяся на всѣ предметы. На дѣлѣ оказывается, что каждый туманный пузырекъ содержитъ въ себѣ маленькую частицу копоти, которая, благодаря именно легкости этого пузырька, долго носится по воздуху и дѣлаетъ его до такой степени непрозрачнымъ, что люди на улицахъ сталкиваются другъ съ другомъ и экипажи наѣзжаютъ одинъ на другой. Айткенъ предложилъ даже остроумный способъ для сосчитанія количества твердыхъ частицъ, содержащихся въ воздухѣ. По мѣрѣ увеличенія фабрикъ и заводовъ, а, слѣдовательно, по мѣрѣ увеличенія потребленія топлива, мы должны ожидать, что число тумановъ въ Лондонѣ увеличится—и увеличится пропорціонально увеличенію этого потребленія, что, судя по имѣющимся метеорологическимъ и статистическимъ даннымъ, оказывается совершенно справедливымъ. Журналъ *Meteorological Office* касательно числа тумановъ въ три зимнихъ мѣсяца (декабрь, январь, февраль) въ Лондонѣ за послѣднія пятилѣтія даетъ:

Періоды.	Колич. тоннъ.
1870—1875	93
1875—1880	119
1880—1885	131
1885—1890	156

Количество потребленнаго же угля за послѣднія три пятилѣтія было:

Періоды.	Число тумановъ.
1875—1879	24,831,000
1880—1884	27,819,000
1885—1889	31,209,000

Сравнивая двѣ таблицы, видимъ равномѣрное почти увеличеніе 1 : 1, 1 : 1,2.

Если дѣйствительно присутствіе мелкихъ твердыхъ частицъ въ воздухѣ такъ много способствуетъ превращенію водяныхъ паровъ въ капельно-жидкое состояніе, то это обстоятельство облегчаетъ намъ пониманіе обстоятельствъ, при которыхъ искусственное образованіе дождя возможно. Въ высшихъ слояхъ атмосферы недостаточно произвести сотрясеніе посредствомъ взрыва, а нужно, чтобы при этомъ разбрасываемы были мельчайшія частицы углерода, сѣры, а еще лучше—гигроскопическихъ веществъ. Поэтому, если опытъ производится съ шаромъ, наполненнымъ гремучимъ газомъ, то кромѣ послѣдняго, по нашему мнѣнію, надлежало бы помѣстить и нѣкоторое количество сажи, которая при взрывѣ разбросится на далекое пространство и, на основаніи вышесказаннаго, можетъ ускорить осажденіе водяныхъ паровъ, *предполагая, конечно, что послѣдніе имѣются въ надлежащемъ количествѣ*, благодаря влажнымъ и теплымъ вѣтрамъ (антипассатамъ). Само собою разумѣется, что при отсутствіи послѣдняго *необходимаго* условія, наши опыты, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не приведутъ ни къ чему. Изъ ничего—ничего не дѣлается (ex nihilo nihil fit).

Резюмируя все сказанное, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Всѣ до сего времени произведенные опыты касательно искусственнаго дождя не рѣшаютъ вопроса, и къ нимъ слѣдуетъ относиться осторожно. Много писано и оповѣщено было объ удавшихся опытахъ (?), о неудавшихся же или подлежащихъ сомнѣнію умолчали.

2) Никакіе опыты не могутъ низвести дождя, если въ данной мѣстности въ данное время въ верхнихъ слояхъ атмосферы не имѣется достаточно влажности, или же не имѣютъ мѣста теплые и влажные вѣтры.

3) Поэтому, при произведеніи опытовъ, слѣдуетъ предварительно и весьма тщательно справиться съ метеорологическими наблюденіями какъ въ данномъ мѣстѣ, такъ и въ ближайшихъ мѣстахъ.

4) Если въ высшихъ слояхъ атмосферы имѣется достаточно влажности, то взрывъ, искусственно тамъ произведенный, можетъ поднять влажный воздухъ вверхъ и этимъ способствовать осажденію водяныхъ паровъ.

5) Взрывъ или выстрѣлъ близъ поверхности земли дѣйствуетъ

гораздо слабѣе и, какъ оказывается, иногда можетъ разрѣшить или прогнать тучи, скопившіяся надъ даннымъ мѣстомъ.

6) Взрывъ въ высшихъ слояхъ атмосферы (при вышесказанныхъ условіяхъ) лучше произвести посредствомъ шара, наполненнаго гремучимъ газомъ и, кромѣ того, содержащаго сажу или сѣрный цвѣтъ, или же порошокъ гигроскопическаго вещества; того же самаго результата можно достигнуть и динамитною ракетой, придавъ къ ней нѣкоторое количество сажи, сѣрнаго цвѣта или порошокъ гигроскопическихъ веществъ, который, при взрывѣ ракеты, разбросится на далекое пространство.

Въ такомъ положеніи въ настоящее время находится вопросъ о произведеніи искусственнаго дождя. Но какъ бы то ни было, исторія возникновенія и преслѣдованія этого вопроса представляетъ много для насъ назидательнаго. Не въ первый разъ человѣкъ стремится воспользоваться силами природы, не впервые желаетъ пріурочить эти силы къ своимъ потребностямъ. Много разъ человѣкъ оставался побѣдителемъ; но какою цѣной достигалъ онъ этихъ побѣдъ. Сколько мучениковъ насчитываетъ наука, сколько тружениковъ погибло отъ разочарованія и горя! Сколько трудностей, даже опасностей должны были преодолѣть тѣ, коихъ изысканія увѣнчались успѣхомъ! Торжество надъ природой достается не легко. Правда, всякій такой успѣхъ есть тріумфъ мысли, есть торжество ума; нашъ научный кругозоръ становится обширнѣе; предъ нами раскрываются какъ бы новые горизонты для научныхъ изслѣдованій. Но сколько для этого потребно терпѣливыхъ изысканій, сколько приходится дѣлать попытокъ, пока достигнешь желаемаго! Подобно тому, какъ человѣкъ, желающій взойти на вершину высокой и крутой горы, предварительно долженъ хорошо ознакомиться съ имѣющими встрѣтиться трудностями, долженъ изучить всѣ способы постепеннаго своего передвиженія вверхъ по крутизнѣ, долженъ осторожно относиться къ каждому своему шагу, такъ и естествоиспытатель, работающій надъ какимъ-либо вопросомъ, долженъ предварительно хорошо изучить всѣ относящіеся сюда факты, долженъ обстоятельно взвѣсить всѣ условія, при коихъ возмо-

женъ или невозможенъ успѣхъ, долженъ не ощупью, а раціонально, руководясь строго-научною индукціей, обдумать встрѣчаемыя затрудненія и стараться преодолѣть ихъ. Только при такихъ условіяхъ онъ можетъ надѣяться, что труды его не пропадутъ даромъ, можетъ съ вѣроятностью разсчитывать на успѣхъ. Увлеченіе же, вообще обманчивое и столь богатое разочарованіями, увлеченіе, приносящее столько горя въ жизни общественной, еще менѣе умѣстно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о научныхъ изслѣдованіяхъ, о трудѣ, быть-можетъ, цѣлой жизни.

Я. Вейнбергъ.

ВЪ АЗІИ.[1]

Путевые очерки и картины.

III.

Съ Военно-Грузинской дороги.

„Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ
Межъ утесистыхъ громадъ“...

Мысль описывать Дарьяльское ущелье можетъ испугать даже очень храбраго человѣка, и тѣмъ не менѣе ежегодно является какой-нибудь новый конкуррентъ, пытающійся затмить безсмертнаго творца „Демона“ и его классическое описаніе Кавказскихъ горъ. Выходитъ блѣдно и слабо, и въ лучшемъ случаѣ получается Фрейшюцъ, разыгранный перстами робкихъ, хотя и самонадѣянныхъ ученицъ

Однако ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не знали Военно-Грузинской дороги въ ея теперешнемъ, такъ-сказать усовершенствованномъ видѣ. Теперь на всемъ протяженіи отъ Владикавказа до Тифлиса шоссе, соединяющее Сѣверный Кавказъ съ Южнымъ, почти не оставляетъ желать ничего лучшаго, по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшняго своего благоустройства, тогда же, когда, напримѣръ, Пушкинъ ѣздилъ въ Эрзерумъ, оно еще вовсе не было приспособлено къ экипажной ѣздѣ, и мѣстами путники должны были подвигаться впередъ или верхомъ, или пѣшкомъ. Тогда знаменитый перевалъ былъ такъ крутъ, что легкую коляску еле втаскивали тридцать двѣ пары быковъ, теперь же гигантскій

[1] См. № 1 *Русск. Обозр.* 1893 г.

дилижансъ размѣровъ Ноева ковчега легко поднимается на высшую точку перевала простою шестеркой почтовыхъ лошадей. Дарьяльское дефиле испоконъ вѣковъ пользуется славой лучшаго прохода черезъ Кавказскій хребетъ. И кого только не видало это знаменитое дефиле, отмѣченное у многихъ писателей изъ временъ сѣдой древности! И дикій Скиѳъ, и грозный Сарматъ и свирѣпый Монголъ—всѣ ходили этою дорогой, этими воротами Алановъ. По преданію за 140 лѣтъ до Р. Хр. Иверійскій царь Мирванъ построилъ крѣпость (ворота) въ тѣснинахъ Дарьяла. Въ V вѣкѣ черезъ эти же ворота прошли Гунны, въ VIII здѣсь уже хозяйничали Хазары и Арабы, и наконецъ въ XII сюда забрались сами господа Крестоносцы. Извѣстно, что ополченія Крестоносцевъ третьяго похода (1189 года) поссорились подъ Антіохіей съ византійскимъ императоромъ, который отказался дать имъ корабли для возврата на родину. Крестоносцы пустились въ обратный путь въ Европу черезъ Кавказъ въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, съ женщинами и съ дѣтьми. По пути Крестоносцы разсѣялись по разнымъ землямъ, нанимаясь на службу къ владѣтелямъ ихъ, а въ томъ числѣ и по Кавказу. И теперь еще среди горцевъ Кавказа имѣются три небольшихъ удалыхъ племени (Хевсуры, Тушины и Пшавы), которыя живутъ близъ Военно-Грузинской дороги и которыхъ нѣкоторые считаютъ за остатки рыцарей Крестоносцевъ.

Строгая научная критика, повидимому, отвергаетъ это предположеніе, основанное на нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ, хотя и рѣзкихъ особенностяхъ костюма и вооруженія этихъ племенъ. Особенность эта состоитъ въ нашиваніи разноцвѣтныхъ крестовъ на всѣ части костюма и ношеніи во время сраженій полнаго рыцарскаго металлическаго вооруженія.

Наконецъ этой же дорогой, черезъ Дарьялъ, въ XIV и XV вѣкахъ движутся полчища страшнаго Тамерлана, разорявшаго нѣсколько разъ Грузію, и здѣсь же совершаютъ свой путь грузинскіе послы, отправляемые въ Россію съ просьбой о покровительствѣ. Извѣстно, что въ первый разъ еще при великомъ князѣ Іоаннѣ III, кахетинскій царь Александръ отправлялъ посольство съ просьбой о взятіи страны подъ русское покровительство. Въ XVI и XVII вѣкахъ и наши русскіе послы съ невѣроятными трудностями отдавали визитъ Грузіи, проходя черезъ этотъ знаменитый дефиле. Даже въ концѣ XVIII столѣтія (1799 г.) путь черезъ Дарьяльское ущелье былъ такъ невозможенъ, что когда

Лазаревъ съ знаменитымъ 17-мъ Егерскимъ полкомъ (нынѣ лейбъ-гренадерскій Ериванскій) былъ посланъ на помощь Грузіи, то молодцы-егеря совершили этотъ двухсотверстный путь лишь въ тридцать шесть дней, причемъ приходилось ползти на четверенькахъ по непроходимымъ горнымъ тропинкамъ и кручамъ.

Съ утвержденіемъ русскаго владычества на Кавказѣ почти всѣ выдающіеся кавказскіе дѣятели въ родѣ князя Циціанова, Ермолова, Воронцова прикладывали свою энергію къ этой дорогѣ—и тѣмъ не менѣе можно сказать, что лишь въ концѣ 70-хъ и даже 80-хъ годовъ текущаго столѣтія она доведена до той степени совершенства, въ которой находится въ настоящее время. Однако и понынѣ дорога эта не вполнѣ безопасна, и техникѣ предстоитъ еще сказать послѣднее слово, дабы гарантировать Дарьяльское ущелье отъ періодически повторяющихся грозныхъ обваловъ или заваловъ. Завалы эти дѣлаетъ одинъ изъ ледниковъ горы Казбека, или Бешламъ-Корта, какъ его называютъ туземцы. Съ вершинъ Казбека спускается восемь ледниковъ, но одинъ изъ нихъ, именно Девдоракскій, спускается по долинѣ рѣчки Кабахи въ Дарьяльское ущелье. Обвалы Девдоракскаго ледника были въ слѣдующихъ годахъ: 1776, 1808, 1817 и 1832. Особенно грозенъ былъ обвалъ завалившій русло Терека въ 1832 году. При своемъ паденіи онъ засыпалъ ущелье на протяженіи слишкомъ двухъ верстъ слоемъ снѣга, льда, грязи и камня толщиною или вышиною въ сорокъ саженей. Весь объемъ упавшей массы, по разсчету очевидца инженеръ-капитана Грауэрта, можетъ быть исчисленъ въ 1.600.000 куб. саженей. Воды Терека почти на восемь часовъ были совершенно запружены, образовавъ выше завала огромное озеро, тогда какъ ниже, во Владикавказѣ, рѣка моментально пересохла и ее можно было переходить въ бродъ, не замочивъ ступни ногъ. Два года не могла растаять эта масса снѣга, которую копилъ у себя на вершинѣ Казбекъ въ теченіе долгихъ пятнадцати лѣтъ, и въ теченіе двухъ лѣтъ не могли привести въ полный порядокъ засыпанную дорогу. Путешественниковъ переводили по тропѣ, протоптанной въ снѣгу, а въ одномъ мѣстѣ образовалась такая широкая и глубокая трещина, что черезъ нея перевозили путниковъ въ корзинѣ, двигавшейся на блокѣ по толстому канату. Среди туземцевъ, живущихъ вблизи отъ Казбека, существуетъ повѣрье, что Казбекъ изрѣдка скидаетъ свою снѣжную шапку, которая будто бы и составляетъ Казбекскій завалъ, но это повѣрье ни на чемъ не основано, и очевидцы за-

вала 1832 года видѣли бѣлую вершину Казбека въ томъ же положеніи, какъ она представлялась до завала и послѣ него. Еще поэтичнѣе легенда, приписывающая происхожденіе обваловъ злому духу, обитающему на вершинѣ Казбека. Злой духъ регулярно черезъ каждые семь лѣтъ бросаетъ въ Дарьяльское ущелье громады снѣга, льда и камня.

Однако съ 32 года прошло добрыхъ шестьдесятъ лѣтъ, и злой духъ, очевидно, перемѣнилъ гнѣвъ на милость, такъ какъ съ тѣхъ поръ не было ни одного сколько-нибудь значительнаго обвала. Въ 1842 году снова ожидался громадный обвалъ съ Казбека; онъ и случился, но не дойдя 4 верстъ до Дарьяльскаго ущелья остановился и постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ растаялъ на мѣстѣ. Въ 1855 году снова ожидали завала, но онъ вовсе не образовался, хотя всѣ признаки его приближенія находились на лицо. Въ наукѣ и до сихъ поръ не имѣется строго установленнаго взгляда, опредѣляющаго движеніе ледниковъ. Существуютъ три главныхъ теоріи поступательнаго движенія ледниковъ: теорія скользенія, теорія расширяемости и теорія растяжимости. Знаменитый *Агасиссъ*, знатокъ ледниковаго вопроса, признавалъ, что ледники движутся всегда въ зависимости отъ совокупности силъ, признаваемыхъ всѣми этими тремя теоріями, а русскій изслѣдователь происхожденія Казбекскаго завала, инженеръ путей сообщенія Б. Статковскій присоединяетъ къ этому и четвертую причину: именно попеременное сжиманіе и расширеніе льда отъ дѣйствія температуры воздуха. Эту причину движенія можно объяснить слѣдующимъ примѣромъ, даваемымъ Тиндалемъ. Хоры бристольскаго собора были покрыты свинцовами листами. Свинецъ былъ положенъ въ 1851 году, а два года спустя онъ всею массой подвинулся внизъ на восемнадцать дюймовъ. Попытка остановить это движеніе вколачиваніемъ гвоздей въ стропила не удалась, потому что сила, съ которою опускался свинецъ, вырывала гвозди. Крыша была не крутая, и свинецъ могъ бы оставаться на ней, не скользя внизъ вслѣдствіе силы тяжести. Спрашивается, какая же была причина его пониженія? Свинецъ былъ подверженъ перемѣнѣ температуръ дневной и ночной. Теплота, сообщаемая ему днемъ, заставляла его расширяться. Еслибъ онъ лежалъ на горизонтальной плоскости, то расширялся бы вездѣ одинаково; но лежа на наклонной плоскости, онъ расширялся къ низу свободнѣе, нежели вверхъ. Наоборотъ, ночью, когда свинецъ сжимался, его верхняя

часть легче подвигалась внизъ, чѣмъ нижняя поднималась вверхъ. Движеніе свинца, слѣдовательно, совершенно походило на движеніе землянаго червяка: днемъ онъ поднималъ впередъ свою нижнюю часть, а ночью верхнюю, и такимъ образомъ за два года онъ подвинулся на пространство восемнадцати дюймовъ.

Какъ бы то ни было, но намъ крайне интересно было бы знать почему явленіе Казбекскаго завала такъ долго не повторялось, повторится ли оно снова и не имѣется ли въ рукахъ у современной техники инженернаго искусства вѣрнаго средства, чтобы предупредить это явленіе или какъ-нибудь обойти его. На всѣ эти крайне важные и далеко не праздные вопросы приходится, къ сожалѣнію, отвѣтить отрицательно.

Цѣлый рядъ коммиссій, назначаемыхъ для изслѣдованія Казбекскихъ ледниковъ, мало выяснилъ дѣло, равно не удалась и попытка, сдѣланная въ пятидесятыхъ годахъ, поднять полотно шоссе выше уровня обваловъ. Остается, слѣдовательно, терпѣливо ожидать, когда всемогущее время придетъ на помощь и разъяснитъ и этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе. И то уже шагъ впередъ, что теперь къ Девдоракскому леднику устроена удобная тропинка, а возлѣ ледника выстроенъ небольшой домикъ, гдѣ живетъ сторожъ, на обязанности котораго лежитъ донесеніе обо всѣхъ сколько-нибудь тревожныхъ перемѣнахъ въ ледникѣ. Во время паденія завала 1832 года развился сильнѣйшій ураганъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что часовой, находившійся въ ущельи Терека, былъ сорванъ съ мѣста и отнесенъ по воздуху на двадцать саженъ. Весьма вѣроятно, что не самъ завалъ производитъ такой вѣтеръ, и что ураганъ, какъ явленіе самостоятельное, помогаетъ въ такихъ случаяхъ лишь стремительности заваловъ. Ураганы въ горахъ явленіе весьма частое; вихрь, пронесшійся въ 1864 году безъ всякаго завала у Кулагинскаго временнаго моста въ Байдарской долинѣ, не только разрушилъ самый мостъ, но сбросилъ въ оврагъ двухъ солдатъ, находившихся на расчисткѣ пути отъ снѣга, а третьяго перенесъ черезъ оврагъ на разстояніе тридцати саженъ. Очевидно, что такіе вихри могутъ сами являться причиной образованія обваловъ.

Первыя двѣ станціи по Военно-Грузинской дорогѣ — Балтская и Ларская—идутъ настолько еще ровною дорогой, хотя и извивающеюся между горъ, что проложеніе здѣсь рельсовъ не представило бы, конечно, ни малѣйшихъ затрудненій. Знаменитый Дарьялъ начинается собственно за Ларсомъ, и здѣсь на этомъ

коротенькомъ пространствѣ до станціи Казбекъ собственно и сосредоточены самыя дикія и величественныя красоты всей Военно-Грузинской дороги. Зачастую любоваться дорогой ѣздятъ только до Казбека и затѣмъ поворачиваютъ обратно во Владикавказъ. Дорога до Ларса не представляетъ ничего особенно примѣчательнаго, хотя виды и здѣсь превосходные, такъ какъ шоссе огибаетъ все время необычайно красивую Столовую гору, имѣющую до 10 т. ф. высоты. На дворѣ было начало сентября, но горы еще были покрыты зеленью съ необыкновенно красивыми желто-оранжевыми осенними переливами и тонами. На дорогѣ встрѣчается множество духановъ съ затѣйливыми надписями на вывѣскахъ, въ родѣ „Не уѣзжай, голубчикъ мой“ и т. д., а на склонахъ горъ начинаютъ встрѣчаться заброшенныя и очень декоративныя сторожевыя башни. Тутъ же до Ларса пріютились и два маленькія укрѣпленьица—остатки нѣкогда грозныхъ для горцевъ передовыхъ казачьихъ пунктовъ. Теперь эти укрѣпленія (Редантъ и Джерахъ) превращены въ стоянку для десятка казаковъ, оберегающихъ безопасность почтоваго движенія. Разбой это больное мѣсто Кавказа, но въ утѣшеніе для нашей культуры не мѣшаетъ напомнить, что и Западная Европа, несмотря на успѣхи въ ней цивилизаціи, не освободилась еще также отъ этого наслѣдія варварства. Разбойничьи шайки Южной Италіи, Греціи и Испаніи перещеголяли нашихъ кавказскихъ разбойниковъ, а про Турцію, Сербію и Болгарію даже и говорить не приходится. Кавказскій разбойникъ отлично владѣетъ не только кинжаломъ, но револьверомъ и винтовкой, и въ этомъ отношеніи можетъ дать двадцать очковъ впередъ нашимъ доморощеннымъ Ванькамъ Каинамъ съ ихъ пресловутою дубиной. Разбои на Кавказѣ производятся и отдѣльными личностями, и большими шайками, и притомъ въ большихъ размѣрахъ. И хотя Россія считаетъ Кавказъ подъ своимъ владычествомъ около 90 лѣтъ, но мы до сихъ поръ мало могли сдѣлать къ искорененію этихъ дикихъ и грубыхъ видовъ преступленій; кавказскіе разбои носятъ острый и опасный характеръ, такъ какъ, не встрѣчая въ населеніи серьезнаго отпора, они завоевываютъ себѣ большое поле для дѣятельности. Нерѣдки нападенія на большихъ дорогахъ, въ деревняхъ, даже въ городахъ—на улицахъ и въ домахъ. На большихъ дорогахъ среди бѣлаго дня, почти на виду земской стражи, останавливается масса пассажировъ, иногда до 200 человѣкъ, которыхъ грабятъ разбойники безъ всякой церемоніи. Не менѣе

часты нападенія, сопровождаемыя убійствами на желѣзнодорожныхъ сторожей и ихъ жилища, на почты, почтовыхъ чиновниковъ и на проѣзжающихъ въ желѣзнодорожныхъ поѣздкахъ. Разбойники не останавливаются даже отъ нападенія на цѣлыя учрежденія, гдѣ могутъ встрѣтить отпоръ, такъ какъ сами организуются въ хорошо вооруженныя шайки (Джанъ-Ятагское дѣло). Нѣкоторые уѣзды сильно страдаютъ отъ разбойничьихъ шаекъ, которые рекрутируются пришлыми разбойниками изъ Персіи и Турціи. До сихъ поръ всѣ усилія администраціи не могутъ окончательно искоренить кавказскій разбой, и здѣшнія шайки иногда даютъ правильныя сраженія высланнымъ полицейскимъ отрядамъ, оставаясь нерѣдко побѣдителями. Всѣ эти свѣдѣнія сообщилъ намъ одинъ тифлисскій пріятель, членъ мѣстнаго Юридическаго Общества. Онъ теперь готовитъ обширное изслѣдованіе по вопросу о происхожденіи разбоя на Кавказѣ и объ обстоятельствахъ, питающихъ его и благопріятствующихъ его развитію. На первый разъ имъ приготовляется къ печати монографія о знаменитомъ тифлисскомъ разбойникѣ Тато Цулукидзе, что̀ въ свою очередь дастъ возможность ближе подойти къ причинамъ и корнямъ, производящимъ эти разбои. Кавказскіе разбойники рекрутируются не только изъ числа мусульманъ, но и изъ христіанъ, причемъ всѣ народности: Грузины, Осетины, Тушины и даже Армяне конкуррируютъ въ созданіи легендарнаго героя, мѣстнаго Ринальдо-Ринальдини, предъ которымъ низко преклоняется народная толпа. И теперь еще почта на Кавказѣ сопровождается не только вооруженнымъ почталіономъ, но и казаками съ винтовками. И тѣмъ не менѣе, когда я пишу эти строки, почта ограблена близъ города Шуши и ограбленъ ѣхавшій съ нею военный слѣдователь. По Военно-Грузинскому тракту ѣзда теперь почти безопасна, но очень недалеко то время, когда еще предписывалось задерживать проѣзжающихъ на станціяхъ за два часа до сумерекъ и отпускать утромъ не ранѣе, чѣмъ будутъ выставлены дневные пикеты. Тѣмъ не менѣе, дня за три до нашего проѣзда, злоумышленники напали на почту при слѣдованіи ея со станціи Казбекъ на станцію Ларсъ. Встрѣтивъ отпоръ, разбойники скрылись въ горы, отстрѣливъ палецъ у казака, сопровождавшаго поѣздъ. Въ Терской области до сихъ поръ такъ часты случаи кражъ, грабежей и разбоевъ, гдѣ виновные въ этихъ преступленіяхъ ускользаютъ отъ правосудія, что съ 1879 года въ краѣ введены „Временныя правила объ имущественной охранѣ рус-

скаго населенія Терской области отъ хищничества горцевъ". Этими правилами установлена круговая отвѣтственность туземныхъ сельскихъ обществъ за всякое насиліе противъ жизни, здоровья и права собственности населенія станицъ, слободъ и городовъ. Особенно часты случаи грабежей въ Сунжѣ, населенной Ингушами. Грабежи—это какъ бы племенная профессія Ингушей, которые всѣ, отъ-мала-до-велика, носятъ оружіе и нерѣдко злоупотребляютъ имъ.

Въ виду холеры, движеніе по Военно-Грузинской дорогѣ путешественниковъ было очень невелико. Ѣхавшихъ въ Тифлисъ пугала дезинфекція, производимая на станціи Пасанауръ, а въ послѣднее время на станціи Мцхеты; наоборотъ, ѣхавшіе изъ-Закавказья избѣгали Дарьяла, не желая попадать въ сильно зараженную эпидеміей Терскую область. На многихъ станціяхъ Военно-Грузинской дороги были сдѣланы всѣ нужныя приспособленія для оказанія помощи путешественникамъ, заболѣвшимъ въ дорогѣ. Всюду выстроены были небольшіе деревянные бараки, разбиты палатки, запасены медикаменты и дезинфекціонныя средства, но, къ счастію, почти всѣ эти приспособленія оставались безъ употребленія и холерные больные не появлялись почти ни на одной станціи, и такимъ образомъ Военно-Грузинское шоссе должно разсматривать какъ путь, почти совсѣмъ пощаженный эпидеміей, а слѣдовательно и не загрязненный.

На третьей станціи, считая отъ Владикавказа, именно въ Казбекѣ мы еще засвѣтло остановились на ночлегъ. Красоты пути отъ Ларса до Казбека, какъ мы уже упоминали выше, таковы, что ихъ не въ силахъ описать слабое человѣческое перо. [1] Это не дорога, а роскошная сказка въ пятнацать верстъ длины. Только въ сказкахъ Шехерезады можно найти столько богатой фантазіи, и только въ поэмахъ Байрона столько мрачности и силы красокъ, какъ въ этой дивной дорогѣ! Для одной этой станціи стòитъ ѣхать на Кавказъ! За то этотъ кусокъ пути является и самымъ опаснымъ мѣстомъ всей дороги. Кромѣ ледниковыхъ заваловъ, о которыхъ мы уже говорили, на этомъ же участкѣ бываютъ и жестокіе каменные обвалы. Такъ, за нѣсколько дней до нашего проѣзда черезъ Дарьялъ здѣсь произошелъ на девятой

---

[1] Человѣческій языкъ, сказалъ Флоберъ, это лопнувшій сосудъ, на которомъ мы разыгрываемъ наши мелодіи, какъ бы аккомпанируя медвѣжей пляскѣ, а между тѣмъ мы желаемъ растрогать звѣзды.

верстѣ жестокій каменный обвалъ, прекратившій сообщеніе на цѣлыя сутки. Когда ѣдешь между Ларсомъ и Казбекомъ подъ нависшими надъ самою головой гигантскими сѣдыми скалами, то на душѣ становится жутко, и отлично сознаешь, что рано или поздно именно этому участку дороги грозитъ жестокая катастрофа, рано или поздно придется или рвать эти скалы, или поднимать дорогу выше. Возлѣ станціи Казбекъ Дарьяльское ущелье сильно расширяется, и со станціи получается превосходный видъ на снѣжную вершину Казбека и сосѣднюю съ нею гору Квенемъ-Мта, на которой стоитъ древняя каменная церковь въ честь Святой Троицы (Самеба-Цминда). Близъ станціи, тутъ же въ ущельи расположены два грузинскихъ аула—Гергеты и Казбекъ, которые намъ хотѣлось посѣтить, а кстати и совершить подъемъ до церкви на Квенемъ-Мта на высоту 7,673 фута надъ уровнемъ моря.

Въ обоихъ изъ этихъ ауловъ холеры совсѣмъ не было, хотя оба они насчитываютъ у себя по нѣскольку сотъ жителей. Хотя Грузины и христіане, но эпидемическія болѣзни олицетворяются ими въ видѣ одушевленныхъ существъ. Конечно, я говорю лишь про сельскихъ жителей.

Вообще на Кавказѣ многіе туземцы представляютъ себѣ холеру въ видѣ ангелоподобнаго существа, которое само боится воды и черной собаки. При встрѣчѣ съ ними, холера якобы превращается въ иглу, которая втыкается въ платье своего проводника, избираемаго изъ числа простыхъ смертныхъ. Обходя всѣ дома, холера отмѣчаетъ свои жертвы, которыя, впрочемъ, заранѣе предопредѣлены, и ударяетъ ихъ особыми зелеными прутиками, оставляющими синяки на тѣлѣ обреченнаго болѣзни человѣка. Кто получилъ такой синякъ, тотъ непремѣнно умретъ, простое же посѣщеніе холеры въ домъ хотя и сопровождается болѣзнью, но не смертельной. Подобное воззрѣніе само по себѣ конечно не содержитъ ничего особенно вреднаго съ точки зрѣнія общественной гигіены, зато этого далеко нельзя сказать, хотя бы, напримѣръ, про мусульманскій обрядъ погребенія. Собственно говоря, этотъ обрядъ содержитъ въ себѣ два вредныхъ момента особенно при погребеніи лицъ, умершихъ отъ заразныхъ болѣзней. Вопервыхъ, омовеніе трупа, причемъ въ лучшемъ случаѣ вода, взятая для этой цѣли, выливается тутъ же, возлѣ дома, а въ худшемъ, всю эту процедуру продѣлываютъ въ ручьѣ, изъ котораго пользуются всѣ жители даннаго селенія. Вовторыхъ,

до укладыванія трупа въ могилу [1] происходитъ нѣчто въ родѣ нашего отпѣванія: „мулла громко прочитываетъ главу изъ Корана, а тридцать человѣкъ, изъ знающихъ читать по-арабски, берутъ по одной тетради (изъ тридцати) Корана и также прочитываютъ ихъ. Въ это время покойникъ долженъ быть закрытъ шелковою или бумажною матеріей. По окончаніи отпѣванія эта матерія снимается съ трупа и распредѣляется между муллой и тридцатью читальщиками. Не нужно никакихъ комментарій, чтобы понять, какой вредъ могутъ принести обѣ эти процедуры, особенно въ холерное время!

Крайне живописенъ издали видъ грузинскихъ и осетинскихъ ауловъ. Подобно ласточкинымъ или орлинымъ гнѣздамъ, они лѣпятся на невообразимой кручѣ, и съ перваго взгляда трудно отличить эти сложенныя изъ дикаго камня сакли отъ темно-сѣрыхъ скалъ, на которыхъ онѣ выстроены. Издали такіе аулы имѣютъ видъ какихъ-то старинныхъ рыцарскихъ зàмковъ или недоступныхъ разбойничьихъ притоновъ. Вблизи вся иллюзія разлетается въ прахъ, все рыцарство сводится къ полуразрушеннымъ башнямъ и осыпавшимся каменнымъ заборамъ, а остальное состоитъ изъ камня и навоза. Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь грязнѣе осетинскаго или грузинскаго горнаго аула. А ихъ сакли безспорно даже хуже и грязнѣе нашихъ курныхъ избъ. Оговариваюсь, что я имѣю въ виду только горные аулы, такъ какъ выстроенные на равнинахъ и плоскостяхъ, представляются несравненно болѣе благоустроенными. Обыкновенно горные аулы очень невелики, а сами сакли складываются изъ каменныхъ плитъ, зачастую безо всякаго скрѣпляющаго цемента. Грузинъ-поселянинъ, съ которымъ я вмѣстѣ осматривалъ аулъ Казбекъ, обратилъ мое вниманіе на громадный величины плоскую плиту, цѣлую скалу, которая уложена была въ стѣнѣ одного изъ лучшихъ домовъ аула. Домъ этотъ принадлежитъ наслѣдникамъ генерала Казбека.—А, чтò? сказалъ мой проводникъ,—у васъ въ Россіи можно найти камни такой величины? Мнѣ не хотѣлось смущать душевное спокойствіе вопрошавшаго, и я утѣшилъ его, сказавъ, что у насъ нѣтъ ничего подобнаго. Зачастую солнечная сторона постройки, имѣющей обыкновенно два этажа, снабжена навѣсомъ и галлерейкой.

---

[1] У мусульманъ покойниковъ не кладутъ въ гробъ, а завертываютъ въ бѣлый саванъ и въ такомъ видѣ предаютъ землѣ.

Рыцарскія башни, о которыхъ мы только-что упомянули, иногда также обращаются въ жилье, причемъ въ верхнихъ этажахъ размѣщаются люди, а внизу скотъ. Самыя башни эти строились въ тѣ блаженныя для горцевъ времена, когда грубая сила являлась исключительнымъ правомъ и когда всѣ житейскія дѣла къ удовольствію той или другой стороны рѣшались съ оружіемъ въ рукахъ. Основаніе башни рѣдко имѣетъ болѣе трехъ квадратныхъ саженей, кверху она сильно съужена, вышина нерѣдко доходитъ до 10 саженей. Одно жилище обыкновенно занимается одною семьей, и только у Ингушей нѣсколько семей соединяются въ одномъ помѣщеніи, разгороженномъ на сотвѣтствующее число квартиръ, выходящихъ въ общій корридоръ. Сакля бѣдныхъ Осетинъ или Грузинъ состоитъ обыкновенно изъ одной только комнаты. Прошло не болѣе 10—15 лѣтъ, какъ стали снабжать эти помѣщенія окномъ, а то это были темные, закопченые каменные мѣшки, въ которыхъ, какъ въ курной избѣ, отъ копоти и гари ѣло глаза и свѣжій человѣкъ просто задыхался.

Въ рѣдкихъ только случаяхъ даже и теперь можно встрѣтить вымазанную глиной и выбѣленную саклю; крыши у всѣхъ плоскія, земляныя, а стѣны голыя, довольно искусно сложенныя изъ едва отесанныхъ каменныхъ плитъ. Посреди сакли располагается очагъ съ традиціоннымъ котелкомъ, въ которомъ изготовляются незатѣйливыя кушанья горцевъ. И въ стужу и въ жару хозяйка дома, подобно древней весталкѣ, поддерживаетъ огонь въ своемъ очагѣ, наполняя удушливымъ кизячнымъ дымомъ все помѣщеніе. Вдоль одной изъ стѣнъ тянется нѣчто въ родѣ наръ, которыя завалены постельными принадлежностями и всевозможною рухлядью. Все это грязно, сѣро и крайне, нужно сознаться, непривлекательно. У нашего русскаго крестьянина нерѣдко вся постель, всѣ постельныя приспособленія, сводятся къ одному рваному полушубку, за то у Грузина имѣется и тюфякъ, набитый овечьей шерстью, и одѣяло и даже подушка, но все это до такой степени грязно и смрадно, что мой ямщикъ— бѣднякъ мужичекъ изъ бѣднѣйшей русской губерніи - объявилъ, что онъ согласенъ скорѣе лечь спать въ придорожную грязь, чѣмъ на тюфякъ зажиточнаго Грузина, который надѣваетъ чистую рубаху, только когда старая окончательно сопрѣетъ на плечахъ. Такимъ образомъ разрѣшается еще надѣвать бѣлье, но снимать его не полагается ни въ какомъ случаѣ. Познакомившись съ этими подробностями, я, признаюсь, не безъ сожа-

ганія смотрѣлъ на всякую черкеску, которая еще такъ недавно представлялась мнѣ верхомъ изящества и граціозности. Женскій костюмъ также неопрятенъ, хотя Грузинки обязательно составляютъ его изъ очень яркихъ цвѣтовъ; не спасаютъ его и цвѣтные шальвары, которыми очень дорожатъ кавказскія красавицы. Извѣстно, что нерѣдко на Кавказѣ народные вожаки умѣли возбуждать волненіе въ массахъ, распуская слухъ, что Русское правительство собирается воспретить женщинамъ носить шаровары, а мужчинъ всѣхъ думаетъ обратить въ казаковъ!

Спятъ всѣ въ повалку, какъ и въ нашей русской деревнѣ. Такъ какъ постельнаго и ночнаго бѣлья не полагается, а въ саклѣ отъ неугасимаго очага бываетъ страшно душно, то нерѣдко спятъ всѣ au naturel, то-есть въ костюмѣ нашихъ праотцевъ Адама и Евы.

Въ такіе горные аулы можно добраться только пѣшкомъ, да и то нужно извѣстное искусство, чтобы взобраться по этимъ тропикамъ, которыя иногда почти отвѣсно вырублены въ скалѣ въ видѣ лѣстницы. Сообщенія ауловъ другъ съ другомъ также самыя примитивныя, и тамъ гдѣ туземецъ нерѣдко пробирается съ арбой, не пройти и иному пѣшеходу. Дорога вьется то надъ глубочайшей пропастью, то спускается въ темное ущелье, то идетъ по берегу какого-нибудь бѣшенаго, капризнаго ручья — оттого на Кавказѣ такъ много бѣлыхъ рѣкъ — вдоль котораго пріютились крохотныя туземныя мельницы, которыя издали никто не приметъ за постройку, а просто за груду свалившихся камней.

Ѣдятъ и Грузины и Осетины очень скверно. Они такіе же вегетаріанцы по-неволѣ, какъ и нашъ русскій крестьянинъ, хотя въ сущности всѣ горцы страшные охотники до мяса, въ лучшей формѣ его приготовленія, именно въ видѣ шашлыка. Однако мясо достается горцу не особенно часто. Въ горахъ мясо принято заготовлять сразу на весь сезонъ. Рѣжутъ сразу нѣсколько барановъ и сохраняютъ мясо въ сушеномъ видѣ. Обыкновенно это дѣлается въ концѣ сентября. Бѣдняки ѣдятъ мясо не болѣе 10—12 разъ въ годъ, зажиточные чаще, но преимущественно за вечерней трапезой. Увѣряютъ, что общественное мнѣніе, которое, увы, очень сильно въ горахъ, смотритъ весьма неблагосклонно на горца, который помимо торжественнаго случая, ради удовлетворенія мамона, рѣшится закласть тельца, а тѣмъ болѣе зарѣзать быка. Общественный ригоризмъ не допускаетъ никакой неумѣренности, особенно по части ѣды. Любителямъ свѣжень-

каго мяса приходится пускаться на выдумки и, не дожидаясь смерти близкаго пріятеля, когда мяса полагается ѣсть въ волю, остается придумывать басню объ издохшей овцѣ, которую все равно нужно съѣсть, ибо кавказскіе горцы охотно ѣдятъ мясо палаго скота, хотя бы смерть послѣдовала отъ повальной болѣзни. Въ этомъ случаѣ необходимо успѣть лишь перерѣзать горло животному и увидать хотя нѣсколько капель крови. Въ горахъ сѣютъ по преимуществу ячмень и изрѣдка овесъ и рожъ. Въ послѣднее время начинаютъ воздѣлывать и картофель. Изъ ячменя горскія дамы приготовляютъ превкусныя прѣсныя лепешки (чурекъ), которыя впрочемъ очень быстро черствѣютъ. На плоскостяхъ ячмень замѣняетъ кукуруза, а ячменный чурекъ—чурекъ кукурузный. Черный хлѣбъ не въ ходу, а бѣлый, пшеничный вымѣнивается горцами въ русскихъ селеніяхъ на другіе продукты ихъ незатѣйливаго хозяйства. Вообще горецъ въ ѣдѣ поражаетъ своей умѣренностью. Ужь на что неприхотливъ русскій мужикъ, но онъ просто бы умеръ съ голоду отъ тѣхъ ничтожныхъ порцій пищи, которыя удовлетворяютъ вполнѣ горца. Зимой горецъ довольствуется кускомъ сыра и чашкой кислаго молока, а лѣтомъ наѣстся черемши [1] или луку съ кускомъ ячменной лепешки.

Осетины всѣ по преимуществу заняты земледѣліемъ. Положеніе земледѣлія въ Осетіи мало у насъ извѣстно, и о немъ стоитъ сказать поподробнѣе. Климатъ горной Осетіи очень суровъ; зима здѣсь длинная и суровая, а лѣто очень коротко. Земли плодородной совсѣмъ не имѣется, а созданная искусственно на горахъ и скалахъ, путемъ громадныхъ усилій, ежеминутно подвержена разнымъ случайностямъ, въ родѣ обваловъ, осововъ и ливней, которые уносятъ не только урожай, но и почву. Главное богатство здѣсь сводится къ альпійскимъ пастбищамъ и сѣнокосамъ. Не то въ плоскостной Осетіи, гдѣ почва превосходна, а климатъ уже настолько мягокъ, что здѣсь свободно воздѣлывается кукуруза и даже можетъ дозрѣвать виноградъ. Земельные надѣлы у плоскостныхъ Осетинъ весьма удовлетворительны; они значительно выше самыхъ высокихъ надѣловъ нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ и приближаются къ надѣлу государственныхъ крестьянъ въ черноземной трехпольной полосѣ. Къ тому же осетинскія земли еще не истощены и даютъ, въ общемъ, лучшій урожай, чѣмъ въ

[1] Черемша—родъ дикаго чесноку.

средней черноземной полосѣ Россіи. Совсѣмъ не то у горныхъ Осетинъ; здѣсь земельный надѣлъ, въ среднемъ, не достигаетъ и одной десятины на каждую наличную душу мужскаго пола, и зачастую вся земля, которой владѣетъ цѣлое общество, состоитъ изъ однихъ громадныхъ хребтовъ и скалъ съ крутыми боками и почти отвѣсными спусками. Напримѣръ, одно общество владѣетъ здѣсь 100 тыс. десятинъ земли, изъ которой, по увѣренію одного большаго знатока мѣстныхъ земель, едва ли наберется 50 десятинъ совершенно ровнаго мѣста. Когда проѣзжаешь по Военно-Грузинской дорогѣ, то не устаешь буквально поражаться той удивительной, просто нечеловѣческой энергіей, которую долженъ проявлять горецъ, чтобы обрабатывать свои пастбища на такой баснословной крутизнѣ. Здѣсь, какъ и въ Каталоніи, горецъ буквально дѣлаетъ хлѣбъ свой изъ камня; но, очиститвъ свой участокъ отъ камня и щебня, горецъ не гарантированъ, что его колоссальный трудъ сохранится на долго. Первый каменный обвалъ снова засоритъ почву, и Сизифовъ трудъ начинается снова. Навозъ и плодородную землю изъ глубокихъ ущелій горецъ на своихъ плечахъ встаскиваетъ на страшную крутизну, и нерѣдко первый ливень смываетъ внизъ всю его ниву. Когда приходится пахать на такой высотѣ на уклонѣ, доходящемъ до 70 градусовъ, нерѣдко скотъ срывается съ обрыва и погибаетъ въ пропасти. Пашутъ на быкахъ, слабосильныхъ и мелкихъ, самой примитивною легкою сохой, которая царапаетъ землю не глубже полутора вершковъ. На гору всю соху горецъ свободно несетъ на плечѣ,—такъ она легка. Среди горныхъ Осетинъ много безземельныхъ. и потому естественно, что земли здѣсь цѣнятся чуть ли не на вѣсъ золота. Земля для горца такое же излюбленное дѣтище, какъ и для русскаго крестьянина, и десятина пахотной земли въ горахъ нерѣдко стоитъ болѣе 3000 рублей, а заливной лугъ до 700 рублей. При такихъ условіяхъ, въ которыхъ поставлено земледѣліе, очевидно, что ни усилія отдѣльной личности, ни даже цѣлой семьи не могли доставить гарантій успѣшной борьбы съ суровою природой. А потому въ горной Осетіи весьма крѣпко общинное родовое владѣніе, при которомъ, вообще говоря, землей не *владѣютъ*, а лишь *пользуются* ею. Редакторъ „Терскихъ Вѣдомостей“ Е. Максимовъ высчитываетъ, что въ среднемъ населеніе Владикавказскаго округа ежегодно производитъ 195 тыс. четвертей хлѣба или болѣе 2 милліоновъ пудовъ различнаго зерноваго хлѣба. Вычитая отсюда 25.350

чет., идущихъ ежегодно на обсѣмененіе полей, получимъ остатокъ, приблизительно 170 тыс. четвертей, служащихъ уже исключительно нуждамъ населенія Владикавказскаго округа. Такъ какъ это послѣднее превышаетъ 83½ тыс. душъ обоего пола, то на каждую душу приходится лишь немного болѣе 2 четвертей хлѣба, т.-е. норма лишь достаточная на пропитаніе населенія. Что касается средней урожайности, то въ этомъ отношеніи сѣверная Осетія не выдѣляется въ Терской области ни въ сторону munimum'а, ни въ сторону maximum'а, и въ ряду другихъ мѣстностей Имперіи занимаетъ такое же положеніе, какъ губерніи царства Польскаго, а также средняя полоса, юго-западныя, черноземныя, восточныя и южныя губерніи [1].

Скотоводство у Осетинъ Сѣвернаго Кавказа находится въ весьма неблестящемъ положеніи. По числу лошадей Осетія занимаетъ чуть ли не самое худшее мѣсто во всей Россіи (на 100 душъ населенія приходится 17 лошадей) [2] Крупный рогатый скотъ, т.-е. волы, имѣющіе главное значеніе въ живомъ сельскохозяйственномъ инвентарѣ, хотя и отличаются большою выносливостью, но крайне невзрачны по наружному виду. На каждыя сто душъ населенія приходится не менѣе 67 головъ крупнаго рогатаго скота, и это уже такое богатство, которымъ не можетъ похвалиться ни одинъ уголокъ Россіи, ни даже Финляндія, гдѣ на 100 жителей имѣется около 57 головъ рогатаго скота. Мелкаго скота, т.-е. овецъ, козъ и ословъ, въ Осетіи также не мало, и овцеводство въ общемъ поставлено несравненно выше огромнаго большинства мѣстностей Россіи. Свиней въ Осетіи совсѣмъ не разводятъ, и даже христіане изъ Осетинъ придерживаются въ этомъ отношеніи мусульманскихъ традицій и считаютъ мясо свиньи нечистымъ и негоднымъ для употребленія въ пищу. Огородничество и садоводство не играютъ пока въ жизни Осетіи никакой роли. Изъ промысловъ, стоящихъ въ связи съ сельско-хозяйственной промышленностью, стòитъ отмѣтить три: производство пива, сыра и суконъ. Горское осетинское пиво, напоминающее по вкусу и цвѣту хорошій англійскій портеръ, изготовляется самымъ примитивнымъ способомъ; въ продажу оно не пускается и, подобно русской брагѣ, изготовляется каждой семьей исключительно на собственную потребу.

---

[1] Е. Максимовъ и Г. Вертеповъ. Туземцы Сѣвернаго Кавказа. 1892.

[2] Первое мѣсто въ этомъ отношеніи изъ народностей Россіи принадлежитъ Кабардинцамъ (46 лошадей на 100 жителей).

Сыродѣліе, и по техникѣ производства и по сбыту продуктовъ, выходитъ уже на путь чисто промышленнаго производства, не имѣющаго значенія исключительнаго предмета, идущаго для домашняго употребленія. Осетинскій сыръ, онъ же „кобинскій“ и „трусовскій“, очень вкусенъ. Лучшіе сорта его изготовляются близъ станціи Коби (4-я станція по Военно-Грузинской дорогѣ). На Кавказѣ этотъ сыръ имѣетъ огромное распространеніе, и въ каждомъ кавказскомъ духанѣ, начиная отъ Ростова и кончая любымъ закавказскимъ захолустьемъ, осетинскій сыръ составляетъ любимую придачу къ мѣстному кахетинскому вину. Изъ первыхъ рукъ сыръ этотъ пріобрѣсти можно не дешевле 15—17 коп. за фунтъ, но, благодаря скупщикамъ, розничная продажа этого вкуснаго продукта всюду на Кавказѣ доходитъ до 30 и 35 коп. за фунтъ. Правильно устроенныхъ сыроваренъ, конечно, нигдѣ нѣтъ, и всѣ сыры въ горной Осетіи изготовляются исключительно домашнимъ образомъ женскимъ персоналомъ семьи. Сыръ готовятъ изъ неснятаго, процѣженнаго однако, молока, которое заквашивается отъ прибавленія на ведро молока полустакана сыворотки съ прибавкой бараньяго или телячьяго желудка. Горныя альпійскія травы придаютъ молоку осетинскихъ коровъ особенно пріятный вкусъ, и нѣтъ сомнѣнія, что при улучшеніи техники производства эта отрасль промышленности могла бы создать для Осетіи такую же извѣстность, какую создаетъ сыръ для маленькой Швейцаріи. Размѣры производства сыра въ горной Осетіи никому неизвѣстны, и даже для аула Коби мнѣ на мѣстѣ не удалось запастись сколько-нибудь серьезными данными. Въ горной Осетіи каждый дворъ изготовляетъ не только сыръ, но и прекрасное сукно, которое очень высоко цѣнится на всемъ Кавказѣ. Сукна здѣсь готовятъ или изъ козьяго пуха или изъ шерсти горныхъ овецъ. Двѣ работницы за годъ могутъ изготовить 6 кусковъ сукна восьми-вершковой ширины и 16 аршинъ въ длину, и такимъ образомъ, по вычисленію знатока кавказскаго кустарничества Марграфа, чистый заработокъ семьи горныхъ Осетинъ въ годъ на сукнѣ доходитъ до 25 р. Цѣна штуки сукна колеблется отъ 5 до 40 р. за штуку, причемъ на приготовленіе наиболѣе цѣннаго сукна изъ козьяго пуха на одинъ кусокъ идетъ пухъ съ 200 козъ. Пухъ вычесывается отъ руки въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и пушинки сортируются чуть ли не по отдѣльному волоску. Вообще техника этого чисто женскаго производства крайне несложна и примитивна. Принципъ раздѣ-

ленія труда заключается въ томъ, что ткачествомъ и отчасти изготовленіемъ пряжи занимаются взрослыя дѣвушки и женщины, а сортировкой шерсти и расческой ея, какъ занятіемъ болѣе легкимъ, исключительно дѣвочки-малолѣтки и старухи. Расческа производится отъ руки на гребнѣ и взбивается лучкомъ съ соблюденіемъ пріемовъ, практикуемыхъ и у насъ въ Россіи. [1] Ткацкіе станки и всѣ приспособленія для пряденія устроены самымъ примитивнымъ способомъ. Сукна сбываются главнымъ образомъ во Владикавказѣ; но и здѣсь сбытъ не минуетъ рукъ скупщиковъ. Въ самую глубь Осетіи забираются горные Евреи и скупаютъ сукна, такъ-сказать, на корню, получая на свою долю львиный барышъ.

Бурокъ въ Осетіи совсѣмъ не изготовляютъ,—это уже спеціальность Кабардинцевъ, причемъ лучшіе сорта бурокъ изготовляются изъ чистаго подшерстка. Маркграфъ исчисляетъ количество бурокъ, изготовляемыхъ въ Кабардѣ, въ 6—7 тыс. штукъ на сумму въ 40—50 тыс. рублей, причемъ хорошую бурку работница не можетъ изготовить скорѣе чѣмъ въ мѣсяцъ. Производства пива, сыра и суконъ являются, какъ мы сказали, чисто женскими отраслями домашней промышленности; мужскихъ производствъ у Осетинъ совсѣмъ не имѣется, если не считать земледѣлія, которымъ занимаются также не одни только мужчины, но и женщины. Къ числу спеціально мужскихъ производствъ на Кавказѣ принадлежитъ сѣдельное производство, слагающееся, въ свою очередь, изъ трехъ обособленныхъ другъ отъ друга промысловъ: шорнаго, арчаковаго (изготовленіе деревянныхъ частей сѣдла) и металлическаго. Всѣ эти производства ведутся пока исключительно мужскими руками, и женщины допускаются къ нимъ въ видѣ исключенія. Говорю *пока*, потому что опытъ болѣе культурныхъ народовъ давно уже установилъ, что въ промышленности не существуетъ строго говоря ни чисто женскихъ, ни чисто мужскихъ профессій. Гдѣ нынче заняты одни мужчины, завтра, съ измѣненіемъ условій жизни, становятся женщины, и нерѣдко профессія чисто женская въ одномъ государствѣ, въ другомъ выполняется работниками мужчинами. Наконецъ, чисто дѣтскою профессіей на Кавказѣ является нагаечный промыселъ,

---

[1] Взбиваніе лучкомъ есть также своего рода сортировка. Шерсть размѣщается на рѣшеткѣ, причемъ отъ вибраціи лучка мелкая проваливается сквозь петли рѣшетки, а крупныя шерстинки летятъ въ сторону.

то-есть изготовленіе нагаекъ, безъ которой не можетъ обойтись, какъ извѣстно, ни одинъ джигитъ. Если въ аулѣ имѣется мечеть, то при ней содержится почти всегда духовная школа, ученики которой обязательно занимаются нагаечнымъ ремесломъ, чѣмъ и зарабатываютъ себѣ пропитаніе. Несомнѣнно, что такое отношеніе нагайки къ школьнику представляется болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ въ школахъ болѣе культурныхъ народомъ, и европейскій школьникъ можетъ позавидовать въ этомъ отношеніи своему кавказскому коллегѣ. Горный промыселъ поддерживается въ Осетіи только казной, самъ народъ не принимаетъ никакого участія въ разработкѣ своихъ громадныхъ минеральныхъ богатствъ, и это обстоятельство, несомнѣнно, крайне неутѣшительно, такъ какъ въ старину Осетины славились, какъ искусные рудокопы, и серебро-свинцовая руда и даже золото добывались здѣсь въ глубокой древности. Въ настоящее время только въ одномъ ущельи Осетіи (въ Алатри) имѣется богатѣйшій казенный заводъ, гдѣ добывается свинцово-серебряная руда. Народной массѣ, какъ и всегда, недостаетъ знаній и капитала, чтобъ эксплоатировать естественныя богатства своей территоріи.—Исторія Осетіи крайне ничтожна и вся можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ.

Прежде весьма въ ходу было мнѣніе, что Осетины являются предками теперешнихъ Германцевъ, которые не боятся никого кромѣ Бога. Мнѣніе это охотно раздѣляется и подшесь нашею публикой, беззаботною по части филологическихъ изысканій, и поддерживается, главнымъ образомъ, любовью Осетинъ къ сыру и сходствомъ нѣкоторыхъ осетинскихъ словъ съ нѣмецкими. Однако работы Шегрена и особенно профессора В. Миллера доказали самымъ неоспоримымъ образомъ, что по языку Осетины представляютъ собою иранскую вѣтвь индо-европейскихъ народовъ. Блестящихъ періодовъ въ исторіи Осетинъ никогда не было, хотя они и хвалятся, что у нихъ когда-то существовала многолюдная и блестящая столица въ Курталинскомъ ущельи на рѣкѣ Фіагъ-Донѣ. Въ древнѣйшія времена главною профессіей этого народа, какъ и многихъ другихъ, была война, причемъ приходилось драться не только за свои личные, кровные интересы, но и служить въ качествѣ наймитовъ для Византіи и Грузіи. Христіанство здѣсь водворилось внѣшнимъ образомъ очень рано, еще въ IV вѣкѣ, но уже въ X всѣ священники были прогнаны, и въ Осетіи снова установилось мусульманство. Вторично христіанство проникло въ Осетію въ XI вѣкѣ уже подъ вліяні-

емъ грузинскихъ миссіонеровъ. XI вѣкъ вообще считается кульминаціоннымъ пунктомъ осетинскаго могущества, которое, собственно говоря, представляло лишь слабое отраженіе тогдашняго положенія Грузіи, гдѣ царствовала знаменитая Тамара, взявшая себѣ въ мужья Давида Сослана, осетинскаго князя. Первымъ супругомъ коварной Тамары, воспѣтой Лермонтовымъ, какъ извѣстно, былъ Георгій, сынъ Русскаго великаго князя Андрея Боголюбскаго, изъ рода Всеволодовичей. Это было, такъ-сказать, первое соприкосновеніе и родство Грузіи съ Россіей. Со смертію Тамары (1212 г.) потухло и могущество Осетіи; раздоры феодаловъ и народная вражда къ нимъ быстрыми шагами вели Осетію къ подчиненію другимъ государствамъ. Вскорѣ съ сѣвера ихъ начали одолѣвать Кабардинцы, которые наградили ихъ снова и мусульманствомъ, а съ юга ихъ загоняли въ горныя кручи Грузины, и бѣднымъ Осетинамъ, отрѣзаннымъ отъ плоскости, оставались однѣ безплодныя скалы ущелій, да взаимныя ссоры и распри. Народъ быстро дичалъ, бѣднѣлъ и опускался. Русское владычество на Кавказѣ встрѣтило въ Осетинахъ наиболѣе мирный элементъ, съ которымъ удалось поладить всего легче. Россія освободила въ Осетіи крѣпостныхъ и дала новый толчекъ къ переходу отъ мусульманства въ христіанство, но Осетины все еще плохіе христіане. Насколько опредѣленно у нихъ понятіе о Богѣ, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа.

Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ Богъ, или по-осетински Хцау, не давалъ урожая ни на хлѣбъ, ни на сѣно; Осетины терпѣли, но наконецъ пришелъ конецъ и ихъ долготерпѣнію; они собрались всѣмъ обществомъ и рѣшили написать отъ имени всего общества прошеніе къ дзуарамъ (святымъ), чтобъ они, посовѣтовавшись между собою, смѣстили Хцау и поставили на его мѣсто другаго, который бы относился къ нимъ милостивѣе. Приговоръ былъ привязанъ къ хвосту ласточки, которую затѣмъ и пустили, чтобъ она отнесла прошеніе общества къ дзуарамъ. Что̀ сказать про характеръ Осетинъ? Говорятъ, они веселы, добродушны и гостепріимны выше всякаго описанія. Отрицать этого не могу, равно какъ и того, что по духовнымъ своимъ способностямъ Осетины считаются наиболѣе богато одареннымъ племенемъ среди всѣхъ кавказскихъ горцевъ. Несомнѣнно, что поэтическаго творчества имъ не занимать стать, и богатая фантазія ихъ пѣсенъ, легендъ и сказокъ извѣстна всякому этнографу. Положеніе женщины у этого богато одареннаго племени однако

очень тяжелое и грустное. Самыя тяжелыя работы лежатъ на ея плечахъ, значеніе ея въ семьѣ, въ смыслѣ уваженія, равно нулю, даже появленіе на свѣтъ дѣвочки встрѣчается Осетиномъ чуть ли не проклятіемъ. Гдѣ кроется корень этого восточнаго третированія женщины, понять трудно, ибо какъ не вертись, а все же въ концѣ-концовъ женщина для человѣка Востока представляетъ собою не только вьючный скотъ, но и неизсякаемый источникъ наслажденій.

Вообще же Осетіи прежде всего нужны школы и хорошія дороги. „Осетинская и всякая кавказская дичь, говоритъ Е. Марковъ, ждетъ отъ насъ впередъ широкой и плодотворной дѣятельности во всѣхъ смыслахъ и искренняго уврачеванія старыхъ золъ, чтобы мы могли оправдать, наконецъ, предъ всѣмъ міромъ и свои завоеванія и свой горделивый титулъ цивилизующаго народа, который мы такъ любимъ носить, но еще не умѣемъ оправдывать.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Святловскій.

„НА ТРОЙКАХЪ“.

(Очерки поѣздки на Ирбитскую ярмарку.)

ЧАСТЬ 1-я.

«По Волгѣ».

I.

Попутчики.

Въ суровые январскіе морозы 188* года приближался къ Нижнему-Новгороду поѣздъ, съ которымъ ѣхали преимущественно торговые люди; они направлялись въ Ирбитъ, гдѣ начиналась въ это время большая сибирская ярмарка. Тутъ ѣхали и завзятые торгаши съ вѣчною думой на лицѣ—перехитрить всѣхъ на свѣтѣ, были и степенные люди, именуемые „русаками“, съ бородами лопатой и бородами козломъ, были бритые туляки, похожіе не то на хлыстовъ, не то на актеровъ, а больше на южныхъ колонистовъ—Нѣмцевъ; ѣхали солидные представители именитаго купечества, ѣхали довѣренные крупныхъ фирмъ и прикащики всевозможныхъ категорій, имѣющіе право здороваться съ купечествомъ за руку и не имѣющіе. Среди пассажировъ перваго класса сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, съ румяными щеками и едва пробившимися усиками, Меѳодій Ивановичъ Кумачевъ, сынъ извѣстнаго милліонера, только еще весною покинувшій школьную скамью. Онъ ѣхалъ впервые на ярмарку—изъ любопытства.

За окнами мелькали занесенныя снѣгомъ рощи и поляны, сторожевыя будки, селенія. Поглядывая то въ окно, то на пробуждающихся сосѣдей, Кумачевъ думалъ о предстоящемъ далекомъ пути по лѣсамъ и дорогамъ; его соблазняла эта таинственная перспектива—увидать остатки первобытной Руси, поговорить съ лихими волжскими ямщиками, скоротать ночь гдѣ-нибудь на глухой, далекой станціи; но, прельщаясь всѣмъ этимъ, онъ чувствовалъ себя не особенно ловко въ компаніи такихъ солидныхъ и пожилыхъ людей, какъ Сучковъ или Панфиловъ, которые сидѣли теперь рядомъ съ нимъ и съ которыми придется ѣхать еще чуть не недѣлю вмѣстѣ. „Для чего намъ понадобилась эта компанія?“ думалъ онъ, досадуя на своего попутчика, который непремѣнно желалъ, чтобъ эти двое ѣхали съ ними. Его попутчикъ хотя тоже былъ лѣтъ сорока пяти, но большой весельчакъ и затѣйникъ, низенькій, живой, съ бойкими черными глазами, по имени Викторъ Германовичъ Тирманъ, московскій фабрикантъ, умѣвшій жить, несмотря на ограниченныя средства, не хуже всякаго богача.

— Прекрасно, прекрасно! оживленно говорилъ Тирманъ, смѣясь и потирая руки.—Поѣдемте всѣ вмѣстѣ,—куда торопиться?

— Мнѣ торопиться некуда, согласился Сучковъ, пожилой, красивый мужчина, съ мягкими манерами, съ холенымъ бѣлымъ лицомъ и холеными бакенбардами.—Сдѣлайте одолженіе: ѣхать вмѣстѣ пріятнѣе. А то съ моимъ прикащикомъ забудешь, какъ говорятъ по-русски: отъ него кромѣ „да-съ“, да „нѣтъ-съ“ во всю дорогу ничего не услышишь.

Панфиловъ согласился тоже. Это былъ высокій, коренастый мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, съ толстыми щеками и небольшою, но густою бородой, въ которую вплелась сильная просѣдь. Онъ и Сучковъ были, по виду, такіе серьезные люди и вели между собою такіе скучные разговоры—все о дѣлахъ, да о причинахъ, что Кумачеву не о чемъ было сказать съ ними даже двухъ словъ.

Согласившись не разставаться, всѣ пожали другъ другу руки, и разговоръ у нихъ послѣ этого прекратился. Панфиловъ раскрылъ предъ собой газету, съ намѣреніемъ читать, но не чтеніе занимало теперь его мысли, и не торговля, въ которой онъ понималъ очень мало. Его тревожилъ иной вопросъ, большой для него важности; изъ поѣздки въ Ирбитъ купцы сдѣлали нѣчто въ родѣ спорта: есть такіе, что ухитряются доѣхать отъ Москвы въ пять сутокъ, есть такіе, что ѣдутъ шесть дней, а нѣкоторые

ѣдутъ полторы недѣли и больше; послѣдніе, конечно, не участвуютъ въ спортѣ и ѣдутъ какъ Богъ на душу положитъ, посмѣиваясь надъ усиліями первыхъ—во что бы то ни стало обогнать другъ друга; за то первые мчатся на тройкахъ, не щадя ни здоровья, ни денегъ, и съ похвальбой пріѣзжаютъ въ Ирбитъ. Туземцы недовѣрчиво покачиваютъ головами: можно ли добраться до нихъ въ пять сутокъ!? Но купцы, въ удостовѣреніе, достаютъ изъ кармана газету отъ того числа, когда выѣхали изъ Москвы, и простодушные обыватели въ удивленіи разводятъ руками.

Матвѣй Матвѣевичъ Панфиловъ былъ человѣкъ крайне самолюбивый. Почти тридцать лѣтъ онъ посѣщаетъ ежегодно Ирбитскую ярмарку, и тамъ про него идетъ слава, что быстрѣй его никто не ѣздитъ. Не отстать же теперь отъ Сучкова, или отъ Тирмана, отъ этихъ завзятыхъ ѣздоковъ, которые только два раза въ жизни его обогнали, да и то потому, что въ дорогѣ околѣлъ коренникъ. Что дѣлать? Человѣкъ онъ былъ стараго времени, отказаться отъ старой привычки не могъ и обогнать всѣхъ попутчиковъ было вопросомъ его самолюбія. Сучковъ и Тирманъ считались самыми опасными конкуррентами, у которыхъ все приспособлено, и лошади, и повозки, чтобы летѣть сломя голову. Равняться съ ними было довольно трудно: про Тирмана шла молва, будто въ дорогѣ онъ не ѣстъ и не спитъ, а все время держитъ въ рукахъ нагайку и погоняетъ ею то лошадей, то ямщика, — благо въ тѣхъ мѣстахъ народъ невзыскательный. Да и Сучковъ тоже ѣздокъ записной: за деньгами не стоитъ, скандаловъ никакихъ не боится, и ямщику у него на выборъ—рубль на чай, либо по шеѣ; поэтому и летитъ какъ птица. Смутили Матвѣя Матвѣевича такіе попутчики.

Поѣздъ подходилъ уже къ самой станціи, когда Тирманъ, взявши съ полки свой сакъ-вояжъ, сказалъ, обращаясь къ сосѣдямъ:

— Значитъ, вмѣстѣ, господа? Заказывайте кофе, а я за багажемъ покуда пройду.

Съ этими словами онъ вышелъ на тормазъ, вмѣстѣ съ Кумачевымъ.

Чудное утро, солнечное и слегка морозное сіяло въ Нижнемъ-Новгородѣ. На остановившійся поѣздъ бросились носильщики, изъ вагоновъ повалила публика, все смѣшалось, и Матвѣй Матвѣевичъ насилу отыскалъ своихъ прикащиковъ, ѣхавшихъ во второмъ классѣ. Вѣрный данному слову — не торопиться, онъ

прошелъ прямо въ буфетъ и занялъ отдѣльный столикъ, заказавши кофе.

— Садись, сказалъ онъ своему главному прикащику, Бородатову, человѣку солидному и благообразному. — А вы скорѣй на извощика, да укладывайте повозки. Живо!

Двое другихъ, къ которымъ относились эти слова, сейчасъ же повернулись и молча пошли въ двери. Это были тоже служащіе Панфилова: конторщикъ Кротовъ, похожій болѣе на церковнаго пѣвчаго, суровый, басистый, и прикащикъ Анютинъ, который обладалъ нѣжнымъ взглядомъ и сладкимъ голосомъ, хотя былъ плѣшивый и рыжій. Они уже знали, что̀ требуется хозяину, и вышли изъ вокзала съ такимъ видомъ, будто въ первый разъ пріѣхали въ городъ.

Глядя на Панфилова, не спѣша отхлебывавшаго чай и курившаго папиросу, можно было подумать, что онъ въ самомъ дѣлѣ никуда не торопится; развѣ только частое поглядываніе на часы и обнаруживало его тревогу. Напрасно однако дожидался онъ Тирмана, ушедшаго получать багажъ, и Сучкова, ушедшаго умываться. Къ чаю никто не явился. „Тѣмъ лучше!“ подумалъ Матвѣй Матвѣевичъ и не торопясь подошелъ къ буфету выпить съ Бородатовымъ „посошокъ“ на дорогу. Затѣмъ тою же неторопливою походкой, будто прогуливаясь отъ нечего дѣлать, вышелъ изъ вокзала и, какъ только вышелъ, сейчасъ же какъ бѣшенный вскочилъ къ первому извощику и погналъ, что есть мочи, на почтовую станцію, такъ что Бородатовъ за нимъ едва поспѣвалъ на другомъ извощикѣ.

Вотъ онѣ панфиловскія повозки! Вонъ стоятъ у самыхъ воротъ, и добрые кони встряхиваютъ колокольчиками... Матвѣй Матвѣевичъ взглянулъ на свои повозки, маленькія, легкія, приспособленныя для быстрой ѣзды, взглянулъ на громадныхъ коней, впряженныхъ тройками, которые били въ нетерпѣніи снѣгъ копытами и мотали головами, — на этакой тройкѣ да не летѣть!

„Постой же!“ погрозилъ онъ кому-то, улыбаясь отъ радости. Улыбались и ямщики, давно знавшіе Панфилова и чуявшіе въ карманахъ хорошую подачку на чай. Готовясь вспрыгнуть на облучки, они весело разбирали возжи, а путники, надѣвши сверхъ полушубковъ теплыя дохи, усаживались по мѣстамъ. Огромное тѣло Панфилова заняло почти всю повозку, и Бородатовъ елееле пристроился сбоку, завидуя другимъ прикащикамъ, которые

вдвоемъ засѣли во вторую повозку, раздѣливши мѣста по товарищески. Содержатель „Вольной почты“, провожая старыхъ знакомыхъ, одолжилъ по особому случаю Матвѣю Матвѣевичу курьерскую подорожную.

— Всѣ сѣли? раздался громкій окрикъ.

— Съ Богомъ! отвѣтили изъ задней повозки.

— Съ Богомъ! скомандовалъ Панфиловъ и, снявъ мѣховую шапку, перекрестился.

Лошади тронули...

Сначала проѣхали „Вольную почту,“ потомъ замелькала своими рядами и вывѣсками Нижегородская ярмарка, вся занесенная снѣгомъ; мелькнулъ водопроводъ,—и лошади спустились на Оку. Ѣхали неспѣша: то и дѣло мѣшались встрѣчные обозы, или городскія сани перерѣзывали путь. Вотъ въ правой сторонѣ показался Нижній, а вотъ и Кремль, на который всѣ стали креститься; вотъ мелькнулъ красавецъ Откосъ; потянулись караваны огромныхъ барокъ, зазимовавшихъ во льду, но все это мало по по малу осталось уже позади, исчезли всякіе признаки жилья, и передъ глазами развернулась одна широкая, безконечная, „кормилица матушка“, Волга.

II.

Повозки.

Ясный морозный день. Въ воздухѣ тишина невозмутимая. Небо совершенно голубое, точно лѣтомъ, и солнце свѣтитъ по лѣтнему—ярко, ярко, только не грѣетъ, и бѣлый снѣгъ вокругъ блеститъ и искрится, такъ что больно смотрѣть, и вьется впереди наѣзжанная дорога прихотливыми очертаніями, и не хочется отрывать взоровъ отъ сверкающей безконечной равнины, что тянется по лѣвой сторонѣ, нетронутая человѣческими ступнями, до самыхъ краевъ небосклона. Правый нагорный берегъ глядитъ на нее исподлобья, какъ старецъ-женихъ на молодую невѣсту, и тамъ, гдѣ раскинулись старыя Печоры съ ихъ колокольнями, утопающими лѣтомъ въ зелени садовъ, торчатъ оголенныя вѣтки. Похмуръ и задумчивъ этотъ нагорный берегъ, весь обросшій старыми лѣсами; заиндивѣлыя деревья производятъ самыя фантастическія сочетанія: то чудится въ нихъ какой-то теремъ волшебный, то узоры, вышитые по канвѣ; цѣлый русскій сказочный міръ встаетъ въ воображеніи...

А тройки летятъ во всю мочь, крутя за собою снѣжную пыль. „Эхъ! Эхъ!“ покрикиваютъ ямщики. Чутко и вольно разносятся окрики, радостною пѣсней заливаются колокольчики, и снѣжная пыль летитъ прямо въ лицо и крѣпко садится на фартукъ повозки. Глядишь, глядишь на всѣ стороны, и не хочется слова сказать. Вонъ что-то черное виднѣется въ сторонѣ—это полыньи. Иногда эти полыньи встрѣчаются очень большія, съ версту длиною; говорятъ, не будь ихъ, рыба не могла бы зимовать въ рѣкѣ,—такъ-ли? Некогда разбирать! Морозный воздухъ вплетается въ усы и въ бороду, сморaживаетъ рѣсницы. „Эхъ! Эхъ! други милые“, слышится веселый окрикъ, — и непонятно, чему веселится ямщикъ.

То тутъ, то тамъ, въ разныхъ мѣстахъ по рѣкѣ возвышаются ледяные кресты, иногда до сажени ростомъ.

Бородатову надоѣло молчать. Онъ глядѣлъ направо, глядѣлъ налѣво: прекрасныя, но одинаковыя картины, хотя и одинаково прекрасныя, мѣнялись передъ его глазами. Онъ давнымъ давно знаетъ волжскій обычай съ ледяными крестами, но ему хочется слышать человѣческій голосъ, который нарушилъ бы величаво-ледяное безучастіе природы.

— Ямщикъ!

Тотъ мгновенно обернулся, но тотчасъ же привсталъ, нахлобучивъ шапку, чтобъ не свалилась, гикнулъ и пустилъ тройку еще быстрѣе.

— Ямщикъ!

— Ась?

Бородатовъ почувствовалъ себя бариномъ и почему-то разсердился; по крайней мѣрѣ въ голосѣ его зазвучала командирская нотка:

— Что за кресты?

Ямщикъ опять привсталъ, хотѣлъ было опять гикнуть, но спокойно опустился на облучокъ и, балуя возжами, отвѣтилъ:

— Обыкновеніе. Ребята дѣлаютъ изо льда; наколятъ и сложатъ крестомъ. Такъ уже заведено, чтобы въ Крещеніе послѣ обѣдни строить.

— Зачѣмъ же? Примѣта что-ли какая?

— Кто-жь ихъ знаетъ,—должно быть примѣта.

Для разговоровъ однако не время: вотъ ужь чернѣется кабакъ на седьмой верстѣ, у дверей котораго лошади останавливаются сами, потому что это тоже—волжскій обычай, и ни одна тройка

его не минуетъ. Ямщики проворно соскакиваютъ съ повозокъ и молча подходятъ къ Матвѣю Матвѣевичу, ухмыляясь и почесывая въ затылкахъ. Лошади стоятъ, тяжело дыша; отъ нихъ валитъ паръ, замерзая вокругъ губъ и ноздрей.

Получивъ по двугривенному, ямщики черезъ минуту вернулись, утирая рукавомъ губы, съ выраженіемъ на лицѣ блаженныхъ послѣдствій выпитой чарки, вскочили снова на облучки, гикнули, и повозки, взвизгнувъ полозьями по скрипучему снѣгу, опять понеслись въ даль.

А что̀ такое повозка?

Много было прикушено языковъ, много было посажено синяковъ на лбы и шишекъ на затылки, прежде чѣмъ выдуманъ такой экипажъ. Русскій человѣкъ доходилъ до него постепенно, не торопясь, и всякій разъ умудрялся горькимъ опытомъ. И наконецъ состряпалъ такую штуку, что кати на ней хоть къ чертямъ на кулички — горя мало!

Это не сани съ ковровымъ задкомъ и мягкимъ сидѣньемъ, въ которыхъ ѣзжали бывало откупщики на прогулки; это не кошева, въ которой и до сихъ поръ ныряютъ по ухабамъ разные куплетисты и фокусники, неизбѣжные гости всѣхъ русскихъ ярмарокъ, или тащатся Жиды, мелкіе коммиссіонеры, которыхъ везутъ по дешевымъ цѣнамъ, только за то, что вмѣсто ковра, прибита рогожа, а вмѣсто подушки — клокъ сѣна; это даже не монастырская кибитка, въ которой возятъ архіерея, хотя она тоже напоминаетъ, какъ и та, бабушкинъ чепчикъ.

Все въ этой повозкѣ отличается прочностью и удобствомъ; ни косогоръ, ни ухабы — ей все ни по чемъ! Засѣлъ въ этотъ бабушкинъ чепчикъ, который придѣланъ къ высокимъ розвальнямъ, натянулъ на ноги мѣховое одѣяло, и лети хоть за тридевять земель, ни о чемъ не горюя. Что̀ ей сдѣлается, этой повозкѣ? Наскочила на кочку,—небось! не опрокинется на бокъ, потому что по бокамъ придѣланы отводы, въ родѣ вторыхъ оглоблей, которые берегутъ ее и слѣва и справа. Понесется ли она по ухабамъ, и то не бѣда: развѣ только охнешь отъ неожиданности, а ужь языкъ не прикусишь и не станешь бодаться съ ямщицкой спиной, или съ своимъ собственнымъ чемоданомъ.

Чепчикъ сдѣланъ изъ прочнаго лубка и околоченъ циновкою; на случай солнца—сверху спускается зонтикъ, на случай вьюги поднимается фартукъ до самаго зонтика, а на случай выпивки— въ кузовѣ имѣется два кармана, гдѣ хранится все необходимое:

коньякъ, табакъ и тому подобное. Подъ сидѣньемъ — перина, за спиною—подушки, такъ что ни сидишь, ни лежишь, — а натянешь на ноги мѣховое одѣяло, да завернешься покрѣпче въ доху поверхъ полушубка, поднимешь фартукъ, опустишь зонтикъ, да выпьешь на сонъ грядущій, — такъ тутъ не то что ухабы или морозъ, а никакая метель не страшна!

Хлебнувъ на седьмой верстѣ, ямщики всю восьмую версту гнали лошадей чуть не вскачь, то нахлестывая кнутомъ, то покрикивая и взмахивая рукавицами.

III.

Вдогонку.

Пока тянулась однотонная ледяная картина, пока по свѣжему слѣду мчались повозки, крутя за собою снѣжную пыль, Матвѣй Матвѣевичъ, не успѣвши еще освоиться, ежился и потиралъ руки отъ холода, молча слѣдя за бѣгомъ коней, а потомъ, откинувшись глубоко на подушки, сказалъ Бородатову:

— Ну-ка, Ѳедоръ Николаевичъ!

Тотъ проворно вынулъ изъ кармана повозки откупоренную бутылку и молча налилъ коньяку въ дорожный стаканчикъ. Панфиловъ молча выпилъ, закусилъ леденцомъ и молча кивнулъ на бутылку, что̀ означало: „выпей!“

Выпилъ и Бородатовъ. Выпили и въ задней повозкѣ; только тѣ догадались это сдѣлать пораньше, и теперь занялись разговорами. Кротовъ узналъ, что ямщика зовутъ Еремѣемъ, что у него пять человѣкъ дѣтей и что онъ свою нижегородскую водку предпочитаетъ всякой московской.

Переговариваясь и пошучивая съ ямщиками, путники весело и незамѣтно добрались до первой станціи—Кстово, расположенной почти у самаго берега. Сдѣлавъ крутой поворотъ, тройки съ звономъ и шумомъ подкатили къ крыльцу.

Въ это время отъ крыльца отъѣзжали повозки Тирмана и Сучкова. Какъ только ихъ увидалъ Матвѣй Матвѣевичъ, такъ и остолбенѣлъ, не успѣвъ даже вытащить изъ повозки ногу, и стоялъ на одной, точно аистъ.

— Такъ и есть! вскричалъ онъ въ негодованіи.—Надули! Надули! и вскочивъ на снѣгъ, не зналъ куда дѣваться.—А все вы!

набросился онъ на приказчиковъ.—Укладывались десять лѣтъ!! Староста!! закричалъ онъ еще громче, распахивая шубу.

Ему вдругъ сдѣлалось жарко. Видъ его былъ необычайно строгъ и грозенъ, а голосъ, на который мгновенно выбѣжалъ староста, прогремѣлъ какъ команда.

— Живо—курьерскихъ!.. А вы—молодцы! обратился онъ къ ямщикамъ.—Удружили: получай по рублю!

Новые ямщики цѣлою толпой хлопотали между тѣмъ у повозокъ, впрягая свѣжую тройку.

— Скорѣй! Скорѣй! волновался Матвѣй Матвѣевичъ, то подходя къ повозкамъ и понукая ямщиковъ, то вглядываясь въ даль и щурясь на двѣ чернѣвшія точки.

— Прописаны подорожныя? Садитесь! Пошелъ! Пошелъ, ямщикъ, догоняй тѣ тройки!

Взвился кнутъ—и лошади помчались. Волненіе Панфилова однако не улеглось. Все вниманіе его было обращено на дорогу, по которой вдалекѣ неслись двѣ скачущія тройки.

— Пошелъ! пошелъ! покрикивалъ Матвѣй Матвѣевичъ, не спуская съ нихъ глазъ.—Да пошелъ же ты, чортъ тебя побери!!

Ямщикъ нахлестывалъ лошадей и торопился, въ надеждѣ получить на чай, не обращая вниманія на ругань. Тройка летѣла, а Панфиловъ все не могъ успокоиться.

— Гони! Гони!.. Ахъ, ты скотина, какъ ѣдешь! Вотъ я тебя! я тебя!

Но ругаться во весь голосъ на морозѣ не такъ-то легко, и Матвѣй Матвѣевичъ усталъ.

— Да ругайся хоть ты! толкнулъ онъ Бородатова, откидываясь въ глубину повозки.

Бородатовъ началъ ругаться экспромптомъ, безъ всякаго вдохновенія. Между тѣмъ разстояніе между тройками мало-по-малу все сокращалось и сокращалось. Вотъ уже ясно виднѣется сучковская повозка съ ея глянцовитымъ чепчикомъ; алые лучи заходящаго солнца сверкаютъ на ея лощеной циновкѣ.

„Теперь не уйдешь!“ радостно думаетъ Панфиловъ.

Лихо несутся передніе кони, но еще лише скачутъ панфиловскія тройки.

— Ухъ! Эй! Го-го! вскрикиваетъ ямщикъ тонкимъ, почти бабьимъ голосомъ и, не помня обиды, взмахиваетъ кнутомъ и руками, привставши на облучкѣ.

Но вотъ и вторая станція—Кадинцы. Тройка лихо подкатила

къ крыльцу, колокольчики безпорядочно заболтали на всѣ лады, точно перебивая другъ друга, а чрезъ полчаса они уже заливались надъ другими конями среди волжскаго раздолья.

Солнце уже сѣло. Начинало вечерѣть, когда миновали Юркино. Январскія сумерки стали заволакивать даль, и въ воздухѣ замѣтно свѣжѣло. Сѣрый иней вставалъ надъ лѣсами, окутывая постепенно весь правый берегъ; бѣлая равнина тоже сѣрѣла и мало-по-малу сливалась съ туманною далью. Первыя звѣзды замигали на небѣ. Крѣпчалъ морозъ. Съ хрустомъ и скрипомъ осѣдалъ снѣгъ подъ полозьями; казалось, скрипѣла и самая повозка, точно сафьянный кошель. Осколокъ луны, бѣлѣвшій недавно точно облако, теперь позолотился.

Анютинъ выглянулъ изъ повозки и глаза его встрѣтились съ отблескомъ луны. Онъ было отвернулся, но потомъ снова поднялъ глаза къ небу. Что-то ласковое, ласковое просилось къ нему въ душу; эти кроткіе лучи среди мертвой природы будили въ немъ его полузадавленную молодость...

— Шельмецъ, шельмецъ! тихонько прокряхтѣлъ онъ, и неизвѣстно къ кому относились эти слова.

Въ это время около нихъ показался задокъ чьей-то повозки.

— Никакъ обгоняемъ?

— Сучковская! отвѣтилъ ямщикъ и завертѣлъ по воздуху кнутомъ.

Слышно было, какъ рядомъ сопѣли лошади и скрипѣла чужая повозка и чужой колокольчикъ вмѣшивался въ пѣсню ихъ колокольчика. Но приказчикамъ было все равно, они ли кого обгоняютъ, ихъ ли кто, они вовсе не интересовались, и спокойно лежали подъ чепчикомъ, разсуждая объ ужинѣ, да любовно поглядывая впередъ, гдѣ среди вечерней мглы сверкали огненныя точки.

— Слава Тебѣ Господи! къ Лыскову подъѣзжаемъ.

Среди сумерекъ заманчиво блестѣли эти огни, напоминая семейный очагъ, и чѣмъ ближе къ нимъ подъѣзжали тройки, тѣмъ шире они разсыпались и множились, сверкая тутъ и тамъ и лаская утомленные взоры.

Всѣ четыре тройки, одна за одной, въѣхали въ Лысково, нарушивъ своимъ звономъ и скрипомъ мирную тишину. Впереди всѣхъ ѣхалъ Тирманъ съ Кумачевымъ, за нимъ Панфиловъ и прикащики.

Сучковъ оказался послѣднимъ.

IV.

Привалъ.

Хорошо послѣ долгой однообразной ѣзды и морознаго воздуха поразмять усталыя ноги, взбираясь вверхъ по лѣстницѣ; хорошо войти въ теплую горницу, сбросить съ себя тяжелую промерзшую шубу, сѣсть за столъ, покрытый чистою скатертью, и отвѣдать горячихъ щей, которыя дымятся пахучимъ паромъ, несравнимымъ въ такія минуты ни съ какими запахами тортю или консоме!

Лысково—большое село, раскинувшееся по полугорью, по зернышку да по сѣмечку заманивало къ себѣ хлѣбную торговлю, а заманивъ, вцѣпилось въ нее, какъ сторожевая собака и потянуло на свою сторону со всѣхъ концовъ Поволжья, съ маленькихъ селъ и деревенекъ, и нарѣзало себѣ улицъ, настроило каменныхъ домовъ, какіе сдѣлали бы честь даже уѣздному городу!

Пока пріѣзжіе топали по лѣстницѣ, крякали съ холода, сбрасывали шубы, Кумачевъ успѣлъ уже вбѣжать въ комнату и осмотрѣться. По срединѣ стоялъ общій столъ съ тарелками, ножами и погребцомъ, изъ котораго торчала, разинувъ ротъ, горчичная банка. Вслѣдъ за Кумачевымъ вошли и всѣ остальные, расчесывая бороды и слипшіеся волосы. Человѣкъ, стоявшій въ дверяхъ съ салфеткой подъ мышкой, вопросительно глядѣлъ на нихъ, готовый сорваться съ мѣста по первому слову, но потомъ, раздумавъ, подошелъ къ столу и началъ лѣниво трепать объ него салфетку, дѣлая видъ, что сметаетъ.

— Любезный, а гдѣ же хозяинъ? сказалъ Сучковъ.

— Сію минуту-съ! бойко отвѣтилъ человѣкъ и торопливо ушелъ.

Всѣ сѣли вокругъ стола; пробовали заговорить, но разговоръ не вязался. Веселѣе другихъ глядѣлъ Кумачевъ. Онъ не оставилъ безъ вниманія ни одного предмета, поглядѣлъ въ окно, поцарапалъ пальцемъ горчичную ложку, на которой присохли комки, заглянулъ и въ сундукъ, окованный жестью; такихъ сундуковъ много стояло здѣсь по стѣнамъ, для продажи. И все ему казалось забавнымъ и новымъ. Его молодое, свѣжее лицо выражало безграничное удовольствіе, и сдержанная улыбка не сходила съ губъ.

— А знаете, что̀ намъ предложитъ сейчасъ хозяинъ? шутливо

сказалъ Панфиловъ.—Держу пари, что заливную стерлядь, щи и котлеты! Здѣсь двадцать девять лѣтъ подаютъ одно и то же.

Въ это время за стѣной послышался говоръ и кашель, потомъ заскрипѣли половицы подъ чьими-то мягкими шагами, и въ комнату вошелъ Дмитрій Ульяновичъ, сѣденькій, ветхій старичокъ, въ валенкахъ, въ длинномъ затасканномъ сюртукѣ. Появленіе его сопровождалось хриплымъ тяжелымъ дыханіемъ, довольно громкимъ, отчего казалось, будто въ груди у него спрятана машинка, которая должна была шипѣть и пищать при каждомъ вздохѣ. Едва взглянулъ Дмитрій Ульяновичъ на компанію, какъ всплеснулъ руками и даже остановился.

— Господи, Мать Пресвятая Богородица!... вотъ радость-то! Привелъ Господь на старости опять увидаться!... Матвѣй Матвѣевичъ! батюшка! И вы, Иванъ Александрычъ! Да что̀ же такое: и Викторъ Германовичъ здѣсь!

Онъ въ умиленіи замолчалъ, склонивъ голову на бокъ и улыбаясь, а машинка въ его груди еще просвистѣла двѣ жалобныя нотки.

— Да какъ же это вы такъ... всѣ-то разомъ? Точно согласились? заговорилъ онъ снова, здороваясь со всѣми за руку.

— Почтеніе, сударики мои! поклонился онъ прикащикамъ, привѣтливо улыбаясь, отчего все лицо его сморщилось и сѣденькая бородка запрыгала съ радости.

Предъ Кумачевымъ однако онъ въ недоумѣніи остановился и сказалъ:

— Молодаго человѣка вотъ и не признаю что-то. Не сынокъ ли Матвѣя Матвѣевича?

— Это молодой Кумачевъ, отвѣтилъ Тирманъ.

На лицѣ хозяина сейчасъ же выразилось уваженіе къ такой громкой фамиліи.

— Здравствуйте и вы, батюшка! поклонился онъ почтительно.— Дѣдушку, вашего, царство ему небесное, знавалъ, Савелья Никитича, и вашего батюшку всегда принималъ, когда пріѣзжали; вотъ и васъ Господь привелъ увидать... Хе, хе, хе, Господи Боже!... Чего же прикажете, гости дорогіе? обратился онъ ко всѣмъ.

— А что̀ у васъ есть?

— Да что̀ угодно: стерлядочку заливную можно... хорошая стерлядочка! Щи можно подать, а то и котлетку, ежели будетъ угодно, зажаримъ.

— Ну, вотъ и пожалуйте всего этого.

Дмитрій Ульяновичъ, вздыхая и приговаривая что-то, ушелъ, а прикащики тѣмъ временемъ успѣли молча объясниться съ стоявшимъ въ дверяхъ человѣкомъ. Привлекши его вниманіе громкимъ кашлемъ, Анютинъ мигнулъ ему и щелкнулъ себя двумя пальцами въ шею, около уха, затѣмъ опять мигнулъ, а черезъ минуту человѣкъ притащилъ уже водки и рыбы на закуску.

Въ это время въ дверяхъ показался смотритель съ подорожными въ рукахъ. Это былъ низкорослый и крѣпкій человѣкъ, которому, несмотря на его сѣдину, казалось, вѣка не будетъ. Одѣтъ онъ былъ въ двухбортный суконный сюртукъ съ двумя рядами мѣдныхъ пуговицъ, на которыхъ изображалась почтовая труба, изогнутая ввидѣ кренделя.

— Хлѣбъ да соль, господа! сказалъ онъ, глядя на водку.— Для васъ все готово, извольте получить.

И онъ положилъ на столъ полупечатные, полуписанные листы казенной бумаги, затѣмъ, высоко поднявъ брови, погладилъ свою длинную бороду и поглядѣлъ на закуску, но такимъ невиннымъ взглядомъ, что было бы грѣшно заподозрить его въ коварномъ намѣреніи.

— Очень быстро изволите ѣхать! продолжалъ онъ, перемипаясь съ ноги на ногу.—Очень быстро: шести часовъ еще нѣту.

— Обыкновенно, сказалъ Тирманъ, закусывая выпитую рюмку.

— Замѣчательно быстро! похвалилъ еще разъ смотритель, не отходя отъ стола.—Быстрѣй вашего никто не ѣздитъ. А между прочимъ имѣю честь кланяться!

Онъ нехотя удалился, а пріѣзжіе принялись за ужинъ, который былъ вскорѣ нарушенъ веселымъ смѣхомъ, внезапно раздавшимся внизу, и затѣмъ быстрымъ топотомъ по лѣстницѣ: кто-то вбѣгалъ торопливыми, легкими шагами и; задыхаясь, смѣялся отъ всей души. Всѣ встрепенулись и взглянули на дверь.

Продолжая хохотать, въ комнату вбѣжала молодая женщина, но, увидавъ компанію, мгновенно остановилась и замолчала въ смущеніи, тяжело дыша. За нею, отдуваясь, вошелъ молодой мужчина въ очкахъ, которыя запотѣли отъ холода и были спущены на конецъ носа.

— Занято! подумалъ онъ вслухъ, видя, что сѣсть ему некуда.

— Мы можемъ подвинуться, любезно предложилъ Сучковъ.— Господа, подвиньтесь!

Вошедшій поклонился, въ знакъ благодарности, и сказалъ, вытирая платкомъ очки:

— Садись, Оля! есть мѣсто.

Очевидно, та не ожидала встрѣтить столько народа, когда смѣясь вбѣгала сюда по лѣстницѣ, и сначала смутилась, но теперь оправилась отъ перваго впечатлѣнія и быстрымъ взглядомъ оглядѣла комнату и людей, взглянула мелькомъ на Сучкова и Кумачева, остальныхъ не замѣтила, и снова весело улыбнулась.

— Охъ, устала! промолвила она, садясь прямо на сундукъ и кокетливо поправляя на себѣ пуховый платокъ, который, казалось, ласкалъ и нѣжилъ ея шею и щеки.

— Садись къ столу, что жь ты на сундукѣ!

— Дай отдохнуть минутку! Какая тяжелая лѣстница!

Она хотѣла вздохнуть, но вмѣсто этого опять засмѣялась и встала, поправивъ еще разъ пуховой платокъ, закрывавшій ея спину и грудь и однимъ концомъ спускавшійся на полъ.

Это была женщина лѣтъ двадцати двухъ, не болѣе. Голову ея покрывала высокая барашковая шапка, похожая на мужскую; изъ-подъ шапки виднѣлись волосы, почти такіе же темные, какъ барашекъ; и брови были темныя, и рѣсницы темныя и длинныя, но когда она открывала глаза (взгляды ея были внезапны), то рѣсницы, казалось, блестѣли заодно съ ея крупными лучистыми глазами. Ея появленіе внесло съ собою что-то живое, непонятно сладкое, домашнее.

Запахъ щей, начинавшій было щекотать аппетитъ, утратилъ свое обаяніе; прикащики сбились въ кучу и совершенно обезличились, потерявъ присутствіе духа; Сучкову стали мѣшать его красивыя бакенбарды, которыя пришлось поэтому откидывать вправо и влѣво и хмурить на нихъ свои красивыя брови; Кумачевъ пересталъ ѣсть, Тирманъ задумался о чемъ-то очень лукавомъ, и только Матвѣй Матвѣевичъ продолжалъ свой ужинъ, хладнокровно наблюдая за всею компаніей.

— Оля, ты будешь ѣсть?

— Разумѣется, Леонидъ! Я голодна, отвѣчала та, усаживаясь за столъ.

— Человѣкъ! Какой у васъ ужинъ?

— Щи-съ! Заливная стерлядь!

— Потомъ?

Оля, не давъ ему договорить, сказала:

— Стерлядь, стерлядь!

Пользуясь своимъ случайнымъ сосѣдствомъ, Матвѣй Матвѣевичъ спросилъ Леонида, далеко ли онъ ѣдетъ.

— Въ Малмыжъ, отвѣчалъ тотъ хмуро.—Чортъ знаетъ, какое сообщеніе: на лошадяхъ! А женѣ вотъ нравится.

Та улыбнулась при этихъ словахъ. Улыбнулся и Панфиловъ, взглянувъ на нее. Улыбнулись и прочіе, предвкушая общій разговоръ.

— Да, мнѣ очень нравится, сказала Оля, видя, что всѣ на нее смотрятъ.—Желѣзная дорога такъ монотонна, такъ надоѣла! А здѣсь все новое. Говорили, будто дорога плохая—нисколько.

— Это только сначала, сударыня, вѣжливо замѣтилъ Панфиловъ.—А пойдутъ Чугуны, Осташиха... да еще Аракчеевскія аллеи, такъ не приведи Богъ!

— А вы далеко ли? спросилъ Леонидъ.

— Мы на ярмарку,—въ Ирбитъ ѣдемъ.

Стали говорить про Ирбитъ и Малмыжъ, и разговоръ мало-по-малу сдѣлался общимъ. Выяснилось, что Леонидъ—чиновникъ изъ Петербурга, ѣдетъ по дѣламъ службы, получивъ въ Малмыжѣ мѣсто инспектора, не то податнаго, не то еще какого-то,—никто этого не разобралъ.

— Я такъ рада, что ѣду на тройкахъ, говорила его жена Кумачеву. Это такое удовольствіе: летишь—сердце замираетъ!

Она очень мило зажмурила глаза и еще милѣе содрогнулась при этомъ, словно показывая, какъ у нея замираетъ сердце. Между тѣмъ ужинъ былъ оконченъ, и Панфиловъ поднялся. Глядя на него, встали и прочіе.

— Желаю благополучнаго пути! поклонился онъ Ольгѣ Васильевнѣ.

— Вы уже ѣдете? Поѣдемъ и мы, Леонидъ!

Тотъ, очевидно, не имѣлъ обыкновенія спорить; молча вытеръ губы, поправилъ очки и, положивъ деньги, сталъ собираться. Кумачевъ воспользовался случаемъ подержать Ольгѣ Васильевнѣ шубу; за это она поблагодарила его такою улыбкой, что не только у него, но даже и у Сучкова заблестѣли глаза.

Съ сожалѣніемъ подумалъ теперь Кумачевъ о своей лихой тройкѣ, которая унесетъ его далеко отъ всѣхъ: „Чортъ бы ее побралъ вмѣстѣ съ Тирманомъ,—куда торопиться!“ Однако всѣ вышли на дворъ подъ веселый говоръ и пожеланія Дмитрія Ульяновича, который со свѣчкою стоялъ на лѣстницѣ и провожалъ ихъ, называя всякаго по имени и вплетая сюда разныя слова, въ родѣ: „Господи Боже“, „батюшка“, „Никола милостивый“...

„Веселая барынька!“ подумалъ Панфиловъ про Ольгу Ва-

сильевну, пока та усаживалась въ повозку. Зная хорошо слабости своихъ спутниковъ, особенно Сучкова, онъ былъ увѣренъ, что ихнія тройки теперь далеко не ускачутъ, а будутъ все время держаться поближе къ новой. Вотъ прекрасный случай уѣхать отъ нихъ такъ далеко, что послѣ и не догонять!

Обрадованный этою надеждой, Матвѣй Матвѣевичъ обратился къ своему ямщику сладкимъ упрашивающимъ голосомъ:

— Голубчикъ, родной, уважь! поѣзжай какъ можно пошибче,— озолочу!.. А ежели ты, мерзавецъ, — вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ, плохо поѣдешь, такъ я тебя...

Онъ что-то еще добавилъ, но уже вовсе тихо, почти шипя, чтобы не слыхали другіе.

V.

Ночь.

Было совершенно темно, когда выѣхали на дорогу. Новорожденный мѣсяцъ весело блестѣлъ на небѣ, но не освѣщалъ пути. Всѣ тройки, одна за одной, ѣхали ровною рысью. Какъ ни торопилъ ямщика Панфиловъ, какъ ни упрашивалъ, какъ ни бранился, тотъ былъ ко всему равнодушенъ. Обладая лучшими лошадьми по всей Волгѣ, лысковскіе ямщики никогда и никуда не торопятся, да и люди они не такого сорта, чтобы на нихъ подѣйствовало какое-нибудь слово, хотя бы и очень крѣпкое; ни брань, ни щедрый посулъ на водку не могли повліять на ихъ хладнокровіе.

— Да пошелъ же! да обгони ты тѣхъ, ради Бога! волновался Матвѣй Матвѣевичъ, боясь пропустить хорошій случай.—Ну, на тебѣ рубль,—гони живѣй.

— Покорно благодарю, отвѣчалъ равнодушный ямщикъ.—Ѣдемъ и такъ очень поспѣшно.

Безнадежно ругнувъ его за упрямство, Матвѣй Матвѣевичъ запахнулся, надвинулъ поглубже шапку и сталъ дремать. Мало-по-малу и всѣхъ убаюкала тихая морозная ночь. Спокойно и ровно катились повозки по гладкой дорогѣ; еще спокойнѣе глядѣлъ на нихъ одноглазый мѣсяцъ, окруживъ себя широкимъ бѣлесоватымъ кольцомъ. Одинъ только Кумачевъ долго не могъ успокоиться и лежалъ, уткнувшись въ воротникъ дохи. Какихъ, какихъ думъ не передумалось ему въ это время! То вставалъ

передъ нимъ обольстительный образъ Ольги Васильевны, неотступно влекущій куда-то на радости и восторги, то видѣніе смѣнялось тоскою о предстоящей жизни, безцѣльной и черствой, то вспоминалось старое, когда онъ былъ еще Мифочка, рѣзвый мальчишка, школьный затѣйникъ... Гдѣ они всѣ, его школьные сверстники? куда, по какимъ путямъ разбрелась эта молодая ватага, когда-то сплоченная одними интересами, подчасъ разгульная и безшабашная? Куда дѣвались тѣ немногіе, мечтавшіе о наукѣ, объ идеалахъ?.. Прошла весна—и нѣтъ никого, и разсѣялись они всѣ по городамъ и столицамъ, и не слыхать о нихъ!.. Вотъ несутъ и Мифочку быстрые кони,—только куда? зачѣмъ? Что ему нужно отъ всей этой ярмарки и всѣхъ этихъ коммерческихъ оборотовъ, которымъ придется посвятить всю свою жизнь?.. всю жизнь!.. Ничего ему не нужно отъ нихъ, и самъ онъ не знаетъ, почему такъ глупо сложилась его судьба.

Беззаботною рысью несутся тройки, дремлютъ усталые сѣдоки,—а дорога между тѣмъ, измѣнивъ ненадолго Волгѣ, устремилась въ сторону и пошла озерами. Показались Аракчеевскія аллеи, а съ ними и первые ухабы, по которымъ, ныряя, загромыхали повозки, то проваливаясь съ шумомъ, то опять выбиваясь на свѣтъ Божій.

Обсаженная деревьями еще по приказу покойнаго графа Аракчеева, дорога славилась своими ухабами. Проснувшись отъ сильныхъ толчковъ, Тирманъ въ раздраженіи крикнулъ какое-то слово, на которое даже ямщикъ обернулся и сочувственно сказалъ:

— Ничего не подѣлаешь! Еслибы не деревья, много бы вольготнѣе было.

— Ахъ, Аракчеевъ!—ворчалъ и Бородатовъ, когда на ухабѣ на него наваливался Матвѣй Матвѣевичъ.—Охъ, Аракчеевъ... царствіе ему небесное!

Никто не могъ спать. То и дѣло раздавался чей-нибудь голосъ. Чаще всѣхъ Ольга Васильевна взвизгивала на ухабахъ и затѣмъ хохотала. Ночной вѣтеръ проносился иногда между деревьями и передувалъ дорогу, выхватывая залежи разсыпчатаго снѣга. Долгая зимняя ночь казалась безконечной; ухабы и толчки не давали продолжительнаго покоя. Иногда, неожиданно просыпаясь, Матвѣй Матвѣевичъ вскрикивалъ раздраженно:

— Да пошелъ же ты, чортовъ сынъ!

Но зная ямщицкое упрямство, опять завертывался въ доху и

засыпалъ тревожнымъ, короткимъ сномъ. Долго, долго тянулись Аракчеевскія аллеи, и сразу нельзя было привыкнуть къ ухабамъ, а когда съ ними уже свыклись и перестали желать графу царствія небеснаго, аллеи кончились и тройки приближались къ городу Василь-Сурску.

Начинало свѣтать.

Ночная мгла разсѣивалась, но небо было мутное и мутенъ былъ воздухъ. По скату горы чернѣли разбросанныя жилища, за ними вставали въ туманѣ городскія постройки и, точно скелетъ, торчала длинная тощая колокольня съ длиннымъ шпицемъ, стремившимся, какъ указательный перстъ, къ мутному небу,—и глядя на него вспоминалась истина, что на устьѣ Суры построилъ царь Василій городъ Василь отъ набѣговъ татаръ-разбойниковъ; а глядя на громадный острогъ, господствовавшій надъ всѣмъ городомъ, приходила на умъ другая истина, что въ городѣ Василѣ развелось въ позднѣйшія времена очень много своихъ собственныхъ воровъ и разбойниковъ...

— А что, Матвѣй Матвѣевичъ, не испробовать ли здѣсь знаменитыхъ стерлядей?—сказалъ Сучковъ, подходя къ повозкѣ Панфилова, когда они подъѣхали къ станціи. Сурская стерлядь сама во рту, говорятъ, таетъ; одного жира на ней чуть не вершокъ.

Матвѣй Матвѣевичъ былъ очень сердитъ, и ему было не до стерлядей.

— А ну ихъ къ...

Впопыхахъ онъ даже не нашелся, какъ выбраниться, и закричалъ:

— Староста! Лошадей!..

Зимній разсвѣтъ способенъ всякаго навести на досаду,—до такой степени онъ медлителенъ и какъ будто лѣнивъ. Ѣдешь, ѣдешь, а все та же муть вокругъ, все то же мутное небо и сѣдой туманъ впереди, какъ было и въ Василь-Сурскѣ, а между тѣмъ городъ уже миновали и цѣлый часъ прошелъ, какъ тронулись дальше. Сѣро, блѣдно, неуютно. Вѣтеръ совершенно затихъ, но утренній морозъ пощипываетъ сильнѣе, едва высунешь носъ изъ-подъ шубы.

Дорога снова лежала вдоль Волги, гладкая, раздольная, а упрямцы, русскіе ямщики, смѣнились старательными Чувашами.

— Смотри ты, если плохо поѣдешь! пригрозилъ своему ямщику Матвѣй Матвѣевичъ, показывая кулакъ.

Чувашъ молча вспрыгнулъ по обезьяньи на облучокъ и во весь духъ погналъ тройку, боясь ослушаться приказанія. Вся его фигура, маленькая, тщедушная, выражала такую покорность, что если-бъ лошади взглянули повнимательнѣе, кто ими распоряжается,—право перестали бы слушаться.

VI.

Чуваши.

Всѣ ямщики были точно братья родные: всѣ румяные, волосатые, съ узкими глазами и рѣденькими бородками; у всѣхъ одинаковыя шапки съ чернымъ околышемъ изъ поддѣльнаго барашка, одинаковые кафтаны и одинаковый общій видъ,—суетливый и жалостный. И горько ихъ видѣть на лихихъ тройкахъ среди волжскаго раздолья, и приходитъ на мысль сожалѣніе: вотъ бы такихъ невзрачныхъ людей да къ похороннымъ линейкамъ.

У станціи „Сумки“ Чувашей стояла цѣлая толпа, когда къ ней подъѣхали тройки. Сучковъ, желая потѣшить Ольгу Васильевну, крикнулъ, подходя къ ямщикамъ.

— Василій Иванычъ!

— А? хоромъ отвѣтили Чуваши, и всѣ разомъ обернулись на окрикъ.

Ольга Васильевна залилась звонкимъ хохотомъ.

— Василій Иванычъ!—крикнулъ съ другой стороны Тирманъ.

Вся толпа обернулась въ его сторону.

— Да развѣ васъ всѣхъ зовутъ Васильями Иванычами, со смѣхомъ спросилъ Кумачевъ.

— А что же! отвѣчали простодушные Чуваши.

— Это у нихъ любимыя имена, объяснилъ Панфиловъ, подойдя къ компаніи.

— Нисколько! возразилъ Сучковъ.—Дѣло не въ любви. А когда ихъ переводили въ христіанскую вѣру, то для краткости взяли да и окрестили всѣхъ Василіемъ, чтобъ недолго возиться. Оптомъ!

Ольга Васильевна опять засмѣялась, вообразивъ себѣ картину общаго крещенія.

— А крестный отецъ у нихъ былъ—тоже общій, дьяконъ Иванъ, продолжалъ Сучковъ.—Вотъ погодите, скоро пріѣдемъ мы въ Чебоксары, въ ихъ чувашскую столицу, которую они счи-

таютъ лучшимъ городомъ въ мірѣ. Попробуйте-ка сказать про нее дурное слово! Съѣдятъ!

Ольга Васильевна то хохотала, то куталась въ свою шубу и ни минуты не могла пробыть спокойно на мѣстѣ. Мужъ ея, напротивъ, былъ сосредоточенъ и стоялъ поодаль, разговаривая со старостой. Пока перепрягали повозки, уже совсѣмъ разсвѣло; на зенитѣ прояснѣло, но остальная часть неба была все еще мутна; сѣдой морозъ, въ родѣ тумана, сгустился и не хотѣлъ пускать сквозь себя солнечные лучи, и долго боролось солнце съ его упрямствомъ.

Тройки уже катились по гладкой спокойной дорогѣ, а туманъ все держался, и солнце съ трудомъ пробивалось, но наконецъ пробилось и выглянуло сквозь его чащу желтымъ золотистымъ пятномъ, безъ лучей, какъ луна. На него можно было смотрѣть безъ боли, только некому было смотрѣть; утомленные безсонною ночью, всѣ спали, и лишь жадные до денегъ Чуваши летѣли, сломя голову, другъ за другомъ, — заслуживая обѣщанную рублевку. То и дѣло нахлестывали они лошадей и кричали тонкимъ пронзительнымъ голосомъ, не то ихъ ругая, не то подзадоривая. Однообразны и неразборчивы были ихъ крики; казалось, они все время кричали одну и ту же непонятную фразу:

— Тары-бары! тары-бары!

Когда солнце окончательно побѣдило и прогнало туманъ и глянуло полнымъ свѣтомъ,—сѣрѣвшая окрестность вдругъ ожила. Помолодѣли угрюмые берега, засверкала дорога мелкими искрами, и побѣжали за тройками уродливыя тѣни. Тирманъ проснулся, когда яркіе лучи ударили его по глазамъ, и спросилъ:

— Гдѣ ѣдемъ?

Но не дожидаясь отвѣта, отстегнулъ отъ чепчика зонтикъ, чтобы не безпокоило солнце, и снова завалился спать, а Кумачевъ отъ скуки велѣлъ ямщику пѣть.

Чувашъ можетъ всегда пѣть экспромтомъ: ѣдетъ лѣсомъ—воспѣваетъ лѣсъ, ѣдетъ рѣкою—воспѣваетъ рѣку и складываетъ въ пѣсни разныя были и небылицы... А если ему дать еще и „шыбыръ", чувашскую волынку,—онъ готовъ дудить въ нее, покуда глаза не нальются кровью, потому что ему все равно, что бы ни дѣлать, было бы только въ угоду.

И ямщикъ запѣлъ:

— Кошъ, кошъ вурманъ, кошъ вурманъ! [1]

---

[1] Шумитъ, шумитъ дубравушка!

— Да ты по-русски! перебилъ его Кумачевъ.

— Не могу, отвѣтилъ тотъ и продолжалъ по-своему. Голосъ его былъ тихъ и вялъ, и слушать его было не интересно.

Солнце приближалось уже къ полудню, когда, миновавъ Козьмодемьянскъ и Ильинскую пустынь, и отдохнувъ по гладкой дорогѣ, путники увидали впереди чувашскую столицу. Бородатовъ, желая развлечься, обратился къ своему ямщику:

— Василій Ивановичъ! что это за деревня виднѣется? сказалъ онъ, указывая на Чебоксары.

Тотъ угрюмо молчалъ.

— Я говорю, что это, молъ, за деревня тамъ? повторилъ Бородатовъ, издѣваясь надъ самолюбіемъ Чуваша.

— Дуракъ! отвѣтилъ ямщикъ безъ всякой злобы, а съ такимъ сердечнымъ и глубокимъ сожалѣніемъ къ Бородатову, точно скорбѣлъ за его незнаніе.—Да вѣдь это нашъ городъ Чуксары! восторженно добавилъ онъ, повернувши къ нему свое волосатое, румяное лицо.

— Вотъ какъ! невиннымъ тономъ проговорилъ Бородатовъ, будто только-что догадавшись; даже Панфиловъ, все время молчавшій сердито, весело улыбнулся. — А давно-ли она городомъ стала, Василій Иванычъ?

— Давно! Тутъ жилъ одинъ честный Чувашинъ,—тогда была деревня, а потомъ умеръ,—и стала она городомъ.

— Чѣмъ же онъ былъ честенъ, этотъ Чувашъ?

— Богатый былъ и добрый былъ,—теперь такихъ нѣтъ. Чуксаромъ его звали. И деревню звали Чуксаровой, и городъ зовемъ Чуксары.

Однако, ставши городомъ, Чебоксары не далеко ушли отъ деревни, и глядятъ сиротливо и жалостно, не веселѣе самихъ Чувашей. Неизвѣстно, гдѣ находились жители; несмотря на ясный полдень, почти нигдѣ не встрѣчалось прохожихъ, а тѣ, которые встрѣчались, обертывались, чтобы послушать, какъ гремятъ колокольчики, и, не останавливаясь, продолжали свой путь. По улицамъ бродили куры, расклевывая все, что имъ попадалось на дорогѣ. Пестрая собака бросилась было за тройками и разинула уже ротъ, чтобы залаять, но внезапно передумала и поплелась на мѣсто. Наперекоръ обычаю, даже у трактира не было замѣтно оживленія, и самая вывѣска глядѣла похмуро съ своей высоты, засиженная голубями. Высокая лѣстница со слѣдами мокрыхъ подошвъ вела прямо на кухню, затѣмъ въ общую залу, гдѣ было

грязно, тѣсно, и пахло чѣмъ-то ужасно кислымъ. Здѣсь же находился прикащикъ за стойкою, державшій въ рукахъ номеръ столичной газеты и интересовавшійся „молодою особой,“ которая ищетъ мѣста и согласна въ отъѣздъ.

За столомъ, возлѣ стойки, сидѣлъ слѣпой старикъ,—не пилъ, не ѣлъ и ничего не дѣлалъ. Подперши голову рукой, онъ казался спящимъ, хотя не спалъ, потому что ноги его, обутыя въ валенки, шевелились и выдѣлывали по полу нѣчто похожее на удары такта.

За этою слѣдовала другая комната, купеческая, гдѣ напиться чаю стоило дороже, чѣмъ въ общей. Она была свѣтлѣе, чище и богаче первой. На окнахъ стояли банки со цвѣтущею геранью, по стѣнамъ красовались отечественные герои, а противъ нихъ большая картина, изображавшая барина въ шляпѣ, танцующаго съ полногрудою дѣвкой, на которую зазѣвался бы любой изъ „Васильевъ Ивановичей“, большихъ охотниковъ до русской красоты; у дѣвки висѣла чуть не до пятокъ толстая коса, а у барина рука съ платкомъ такъ была вывернута взадъ, что ни одинъ акробатъ не покусился бы этого сдѣлать. Подъ картиной была подпись: „*По улицѣ мостовой*“.

Стояло нѣсколько столиковъ, покрытыхъ скатертями сомнительной свѣжести. За однимъ изъ нихъ сидѣлъ пожилой купецъ съ большою рыжею бородой и худенькій застѣнчивый прикащикъ. Оба ѣли селянку—купецъ рѣшительно и громко, прикащикъ скромно и съ оттѣнкомъ почтительности. Разслабленный орга̀нъ, прислоненный къ стѣнѣ за инвалидность, услаждалъ ихъ слухъ, наигрывая старинный танецъ—англезъ.

Окончивъ ѣду, купецъ перекрестился, вытеръ бороду салфеткой и сдѣлалъ что-то губами, похожее на „бр-вв...“ И орга̀нъ, когда кончилъ танецъ, тоже издалъ звукъ, похожій на „бр-вв“... И замолкъ.

Компанія новоприбывшихъ, предводительствуемая Панфиловымъ, вошла въ эту комнату и, такъ какъ мѣста было немного, заняла почти всѣ столы.

— Ба, ба, ба! Ѳедоръ Петровичъ! Ты уже здѣсь? сказалъ Тирманъ, подходя къ рыжему купцу.—Давно ли изъ Нижняго?

— Да пораньше васъ, вертопраховъ! Чай вчера только выскочили? да небось гоняетесь другъ предъ дружкой, шальные? право, шальные!

— Охота пуще неволи!

— Именно, что пуще! согласился купецъ, покачавъ головой.— Ни отдыху, ни покою, точно за дѣломъ! А то вѣдь—такъ носитъ нелегкая.

Тирманъ захохоталъ мелкимъ, самодовольнымъ смѣхомъ и весело потеръ руку объ руку. Пока готовились супъ и котлеты, на столахъ появилась водка и заливной судакъ. Приказчики составили отдѣльную компанію, а хозяева вмѣстѣ съ Леонидомъ и Ольгою Васильевной размѣстились вокругъ одного большаго стола. Во время закуски зашелъ разговоръ объ ярмаркѣ, въ который вмѣшался и рыжій купецъ.

— Кончено дѣло! печально проговорилъ онъ, махнувши рукою,—отторговали значитъ!.. Новости, да затѣи пошли, анъ проку отъ нихъ никакого. Напримѣръ, какъ ваше мнѣніе насчетъ желѣзной дороги? По моему, ведутъ ее теперь зря! Конечно, тамъ военныя мысли судить не берусь, а только насчетъ коммерціи— худо! Какая такая ярмарка при желѣзной дорогѣ?.. Отъѣздили, братцы, будетъ!

Онъ опять горько и глубоко вздохнулъ.

— Отторговали!

— Почему же отторговали? Отъѣздили, вотъ это правда, сказалъ Сучковъ.—Чрезъ годъ, чрезъ два—пожалуйте по машинѣ.

— То-то, что по машинѣ! сердито поддакнулъ купецъ.—Изъ Москвы на Рязань, съ Рязани на Самару, потомъ на Уфу, потомъ въ Златоустъ. Эна сколько! Отъ Златоуста хоть и будутъ лошади, только это ужь не разсчетъ... Это дѣло пустое!

Леонидъ глядѣлъ на него чрезъ свои большія очки, спущенныя нѣсколько ниже, чѣмъ слѣдуетъ.

— Что̀ жь тутъ худаго, я не пойму? спросилъ онъ купца.— Ѣхать удобнѣе, товаръ везти тоже удобнѣе, да и дешевле много.

Купецъ только чмокнулъ въ отвѣтъ и тряхнулъ головой.

— Вы этого, господинъ, не поймете. Русскому купцу нуженъ просторъ, а эти самыя новости для него... что̀ ему эти новости! Для страны онѣ хороши, а для него... ну, прямо можно сказать, въ тягость!

Всѣ засмѣялись.

— Ничего тутъ смѣшнаго нѣту-съ! породолжалъ, не смущаясь, купецъ.—На то она и ярмарка, чтобы покупатель зналъ время. Привезутъ тебѣ подъ носъ товаръ и бери, запасай на весь годъ. Тутъ тебѣ всего навезутъ... А машина прошла по какому мѣсту, ярмаркѣ на этомъ мѣстѣ не быть.

— Выписывать станутъ! Развѣ не все равно?

— Кабы все равно и толковать бы нечего. Анъ выходитъ, что не все равно. Вы человѣкъ не торговый! махнулъ рукой купецъ.—Да вотъ на моихъ глазахъ Нижегородская ярмарка всякое свое значеніе потеряла: бывало, ѣздили на лошадяхъ—и торговали шибко, а провели дорогу—и ѣздить стало незачѣмъ. А торговля отъ этого вихляетъ!.. Такъ и съ Ирбитью будетъ. Вы, господинъ, не поймете, а торговому человѣку это и безъ разговоровъ понятно. Въ Ирбитъ вся Русь, можно сказать, ѣздила со временъ еще царицы Екатерины, вотъ по этой самой дорогѣ. А скоро кончено дѣло: отторговали! Помяните мое слово, отторговали!

Тѣмъ временемъ сидѣвшіе за другимъ концомъ стола Кумачевъ и Ольга Васильевна, не слушая разговоры, занимались своею бесѣдой, очевидно, такою веселою и увлекательной, что иногда оба, закрывшись салфетками, хохотали до слезъ. Надъ чѣмъ? Кто ихъ знаетъ! Никто ихъ не слушалъ, и только прикащики иногда глядѣли на нихъ, да завистливо улыбались.

Послѣ обѣда, потребовавъ себѣ, кто чаю, кто вина, приказали позвать гусляра. Панфиловъ, большой любитель музыки, обратился къ Ольгѣ Васильевнѣ:

— Рекомендую послушать. Этого врядъ ли гдѣ еще встрѣтите. Совсѣмъ русскій баянъ!

VII.

Гусляръ.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ неслышными шагами тотъ самый слѣпецъ, что сидѣлъ возлѣ буфетной стойки. Войдя, онъ молча поклонился. Трактирный служитель снялъ покрывало съ небольшаго стола, на который вначалѣ никто не обратилъ вниманія, и подставилъ стулъ. Это были старинныя гусли, съ виду похожія на низенькій столъ съ натянутыми струнами; вмѣсто крышки у этого стола былъ придѣланъ резонаторъ изъ тонкой пѣвучей доски, въ родѣ той, какая бываетъ у обыкновенной гитары. Гусли, несмотря на свою ветхозавѣтность, были очень чувствительны, и когда служитель, подставляя стулъ, слегка зацѣпилъ ихъ ногою, онѣ таинственно загудѣли.

— Ну-ка, Илья Михеевичъ! сказалъ Панфиловъ. — Сыграй что-нибудь.

— Что̀ желаете? спросилъ тотъ.

— Что̀ знаешь, дѣло твое.

Старикъ не спѣша обтеръ руку объ руку и откашлялся. Потомъ приподнялъ немного правую вѣку, изъ-подъ которой блеснулъ помутившійся глазъ молочнаго цвѣта, и опять зажмурилъ его, и опять обтеръ руку объ руку.

— Что̀ жь? проговорилъ онъ, усаживаясь за гусли. — Нешто „Среди долины ровныя“, или „Во лѣсахъ было во дремучихъ“ сыграть?

Онъ опять откашлялся и поправилъ подъ собою стулъ. Никто ему не отвѣтилъ. Всѣ съ любопытствомъ глядѣли на него и ожидали музыки.

Это былъ очень древній старикъ — изъ бывшихъ дворовыхъ. Глубокія морщины избороздили его высокое чело и легли двумя крупными складками надъ носомъ, гдѣ сростались у него мохнатыя, безцвѣтныя брови. Волосъ на головѣ было много, точно у молодаго; спереди они были расчесаны на прямой проборъ, а сзади кончались своеобразными завитками; они вились только въ самомъ концѣ, вслѣдъ за перемычкой, оставшейся отъ ношенія картуза; вились они еще на вискахъ и надъ ушами. Сѣдина серебрилась по всей головѣ, сильно впутавшись въ бороду и въ усы. Слѣпые глаза казались крѣпко зажмуренными, и мелкія морщины лучились отъ нихъ во всѣ стороны.

Прежде чѣмъ заиграть, старикъ дунулъ на гусли, потомъ поднялъ обѣ руки и положилъ на струны. Его тонкіе пальцы, очевидно, не привыкшіе ни къ какой грубой работѣ, быстро зацѣпились и пробѣжались по струнамъ, которыя красиво и мягко загудѣли. Звукъ ихъ походилъ на цитру, или на арфу, только былъ еще мягче, еще меланхоличнѣе.

— Бурлацкую сначала, тихо проговорилъ старикъ и, прислушавшись, всѣ ли молчатъ, взялъ первый аккордъ.

„Э-эй, ух-немъ!“... бодро грянули струны, и сейчасъ же отозвались, точно эхо, другія струны — унылыя, тихія.

„Э-эй, ух-немъ!“

Вотъ она безъискусная русская пѣсня, навѣянная не весельемъ, не радостью, а тяжелымъ бурлацкимъ трудомъ. Что̀ въ ней? Какія слова, какая музыка? „Эй, ухнемъ! эй, ухнемъ! еще разикъ, еще разъ — эй, ухнемъ!“ И больше ничего въ ней нѣтъ, въ этой пѣснѣ, и звучитъ она просто, однообразно,—но кажется, что мало ей низкой комнаты, — просится она на просторъ,

подъ глубокое небо, на волжскіе берега, гдѣ она родилась. И, кажется, что вырвалась ужь она на желанную волю, звучитъ она уже гдѣ-то не здѣсь, а льется далеко за окномъ, и замираютъ ея скорбные звуки среди родныхъ береговъ:

„Э-эй, ух-немъ!“

„Э-эй, ух-немъ!“

Одинъ и тотъ же мотивъ, одни и тѣ же слова. Ни конца, ни начала нѣтъ въ этой пѣснѣ, какъ не знаешь, гдѣ искать начало и гдѣ конецъ въ горемычной долѣ русскаго бездомнаго человѣка, у котораго и впереди нужда да горе, и позади то же самое.

„Э-эй, ух-немъ!“... мягко и скорбно пропѣли еще разъ трепетавшія струны, и сладко замерли чуть слышные отзвуки среди глубокаго молчанія.

Панфиловъ сидѣлъ, откинувши голову и прислонивъ ее къ самой стѣнѣ.

— Экая пѣсня! сказалъ онъ, умилившись, когда старикъ, окончивъ играть, кашлянулъ въ руку.—Молодчина Илья Михеевичъ, хорошо играешь!

Леонидъ сидѣлъ, согнувшись надъ столомъ, и вертѣлъ въ рукахъ вилку. Очевидно, на него гусли произвели впечатлѣніе, хотя онъ молчалъ. Ольга Васильевна восторженно улыбалась.

— Какая прелесть! шепнула она Мифочкѣ и не знала, что̀ бы можно еще сказать, но видно было, что она желала что-то добавить.

— Дѣдушка, а ты не поешь? спросилъ Мифочка, когда старикъ въ задумчивости сдѣлалъ опять небрежный переборъ струнъ, готовясь къ новой пѣснѣ.

— Ни, отвѣчалъ старикъ, мотнувъ головой.—Голосу нѣту.

— Сыграй еще, Илья Михеевичъ, сказалъ Панфиловъ.

— Долину ровную? освѣдомился тотъ.—Али „Матушку?“

— Что̀ знаешь.

— Ну, долину.

Для чего было пѣть, когда тоскующая струна звучала слаще всякаго голоса? Подъ руками Ильи Михеевича гусли казались не инструментомъ, а живымъ русскимъ сердцемъ народнымъ, гдѣ скорбь, вѣками нажитая, переродилась въ сладкую пѣсню. И томитъ, и ласкаетъ слухъ эта пѣвучая задумчивая струна, и вливается пѣсня мягкой волной прямо въ душу и проситъ отвѣта, и во всякой русской душѣ готовъ ей отвѣтъ.

Брящали и ныли медлительные аккорды, а какая-то тонень-кая струнка, пробиваясь иной разъ черезъ общій гулъ, звенѣла такъ упоительно, точно заливалась горючими слезами о тѣхъ молодыхъ подружкахъ, которыхъ нѣтъ около высокаго развѣси-стаго дуба, что̀ стоитъ одинъ-одинешенекъ, „среди долины ровныя, какъ рекрутъ на часахъ“.

И почему-то всякому припомнилось его собственное прошлое, съ тихими неповторяющимися радостями, и у всякаго шевельну-лась на сердцѣ сладкая грусть.

„Ничего нѣтъ горше для человѣка, какъ вспомнить свое счастливое время“...

И это счастливое время было у всякаго. Было—и нѣтъ его. Закатилось оно, какъ солнце вечернее, когда глядишь въ поту-хающую даль, и жалко становится дня, утраченнаго напрасно. Богъ вѣсть, кто и что чувствовалъ въ это время, но всѣ сидѣли въ задумчивости. Тирманъ опустилъ голову на руку, точно за-крываясь отъ солнца, которое играло на его перстнѣ съ ма-ленькимъ лучистымъ камешкомъ. Рыжій купецъ, гладя бороду, глядѣлъ въ потолокъ; Ольга Васильевна вслѣдъ за мотивомъ по-качивала головой и чуть замѣтно шевелила носкомъ башмака. На лицѣ Матвѣя Матвѣевича сіяла улыбка, но не та, что раз-двигаетъ губы во время веселья; это была рѣдкая улыбка, оза-ряющая лицо человѣка только въ минуты тихой душевной радости.

Едва гусляръ окончилъ пѣсню, какъ Панфиловъ и Леонидъ, точно сговорившись, воскликнули одновременно:

— Псаломъ. Сыграй псаломъ!

— Въ самомъ дѣлѣ: псаломъ! сказали и прочіе, которымъ эта мысль очень понравилась; но старикъ отвѣчалъ съ види-мымъ сожалѣніемъ:

— Мѣсто не такое, господа хорошіе! и громко вздохнулъ, какъ бы жалуясь:—Трактиръ-съ!..

Это замѣчаніе заставило всѣхъ оглядѣться. И вся обстановка мгновенно опошлилась въ ихъ глазахъ, все стало нелѣпо, мерзко— и эти круглыя полоскательницы съ плавающими разложившимися окурками, и недопитыя чашки и этотъ баринъ на стѣнѣ пля-шущій съ дѣвкою,—все стало грубо, гадко, не хотѣлось смотрѣть.

Панфиловъ вынулъ изъ кошелька нѣсколько серебряныхъ монетъ.

— Держи Илья Михеевичъ!

— Благодарю покорно!

Пока давали другіе, Матвѣй Матвѣевичъ сказалъ, ни къ кому собственно не обращаясь:

— Лучше жилось въ старину!

— То-то, что лучше! поддакнулъ рыжій купецъ.—А дальше пойдетъ еще хуже! Къ тому я давеча и клонилъ, что больно ужь поумнѣли...

— Однако пора! Ты не съ нами, Федоръ Петровичъ?—спросилъ Тирманъ купца.

Тотъ рукой махнулъ.

— За вами развѣ поспѣешь. Гоняйтесь себѣ, оглашенные!

Тирманъ захохоталъ.

— Ну, такъ прощай! По пословицѣ гусь... знаешь, кому?... не товарищъ! крикнулъ онъ весело, выходя за своими.

Купецъ съ усмѣшкою проводилъ его взглядомъ и, когда всѣ ушли, потребовалъ себѣ квасу.

— Не выпить ли, господа, коньячку на дорогу? предложилъ Сучковъ, останавливаясь на лѣстницѣ.

— Чего еще! возразилъ Матвѣй Матвѣевичъ.—У всякаго съ собой есть.

— Есть-то есть,—да заѣсть нечѣмъ!

— У меня леденцы, давайте отсыплю.

Одѣливъ всю компанію леденцами, Панфиловъ усѣлся въ повозку.

— Ямщикъ, можешь ты ѣхать проворно?

— А что жь!

— Ну, такъ жарь во всѣ лопатки! Вотъ тебѣ рублевка.

Чувашъ засуетился, вспрыгнулъ на облучокъ и, дѣйствительно, такъ погналъ по городу тройку, что бродившія куры съ крикомъ бросились въ разныя стороны.

Опять выѣхали на Волгу. День блисталъ во всей своей красотѣ. Послѣ сытнаго обѣда панфиловскіе леденцы не долго залежались въ карманахъ. До самаго Маріинскаго посада путники потягивали коньякъ,а съ полпути на Кушниково кое-кто задремалъ.

Анютинъ и Кротовъ, наслаждаясь въ своей повозкѣ полнѣйшею свободою, то и дѣло передавали, по очереди, другъ другу бутылку и, наконецъ, вспоминая гусли, запѣли „среди долины ровныя“. Голоса ихъ раздавались на далекое пространство, но были дики и рѣзки,—и такъ какъ это были два баса, а старались брать во что бы ни стало теноровыя ноты, то и ревѣли оба, какъ заблудившіяся коровы.

— Кто ихъ тамъ рѣжетъ! сердито сказалъ Матвѣй Матвѣевичъ.

Бородатовъ сейчасъ же привсталъ и высунулся изъ повозки. Увидѣвъ его, пѣвцы еще сильнѣе заголосили, но онъ погрозилъ имъ кулакомъ, потомъ махнулъ рукою. Тѣ поняли, въ чемъ дѣло и пѣніе прекратилось.

VIII.

Подъ Казанью.

На каждой станціи Чуваши мѣнялись, но видно было, что всѣ они жили по одному закону: даютъ—бери, бьютъ—бѣги! Стоило только показать имъ кулакъ, а въ другой рукѣ деньги, какъ они испуганно ухмылялись и готовы были лучше загнать лошадей, нежели заслужить немилость.

Пока Панфиловъ раздумывалъ о своихъ дѣлахъ, а Бородатовъ, зѣвая по сторонамъ, придумывалъ отъ скуки поводъ, чтобы придраться еще разъ къ Чувашу и посмѣяться надъ его простотой, ямщикъ все прислушивался къ повозкѣ, все крутилъ головой и, наконецъ, сказалъ сѣдокамъ, доѣхавъ до Кріушей.

— Погода мѣняется.

— А что̀?

— Не скрипитъ.

Дѣйствительно полозья уже не скрипѣли, и бѣлоснѣжная равнина не блистала мелкими искрами, какъ было по утру, но холодно было попрежнему.

— Къ ночи распуститъ!

Но ночь была еще не близка.

Солнце едва начинало склоняться къ западу, когда, миновавъ Курочкино, подъѣзжали къ Свіяжску. Отъ него рукой подать до Казани, и эта мысль занимала путниковъ больше всего.

— А что̀, Василій Ивановичъ, сказалъ Бородатовъ, желая пошутить съ ямщикомъ,—отъѣхали мы теперь половину станціи?

— Во здѣсь половина, указалъ тотъ кнутомъ на дорогу.— Проѣхали половину!

— А которая половина больше, Василій Ивановичъ? Та, что̀ проѣхали или та, что̀ осталась?

Наивный Чувашъ, не разобравъ всю коварность вопроса, отвѣтилъ по-просту.

— Что̀ осталась, побольше.

Чѣмъ ниже опускалось солнце, тѣмъ желтѣе становились его лучи, и закатъ нисколько не походилъ на вчерашній. Горизонтъ не рдѣлъ, какъ вчера, яркимъ румянцемъ, а весь закутался легкою сѣрою дымкой, и зарево было желто, точно больное. Эта желтизна широко разлилась по небу, почти до зенита, и глядѣлась въ стекла свіяжскихъ построекъ, отражалась на стѣнахъ и крышахъ, отчего и весь городъ казался какимъ-то желчнобольнымъ. Желтолицые Татары встрѣтили на почтовой станціи тройки и громко заболтали про нихъ непонятныя рѣчи.

— Живѣй, живѣй, князь! Некогда дожидаться! крикнулъ имъ Матвѣй Матвѣевичъ.

Два Татарина махнули ему рукой, и никто ничего не отвѣтилъ. Сравнительно съ Чувашами, это были гордецы и упрямцы. Даже, когда тройки были готовы, ямщики залѣзли на облучки— не по-ямщицки: осторожно и разсчетливо, чтобъ усѣсться удобно. Не такъ садится на тройку русскій ямщикъ!

Подобравъ возжи, Татаринъ издалъ сердитый гортанный звукъ, похожій на „ы“, и крѣпко ударилъ кнутомъ. Лошади тронули.

Сильно вечерѣло; но въ воздухѣ замѣтно становилось теплѣе.

— Послушай, князь, сказалъ Тирманъ,—отсюда вѣдь есть на Казань прямая дорога, минуя Услонъ?

— Есть.

— Валяй по ней. На чай получишь.

— Не можно, отвѣтилъ Татаринъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, послѣ котораго уже не на что было надѣяться.

— Три рубля дамъ, соблазнялъ его Тирманъ.

— Не можно. Вьюга была, повторилъ ямщикъ и сердито зарычалъ на коней: ы! ы!

Въ какіе-нибудь полчаса вечернія сумерки смѣнились совершенною темнотою. Ни звѣздъ, ни луны не было на черномъ небѣ,—скучно дѣлалось на рѣкѣ. Повозки ѣхали тихо, лошади часто фыркали и щелкали задней подковой о переднюю. Въ воздухѣ становилось сыро и знойко. Насилу добрались до Услона, который стоитъ на высокомъ берегу Волги. Отсюда днемъ видна была бы Казань, какъ на ладони, но теперь среди темноты только блестѣли стройными линіями огненныя точки.

Что за море огней! что за таинственная картина, отъ которой сильнѣе бьется сердце путника! Это уже не почтовая станція, не торговое село съ мелькающими огоньками,—а цѣлый городъ, освященный исторической славой. Не такъ ли во тьмѣ ночной

стоялъ Іоаннъ, дожидаясь разсвѣта съ храброю ратью? Не сюда ли направлены были черныя пасти орудій, гдѣ теперь заманчиво и мирно мелькаютъ и тянутся по всѣмъ направленіямъ огненныя точки, словно брызги великаго несокрушимаго пламени—прогресса!.. Нѣтъ, это не та Казань, стѣны которой въ густомъ дыму взлетѣли на воздухъ, не та Казань, метавшая стрѣлы и камни, лившая на враговъ горячую смолу. Та Казань далеко, за нѣсколько верстъ отъ этой, и дѣла ей нѣтъ до здѣшнихъ памятниковъ, Кремля, университета; и подо льдомъ журчитъ у слѣдовъ ея рѣчка Казанка, журчитъ о сѣдой древности, о славныхъ царяхъ и дикихъ набѣгахъ....

— Ну, господа, въ дорогу, въ дорогу! заторопился Панфиловъ. Не видали мы что-ли хорошихъ видовъ! Не въ первый разъ ѣдемъ.

И повозки тронулись дальше.

Спустившись по страшной крутизнѣ, переѣхали Волгу поперекъ и затѣмъ помчались по твердой землѣ. Городская жизнь чувствовалась на всякомъ шагу. Встрѣчались экипажи, извощики и даже пѣшеходы. Послѣ волжскаго безлюднаго пути все это дѣйствовало отрадно... Встрѣчные окрики, огонекъ папироски и голоса прохожихъ усиливали нетерпѣніе. Вечерняя темнота загородила отъ взоровъ пирамидальный памятникъ надъ братской могилой воиновъ, стоящій одиноко, вдали отъ городской черты. Но вотъ миновали уже лѣтніе загородные сады, занесенные снѣгомъ, промчались мимо катка и ледяныхъ горъ,—и вотъ она желанная Казань! а вотъ и первая церковь, на которую, снявъ сибирскія шапки, всѣ перекрестились; вотъ замелькали фонари и освѣщенныя окна; повозки, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по улицамъ и переулкамъ, въѣхали наконецъ во дворъ почтовой станціи, расположившейся чуть не въ центрѣ Казани.

— Слава Богу!

И всѣ спѣшили въ теплую горницу сбросить съ плечей дорожныя шубы и заморить голоднаго червячка.

Во время ѣды, замѣтивъ на стѣнѣ огромную желтую афишу, Тирманъ радостно воскликнулъ:

— Матвѣй Матвѣевичъ! Да сегодня вѣдь *Фаустъ* въ театрѣ!

Онъ проворно подбѣжалъ къ стѣнѣ и началъ водить пальцемъ по строчкамъ.

— Смотрите, смотрите, съ какимъ составомъ!—Не взять ли билеты? Конечно, господа, сходимъ въ театръ! Время есть. Напьемся чайку, да и маршъ!

— Я съ удовольствіемъ, согласился Сучковъ.

— И я не прочь; только мнѣ нужно на минутку въ Богородицкій монастырь заѣхать, сказалъ Панфиловъ и обратился къ прикащикамъ:—Пойдемте!

— Ну, что монастырь! Богъ съ нимъ совсѣмъ! соблазнялъ Тирманъ.—Лучше чайку стаканъ, да прямо въ театръ.

— Традиціи, господа,—извините. Всѣ предки ѣзжали и поклонялись Владычицѣ, и я имъ во слѣдъ. Не могу иначе.

Съ этими словами Панфиловъ вышелъ изъ комнаты, а за нимъ и прикащики; Сучковъ тоже ушелъ по какимъ-то дѣламъ вмѣстѣ съ своимъ прикащикомъ, освѣдомившись еще разъ у Тирмана:

— Такъ, значитъ, увидимся въ театрѣ?

— Конечно, конечно!

А когда всѣ ушли, Тирманъ весело потеръ руки и проговорилъ съ усмѣшкою:

— Ишь ты, народъ какой музыкальный!

Ольга Васильевна, всю дорогу не обращавшая вниманія на своего мужа, очень удивилась и обидѣлась, когда тотъ заявилъ, что ни въ театръ не пойдетъ, потому что страшно усталъ, ни дальше не поѣдетъ, а будетъ ночевать въ Казани.

— Что за глупости ты выдумалъ,—ночевать! Съ какой радости? Всѣ поѣдутъ, а мы ночевать!

— Сама знаешь, что мнѣ иначе нельзя. Вопервыхъ, нужно Казань осмотрѣть, потомъ необходимо сдѣлать визитъ генералу Шнурбарту... Вотъ только гдѣ ночевать, вопросъ?

— Позвольте посовѣтовать? сказалъ Тирманъ.—Возьмите извощика, онъ вамъ покажетъ двѣ-три гостиницы; когда отыщете номеръ хорошій, возвращайтесь сюда за супругой и багажемъ... А мы тѣмъ временемъ васъ, сударыня, здѣсь покараулимъ! улыбнулся онъ Ольгѣ Васильевнѣ.

Леонидъ съ озабоченнымъ лицомъ началъ рыться въ карманахъ, вытащилъ нѣсколько серебра, опять убралъ его, заглянулъ въ бумажникъ и сталъ одѣваться.

— Такъ ты меня здѣсь дожидайся! сказалъ онъ женѣ.

Кумачевъ сидѣлъ задумавшись; ему было на что-то досадно. Не то усталость тяготила его, не то печалила скорая разлука съ Ольгой Васильевной, которая, замѣтивъ его хандру, подошла и, погрозивъ ему пальцемъ, сказала:

— Васъ тоже, должно быть, растрясло? Что вы такой похмурый?

Безъ мужа она стала еще бойчѣе. Шалила, какъ гимназистка,

топала на Мифочку ногами, обвязала его салфеткой и заставила что-то съѣсть.

Тирманъ только рукой махнулъ и рѣшилъ, что ему здѣсь дѣлать нечего.

— Пока до свиданія! сказалъ онъ, вставая. Позвольте, сударыня, оставить моего юношу на ваши заботы. Не обижайте его безъ меня, а я черезъ полчаса вернусь. Ровно чрезъ полчаса, Меѳодій Ивановичъ! Прощайте!

Ни Кумачевъ, ни Ольга Васильевна ничего ему не отвѣтили. Они взглянули другъ на друга,—и оба засмѣялись.

— Вы меня будете слушаться? строго сказала она. Васъ оставляютъ подъ моимъ покровительствомъ, берегитесь!

Мифочка повеселѣлъ.

— Не будьте къ нему строги, шутливо добавилъ Тирманъ уже въ дверяхъ.—А вы, Меѳодій Ивановичъ, поцѣлуйте ручку, чтобы васъ не наказывали!

И съ этими словами ушелъ, затворивъ дверь и подумавъ о городѣ Малмыжѣ, которому судьба посылаетъ такую инспекторшу.

IX.

Обманъ.

Монастырскія ворота были заперты, когда къ нимъ подъѣхалъ Матвѣй Матвѣевичъ. Сначала прикащики подергали кольцо, потомъ Кротовъ началъ стучать кулакомъ.

— Отоприте!

... „Но кругомъ все молчитъ,
Монастырь крѣпко спитъ,—"

вспомнилось Панфилову.

Вскорѣ послышались торопливые шаги, и чей-то голосъ изъ-за ограды спросилъ:

— Кто тутъ?

— Доложите матушкѣ-игуменьѣ, сказалъ Матвѣй Матвѣевичъ,—что московскій купецъ Панфиловъ, проѣздомъ въ Ирбитъ, желаетъ помолиться.

Шаги начали удаляться, а чрезъ нѣсколько минутъ послышался говоръ монахинь. Звякнули ключи, заскрипѣли тяжелыя ворота и передъ путниками предстала сама мать-казначея и молодая

послушница съ фонаремъ въ рукахъ. Панфилова принимали здѣсь всегда очень почтительно: каждый годъ, заѣзжая, онъ оставлялъ монастырю кое-какую лепту.

— Спаси васъ Царица Небесная! сказала мать-казначея, кланяясь чуть не въ поясъ.—Матушка-игуменья извиняется, Матвѣй Матвѣевичъ,—рада бы васъ принять, да что-то нездоровится.

— Ничего, матушка, мы только поклониться Владычицѣ. Торопимся,—дѣло дорожное.

— Пожалуйте, батюшка, пожалуйте. Посвѣти сюда, Ангелина.

Мраченъ и угрюмъ казался соборъ чудотворца Николая. Таинственная мгла висѣла подъ куполомъ, и священный трепетъ овладѣвалъ душею при взглядѣ на мерцающія лампады. Сама вѣчность, казалось, царила здѣсь. Та вѣчность, что̀ никогда и никѣмъ не будетъ разгадана, страшная, неумолимая вѣчность, поглощающая вѣка за вѣками. Нѣтъ ей предѣла и нѣтъ ей имени, и никакое слово не назоветъ ее тѣмъ, что̀ онъ есть.

Икона Казанской Богородицы, древняго греческаго письма, кротко глядѣла чудотворнымъ ликомъ, потемнѣвшимъ за три столѣтія. Драгоцѣнная жемчужная риза съ бриллiантовою короной, пожертвованною императрицею Екатериной, сіяла мягкимъ лучезарнымъ блескомъ отъ множества неугасимыхъ лампадъ. Но ни пышность убранства, ни жемчугъ, ни брилліанты и золото дѣйствовали здѣсь на человѣка, а трогалъ его душу тотъ кроткій потемнѣвшій ликъ, что глядѣлъ изъ-подъ наносной драгоцѣнной тли,—передъ нимъ преклонялись колѣна и къ нему устремлялись очи, полныя мольбы и надежды.

Панфиловъ опустился на колѣни и, перекрестясь, поклонился въ землю. Таинственная тишина и мрачный просторъ, и сознаніе удивительной святости мѣста—все это дѣйствовало на душу, охватывало ее непостижимымъ умиленіемъ, и эти люди, не особенно религіозные, рѣдко бывающіе въ церквахъ, молились тепло, отъ всего сердца. Вліяла ли на нихъ молчаливая темнота съ дрожащими полосами свѣта, или минувшіе вѣка, вставая въ этомъ сумракѣ, подавляли своимъ величіемъ, но только всѣ тихо и молча приложились къ иконѣ, еще разъ поклонились въ землю и, не разговаривая, вышли изъ храма.

Панфиловъ послѣ этого просилъ что-то передать игуменьѣ, на что мать-казначея низко поклонилась и пожелала счастливыхъ успѣховъ, а послушница, съ фонаремъ въ рукахъ, проводила ихъ до воротъ.

— Въ театръ! сказалъ Матвѣй Матвѣевичъ, садясь въ сани.

Начался уже второй актъ, когда путники, взявъ билеты, въ послѣднихъ рядахъ креселъ и смущаясь дорожными костюмами, стали пробираться на свои мѣста. Фаустъ пѣлъ уже каватину,— и Панфиловъ, недовольный шумомъ, который самъ же производилъ, пролѣзая по ряду, сердился на публику, не убиравшую своихъ колѣнъ, а только шипѣвшую на него за безпокойство. Опустившись на стулъ, онъ оглядѣлся и, замѣтивъ невдалекѣ Сучкова, улыбнулся ему.

Фаустъ былъ очень хорошъ и знаменитое „до“ взялъ такъ легко и красиво, что каватину заставили повторить. Послѣ одинокой безлюдной дороги и послѣ всей массы разнообразныхъ впечатлѣній было странно сидѣть въ многолюдномъ собраніи и слышать громъ апплодисментовъ.

Мефистофель за то былъ черезчуръ нелѣпъ въ какомъ-то пестромъ костюмѣ и грубомъ, непозволительномъ гриммѣ, отчего и казался паяцемъ.

„Посмотримъ, чья побѣда“! пропѣлъ Мефистофель и, взявши Фауста подъ руку, увлекъ его за кулисы. Эта фраза заставила Матвѣя Матвѣевича оглядѣться,—и пока сцена передъ выходомъ Маргариты оставалась пуста, онъ всматривался въ публику, ища глазами Тирмана, а въ мысляхъ гвоздемъ засѣла мефистофельская фраза: „посмотримъ, чья побѣда!“

Вошла Маргарита, съ традиціонной длинной косой, въ бѣломъ платьѣ, съ сумочкой, висѣвшей ниже колѣнъ, и мечтательно запѣла про неизвѣстнаго юношу, а потомъ сѣла за прялку. Пѣвица была извѣстна Матвѣю Матвѣевичу: онъ слыхивалъ ее когда-то въ Москвѣ въ этой же партіи Между тѣмъ дѣйствіе проходило своимъ чередомъ, не возбуждая особенныхъ восторговъ. Явились опять Мефистофель съ Фаустомъ, взяли подъ руки—одинъ Марту, другой Маргариту, и пропѣли квартетъ. Мефистофель дѣлался съ каждой минутой несноснѣе, къ тому же онъ не выговаривалъ какой-то буквы, и Панфилову хотѣлось его освистать.

Но какъ хорошо было глядѣть на этотъ зеленѣющій садъ, погруженный въ тихій сумракъ! Вотъ пробились лунные лучи, вотъ Маргарита упала въ объятія Фауста, зажурчали тихія, влюбленныя рѣчи.... „О, ночь любви!“ пѣлъ Фаустъ, обнявъ Маргариту,—но видно было, какъ онъ скосилъ глаза на дирижора, маленькаго лохматаго человѣка, который, медленно взмахивая своей палочкой, весь устремлялся впередъ и, казалось,—только что

неприлично да высоко,—а то онъ шмыгнулъ бы сейчасъ же на сцену.

Въ антрактѣ, встрѣтясь съ Сучковымъ, Матвѣй Матвѣевичъ спросилъ его, здѣсь ли Тирманъ.

— Не видать.

— И Кумачева не встрѣтили?

— Ну, этому, кажется, некогда! улыбнулся Сучковъ и, помолчавъ, добавилъ: Охъ,—сорви-голова эта Ольга Васильевна!.. А Тирманъ либо здѣсь, либо спитъ: у него вѣдь даромъ время не тратится.

Далѣе разговоръ перешелъ на оперу. Впечатлѣніе обоихъ было не лестное, и они рѣшили больше не слушать.

— Закусимъ, да и въ путь, предложилъ Сучковъ.

Панфиловскіе прикащики толклись у буфета и только что рѣшились выпить, какъ ихъ пригласили на „Вольную почту".

— Гдѣ Тирманъ? спросили по пріѣздѣ на станцію.

— Нѣту-съ, отвѣтилъ слуга.

— А не сказалъ, куда онъ поѣхалъ?

— Одѣлись и поѣхали. Въ восемь часовъ еще собрались.

Панфиловъ стоялъ, вытаращивъ глаза.

— А повозка? выговорилъ онъ со страхомъ.

— Въ повозкѣ поѣхали, ваше степенство.

Матвѣй Матвѣевичъ вспыхнулъ и, поднявъ обѣ руки, потрясъ надъ головой кулаками.

— Ахъ, я старый дуракъ!! вскричалъ онъ въ негодованіи.— И какъ я не раскусилъ этого проклятаго Тирмашку!.. Надулъ! Опять надулъ!.. И какъ я не догадался! Сколько мы времени потеряли напрасно! Въ восемь часовъ удралъ, а теперь?..

Онъ вынулъ часы.

— Не догонишь! Теперь далеко.... не догнать, говорилъ онъ, чуть не плача.—Ахъ, онъ бестія этакій! обманщикъ!!

— Да полно, Матвѣй Матвѣевичъ, успокаивалъ его Сучковъ. Видите, какая погода. Дорога испортилась, по этой дорогѣ далеко не ускачетъ. А что сдѣлалъ онъ свинство, спорить не буду! Ну, да къ утру догонимъ!

— Нѣтъ, какъ я попался, какъ я попался! Словно мальчишку надулъ. И догадало его подсунуть мнѣ эту чортову афишу!

Онъ дернулъ афишу за уголъ и сорвалъ ее со стѣны.

— Все равно, Матвѣй Матвѣевичъ,—давайте закусимъ на скорую руку, да и маршъ вдогонку.

Подали ужинъ, но Панфилову не пилось, не ѣлось.

— Ахъ, этотъ Тирмашка несчастный!

— Да что вы къ нему привязались!

Однако плотный ужинъ и хорошее вино успокоили его настолько, что, садясь въ повозку, онъ сказалъ Бородатову:

— Ну, теперь надо спать!

Погода была гнилая. Съ неба что-то сыпалось—не снѣгъ, не дождикъ, а какія-то мокрыя и жесткія брызги.

Сначала ѣхали городомъ, и когда миновали такъ-называемую Швейцарію, прилегающую къ Казани,—повозки погрузились во мракъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. Телешовъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

---

1) Гоголь и Ивановъ.

Близкія отношенія между двумя настолько выдающимися личностями, какъ Гоголь и Ивановъ, всегда представляютъ для насъ особенный интересъ: мы стараемся выяснить себѣ каждую изъ этихъ личностей въ отдѣльности, насъ интересуетъ каждая малѣйшая черта ихъ характеровъ,—а здѣсь мы сразу встрѣчаемся съ ними съ обоими вмѣстѣ, мы отыскиваемъ, что̀ было между ними общаго, что могло соединить ихъ дружбою, и какой изъ этого получился результатъ, какое вліяніе оказали они другъ на друга. При этомъ открываются и новыя данныя для пониманія каждаго изъ этихъ характеровъ въ отдѣльности, такъ какъ эти отношенія подчеркиваютъ намъ такія черты, которыхъ безъ этого мы могли бы не замѣтить. Такъ два гармоничныхъ тона усиливаютъ другъ друга; такъ же точно два гармоничныхъ цвѣта увеличиваютъ силу впечатлѣнія при сопоставленіи одного съ другимъ.

Поэтому вполнѣ естественно, что и взятая нами тема не разъ уже появлялась въ печати; не разъ поднимался вопросъ о томъ, какое вліяніе имѣлъ Гоголь на Иванова. Точно также старались выяснить и причины ихъ видимой ссоры. Но, какъ обыкновенно это бываетъ въ началѣ разработки вопроса, изслѣдователи впадали въ крайности. Одни говорили, что Гоголь имѣлъ огромное вліяніе на всю дѣятельность Иванова, другіе, напротивъ, утверждали, что онъ не имѣлъ никакого влі-

нія. Занимаясь послѣднее время біографіею Иванова, изданіе которой вскорѣ должно появиться въ свѣтъ, мнѣ пришлось близко познакомиться съ характеромъ нашего художника, удалось напасть на такія его записки и письма, которыя не были извѣстны моимъ предшественникамъ, а между тѣмъ проливаютъ много свѣта на этотъ вопросъ; занявшись притомъ и изученіемъ личности Гоголя, мнѣ кажется, теперь мнѣ удалось примирить эти два рѣзко противоположныхъ мнѣнія и, надѣюсь, что и другіе согласятся съ моими выводами.

I.

Дружескія отношенія Иванова съ Гоголемъ начались, повидимому, съ 1838 года. Мнѣнія о вліяніи Гоголя на нашего художника, какъ я уже сказалъ, самыя противоположныя. Нѣкоторые, напримѣръ, такъ выражаются о немъ: „На Иванова Гоголь имѣлъ огромное нравственное вліяніе, подвигая его много разъ къ новой умственной дѣятельности“ [1] Напротивъ, братъ Иванова, Сергѣй Андреевичъ такъ писалъ къ В. В. Стасову: „Неужели вы думаете, что Гоголь произвелъ когда-либо и что-либо важное въ направленіи А. А. Иванова? Могу васъ увѣрить, что ошибаетесь сильно“.

И дѣйствительно, мы видимъ, что Ивановъ, несмотря на все свое уваженіе къ великому писателю, часто въ самыхъ важныхъ вопросахъ рѣзко расходится съ нимъ и въ концѣ даже создалъ себѣ міровоззрѣніе совершенно противоположное міровоззрѣнію Гоголя. Ивановъ искалъ вездѣ только способовъ къ саморазвитію, источниковъ, изъ которыхъ онъ могъ бы пополнять огромные пробѣлы въ своемъ образованіи. Гоголь былъ въ его глазахъ именно такимъ источникомъ, и онъ дорожилъ этимъ знакомствомъ, боялся проронить каждое слово, сказанное геніальнымъ и, въ сравненіи съ нимъ, образованнымъ писателемъ. Но часто онъ не соглашался съ этими мнѣніями, хотя, сознавая свою слабость въ діалектикѣ, никогда не возражалъ Гоголю.

Со своей стороны, Гоголь, который, по выраженію одного изъ нашихъ критиковъ, [2] „какъ представитель средневѣковаго воз-

[1] А. М. Черницкая. Отношенія Гоголя къ матери.
[2] *Отеч. Зап.* 1872.

зрѣнія, бродилъ воплощеннымъ анахронизмомъ XIX вѣка среди величественныхъ памятниковъ отжившей старины, мечтая о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда, подъ покровительствомъ владѣтельныхъ особъ, великіе художники, исполненные религіознаго энтузіазма, цѣлые годы проводили надъ какою-нибудь Мадонною или расписываніемъ церковнаго плафона",—Гоголь, говорю, видѣлъ въ Ивановѣ, проведшемъ полъ-жизни надъ своею картиною, такого же средневѣковаго аскета и старался еще болѣе развивать въ немъ этотъ аскетизмъ.

Работая надъ своими „Мертвыми душами" съ полною вѣрою, что онъ одною этою поэмой произведетъ нравственный переворотъ въ обществѣ, какъ вѣрилъ и Ивановъ въ дѣйствіе своей картины, Гоголь считалъ, что для этого необходимо прежде самому достичь нравственнаго совершенства и вѣрилъ въ осуществленіе этого.

Въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ гр. Віельгерскому, онъ говоритъ по поводу картины Иванова: „Гдѣ могъ найти онъ образецъ, чтобы изобразить главное, составляющее задачу всей картины, представить въ лицахъ весь ходъ человѣческаго обращенія ко Христу?. Холодна для этого мысль и ничтожно воображеніе... Пока въ самомъ художникѣ не произошло истиннаго обращенія ко Христу, не изобразить ему того на полотнѣ".

Еще яснѣе онъ говоритъ въ одномъ письмѣ къ Иванову:[1] „Пока съ вами, или, лучше, въ васъ самихъ не произойдетъ того внутренняго событія, какое силитесь вы изобразить на вашей картинѣ, въ лицѣ подвигнутыхъ и обращенныхъ словомъ Іоанна Крестителя, повѣрьте, что до тѣхъ поръ не будетъ кончена ваша картина. Работа ваша соединена съ вашимъ душевнымъ дѣломъ, а покуда въ душѣ вашей не будетъ кистью Высшаго Художника начертана эта картина, потуда не напишется она вашею кистью на холстѣ. Когда же напишется она на душѣ вашей, тогда кисть ваша полетитъ быстрѣе самой мысли".

Въ свою очередь и Ивановъ смотрѣлъ также на поэму Гоголя. Въ неизданныхъ рукописяхъ его мы находимъ два наброска, выражающихъ этотъ взглядъ: „Извольте-ка вы, – говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ, представляющемъ черновое письмо къ Гоголю,— немедленно напечатать вашъ второй томъ. Мы—великороссійцы поклонимся вашей малороссійской подметчивости и, оцѣнивъ вполнѣ ваше глубокомысліе, будемъ любить вашъ край, на осно-

---

[1] Отъ января 1845 года.

ваніяхъ слова Божія, и такимъ образомъ, пересозданный еще разъ, каждый человѣкъ въ послѣднемъ народѣ въ ряду образованій (будетъ) во всей силѣ своего духовнаго развитія, и (вы) завершите послѣднюю цѣль Провидѣнія, показавшаго намъ первый примѣръ во Христѣ“.

Во второмъ отрывкѣ, довольно оригинальномъ по своей мысли, онъ говоритъ: „Самоотверженіе дано вполнѣ только Русскимъ, вотъ почему они, какъ послѣдній народъ въ образованіи, совершенно поймутъ Спасителя рода человѣческаго и приспособятъ Его ученіе ко всѣмъ отраслямъ образованія человѣческаго. Но въ настоящую, переходную минуту, минуту трудную для избранныхъ, можно ли допустить ихъ до земнаго блаженства, то-есть до женитьбы?.. Вотъ вопросъ, который рѣшитъ Гоголь напечатаніемъ своего сочиненія, который рѣшу и я окончаніемъ моей картины“.

Такимъ образомъ Гоголя съ Ивановымъ связывала общность творческихъ интересовъ. Какъ Гоголь, такъ впослѣдствіи, подъ его вліяніемъ, и Ивановъ видѣли въ своихъ произведеніяхъ средство сдѣлать нравственный переворотъ въ обществѣ, какъ тотъ, такъ и другой слили свое творчество со своимъ собственнымъ перевоспитаніемъ. Гоголь самъ, описывая положеніе Иванова, говоритъ: „Я это знаю, и отчасти даже испыталъ самъ. Мои сочиненія тоже связались чуднымъ образомъ съ моею душой и моимъ внутреннимъ воспитаніемъ. Въ продолженіи болѣе шести лѣтъ я ничего не могъ работать для свѣта. Вся моя работа производилась во мнѣ и собственно для меня“.

Гоголь былъ для Иванова наставникомъ, цѣлителемъ душевныхъ недуговъ и, мало того, взялъ его подъ свое полное попеченіе, заботясь даже о его матеріальномъ благосостояніи. Такъ смотрѣлъ на эти отношенія самъ Гоголь, такъ же понималъ ихъ и Ивановъ. Самый тонъ писемъ Иванова къ Гоголю всегда носитъ характеръ отношеній ученика къ наставнику, тогда какъ Гоголь говоритъ съ нимъ всегда тономъ поученій.

Въ одномъ письмѣ къ Гоголю Ивановъ выражается такъ: „Грусть и скука намъ безъ васъ въ Римѣ. Мы привыкли въ часы досуга слышать подкрѣпительныя для духа ваши сужденія“.

Вліяніе Гоголя на Иванова было тѣсно связано съ самымъ взглядомъ его на нашего художника. Мечтая, какъ я сказалъ, сдѣлать нравственный переворотъ въ обществѣ своею поэмой и для этого занявшись собственнымъ перевоспитаніемъ, которое

не могло совершиться быстро, Гоголь потому не могъ быстро и писать свою поэму и не могъ отвлекаться отъ нея никакими другими работами. Его внутреннее *я* и поэма составляли нѣчто неразрывно цѣльное. Увидѣвъ, что Ивановъ столько лѣтъ сидитъ надъ своею картиной, Гоголь, естественно, по свойственному всѣмъ намъ качеству, судить о другихъ по самому себѣ, рѣшилъ, что и съ Ивановымъ происходитъ то же, что было съ нимъ. Онъ не зналъ, что Ивановъ писалъ картину не только ради нравственнаго переворота, но, главнымъ образомъ, ради славы, не зналъ, что работа шла медленно, потому что самый пріемъ работы требовалъ медленности, не зналъ, или просто не хотѣлъ знать, что Ивановъ былъ въ состояніи отвлекаться и на другія работы, что въ это же время онъ занимался составленіемъ всевозможныхъ проэктовъ, дѣлалъ рисунки, ничѣмъ не связанные съ картиной, наконецъ приготовилъ массу эскизовъ, иллюстрирующихъ Библію, съ цѣлью расписать ими особо для этого построенный колоссальный храмъ. Гоголь приписалъ ему свое собственное положеніе, вложилъ ему свои собственныя мысли, которыхъ Ивановъ раньше не имѣлъ и которыя онъ самъ, такъ-сказать, внушилъ ему.

Вотъ въ чемъ было главное вліяніе Гоголя на Иванова, и отсюда уже явилось нравственное вліяніе, притомъ очень слабое.

II.

Вспоминая свою римскую жизнь того времени, Ѳ. И. Іорданъ говоритъ: [1] „Мы всѣ (то-есть Ивановъ, Іорданъ, Моллеръ и Гоголь) собирались всякій вечеръ на квартирѣ у Гоголя, по-итальянскому выраженію, „alle ventitre“ (въ 23 часу, то-есть около 7½ часовъ вечера), обыкновенно пили русскій хорошій чай и оставались тутъ часовъ до 9 или 9½—не дольше, потому что для своей работы мы всѣ вставали рано, значитъ и ложились не поздно. Въ первые годы Гоголь всѣхъ оживлялъ и занималъ, но скоро исчезло прежнее свѣтлое расположеніе его духа. Съ тѣхъ поръ, бывало, онъ иногда въ цѣлый вечеръ не промолвитъ ни единаго слова. Сидитъ себѣ, опустивъ голову на грудь и запустивъ руки въ карманы шароваръ, и молчитъ. Не разъ я ему говаривалъ: „Николай

[1] Боткинъ,—«Ивановъ, его жизнь и переписка».

Васильевичъ, что̀ это вы какъ экономны съ нами на свою собственную особу? Поговорите же хоть что̀-нибудь". Молчитъ. Я продолжаю: „Николай Васильевичъ, мы вотъ всѣ труженики, работаемъ цѣлый день; идемъ къ вамъ вечеромъ, надѣемся отдохнуть, разсѣяться, а вотъ вы ни слова не хотите промолвить. Неужели мы все должны только покупать васъ въ печати?" Молчитъ и ухмыляется. Изрѣдка только оживится, разскажетъ что-нибудь. Признаться сказать, на этихъ нашихъ собраніяхъ была ужаснѣйшая скука. Мы сходились, кажется, только потому, что такъ было уже разъ заведено, да и ходить-то болѣе было некуда. Съ прочими же пенсіонерами водить знакомство мы не желали, потому что тамъ только и было, что вѣчное вино, да карты, да шумъ, да крикъ, да всякія шалости и баловство. Много ли разговаривалъ Ивановъ съ Гоголемъ внѣ этихъ нашихъ собраній и былъ ли у нихъ живой, важный обмѣнъ мыслей—того я не знаю, но что касается до нашихъ вечеровъ на квартирѣ у Гоголя, то Ивановъ очень мало говорилъ, а все болѣе прислушивался къ другимъ, когда мы толковали о художественныхъ новостяхъ въ Римѣ, о работахъ русскихъ и иностранныхъ пенсіонеровъ, о прочитанномъ въ газетахъ (мы одно время въ складчину подписывались на русскія газеты), а иногда, изрѣдка, вспоминали тоже про Россію, про петербургское наше житье. Если Ивановъ иной разъ вдругъ и рѣшался что-нибудь разсказать изъ видѣннаго на улицѣ или изъ услышаннаго, онъ обыкновенно начиналъ смѣхомъ „ха-ха-ха, а вотъ я сегодня...". Потомъ онъ, заминаясь и спутываясь, тянулъ и кончалъ часто тѣмъ, что, бывало, вовсе ничего такъ и не разскажетъ. Про свои работы ни Гоголь, ни Ивановъ—эта неразлучная парочка—никогда не разговаривали съ нами. Впрочемъ, можетъ-быть, они про нихъ разсуждали другъ съ дружкой, наединѣ, когда тамъ насъ не было".

Подобнымъ же образомъ описываетъ эти вечера и Ѳ. В. Чижовъ, который бывалъ на нихъ въ концѣ 1842 года, когда въ Римѣ жилъ больной Языковъ и когда общество состояло изъ Гоголя, Иванова, Языкова и Чижова.

„Наши вечера, говоритъ онъ, [1] были очень молчаливы. Обыкновенно, кто-нибудь изъ насъ троихъ, чаще всего Ивановъ, приносилъ въ карманѣ горячихъ каштановъ; у Языкова стояла бутылка алеатико, и мы начинали вечеръ каштанами, съ прихлеб-

[1] *Современникъ*, 1858 г.

ками вина. Бо̀льшею частію, содержаніемъ разговоровъ Гоголя были анекдоты, почти всегда довольно сальные. Молчаливость Гоголя и странный выборъ его анекдотовъ не согласовались съ уваженіемъ, которое онъ питалъ къ Иванову и Языкову, и съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ удостоивалъ меня, зазывая на свои вечернія сходки, если я не являлся безъ зову. Но это можно объяснить тѣмъ, что тогда въ душѣ Гоголя была сильная внутренняя работа, поглотившая его совершенно и овладѣвшая имъ самимъ. Въ обществѣ, которое онъ, кромѣ нашего, посѣщалъ изрѣдка, онъ былъ молчаливъ до послѣдней степени... Съ художниками онъ совершенно разошелся. Всѣ они припоминали, какъ Гоголь бывалъ въ ихъ обществѣ, какъ смѣшилъ онъ анекдотами; но теперь онъ ни съ кѣмъ не видался."

Такимъ образомъ мы видимъ, что Гоголь ни съ кѣмъ въ Римѣ не былъ въ такихъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, какъ съ Ивановымъ. Когда который-нибудь изъ нихъ выѣзжалъ изъ Рима, между ними начиналась горячая переписка. Гоголь старался помогать и содѣйствовать Иванову чѣмъ только могъ. Онъ знакомилъ его со всѣми лицами, которыхъ считалъ могущими оказать помощь нашему художнику, самъ хлопоталъ за него у своихъ вліятельныхъ друзей, ободрялъ его, когда онъ падалъ духомъ. „Ничего плачевнаго я не вижу въ вашемъ положеніи, пишетъ онъ ему однажды, когда Ивановъ доходилъ до отчаянія, не видя способа найти себѣ средствъ для окончанія картины.—Путей есть множество выйти изъ всякаго положенія, какъ бы затруднительно оно намъ ни казалось. Еслибы ваше положеніе было въ двадцать разъ хуже, то и тогда не слѣдуетъ смущаться. Деньги будутъ во всякомъ случаѣ, если уже пошло на то. Исполните только одну мою просьбу, которую я вамъ сейчасъ предложу: будьте ясны и тверды душею. Твердый и не потерявшійся человѣкъ всегда выигрываетъ: его взглядъ не отуманенъ, и самъ онъ увидитъ исходы изъ всякаго лабиринта. Нужно имѣть также вѣру въ небесную силу, которая всегда сходитъ отъ Бога твердому и уповающему человѣку. Исполнясь этой силы, вы плюните на то, что̀ человѣкъ называетъ препятствіемъ. Итакъ, не думайте ни о чемъ до самаго моего пріѣзда Будьте веселы, какъ только можно; идя по улицѣ, подскакивайте, нужды нѣтъ, если и шлепнетесь о мостовую: это не бѣда, всякій знаетъ, что мостовая въ Римѣ плоха и потому извинитъ васъ. Прощайте же! кончаетъ онъ это письмо; будьте веселы и свѣтлы

духомъ и сохраните вѣчно въ себѣ великую истину, которую вамъ сейчасъ скажу. Препятствія суть наши крылья; они намъ даются для того, чтобы сдѣлать насъ сильнѣй и ближе къ цѣли. Это вамъ говоритъ извѣдавшій сіе по опыту.

III.

Такъ шла переписка и дружескія отношенія между двумя нашими художниками вплоть до 1846 года. Въ этомъ году Гоголь напечаталъ свое извѣстное письмо къ графу Віельгорскому объ Ивановѣ.

Письмо это, какъ доказалъ Н. С. Тихонравовъ, было написано въ февралѣ или мартѣ 1846 г. и при обработкѣ для печати было дополнено, сообразно перемѣнившимся обстоятельствамъ, причемъ вкралось даже нѣкоторое противорѣчіе. Я не буду цитировать этого письма, такъ какъ оно было уже много разъ напечатано. Оно имѣло своею цѣлью побудить общество, а, главное, лицъ вліятельныхъ и особенно Академію помочь художнику матеріальными средствами и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить его отъ вмѣшательства директора надъ русскими пенсіонерами въ Римѣ, генерала Киля, въ работы нашего художника и отъ посягательствъ его врываться въ студію Иванова, которому такія посѣщенія не могли быть пріятны и даже вредили самой работѣ.

Гоголь былъ твердо увѣренъ въ успѣхѣ своего письма. А между тѣмъ Ивановъ въ это время особенно терялъ голову, не видя исхода изъ своего затруднительнаго положенія и, какъ утопающій, хватался за всякій самый слабый лучъ надежды. Не полагаясь болѣе на одну только помощь своихъ старыхъ друзей, Ивановъ рѣшился обратиться еще къ графу В. В. Апраксину, съ матерью котораго онъ былъ уже знакомъ черезъ Гоголя, и котораго въ это время ожидали въ Римѣ. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи Гоголю.

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ болѣзненномъ состояніи духа былъ тогда и самъ авторъ „Переписки съ друзьями“. Письму Иванова онъ придалъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ тотъ хотѣлъ ему дать,—онъ увидалъ тутъ какое-то вѣчное вымогательство денегъ, какое-то унизительное попрошайничество. Оно глубоко оскорбило Гоголя, тѣмъ болѣе, что письмо это задѣвало еще его личное самолюбіе, такъ какъ въ немъ Гоголь увидалъ недовѣріе

къ его силамъ, въ которыя въ то время онъ такъ вѣрилъ. Онъ вѣрилъ, что его „Переписка“ произведетъ давно желанный имъ нравственный переворотъ, а тутъ вдругъ Ивановъ не вѣритъ даже, что послѣ этого письма въ немъ примутъ участіе. Подъ вліяніемъ такого раздраженія, Гоголь написалъ ему очень рѣзкое письмо.

„Чего вы ждете отъ пріѣзда Виктора Владиміровича, и о какомъ рѣшеніи ожидаете извѣстій—этого я никакъ не могъ понять, пишетъ онъ. [1] Въ жизнь мою я еще не встрѣчалъ такой безпокойной головы, какова ваша. Кажется, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Рима, вы совершенно убѣдились въ томъ, что Апраксиной ничего не слѣдуетъ предпринимать по вашему дѣлу, ни о чемъ не слѣдуетъ писать къ Бутеневу, иначе изъ всего этого выйдетъ новая глупая путаница. А теперь вдругъ пишете, что сгораете нетерпѣніемъ узнать, что̀ о васъ порѣшено, точно какъ будто между нами вовсе не происходило никакихъ разговоровъ. Вамъ чудится и представляется, что о васъ должны всѣ хлопотать и метаться, какъ угорѣлыя кошки, точно такимъ же самымъ образомъ, какъ вы мечетесь во всѣ стороны и углы по поводу даже всякаго ничтожества, не только важнаго дѣла. Пріѣхавши сюда (въ Неаполь) я даже ни разу не заводилъ о васъ разговора. Одинъ разъ только сказала мнѣ Софья Петровна, [2] что получила отъ васъ письмо, по которому она совершенно не знаетъ, что̀ ей дѣлать, потому-что не видитъ, чѣмъ въ этомъ дѣлѣ она можетъ успѣшно помочь, и потомъ, вслѣдъ за тѣмъ, спросила у меня, чтобы я сказалъ ей откровенно и чистосердечно, точно ли Ивановъ уменъ. На это я сказалъ, что Ивановъ точно уменъ, но что онъ теперь боленъ, находится въ нервическомъ разстройствѣ и потому дѣлаетъ дѣла близкія къ неразумію. Съ тѣхъ поръ у насъ и рѣчи не было о васъ. Вы сами знаете, что подталкивать людей на безплодныя дѣла я не охотникъ. Если вы, не слушаясь никого и ничего, стараетесь изо всѣхъ силъ дѣлать глупости и подбивать также всѣхъ другихъ дѣлать глупости, то это не есть причина, чтобы и я дѣлалъ то же. Вы всѣмъ надоѣли, и я не удивляюсь, почему даже Чижовъ пересталъ къ вамъ вовсе писать. Я вамъ сказалъ ясно: „сидите смирно, не думайте ни о чемъ, не смущайтесь ничѣмъ, работайте —и больше

[1] *Вѣстникъ Европы*. 1883 г.

[2] Графиня Апраксина.

ничего; все будетъ обдѣлано хорошо. Въ этомъ отвѣчаю вамъ я. Но вы меня считаете за ничто, довѣрія у васъ къ словамъ моимъ никакого. Вы больше повѣрите какимъ-нибудь розсказнямъ какой-нибудь Жеребцовой или какимъ-нибудь краснобайнымъ обѣщаніямъ перваго говоруна, нежели словамъ человѣка, который еще не былъ уличенъ во лжи, льстивыми посулами не заманивалъ человѣка и слово свое держалъ".

Въ это время Ивановъ былъ, въ дѣйствительности, въ крайнемъ нервическомъ разстройствѣ. Чижовъ, бывшій вмѣстѣ съ Ивановымъ во время полученія этого письма, пишетъ Гоголю: „Письмо ваше сильно его (Иванова) разстроило. Онъ говоритъ: „намъ гораздо лучше все оставить до личнаго свиданія." Не знаю, что̀ вы писали къ нему, а знаю только то, что въ его дѣлѣ двѣ стороны: одна—нравственная, заключенная въ немъ самомъ; другая — внѣшняя, зависящая отъ начальства и ихъ гадостей. Начальство скверно не изъ желанія вредить, а просто потому, что скверно; столкновенія его съ Ивановымъ еще хуже, чѣмъ съ другими, потому что неопытность его въ общественной жизни вызываетъ много такого, что̀ бы само никогда не вышло. Онъ тоже не виноватъ. Гораздо важнѣе этого внутреннее состояніе души его, на которую, какъ мнѣ кажется, надо дѣйствовать успокаивающими средствами. Вамъ болѣе, я думаю, чѣмъ кому-либо знакомо то, какъ тяжело и какъ дорого намъ достается уединеніе. Искренно признаваясь и по собственному опыту и по наблюденіямъ надъ многими, я подсмотрѣлъ одно, что, оставаясь въ уединеніи все съ самимъ собою, невольно влюбляешься въ самого себя. Кто вынесетъ себя братомъ ближняго изъ уединенія, тотъ истинно высокъ въ глазахъ моихъ. Христосъ въ пустынѣ не остался безъ искусителя; гдѣ же намъ уйти отъ него? Въ два года, что я не видалъ Иванова, я нашелъ перемѣну: душа его осталась такъ же чиста, если не чище, но менѣе спокойствія, то-есть еще менѣе, потому что немного было и прежде. По мнѣ, тутъ человѣческаго врачеванія мало; молитва и дѣло, покорность и овладѣніе собою — такъ мнѣ кажется. Во внѣшней его жизни есть одна ужасная гадость, — только она и можетъ заботить его. Говорилъ ли онъ вамъ, что онъ далъ подписку въ годъ непремѣнно кончить картину, — я очень и очень боюсь, чтобы по истеченіи года его не потревожили".

„Если можно, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, подѣйство-

вать сколько-нибудь на спокойствіе души Иванова, сдѣлайте истинно доброе дѣло. Только, ради Бога, не говорите ему о нервномъ разстройствѣ, потому что и безъ того онъ сильно мнителенъ."

Чижовъ понималъ ясно, что сказать нервно-больному, что онъ боленъ, значитъ содѣйствовать этой болѣзни, а приведенное нами выше письмо Гоголя именно это и сдѣлало. Напрасно нѣкоторые предполагаютъ, что Ивановъ сталъ отстраняться отъ Гоголя, потому что разсердился на него за письмо. Онъ точно также отстранялся въ это время и отъ Чижова, хотя съ тѣмъ у него не было никакого и повода къ охлажденію, а между тѣмъ Чижовъ пишетъ Гоголю: „Иванову или я что-нибудь сдѣлалъ, или его душа—въ минуту сильнаго броженія. Онъ со мной совершенно посторонній, и я увѣренъ, что, если онъ недоволенъ мною, то, вѣрно, я виноватъ. Вы сдѣлали бы истинно христіанское дѣло, написавъ ему что-нибудь утѣшительное; мнѣ кажется, что душа его нуждается въ подпорѣ".

И Гоголь, дѣйствительно, старается явиться этою опорою душѣ Иванова. Онъ извиняется за свои жестокія письма и посылаетъ ему сочиненную имъ молитву. „За мои два письма,—говоритъ онъ,—нѣсколько жесткія, не сердитесь. Что жь дѣлать, если я долженъ именно такія, а не другія письма писать къ вамъ? Посылаю вамъ молитву,—молитву, которою нынѣ молюсь я всякій день. Она придется и по вашему положенію, и если вы съ вѣрою и отъ всѣхъ чувствъ будете произносить ее, она вамъ поможетъ. Читайте ее по утру всякій день. А если замѣтите за собой, что находитесь въ тревожномъ, или особенно безпокойномъ состояніи духа, тогда читайте ее всякій часъ и никакъ не забывайте этого дѣлать. Затѣмъ Богъ да хранитъ васъ!"

Приводимъ самую эту молитву:

„Влеки меня къ Себѣ, Боже мой, силою святой любви Твоей. Ни на мигъ бытія моего не оставляй меня: сопутствуй мнѣ въ трудѣ моемъ, для него же произвелъ меня въ міръ, да, свершая его, пребуду весь въ Тебѣ, Отче мой, Тебя единаго представляя день и ночь передъ мысленныя очи мои. Сдѣлай, да пребуду нѣмъ въ мірѣ, да обезчувствуетъ душа моя ко всему, кромѣ Единаго Тебя, да обезотвѣтствуетъ сердце мое къ житейскимъ скорбямъ и бурямъ, ихъ же воздвигаетъ сатана на возмущенье духа моего; да не возложу моей надежды ни на кого изъ живущихъ на землѣ, но на Тебя Единаго, Владыко и Господинъ мой!

Вѣрю бо, яко Ты Одинъ въ силахъ поднять меня; вѣрю, яко и сіе самое дѣло рукъ моихъ, надъ нимъ же работаю нынѣ, не отъ моего произволенія, но отъ святой воли Твоей. Ты поселилъ во мнѣ и первую мысль о немъ; Ты и возрастилъ ее, возрастивши и меня самого для нея; Ты же далъ силы привести къ концу Тобой внушенное дѣло, строя все во спасеніе мое, посылая скорби на умягченіе сердца моего, воздвигая гоненья на частыя прибѣганья къ Тебѣ и на полученье сильнѣйшей любви къ Тебѣ, ею же да воспламенѣетъ и возгорится отнынѣ вся душа моя, славя ежеминутно святое имя Твое, прославляемое всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.“

Что между Ивановымъ и Гоголемъ отношенія остались дружескими, а была только временная размолвка, вслѣдствіе обоюднаго недоразумѣнія, показываетъ намъ и дальнѣйшая ихъ переписка. Въ слѣдующемъ же письмѣ къ Гоголю Ивановъ попрежнему сообщаетъ ему всѣ подробности своей жизни, только въ началѣ говоритъ: „Не отвѣчаю ни на одно изъ трехъ вашихъ писемъ, потому что боюсь отвѣтъ повѣрить бумагѣ, и только при личномъ свиданіи со мной вы разберете, кто изъ насъ виноватъ.“

Дѣйствительно, всякій изъ насъ знаетъ, какъ опасно бываетъ затрогивать въ письмахъ щекотливые вопросы,—очень часто при личномъ свиданіи болѣе рѣзкое замѣчаніе или болѣе обидное выраженіе проходитъ вполнѣ легко, а въ перепискѣ болѣе мягкія выраженія кажутся обидными. Ивановъ понималъ это и потому рѣшилъ не касаться больнаго мѣста въ ихъ отношеніяхъ до личнаго свиданія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ въ этомъ же письмѣ съ полною довѣрчивостью ведетъ рѣчь объ излюбленномъ ими обоими проектѣ, чтобы Гоголь сдѣлался секретаремъ русскихъ художниковъ, [1] а Чижовъ агентомъ.

„Положеніе мое, говоритъ онъ, все еще тревожное, не можетъ иначе устроиться, какъ вами, то-есть когда вы вступите въ службу къ князю (Волконскому), какъ секретарь русскихъ художниковъ. Вся ваша должность будетъ состоять въ написаніи четырехъ-пяти отчетовъ объ лучшихъ изъ насъ, во все продол-

---

[1] С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ говоритъ, что Гоголь разсчитывалъ попасть на это мѣсто, съ жалованьемъ въ 2.000 р. асс. «Получивъ такое мѣсто, говоритъ онъ, Гоголь былъ бы обезпеченъ въ своемъ существованіи».

женіе окончанія моей картины, въ которыхъ вы геніальнымъ перомъ вашимъ приготовите на вѣрную оцѣнку нашихъ художническихъ произведеній, кои въ продолженіе этого же времени будутъ имѣть свое окончаніе. Отчеты ваши будутъ печататься, по Высочайшему повелѣнію, и слѣдовательно вашъ талантъ приготовитъ въ то же время и публику отечественную понимать величіе и высоту художника. Князь будетъ руководитель, или наставникъ Киля, утвержденный государемъ. Объ этомъ будутъ стараться многіе. Князь предложитъ Чижову званіе агента. Должность его будетъ—замѣнять начитанность пенсіонерскую, то-есть онъ, вмѣсто нихъ, будетъ вычитывать книги, какія они ему укажутъ, на разныхъ языкахъ и выносить имъ оттуда результаты, приспособленные къ художнической точкѣ зрѣнія, изъ чего послѣ вы, пожалуй, составите книгу для образованія молодыхъ будущихъ въ Россіи (художниковъ). Къ этому онъ знаетъ математику, слѣдовательно, кладъ для архитекторовъ. Ему будетъ ввѣрена библіотека, приращеніе коей будетъ зависѣть отъ васъ и отъ совѣта пенсіонеровъ, всегда подъ предсѣдательствомъ князя. Онъ будетъ имѣть казенныя двѣ комнаты на сей конецъ. Князь можетъ тогда отставить доктора и эти деньги обратить тогда на покупку книгъ. Киль останется попечителемъ художниковъ третьяго разряда, то-есть не достигшихъ пенсіонерскаго званія и имѣющихъ надобность въ помощи. Онъ же будетъ передавать векселя пенсіонерамъ. Все это требуетъ непремѣнно мудрыхъ совѣтовъ и дѣйствій Софьи Петровны (Апраксиной).“

Но болѣзненное состояніе Гоголя къ этому времени не уменьшилось, и это очень простое само по себѣ письмо Гоголь принялъ опять совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Въ другое время Гоголь увидѣлъ бы въ немъ обычную наивность своего друга, теперь же онъ былъ глубоко возмущенъ, тѣмъ болѣе, что, уже давно понявъ, что такого мѣста ему не получить, забылъ уже и думать объ этомъ.

„Что̀ съ вами дѣлается, Александръ Андреевичъ? пишетъ онъ ему въ отвѣтъ. Я съ изумленіемъ прочелъ ваше письмо, недоумѣвая, ко мнѣ ли оно писано. Предложеніе ваше, сдѣланное въ прошломъ году Чижову, котораго вы хо̀тѣли сдѣлать секретаремъ, положимъ, еще могло имѣть какой-нибудь смыслъ, потому что Чижовъ занимался этою частью и притомъ не избралъ себѣ никакого опредѣленнаго поприща; но и ему неприлично было это мѣсто. Какъ бы то ни было, онъ профессоръ и приготовилъ

себя вовсе не для того, чтобы сыграть роль чиновника для письма. Но сдѣлать мнѣ такое предложеніе (!!)—ужь этого сюрприза я никакъ не могъ ожидать. Я не могу только постигнуть, какъ могло вдругъ выдти изъ головы вашей, что я, вопервыхъ, занятъ дѣломъ, требующимъ, можетъ, небольше вашего *полнаго* посвященія ему своего времени, что у меня и сверхъ моего главнаго дѣла, которое вовсе не бездѣлица, наберется много другихъ, болѣе сообразныхъ съ моими способностями, чѣмъ то, которое вы предлагаете, что и самый образъ мыслей моихъ, даже и насчетъ этого дѣла вовсе не сообразенъ съ образомъ мыслей тѣхъ людей, которыхъ вы хотите поставить моими начальниками и даже съ вашимъ, что я, наконецъ, на дорогѣ и остановился въ Италіи только на время, какъ въ гостиницѣ и трактирѣ, что даже и прежде, не только теперь, я уже по причинѣ моихъ недуговъ не могъ связать себя никакою должностью, потому что я сегодня здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ. Но все это вдругъ вышло у васъ изъ головы, какъ бываетъ со всѣми тѣми людьми, которые не умѣютъ ничего хорошенько сообразить и обо всемъ порядочно подумать. И какой странный, рѣшительный тонъ письма: такой-то долженъ быть тѣмъ-то. Киль долженъ заняться такимъ-то дѣломъ, кн. Волконскій—такимъ. Наконецъ, мнѣ самому предписаны границы и предѣлы моихъ занятій, такъ что я невольно спросилъ: да чья же здѣсь воля изъявляется? По слогу письма можно бы подумать, что это пишетъ полномочный человѣкъ: герцогъ Лейхтенбергскій или кн. Петръ Михайловичъ Волконскій, по крайней мѣрѣ. Всякому величаво и съ генеральскимъ спокойствіемъ указывается его мѣсто и назначеніе. Словомъ, какъ бы распоряжался здѣсь какой-то крѣпышъ, а вовсе не тотъ человѣкъ, котораго въ силахъ смутить и заставить потеряться на цѣлый мѣсяцъ первая бумага Зубкова. Мнѣ опредѣляется и постановляется въ законъ писать пять отчетовъ въ годъ—даже и число выставлено! и какія странныя выраженія: писать я ихъ долженъ *геніальнымъ* перомъ. Стòятъ *отчеты о ничемъ* геніальнаго пера?!

Я хотѣлъ бы посмотрѣть, что̀ сказали бы вы, еслибы вамъ кто-нибудь, сверхъ занятія вашею картиной, предложилъ рисовать въ альбомы по пяти акварелей въ годъ. Воображаю, еслибы вы были начальникъ, хорошо бы размѣстили по мѣстамъ людей! Конечно, и лакейское мѣсто ничѣмъ не дурно, если взглянуть на него въ христіанскомъ смыслѣ, но все же нужно знать, кому

предлагать его. Нужно уважать путь и дорогу всякаго человѣка, если только они уже избраны имъ, а не отвлекать его отъ избраннаго имъ уже поприща. Вѣдь васъ же я не отрываю отъ вашей картины и не посылаю куда мнѣ вздумается, а вы, мало того, что въ состояніи оторвать отъ дѣла человѣка, готовы еще толкать его въ самое необдуманное дѣло, какое можетъ только представить человѣку разгоряченное воображеніе, не взвѣшивающее ни обстоятельствъ, ни людей. Какое странное ребячество въ мысляхъ и какое неразуміе даже въ словахъ, въ выраженіяхъ. Ради Бога, оглянитесь на самого себя! Развѣ вы не чувствуете, что нечистый духъ хочетъ васъ вновь втянуть въ эти прожекты, которые наполнили безпокойствомъ жизнь вашу и отняли у васъ такъ много драгоцѣннаго времени. Сколько разъ вы давали мнѣ обѣщаніе не вмѣшиваться больше въ эти оффиціальныя дѣла, сознаваясь сами, что не имѣете для этого настоящаго познанія людей и свѣта. Сколько разъ сознавались сами, что всѣ эти прожекты только запутывали еще болѣе дѣла и на мѣсто помощи, которую вы хотѣли принести ими страждущимъ товарищамъ, только производили то, что положеніе ихъ становилось еще тягостнѣе и хуже. И не успѣлъ я выѣхать изъ Рима, какъ у васъ въ головѣ образовался уже новый проектъ, всѣхъ другихъ сложнѣйшій, всѣхъ другихъ несообразнѣйшій и болѣе всѣхъ другихъ невозможнѣйшій относительно исполненія. Стыдно вамъ! Пора бы вамъ уже, наконецъ, перестать быть ребенкомъ! Но вы всякимъ новымъ подвигомъ вашимъ, какъ бы нарочно, стараетесь подтвердить разнесшуюся нелѣпую мысль о вашемъ помѣшательствѣ. И зачѣмъ вы меня обманываете? Зачѣмъ пишете, будто бы работаете надъ картиной и даже будто бы молитесь? Кто работаетъ точно надъ дѣломъ, тому некогда сочинять такіе проекты. Кто молится, у того видѣнъ разумъ во всѣхъ словахъ и поступкахъ, и Богъ не допускаетъ его къ такимъ вѣтренымъ и необдуманнымъ сочиненіямъ. Я вамъ писалъ уже разъ, если даже не два, чтобы хотя въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ потерпѣли бы, не мѣшались бы ни во что. Дѣло ваше устроится лучше, чѣмъ вы думаете. Скажите, зачѣмъ вы не вѣрите моимъ словамъ, а вѣрите чортъ знаетъ кому? Мнѣ просто не слѣдовало бы вамъ отнынѣ ни говорить, ни писать ни о чемъ, а прекратить всякія сношенія: отъ словъ моихъ я не вижу никакой пользы. Они точно вода, которую льютъ въ рѣшето. Сегодня вы со мной согласитесь во всемъ, а завтра приметесь вновь за свое.

Васъ опытъ не учитъ. Ради Христа, гоните этого духа искушенія, присущаго вамъ, обольщающаго васъ, разгорячающаго вообраҗеніе ваше, поселяющаго въ васъ дымное надменіе самимъ собой и увѣренность въ умѣ своемъ, заставляющаго васъ влюбляться въ собственныя мысли, изъ которыхъ иныя, если и не глупы въ основаніи своемъ, то выразятся у васъ въ такомъ видѣ, что скорѣе походятъ на бредъ человѣка въ горячкѣ. Запритесь въ свою студію и предоставьте всякія ходатайства по дѣламъ художества Чижову: онъ, и не вступая въ оффиціальныя сношенія съ вашимъ начальствомъ, сумѣетъ, какъ человѣкъ болѣе васъ покойный и хладнокровный, уладить многое миролюбиво безъ бумагъ и канцелярій. Вотъ все, что̀ я вамъ скажу. Больше мнѣ нечего прибавить. Относительно васъ совѣсть моя покойна; я сдѣлалъ для васъ то, что̀ повелѣлъ мнѣ собственный мой разсудокъ, а не вашъ. Если вы потерпите, хотя немного времени, то увидите этого плоды."

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это письмо на бѣднаго Иванова?! Съ этихъ поръ онъ уже не приступаетъ къ чтенію писемъ Гоголя иначе, какъ со страхомъ; одинъ разъ оставилъ письмо даже не распечатаннымъ. И въ сношеніяхъ съ другими онъ становится теперь осторожнѣе. „Неопытность моя въ обращеніи съ людьми, пишетъ онъ Чижову, срамитъ меня на каждомъ шагу, и особливо въ письменныхъ выраженіяхъ. Я долженъ, наконецъ, сказать, что много пострадалъ въ этомъ году отъ писемъ къ друзьямъ. Богу угодно, чтобы страданіями пріобрѣлъ я опытность. Прошу предварительно снизойти къ выраженіямъ: я не литераторъ. Прошу также взять въ соображеніе, что человѣкъ всегда находится подъ какою-нибудь минутой его страсти, которая иногда одолѣваетъ и самымъ разумомъ. Однимъ словомъ, приготовьтесь мнѣ прощать."

Впрочемъ Ивановъ понималъ, что если Гоголь и пишетъ такъ рѣзко, то въ душѣ все-таки не перестаетъ его любить и относиться съ прежнею дружбой. „Въ бесѣдахъ съ вами, пишетъ онъ уже послѣ полученія приведеннаго выше письма, и только съ одними вами, духъ мой не утомляется. Вы знаете, что̀ мнѣ сказать и что̀ не говорить. Вы меня любите глубоко мудрымъ образомъ."

И дѣйствительно, стоило только Гоголю узнать, что Александръ Андреевичъ боленъ „стѣсненіемъ въ груди", чтобы сейчасъ же отправиться къ доктору Циммерману посовѣтываться

съ нимъ относительно этой болѣзни. Гоголь даже не могъ понять, чтобы письма его могли разстраивать Иванова. Извѣщая одного общаго ихъ знакомаго о положеніи дѣлъ Иванова, онъ говоритъ: „Я это ему давалъ знать и въ письмахъ, которыя такъ огорчили его (что̀ для меня до сихъ поръ загадка)“. „Правда, прибавляетъ онъ дальше, въ письмахъ моихъ были жесткія слова, но я ихъ нарочно наставилъ съ тѣмъ, чтобы дать случай этими же самыми словами попрекнуть себя самого за малодушіе. Слова эти были тѣ же самыя, которыя я употреблялъ весьма часто и въ разговорѣ, и за которыя онъ никогда не сердился. Но теперь только вижу, какая разница сказать то же самое въ письмѣ и на словахъ. Скажите ему, что я прошу у него прощенія. Я не только не думалъ оскорблять его, но даже хотѣлъ излѣчить отъ безпокойства и, какъ плохой докторъ, не попалъ, какъ слѣдуетъ, въ болѣзнь“.

Упоминавшееся уже нѣсколько разъ письмо Гоголя къ гр. Віельгорскому долго не могло попасть въ руки Иванова; но слухи о немъ доходили до него раньше, и въ декабрѣ 1847 г. онъ пишетъ къ Гоголю: „Племянница моя почувствовала ко мнѣ глубокое уваженіе вслѣдствіе вашего обо мнѣ тамъ (въ „Выборныхъ мѣстахъ“) письма. Отецъ началъ посылать деньги. Академія устыдилась и изумилась, и полагаю, что вслѣдствіе сего ко мнѣ на полгода выслала содержаніе. Герценъ очень возстаетъ противъ вашей послѣдней книги. Жаль, что я ея не читалъ“. Наконецъ письмо достигло и Иванова: „Художникъ-живописецъ, говоритъ Н. С. Тихонравовъ, прочелъ публичную отповѣдь художника-поэта начальству Академіи Художествъ: загадочныя предсказанія объяснились,—и подъ первымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго Ивановъ пишетъ Гоголю въ началѣ 1848 г.: „Какъ ни закаивался я ни къ кому не писать писемъ, но ваша статья обо мнѣ насильно водитъ перо и руку. Цѣлую и обнимаю васъ въ знакъ совершеннаго съ вами замиренія и возвращаюсь опять въ то положеніе, когда, смотря на васъ съ глубочайшимъ уваженіемъ, вѣрилъ и покорствовалъ вамъ во всемъ. Одно мнѣ позвольте возразить противъ слѣдующихъ словъ вашей статьи: „Ивановъ ведетъ жизнь истинно-монашескую“. Я очень бы не отказался имѣть женой монахиню-женщину, занятую преслѣдованіями собственныхъ своихъ пороковъ! Я опять испугался людей, чувствую себя нѣсколько разстроеннымъ и потому боюсь въ этомъ положеніи являться обществу. Вотъ по-

чему и къ Герцену нейду. Новое политическое состояніе Рима требуетъ большаго времени, чтобы замѣтить важные и истинные плоды".

Этимъ вполнѣ заканчивается временная размолвка между этими великими художниками; съ этихъ поръ отношенія ихъ и письма дышатъ прежнею любовью.

А. Новицкій.

---

2) Письма Д. И. Писарева, писанныя имъ изъ-подъ ареста къ разнымъ лицамъ.[1]

Письма къ Г. Е. Благосвѣтлову.

(Письмо первое).

Ваше Благосвѣтліе! Вотъ мои планы:

1) Немедленно написать статью о произвольномъ зарожденіи, не съ спеціально-научной, и даже не съ философской, а съ общественной точки зрѣнія. Заглавіе будетъ такое: *„Подвиги европейскихъ авторитетовъ"*, то-есть, пакостныя интриги парижскихъ академиковъ. Мёнье даетъ для этого достаточные матеріалы.—Эта статья послужитъ точкою опоры и введеніемъ въ статьи о наукѣ и обществѣ, и о школѣ и жизни.

2) Кончивши произвольное зарожденіе, я засяду читать и писать о школѣ и жизни. Эту статью надо продумать основательно и написать блистательно. Объ одномъ тебя прошу: не мѣшай мнѣ, то-есть, не торопи меня, и не суй мнѣ въ руки другой работы, пока я не кончу этой. Всякіе матеріалы, какіе ты имѣешь въ виду по *наукѣ и обществу*, присылай немедленно. Имѣя всѣ матеріалы подъ руками, я самъ какъ можно лучше обдумаю и распланирую этотъ сюжетъ. За то, чтò ты прислалъ—спасибо. Все это очень пригодится. По случаю майской книжки, я себѣ всѣ пальчики облизалъ. Особенно хороши: „Домашняя лѣтопись" и статья Зайцева объ утилитаризмѣ. Но зачѣмъ ты такую паршиво-тонкую бумагу завелъ? Книжка вышла на видъ совсѣмъ чахоточная. А „Зоологическіе очерки", по-моему, вышли очень недурны. Увидишь, что они понравятся публикѣ.

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* №№ 1 и 2.

Совѣтую тебѣ заказать Зайцеву къ іюльской книжкѣ большую критическую статью, потому-что я, погрузившись въ *школу и жизнь*, попрошу меня на этотъ мѣсяцъ уволить. Хорошо кабы Зайцевъ разобралъ, по своему обѣщанію, Маколея. Я, по его приказанію, написалъ вторую статью о Пушкинѣ; теперь пусть онъ меня послушаетъ. Обнимаю тебя, Соколова и Зайцева. Школу и жизнь я буду писать для I отдѣла, потому и прошу увольненія отъ II-го.

Д. Писаревъ.

(Письмо второе).

Григорій Евлампіевичъ! На твое послѣднее письмо отвѣчу тебѣ, что редакторство Соколова, по моему мнѣнію, очень удобно и полезно для журнала. Разногласіе его съ нами насчетъ утилитаризма ровно ничего не значитъ; это разногласіе въ словахъ; что же касается до идей, то по всѣмъ вопросамъ Соколовъ не только постоянно идетъ вмѣстѣ съ нами, но даже часто идетъ впереди насъ и прокладываетъ намъ дорогу. Мнѣ будетъ очень пріятно, если Соколовъ будетъ утвержденъ, и я надѣюсь, что ты, съ своей стороны, не будешь противиться его редакторству. До свиданія.

Д. Писаревъ.

* * *

Повѣрь, дитя, твою глубокую печаль
И безъ признанія я сердцемъ понимаю;
Мнѣ скорбь твоя близка, я за тебя страдаю,
Но мнѣ его еще, пожалуй, больше жаль.

Въ благоуханный май своей весны прекрасной
Ты встрѣтила его, впервые полюбя...
А для него насталъ уже сентябрь ненастный,
Когда такъ горячо онъ полюбилъ тебя.

Твоя душа теперь омрачена печалью,
Но чувство новое разсѣетъ гряды тучъ...
А солнце для него не заблеститъ за далью,
Съ тобой въ его душѣ погасъ послѣдній лучъ!.

А. Кругловъ.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

VI.

„Великій день Бородина“ для Гладстона насталъ въ понедѣльникъ, 13 февраля. Это дѣйствительно былъ бой, въ которомъ главный боецъ долженъ былъ или самъ погибнуть, или грозно заявить, „на страхъ врагамъ“, о своей несомнѣнной силѣ. Проектъ гомруля до послѣдней минуты былъ покрытъ глубокою тайной; вся Англія съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидала раскрытія ея; наконецъ проектъ появился.

Наканунѣ этого многознаменательнаго дня, обѣдая у одного изъ четырехъ министровъ, которымъ онъ былъ извѣстенъ заранѣе, я выразила удивленіе, что такая таинственность могла считаться необходимою. „Да она была уже потому обязательна, (отвѣчали мнѣ поспѣшно) что проектъ пересматривался и передѣлывался до сей минуты. Два часа тому назадъ до меня дошли еще кое-какія измѣненія. Къ тому же, какая польза въ лишней болтовнѣ, въ безконечныхъ спорахъ? Вѣдь ихъ и такъ будетъ не мало. Въ концѣ-концовъ побѣда останется за нами. Торіи это уже сознаютъ, хотя неясно. Лордъ Рандольфъ Черчиль, завзятый врагъ Гладстона, на-дняхъ допускалъ возможность такого окончанія, но пренія въ Палатѣ Общинъ, отъ перваго до втораго чтенія билля, вѣроятно, продолжатся не мало времени, а послѣ втораго чтенія подробности проекта будутъ обсуждаться разными комиссіями и подкомиссіями, и уже тогда перейдутъ въ Камеру Лордовъ“.

— Но вѣдь лорды несомнѣнно отвергнутъ все, что́ можетъ удовлетворить Ирландію? спросила я.

— Несомнѣнно, но тогда придется снова обращаться къ рѣшенію самой страны, устраивать митинги, разъяснять дѣло передъ народомъ, даже назначить новые всеобщіе выборы.

— Но эти выборы, развѣ они не подорвутъ слишкомъ рѣзко престижа Камеры Лордовъ?—полюбопытствовала я. Вѣдь эти обращенія къ народу—развѣ это не жалобы на Верхнюю Камеру, сопряженныя къ тому же съ большими тратами для членовъ Нижней Палаты?

— И то и другое иногда неизбѣжно. Во всякомъ случаѣ, завтрашній день будетъ минутой великаго торжества для Гладстона. Большинство англійскаго народа его поддержитъ!

Эти послѣднія ожиданія оправдались блистательно. Не берусь передать подробно восторженнаго пріема, оказаннаго Гладстону, какъ на улицѣ, такъ и въ самомъ Парламентѣ. Густая толпа народа отъ дома премьера до самой Вестминстерской залы ожидала его появленія нѣсколько часовъ сряду. То же самое повторилось и въ самой Камерѣ. Мѣста добывались чуть ли не съ боя; Торіи, не менѣе либераловъ, жаждали услышать великаго оратора, и многіе изъ нихъ, забывъ какъ будто вовсе свою политическую рознь, восторженно привѣтствовали его появленіе. Рукоплесканія, маханіе платками и шляпами не прекращались. Наконецъ, громкимъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, но обдуманно взвѣшивая каждое слово, началъ Гладстонъ свою глубоко-потрясающую рѣчь. Это была великая страница въ исторіи Великобританіи!

Самая поразительная, можетъ-быть, черта этой рѣчи заключается въ горячемъ воззваніи Гладстона къ совѣсти англійскаго народа, въ укоризненномъ напоминаніи священныхъ обязанностей его въ отношеніи Ирландіи, обязанностей, попираемыхъ ногами цѣлое столѣтіе; но эта сторона воззванія прошла почти незамѣченною всею англійскою прессой, какъ будетъ видно изъ подробныхъ выписокъ, которыя я сдѣлаю изо всѣхъ главныхъ великобританскихъ газетъ. Президентъ Нижней Палаты—„спикеръ"—въ то же время и ея представитель, къ которому обращаются всѣ, говорящіе рѣчи въ стѣнахъ Камеры Общинъ. Такъ сдѣлалъ и Гладстонъ.

„Г. спикеръ!—началъ онъ—позвольте напомнить Палатѣ, что голоса, обыкновенно раздававшіеся въ защиту ирландскаго самоуправленія, почти совершенно смолкли здѣсь въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ. Я поэтому возвращаюсь къ 1886 году,

когда тогдашнее правительство, то-есть, того же Гладстона, предложило подобную же мѣру, и я позволю себѣ припомнить Палатѣ взгляды иниціаторовъ этой реформы. Мы вамъ тогда сказали, что въ отношеніи Ирландіи слѣдовало избрать одну изъ двухъ дорогъ: автономію или насильственное усмиреніе. Палата, конечно, помнитъ, что она упорно отрицала наше утвержденіе. Хотя и не всѣ, но очень многіе члены, несогласные съ правительствомъ, говорили: „О, нѣтъ, мы отрицаемъ неизбѣжность такой дилеммы; мы не приверженцы насилія и принужденія, но мы также противимся автономіи". Кто жь оказался правымъ? Волей-неволей, воспротивясь автономіи, нашимъ оппонентамъ пришлось прибѣгнуть къ насильственному усмиренію. Но я считаю долгомъ обратить вниманіе Палаты на тотъ несомнѣнный фактъ, что усмиреніе—такой методъ, который нельзя примѣнять вѣчно и съ абсолютною однообразностью.

„Если мы вспомнимъ начало нынѣшняго столѣтія, мы увидимъ, что лишь 10 или 12 лѣтъ оказались свободными отъ такого насильственнаго режима. Въ теченіе несравненно болѣе продолжительнаго періода, а именно отъ 1832 до 1886, прошло только два года въ Ирландіи безъ унизительной и позорной ноты репрессивныхъ мѣръ. А послѣ 1886 года эти „исключительныя" мѣры даже закономъ превращены въ постоянныя. Перехожу къ моему первому доводу. Я утверждаю, что постоянная система усмиренія, насильно навязанная странѣ извнѣ, вопреки голосу и мнѣнію большинства конституціонныхъ представителей, составляетъ такое положеніе дѣлъ, самое существованіе котораго уничтожаетъ гармонію, благоустройство, политическую прочность и истинную цивилизацію въ нашей странѣ. Всѣ обѣщанныя реформы улетучились, оставивъ вмѣсто себя суровую дѣйствительность".

Далѣе Гладстонъ подробно разбираетъ главныя условія соединенія Ирландіи съ Великобританіей.

„Я воздержусь отъ порицаній, къ сожалѣнію, вполнѣ заслуженныхъ, и лишь укажу на фактическія обстоятельства дѣла. Когда эта „унія" была предложена Ирландіи, даже тѣ, которые сочувствовали ей въ принципѣ, сознавали, что она облечена была въ ненавистную форму. Въ 1799 году Ирландскій Парламентъ, при первомъ чтеніи этого проекта, его отвергнулъ. По этому поводу епископъ Клонфертскій Юнгъ, хотя сторонникъ такого соединенія, сдѣлалъ однако слѣдующее откровенное признаніе:—„Къ

сожалѣнію, эта великая мѣра не прошла; но трудно было и ожидать другаго исхода. Присоединеніе унизительно для народа, обладающаго собственнымъ Парламентомъ, съ наружнымъ видомъ полной независимости". Затѣмъ епископъ старается доказать, почему такое соединеніе Ирландіи съ Англіей все-таки должно будетъ состояться со временемъ. Его польза заключаться будетъ въ торговомъ равенствѣ, но, главнымъ образомъ, въ обѣщанномъ равенствѣ передъ закономъ, или въ другихъ словахъ, одинаковой системѣ законовъ, долженствующихъ управлять страной. Въ этомъ должно было состоять вознагражденіе Ирландіи за потерю ея отдѣльнаго Парламента, этого символа ея національной жизни. Посмотримъ же, было-ли осуществлено обѣщанное равенство? Тогдашній товарищъ министра, г. Кукъ, которому вслѣдъ за лордомъ Кастлери (Castlereagh) принадлежитъ честь, или порицаніе за унію, издалъ весьма важную правительственную брошюру, подъ названіемъ *Доводы за и противъ уніи съ Великобританіей*, изъ которой я лишь приведу одинъ отрывокъ: „унія предполагаетъ что, по ея совершеніи, договаривающіяся государства будутъ связаны воедино тою-же конституціей, тѣми-же законами и однимъ правительствомъ, тождествомъ интересовъ и одинакими преимуществами".

Кукъ сдѣлалъ, кромѣ того, одно пророчество, которое заключаетъ для насъ поучительный урокъ: очертивъ тогдашній Ирландскій Парламентъ, изобиловавшій краснорѣчіемъ и государственною мудростью, въ лицѣ Граттона (Gratton), Понсомби, Фостера и многихъ другихъ государственныхъ мужей, созрѣвшихъ на ирландской почвѣ, Кукъ восклицаетъ: „Ирландцы несомнѣнно будутъ засѣдать въ новообразованномъ кабинетѣ Великобританіи".

Какова-же была судьба этого пророчества? Два Ирландца, оба по-своему знаменитые, одинъ изъ которыхъ даже пользовался всемірною славой, засѣдали въ кабинетѣ Великобританіи, лордъ Кастлери и герцогъ Веллингтонъ, но и тотъ, и другой были произведены Ирландіей въ періодъ ея независимаго Парламента. Я имѣлъ честь засѣдать въ кабинетахъ королевы съ цѣлыми шестью или семью десятками государственныхъ мужей, среди которыхъ, за единственнымъ исключеніемъ герцога Веллингтона, не было ни одного Ирландца. (*Одобреніе*). Вотъ какъ оправдались ожиданія г. Кука! Но я возвращусь къ обѣщанію равныхъ законовъ, исходившему отъ болѣе высокаго лица, именно, отъ самого г. Питта, употребившаго въ своей рѣчи знаменитое и

всѣмъ памятное изреченіе, которое онъ пояснилъ слѣдующими словами: „Каждая страна сохранитъ свой пропорціональный вѣсъ и значеніе подъ обезпеченіемъ равнаго закона". Но это не осуществлено: вы не только не дали этихъ равныхъ законовъ, но и не пытались исполнить этихъ обязательствъ уніи. Вознагражденіе, цѣной котораго унія была куплена у Ирландіи, выхвачено у нея или оно никогда не было уплачено, а нарушенныя обѣщанія записаны, къ несчастію, на вѣки въ исторіи вашей страны. (*Громкія рукоплесканія*). Разсмотримъ же теперь дѣло по отношенію къ настойчивости и самозащитѣ Ирландцевъ. Въ теченіе долгаго времени, отъ начала нынѣшняго столѣтія, Ирландія, какъ политическое существо, походило на остовъ, лишенный жизни. Отъ 1832 г., когда началось ея возрожденіе, вплоть до 1885 г. изъ ея представителей тѣ, которые требовали возвращенія ей хотя чего-нибудь похожаго на конституціонныя права и фактическое самоуправленіе, составляли меньшинство. Но по какой причинѣ? Принимая во вниманіе отрадный и общепризнанный фактъ, что мы конституціонный народъ, то-есть, народъ управляемый нашимъ большинствомъ, я не могу не удивляться, что такъ мало вниманія было обращено на слѣдующее обстоятельство: тогда какъ до 1885 года желанія самоуправленія со стороны Ирландцевъ предъявлялись лишь меньшинствомъ, да и то весьма незначительнымъ, ея представителей, съ 1885 года, подъ защитой вновь введенной тайной подачи голосовъ, они почувствовали себя независимѣе, и изъ 101 ирландскихъ членовъ Великобританскаго Парламента 85, или $^5/_6$ такъ-называемыхъ націоналистовъ—теперь высказываются въ пользу самоуправленія.

Почтенные джентельмены, повидимому, пренебрегаютъ такимъ большинствомъ; но помнятъ ли они, что въ Англіи такого большинства $^5/_6$ ни было не единаго разу? За послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ ни одинъ Англійскій Парламентъ къ нему даже не приблизился. Первый, въ которомъ я имѣлъ честь засѣдать, въ декабрѣ 1832 года, имѣлъ самое значительное большинство, извѣстное въ нашей исторіи. Но и партія сэръ Роберта Пиля, къ которой я принадлежалъ, имѣла никакъ не болѣе 150 человѣкъ, или вѣрнѣе 140. Тогдашнее большинство, такимъ образомъ, далеко не достигало той точки, на которой теперь стоитъ большинство ирландское. Если принципъ самоуправленія не химера, онъ можетъ осуществиться только механизмомъ и законами представительства. Если этотъ принципъ есть нѣчто дѣйствительное, то

настойчивый голосъ ирландскаго народа во всякомъ случаѣ составляетъ важный факторъ въ этомъ вопросѣ. Было замѣчено и вполнѣ основательно, что Ирландія—разъединенная страна. Дѣйствительно, она и теперь еще не объединена; и хотя конституціонный авторитетъ ея голоса, по-моему, неоспоримъ, я не отрицаю, что существующее въ этой странѣ раздѣленіе составляетъ общественный фактъ большой важности. Будь она соединена, ваша оппозиція исчезла бы какъ тѣнь и замолкла бы навсегда. Еслибъ Ирландія могла быть грозною для Англіи, то именно единство ея могло бы усилить ея грозность. Но его нѣтъ. Въ одной небольшой части страны національное движеніе встрѣчаетъ отпоръ какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ слояхъ. По этому поводу я укажу на одно весьма интересное и вѣское обстоятельство. Обыкновенно говорятъ, какъ и сказалъ, кажется, теперешній вождь оппозиціи, раздѣлявшей его мнѣніе, что меньшинство на сѣверѣ Ирландіи *неизмѣнно* и упорно сопротивлялось и сопротивляется требованію автономіи. (*Громкія рукоплесканія оппозиціи).* Но неизмѣнность какого-либо рѣшенія можетъ быть доказана лишь тѣмъ, что оно никогда не измѣнялось. (*Громкія рукоплесканія министеріалистовъ.)* Этого на дѣлѣ нѣтъ; исторія говоритъ не то. Къ несчастію, враги единодушнаго ирландскаго народа вызвали въ исходѣ прошлаго столѣтія разногласія, разногласія посредствомъ демона религіозной вражды. Въ періодъ существованія независимаго Ирландскаго Парламента сами протестанты были не только добровольными, но и усердными и восторженными защитниками Ирландской національности. Они даже предводительствовали римско-католическимъ населеніемъ въ политической борьбѣ, ознаменовавшей тотъ періодъ ирландской исторіи. Это записано исполинскими буквами въ исторіи того времени. Я только упомяну одинъ мелкій, но полный значенія инцидентъ. Въ ноябрѣ 1792 года собрался соборъ римскихъ католиковъ въ Дублинѣ, представлявшій разныя части страны. Существуй тогда вражда между соотечественниками разныхъ вѣрованій, она, конечно, неминуемо бы проявилась именно при такихъ обстоятельствахъ. Этотъ соборъ, „Конвентъ“, толковавшій о политической равноправности, носилъ названіе улицы, гдѣ собирались члены Парламента, Блакленовской (Black-Lane, Черная улица).

Куда же впервые обратилась комиссія Конвента, назначенная для оповѣщенія своихъ требованій? Она прежде всего направилась въ протестантскій Бельфастъ. И какой пріемъ встрѣ-

тила она со стороны мѣстныхъ народныхъ массъ? Населеніе, какъ одинъ человѣкъ, высыпало имъ на встрѣчу, выпрягло лошадей и устроило имъ тріумфальный въѣздъ, волоча на себѣ ихъ карету вдоль улицъ всего города. Вотъ каковы были чувства протестантовъ Ирландіи сто лѣтъ тому назадъ; чувства эти измѣнились, „какъ намъ кажется, къ худшему. Но протестанты могутъ возвратиться къ вѣротерпимости ихъ собственныхъ предковъ, ихъ собственной крови, ихъ собственнаго народа, образуя одно благородное и славное цѣлое со своими остальными соотечественниками.“ (*Сильныя рукоплесканія Ирландцевъ и Гладстонцевъ.*)

Какъ видите, тогда розни въ средѣ Ирландскаго народа еще не было, оранжистская ложь еще не породила въ Ирландіи религіозной ненависти!

Самую суть билля Гладстонъ излагаетъ въ такихъ словахъ:

„Главная цѣль этого билля состоитъ въ учрежденіи законодательнаго собранія, имѣющаго засѣдать въ Дублинѣ и контролировать какъ законодательныя, такъ и административныя дѣла Ирландіи. Но эта важная цѣль должна совпадать съ другою, а именно, съ безусловнымъ сохраненіемъ цѣлости имперскаго единства, находящаго свое выраженіе въ верховной власти Парламента.“

Цѣлость Имперскаго Парламента.

Это предисловіе очень важно, ибо оно указываетъ на право Имперскаго Парламента законодательствовать для какой бы то ни было части Имперіи. Право это фактически, но не юридически, ограничивается передачей нѣкоторыхъ полномочій Ирландскому Парламенту, и къ нему можно прибѣгнуть лишь въ случаѣ крайней и печальной необходимости. Цѣлость же и верховность Имперского Парламента выразительно сохраняется новымъ биллемъ, что и составляетъ его крупное отличіе и преимущество предъ биллемъ 1886 года.

Объ удержаніи ирландскихъ членовъ г. Гладстонъ выражается такъ:

„Я долженъ возразить противъ одного мнѣнія, которое я считаю опаснымъ. Намъ говорятъ, что безъ удержанія ирландскихъ членовъ не можетъ быть и верховной власти надъ Ирландіей. Я никакъ не раздѣляю этого взгляда, который расшатываетъ и разрушаетъ однимъ ударомъ верховную власть въ этой странѣ

и даже за предѣлами Соединеннаго Королевства, надъ обширными и разнообразными колоніями Имперіи. Я, однако, признаю великую практическую важность удержанія ирландскихъ членовъ, какъ видимое, общепонятное и дѣятельное проявленіе верховной власти. Кромѣ того, оно даетъ Ирландіи голосъ во всѣхъ имперскихъ дѣлахъ, которыми, какъ я надѣюсь, они вскорѣ будутъ интересоваться. (*Одобреніе.*) Оно еще имѣетъ третье преимущество, въ виду невозможности устраненія финансовой связи между обѣими странами, не прибѣгая къ неудобной системѣ двоякихъ сортовъ договоровъ и коммерческихъ уставовъ."

Полномочія ирландскихъ членовъ.

Вопросъ въ томъ, должна ли Ирландія вотировать всѣми своими голосами по чисто британскимъ дѣламъ или нѣтъ? Я ставлю вопросъ въ чисто парламентской формѣ: да или нѣтъ? Есть основанія для того и другаго отвѣта. (*Смѣхъ.*) Я иду дальше, каждый изъ нихъ имѣетъ сильныя основанія. (*Смѣхъ повторяется.*) Я сдѣлаю еще одинъ шагъ и скажу вамъ, что я и теперь не совсѣмъ увѣренъ, какъ Палата Общинъ посмотритъ на этотъ вопросъ. (*Громкій смѣхъ и рукоплесканія.*)

Абсолютное равенство членовъ.

Мнѣ возражаютъ, что если ирландскіе члены не будутъ голосовать по всѣмъ вопросамъ, то нарушится великая парламентская традиція безусловнаго равенства членовъ этой Палаты. (*Одобреніе.*) Признаюсь, что этотъ доводъ близко меня затрогиваетъ и врѣзывается, такъ-сказать, глубоко въ душу и сердце человѣка, имѣвшаго долгій парламентскій опытъ, и жизнь котораго связывалась съ управленіемъ этою страной. Не могу выразить, милостивый государь, той цѣны, какую я придаю этому принципу безусловнаго парламентскаго равенства. Старъ ли человѣкъ или молодъ, богатъ или бѣденъ, знатенъ онъ или плебей, талантливъ или неспособенъ, съ положеніемъ или безъ него: я утверждаю, вопреки всѣмъ чисто условнымъ соображеніямъ, что существенное равенство всѣхъ членовъ этой Палаты составляетъ принципъ величайшей важности. Онъ образуетъ часть, да и важную часть условій, окружающихъ нашу жизнь и составляющихъ, въ значительной мѣрѣ, нашу сущность и внутреннее содержаніе. (*Рукоплесканія.*)

Ограниченіе голосованія.

Но я приступлю къ доводамъ, ихъ немного, противъ всеобщаго права голосованія. Разумѣется, трудно сказать, что всѣ дѣла можно строго разграничить, что на одной сторонѣ будетъ все ирландское, а на другой все имперское; но нѣтъ сомнѣнія, что для большинства дѣлъ можно провести различіе. Если вы меня спросите о пропорціи, то скажу, что девять десятыхъ, девятнадцать двадцатыхъ или даже 99/100 парламентскихъ дѣлъ можно легко классифицировать какъ ирландскія или имперскія. Вопросъ о раздѣленіи не всегда казался таковымъ. Но я признаю существованіе другой аномаліи. Несмотря на ихъ благія намѣренія и доказанныя способности, я считалъ бы аномаліей постоянное вмѣшательство ирландскихъ членовъ въ чисто и исключительно британскіе вопросы. По вопросамъ, касающимся не только Соединеннаго Королевства вообще, но и его частей, ихъ голосъ, въ указанныхъ предѣлахъ, можетъ считаться весьма необходимымъ. Хотя я не имѣю ничего противъ ирландскихъ членовъ и стараюсь относиться съ довѣріемъ ко всѣмъ, считая подозрительность обычнымъ грѣхомъ политиковъ (*рукоплесканія*), но мы, однако, не должны закрывать глаза настолько, чтобъ оставить свободный входъ сильному искушенію — злоупотреблять своимъ вмѣшательствомъ.

Право голоса по имперскимъ вопросамъ.

Тутъ есть большія трудности. Вслѣдствіе этихъ трудностей, мы вставили въ билль статьи, предусматривающія удержаніе полнаго числа ирландскихъ членовъ, ограниченіе ихъ права голоса, а равно и весьма важную защитительную оговорку, дѣлающую рѣшеніе каждой парламентской палаты абсолютнымъ и окончательнымъ по всѣмъ могущимъ возникнуть случаямъ, дабы не представлялось ни малѣйшей опасности столкновенія между этою великою властью и какою-либо судебною или другою властью. Я вкратцѣ укажу эти ограниченія.

1) Ирландскіе члены не участвуютъ въ голосованіяхъ по биллю или проекту, исключительно относящемуся до Великобританіи.

2) По налогамъ, не взимаемымъ въ Ирландіи.

3) По ассигновкамъ суммъ, которыя требуются не для имперской службы. Это не представитъ никакихъ затрудненій, такъ

какъ билль снабженъ рубрикой, подробно перечисляющей всѣ имперскія вѣдомства.

4) По всѣмъ предложеніямъ или резолюціямъ, исключительно касающимся населенія и собственности Великобританіи.

5) Они также отстраняются отъ голосованія при обсужденіи предыдущихъ пунктовъ.

Главой исполнительной власти въ Ирландіи будетъ вице-король, назначаемый на шесть лѣтъ, причемъ его вѣроисповѣданіе не берется въ соображеніе.

Вице-королевскій кабинетъ.

Одна очень важная статья учреждаетъ исполнительный комитетъ тайнаго совѣта въ Ирландіи.

Вице-королевское „вето“.

Вопросъ о неутвержденіи какого-либо билля, принятаго собраніемъ, зависитъ отъ вице-короля, по совѣщаніи съ исполнительнымъ комитетомъ, но подлежитъ окончательному усмотрѣнію королевы.

Двѣ ирландскія палаты.

Парламентъ Ирландіи состоитъ изъ двухъ палатъ; этой системѣ дано предпочтеніе по двумъ причинамъ; 1) на нее указываетъ англійская система, и 2) она обезпечиваетъ права меньшинства.

Законодательный Совѣтъ.

Въ виду слабости кабинета по назначенію, правительство предлагаетъ выборный Совѣтъ, ибо только при этомъ условіи учрежденіе это можетъ обладать жизненностью. Затѣмъ явился вопросъ: какъ отдѣлить Совѣтъ отъ народнаго собранія. Во-первыхъ, по числу, ибо будетъ не болѣе 48 совѣтниковъ; вовторыхъ, по сроку, ибо эти совѣтники будутъ засѣдать цѣлыхъ восемь лѣтъ. Кромѣ того, выборы въ Совѣтъ подлежатъ 20-фунтовому податному цензу, причемъ весь электоратъ дойдетъ приблизительно до 170.000 человѣкъ.

Законодательное Собраніе.

Нижняя Палата будетъ состоять изъ 103 членовъ, спеціально избранныхъ народомъ на пять лѣтъ. Палаты соберутся въ первый четвергъ сентября мѣсяца. По личной инціативѣ вице-короля денежнымъ биллямъ дается первоначальное движеніе лишь въ Нижней Палатѣ.

Полномочія Ирландскаго Парламента.

Переходя отъ состава Парламента къ его полномочіямъ, они опредѣляются словами билля, какъ право издавать законы для спокойствія, порядка и благоустройства Ирландіи по предметамъ, исключительно относящимся къ Ирландіи или какой-нибудь части ея.

Ограничительныя условія.

Различныя права и полномочія, даруемыя Ирландскому Парламенту, подлежатъ двоякаго рода ограниченіямъ:

1. Власти, сохраняемой за Имперскимъ Парламентомъ.

2. Спеціальнымъ ограниченіямъ, налагаемымъ на Ирландскій Парламентъ.

Подъ первый разрядъ подходитъ все. что̀ относится до правъ короны и вице-короля, до вопросовъ о мирѣ, войнѣ и оборонѣ государства, о договорахъ съ иностранными государствами; о всякихъ сношеніяхъ съ оными, о дарованіи сановъ и титуловъ; объ измѣнѣ и о потерѣ гражданства, о внѣшней торговлѣ, о чеканкѣ монетъ и нѣкоторые другіе.

Подъ второй разрядъ подходитъ обезпеченіе полной свободы религіозной и личной гражданъ Ирландіи.

Полиція.

Предлагается постепенное превращеніе констаблей въ чисто-гражданскую силу, посредствомъ ихъ постепеннаго упраздненія, при тщательномъ соблюденіи интересовъ этой замѣчательной и заслуженной команды. Въ теченіе періода ихъ упраздненія, они будутъ подвѣдомственны правительству, какъ представителю королевы. Такъ какъ предполагается ихъ замѣна штатомъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ ирландской власти, то этой послѣдней и предоставляется назначать полицію поодиночно въ тѣхъ околодкахъ, изъ которыхъ констабли будутъ удалены.

Финансы: ирландскій фондъ.

Переходя наконецъ къ финансамъ, г. Гладстонъ пояснилъ, что при удержаніи ирландскихъ членовъ, система „дани“, предложенная въ 1886 году оказывается излишней; онъ предпочелъ такъ-называемый „фондъ“. Таможенное, акцизное, почтовое и телеграфное законодательство останется имперскимъ; но Ирланд-

цамъ, по возможности, будетъ предоставлено распоряжаться пошлиннымъ фондомъ, вносимымъ Ирландіей для покрытія падающихъ на нее имперскихъ расходовъ. Валовая сумма оныхъ можетъ достигнуть 2.430.000 фунт., изъ которыхъ должно отсчитать 60.000 фунт. въ годъ на сборъ налога.

О поземельномъ вопросѣ.

Г. Гладстонъ замѣтилъ, что законодательство о землевладѣніи останется въ теченіе трехъ лѣтъ въ рукахъ Имперскаго Парламента.

„Нашъ проектъ, говоритъ онъ въ заключеніе, быть можетъ, весьма несовершененъ и требуетъ большихъ улучшеній. Мы надѣемся получить нужныя указанія отъ безпристрастнаго разсмотрѣнія Палаты, отъ критической оцѣнки вносимаго билля, какъ дружеской, такъ равно и враждебной. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ былъ достоинъ своей несомнѣнно-высокой цѣли, которая должна искупить нашу репутацію и славу отъ глубокаго и устарѣлаго безчестія. Это искупленіе совершится при увеличеніи и возвышеніи силы, величія и единства имперіи. Надѣюсь, что никто не оскорбится выраженіемъ моего глубокаго убѣжденія, что этотъ нашъ проектъ, или другой, по принципу съ нимъ тождественный, вскорѣ превратится въ законъ. Я только предвижу одну опасность: если споръ по поводу этого вопроса продлится неосновательною и неизвинительною оппозиціей, теперешнія требованія ирландскаго самоуправленія по чисто-ирландскимъ дѣламъ могутъ замѣниться требованіемъ объ отмѣненіи самой уніи и возстановленіемъ двойственной верховной власти на этихъ островахъ. Такой альтернативы я не въ состояніи устранить, и я считаю ее возможнымъ источникомъ грозящей опасности въ будущемъ. Мое желаніе: сдвинуть корабль со скалы. Надѣюсь, что вы вѣрно оцѣните теперешнее положеніе Ирландіи. Многое измѣнилось въ ея судьбѣ: Ирландія имѣетъ за себя память прошлыхъ побѣдъ, достигнутыхъ трудомъ и пóтомъ, но все же одержанныхъ ею и записанныхъ въ ея пользу. Она себѣ снискала могущественную симпатію на этомъ болѣе широкомъ и сильномъ островѣ; она получила голоса Шотландіи и Валлиса; въ самой же Англіи, въ послѣднія семь лѣтъ, она обратила большинство своихъ противниковъ изъ двухсотъ въ одну лишь треть этого числа. Ея избирательныя права значительно расширились и укрѣпились; но она ожидаетъ осуществленія еще

не достигнутыхъ ею цѣлей. Другой источникъ ея силы заключается въ умѣренности ея требованій. Если не *до*, то, во всякомъ случаѣ, *послѣ* 1886 года она отказалась отъ всякихъ протестовъ, на которые имѣла право, а просила васъ, удержавъ за собою верховную власть, даровать ей право управлять своими мѣстными дѣлами. На этомъ справедливомъ правѣ она настаиваетъ голосомъ своего народа, но я надѣюсь, милостивые государи, что это будетъ скоро требованіемъ и всего англійскаго народа. Палата безъ сомнѣнія убѣдится, что чѣмъ скорѣе она уступитъ, чѣмъ скорѣе она даруетъ Ирландіи просимыя у нея права, тѣмъ скорѣе она смоетъ всю прежнюю неправду и вражду, открывъ эру мира и взаимнаго благоволенія. Что же касается до меня, то я долженъ сказать, что я не могу, и никогда не захочу завѣщать отечеству наслѣдіе раздора. Этотъ раздоръ передавался изъ рода въ родъ почти безпрерывно вотъ уже семь столѣтій со всѣми его бѣдственными послѣдствіями. Я не хочу имѣть ни участія, ни удѣла въ такомъ процессѣ. Я бы считалъ несчастіемъ, еслибы въ послѣдніе годы моей жизни, я не воспользовался каждой доступной мнѣ возможностью, для успѣха дѣла принадлежащаго не партіи, секціи, или даже отдѣльной націи, а всѣмъ партіямъ и народностямъ этихъ острововъ. Взирая же на эти народы, на пути могущества и счастія въ дружномъ союзѣ, я обращаюсь къ вамъ, какъ бы со своей предсмертной мольбою: предоставивъ мертвымъ хоронить мертвыхъ, забросивъ всякое воспоминаніе о прошлыхъ бѣдствіяхъ, будемъ любить, миловать и поддерживать другъ друга во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ и испытаніяхъ." *(Громкія и продолжительныя рукоплесканія, причемъ либералы и націоналисты всѣ встаютъ съ мѣстъ и дружно привѣтствуютъ премьера.)*

Да, Гладстонъ какъ будто проникся стихами нашего дорогаго Тютчева:

„Единство—возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней—
Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью,
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ, что прочнѣй...

Постановка Ирландскаго вопроса будетъ намъ не вполнѣ ясна, если мы не ознакомимся съ сомнѣніями всѣхъ главныхъ органовъ печати, высказанными въ руководящихъ статьяхъ на слѣдующій день по внесеніи билля, какъ въ лондонской, такъ и

въ провинціальной прессѣ. Гладстонъ мнѣ не разъ говорилъ, что провинціальная пресса имѣетъ въ самой Англіи больше значенія, нежели столичная. Но за границей принято слѣдить исключительно за столичной, а потому я начну съ газеты *Times*—органа „Сити" и приверженца теперешней оппозиціи.

„И такъ, говоритъ *Times*—по предложенію г. Гладстона, ирландскіе члены Парламента должны оставаться въ Вестминстерѣ, но подъ условіемъ, совершенно непостижимымъ уму человѣческому.

Veto короны будетъ налагаться вице-королемъ Ирландіи, но этотъ вице-король долженъ повиноваться предписаніямъ министерства по сю сторону канала. Вмѣшательство или невмѣшательство имперской власти для защиты меньшинства отъ притѣсненій или ограбленія будетъ слѣдовательно зависѣть отъ того, насколько британскому правительству нужна будетъ поддержка какихъ-нибудь 60 ирландскихъ голосовъ. Примѣръ колоній лишь кажущійся и сюда не подходитъ. Особенно Ирландскій членъ Парламента г. Сэкстонъ, торжествуетъ при мысли, что новая реформа дастъ его партіи возможность карать англійскихъ политиковъ,когда они вздумаютъ вмѣшиваться въ ирландскія дѣла несогласно волѣ Ирландцевъ. Ясно, что финансовыя отношенія между Ирландскимъ и Англійскимъ Парламентами окажутся плодовитымъ источникомъ ссоръ. Ограниченія же, обусловливающія удержаніе ирландскихъ членовъ, исчезаютъ на практикѣ, ибо они могутъ не допустить внесенія проектовъ, по которымъ имъ самимъ нельзя голосовать.

Вотъ мнѣніе *Standard'a* (органа консерваторовъ).

„Послѣдній проектъ реформы г. Гладстона ничто другое, какъ повтореніе проекта 1868 года. Одна пустая форма замѣняется другою, избѣгая очевидныя затрудненія простымъ уклоненіемъ отъ ихъ разсмотрѣнія. Имперское veto на ирландское законодательство сводится къ конституціонной уловкѣ, скрывающей несомнѣнный фактъ, что на практикѣ уничтожается даже возможность серьезнаго контроля.

„Г. Гладстонъ предлагаетъ удержать ирландскихъ членовъ въ Вестминстерѣ, уступая изъ одной вѣжливости предразсудкамъ нѣкоторыхъ англійскихъ гладстонцевъ; льстя себя однако надеждой, что онъ ихъ устранитъ при первомъ удобномъ случаѣ, съ помощью голосовъ оппозиціи... Отчего г. Гладстонъ не обмолвился не единымъ словомъ о составѣ вице-королевскаго ка-

бинета? Если онъ будетъ состоять просто изъ министровъ, отвѣтственныхъ предъ ирландскимъ законодательнымъ собраніемъ, то имперское veto исчезаетъ. Если же допустить, что инструкціи коронныхъ совѣтниковъ въ Вестминстерѣ кассируютъ рѣшеніе Совѣта, то это, во всякомъ случаѣ, обезпечиваетъ неминуемость столкновеній, при которыхъ сонмъ ирландскихъ членовъ въ Вестминстерѣ сумѣетъ играть свою роль".

Morning (новая консервативная газета) пишетъ:

„Удержаніе Ирландскаго контингента въ Вестминстерѣ лишаетъ билль, въ его первоначальной формѣ, всякаго raison d'être. Преслѣдуя свои личныя цѣли, 83-лѣтній Гладстонъ не только жертвуетъ зрѣлыми убѣжденіями, если ихъ можно назвать убѣжденіями, своего 76-лѣтняго возраста, но и впредь широко раскрываетъ ворота абструкціи. Хотя ирландскіе члены и исключаются отъ голосованія по чисто великобританскимъ дѣламъ, они, однако, вправѣ требовать распространенія такого билля или проекта и на Ирландію; это очевидно, превращаетъ теоретическую разницу между имперскими и мѣстными дѣлами въ простую шутку".

Daily Telegraph (преимущественно консервативно-еврейскій органъ) въ подробности не входитъ. Вотъ суть его статьи:

„Огромная толпа народа собралась посмотрѣть на безпримѣрное въ исторіи зрѣлище, на маститаго государственнаго человѣка, который на 84 году своей жизни пытается учредить конституцію, даже создать новую страну. Это дѣйствительно чудесный, физическій и умственный tour de force, но онъ не имѣетъ даже и малѣйшаго сходства съ государственной мудростью".

Morning Post—газета, не претендующая на большую политическую роль; она всего болѣе интересуется свѣтской жизнію, описывая балы, обѣды, вечера, пріѣзды и выѣзды изъ Лондона и т. д.,—это органъ такъ-называемыхъ „высшихъ десяти тысячъ" англійскаго общества — очень распространенный. Вотъ ея приговоръ.

„Болѣе пустой фантастическій проектъ еще никогда не былъ представленъ цивилизованному собранію. Ирландскимъ членамъ дается совершенно исключительная роль въ составленіи британскихъ министерствъ. Всякій Ирландскій Парламентъ будетъ агитировать въ направленіи окончательнаго раздробленія Соединеннаго Королевства. При каждой борьбѣ британскихъ партій ирландская партія могла бы законтрактовать себя тому, кто

ей больше предложить выгодъ, такъ что вся болтовня объ имперской верховности улетучится въ видѣ тонкаго пара. Великій Имперскій Парламентъ сталъ бы принимать въ число своихъ министровъ ирландскихъ кандидатовъ.

Daily Chronicle—(органъ низшихъ слоевъ, вдается иногда въ возмутительную вульгарность, но въ числѣ сотрудниковъ имѣетъ нерѣдко очень даровитыхъ людей).

„Статья объ удержаніи ирландскихъ членовъ и о сохраненіи цѣльности Имперскаго Парламента, составляетъ главную черту новаго билля, одинаково рекомендующую его, по нашему мнѣнію, народу Великобританіи и Ирландіи; между тѣмъ какъ безъ нея этотъ билль не имѣлъ бы ни малѣйшаго шанса попасть въ сводъ законовъ. Удивительно, что послѣ семилѣтнихъ споровъ, г. Гладстонъ и теперь еще говоритъ объ удержаніи ирландскихъ членовъ, какъ о чемъ-то второстепенномъ, а не какъ о существенно-важномъ. Мы можемъ его увѣрить, что это существенно, что это дѣло не второстепенной, а безусловной важности. Еслибъ онъ, почему-либо, опять вздумалъ представить отверженную 24 статью, то ему пришлось бы убѣдиться, что билль потеряетъ черезъ это свою жизненность и сдѣлаетъ гомруль невозможностью для нашего поколѣнія. Новый билль весьма остроумнымъ образомъ устраняетъ ирландскій голосъ по не-ирландскимъ дѣламъ. Г. Гладстонъ даже не обмолвился о томъ, что вопросъ объ автономіи существуетъ повсемѣстно. Но когда Валлійцы и Шотландцы найдутъ, что они лишились помощи Ирландцевъ по ихъ собственнымъ дѣламъ, то они станутъ требовать защиты отъ враждебныхъ голосовъ англійскихъ членовъ, что́ естественно поведетъ, наконецъ, къ полному изъятію мѣстныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія Имперскаго Парламента. Конституція ирландскаго законодательнаго собранія по новому биллю во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ проектъ 1886 года. Ирландскій вице-король будетъ имѣть такую же власть при введеніи законовъ въ Ирландіи, какую имѣетъ губернаторъ въ одной изъ нашихъ самоуправляющихся колоній. Въ обычномъ порядкѣ онъ будетъ дѣйствовать по совѣту своихъ ирландскихъ министровъ, но въ непредвидѣнныхъ случаяхъ или же когда имперскіе интересы будутъ затронуты, онъ обратится за инструкціями въ Downing Street. Такое устройство, на нашъ взглядъ, достигаетъ всѣхъ цѣлей дѣйствительнаго veto. Налагаемыя на ирландское законодательное собраніе ограниченія вполнѣ защищаютъ меньшинство

отъ всѣхъ видовъ духовнаго преобладанія или несправедливостей въ дѣлѣ воспитанія".

Daily Graphic (иллюстрированная газета безъ опредѣленной политической окраски—одна изъ самыхъ распространенныхъ) утверждаетъ, что „ирландскими голосами въ палатѣ можно будетъ свергать министерство, обладающее довѣріемъ Великобританіи, а ирландская бригада будетъ имѣть возможность приводить въ застой весь англійскій законодательный корпусъ. Удержаніе ирландскихъ депутатовъ въ Англійскомъ Парламентѣ вводится наперекоръ желанію самого Гладстона и составляетъ уступку давленію извнѣ".

Изъ *Daily News* (органъ либераловъ).

„Невѣроятно, чтобы ирландское министерство совѣтовало запрещеніе своихъ собственныхъ биллей. Но, еслибы прошелъ какой-нибудь билль, нарушающій основныя начала какой-либо части подданныхъ ея величества, лордъ-намѣстникъ получилъ бы отъ британскихъ королевскихъ министровъ въ Downing Street инструкцію воспрепятствовать его узаконенію. Это очень и сильное и существенное обезпеченіе противъ возможности якобинскаго законодательства, котораго будто бы боится „лояльное меньшинство" (ульстеръ). Но есть еще гарантія совсѣмъ другого рода. Мы не поклонники вторыхъ палатъ или того, что Джонъ Брайтъ называлъ „фантастическимъ электоратомъ"; но приходится дать практическое удовлетвореніе требованію защиты со стороны меньшинства, и всѣ должны признать, что оно ее получило".

Изъ *Morning Leader*. (Либер.)

„Англичане не могутъ рѣшиться на такую великую перемѣну, какъ полное удаленіе д-ра Таннера и полковника Сандерсона изъ британской Палаты Общинъ. Англійскій Парламентъ безъ Ирландцевъ былъ бы скучнѣе городской думы, а либеральная партія, во всякомъ случаѣ, осталась бы въ меньшинствѣ до истеченія столѣтія."

Провинціальныя мнѣнія.

Изъ *Birmingham Post* (органъ—либераловъ-уніонистовъ).

„Для уніонистовъ, какъ консервативнаго, такъ и либеральнаго лагеря, настоящій проектъ будетъ такъ же невозможенъ, какъ и билль 1886 г., ибо онъ стремится къ тому же органическому разрыву, который составлялъ порокъ того билля. Онъ фактиче-

ски создаетъ соперника Имперскому Парламенту и предоставляетъ ульстеръ, лишенный всякой защиты, милости и нѣжности національнаго собранія и дублинскаго правительства. На практикѣ этотъ билль не можетъ удовлетворить Ирландію, ни гарантировать Великобританію. Онъ фактически игнорируетъ или уступаетъ верховность Имперскаго Парламента, ибо она защищена лишь номинально, фиктивною фразой. Онъ даетъ возможность ирландскимъ членамъ вліять на англійское законодательство, контролируя имперское правительство и пользуясь этимъ контролемъ для проведенія новыхъ ирландскихъ требованій. Онъ облагаетъ британскихъ налогоплательщиковъ лишнимъ бременемъ, уменьшая участіе Ирландіи въ имперскихъ расходахъ, и вполнѣ освобождаетъ Ирландію отъ участія въ экстренныхъ расходахъ, какъ, напримѣръ, въ случаѣ войны. Въ самой Ирландіи меньшинство ставится въ полную зависимость отъ національнаго большинства, ибо предлагаемый законодательный совѣтъ—чистая иллюзія. Онъ не даетъ ни малѣйшей надежды на окончательное улаженіе ирландскаго затрудненія, ибо онъ на каждомъ шагу вызываетъ и поощряетъ агитацію на дальнѣйшія уступки, долженствующія вести прямо къ конечной цѣли независимости.“

Изъ *Manchester Examiner* (либ.-ун.). „Билль этотъ полонъ неудобствъ, начиная отъ назначенія губернатора коронной колоніи, вмѣсто теперешняго намѣстника, съ фактически верховною властью, особенно подверженнаго вліянію нахальнаго клерикализма“.

Изъ *Birmingham Gazette* (консервативный). „Этотъ проектъ та же старая политика разрыва, прозрачно-скрытая нѣсколькими формальными словами въ предисловіи, но еще болѣе ненавистная вслѣдствіе удержанія въ Вестминстерѣ плотной группы обструкціонистовъ по профессіи. Неужели кто-нибудь воображаетъ, что при нашей конституціонной системѣ королева рѣшится наложить „вето“ на планъ автономіи, на основаніи ея личнаго нерасположенія къ нему. А кто же повѣритъ, что намѣстникъ, облеченный вице-королевской властью, станетъ дѣйствовать болѣе смѣло или менѣе конституціонно, чѣмъ государыня, отъ которой исходятъ его полномочія? Для защиты же меньшинства, законодательный совѣтъ—чистая фикція, и билль не представляетъ никакой вѣрной гарантіи для протестантскаго меньшинства“.

Изъ *Liverpool Courier* (консерв.). „Гдѣ же тутъ хоть одна дѣй-

ствительная гарантія для вѣрноподданнаго, протестантскаго и процвѣтающаго ульстера?"

Изъ *Manchester Courier* (консерв.). „Назначеніе вице-королями лицъ, чуждыхъ политикѣ, не можетъ служить никакой гарантіей меньшинствамъ. Въ ирландскихъ дѣлахъ, неполитическій вице-король является лишь деликатнымъ выраженіемъ политическаго ничтожества. Ирландскіе лойалисты теперь знаютъ, какъ они впрочемъ знали и раньше, что ихъ передаютъ беззащитными ихъ врагамъ. Единственное обезпеченіе верховной власти Имперскаго Парламента заключается въ нѣсколькихъ пустыхъ словахъ въ предисловіи; а билль обѣщаетъ бросить всю систему нашего представительнаго правленія въ хаотическій безпорядокъ и замѣнить парламентскій контроль разложеніемъ анархіи".

Изъ *Sheffield Telegraph* (консерватив.). „Робкіе англійскіе гладстонцы, утверждавшіе все время, что гомруль не важнѣе дѣла о газометрахъ и водокачальняхъ, должны теперь открыть, наконецъ, свои глаза. Это—созданіе особаго законодательнаго учрежденія, долженствующаго управлять страною такъ же прямо и авторитетно, какъ и автономныя колоніи. Вообразите какой-либо важный національный кризисъ о войнѣ или мирѣ, происходящій именно въ такое время, когда Ирландцы обращаются съ новыми требованіями къ Англійскому Парламенту. Каково будетъ тогда положеніе? Слѣдуетъ-ли наполнить Имперскій Парламентъ людьми, все прошлое которыхъ было рѣзко непріязненно къ британскимъ интересамъ, которые ликовали при каждомъ пораженіи англійскаго оружія и при каждомъ торжествѣ нашихъ непріятелей; которые кричали ура въ честь Махди и радовались рѣзнѣ нашихъ храбрыхъ солдатъ Боэрами? Если наше отечество рѣшается на такой шагъ къ раздробленію и позору, то мы заслуживаемъ самыхъ тяжкихъ бѣдствій".

Изъ *Yorkshire Post* (консерв.). „Билль не даетъ достаточной защиты меньшинствамъ, а предлагаемыя оговорки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже менѣе значительны, чѣмъ въ проектѣ 1886 г. Онъ не предусматриваетъ ясно и выразительно необходимость дать каждому обитателю Ирландіи право аппеляціи о защитѣ въ Имперскій Парламентъ".

Изъ *Newcastle Journal* (консерв.) „Единственная оговорка о контролѣ парламента заключается въ предисловіи; это представляется чистой насмѣшкой! Единственная же гарантія, предлагаемая лойалистамъ и Ульстеру, состоитъ въ совѣтѣ, имѣющемъ

избираться по 20-фунтовому цензу. „Вето“ короны можетъ быть наложено посредствомъ спеціальныхъ инструкцій лорду-намѣстнику, но оно сведется къ уже устарѣлому чисто формальному королевскому „вето“. Судьба помѣщиковъ предоставляется усмотрѣнію Дублинскаго Парламента, между тѣмъ какъ дѣло ульстера оставлено безъ всякаго вниманія“.

Изъ *Exeter Gazette* (консерв.). „Намъ быть можетъ скажутъ, что г. Гладстонъ не даетъ націоналистамъ безусловной независимости. Можно съ такимъ же основаніемъ утверждать, что, давая фалы въ руки человѣку, желающему сорвать знамя уніи (Union Jack), вы ему однако не велите топтать подъ ногами англійскій флагъ“.

Western Morning News (либерало-уніонистъ) ожидаетъ смутъ отъ предлагаемаго права *Veto*.

„Если восторжествуютъ непримиримые, то они насъ принудятъ къ вооруженному вмѣшательству, если мы не предпочтемъ согласиться на предложенія, стремящіяся къ отдѣленію. Кромѣ того, Ирландцамъ не трудно будетъ обратить любой вопросъ въ имперскій. Они будутъ имѣть голосъ въ веденіи нашихъ дѣлъ; мы же будемъ лишены всякаго контроля надъ ихъ дѣлами. Весь планъ переполненъ затрудненіями, и билль придется разбирать и критиковать строчку за строчкой.

Изъ *Newcastle Chronicle* (органъ уніониста—Ковена): „билль этотъ покажется слишкомъ радикальнымъ многимъ робкимъ либераламъ, но не даетъ полнаго удовлетворенія стремленіямъ Ирландцевъ. Учрежденіе двухъ малыхъ палатъ имѣетъ преимущество передъ одной большой; но проектъ сохраненія и уменьшенія числа ирландскихъ членовъ въ Вестминстерѣ въ высшей степени неудобенъ. Намъ непонятно, какимъ образомъ онъ можетъ дать желаемые результаты на практикѣ. Требуется списокъ предметовъ, не подлежащихъ голосованію ирландскими членами, и мы не понимаемъ, какъ можно составить такой списокъ. Интересы этихъ двухъ частей Соединеннаго Королевства такъ сплетены и переплетены между собою, что раздѣлять ихъ невозможно. „Вето“ имперскаго правительства дѣйствительно существуетъ, но была сдѣлана попытка воспрепятствовать его столкновенію съ ирландскими чувствами. Мы однако опасаемся, что этотъ ловко придуманный планъ прикрытія желѣзной руки шелковою перчаткой не встрѣтитъ одобренія Ирландцевъ. Устройство земельныхъ отношеній не вызываетъ возраженій. Мы

предвидимъ упорную оппозицію со стороны Ирландцевъ противъ предложеній г. Гладстона, касающихся финансовъ, судебной власти и „вето“; но не менѣе упорной оппозиціи мы ожидаемъ со стороны его многихъ англійскихъ приверженцевъ противъ удержанія ирландскихъ членовъ въ Вестминстерѣ и противъ полномочій жалуемыхъ новому учрежденію“.

Изъ *Norsthern Echo* (либер.). „Это смѣлый и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумный планъ“.

Изъ *Bristol Western Daily Press* (либер.). „Въ цѣломъ, билль этотъ, очевидно, мудрѣе, естественнѣе, болѣе справедливъ къ меньшинству и болѣе согласенъ съ имперскими интересами, чѣмъ билль 1886 года“.

Изъ *Liverpool Mercury* (либер.). „Проектъ переполненъ поводами къ разногласію“.

Изъ *Sheffield Independent* (либер.). „Если Англійскій народъ рѣшился удержать ирландскихъ членовъ въ Вестминстерѣ, то онъ долженъ примириться съ нѣкоторыми неудобствами“.

Изъ *Liverpool Post* (либер.). „Насколько этотъ билль разнствуетъ отъ проекта 1886 года, онъ отличается большою простотой, великодушіемъ и полнымъ довѣріемъ къ лойяльности и искренности Ирландскаго народа, это особенно проглядываетъ въ финансовомъ устройствѣ. Сказать, что всѣ затрудненія устранены, значило бы относиться къ проекту болѣе оптимистически, чѣмъ самъ г. Гладстонъ. Но билль этотъ представляетъ практическое рѣшеніе весьма трудной политической задачи. Удержаніе ирландскихъ членовъ служитъ видимымъ знакомъ уніи, упрощаетъ распредѣленіе финансовъ и даетъ Ирландцамъ болѣе прямой интересъ въ дѣлахъ Имперіи. Эти выгоды стóитъ купить цѣною неудобства, которое можетъ оказаться на практикѣ менѣе страшнымъ, чѣмъ въ теоріи“.

Изъ *Manchester Guardian* (либер.). „Очевидно, что по мнѣнію самого г. Гладстона, измѣненіе противъ билля 1886 года, то-есть удержаніе ирландскихъ членовъ, не составляетъ улучшенія, и мы съ нимъ согласны въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, желательно конечно измѣнять составъ Парламента возможно меньше и, съ этой точки зрѣнія, было бы даже лучше и не пытаться ограничивать силу голосованія Ирландцевъ, которые, несмотря на всѣ наши усилія, останутся достаточно крѣпкими, чтобы назначать и свергать министерства, вопреки всякимъ ограниченіямъ.

Очевидно, что эта часть билля должна считаться лишь опытомъ. Но, вообще говоря, приходится признать его сильнымъ биллемъ, представляющимъ, въ большинствѣ своихъ статей, измѣненія къ лучшему противъ проекта, внесеннаго семь лѣтъ тому назадъ".

Изъ *Leeds Mercury* (либер.). „Составъ Законодательнаго Совѣта и Собранія обѣщаетъ сдѣлать ихъ дѣйствительно практическимъ законодательнымъ учрежденіемъ. Весь планъ, однако, вращается на присутствіи ирландскихъ представителей въ Британскомъ Парламентѣ, съ ограниченными правами. Приходится признать, что министры мужественно приступили къ трудности, а результатъ, по всей вѣроятности, покажетъ, что они ее разрѣшили".

Изъ *Bristol Mircury* (либер.). „При составленіи своего теперешняго плана, г. Гладстонъ, очевидно, имѣлъ въ виду удовлетворить, насколько возможно, справедливыя требованія ульстера".

Bristol Times and Mirror (консерв.)—характеризуетъ билль насмѣшкой надъ ожиданіями Ирландцевъ и оскорбленіемъ здраваго разсудка Англичанъ. Эта газета считаетъ билль столь же обиднымъ для Ирландіи, какъ и опаснымъ для Англіи.

Изъ *East Anglan Times* (либер.). „Англійскій народъ и до сихъ поръ считаетъ его опытомъ и прыжкомъ въ темную пропасть; но готовъ сдѣлать этотъ опытъ, если Ирландцы, со своей стороны, на него согласятся. Всякая серьезная попытка, съ ихъ стороны, добиться дальнѣйшихъ уступокъ неминуемо разрушитъ весь проектъ".

Изъ *Western Daily Mercury* (либер.). „Почти всѣ улучшенія были сдѣланы въ отвѣтъ созрѣвшимъ мнѣніямъ и въ освѣщеніи болѣе практическихъ свѣдѣній. Они устраняютъ устарѣвшія возраженія 86 года и, если не будутъ изобрѣтены новые аргументы, мы не видимъ въ какую точку можно направить сильную, логическую и рѣшительную атаку. Мы думаемъ, что, взвѣсивши и разсмотрѣвши спокойно всѣ частности, придется откровенно признать, что планъ этотъ превосходенъ и можетъ быть принятъ почетнымъ образомъ даже многими лицами, голосовавшими противъ билля 86 года. Мы полагаемъ, что всеобщій приговоръ будетъ считать его образцомъ законодательной организаціи".

Изъ *Nottingham Express* (либер.). „Всѣ возраженія, поднятыя уніонистами въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, смѣло приняты въ соображеніе. Говорятъ о существованіи движенія среди радикальныхъ членовъ Палаты для сопротивленія учрежденію вто-

рой Палаты. Но нѣтъ сомнѣнія, что это нерасположеніе ко второй Палатѣ должно будетъ уступить необходимости обезпечить ульстеръ и поступать осторожно при этомъ крайне интересномъ опытѣ. Даже г. Лабушеръ можетъ примириться съ ирландской Палатой Лордовъ, засѣдающей лишь восемь лѣтъ и обязанной смѣшаться съ общинами, въ случаѣ разногласія".

Изъ *Newcastle Leader* (либер.). „Хотя Законодательный Совѣтъ не будетъ представлять массовой численности, но онъ будетъ обладать авторитетомъ значительныхъ соціальныхъ интересовъ и высшаго образованія, такъ онъ сумѣетъ оказать рѣшительное вліяніе въ предупрежденіе всего похожаго на религіозное притѣсненіе. Тяжелый вопросъ о полицейской охранѣ почти рѣшенъ въ смыслѣ позднѣйшихъ предложеній покойнаго Парнелля. Планъ же удержанія ирландскихъ членовъ болѣе или менѣе соединяетъ минимумъ риска съ максимумомъ практическихъ выгодъ".

Валійскія газеты.

Изъ *Western Mail* (консерв.). „Предложеніе г. Гладстона учредить вторую Палату для защиты меньшинства, избираемую на основаніи 20-фунтоваго налога, не болѣе какъ пустое шутовство. При такой недѣйствительной гарантіи, планъ этотъ, не менѣе билля 1886 года, отдаетъ ульстеръ на произволъ милости остальной Ирландіи".

Изъ *South Wales Daily News* (либер.). „Билль этотъ, въ изложеніи г. Гладстона, является памятникомъ просвѣщенной государственной мудрости и, добровольною и щедрою рукой, жалуетъ Ирландіи права, которыхъ ее никогда бы не слѣдовало лишать. Сказать, что онъ не совершененъ въ своихъ частностяхъ, просто значитъ, сказать, что это произведеніе конечнаго и погрѣшимаго человѣка. Но это политическій планъ, который врядъ ли бы могъ произвести какой-либо другой изъ живущихъ государственныхъ мужей, кромѣ его настоящаго творца, это новое и, быть-можетъ, самое удивительное доказательство безпримѣрной способности г. Гладстона въ приложеніи великихъ принциповъ человѣческаго управленія и его неподражаемаго мастерства въ деталяхъ. Ирландскій народъ и его представители преслѣдовали бы опасную и самоубійственную политику, еслибъ они вздумали

отвергнуть или враждебно критиковать законодательный проектъ, столь выгодный для нихъ и для благоустроеннаго правленія, какъ гомруль-билль г. Гладстона".

Несмотря на всю оппозицію, на всѣ протесты, очень можетъ быть, что въ концѣ-концовъ, какъ на это уже указываютъ дополнительные выборы, Ирландія, благодаря желѣзной волѣ Гладстона, получитъ свой гомруль, а онъ—блестящее мѣсто въ исторіи цивилизованнаго міра!

О. К. (Ольга Новикова).

23 февраля (7 марта), 1893 г.

ПИСЬМА ИЗЪ БЕРЛИНА.

Политическое положеніе.—Внутреннія дѣла.—Общественная жизнь.—Литература.—Театры.

Характерная черта нашего политическаго положенія—это его смутность.

Эта смутность особенно проявляется въ постоянномъ ожиданіи, что не сегодня—завтра распустятъ рейхстагъ. Рѣшимость нѣмецкаго правительства не отступать отъ военнаго законопроекта подтверждаетъ это предположеніе, которому болѣе другихъ придаютъ значенія соціалъ-демократы, въ интересахъ коихъ лежитъ возможность распущенія парламента. Но слишкомъ уже они поспѣшили обратиться съ прокламаціей къ избирателямъ и торжественно объявить, что они вполнѣ готовы къ новымъ выборамъ. Они уже выставили 140 соціалъ-демократическихъ кандидатуръ, въ числѣ которыхъ находятся, между прочимъ, и теперешніе 36 соціалистскихъ депутатовъ.

Какъ ни странны эти преждевременныя старанія соціалъ-демократовъ, остальныя политическія партіи тѣмъ не менѣе принуждены обратить болѣе серьезное вниманіе на постоянное ихъ усиленіе.

Но кромѣ соціалъ-демократовъ, антисемиты, въ свою очередь, ждутъ для себя большой выгоды отъ распущенія рейхстага. Антисемиты торжественно повторяютъ слова, произнесенныя два года тому назадъ извѣстнымъ политикомъ и публицистомъ *Max-Bewer*-омъ: „Къ свободомыслящимъ, вѣроятно, уже ко времени предстоящихъ выборовъ будутъ принадлежать одни только Евреи и ихъ приспѣшники. Свободомысліе (Freisinn) — это еврейскій центръ, то-есть центръ противоположный христіанскому“.

Антисемиты ехидно полагаютъ, и даже довольно безцеременно высказываютъ свое мнѣніе, что свободомыслящіе готовы голосовать за новый военный проектъ, въ случаѣ если правительство обѣщаетъ имъ принять мѣры для подавленія постоянно увеличивающейся пропаганды антисемитовъ.

Къ борьбѣ партій въ рейхстагѣ присоединилось въ послѣднее время движеніе въ средѣ партіи сельскихъ хозяевъ, которое привело къ бурнымъ демонстраціямъ въ парламентѣ противъ торговаго договора съ Россій, вслѣдствіе опасенія вреднаго вліянія его на развитіе нѣмецкаго сельскаго хозяйства. „Если состоится этотъ договоръ“, говорятъ они, „съ голоду намъ придется умирать“.

Агитація землевладѣльцевъ противъ торговаго договора съ Россіей дѣло не новое. Они сами ссылаются на политику Бисмарка, который будто бы сказалъ, что „торговый договоръ съ Россіей повредитъ нашимъ отношеніямъ къ остальнымъ сосѣднимъ государствамъ“.

Несмотря однако на все это, несмотря на энергичные протесты и заявленія, правительство объявило свою твердую рѣшимость не отказываться отъ переговоровъ и довести ихъ до благополучнаго конца.

Послѣдняя рѣчь графа Каприви довольно яркими красками обрисовала всеобщее неудовольствіе внутреннимъ положеніемъ Германіи. Все аграрное и антисемитское движеніе въ сущности ничто иное, какъ соединенная оппозиція противъ существующаго правительства. Несомнѣнно, что аграрная партія сочувствуетъ вполнѣ Бисмарку, и весьма возможно, что все движеніе есть ничто иное, какъ обособленіе большой оппозиціонной партіи Бисмарка. Въ скоромъ будущемъ эта вновь образующаяся партія будетъ, по всей вѣроятности, играть большую роль въ рейхстагѣ.

Послѣднее собраніе сельскихъ хозяевъ (Landwirthe), въ которомъ члены-распорядители, опасаясь непріятнаго впечатлѣнія въ высшихъ сферахъ, съ трудомъ воспрепятствовали всеобщей оваціи Бисмарку, ясно свидѣтельствуетъ о всеобщемъ неудовольствіи среди землевладѣльческаго класса.

Вообще въ парламентѣ все какъ-то не клеится. Предложеніе ультрамонтановъ дозволить возвращеніе въ Германію ордена іезуитовъ произвело большой переполохъ. Ясно, что ни свободомыслящимъ, ни даже консерваторамъ это предложеніе не могло придтись по душѣ; но они не воспротивились бы серьезно воз-

вращенію столь дорогихъ гостей, въ благодарность за нѣкоторыя услуги оказанныя центромъ при другихъ случаяхъ, еслибы не боялись негодующей оппозиціи общественнаго мнѣнія. Представители всѣхъ политическихъ оттѣнковъ протестантизма, начиная отъ ярыхъ поклонниковъ *Stöcker'a* (соц. христ. партія) и кончая проповѣдниками самыхъ либеральныхъ идей, всѣ, съ замѣчательнымъ единогласіемъ, высказались противъ допущенія іезуитскаго ордена въ Германію.

Какъ ни прискорбна эта неудача клерикальной партіи, надѣлавшей своимъ предложеніемъ много шума, партія эта благоразумно рѣшила устроить такъ, чтобы никакихъ преній по этому поводу не было.

Въ томъ же родѣ и также неудачно было заявленіе 244 нѣмецкихъ раввиновъ въ защиту талмуда. Раввины стараются доказать, что талмудъ не можетъ имѣть развращающаго вліянія на еврейскую молодежь, и что онъ, напротивъ того, ключъ ко всему нравственному, возвышенному и прекрасному. Такого рода заявленіе было отправлено и въ рейхстагъ. Но антисемитская и даже юдофильская печать относится къ этой попыткѣ защиты талмуда довольно скептически и холодно. Антисемиты говорятъ, что приведенныя въ заявленіи цитаты нѣкоторыхъ изреченій ничего не доказываютъ, если принять во вниманіе, что талмудъ состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ изреченій, истекающихъ не изъ единой возвышенной морали, а представляющихъ собою самые разнообразные и противорѣчащіе другъ другу результаты мышленія. Евреи, съ своей стороны, совершенно резонно замѣчаютъ, что большинству изъ нихъ до талмуда дѣла нѣтъ; только въ спеціально еврейскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди обучаются талмуду. Можно смѣло сказать, что еврейская религія, какъ ее понимаютъ западно-европейскіе Евреи, религія — безъ религіи, то-есть одинъ жалкій остатокъ устарѣлыхъ внѣшнихъ формъ безъ нравственной основы.

Евреи—это способная, находчивая, ловкая раса, но раса несомнѣнно пагубно вліяющая на общественную жизнь.

Въ Германіи пока еще строгихъ мѣръ противъ Евреевъ не принимаютъ, но тамъ и не пришлось бы, правда, выселять ихъ изъ деревень, какъ въ Россіи: они селятся здѣсь въ городахъ, и преимущественно въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Бреславлѣ и Франкфуртѣ. Здѣсь ихъ около 100.000, такъ что Берлинъ безъ преувеличенія можно назвать еврейской резиденціей. На биржѣ, въ те-

атрахъ, въ кружкахъ литературныхъ и музыкальныхъ они играютъ первенствующую роль. Всѣ театры, исключая королевскихъ, въ рукахъ Евреевъ, въ ихъ же рукахъ находится большинство здѣшнихъ газетъ. Они совершенно завладѣли общественною жизнью Берлина, ихъ принципъ—золото и гешефтъ. Съ этой точки зрѣнія они пишутъ романы, газетныя статьи, строютъ театры; съ этой точки зрѣнія они благотворительствуютъ, но не иначе какъ съ шумомъ и гамомъ. Даже ихъ кокетничанье съ идеальными стремленіями ничто иное, какъ гешефтъ. Они здѣсь торгуютъ возвышенными идеами, такъ же, какъ ихъ русскіе единовѣрцы торгуютъ на толкучкѣ старымъ платьемъ. Не идея сама по себѣ для нихъ важна, а важны для нихъ лишь тѣ выгоды, которыя можно отъ нея получить.

Интересный и поучительный примѣръ въ литературѣ—это ихъ отношеніе къ Ibsen'у и къ натурализму. Маленькій кружокъ незрѣлыхъ, юныхъ писакъ объявилъ, что нѣмецкая литература послѣднихъ годовъ яйца выѣденнаго не стòитъ, что всѣ здѣшніе— даже извѣстнѣйшіе — писатели работаютъ на ложныхъ основаніяхъ, и что вотъ имъ — den Jungdeutschen, какъ они называютъ себя (Gründeutsche называютъ ихъ противники) надлежитъ обновить нѣмецкую литературу, внести въ нее свѣжую струю новой жизни. Такую новую жизнь они находятъ въ полоумныхъ произведеніяхъ французскихъ Décadents и въ мистическихъ піесахъ сѣверныхъ поэтовъ. Этотъ кружокъ литературныхъ выскочекъ хотя и невеликъ, но кричитъ такъ громко, что успѣлъ перекричать другихъ. Не имѣя достаточно таланта, чтобы выдѣлиться изъ ряда собственными произведеніями, они нашли болѣе удобнымъ связывать свое имя съ именами иностранныхъ знаменитостей или новаго литературнаго направленія. Нѣкоторые изъ этой группы писателей-молокососовъ имѣютъ дѣйствительное дарованіе, но большинство вязнетъ въ болотѣ нравственной грязи и полуобразованія.

Берлинъ, несмотря на его прекрасныя улицы, зàмкоподобные дома съ мраморными лѣстницами и электрическимъ и газовымъ освѣщеніемъ, несмотря на такъ-называемыя Bierpaläste и дѣйствительно ослѣпительно красивые Cafés не имѣетъ вида большаго города. Солидные, христіанскіе богачи живутъ здѣсь просто, скромно, какъ будто бы боясь показать свое богатство. Еврейская haute finance, напротивъ, любитъ кичится изяществомъ своихъ экипажей, блескомъ брилліантовъ и роскошью пріемовъ. Можно сказать, что вся

столичная, блестящая и показная жизнь Берлина сосредочивается въ этихъ кругахъ. Они тратятъ деньги, они меценатствуютъ и составляютъ обычную публику на парадныхъ спектакляхъ, открытіяхъ выставокъ и другихъ шумливыхъ событіяхъ столичной жизни. Для нихъ и ими большею частію содержатся три, четыре театра, которые въ обыкновенные вечера отличаются неимовѣрною пустотой. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ открылся въ Берлинѣ новый театръ, подъ названіемъ: „Neues Theater“. Красивая зала, съ чрезвычайно элегантнымъ фойе и всѣми возможными удобствами,—настоящая бонбоньерка. Нельзя себѣ представить ничего болѣе изящнаго, чѣмъ этотъ театръ, когда тамъ играютъ знаменитости. Но не дай Богъ заглянуть туда въ обыкновенное время! Тамъ и сямъ разбросаны какіе-нибудь сто человѣкъ, а часто и того меньше. На сценѣ играютъ вяло, и притомъ лишь актеры третьяго разряда; на лицахъ у всѣхъ какое-то унылое, испуганное выраженіе, постоянный вопросъ: сегодня или завтра закроютъ театръ?

Къ счастію, Королевскій театръ, въ которомъ будутъ произведены нѣкоторыя важныя передѣлки, нанялъ прекрасный залъ „Новаго Театра“, и этимъ спасъ если не несчастныхъ актеровъ, остающихся среди сезона безъ ангажемента, то, по крайней мѣрѣ, легкомысленнаго директора, который, какъ Берлинецъ, долженъ былъ знать, что „Новаго Театра“ въ Берлинѣ вовсе не требуется, по той простой причинѣ, что и старые по большей части бываютъ пусты.

Теперь въ этомъ театрѣ, не находящемъ посѣтителей, разыгрываютъ эффектную, но плохую піесу Сарду: *Тоска*, съ г-жой Баркани въ главной роли. И Сарду, и г-жа Баркани, красотой которой лѣтъ десять тому назадъ восхищалась вся Германія,—оба значительно поустарѣли! Разница въ томъ, что отъ Сарду мы имѣемъ еще не мало превосходныхъ піесъ, которыя долгое время еще будутъ держаться на репертуарѣ, а отъ г-жи Баркани мы не имѣемъ ничего другаго, кромѣ воспоминанія о ея бывшей красотѣ.

Одинъ изъ лучшихъ антрепренеровъ, безъ сомнѣнія, актеръ Барнай, небезызвѣстный и въ Россіи. Онъ превосходно ведетъ свой „Berliner Theater“, пользующійся высокою протекціей Двора. Императоръ, императрица и многіе члены императорской фамиліи часто посѣщаютъ его представленія. Нѣкоторые называютъ

Berliner Theater шутя отдѣленіемъ королевскаго театра и пророчатъ Барнаю мѣсто директора Schauspielhaus!

Насколько это пророчество имѣетъ шансовъ сбыться, теперь сказать, конечно, трудно. Во всякомъ случаѣ, Berliner Theater переходитъ съ 1894 года въ другія руки, и извѣстно, что Schauspielhaus вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ (послѣ отхода Devrient) не имѣетъ оффиціальнаго директора; его мѣсто временно занимаетъ первый режиссеръ г. Грубе, очень ловкій и довольно образованный человѣкъ, но посредственный актеръ.

Опера наша въ послѣднее время значительно поднялась. Между тѣмъ какъ въ драматическихъ театрахъ сказывается вліяніе сѣверныхъ поэтовъ (Jbsen, Björnson, Strinsberg), оперною сценой завладѣли италіянскіе композиторы: Mascagni, Leoncavallo, съ его несравненною оперой *Bajazzi*, которая приводитъ Берлинцевъ въ восторгъ. Начальникъ здѣшнихъ театровъ, графъ Гохбергъ, имѣетъ талантъ окружать себя хорошими помощниками. По части оперы ему помогаетъ ея превосходный знатокъ нѣкій *Генри Піерсонъ*, ему отчасти принадлежитъ заслуга постановки оперъ Mascagni и Leoncavallo. Послѣ представленія *Bajazzi*, императоръ лично поздравилъ композитора; мало того, онъ также поздравилъ депешей Италіянскаго короля съ успѣхомъ его подданнаго. А Піерсонъ за всѣ свои заслуги назначенъ графомъ „музыкальнымъ секретаремъ“ и утвержденъ въ этой должности императоромъ. Г-жа Сухеръ, несравненная въ Вагнеровскихъ роляхъ, оттѣснена теперь на второй планъ г-жею Піерсонъ, такъ же какъ и геніальный ея мужъ, капельмейстеръ Сухеръ. Съ нимъ чередуются два даровитые молодые дирижера. Это г. Muck изъ Праги и г. Вейнгартнеръ. Послѣдній пользуется, несмотря на свою молодость, большою популярностью; онъ же дирижируетъ и симфоническими концертами въ оперной залѣ. Вейнгартнеръ—большой любитель громкой рекламы, и самоувѣренность его безпредѣльна. Когда мѣсяца два тому назадъ дали на оперной сценѣ его оперу *Genesius* (злыми языками прозванную *Gewesius*), которая съ трескомъ провалилась, то онъ взялъ ее назадъ и объявилъ въ печатномъ письмѣ, что Берлинъ въ музыкѣ ничего не смыслитъ и идетъ въ оперу только, „чтобы слушать плоскія остроты“. Но даже и эта выходка не въ состояніи была ему повредить: до того его блестящія музыкальныя способности всѣхъ ослѣпили! Старики его безпощадно бранятъ, а молодежь называетъ будущимъ Bülow.

Schauspielhaus не отличается оживленіемъ. Скука царитъ въ немъ страшная. Туда идетъ „бѣлокурая публика", какъ зовутъ здѣсь христіанскую публику, чиновники съ женами и дочерьми и офицеры, которымъ надо себя показать. Впрочемъ, и Schauspielhaus имѣлъ нѣсколько дней тому назадъ большой успѣхъ. Поставили одну изъ старѣйшихъ сказокъ одного изъ древнѣйшихъ индійскихъ королей. Эта драматическая сказка *Vasantasena* въ обработкѣ Emil Dohe оказываетъ большую притягательную силу на избалованную столичную публику; даже Tout Berlin (Tout-Berlin состоитъ изъ еврейской haute finance, изъ литераторовъ и артистовъ) стремится теперь въ Schauspielhaus, хотя предпочитаетъ частные театры и своихъ любимцевъ Sudermann, Fulda, Blumenthal и т. д.

Впрочемъ, и Фульда написалъ драматическую сказку, принятую въ репертуаръ „Deutsches Theater", и его піеса имѣла огромный успѣхъ. Это довольно ясный признакъ того, что публикѣ надоѣлъ натурализмъ, реализмъ, мистицизмъ, — всѣ эти „измы", которыми въ послѣдніе годы наши „Jung-Deutschen" насильно угощали ее. Всѣ эти литературные кружки, образовавшіеся въ послѣдніе годы съ цѣлью „внести свѣжую струю въ стоячую воду", всѣ эти публичныя чтенія дикихъ бредней полуобразованныхъ молодыхъ писателей, всѣ эти такъ-называемыя частныя представленія „свободной сцены" (Freie Bühne), „нѣмецкой сцены" (Deütsche Bühne) и Fresco-Bühne, которыми шумно занималась юдофильская печать и множество бездѣльныхъ гулякъ, утомили серьезную публику до-нельзя.

Фульда одаренъ въ этомъ отношеніи замѣчательнымъ чутьемъ. Вообще онъ курьезная литературная личность. Онъ молодъ (ему 32 года), наружность его—невзрачная, онъ худъ и блѣденъ, съ какимъ-то съежившимся, чахоточнымъ видомъ. Онъ очень умненькій и любезненькій человѣчекъ. Его считаютъ милліонеромъ, но это не мѣшаетъ ему любить „заработокъ". Онъ принадлежалъ поочередно ко всѣмъ литературнымъ лагерямъ: и къ реалистамъ, и къ натуралистамъ, а теперь, какъ это и слѣдовало ожидать, онъ перешелъ къ возрождающемуся романтизму. Онъ не любитъ навязывать другимъ своего вкуса. Разсуждаетъ онъ такъ: „Тебѣ хочется піесу съ соціалъ-демократическимъ характеромъ,—изволь! (Das verlorene Paradies). Теперь ты желаешь натурализма побольше, — что же, и это можно! (Die Sklavin). А теперь тебѣ пріятно поласкать твое ухо красивыми стишками—такъ отчего

же нѣтъ, и это можно!“ И вотъ онъ намъ даетъ „Талисманъ“. Все это у него выходитъ и мило, и остроумно, а тантьемы такъ и сыпятся въ его карманы. Не лишены впрочемъ достоинствъ его переводы нѣкоторыхъ мольеровскихъ комедій, какъ, напримѣръ: Les femmes savantes и Tartuffe. Переводы хорошіе, но тоже гладенькіе, прегладенькіе, такъ сказать, прилизанные.

Sudermann, писатель болѣе крупнаго таланта, далъ намъ очень интересную драму „Die Heimath“, поставленную на сценѣ Лессингъ-театра. Интересна эта піеса особенно характерными деталями. Если можно упрекнуть въ чемъ-нибудь автора, такъ это въ изобиліи грубыхъ драматическихъ эффектовъ, которые не въ состояніи замѣнить истинной драматической силы. Романы и повѣсти Sudermann'а стоятъ на гораздо высшей ступени, чѣмъ его пьесы, хотя и они нисколько не превышаютъ уровня пониманія толпы.

Что касается третьяго литературнаго поставщика — *Blumenthal'я*, то ему принадлежитъ Лессингъ-театръ, отличающійся теперь несомнѣнно лучшимъ ансамблемъ. У него играютъ прекрасно, живо, иногда даже съ парижскимъ шикомъ. Blumenthal, личность котораго крайне несимпатична (типъ маленькаго нахальнаго жидёнка), даетъ довольно часто піесы Ibsen'а, надъ которыми самъ посмѣивается и ежегодно поставляетъ произведенія собственнаго пера.

Театры имѣютъ въ общественной жизни Берлина огромное значеніе. Если и не всѣ ихъ посѣщаютъ, то всѣ, по крайней мѣрѣ, о нихъ говорятъ и очень любятъ пользоваться даровыми билетами.

Даровые билеты! Здѣсь ими бросаютъ и директора театровъ и антрепенеры концертовъ. Концертантамъ въ Берлинѣ не весело „играется“. Даже имена Carreno и ея супруга d'Albert не въ состояніи наполнить залъ платною публикой. Здѣсь, что ни вечеръ, такъ три-четыре концерта; прибавьте къ нимъ театры, публичныя чтенія, балы, частные вечера,—и вы поймете, отчего наши концертныя залы почти всегда пусты. Платной публики мало, а безплатная, то-есть избалованная даровыми билетами, „всё уже и видѣла и слышала,—и такъ ей это все надоѣло!“

Даже филармоническіе концерты, съ тѣхъ поръ какъ ими не дирижируетъ Бюловъ, потеряли большую часть своего значенія. Одному только молодому вѣнскому піанисту, Moriz'у Rosenthal'ю удалось расшевелить флегму берлинской публики. У него почти всегда всѣ билеты распроданы. Исключая А. Г. Рубинштейна,

никто еще не имѣлъ здѣсь такого успѣха. Его феноменальная техника ослѣпляетъ всѣхъ, даже его противниковъ. Игра Rosenthal'я болѣе умная, чѣмъ задушевная, но считать его только техникомъ было-бы крайне несправедливо. Лѣтъ десять тому назадъ его матеріальное положеніе было очень незавидно. Теперь директоръ гамбургскаго театра, очень ловкій импрессаріо, Pollen платитъ молодому піанисту за трехмѣсячный ангажементъ, въ продолженіе котораго онъ обязанъ дать пятьдесятъ концертовъ — 50.000 марокъ. Говорятъ уже о баснословныхъ суммахъ, которыя предлагаетъ ему Америка. Я увѣрена, что онъ, если поѣдетъ въ Россію, произведетъ тамъ фуроръ.

Ольга Максимова.

Февраль, 1893.

П Ѣ С Н Я.

Какъ сойдемся мы,
　　Другъ желанный мой,
Ты сидишь, молчишь,—
　　И къ тебѣ душой,
Сердцемъ преданнымъ
　　Я стремлюсь, лечу,
　　И, какъ ты, молчу...
А какъ взглянемъ мы
　　Другъ на друженьку—
Западетъ твой взоръ
　　Искрой въ душеньку
И зажжетъ лицо
　　Красной зорькою,—
Я кляну свою
　　Долю горькую,
Что родилась я
　　Молчаливая,
Какъ подруженьки,
　　Не игривая,
Что не мнѣ твоя
　　Рѣчь желанная,—
И заплачу я
　　Безталанная...

Вѣра Соколова.

КРИТИКА.

1) НОВАЯ ПОЭМА Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Собаки. Юмористическая поэма Я. П. Полонскаго. Спб. 1892.

Приступая къ критической оцѣнкѣ новаго (вышедшаго въ самомъ концѣ прошлаго года) произведенія автора „Кузнечика-Музыканта“ и множества другихъ извѣстныхъ всей читающей Россіи поэмъ и стихотвореній, а также и прозаическихъ повѣстей и разсказовъ,—произведенія во всякомъ случаѣ крайне оригинальнаго и широкаго по замыслу, безспорно крупнаго и художественнаго, мы считаемъ себя въ правѣ, опираясь на эту напередъ дѣлаемую нами оговорку, начать съ указанія на недостатокъ. Указаніе это само по себѣ не обидно, ибо недостатки, какъ извѣстно, присущи всему, и абсолютнымъ совершенствомъ не обладаютъ даже и величайшія произведенія творчества человѣческаго. Можетъ быть, для оправданія этого вѣчнаго закона историческая судьба и сохранила для насъ и Аполлона Бельведерскаго и Венеру Милосскую предварительно исказивъ ихъ неполнотою. Кромѣ того недостатокъ, о которомъ хотимъ говорить мы, въ значительной степени объясняется самимъ предметомъ, самимъ содержаніемъ юмористической поэмы г. Полонскаго и при томъ онъ присущъ ей въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ произведеніямъ большинства современныхъ писателей.

Недостатокъ, о которомъ говоримъ мы, есть недостатокъ единства. Обширный матеріалъ, составляющій содержаніе поэмы, представляется для насъ недостаточно объединеннымъ, а потому и самая поэма представляется страдающей нѣкоторымъ недо-

статкомъ художественной цѣлостности, а вслѣдствіе того и полноты, законченности, столь необходимыхъ для всякаго художественнаго произведенія. Невольно чувствуешь, что передъ нами проносится рядъ раздѣленныхъ временемъ, а иногда и пространствомъ эпизодовъ, схваченныхъ мѣтко и изображенныхъ опытнымъ перомъ, развертываются болѣе или менѣе послѣдовательно страницы исторической лѣтописи, маня читающаго къ объединенію ихъ въ умѣ своемъ, но не дѣйствуя еще на воображеніе читателя художественною цѣлостностью, законченностью и полнотою. Правда, мѣстомъ дѣйствія поэмы является псарня, а героями—собаки. Кто же станетъ отрицать, что уловить единство въ многолѣтнихъ жизненныхъ перипетіяхъ разнородной и разношерстной стаи—дѣло безспорно нелегкое, если даже и не совсѣмъ невозможное. Не устраняется трудность эта и сознаніемъ, что въ собакахъ изображаются люди, въ псарнѣ—общество, а въ перипетіяхъ исторической жизни этой псарни—исторія русскаго общества за послѣднія пятьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ, съ особенною остановкою на послѣднемъ двадцатипятилѣтіи или тридцатилѣтіи; но именно современное-то русское общество или, точнѣе ,историческая жизнь этого общества и не представляетъ сама собою готоваго уже фокуса, въ которомъ сосредоточивались бы и объединялись лучи отдѣльныхъ и разрозненныхъ явленій. Связь явленій невольно чувствуется, просится, такъ сказать, въ душу, но не бросается въ глаза сама собою, не выступаетъ сама собою наружу и уловляется для объективированія трудно. Недостатокъ цѣлостности единства русской жизни сказывается на всякомъ почти современномъ ея изображеніи, даже и тогда, когда изображается сравнительно меньшій промежутокъ времени или когда даже, безъ всякаго намека на преемство эпохъ и типовъ, изображается одна только настоящая современность. Эпизоды, явленія, типы, характеры изображаются вѣрно, тонко, изящно и по временамъ талантливо, но не иначе, какъ въ состояніи нѣкой хаотической разрозненности. Явленія живьемъ вырываются изъ дѣйствительности, а по временамъ и изображаются со всею жизненностью, то-есть, такъ сказать, тоже живьемъ, но гармонія, единство, цѣлостность картины не достигается, такъ какъ реальность сама по себѣ ни гармоніи, ни единства не представляетъ, а фокусъ остается незримымъ и необъятнымъ для глаза художника-наблюдателя. Стоящіе ниже посредственности художники довольствуются тѣмъ, что придумываютъ, сочи-

няютъ фокусъ и нанизываютъ явленія, тенденціозно подчиняя ихъ своей точкѣ зрѣнія, то-есть становятся на любомъ пригоркѣ или муравьиной кочкѣ, объявляя кочку эту неколебимою, а затѣмъ ловятъ и подбираютъ явленія съ непогрѣшимой высоты ея, руководствуясь ультра-буржуазнымъ принципомъ:—что намъ видно, то и дѣйствительно, а чего мы не видимъ, того и доискиваться не слѣдъ. Болѣе требовательные художники,—къ каковымъ несомнѣнно принадлежитъ Я. П. Полонскій,—силятся подмѣтить единство въ самой реальности, различать законъ гармоніи въ самыхъ явленіяхъ, а потому переходятъ съ мѣста на мѣсто, съ одной точки зрѣнія на другую, чтобы ближе присмотрѣться къ отдѣльнымъ явленіямъ и разсмотрѣть ихъ, выхватываютъ явленія живьемъ, изображаютъ ихъ съ замѣчательною мѣткостью и выпуклостью, но если имъ въ силу какихъ-либо обстоятельствъ не удастся уловить единаго все объединяющаго и сосредоточивающаго въ себѣ фокуса этихъ явленій, но въ общемъ у нихъ все-таки получается картина, въ которой нѣтъ ни единства, ни полноты цѣлаго, то-есть нѣтъ основныхъ условій полноты художества.

Но при всемъ томъ новая „юмористическая" поэма Полонскаго стоитъ цѣлою головой выше многихъ и многихъ произведеній нашихъ современныхъ писателей, произведеній, написанныхъ съ гораздо большими претензіями и совершенно „въ серьезъ", гдѣ каррикатурность изображенія является зачастую совершенно вопреки волѣ самого изобразителя, какъ слѣдствіе строгой, неумолимой логики искусства. Если художникъ не стоитъ въ гармоніи съ полнотою изображаемаго имъ міра, соразмѣрность изображаемыхъ частей сама собою утрачивается, нарушается, и изображеніе само собою становится шаржемъ, каррикатурой въ цѣломъ, какъ и въ частяхъ. Живымъ поясненіемъ этого можетъ служить, напримѣръ, хотя бы недавній романъ г. Эртеля, которому никоимъ образомъ нельзя отказать въ талантливости и нѣкоторомъ художественномъ чутьѣ. Г. Эртель усердно подбираетъ всевозможные темпы и, какъ говорится теперь, отрицательные типы, чтобы на этомъ сравнительно темномъ фонѣ выставить и вырисовать свѣтлые типы излюбленныхъ имъ людей формаціи шестидесятыхъ годовъ. Бьется г. Эртель, изъ силъ выбивается, чтобы пролить еще болѣе свѣта на своихъ героевъ, представителей свѣта, а въ концѣ-концовъ являются изображенія только вполнѣ каррикатурныя и все потому,

что жизненная правда, тайна соразмѣрности и гармоніи уже утрачена, ибо художникъ самъ не имѣетъ и не можетъ подыскать себѣ твердой, постоянной точки для созерцанія подлежащаго изображенію міра явленій. Нѣкогда ужасались и приходили въ негодованіе отъ того, какъ изображалъ, напримѣръ, Лѣсковъ-Стебницкій людей новой формаціи въ родѣ Термоселовыхъ и компаніи. Въ этомъ усматривали тенденціозность, преступное стремленіе, отсталый взглядъ на вещи и т. п. Но посмотрите, какъ изображается вся эта Базаровская родня сочувствующими беллетристами: у однихъ свѣтлые герои являются во что бы то ни стало картонными людишками, хотя бы самыхъ преувеличенныхъ размѣровъ; у другихъ, какъ, напримѣръ, у г. Эртеля— смѣшными до нельзя каррикатурами, невольно побуждающими мало-мальски непредубѣжденнаго читателя сосредоточивать свое вниманіе, а иногда и симпатію на отрицательныхъ, темныхъ типахъ. Невольно припоминаешь, что эти же якобы свѣтлые типы при отрицательномъ отношеніи къ нимъ Лѣскова-Стебницкаго все-таки выходили сравнительно менѣе каррикатурными.

Но если жизнь современная является зачастую каррикатурой въ современномъ ея изображеніи, то отсюда вовсе не слѣдуетъ еще, чтобы жизнь, сама по себѣ, лишена была каррикатурности, сама по себѣ не являлась каррикатуристомъ и сатирикомъ. Эту-то каррикатурную сторону нашей жизни и изображаетъ намъ Полонскій въ своей новой поэмѣ. Взмахи и удары бича его сатиры мѣтки и безпощадны. Но сквозь нихъ вы слышите иногда глубокіе и скорбные вздохи поэта-человѣка, брата людей, сына своей родины, — и это вноситъ въ общую картину какой-то смягчающій тонъ, какую-то примиряющую нотку. Васъ это трогаетъ и какъ бы нѣсколько успокаиваетъ...

Что касается до недостатка цѣлостности и единства, то онъ кажется, сознается отчасти и самимъ авторомъ. Это видно, между прочимъ, изъ поэтическаго предисловія, написаннаго уже очевидн, по окончаніи самой поэмы.

Ахъ! Собакіаду я бъ желалъ состряпать,
Но коли не въ модѣ даже Иліада,
Можетъ провалиться и Собакіада.
Нѣтъ ужь лучше все, что память продиктуетъ,
То и напишу я.

Явно, что авторъ самъ спозналъ и почувствовалъ невозможность написать „Собакіаду", то-есть схватить въ одно цѣлое и творчески объединить всѣ моменты и всѣ условія того человѣческаго, общественнаго движенія, героевъ и двигателей котораго изображаетъ онъ подъ видомъ собакъ. Вмѣсто стройной, цѣлостной картины явились только болѣе или менѣе разрозненные и не всегда гармонирующіе между собою эпизоды, вмѣсто „Собакіады" появились „Собаки",—что относится не столько къ винѣ самого автора, сколько является послѣдствіемъ съ одной стороны строя или точнѣе разстроя всей современной жизни, а съ другой стороны и настроенія или точнѣе неустроенія всего современнаго творчества, зависящаго точно также отъ бытовыхъ и жизненныхъ причинъ.

Разскажемъ же въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе юмористической поэмы, какъ мы понимаемъ его.

Была прославленная, побѣдоносная стая, заявившая о себѣ на многихъ охотахъ. Но дѣятельной жизни славной стаи положенъ былъ предѣлъ своевольною, капризною Мирзихой, молодою супругой Мирзы, владѣльца, а въ свое время и предводителя стаи. Вышло слѣдующее господское повелѣніе:

Такъ какъ лай собачій только насъ въ смущенье
Вводитъ понапрасну,—волкодавъ же воетъ
Ночью такъ, что можетъ нервы намъ разстроить,
Мы повелѣваемъ сторожей удвоить
И загнать на псарню всѣхъ собакъ...

И собакъ, разумѣется, заперли. Съ этого-то времени начинается для псарни, оторванной отъ всякаго дѣла, то, что называется на языкѣ человѣческомъ періодомъ застоя и неподвижности. Вредныя послѣдствія этого новаго порядка вещей или, такъ-сказать, режима быстро начинаютъ сказываться. Сопутствующій застою періодъ называетъ г. Полонскій „временемъ романтизма". Сначала является только тоска о прошломъ, томленіе вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Сначала, весною думалось собакамъ, что вотъ-вотъ на сворѣ

Поведутъ насъ въ дебри просѣкой лѣсною,
Что подъ звуки рога темный лѣсъ проснется,
Что въ хвостѣ у волка гончихъ лай зальется,
И что зайка сѣрый—уши на макушкѣ—
Выскочивъ дастъ тягу вдоль лѣсной опушки,—

А ему въ догонку, злы, легки и смѣлы,
Точно тетивою спущенныя стрѣлы,
Полетятъ борзыя,—думалъ, что недаромъ
Въ носъ намъ сквозь ограду бьетъ душистымъ паромъ;
Что недаромъ гдѣ-то тучка громыхнула,
Дождичкомъ запахло, ласточка юркнула,
Раздражая воздухъ крикомъ точно плачемъ...

Думалось собакамъ, что всѣ эти отрадные симптомы пробужденія заставятъ проснуться и псарей и барина, что баринъ вновь возвратитъ собакамъ былую свободную жизнь ихъ:

И себя прославитъ и собакъ прославитъ.

Но симптомы пробужденія оказывались обманчивыми. Томительное бездѣйствіе продолжалось. Жизнь поневолѣ уходила, какъ говорится, внутрь. Недовольство положеніемъ вызывало всяческіе вопросы и смутные толки, такъ что и псарямъ становилось уже мало-мальски извѣстнымъ,

Что уже межь нами кой-гдѣ бродятъ толки,
Толки, что собаки, дескать, тѣ же волки,
Что имъ также можно рыскать гдѣ угодно,
И что запирать ихъ врядъ ли благородно.

Но если либеральная мысль уже пробудилась и начала уже смутно и неопредѣленно высказываться, то все же періодъ этотъ былъ еще только періодомъ романтизма, то-есть неяснаго и неопредѣленнаго еще томленія, порыва и своего рода Sehnsucht. Едва появлялись только знакомые уже обманчивые симптомы, какъ пробуждались надежды и начинало трепетать сердце собачье.

Грохотаньемъ грома, вмѣстѣ съ синей тучей
Уносясь, мечты ихъ въ степи уносило;
Пѣнье-ли кукушки такъ расшевелило
Ихъ собачье сердце, только въ лѣсъ дремучій
На просторъ тянуть ихъ стало такъ, что ныли
Ихъ собачьи души,—и собаки выли,
Трогательно выли, но не такъ чтобъ очень...

Этотъ переходъ романтизма, томительнаго недовольства намѣчалъ уже задачи будущаго либерализма, хотя и оставался до

конца самому себѣ вѣрнымъ, то-есть не выходилъ изъ туманной неопредѣленности.

Такъ лучи свободы, въ розовую призму
Преломляясь, явно насъ вели къ лиризму:
И стихи плодились —плохо понимались,
Но когда читались, морды прояснялись,
И не только гончихъ, даже водолаза
Иногда плѣняла пламенная фраза,
Даже *амки* (то-есть наши дамы) то же,
Чуя духъ свободы, волновались лежа...

Этому періоду туманнаго романтизма остается до конца вѣрной собака-поэтъ, отъ имени которой ведется разсказъ. Первое появленіе *либерализма*, вѣроятно, должно было составлять содержаніе отсутствуюшихъ въ поэмѣ и якобы затерянныхъ авторомъ главъ (IV и V). Во вступленіи г. Полонскій говоритъ, что эта утрата не поэтическая шутка, что слова эти дѣйствительно были написаны имъ и дѣйствительно же потеряны. Въ примѣчаніи упоминается между прочимъ, что въ этихъ главахъ „подробно говорилось о томъ, какъ собаки прорыли себѣ лазейку въ лѣсъ". Эта лазейка была своего рода окномъ въ Европу...

Съ шестой главы общіе принципы либерализма оказываются уже намѣченными, но въ той же главѣ описываются и печальные исходы одиночныхъ порывовъ къ свободѣ—описываются на примѣрахъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ собакъ. При постепенномъ образованіи въ псарнѣ *либеральной* партіи не оказывается недостатка и въ протестахъ. Протестуетъ космополитъ-романтикъ водолазъ Магъ, который прежде всего и заронилъ въ псарнѣ широкую идею *звѣрчества*, ни въ какомъ толкованіи не нуждающуюся, но остается чистымъ идеалистомъ и не мечтаетъ о примѣненіи идеи къ какому бы то ни было дѣлу. Протестуетъ и *псарнофилъ* Вопило, доказывающій, что слѣдуетъ уважать преданія псарни, довольствоваться ими и чуждаться всякихъ нововведеній. Рѣчи этого *псарнофила* переданы очень остроумно, но, къ сожалѣнію, въ нихъ, какъ и всегда, повторяется только то, что искони принято шаблонно приписывать тому направленію, представителемъ котораго является на псарнѣ Вопило. Разумѣется, рѣчи его, какъ и всегда и вездѣ, заглушаются только собачьимъ лаемъ, гуломъ собачьихъ голосовъ. Не обращаютъ вниманія и на слова космополита-идеалиста, стараго романтика

Мага. На сцену выступаетъ партія дѣла, подстрекаемая и предводительствуемая волкодавомъ Трезвонкою. Обсуждается и опредѣляется цѣль на лѣсномъ засѣданіи — засѣданіи, разумѣется, тайномъ, на которое приглашены только немногіе члены. Вотъ какъ обрисовываетъ цѣль эту либералъ Трезвонка.

„Господа! онъ началъ,—для какой вы цѣли
Собрались подъ своды этой старой ели?
Господа! сначала цѣль мнѣ укажите,
А потомъ и лайте. Вы мнѣ говорите:
Цѣль извѣстна—это самосохраненье,
Благосостоянье, миръ и просвѣщенье.

Пока еще чисто романтическая неопредѣленность. Но Трезвонка высказывается и далѣе.

Наша цѣль—одна, чтобъ поровну достало
Всѣмъ ѣды и пойла. Стало-быть сначала
Разберемъ, кто въ правѣ утолять свой голодъ...
Утолять свой голодъ въ правѣ тотъ, кто молодъ,
Кто не заразился старымъ предразсудкомъ,
Что живетъ онъ въ мірѣ не однимъ желудкомъ,
Кто рискуетъ жизнью, кто своей породы
Не щадитъ во имя братства и свободы;
Остальные—лежни—въ праздности и лѣни
Дни свои проводятъ на измятомъ сѣнѣ
Своего подвала. Если ты не струсишь,
Если ты всѣмъ лежнямъ горло перекусишь,

то... то начнутся истинно блаженныя для всѣхъ времена. Но если такъ цинично, прямо и эгоистично провозглашаетъ программу Трезвонка, ставшій во главѣ всего движенія и сразу же признанный всѣми за генія, то отнюдь не совсѣмъ такъ понимаютъ его подчиняющіеся ему слѣпо поклонники. Зароненная Магомъ великая идея звѣрчества еще живетъ въ нихъ и руководитъ ихъ побужденіями, а потому всѣ стремленія ихъ имѣютъ, такъ сказать, какъ говорится теперь, альтруистическій пошибъ или по крайней мѣрѣ альтруистическую окраску. Заходитъ прежде всего рѣчь о жизни своимъ трудомъ, о самопомощи, о всеобщемъ благѣ... Это-то все вдохновляетъ собачьи мозги и въ особенности приводитъ въ восторгъ легкомысленныхъ „амокъ“. Описываются удачные и неудачные подвиги такого рода. Между прочимъ возникаетъ вопросъ о томъ, не послѣдовать ли примѣру

пѣтуховъ и не завести ли многобрачія... Амки заявляютъ „о своихъ правахъ на такую же свободу“...

Не трудно замѣтить, что въ этомъ положеніи либерализмъ еще столь же безпрограмменъ, какъ и романтизмъ, его предшественникъ. Является и программа. Но эта программа не составляетъ продукта псарни, не вырабатывается ею и въ ней. Она создается страхомъ сытыхъ и довольныхъ за свое благосостояніе. Ее провозглашаетъ прежде всего аристократъ Валетка—барская собака, спящая на коврахъ и всегда ходящая въ дорогомъ ошейникѣ, провозглашаетъ въ интимномъ разговорѣ съ барыниной левреткой Амишкой. Желая напугать свою собесѣдницу, Валетъ сообщаетъ ей, что собаки, преслѣдуя идею звѣрчества, намѣреваются вступить въ соглашеніе съ волками, медвѣдями и всѣми прочими звѣрями и общими силами низвергнуть царство человѣка и его любимцевъ, чтобы самимъ сдѣлаться обладателями кладовыхъ, амбаровъ, огородовъ, кухонь и т. п.

Смѣю васъ завѣрить, что, быть-можетъ, нынѣ
Ночью все погибнетъ: барину, свининѣ,
Сыру, банкамъ, стклянкамъ, нашей воплощенной
Добротѣ—Мирзихѣ, вамъ—моей богинѣ,
А затѣмъ, конечно, и моей персонѣ
Угрожаетъ гибель.

Я предполагаю,—продолжаетъ тотъ же лежебокъ и аристократъ Валетка, что слово

„Звѣрчество“ для слуха вашего не ново;
Но едва ль понятно вамъ его значенье;
Я поймалъ на псарнѣ это выраженье,
Сталъ слѣдить и понялъ, что̀ все это значитъ,
Трепещу. Васъ это можетъ озадачить.
Звѣрчество-съ явилось между кобелями
Лозунгомъ союза съ дикими звѣрями,
Псарня, наша псарня-съ, въ праздности великой
Пребывая, бредитъ о свободѣ дикой,
Внемлетъ пропагандѣ и на незаконный
Путь черезъ лазейку вышла, и съ волками
Снюхалась, и даже стала съ медвѣдями
Подъ одни знамена. Хитрая лисица
Тоже къ нимъ пристала. Ну-съ, вообразите,
Что это за сила? Чѣмъ вы устраните

Страшную опасность? Здѣсь вѣдь не столица,
Гдѣ войска, гдѣ можно такъ распорядиться,
Что маршъ-маршъ, пафъ-пафъ—и все угомонится.

Ни о чемъ такомъ псарня еще и не слыхала; ничего такого еще и въ умъ ей не приходило. Никакой программы дѣйствія еще у нея не существовало. Программу эту выработалъ страхъ тѣхъ, кого на псарнѣ называли лежебоками и аристократами. Боязнь внушила имъ эту программу, и по вѣрѣ ихъ чуть было и не далося имъ. Не станемъ описывать, какъ провѣдалъ про эту внушенную и выработанную страхомъ программу Трезвонка, какъ онъ выдалъ ее за свою на псарнѣ, признанъ былъ геніемъ и въ качествѣ своего рода диктатора, пользуясь дѣйствительно чуть ли не диктаторскою властью, приступилъ къ осуществленію подслушанной программы. Обаяніе на избранныхъ имъ членовъ псарни произвелъ онъ громадное. Собачья стая съ восторгомъ рѣшаетъ приступить къ пропагандѣ между дикими звѣрями. Ораторами и вожаками движенія являются Трезвонъ и большая бродячая собака Ахиллъ. Но когда надо выбрать агентовъ на опасные посты пословъ къ медвѣдямъ, волкамъ и лисицамъ, сильные стушевываются. Диктаторъ Трезвонъ ловко отклоняетъ отъ себя эту честь. Посылаютъ къ медвѣдямъ пылкую молодую амку Сайгу, фанатично берущуюся за это дѣло; впрочемъ, до берлоги посылаютъ проводить ее знающаго мѣсто бродягу Ахилла. Къ волкамъ волей-неволей направляютъ дворнягу Барбоса, а къ лисицамъ командируется „представитель плебеизма“, млѣющій передъ геніемъ Трезвонки—Орелка. Трезвонъ принимаетъ на себя только руководство движеніемъ и... пропаганду между зайцами. Исходъ пропаганды, конечно, не трудно предвидѣть, точно такъ же, какъ и судьбу самихъ пропагандистовъ. Трезвонка только слопалъ перваго попавшагося ему зайчика; сильный Ахиллъ убѣжалъ съ дороги; Барбоса съѣли волки; Сайгу сперва медвѣдь изранилъ, а потомъ на деревнѣ приняли за бѣшеную и повѣсили. Орелка остался цѣлъ, но зато вполнѣ одураченъ и проведенъ былъ лисицами. Поэтъ-собака, описывая смерть Сайги, дѣлаетъ ей такую художественно-мѣткую характеристику:

Никого не знали, кто бъ тянулъ такъ лямку,
Какъ она тянула новую идею,
Ту, что ей надѣли, какъ хомутъ на шею.
Вся она служила дѣлу безотчетно,
Но прямолинейно и безповоротно.

Духъ ея тревожный и неугомонный
Носится доселѣ надо мною въ сонной
Атмосферѣ ночи мрачной и осенней...

Каковъ же былъ исходъ всего этого движенія, изъ котораго вполнѣ сухимъ, то-есть вполнѣ цѣлымъ и сохраннымъ, вышелъ только Трезвонка, бывшій его запѣвалою, руководителемъ и чуть ли не временнымъ диктаторомъ? Проведенныя глупымъ Орелкою, лисицы учинили опустошеніе въ прилегавшемъ къ псарнѣ птичникѣ. Ключница Арина и мужъ ея, командиръ псарни, солдатикъ замѣтили вольное поведеніе нѣкоторыхъ собакъ, увидали продѣланную лазейку и за подвиги Трезвонки и его несчастныхъ товарищей обрушилось гоненіе и на всю ни въ чемъ неповинную псарню. Собачьей свободѣ снова положенъ былъ предѣлъ. Псарню снова заколотили, задѣлали и замуравили, уничтожили въ ней всѣ входы и выходы. Трезвонка, возвратившійся тогда уже, когда лазейки были забаррикадированы частоколами, оказался временнымъ изгнанникомъ изъ родной псарни. Но онъ успѣлъ, однако, снова пробраться въ нее, можетъ-быть и для новыхъ подвиговъ. А тѣмъ временемъ въ псарнѣ повѣяло новымъ духомъ. Проникла вѣсть, что въ виду ожидаемаго принца Китайскаго, принца Стручка, родственника царя Гороха, предпримется снова охота и въ псарнѣ совершатся перемѣны. Вѣсть эту объявилъ аристократъ Валетка. Въ псарнѣ замѣтно наступали новые порядки. Собакъ начали прикармливать.

Наконецъ на псарнѣ стали появляться
Господа и явно всѣмъ распоряжаться.
Мы сперва на крикъ ихъ лаемъ отзывались,
Но потомъ притихли, съ духомъ ихъ освоясь,
Шли на зовъ; они же ласково трепали,
Щупали намъ ребра и сортировали,
Споря и о чемъ-то словно безпокоясь.

Собачья натура начала поддаваться. Но сортировавшій и ревизовавшій барченокъ большинствомъ собакъ остался недоволенъ,

Только для Трезвона у него нашелся
Комплиментъ: „Отличный волкодавъ!“ и грубый
Демократъ Трезвонка вдругъ оскалилъ зубы
И такъ благодушно глянулъ изъ-подлобья,
Точно молвилъ:—вѣрно, ваше благородье,
Мы еще годимся!

Какъ собственно и на что̀ собственно пригодился вышедшій цѣлымъ изъ воды виновникъ всей передряги Трезвонъ, такъ и остается для насъ невыясненнымъ. Но когда по пріѣздѣ принца Стручка начались сборы на охоту и полное проявленіе собачьей подлости, когда уже опасно было заикнуться, что не все прекрасно, когда уже наступилъ конецъ начала и „начали мы вовсе жить безъ идеала“, Трезвонъ-Протей сумѣлъ очевидно выдвинуться и сдѣлать себя замѣтнымъ, хотя далеко не на прежнемъ уже поприщѣ.

Я остался съ нашимъ Водолазомъ
Не одинъ: вотъ вижу, мнѣ мигаетъ глазомъ
Марсъ, хромой дѣтина.
— Видѣлъ?
— Что такое?
Волкодава видѣлъ?
— Ахъ, оставь въ покоѣ!
Мнѣ какое дѣло: не видалъ.
Пожалуй,
Тоже отличится: на всѣ руки малый!

На этомъ и заканчивается, собственно говоря, грустная для многихъ и во многихъ отношеніяхъ, но выгодная для затѣявшаго ее и руководившаго ей Волкодава, собачья—нѣтъ, виноватъ—человѣческая комедія, изображенію которой посвящена юмористическая поэма Я. П. Полонскаго. Остается только сдѣлать выводъ изъ этой комедіи, подвести моральный итогъ ея. Этотъ нравственный выводъ дѣлаетъ водолазъ—Магъ, напослѣдокъ впавшій въ мистицизмъ и повторявшій все одни и тѣ же загадочныя слова: „Прахъ метаморфоза—духъ преображенья“. Наконецъ водолазъ Магъ заманиваетъ друга своего поэта въ лѣсъ. Тамъ укладываютъ они переднія лапы на пень стараго дуба и начинается спиритическій сеансъ. Надъ участниками сеанса носятся собачьи души.

Но и отвернуться
Не успѣлъ я, слышу, ужасомъ объятый,
Буль-буль-буль, и вижу изъ воды озерной
Въ видѣ водолаза, странный и косматый
Выдвинулся призракъ. Вотъ онъ тѣнью черной
Пробѣжалъ большими мягкими скачками,
Въ темнотѣ сверкая яркими глазами

Съ голубымъ отливомъ. Долго онъ носился,
Какъ пятно въ туманѣ; вдругъ остановился,
Пристальнымъ и страшнымъ пронизалъ насъ взглядомъ
Круто поднялъ спину, скокъ—и съ нами рядомъ
Сѣлъ. Тогда исчезли всѣ собачьи души
Кромѣ этой.

На другой день послѣ этого сеанса Магъ приноситъ поэту-собакѣ рукопись—разговоръ съ духомъ. Духъ предсказываетъ идеалисту близкую смерть, но и объявляетъ, что послѣ смерти онъ въ силу метаморфозы сдѣлается человѣкомъ.

Значитъ
На землѣ такимъ же буду плотояднымъ
Звѣремъ?

въ ужасѣ вопрошаетъ собака-идеалистъ. Но духъ объясняетъ, что всѣ люди, окружавшіе псарню и упоминавшіеся въ поэмѣ: и Мирза, и Мирзиха, и гости, халуи, и принцъ-охотникъ—только звѣри, носящіе обличіе человѣка, что великія идеи, высокія стремленія могутъ быть осуществлены только человѣкомъ.

Вѣчность
Въ очередь за звѣремъ ставитъ человѣчность.
Людямъ лишь дается Богомъ и природой
То, что̀ вы зовете братствомъ и свободой.

Но человѣкъ именно человѣчности-то въ себѣ и не осуществляетъ; ее-то именно оставляетъ онъ въ пренебреженіи и не вырабатываетъ въ себѣ.

Нѣтъ скачковъ у жизни, и перерождаясь
Въ человѣка звѣри тѣмъ же остаются,
Чѣмъ и были: то̀лько съ геніемъ встрѣчаясь,
Медленно идеямъ его поддаются,
Или слѣпо вѣрятъ, иль за умъ берутся.
Только тотъ, кто людямъ безкорыстно служитъ,
Звѣря одолѣетъ и обезоружитъ,
Но такихъ немного.

Но и подвигъ человѣчности, при настоящихъ условіяхъ, невыносимо еще труденъ.

Участь человѣка
Чистаго быть жертвой звѣрческаго вѣка.

Но гряди, счастливецъ! На словахъ, на дѣлѣ
Будь сотрудникъ Божій и въ согбенномъ тѣлѣ.
Силу вѣчной правды и любви постигнутъ
Только люди, только вѣра и усилья
Пробиваться къ свѣту придадутъ имъ крылья
Быть вездѣ со всѣми; лишь они достигнутъ
Цѣли формамъ жизни дать то совершенство,
Что создастъ народамъ высшее блаженство
Знать, любить и вѣрить и искать дорогу
Въ безднѣ безконечныхъ переходовъ къ Богу.

Итакъ, изъ всего изображенія собачьей, виноватъ, человѣческой комедіи вытекаетъ высокое поученіе *быть людьми*. Выставить это поученіе — такова была главная цѣль поэта-человѣка. Онъ и высказываетъ это устами собаки-автора:

Музой вдохновенный,
Самъ я тоже думалъ; да и въ современной
Намъ литературѣ есть кой-что такое,
Что̀ напоминаетъ мнѣ твое благое
Поученье *быть людьми*. Увы! невольно
Я пришелъ къ тому, что̀ думаю...

Правда, и въ заключеніи этомъ есть еще много туманнаго и недосказаннаго, точно такъ же, какъ и въ самомъ изложеніи чувствуется, какъ уже говорили мы, нѣкоторый недостатокъ цѣлостности и художественнаго единства. Но уже и изъ приведенныхъ нами отрывковъ и краткаго изложенія содержанія читатель можетъ, конечно, видѣть, что юмористическая поэма Я. П. Полонскаго есть произведеніе во всякомъ случаѣ крупное, смѣлое, оригинальное, мѣстами весьма остроумное, мѣткое, въ значительной степени художественное и глубоко-поучительное. Будемъ надѣяться, что не осуществится грустное предсказаніе, которымъ пѣвецъ оканчиваетъ свою поэму:

Боги! что-то будетъ съ рукописью этой!
Вѣдь собаки наши и читать не станутъ
Сихъ моихъ признаній... и не упомянутъ....

Въ признаніяхъ этихъ, во всякомъ случаѣ, очень много той грустной и горькой правды, прислушаться къ которой, вдуматься въ которую всегда бываетъ очень полезно и поучительно...

Н. А.

2) НАРОДЪ И НАРОДНЫЯ «КНИЖКИ»

По поводу «Изданій Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности».

I.

Выдающеюся особенностью нашего времени должно признать огромные успѣхи народной грамотности. Съ каждымъ годомъ число народныхъ школъ увеличивается, а съ ними вмѣстѣ растетъ и количество грамотныхъ въ деревнѣ. Постепенный ростъ школъ грамоты послѣ изданія правилъ о церковно-приходскихъ школахъ доказываетъ это нагляднымъ образомъ. Тогда какъ въ первый 1884/5 годъ изданія этихъ правилъ школъ грамоты было 840, въ слѣдующемъ 1885/6 — ихъ было уже 3.101, въ 1886/7 — 6.168, въ 1887/8 — 7.595, въ 1888/9 — 9.217, а въ 1889—90 ихъ было уже свыше 10.000, болѣе чѣмъ съ 200.000 учащихся.

Такіе успѣхи народной грамотности сами собой предъявляютъ особыя требованія нашему времени. „Историческая минута, переживаемая нами,—минута великая и страшная", говоритъ С. А. Рачинскій. Дѣйствительно, на нашихъ глазахъ „завершается пріобщеніе, путемъ быстро распространяющейся грамотности, многочисленнѣйшаго изъ христіанскихъ народовъ міра къ первымъ ступенямъ жизни сознательной". Наше время должно удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ народа отъ грамотности. Народъ желаетъ, чтобъ его дѣти были научены Закону Божію, чтобъ они знали и понимали то, что̀ совершается въ храмѣ Божіемъ и даже чтобы сами они были участниками въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Народъ желаетъ, чтобъ его дѣти были воспитаны въ подчиненіи порядку, въ уваженіи власти и старшихъ, въ любви къ своей странѣ и своей родной деревнѣ, въ безграничной привязанности ко всему, что̀ всегда дорого русскому человѣку — къ роднымъ преданіямъ, обычаямъ, къ родной старинѣ. „Задача школы типа шестидесятыхъ годовъ — „сдѣлать изъ ребенка человѣка" — абсолютно непонятна родителямъ нашихъ школьныхъ ребятъ, — говоритъ Сергѣй Александровичъ Рачинскій: они основательно полагаютъ, что дитя ихъ сдѣлается „человѣкомъ" и не видавъ азбуки; стремленіе же школы - сдѣлать

изъ дѣтей добрыхъ христіанъ—это всякому понятно и всякому любезно.

Вотъ задача—*воспитаніе добрыхъ христіанъ*,—которая лежитъ обязанностью на всѣхъ народныхъ дѣятеляхъ. Служить ей обязаны не только тѣ, кто непосредственно стоитъ у народно-школьнаго дѣла, но также и тѣ, кто своею охотой желаетъ пособить народному образованію путемъ изданія и распространенія въ народѣ разныхъ листковъ и книжекъ. Народныя изданія должны отвѣчать насущной потребности народнаго образованія—воспитанію добрыхъ христіанъ, сознательно относящихся къ своей вѣрѣ, къ своей исторіи и къ своему положенію. Только такія изданія желаетъ имѣть нашъ народъ и только такія ему и нужны.

II.

Въ послѣдніе годы изданіе народныхъ книжекъ необыкновенно оживилось. За это дѣло взялись различныя общества и частныя лица. Мы не говоримъ объ изданіяхъ духовныхъ обществъ и лицъ, давно уже заявившихъ себя своею прекрасною и плодотворною дѣятельностью. Но у насъ уже есть добрый десятокъ свѣтскихъ анонимныхъ и открытыхъ фирмъ, исключительно или между прочимъ занимающихся изданіемъ народныхъ книжекъ; таковы: *Посредникъ*, М. Конусовъ, В. И., М. К., Жирковъ, Клюкинъ, Маракуевъ, С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности, Московскій Комитетъ Грамотности, *Русская Мысль*, *Русское Богатство* и многія другія. Къ этому же разряду должно отнести и „Изданія Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности“. Какъ и во всемъ, провинція и въ этомъ дѣлѣ не хочетъ отстать отъ столицъ. [1] Посмотримъ, что̀ Харьковское Общество издало для народнаго чтенія.

Передъ нами одиннадцать книжекъ, только-что изданныхъ Харьковскимъ Обществомъ распространенія въ народѣ грамотности. Всѣ онѣ одинаковаго размѣра, in 8°, каждая за своимъ нумеромъ, по порядку, и въ особой цвѣтной оберткѣ. Вверху обертки каждой книжки поставленъ ея нумеръ, подъ нимъ напечатано заглавіе книжки, а подъ заглавіемъ — общая всѣмъ книжкамъ картинка. Картинка представляетъ собою видъ малороссійской

[1] Подробности см. въ № 2 *Русскаго Обозрѣнія* въ статьѣ Л. Тихомирова.

деревни. Передъ первой избой ея хохолъ съ женой слушаютъ чтеніе дѣвочки, которой подаетъ книжки и листки коробейникъ. На коробѣ послѣдняго надпись: „Изданія Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности". Въ углу картинки, гдѣ-то за дворами видѣнъ остовъ или тѣнь какой-то убогой постройки, судя по главамъ, - должно быть, церкви. На остальныхъ трехъ страницахъ обертки—рисунки земледѣльческихъ машинъ и орудій и объявленіе отъ фабрики ихъ Эмиля Липгарта и Ко съ поясненіемъ „выгодныхъ условій для крестьянскихъ обществъ". Такова внѣшняя сторона новыхъ изданій.

Содержаніе книжекъ полно сюрпризовъ и неожиданностей. Во всѣхъ книжкахъ нѣтъ ни одного русскаго сюжета. Неугодно ли убѣдиться по заглавіямъ: № 1 Среди Французовъ: 1) Тайна стараго мельника, 2) Обезьяна,—два разсказа А. Доде; № 2 Жанна д'Аркъ, Дѣва Орлеанская; № 3 Несчастная; № 4 Параска, — А. С. Шабельской; № 5 Миронъ и Галька, А. С. Шабельской; № 6 Сибирь и переселенцы, Н. К. Истоминой; № 7 Друзья (разсказъ изъ голландской жизни); № 8 Прекрасная Ниверneза. Исторія одного стараго судна, по Доде; № 9 Швейцарія, А. С—чъ и Е. Р—ой; № 10 Желѣзныя дороги, и № 11 О шелкѣ. Какъ и откуда добывается шелкъ? М. Н. Енькл. Можно подумать, судя по заглавіямъ, что въ №№ 3, 4 и 5 содержатся русскіе разсказы. Но дѣйствительное содержаніе ихъ далеко не оправдываетъ такого предположенія. Въ № 3 описана „несчастная" католичка, а 4 и 5 №№ изложены какимъ-то страннымъ жаргономъ, должно-быть, смѣшаннымъ изъ великорусскаго и малорусскаго нарѣчій, и поэтому разсказанныя такимъ языкомъ исторіи едва ли можно пріурочить какому-нибудь опредѣленному народу или какой-либо мѣстности. О № 6 я не говорю. Авторъ хотѣлъ дать руководство переселенцамъ и необходимые адреса, но значеніе ея самъ выразилъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Если переселенческая семья явится въ Сибирь съ достаточными средствами и вскорѣ же по прибытіи будетъ поселена на удобной землѣ, то она быстро обстраивается и обзаводится скотомъ и всѣмъ нужнымъ для хозяйства; если же переселенцы водворятся на такой землѣ, которая неудобна для земледѣлія, напримѣръ, на безводныхъ, гористыхъ или болотистыхъ участкахъ, или же на такой землѣ, на которой нужно работать иначе, чѣмъ какъ умѣетъ и привыкъ работать переселенецъ у себя на

родинѣ, то устроеніе его на новыхъ мѣстахъ часто бываетъ очень затруднительнымъ, и переселенецъ, выбившись изъ силъ, нерѣдко опять возвращается на родину" (31—32 стр.).

Такимъ образомъ Харьковскій комитетъ желаетъ познакомить русскій народъ съ жизнью иностранцевъ и жизнью людей неопредѣленныхъ національностей. Разумѣется, въ иностранныхъ сюжетахъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Почему же не знать русскому человѣку своихъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей? Но дѣло въ томъ, чтобы умѣть въ книжкѣ познакомить читателя съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Не нужно забывать, что съ каждымъ названіемъ русскій народъ соединяетъ только свое собственное русское понятіе. Церковью, безъ добавленія разныхъ эпитетовъ, онъ называетъ только свою Православную Церковь, Царемъ, только Русскаго Императора. Поэтому, чтобъ онъ имѣлъ надлежащее понятіе о другихъ странахъ и людяхъ, необходимо точно и опредѣленно объяснить ему ихъ понятія и нравы, строго различить ихъ отъ его собственныхъ. Особенно это нужно сказать о вѣрѣ другихъ людей. „Какой онъ вѣры?"—это самый интересный вопросъ для него при встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ. Иначе подъ знакомыя названія онъ подставитъ свои понятія и вмѣсто знанія у него останется какая-то безтолковая путаница.

Къ сожалѣнію, это элементарное правило и дѣтскаго и народнаго наученія осталось неизвѣстнымъ Харьковскому комитету, взявшемуся распредѣлять въ нашемъ народѣ чужія и о чужихъ людяхъ книжки. Какъ прикажетъ Харьковскій комитетъ смотрѣть на „Дѣву Орлеанскую"? Въ его книжкѣ № 2 сказано: „Жанна до послѣдней минуты жизни любила свой народъ и ради него приняла *вѣнецъ мученицы*" (38 стр.). [1] Приняла вѣнецъ мученицы... Стало быть—святая. Авторъ прямо и называетъ ее „святою дѣвушкой" (36 стр.). А если прочитать у него, какъ Жанна воспитывалась, какъ „мать научила ее только молитвамъ и читала ей Священное Писаніе", какъ Жанна любила слушать разсказы матери о мученицахъ и о святыхъ подвижникахъ Христовой вѣры", какъ она была набожна, любила церковь и нищихъ (6 стр.), то уже въ святости ея не останется сомнѣнія, особенно послѣ такого трогательнаго конца ея жизни: „успокоилась, исповѣдывалась и пріобщилась въ тюрьмѣ", а потомъ на кострѣ „девятнадцатилѣтняя мученица отдала Богу свою душу, но тѣло ея

[1] Курсивъ нашъ.

еще долго горѣло на вѣчный стыдъ ея мучителямъ" (30 и 36 стр.). Ну, конечно, святая, думаетъ простолюдинъ-читатель. Однако, почему же нѣтъ ее въ Святцахъ? Понимаю, догадывается онъ: вѣдь въ книжкѣ ясно сказано: „назначили судъ надъ нею изъ ученыхъ, монаховъ и священниковъ" (26 стр.); монахъ смущалъ ее на судѣ (16 стр.); „Епископъ прочелъ списокъ всѣхъ преступленій" ея (33 стр.); наконецъ, „замѣтивъ среди священниковъ епископа, она смѣло сказала ему: „Епископъ, это чрезъ васъ я умираю" (30 стр.). Читателю теперь ясно стало, что потому епископы, священники и монахи не вписали ее въ Святцы, что они-то ее и сожгли... Охъ, да не они ли выдумали и „нечистую силу"? Въ книжкѣ ясно сказано: „пятьсотъ лѣтъ тому назадъ вѣрили еще и въ русалокъ, и вѣдьмъ и въ нечистую силу" (25 стр.); „чтобы отогнать русалокъ отъ ручья, священникъ каждый годъ ходилъ святить въ немъ воду" (7 стр.) Скажи пожалуста, во „всѣ эти суевѣрныя сказки и обряды" (7 стр.) вѣрили „пятьсотъ лѣтъ тому назадъ", а у насъ еще и теперь каждую весну въ Преполовенье священникъ ходитъ съ крестнымъ ходомъ на воду... А вѣдь до книжки Харьковскаго комитета народъ о суевѣрности этихъ обрядовъ и не слыхалъ.

Чему же желаетъ научить Харьковскій комитетъ своихъ читателей? Тому-ли, что нечистая сила есть выдумка духовенства, а въ дѣйствительности ея совсѣмъ нѣтъ? Или и тому еще, что духовенство услужливо передъ свѣтскимъ начальствомъ, жестоко, несправедливо, мстительно, выбираетъ святыхъ по произволу? Или и тому еще, что духовенство занято только своею наживой и для денегъ эксплуатируетъ даже святыню? Вѣдь въ разсказѣ Комитета № 7 „Друзья" весьма трогательно описано, что бѣдный человѣкъ не видитъ въ церкви нѣкоторыхъ „картинъ", а по-русски иконъ, потому что за это нужно платить (12—13 стр.).

Неужели же составителямъ харьковскихъ книжекъ нельзя было дать предварительное точное понятіе о вѣрѣ и духовенствѣ описываемыхъ ими странъ? Вѣдь въ № 8 весьма предупредительно объяснено, на первой же страницѣ, что „Парижъ— главный городъ Франціи". Или они руководились космополитическими принципами, дескать, всему одна цѣна, пусть все перепутается, а указывать на различія—значитъ поддерживать рознь, что совсѣмъ не современно. Кому же Харьковскій комитетъ служитъ своими принципами? На югѣ, какъ извѣстно, какъ разъ тамъ, гдѣ думаетъ онъ распространить свои книжки, слишкомъ

слабо у Малороссовъ знакомство съ своимъ Православіемъ. По общему свидѣтельству, малорусское невѣжество составляетъ главную причину необыкновеннаго роста сектантства на югѣ. Своими принципами, своими книжками Харьковскій комитетъ даетъ великолѣпное подспорье штундистской пропагандѣ. Духовенство невѣжественно, мстительно, корыстолюбиво, обряды порождены суевѣріемъ: какъ разъ на штундистскую тему.

Совсѣмъ другое дѣло было бы, еслибы въ книжкахъ благоразумно объяснено было читателямъ, что, дескать, рѣчь идетъ о людяхъ не нашей вѣры, что у нихъ такая-то вѣра, такіе-то обряды, такое-то духовенство. Всякій бы зналъ, что книжки комитета обрушиваются не на нашу вѣру и не на наше духовенство. А теперь пусть догадывается, кому охота, о чемъ тутъ рѣчь. А не догадается, такъ пусть относитъ къ своей вѣрѣ...

Между тѣмъ къ такому объясненію былъ прекрасный поводъ. Въ № 3, подъ заглавіемъ „Несчастная", разсказана исторія о какой-то Магдѣ, получившей въ приданое отъ пани-помѣщицы корову—Красулю, послѣ чего „довольство и Божье благословеніе вошли въ хату вмѣстѣ съ Красулею". Въ разсказѣ нѣсколько разъ упоминается объ уваженіи Магды къ ксендзу, о любви ея къ костелу. Вѣроятно, она была католичка. Но еслибы читатель книжки № 3 задался вопросомъ, какой вѣры была Магда, онъ рѣшительно затруднился бы отвѣтить на него. „Сегодня Магда была въ костелѣ, разсказывается въ книжкѣ. Органъ игралъ, хоръ пѣлъ, Богородица сіяла своею чудною улыбкой; Ея образъ представлялся Магдѣ даже здѣсь въ снѣжномъ полѣ и какъ будто разогрѣвалъ своею лучистою теплотою ея застывавшіе члены. Эта великолѣпная церковь казалась ей частью неба, о которомъ она столько слышала отъ старыхъ людей и отъ ксендза; въ ней все есть: и Спаситель и Святая Троица, и Ангелы, и звѣзда и Духъ Святой въ видѣ бѣлаго голубка"... (23 стр.). Вотъ только органъ мѣшаетъ, да Богородица не улыбается у насъ, а то бы по такой характеристикѣ Магду можно было считать православной. Еще въ нашихъ храмахъ нигдѣ не найдешь такой иконы и ни одинъ православный не опишетъ ее такъ, какъ она описана въ книжкѣ № 3: „А маленькій Христосъ протягиваетъ къ ней свои ручонки и благословляетъ ее", какъ не скажетъ, пожалуй, о цвѣтущихъ степяхъ, что онѣ представляютъ изъ себя „такой роскошный коверъ, что только Богу ходить по немъ" (№ 4, 3 стр.). Поневолѣ выведешь

заключеніе, что разница только въ названіи, а въ сущности что священникъ, что ксендзъ, храмъ и костелъ, православная вѣра и другая какая—все равно.

Что, напримѣръ, можетъ дать читателю такая фраза о Швейцарцахъ: „Всѣ они христіане, но разныхъ исповѣданій", и больше ни слова, хотя Швейцаріи посвящена цѣлая книжка, № 9, въ 64 страницы. Есть впрочемъ одно объясненіе, къ которому совсѣмъ не знаешь какъ отнестись: хорошо оно или худо: „Свои подати нужны деревнѣ еще и на многія другія надобности; нужны онѣ и на жалованье пастору или (?) священнику. *Пасторъ здѣсь нанимается на годъ*, ему уплачивается годовое жалованье изъ деревенской казны и, получая жалованье, онъ уже ничего не долженъ брать за требы" (40 стр.).

Но предполагается, что подобные вопросы о вѣрѣ и церковныхъ обрядахъ могутъ интересовать нашего деревенскаго малосвѣдущаго грамотѣя.

Однако, читатель харьковскихъ книжекъ можетъ узнать изъ нихъ большую для себя новость въ этомъ отношеніи, что, дескать, не онъ одинъ интересуется этимъ. Были два друга—Нелло и Патрашъ, разсказывается въ книжкѣ № 7 „Друзья".

— Было, впрочемъ, одно обстоятельство, нарушавшее покой Патраша, говорится тамъ.

— Въ Антверпенѣ, какъ извѣстно, много старыхъ каменныхъ храмовъ, темныхъ, древнихъ и величественныхъ; надъ ними въ воздухѣ гудятъ колокола, а изъ ихъ дверей несутся отъ времени до времени звуки музыки и пѣніе.

— Итакъ, что же тревожило Патраша?

— Малютка Нелло, что-то ужь слишкомъ часто входилъ въ эти огромныя, печальныя, старыя зданія и скрывался подъ ихъ темными сводами, между тѣмъ, какъ Патрашъ, оставаясь у входа на мостовой, мучительно размышлялъ о томъ, зачѣмъ уходилъ отъ него его неразлучный милый товарищъ... Но Нелло ходилъ не во всѣ церкви. Чаще всего онъ заходилъ въ большой соборъ, и когда выходилъ, шепталъ всегда одни и тѣ же слова: „Еслибы только я могъ посмотрѣть на нихъ, еслибы только я могъ посмотрѣть на нихъ"!

„Кто бы такіе были эти они?" недоумѣвалъ Патрашъ, смотря на него большими, внимательными, нѣжными глазами. Однажды, когда сторожъ отлучился и двери были открыты настежь, онъ на минуту вошелъ за своимъ маленькимъ другомъ и посмотрѣлъ

кругомъ. „Они“ были двѣ завѣшанныя картины на той и другой сторонѣ хоръ. Нелло стоялъ на колѣняхъ, какъ очарованный, передъ запрестольной картиной Успенія; увидавъ Патраша, онъ всталъ и потихоньку вывелъ его вонъ (10—12 стр.).

Но кто такой Нелло и кто Патрашъ? Нелло—маленькій мальчикъ, а Патрашъ—его большая собака...

III.

Этого было бы вполнѣ достаточно для характеристики изданій Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Но чтобы не быть односторонними, разсмотримъ нравоучительную и художественную стороны ихъ.

Но какія же нравоученія вынесешь изъ харьковскихъ книжекъ? Вотъ, напримѣръ, на счетъ распространяемой Харьковскимъ обществомъ грамотности. Зачѣмъ учиться грамотности? — задаетъ вопросъ читатель, а въ книжкѣ общества № 8 уже готовъ и отвѣтъ; „Подъ шумъ поѣзда Можандръ размечтался о будущемъ и началъ раздумывать, что онъ сдѣлаетъ изъ своего сына. Сначала онъ отдастъ сына въ гимназію. Дальше ему кажется, что Викторъ уже взрослый, что онъ студентъ лѣснаго училища; онъ въ темно-зеленомъ мундирѣ, и его грудь расшита серебромъ. Это ничего не стóитъ для плотника: капитала хватитъ и не на такіе пустяки. Люди будутъ скидать шапки передъ нимъ. *Красивыя дамы станутъ съ ума сходить по немъ*, [1] а стоящій въ сторонѣ дряхлый старичекъ, съ мозолистыми руками, скажетъ, видя все это:

— „Вотъ мой сынъ!..—А, каковъ мой сынъ?“ (44 стр.). Мальчика отдали въ гимназію. Что же сдѣлало съ нимъ ученье? „Викторъ,—имя мальчика, — становился настоящимъ олухомъ (sic). Онъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе худѣлъ, дѣлался грустнѣе и молчаливѣе“ (47 стр.). Произошло это, видите-ли, отъ переутомленія, вѣроятно, а главное потому, что у мальчика было собственное призваніе быть матросомъ, а его посадили за книгу. Дѣло кончилось, разумѣется, къ общему удовольствію: мальчика взяли изъ гимназіи и помѣстили матросомъ на суднѣ.

— Чтобы плоты гонять, и нашему брату не требуется гра-

[1] Курсивъ нашъ.

йота,—разсуждаетъ нашъ деревенскій читатель и остается съ такимъ заключеніемъ, одолѣвши книжку № 8.

Вотъ книжка № 5, о чужой „любовницѣ“ (sic). Не знаю, что общаго между распространеніемъ въ народѣ грамотности и знакомствомъ его съ солдатскими „любовницами“. Не знаю и того, для кого предпочтительно назначена эта книжка № 5: для мальчиковъ или для дѣвочекъ. Дѣвочкамъ собственно нѣтъ никакого нравоученія: держи себя, какъ хочешь. Мальчики-же, прочитавши книжку, несомнѣнно усвоятъ, что, женившись на чужой любовницѣ, надо любить „чужаго ребенка, какъ своего, и никогда не попрекать свою жену, никогда“.

Вотъ и еще разсказъ № 4, какъ старый старшина не полюбилъ свою умную невѣстку, какъ они вели скрытую борьбу между собою, и какъ, наконецъ, когда народъ, побоявшись умной бабы, не выбралъ старика въ старшины, старикъ убилъ свою невѣстку. Не знаю, зачѣмъ разсказана и напечатана эта исторія, и не поучительная, и не художественная. Въ книжкѣ этой, однако, есть любопытный аргументъ противъ школы. Нынѣшніе порядки совсѣмъ несогласны съ существованіемъ деревенской школы, рядомъ и одновременно существовать имъ не удобно. Въ книжкѣ разсказано: „какъ-разъ около ратуши (должно-быть, конторы) школу построили и часто случается, что батька (по нашему, батьку) сѣкутъ, а хлопецъ его плачетъ—вотъ и пойди! Прежде хоть школы не было“... (32 стр.).

Дѣйствительно, какое неудобство! Или учиться, или сѣчь,—повидимому, къ этому клонится смыслъ книжки,—а совмѣстить ученье съ сѣченьемъ нельзя. Приходится пожалѣть, что авторъ книжки № 4 незнакомъ съ чисто-народными букварями. На первой же страницѣ ихъ онъ увидѣлъ бы, что народъ съ нимъ, т.-е. съ авторомъ, совсѣмъ несогласенъ. Тамъ, на первой страницѣ букварей, изображается „училище“, какъ гласитъ надпись надъ картинкой. У оконъ на лавкахъ мальчики твердятъ буквари, а посреди комнаты на полу старый учитель сѣчетъ розгами одного изъ школьниковъ, въ наученіе, конечно, и ему, и его товарищамъ.

Впрочемъ, харьковскія изданія, повидимому, совсѣмъ неразсчитаны на согласіе съ народомъ, его обычаями и вѣрованіями. Трудно даже опредѣлить, чѣмъ руководились и съ чѣмъ согласовались авторы ихъ, напримѣръ, въ такихъ случаяхъ: „*рысью подбѣжалъ* фогтъ къ оруженосцамъ *на своемъ конѣ* (№ 9, 56 стр.);

обрывы „*пообростали*“ елями, горы „*пообхвачены*“ лѣсами (6 стр.); „такъ ледъ въ этихъ ледникахъ изрытъ и весь прорѣзанъ широкими трещинами, какъ въ настоящей рѣкѣ вода“ (?!) (22 стр.); „когда они *на зиму* пріѣхали... маленькая сестра валялась *по травѣ*“ (№ 8, 39—40 стр.); „довольно одного ливня, чтобы *позаливать и посносить* грядки хлѣба“ (№ 9, 35 стр.); „лучше удается въ горахъ *картошка*“ (ibid.). Или вотъ, напримѣръ, художественное описаніе ненастья: „И вотъ полился дождь крупный, частый. Типъ, типъ, типъ, типъ, ляпъ, ляпъ, ляпъ, ляпъ, стучитъ онъ по деревянной (?) крышѣ“ (№ 5, 22 стр.).

Думается, гораздо полезнѣе для народа было бы объясненіе ему того, какъ устраиваются молотилки, плуги и вѣялки—тѣ самыя, которыя нарисованы на обложкахъ книжекъ, чѣмъ описывать ему разныя ненужныя ему паровыя машины и локомотивы, для чего издана даже отдѣльная книжка № 10.

Если справедливо, что разные народные писатели составляли свои книжки собственно для экспериментовъ надъ народомъ, какъ объ этомъ говорилъ въ прошломъ году авторъ статей въ *Русскомъ Богатствѣ* „о народной литературѣ“, то читатель совсѣмъ потеряется, задумавши опредѣлить смыслъ харьковскихъ книжекъ. Зачѣмъ онѣ? Кому нужны? Прежде думали „просвѣтить“ народъ, дать ему „интеллигентную“ литературу, научить его всякимъ „умнымъ“ предметамъ. Неуспѣхъ полный былъ удѣломъ этихъ легкомысленныхъ попытокъ.

Не нуженъ народу и этотъ не всегда грамотный наборъ всякихъ неопредѣленностей и несообразностей.

Старинщикъ.

Хлыново.
Февраль 1893 года.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Слово Русскаго Правительства по адресу Болгаріи.—Мартовскія думы.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* отъ 21 февраля напечатано слѣдующее „Правительственное Сообщеніе“:

„Императорское Правительство неоднократно имѣло случай заявлять о взглядахъ своихъ на совершавшіеся въ Болгарскомъ княжествѣ перевороты, и на тѣ начала, коими руководствуются въ своей политической дѣятельности софійскіе правители со времени захвата принцемъ Кобургскимъ княжеской власти. Нынѣ, по возвращеніи принца Фердинанда изъ заграничной поѣздки, вышеупомянутые правители предполагаютъ приступить къ созванію великаго народнаго собранія для измѣненія 38-й статьи тырновскаго устава, обезпечивающей принадлежность къ Православной вѣрѣ князя Болгарскаго и его потомства, за исключеніемъ лишь перваго избраннаго князя. Такимъ образомъ подготовляется посягательство на одну изъ основъ, присущихъ болгарской національной жизни—посягательство противъ народной вѣры, коей Болгаре столькимъ обязаны въ своемъ прошедшемъ.

„Императорское Правительство, твердо слѣдуя правилу не вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія княжества, не входитъ въ разсмотрѣніе явно пристрастныхъ мотивовъ, побудившихъ принца Кобургскаго и лицъ, стоящихъ у власти въ Софіи, къ принятому ими прискорбному для самой Болгаріи рѣшенію. Оно не можетъ, однако, въ виду нравственныхъ узъ, связующихъ Россію съ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ съ нею Болгар-

скимъ народомъ, оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ попытки, направленной къ тому, чтобы поколебать господствующее въ княжествѣ вѣроисповѣданіе.

„Среди населенія самой Болгаріи попытка эта вызываетъ энергическіе протесты.

„Экзархъ болгарскій обратился съ представленіями въ Софію, стараясь внушить софійскому правительству отказаться отъ проектированнаго имъ нововведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, блаженнѣйшій Іосифъ предложилъ созвать по сему поводу Святѣйшій Синодъ. Но сподвижники принца Кобургскаго, само собою разумѣется, не согласились отдать тѣмъ самымъ на обсужденіе Церкви столь важный вопросъ и отклонили это предложеніе. Несмотря, однако, на стѣснительныя мѣры, принятыя по отношенію ко всякимъ проявленіямъ несочувствія противонаціональнымъ стремленіямъ нынѣшнихъ болгарскихъ властей, протестъ экзарха нашелъ сочувственный отзывъ во всѣхъ слояхъ народа. Почти всѣ митрополиты Болгаріи одобрили поведеніе главы болгарской Церкви и пожелали блаженнѣйшему Іосифу успѣха въ справедливой борьбѣ за народную вѣру. Помимо духовенства, нѣкоторые политическіе дѣятели, а равно и óрганы болгарской печати и многіе граждане высказались противъ задуманнаго проекта, совѣтуя не упорствовать въ опасномъ замыслѣ.

„Въ виду вышеизложеннаго, Императорское Правительство выражаетъ искреннее желаніе, чтобы возвысившіеся голоса болгарскаго духовенства и благомыслящихъ гражданъ послужили предостереженіемъ для всѣхъ Болгаръ, безъ различія партій, и устранили опасность, которая грозитъ всякому народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныхъ своихъ преданій. Императорское Правительство убѣждено, что задуманный нынѣ поворотъ въ духовной и политической жизни княжества не можетъ сопровождаться благопріятными результатами и ведетъ лишь къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ, путемъ внутренняго разлада и глубокихъ нравственныхъ недоразумѣній.“

„Къ этому мудрому и властному слову правды остается только прибавить: „имѣющій уши слышать, да слышитъ!“

* * *

А прислушаться хотя бы къ этимъ глубоко знаменательнымъ словамъ о той „*опасности, которая грозитъ всякому народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныхъ своихъ преданій*“, вдуматься въ нихъ внимательно и серьезно—никому и никогда очень и очень не мѣшаетъ...

Не мѣшаетъ это и намъ, и особенно въ эти суровые и печальные, покаянные дни Марта, совпадающаго у насъ большею своею частью со днями Великаго поста и все еще заставляющаго сжиматься наше сердце несказанною болью при воспоминаніи о томъ, что̀ произошло двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ первый день этого мѣсяца печали и покаянія.

1-е марта 1881 года заставило многихъ и многихъ изъ насъ, у кого была хоть капля совѣсти, сердца и ума (не только прямыхъ и непосредственныхъ участниковъ и дѣятелей этой эпохи опьяненія и преступнаго увлеченія, но и всѣхъ тѣхъ, кто даже только малодушно или равнодушно снисходилъ и молчалъ), вздрогнуть, встрепенуться, ужаснуться и одуматься, понявъ всею русскою сутью своей всю силу, все невыразимое, захватывающее духъ значеніе той „*опасности, которая грозитъ всякому народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныхъ своихъ преданій*“...

Съ этого дня, съ этого мѣсяца въ новѣйшей исторіи русскаго общества и государства начался несомнѣнный и знаменательный поворотъ, обозначилось начало великаго покаяннаго отрезвленія...

Но какою ужасною, кровавою и святотатственною цѣной было куплено это отрезвленіе!

Только мысль, что въ отрезвленіи этомъ лежитъ *великій залогъ нашего лучшаго будущаго* можетъ хоть нѣсколько успокоить ужаснувшуюся и взволнованную душу и растревоженный умъ...

Но ни о чемъ другомъ не хочется уже ни говорить, ни думать въ эти скорбные и покаянные мартовскіе дни...

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

ИСКАНІЯ СВОБОДЫ.

Въ настоящее время въ нашей печати слышится гораздо менѣе разсужденій о свободѣ, нежели въ сороковыхъ или шестидесятыхъ годахъ. Значитъ ли это, чтобъ о ней не думали? Сомнѣваюсь. Не думать о свободѣ не можетъ человѣкъ. Это такое коренное свойство его духа, о которомъ никогда не забываютъ. Но для разсужденія нужно имѣть нѣкоторые прочные исходные пункты, основанія. А въ этомъ отношеніи современный публицистъ, подходя къ понятію о свободѣ, видимо труднѣе находитъ подъ ногами твердую почву. Столь долго господствовавшее *формальное* понятіе о свободѣ сильно расшатано. Понятіе *существенное* не стало яснѣе прежняго. Въ результатѣ является какъ бы избѣганіе этого труднаго вопроса. Охранителямъ стараго либерализма даже невыгодно пересматривать понятія, которыя установить теперь было бы уже потруднѣе чѣмъ прежде, во времена блаженнаго довѣрія къ громкимъ фразамъ. А между тѣмъ эти понятія такъ сильно привились, что держатся достаточно и одною привычкой публики. Quieta non movere, это правило соблазняетъ всякаго, перешедшаго на охранительное положеніе. Представители же новыхъ теченій мысли, можетъ-быть, не осмотрѣлись сами въ вопросѣ. Какъ бы то ни было, публицистика замѣчательно мало касается этого, казалось бы, вѣчно юнаго и живаго вопроса каждаго поколѣнія.

Каково же становится положеніе публики? Есть ли хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который въ первыхъ же фазахъ своего развитія не задалъ бы себѣ вопроса о свободѣ, не чувствовалъ

бы въ себѣ потребности въ ней, не искалъ бы, слѣдовательно, гдѣ она? Разбираться въ этомъ за отсутствіемъ помощи, очевидно, приходится какъ-нибудь собственными средствами, по старымъ тетрадкамъ, по обрывкамъ ходячихъ мнѣній. Но такимъ путемъ можетъ составляться не ясное понятіе, а несвязный конгломератъ обрывковъ разныхъ понятій. И это по вопросу первостепеннаго значенія для жизни человѣка...

Въ такомъ положеніи вещей пріобрѣтаютъ большое значеніе всѣ попытки выяснить понятія о свободѣ, какія, въ видѣ исключенія, въ прессѣ появляются. Онѣ для публики во всякомъ случаѣ лучше дипломатичнаго воздержанія отъ неудобныхъ, не сулящихъ лавровъ обсужденій. Эти немногія попытки, вопервыхъ, все же кое-что даютъ обществу, вовторыхъ, позволяютъ судить о направленіи, въ какомъ работаетъ общественная мысль.

Очень, казалось бы, удобный случай для спора и выясненія давали въ концѣ прошлаго года статьи г. Spectator'а въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (*Свобода* № 336 [1], *Равенство* № 343, *Братство* № 349). Авторъ смѣло бросаетъ перчатку поклонникамъ либеральной „тримурти", какъ онъ выражается. При этомъ, хотя у него видно обстоятельное знакомство съ европейскою критикой „свободы, равенства и братства", однако аргументація его вполнѣ самостоятельна, что̀ очевидно увеличиваетъ ея интересъ для всякаго серьезнаго противника. Частнымъ образомъ слышно было даже, что статьи не остались незамѣченными. Но въ печати—почти ни звука. Только *Вѣстникъ Европы* откликнулся чахлымъ протестомъ. Что̀ значитъ это молчаніе? Какъ часто его приходится отмѣчать, и нельзя, къ сожалѣнію, объяснить его всегда „замалчиваніемъ". Едва ли не больше значенія имѣетъ бѣдность философско-политической мысли, становящейся въ тупикъ передъ всѣмъ, мало-мальски выходящимъ изъ предѣловъ ходячей компиляціи. Если г. Spectator успѣлъ все-таки вызвать одинъ откликъ въ *Вѣстникъ Европы*, едва ли онъ не обязанъ этимъ тому, что въ его разсужденіи составляетъ нѣкоторый пробѣлъ, то-есть стало-быть сторону слабую.

Г. Spectator, дѣйствительно разсматривая понятіе *свободы*, соглашается, безъ оговорокъ, понимать подъ этимъ словомъ именно то, что̀ понимаютъ политическіе ея апологеты, и только

[1] Первую статью я отмѣчалъ своевременно въ *Русскомъ Обозрѣніи*, но не имѣлъ случая остановиться на ней болѣе обстоятельно.

доказываетъ имъ, что они ошибаются въ значеніи и послѣдствіяхъ этого принципа. Онъ совершенно справедливо доказываетъ, что, какъ принципъ политическаго устроенія, эта свобода приводитъ къ злоупотребленіямъ и потому требуетъ многочисленныхъ поправокъ *принужденія*. Споръ былъ поставленъ на чисто политическую почву и при томъ безо всякаго напоминанія, что помимо того существуетъ *свобода* сама по себѣ, внѣ и выше политики. Такимъ образомъ *Вѣстникъ Европы* получилъ довольно крупную карту, а именно онъ не былъ поставленъ въ необходимость спорить по существу предмета. Только по этому онъ, вѣроятно, и рѣшился принять бой, да и то сдѣлалъ самымъ упрощенно-либеральнымъ способомъ. Онъ не рѣшился отстаивать *свободу*, какъ принципъ политическій, а ограничился своего рода „доносомъ общественному мнѣнію", обвинивъ г. Spectator'а въ „крѣпостничествѣ". „Статьи *Равенство* и *Свобода*, говоритъ онъ (*Вѣстникъ Европы*, январь), устраняютъ всякое сомнѣніе въ томъ, что между застрѣльщиками *крѣпостничества*, въ родѣ князя Мещерскаго и его тяжело вооруженными рыцарями, группирующимися около *Моск. Вѣд.*, господствуетъ на самомъ дѣлѣ, несмотря на кажущіяся размолвки, полнѣйшее единодушіе. И для тѣхъ, и для другихъ всѣ преобразованія послѣднихъ лѣтъ только начало конца: конца всему, чѣмъ послѣ-реформенная Россія отличается отъ до-реформенной."

Пріемъ полемики, ничего не доказывающій по существу и Г. Spectator самъ категорически отвергъ уже этотъ „крѣпостническій" выводъ, ему приписываемый. [1] Какіе выводы онъ бы сдѣлалъ, еслибы дѣлалъ ихъ, намъ неизвѣстно. Да и обязанъ ли онъ ихъ имѣть? Можно очень обстоятельно видѣть ложность тѣхъ или иныхъ принциповъ, или учрежденій, но это еще не обязываетъ писателя имѣть готовую программу новыхъ учрежденій. Г. Spectator держался на почвѣ теоретической критики. Его

---

[1] Это совершенная неправда, говоритъ онъ,—и я увѣренъ, что редакція *Московскихъ Вѣдомостей* раздѣляетъ мой взглядъ на преобразованія послѣднихъ лѣтъ: эти преобразованія означаютъ не возвращеніе къ до-реформенной Россіи, такъ-какъ это возвращеніе *и не желательно, и не возможно*: они означаютъ конецъ тѣмъ тяжкимъ промахамъ, которые, подъ вліяніемъ *либеральнаго доктринерства*, такъ безпощадно извратили и исказили благія по своимъ намѣреніямъ реформы шестидесятыхъ годовъ; въ особенности же они означаютъ великое національное пробужденіе Россіи и первое, послѣ долгихъ временъ, проявленіе ея самобытности. (*Моск. Вѣд.* № 21, за 1893 г.)

противникъ уклонился съ нея, но мы останемся на ней тѣмъ охотнѣе, что въ настоящее время она несравненно болѣе важна, нежели практическая. Съ 1861 года по настоящее время Россія истощила въ практической дѣятельности всѣ свои теоретическія соображенія, до сихъ поръ, однако, не достигнувши результатовъ, которые бы безспорно ясно оправдывали вѣрность принциповъ, положенныхъ въ основу этой практики. Становится очевиднымъ, что намъ нужна провѣрка и разработка самыхъ принциповъ, которая бы дала болѣе сознательное руководство въ выработкѣ мѣръ практическихъ.

Итакъ мы не потребуемъ отъ г. Spectator'а какой-нибудь учредительной программы. Но въ чисто теоретическомъ отношеніи, какъ я замѣтилъ выше, у него есть пробѣлъ, безъ поправки котораго вопросъ о *свободѣ* непремѣнно окажется съуженнымъ.

Аргументація г. Spectator'а такова. Мы, говоритъ онъ, не можемъ допустить принципа *неограниченной свободы*, которая, какъ показываютъ факты, повсюду имѣетъ послѣдствіемъ одну расшатанность, у людей Франціи, какъ у людей Россіи.

„Давайте имъ (людямъ) морфій—и вы приведете ихъ въ совершенно одинаковую физическую расшатанность, дайте имъ неограниченную свободу—и вы приведете ихъ одинаковымъ образомъ въ состояніе нравственной распущенности.

„Да развѣ свобода есть зло? Развѣ она приводитъ къ нравственной распущенности?

„Свобода сама по себѣ не можетъ быть ни зломъ, ни добромъ; она можетъ быть тѣмъ или другимъ, смотря по своему примѣненію.

„Свобода есть прежде всего понятіе не положительное, а отрицательное: она означаетъ лишь „*отсутствіе стѣсненія*".

„Предоставьте свободу, не стѣсняйте мошенника, глупца, сумасшедшаго, развратника—и свобода будетъ *зломъ*; предоставьте свободу, не стѣсняйте человѣка глубоко нравственнаго, серьезнаго ученаго, великаго художника—и свобода будетъ *добромъ*. Признавать свободу абсолютнымъ благомъ,—это такая же нелѣпость, какъ признавать абсолютнымъ благомъ, напримѣръ, *огонь*, или восторгаться абсолютною пользой *влаги*.

„Итакъ, весь вопросъ не въ самой свободѣ и не въ бо̀льшемъ или меньшемъ ея ограниченіи, а въ томъ, *кто* ею пользуется и *какъ* ею пользуется".

Нельзя не пожалѣть, что авторъ не развилъ ту мысль, ко-

торая у него видится въ этихъ послѣднихъ строкахъ. Именно эта часть его мысли, оставшаяся въ статьѣ лишь неяснымъ намекомъ, наиболѣе важна въ *полномъ* опредѣленіи понятія о свободѣ. Безъ этого непремѣнно приходится возражать почти на каждый пунктъ его опредѣленія. „Свобода, говоритъ г. Spectator, есть прежде всего понятіе *отрицательное*. Оно означаетъ лишь *отсутствіе стѣсненій*". Такъ ли это? нѣтъ, этого *вообще* никакъ нельзя сказать. Это можно сказать лишь о томъ понятіи свободы, какое имѣетъ *Вѣстникъ Европы*. Но развѣ мы обязаны понимать только „свободу" въ смыслѣ либеральнаго міросозерцанія? Развѣ мы, отрѣшаясь отъ всякаго доктринерства, оставаясь лицомъ къ лицу съ одною своею человѣческою личностью, не имѣемъ другаго представленія о *свободѣ*, отъ котораго не только не можемъ отказаться, но къ которому совершенно непримѣнимо опредѣленіе г. Spectator'а?

Не только имѣемъ, но это именно и есть настоящая свобода, та, которая дѣйствительно существуетъ, и фактъ существованія которой только и даетъ почву для доктринерскихъ искаженій этого понятія. Свобода, разсматриваемая не въ зеркалѣ этихъ доктринерскихъ искаженій, а сама по себѣ, отнюдь не есть понятіе *отрицательное*, не есть *отсутствіе стѣсненій*. При стѣсненіяхъ или безъ стѣсненій, она одинаково существуетъ, какъ *основное свойство человѣческаго духа*. Она—не какое-нибудь отвлеченное понятіе, ~~но вполнѣ реаль~~ное *явленіе*. Какъ таковое, свобода характеризуется вовсе не отрицательными, а вполнѣ положительными опредѣленіями, а потому и какъ понятіе—есть понятіе положительное. Свобода, какъ свойство духа, столь положительное явленіе, что вездѣ гдѣ нѣтъ ея—мы не находимъ и *личности*, а находимъ только *процессъ*. Это обстоятельство чрезвычайно важное, котораго непониманіе породило всѣ ошибки либеральной доктрины свободы. Но оставимъ это пока. Продолжимъ разсмотрѣніе свободы, какъ положительнаго свойства духа. Можно ли сказать, что свобода, въ этомъ смыслѣ, не есть ни добро ни зло? Опять нѣтъ. Сама по себѣ она, какъ свойство духа, составляетъ величайшее благо, хотя мы свободны направить его и на зло. Свобода есть такое основаніе блага, что гдѣ ея нѣтъ, тѣмъ даже нѣтъ ни добра, ни зла, а есть только польза и вредъ.

Это не значитъ, чтобы опредѣленіе г. Spectator'а нужно было совершенно отвергнуть? Нисколько. Но ему нужно было бы отвести надлежащее мѣсто, и именно вотъ какое.

Къ свободѣ по существу какъ свойству человѣка, оно не относится. Но понятіе о свободѣ, тѣсно связанное съ личностью, можетъ искажаться, если мы утрачиваемъ правильное понятіе о личности, что, какъ извѣстно, именно и произошло въ такъ-называемую современную эпоху, то-есть съ XVIII--XIX вѣка. Свобода какъ явленіе реальное, положительное, есть достояніе нашего внутренняго міра, она не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ насъ самихъ. Но если мы забываемъ личность, какъ силу самостоятельную, то мы и свободу начинаемъ уяснять себѣ лишь во внѣшнихъ проявленіяхъ, разсматриваемъ ее со стороны, извнѣ, не какъ свойство, а какъ состояніе, опредѣляемое внѣшними условіями. Въ этомъ случаѣ начинаетъ представляться, будто бы свобода состоитъ въ меньшемъ давленіи внѣшнихъ условій, неволя—въ большемъ. Стремленіе къ свободѣ становится стремленіемъ къ реформѣ внѣшнихъ условій. Опредѣленіе свободы дѣлается отрицательнымъ: нужно чтобы *не было* того, другаго, третьяго. Понятіе о свободѣ — становится отрицательнымъ, безсодержательнымъ. И вотъ тутъ-то критика г. Spectator'а оказывается совершенно вѣрною. Это и есть ея мѣсто. Тутъ она вполнѣ умѣстно вращается въ условіяхъ политическихъ, какъ въ нихъ вращается *искаженное* разбираемое понятіе. Дѣйствительно, забывая свободу, какъ свойство личности, мы ее переносимъ въ внѣшнія условія, а они что̀ такое? Они— суть тотъ соціально-политическій *процессъ*, который составляетъ общественную жизнь. Такъ какъ общественная жизнь не есть личность, а только *процессъ*, то въ ней собственно говоря нѣтъ свободы, какъ чего-то ей присущаго. Она создается не свободой, и вообще ничего общаго съ ней не имѣетъ. Потому-то перенося понятіе о свободѣ (данной намъ жизнью личности)—въ жизнь политическую, мы неизбѣжно дѣлаемъ это понятіе чисто формальнымъ, безъ всякаго живаго содержанія.

Критика этого искаженнаго понятія свободы у г. Spectator'а очень сильна и *Вѣстникъ Европы* не умѣетъ ему противопоставить никакихъ серьезныхъ возраженій. Но забывая пояснить, что онъ разбираетъ именно только искаженное, формальное понятіе, г. Spectator въ значительной степени лишаетъ себя во впечатлѣніи читателя плодовъ своей аргументаціи. Дѣйствительно, читатель—хотя ничего возразить г. Spectator'у не находитъ, но остается не убѣжденъ, потому что, вопреки всему, чувствуетъ, что *какая-то* свобода *есть*. А г. Spectator не объясняетъ ему, какая

есть въ дѣйствительности, и какая составляетъ фикцію. Немногіе, имъ брошенные намеки, которые я отмѣтилъ, конечно остаются незамѣченными.

Но этого мало. Неполнота опредѣленія, которой г. Spectator, изъ трехъ статей, избѣгъ лишь въ послѣдней (о „Братствѣ“), не только оставляетъ читателя въ недоумѣніи, что же такое *свобода*, которую онъ въ себѣ несомнѣнно сознаетъ? Это недоумѣніе распространяется и на политическую жизнь. Должно ли въ ней быть какое-либо мѣсто свободѣ человѣка?

Исходя изъ понятія о формальной свободѣ, г. Spectator совершенно справедливо доказываетъ, что въ политическихъ условіяхъ свобода отыскивается только въ видѣ чего-то отрицательнаго, безсодержательнаго, подрывающаго общество путемъ того перевѣса, какой она даетъ силамъ вреднымъ. Читатель ничего возразить не находитъ, но и не соглашается, ибо чувствуетъ, что однако какая-то свобода нужна ему и здѣсь. И читатель правъ. Указываемыя г. Spectator'омъ политическія послѣдствія понятія о свободѣ начинаются только тогда, когда этому понятію уже приданъ характеръ формальный и содержаніе отрицательное. Но та свобода, которую мы всѣ въ себѣ чувствуемъ, свобода, какъ положительное свойство духа нашего, развѣ она не имѣетъ своихъ отраженій въ политической жизни, и, если имѣетъ, то развѣ онѣ таковы же, какъ первыя? Отвѣта на эти вопросы мы не имѣемъ, а имѣть должны бы. Ибо какимъ образомъ ту свободу, которую личность несомнѣнно имѣетъ, какъ неотъемлемое свойство, можетъ она потерять въ обществѣ?

Въ настоящей статьѣ я не могу черезчуръ выходить изъ роли критика и обозрѣвателя. Но для выясненія того, что̀ у обѣихъ спорящихъ сторонъ осталось незатронутымъ, позволительно будетъ привести небольшую историческую схему различныхъ отношеній къ свободѣ въ обществѣ.

Во времена старинныя (точнѣе сказать—христіанскія) человѣкъ никакъ не воображалъ себя *господиномъ* общества. Напротивъ, обществу и государству онъ *подчинялся*, безъ всякихъ *условій*, но до извѣстныхъ *предѣловъ*. Ему было сказано: властямъ предержащимъ повинуйся. Онъ и повиновался. Онъ отдавалъ извѣстную часть силъ своихъ въ безконтрольное распоряженіе государства. Такимъ образомъ получалась государственная власть сильная своею неоспоримостью, сильная послушаніемъ повинующихся. Но личность въ то же время не сливалась съ госу-

дарствомъ. Самый центръ ея *собственной* жизни находился внѣ его. При такомъ отношеніи, государственная власть, при всей своей силѣ, не расширялась безмѣрно на всѣ личныя отношенія, остававшіяся свободными. Она не имѣла для того даже никакихъ средствъ. Новое время перемѣнило понятія. Оно сказало человѣку: ты господинъ государства, государство это—ты. На видъ подумаешь—Богъ знаетъ какая „свобода дана". На дѣлѣ человѣкъ впервые (съ античныхъ временъ) становится настоящимъ рабомъ безличнаго политическаго процесса. Вся его жизнь уходитъ, или должна уходить въ вѣчное поддержаніе дѣйствія общественнаго механизма. Гражданинъ произноситъ рѣчи, участвуетъ во всевозможныхъ собраніяхъ, выборахъ, депутатствуетъ, обсуждаетъ законы, ниспровергаетъ власти, „нарушившія полномочія", наблюдаетъ за сосѣдомъ своей и чужой партіи, гражданинъ входитъ въ политику до мозга костей. Вся его жизнь превращается въ каторжную работу политики. По крайней мѣрѣ таковъ идеалъ добраго гражданина. И этотъ строй—названъ строемъ *свободы*! Менѣе всего здѣсь человѣческой свободы, и не только потому, что гражданинъ вѣчно служитъ „обществу". Еще хуже то, что формула „государство это ты" вводитъ государство во всѣ закоулки моего „я". Компетенція государства расширяется безмѣрно. Дѣлаясь учрежденіемъ слабымъ по *качеству* дѣйствія, оно становится претенціознымъ по его *количеству*, не остается у человѣка ничего, чего бы новое государство не имѣло намѣренія регламентировать. Всё предписано, и эти предписанія расширяются рѣшительно безъ конца, не оставляя на свободу личности ничего. Такова по крайней мѣрѣ тенденція новаго государства, яко бы подчиненнаго гражданину. Послѣдній предѣлъ этого процесса рисуется въ соціализмѣ и его идеалахъ, въ которыхъ *человѣкъ* имѣетъ совершенно исчезнуть, превратиться въ какую-то бездушную „клѣточку" общественнаго организма.

Итакъ, можемъ ли мы критиковать идею XVIII—XIX вѣка о свободѣ, упуская изъ виду, что есть нѣкоторая *другая* свобода, тутъ именно уничтожаемая? Нашъ теоретическій анализъ сдѣлается отъ этого совершенно неполонъ, а критика практическая потеряетъ главную основу.

Фальшивые звуки „гражданской свободы" нынче уже чувствуются очень многими. Критика въ этой области полезна и нужна. Но главное, чтó не хватаетъ нынче людямъ,—это пони-

манія, въ чемъ дѣйствительная свобода человѣка, вслѣдствіе чего ихъ критика современности остается безплодною, превращается въ блужданіе по заколдованному кругу, который постоянно ихъ выводитъ къ тому же исходному пункту начальной ошибки. Вотъ собственно на что нужно обратить особое вниманіе. „Человѣкъ“ и „Гражданинъ“, „Свобода человѣческая“, „Свобода гражданская“—вотъ понятія, требующія сопоставленія и поясненія. А этого-то и нѣтъ.

Въ *Историческомъ Вѣстникѣ* (февраль) помѣщена чрезвычайно любопытная статья г. Р. Сементковскаго: „Къ исторіи либерализма“. Статья особенно интересна тѣмъ, что авторъ имѣетъ всю видимость человѣка, вскормленнаго и вспоеннаго идеями либерализма. Но вотъ даже человѣкъ такого воспитанія ума говоритъ, что *либерализмъ* долженъ существенно видоизмѣниться.

„Либерализмъ и консерватизмъ, говоритъ онъ, въ той формѣ, въ какой они проявились въ концѣ прошлаго столѣтія, *находятся въ явномъ упадкѣ*“ (стр. 498). Это г. Сементковскій доказываетъ различными доводами, и онъ, конечно, правъ. Мало того, онъ въ *частностяхъ* доходитъ до понятій чрезвычайно антилиберальныхъ. „Когда мы говоримъ о свободѣ, замѣчаетъ онъ, мы думаемъ о *парламентѣ*. Но тутъ представленія нашего общества отличаются неясностью и крайне поверхностнымъ отношеніемъ къ западно-европейскому опыту“ (стр. 492). Онъ напоминаетъ мнѣнія Милля, какъ „глубокаго политическаго ума“—о томъ, что хотя народное представительство требуетъ цѣлой системы парламентовъ мѣстныхъ и центральнаго, но „управлять страною при помощи этой системы парламентовъ—нѣтъ возможности“, что „чрезвычайно важный принципъ хорошаго управленія въ свободномъ государственномъ строѣ заключается въ томъ, чтобъ исполнительные органы *не избирались* ни самимъ народомъ, ни его представителями. Вообще собранія могутъ быть лишь *совѣщательнымъ органомъ*. Прогрессъ современнаго общества заключается въ сознаніи, что *парламентъ непригоденъ ни для управленія страной, ни для законодательной дѣятельности*“ (494). Г. Сементковскій требуетъ *независимости* государственной власти. „Чѣмъ независимѣе была государственная власть отъ вліянія разныхъ общественныхъ классовъ, тѣмъ рѣже происходили внутреннія потрясенія“ (490). „Вообще независимость государственной власти отъ общественныхъ классовъ всего болѣе обезпечиваетъ внутренній миръ страны“ (491), и наиболѣе

28*

успѣшное совершеніе мирныхъ реформъ (498). Этихъ образчиковъ достаточно для того, чтобы видѣть, какъ далеко *современный* либералъ можетъ зайти въ критикѣ старыхъ либеральныхъ понятій. Но когда мы спросимъ себя, куда же, къ чему положительному, приводитъ насъ его критика, отвѣтъ получается далеко неудовлетворительный. Г. Сементковскій имѣетъ очень хорошіе порывы найти „реальные интересы", освободиться отъ фиктивныхъ теоретическихъ построеній, но въ этомъ стремленіи весьма подвергается опасности завязнуть въ оппортунистическомъ эмпиризмѣ.

Онъ критикуетъ и забраковываетъ частныя послѣдствія принципа, теряя, конечно, уваженіе и довѣріе къ нему. Но дойти до критики самого *принципа*, которая одна могла бы его замѣнить другимъ или обновить,—у г. Сементковскаго не хватаетъ силы или рѣшимости. Нѣтъ, такимъ способомъ, при самой умной частной критикѣ, живаго и дѣятельнаго строя не получится!

Вдумываясь, нельзя не видѣть, что камнемъ преткновенія для г. Сементковскаго служитъ именно *понятіе о свободѣ*, котораго онъ не умѣетъ себѣ опредѣлить. Что собственно онъ ставитъ въ исходномъ пунктѣ? Во имя чего дѣйствовать: „Во имя *свободы*, во имя *народныхъ правъ*, во имя *благополучія народа*". „Все это должно быть намъ *свято*, и не найдется двухъ просвѣщенныхъ людей, между которыми тутъ могло бы существовать разномысліе" (492). Недурное исходное начало, нечего сказать! Но что собственно реальнаго во всѣхъ этихъ словахъ? Что такое его „свобода" его „права народа"? Онъ говоритъ, будто бы о такихъ „святыхъ" понятіяхъ между „просвѣщенными" людьми не можетъ быть, ни малѣйшаго разномыслія. Не вѣрнѣе ли сказать, что нынѣ не найдется двухъ „просвѣщенныхъ" людей, которые одинаково бы отвѣтили на вопросъ, что такое „свобода" и что такое „права народа"? А если имъ неизвѣстно, что такое свобода, то какъ же можетъ быть *свято* служеніе ей? Вѣдь если мы не знаемъ, что она такое, то стало - быть не можемъ быть увѣрены въ томъ, что она непремѣнно нѣчто хорошее. Можетъ-быть она вовсе не хороша? А можетъ быть ее даже и вовсе не существуетъ? Все это на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, для г. Сементковскаго вовсе не безспорно. А между тѣмъ, ища „реальнаго", онъ соглашается оставлять въ самой основѣ своихъ сужденій такую безпросвѣтную неопредѣленность. Дѣйствительно

„реальное“ у него проявляется лишь въ частностяхъ. Къ чему же серьезному онъ можетъ привести свою реформу либерализма?

Ни къ чему и не приводитъ. Все сводится къ способамъ дѣйствія. Онъ говоритъ противъ „увлеченія политическими формами“ (495). Допустимъ. Онъ поясняетъ: „Желать *свободы*, значитъ желать условій, при которыхъ она можетъ быть обезпечена.“ „Эти условія заключаются въ способности народа *управлять самимъ собою*“ (495). Итакъ нужно достигать этой способности. „Надо во что бы то ни стало поднять уровень духовнаго и матеріальнаго благосостоянія народа... Либерализмъ долженъ видоизмѣниться, и главная его задача будетъ отнынѣ не протестъ (?!) а компетентная и выдержанная дѣятельность, направленная къ поднятію уровня народнаго благосостоянія. Таковъ будетъ, по нашему разумѣнію, новый либерализмъ, либерализмъ XX вѣка“.

Это заключительныя слова, конецъ статьи г. Сементковскаго.

Что же далъ ему однако „опытъ XIX вѣка“, на который онъ ссылается? Нужно стремиться къ „гражданской свободѣ“, но „инымъ путемъ“. Но вѣдь этотъ путь отличается отъ прежняго только тѣмъ, что не имѣетъ въ себѣ логики. Для г. Сементковскаго его программа „поднятія духовнаго и матеріальнаго благосостоянія народа“ нужна только какъ средство создать въ народѣ „способность управлять самимъ собой“. Но въ то же время г. Сементковскій самъ понимаетъ, что государственная власть должна быть независима, и что „парламенты“, то-есть народное представительство, непригодны ни для исполнительной, ни для законодательной работы государства. Но гдѣ же тогда это искомое „управленіе народа самимъ собой?“ Въ чемъ это „управленіе самимъ собой?“ Вѣдь это, съ позволенія сказать, выходитъ прямо путаница. Можно, конечно, и должно посвятить силы на подъемъ духовнаго и матеріальнаго уровня народа, но неужели въ тѣхъ же цѣляхъ, которыя, по „опыту XIX вѣка“ и по оцѣнкѣ „величайшихъ умовъ“ суть цѣли по существу нелѣпыя, то-есть противорѣчащія хорошему политическому строю, необходимому между прочимъ и для возможности поднимать духовный и матеріальный уровень развитія народа? Г. Сементковскій не видитъ, что одно изъ двухъ: или онъ долженъ работать для какихъ-то другихъ цѣлей, или же событія не пойдутъ по указанной имъ логически невозможной линіи. Вѣдь ясно, что если новые либералы будутъ развивать народъ пока безъ протеста, но именно въ цѣляхъ „управленія имъ самимъ собой“,

то народъ будетъ пытаться „управлять собой" при каждомъ случаѣ, когда „независимая государственная власть" окажется безсильна ввести его въ границы подчиненія. Итакъ стало-быть даже „протестъ" непремѣнно явится у учениковъ г. Сементковскаго въ XX вѣкѣ, какъ онъ явился въ XVIII у учениковъ Руссо, и стремленіе къ „формѣ" также явится, потому-что какъ же безъ „формы" управлять самимъ собой?

Въ этомъ случаѣ современный либералъ просто не понимаетъ самъ себя. Въ XVIII столѣтіи составили чисто теоретическое и несомнѣнно ложное понятіе, будто *общество* есть результатъ „общественнаго договора". Съ этой точки зрѣнія государство представлялось не болѣе какъ комбинаціей частныхъ *волей* гражданъ. Цѣлью для такого государства конечно являлось „управленіе народа самимъ собою", а средствомъ для того извѣстная организація, то-есть *форма*.

Эти люди и стремились къ *формѣ* совершенно логично. Это было бы и правильно, и дало бы ожидаемые результаты, еслибы государство было дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ его тогда считали. Но оно въ дѣйствительности есть *не то*. Практика XIX вѣка именно это и обнаружила болѣе ясно, въ дѣйствіи, въ опытѣ. Но нынѣшній либералъ, хотя и увидѣлъ, что *форма*, даже достигнутая, не даетъ „управленія народа самимъ собой", никакъ не можетъ понять, что изъ этого слѣдуетъ выводъ противъ *самаго принципа*. Въ этомъ современный либералъ отличается отъ своего очень умнаго предшественника и родоначальника. Тотъ бы конечно понялъ, что если форма самоуправленія не сопровождается дѣйствительнымъ самоуправленіемъ, то стало-быть государство не есть результатъ общественнаго договора, а нѣчто иное. А если иное, то стало-быть имѣетъ *иныя* цѣли и *иныя* средства дѣйствія. Наши же либеральные наблюдатели опыта XIX вѣка способны подняться только до критики частностей его, не догадываясь, что чѣмъ вѣрнѣе ихъ частная критика, тѣмъ страннѣе, противорѣчивѣе оказываетъ ихъ общее міросозерцаніе...

Причина этой неспособности выйти изъ противорѣчій и понять опытъ XIX вѣка въ цѣломъ, во всѣхъ его послѣдствіяхъ, которыя приводятъ *и приведутъ* человѣчество, можетъ-быть не XX, такъ XXI вѣка къ цѣлой революціи противъ идей XVIII вѣка, причина этого безсилія сводится къ неумѣнію разобраться въ идеѣ *свободы*. Отказаться отъ этой идеи люди *не могутъ* и ни-

когда не откажутся (какъ никогда не отказывались). Менѣе всего могутъ отказаться отъ нея христіане. Причина этого заключается въ томъ простомъ обстоятельствѣ, что свобода *есть* въ человѣкѣ. Но въ пониманіи своей свободы люди могутъ дѣлать ошибки, а потому могутъ усиливаться осуществить ее тамъ, гдѣ по существу вещей ея нѣтъ и наоборотъ закрывать для нея области ея естественнаго развитія. Такой ошибкой создано смѣшеніе человѣка и гражданина, и условій ихъ развитія, на самомъ дѣлѣ не только не тождественныхъ, но во многомъ противоположныхъ. Въ этихъ ошибкахъ приходится разобраться къ концу XX вѣка, между прочимъ, путемъ уясненія самаго понятія о свободѣ, освобожденія его отъ всего фиктивнаго, сочиненнаго, но такъ же и утвержденія того, что̀ въ немъ *реально*.

У насъ, какъ видно, только что начинаютъ подходить къ сознанію, что въ понятіи о свободѣ приходится многое пересмотрѣть. Къ этому подходятъ неувѣренно, не опредѣливши еще съ точностью самыхъ пунктовъ подлежащихъ критикѣ. Но это начало работы изъ самыхъ плодотворныхъ, какая только стоитъ у насъ на очереди и которая въ концѣ-концовъ, вѣроятно, поведетъ къ сближенію многихъ современныхъ направленій, точно такъ же, какъ къ раздѣленію на новыя. Несомнѣнно, что теперь многіе слои „либеральнаго“ направленія только по недоразумѣнію считаются защитниками свободы, несомнѣнно, что многіе „консерваторы“ только по традиціи оказываются, на словахъ, противъ нея.

Л. Тихомировъ.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ВОПРОСЪ О ПОДОХОДНОМЪ НАЛОГѢ ВЪ РОССІИ.

Г. Л. В. Ходскій помѣстилъ подъ этимъ названіемъ статью въ *Русской Мысли* (январь и февраль). Статья эта замѣчена нѣкоторою частью прессы, какъ будто бы очень сильная въ смыслѣ обосновки введенія у насъ подоходнаго налога. Въ дѣйствительности, этого далеко нельзя сказать. Въ статьѣ г. Ходскаго много общихъ соображеній о прогрессѣ, цивилизаціи, этикѣ, но менѣе всего дѣловыхъ финансовыхъ.

„Изучивъ, говоритъ авторъ, вопросъ о подоходномъ налогѣ, какъ онъ развивался въ Англіи, Пруссіи и другихъ государствахъ, и ознакомившись съ литературою предмета, я знаю только одинъ неоспоримый доводъ противъ введенія подоходнаго налога. Это тотъ доводъ, который является главною причиной, почему подоходный налогъ вездѣ съ такимъ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу въ жизнь; это тотъ доводъ, о которомъ противники подоходнаго налога обыкновенно умалчиваютъ въ своихъ соображеніяхъ. Онъ заключается въ томъ, что подоходный налогъ непріятенъ для будущихъ плательщиковъ его, которые вездѣ составляютъ наиболѣе вліятельныя группы въ государствѣ. Если для всѣхъ будущихъ неплательщиковъ подоходнаго налога онъ ничего, кромѣ пользы, не принесетъ, то для группы плательщиковъ подоходный налогъ равносиленъ пожертвованію ихъ личными эгоистическими интересами въ пользу общаго блага. Но и съ этой точки зрѣнія введеніе подоходнаго налога въ Россіи своевременно.

„Во всякой цивилизованной странѣ, въ каждомъ обществѣ, кромѣ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ и высочайшихъ требованій христіанской этики, доступныхъ только избраннымъ, существуетъ средній измѣнчивый уровень общественной этики. Задача государства—воплощать въ законодательствѣ требованія этой этики. Подоходный налогъ въ Западной Европѣ представляетъ несомнѣнное торжество этическихъ началъ въ финансовомъ законодательствѣ.

„Къ 60-мъ годамъ уровень общественной этики въ Россіи поднялся настолько, что паденіе крѣпостнаго права стало возможнымъ и было съ восторгомъ встрѣчено нашимъ обществомъ. Въ 80-хъ годахъ уничтоженіе подушной подати—фактъ, сравнительно мелкій,—исходилъ, однако, изъ тѣхъ же началъ.

„Всегда могутъ быть отдѣльныя лица, которыя будутъ сожалѣть и о крѣпостномъ правѣ и о подушной подати. Но, вѣря въ историческій прогрессъ, какъ совершенствованіе, я не могу допустить, чтобъ уровень общественной нравственности въ Россіи упалъ, чтобы подоходный налогъ, признанный въ 70-хъ годахъ своевременнымъ для Россіи и представителями мѣстной власти, и выборными представителями мѣстнаго населенія въ лицѣ земскихъ собраній, въ 90-хъ годахъ былъ отвергнутъ русскимъ обществомъ, еслибы къ нему обратились съ такимъ запросомъ“.

Таковы заключенія г. Ходскаго. Но еслибы „русское общество“ и дѣйствительно высказалось *за* подоходный налогъ, это не составило бы ни малѣйшаго доказательства ни за, ни противъ государственной и экономической цѣлесообразности предлагаемаго налога. Въ этомъ обществѣ и самому г. Ходскому приходится спорить противъ такихъ, напримѣръ, разсужденій:

„Признавая большое финансовое значеніе подоходнаго налога, нѣкоторые, быть-можетъ, скажутъ, что онъ неудобенъ у насъ (мнѣ приходилось слышать такого рода возраженія), такъ какъ въ Россіи нѣтъ всѣхъ тѣхъ гарантій, какія въ Западной Европѣ имѣетъ личность и какія считаются тамъ необходимыми для правильнаго финансоваго хозяйства, что при этихъ условіяхъ въ установленіи размѣра подоходнаго налога и его взиманіи можетъ быть много произвола для населенія“.

Оставляя въ сторонѣ „русское общество“, мнѣніе котораго въ такомъ сложномъ вопросѣ никакого авторитета не представляетъ, можно бы съ гораздо большимъ вниманіемъ отнестись къ голосамъ людей, какъ г. Ходскій, который, по его словамъ, „изучилъ вопросъ“. Но у него, къ сожалѣнію, видно черезчуръ много предвзятости. Подоходный налогъ ему теоретически кажется налогомъ, требуемымъ современнымъ міросозерцаніемъ, а потому онъ за него. Вотъ образчикъ того, какъ онъ защищаетъ свой налогъ въ отношеніи лицъ, состоящихъ на государственной службѣ:

„Противъ обложенія жалованья чиновниковъ, говоритъ онъ, часто дѣлаются возраженія.

„Я нисколько не возражаю,—говоритъ швейцарскій экономистъ Вальрасъ (L. Walras),—противъ возможности взять налогъ съ жалованья, насколько налогъ будетъ падать на содержаніе чиновниковъ; только я позволю себѣ замѣтить, что это была бы идея довольно странная—установить подобный налогъ. Есть способъ болѣе практическій и простой, чѣмъ облагать налогомъ чиновниковъ, это—уменьшить имъ содержаніе на всю сумму налога. Служащіе на государственной службѣ — прирожденные потребители налога; если вы находите, что они слишкомъ многочисленны, сократите ихъ число; если вы находите, что они слишкомъ щедро вознаграждаются, вознаграждайте ихъ съ большею бережливостью; но разъ вы назначили человѣку опредѣленную должность и содержаніе, то не крайне ли смѣшно требовать у этого лица для уплаты ему? Упраздните должность и уменьшите содержаніе, и такъ и скажите. Къ чему же умножать переписку и усложнять фискальныя операціи?“ (*Walr.*, 36—37).

Вотъ и другой такой же отзывъ уже не-теоритика, а практическаго и выдающагося государственнаго человѣка. „Я полагаю,—говорилъ князь Бисмаркъ, — что состоящіе на государственной службѣ не должны платить налога съ содержанія, получаемаго отъ государства. Это представляетъ нераціональный налогъ, который всегда, какъ я помню, шокировалъ меня, со времени его введенія. Я могу приравнять его только къ прямому налогу, взимаемому государствомъ съ купоновъ своихъ собственныхъ облигацій. Государство должно чиновнику опредѣленное жалованье и оно урѣзываетъ часть его подъ видомъ контрибуціи для министерства финансовъ,—дѣйствіе на мой взглядъ, неправильное“.

Что же возражаетъ г. Ходскій на эти очевидно вѣрныя замѣчанія?

„Возможность приведенныхъ мнѣній не только среди обыкновенной публики, но и со стороны лицъ, выдающихся по уму или принадлежащихъ къ спеціалистамъ экономической науки, заставляетъ остановиться на этомъ возраженіи, какъ бы оно слабо ни казалось (!?) Источникъ его лежитъ въ смѣшеніи разнородныхъ сторонъ государственной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что основанія обложенія и основанія для опредѣленія размѣровъ вознагражденія за службу по существу различны. При назначеніи тѣхъ или другихъ окладовъ государство сообразуется съ вознагражденіемъ за трудъ соотвѣтственнаго качества въ другихъ отрасляхъ дѣятельности, степенью довѣрія, связаннаго съ тою или другою

должностью, и т. д. При подоходномъ налогѣ оно принимаетъ во вниманіе размѣръ дохода и степень платежной способности лица. Въ силу этого уже изъ самаго сообразованія окладовъ съ заработкомъ отъ личнаго труда на частной дѣятельности логически вытекаетъ, что когда государство требуетъ отъ личнаго заработка въ частной сферѣ извѣстной доли въ пользу фиска, то оно непремѣнно должно, чтобы быть справедливымъ, обложить налогомъ и заработокъ лицъ, находящихся на государственной службѣ. Нельзя также смотрѣть на взиманіе налога какъ на нарушеніе условія между государствомъ и служащими, потому что разъ подоходный налогъ существуетъ, то, принимая на себя то или другое мѣсто, я знаю, что я долженъ буду платить этотъ налогъ и что размѣръ налога можетъ государство мѣнять и т. д. Наконецъ, вѣдь, и съ точки зрѣнія контракта, государство ни мало не обязываетъ чиновника продолжать службу, если ему нежелательно нести на себѣ налогъ съ жалованья".

Напрасно г. Ходскій полагаетъ, что возраженія Вальраса или Бисмарка могутъ показаться „слабыми". Слабы его собственныя возраженія, чисто доктринерскія. Пусть — таковъ смыслъ ихъ—государство продѣлываетъ совершенно безсмысленное перекладываніе своихъ собственныхъ денегъ изъ одного кармана въ другой, пусть это плодитъ ненужное ни на что̀ дѣлопроизводство и трату части этихъ денегъ на расходы по перекладыванію денегъ,—но за то да здравствуетъ принципъ. Это доктринерство въ меньшей степени окрашиваетъ весь вопросъ. Собственно говоря, въ немъ единственные живые пункты составляютъ: 1) *точность* опредѣленія доходовъ, безъ достиженія которой налогъ сдѣлается случайнымъ и неуравнительнымъ; 2) *стоимость взиманія* этого налога, потому что если издержки по взиманію его процентно больше, нежели по взиманію другихъ налоговъ, то онъ—непрактиченъ. Вотъ пункты, которые требуется опредѣлить, если желательно разобрать вопросъ дѣловымъ образомъ. А прогрессъ, и цивилизація, и мнѣнія земскихъ собраній тутъ совершенно не причемъ. Почему бы и не быть подоходному налогу? Теоретически онъ даже очень удобенъ. Съ точки зрѣнія какихъ-либо „общихъ міросозерцаній" противъ него и не существуетъ возраженій. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ въ защитѣ его взбираться на подмостки общаго міросозерцанія? Въ глазахъ серьезныхъ людей это косвенно доказываетъ, что *дѣловыхъ* аргументовъ у защитниковъ подоходнаго налога нѣтъ.

ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ.

Въ декабрьской книжкѣ *Русскаго Архива* (за 1892 г.) дано было мѣсто статьѣ г. П. Н. Обнинскаго „Разсказъ раненаго подъ Плевной". Въ немъ г. Обнинскій передаетъ разсказъ какого-то солдата, который очень нелестно отзывался о нашихъ офицерахъ.

„Скобелевъ — молодецъ, да вѣдь одинъ на тысячу! Господа офицеры все больше съ боку... одинъ роту свою пустилъ впередъ, а, самъ, милый человѣкъ, въ канавку, да тамъ и затаился, а Скобелевъ-генералъ, на бѣду мимо той канавки съ нами и поди... ну значитъ, и накрылъ ротнаго. Тутъ Скобелевъ-генералъ сейчасъ къ намъ: „бей его, братцы!.." Скобелевъ одинъ на тысячу!.. И чего боятся? Страшно, пока подходишь, а какъ пули начнутъ свистать — ничего... Охъ, только уже и начальники! Иной, въ мирное время, куда какъ прытокъ, распоряжается куда храбро! А теперь не то: „братцы" да „голубчики", да „соколы вы мои", а самъ-то бочкомъ, бочкомъ, да за насъ грѣшныхъ" и пр.

Съ обычной впечатлительностью своей г. Обнинскій изъ этого, быть-можетъ, даже не точно понятаго имъ разсказа, дѣлаетъ обширные выводы, окрашенные туманнымъ народничествомъ. „Къ этому разсказу", говоритъ онъ, „комментаріи излишни: онъ раскрываетъ предъ нами ту изъ областей „психологіи войны", которой не коснулся еще ни одинъ изъ нашихъ боевыхъ лѣтописцевъ; въ немъ рисуется предъ нами обаятельный образъ воина-крестьянина, который идетъ въ огонь не по командѣ (?!), не по одушевляющему примѣру вождей, а по своему внутреннему, непоколебимому сознанію долга (?!), презирая опасность и тѣхъ, кто хоронится отъ нея; онъ стоитъ выше стадной храбрости, выше заражающаго импульса толпы и знаетъ одного лишь „Скобелева-генерала" — одного на тысячу!"

Статья г. Обнинскаго, которой наивность понятна каждому, мало-мальски знакомому съ военнымъ дѣломъ, вызвала опроверженіе г. А. Л. Зиссермана въ февральской книжкѣ *Русскаго Архива*. Г. А. Зиссерманъ говоритъ въ сущности азбуку, но конечно не онъ виноватъ, что у насъ это бываетъ нужно.

„Выступать на защиту офицеровъ я вовсе не намѣренъ: это, пожалуй, ихъ бы оскорбило. Съ меня довольно оффиціальныхъ свѣдѣній, что ихъ убыль убитыми и ранеными, въ войну 1877—

1878 годовъ, доходила до пятидесяти и свыше процентовъ, то-есть значительно больше, чѣмъ солдатъ. Что въ семьѣ не безъ урода, это извѣстно; но объ этомъ едва ли стоитъ разсказывать, потому-что это ничего не доказываетъ.

„Авторъ (то-есть г. Обнинскій), въ данномъ случаѣ, считаетъ „*важною и субъективную психологическую правду*“ разсказа. Правда эта, очищенная отъ туманной оболочки, заключается въ томъ, что весь верхній слой войска—гниль, вся же сила въ простомъ человѣкѣ—солдатѣ. Г. Обнинскій, очевидно, убѣжденъ, что трусы бываютъ только офицеры, а солдаты всѣ герои. „И если, говоритъ онъ, несмотря на эти запугивающія, деморализующія и обобщаемыя легенды, они (то-есть солдаты) дрались какъ львы, бросались въ огонь и первыми принимали на свою грудь удары врага: *такое* войско во столько же разъ страшнѣе непріятелю, во сколько рядовыхъ солдатъ больше, нежели офицеровъ (?) Имѣй эта прирожденная духовная мощь того „*школьнаго учителя*“, который, по словамъ Нѣмцевъ, далъ имъ побѣду во Франко-Прусской войнѣ, мы увидали бы и не такія чудеса!“

Въ отвѣтъ на ребяческія фразы г. Зиссерману приходится доказывать, что солдаты боятся смерти, какъ и всѣ прочіе люди. Мы не станемъ приводить его цитатъ. Дѣло слишкомъ понятное. Далѣе г. Зиссерманъ объясняетъ г. Обнинскому, что у офицера болѣе мотивовъ, сдерживающихъ естественный страхъ смерти, нежели у солдата. „Офицеръ не можетъ не помнить ежеминутно, что самое подозрѣніе въ трусости уже равносильно гибели всей его будущности, не только на службѣ, но и въ обществѣ; даже болѣе: всѣ офицеры отдѣльной части, кромѣ страха за себя лично, дрожатъ за репутацію этой части, если даже, допустимъ, не изъ похвальнаго чувства привязанности къ ея знамени, то изъ эгоизма: ибо скверная репутація цѣлой части отзывается на ея офицерахъ, особенно на старшихъ, командующихъ. Въ 1877 году за Кавказъ была отправлена изъ Россіи дивизія. По прибытіи подъ Карсъ, у офицеровъ была только одна забота: „Господи, какъ бы намъ не осрамиться предъ Кавказцами!“ И это совершенно естественно. У солдатъ же нѣчто подобное если и встрѣтится, ото со стороны одиночныхъ, особенно бойкихъ людей, унтеръ-офицеровъ. Солдаты, если трусятъ, то въ большой компаніи, о репутаціи не заботятся: на будущность ихъ вліянія никакого произвести это не можетъ, и если въ обнаруженіи страха проявляется нѣкоторая сдерживающая сила, то отъ привычки

слушать команду, отъ страха предъ фельдфебелемъ или ротнымъ командиромъ, не рѣдко отъ механическаго движенія за толпой. И опять же все это понятно только человѣку, знающему кое-что о войнѣ и войскахъ по собственной практикѣ, а не по собственной фантазіи. Но, не взирая на всѣ подобные случаи, какой же благоразумный человѣкъ скажетъ: „Дрянь ваши войска, трусы, боятся непріятельскаго огня". Развѣ подобныя слова потребуютъ опроверженія? Развѣ факты не говорятъ сами за себя? Развѣ нужно перечислять эти факты?

„Такъ же точно, ни одинъ, хоть чуточку понимающій, что̀ такое война, не скажетъ: дрянь ваши господа офицеры, *„все больше сбоку, и чего боятся?"* а вотъ солдаты, не взирая ни на что *„дрались какъ львы, бросались въ огонь и первые принимали на свою грудь удары врага; такое войско во столько же разъ страшнѣе непріятелю, во сколько рядовыхъ солдатъ больше офицеровъ"* (?!).

„О, sancta simplicitas! Войско, идущее на врага безъ офицеровъ, *такое войско*, то-есть имѣющее офицеровъ-трусовъ, стократъ страшнѣе врагу! Да поймите, ради Бога, что такое войско, рисующееся въ вашемъ воображеніи, есть *non sens*; что безъ офицера 10—15 человѣкъ солдатъ никуда послать нельзя; что выставьте милліонъ солдатъ безъ руководителей противъ одного Прусскаго корпуса, и вы увидите ихъ разсыпавшимися, какъ воробьиную стаю отъ дѣтской хлопушки.

„Очень понравились автору (т. е. г. Обнинскому) слова Костромскаго разсказщика: „и чего боятся?" Онъ пишетъ ихъ курсивомъ, нѣсколько разъ ихъ повторяетъ, въ нихъ видитъ и *„психологію войны"* и *„обаятельный образъ воина-крестьянина, стоящаго выше стадной храбрости"* и т. д.

„И чего боятся? Очень просто. Смерти боятся, а еще болѣе такой раны, которая куда хуже смерти, ибо причиняетъ адскія, трудно передаваемыя мученія и заставляетъ умолять, чтобы прикончили, что̀ весьма рѣдко однако удается: прикончить товарища даже и въ такомъ положеніи требуетъ своего рода мужества; доктора, видя безполезныя мученія человѣка, на это не рѣшаются.

„Чего боятся? Спросите у природы, создавшей во всякомъ животномъ ужасъ предъ смертью, сотворившей человѣка съ мозгомъ, сердцемъ и нервами, съ происходящимъ въ виду опасности волненіемъ, сердцебіеніемъ и т. п. Силою воли, самообладаніемъ,

мыслію о другой ужасной опасности прослыть трусомъ, 99—100 людей, не взирая на стукотню сердца, бьющагося какъ пойманная въ силокъ птичка, остаются на мѣстѣ, не взирая на носящуюся кругомъ смерть... Послѣ одного, другаго раза такого испытанія, является уже нѣкоторая привычка и, смотря по крѣпости нервовъ и силѣ воли, страхъ почти совсѣмъ исчезаетъ. Привычка — великая вещь. Попробуйте спуститься въ рудниковыя шахты, и вы испытаете жуткое чувство страха; между тѣмъ горнорабочіе и ихъ начальство ежедневно туда спускаются, остаются по двѣнадцати часовъ, какъ заживо погребенные, подъ угрозою обваловъ, взрывовъ; нерѣдко сотни ихъ тамъ погибаютъ, и ничего: привычка...

„И чего боятся? Еслибы вы знали, что̀ такое война въ дѣйствительности, а не создаваемая воображеніемъ какая-то феерія; еслибы вы знали, что война вовсе не въ томъ только, чтобы храбро, безъ боязни идти впередъ и, добравшись до непріятеля, начать его колоть; а въ томъ, чтобы выносить безъ ропота голодъ, холодъ, переутомленіе форсированныхъ маршей; чтобы стоять на мѣстѣ, осыпаемомъ снарядами, не двигаясь пока не прикажутъ; чтобы подъ градомъ гранатъ и пуль работать киркой и лопатой; чтобы идти въ порядкѣ, чуть не въ ногу, будучи осыпаемъ издали снарядами дальнобойныхъ орудій, не видя никакого непріятеля, находящагося за двѣ, за три версты, не имѣя возможности ни стрѣлять, ни защищаться, ни укрываться,—вы бы не удивлялись и не восхищались словами: „чего боятся?“

Боевой офицеръ далѣе преподаетъ бывшему прокурору урокъ общаго міросозерцанія.

„Не могу не коснуться еще одного предмета. Давно уже многіе изъ нашихъ образованныхъ людей доходятъ до фантастической идеализаціи, до признаванія проблематическихъ формулъ непреложною истиной, до созданія себѣ кумира, наконецъ... Кумиръ— сѣрая масса; въ войскѣ—солдатъ, на фабрикѣ—чернорабочій, на судѣ—присяжный засѣдатель изъ крестьянъ, и т. д. и т. д. Къ чему всѣ эти генералы, офицеры, ученые, директоры фабрикъ, судьи, чиновники, духовенство, дворянство, вообще, всѣ такъ-называемые интеллигенты? Они только трусы, эксплуататоры; они только думаютъ о своихъ выгодахъ, о своемъ комфортѣ, о наградахъ и наживѣ. Долой ихъ, да безъ всякаго исключенія!

„Я не преувеличиваю, я не шучу; такъ выходитъ изъ многихъ писаній послѣдняго времени, когда вникнешь въ ихъ смыслъ,

отбросивъ разныя поясненія и разныя сладкія присыпки къ горькимъ пилюлямъ, подносимымъ всей этой негодной массѣ, именуемой обществомъ.

„Но, позвольте, вѣдь и эта, поголовно порицаемая масса интеллигентовъ—плоть отъ плоти, кость отъ кости народа. Что же ихъ такъ изуродовало? Образованіе, пребываніе въ учебныхъ заведеніяхъ, цивилизація? Вѣроятно, вы этого не думаете; напротивъ, требуете широкаго развитія образованія, сдѣлавъ его для всѣхъ доступнымъ; желаете, чтобъ и нашъ мужикъ, какъ Нѣмецъ, Французъ, получилъ *„школьнаго учителя“*, читалъ свою газету, разсуждалъ объ общественныхъ дѣлахъ, посредствомъ выборовъ выражалъ свою волю, однимъ словомъ, пріобщился цивилизаціи, высшей культурѣ? Прекрасно; но вѣдь тогда и ему грозитъ та же участь, какая постигла тѣхъ другихъ Русскихъ людей, превратившихся черезъ образованіе и пріобщеніе къ цивилизаціи въ ни къ чему негодныхъ паразитовъ?..

„Читая все, что̀ пишется въ этомъ тенденціозномъ направленіи, ни къ какому другому выводу нельзя придти. А выводъ, согласитесь, безсмысленный, и едвали къ нему тѣ, пишущіе, стремятся. Но такова уже судьба всего, что̀ въ основаніи имѣетъ фальшивую закваску...

„Въ заключеніе всенижайшая, покорнѣйшая просьба: господа, философствуйте, фантазируйте, пишите какъ и о чемъ хотите, но, ради Бога, оставьте въ покоѣ армію. Подумайте только, въ какое время мы живемъ. Съ минуты на минуту, даже противъ желанія правительствъ, можетъ вспыхнуть пламя войны и охватить *насъ* со всѣхъ сторонъ. Наша единственная опора въ арміи, въ ея стойкости, доблести. Берите, господа, примѣръ съ другихъ европейскихъ странъ: тамъ есть радикалы, архикрасные революціонеры, не стѣсняющіеся печатно поносить своихъ министровъ площадными ругательствами, но и тѣ о своей арміи или—„vive l'armée!“ или—молчокъ. А у насъ находятся люди, которые публичныя чтенія открываютъ на тему о трусости офицеровъ!.. Чудно, право.

„Будьте же милостивы, закройте клапанъ своихъ философскихъ паровиковъ хоть до поры-до-времени. Не смущайте тѣхъ многихъ юношей и малоопытныхъ читателей, которые уже стоятъ въ рядахъ арміи, или должны еще поступить въ нихъ; не умаляйте духа вѣрующихъ въ свою ратную силу, да не посрамимся во вѣки“!..

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

1) И. С. Тургеневъ и эмигранты.

Знакомство И. С. Тургенева за границей съ эмигрантами часто подавало поводъ предполагать съ его стороны большое сочувствіе ихъ идеямъ. Любопытны въ этомъ отношеніи воспоминанія К. П. Ободовскаго о Тургеневѣ (*Историческій Вѣстникъ* февраль).

Въ описываемый вечеръ зашла, между прочимъ, рѣчь о русскихъ эмигрантахъ за границею.

И. С. встрѣчался съ нѣкоторыми изъ нихъ въ бытность свою въ Швейцаріи.

Въ числѣ эмигрантовъ выдѣлялся, какъ замѣчательный ораторъ, нѣкто У—нъ.

„Разъ, — разсказывалъ И. С., — мнѣ пришлось слышать его рѣчь предъ цѣлой толпой рабочихъ. Говорилъ онъ хорошо и съ видимымъ одушевленіемъ, такъ что, казалось, былъ сильно увлеченъ и вѣрилъ въ то, что говорилъ. Въ рѣчи своей онъ, между прочимъ, приводилъ множество цитатъ изъ разныхъ авторовъ. Когда ораторъ кончилъ, раздались громовые, долго не смолкавшіе апплодисменты толпы. Наконецъ публика разошлась, и я, подойдя къ У—ну, сказалъ, „какъ вамъ должно быть пріятно такое выраженіе сочувствія, вѣдь ваша рѣчь произвела потрясающій эффектъ.“ — „Да, конечно,—отвѣчалъ У—нъ,—но она имѣла бы совершенно обратный результатъ, еслибы, приводя выдержки изъ нѣкоторыхъ авторовъ, я цитировалъ эти выдержки до конца.“ Меня какъ ушатомъ воды облила эта наивно-циничная откровенность“,—замѣтилъ И. С.

Уѣзжая и прощаясь съ нами, И. С. смѣясь сказалъ:

— „Я завтра же уѣхалъ бы въ Парижъ, но не уѣду потому, что завтра будетъ судиться по обвиненію въ государственномъ преступленіи нѣкто статскій совѣтникъ Покрышкинъ. Будь то коллежскій ассессоръ Покрышкинъ, даже надворный совѣтникъ, я бы уѣхалъ, но статскій совѣтникъ, да еще Покрышкинъ, нѣтъ, ужь не могу, я рѣшилъ остаться.“

2) Н. И. Костомаровъ.

Въ „Воспоминаніяхъ“ г. Зосимы Недоборовскаго (*Кіевская Старина*, февраль) сообщается много свѣдѣній о личности извѣстнаго Н. И. Костомарова.

„По натурѣ своей Н. И. былъ человѣкъ добраго сердца, но впечатлительный, крайне нервный, а подчасъ, при головной боли (онъ страдалъ мигренью) — капризный и вспыльчивый. Мы сошлись очень скоро. Я полюбилъ этого человѣка сердечно и часто бывалъ ему спутникомъ въ утреннихъ прогулкахъ его. Онъ имѣлъ обыкновеніе рано вставать, часовъ въ шесть утра, и, по заведенному порядку, читалъ по главѣ изъ Библіи; послѣ того отправлялся гулять. Въ рѣдкихъ случаяхъ только онъ не заходилъ по пути ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы составить ему компанію въ прогулкѣ. Хожденіе продолжалось не долѣе часу, и затѣмъ мы возвращались домой, но я непремѣнно долженъ былъ идти къ нему пить чай. Приглашеніе выражалось такою рѣчью: „Отче Зосиме! идемъ въ храмину мою испити чайнаго зелья, ради житейскихъ печалей и треволненій“. Напившись чаю, я отправлялся домой, а Николай Ивановичъ принимался за письменную работу“.

Любопытно, что его религіозность отличалась чисто-народнымъ реализмомъ, граничащимъ съ суевѣріемъ.

„Разъ я какъ-то захожу къ нему.—„Отъ и добре, что оце вы прійшли: мени чогось сумно“,—говоритъ мнѣ Ник. Ив., видимо очень разстроенный. Что такое случилось?—Хранился у Ник. Ив. въ кабинетѣ на книжномъ шкафу черепъ, найденный имъ на полѣ битвы у р. Шелони, который на столько интересовалъ его, что онъ нерѣдко обращался даже къ черепу съ вопросомъ: „скажи мнѣ, кто ты?—витязь или изъ ратныхъ воиновъ?“—Теперь оказалось, что черепъ этотъ заходилъ по ночамъ по кабинету.— „Ночи, говоритъ,—не сплю, слышу, что кто-то ходитъ по кабинету. Кричу Мирона (такъ-назывался старикъ слуга Ник. Ив.). Является Миронъ. Я его спрашиваю: кто ходитъ по кабинету? Никого нѣтъ, отвѣчаетъ Миронъ, но я самъ слышалъ шаги, и уже не одну ночь, и думалъ, что это вы изволите прохаживаться.—„Отъ тоби и напытавъ соби биды, и треба було мени взять оцей черепъ“... Мнѣ удалось уговорить Николая Ивановича отвезти этотъ черепъ къ отцу Степану Опатовичу на Смоленское кладбище, для преданія землѣ, что нами и было исполнено, и

гдѣ, по распоряженію отца Степана, черепъ зарытъ былъ въ землю и отслужена, по желанію Николая Ивановича, панихида. Послѣ чего объ этомъ черепѣ уже никакого помину не было".

„Другой разъ зашелъ какъ-то разговоръ о повѣріяхъ нашихъ Малороссіянъ, о посѣщеніи умершими своихъ домовъ. Н. И. разсказалъ по этому поводу такой случай: „Пріѣхавъ разъ какъ-то домой, въ деревню свою, въ Острогожскій уѣздъ, къ родителямъ на каникулы съ однимъ изъ медиковъ-студентовъ высшаго курса, мы узнали изъ разсказовъ домашнихъ, что одна изъ крестьянокъ неоднократно заявляла моей матери, что недавно похороненный ея мужъ каждую ночь ровно въ полночь приходитъ домой. Явленіе это всегда случается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ полночь, предъ пѣніемъ пѣтуховъ изъ одного угла избы слышится сильный вѣтеръ, потомъ отворяется въ избу дверь и является тѣнь мужа. Насъ, говоритъ Н. И., заинтересовало это обстоятельство до такой степени, что мы съ товарищемъ порѣшили переночевать въ избѣ и убѣдиться въ справедливости разсказа. Съ вечера пришли мы въ избу и улеглись на полу (поломъ въ малорусскихъ крестьянскихъ избахъ называется то мѣсто, которое служитъ вмѣсто кровати); съ напряженнымъ вниманіемъ поджидали мы того времени, когда тѣнь явится. Ровно въ полночь услыхали изъ-за угла хаты вѣтеръ; въ это время мы еще больше пришли въ тревожное состояніе; наконецъ мы слышимъ скрипъ дверей, и намъ явственно показалась тѣнь человѣка, идущаго отъ дверей къ столу. Тутъ уже у меня совсѣмъ дыханіе замерло; товарищъ мой до того былъ пораженъ этимъ явленіемъ, что не могъ проговорить ни одного слова. Страхъ нами овладѣлъ не на шутку; мы не скоро могли подняться и зажечь свѣчу".

Какъ извѣстно, сочувствіе къ польскому дѣлу никогда не было грѣхомъ Костомарова, и это одно не можетъ не быть поставлено ему въ заслугу въ тѣ времена, когда „поляковали" даже и гораздо болѣе умѣренные люди. Г. Недоборовскій вспоминаетъ начало возстанія.

„На другой день пришло извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ. Я зашелъ къ Н. И., который уже зналъ объ этомъ. При моемъ появленіи онъ сказалъ: „Восташе ляхове на насъ", и при этомъ повторилъ слова Богдана Хмельницкаго: „теперь не ти ляхи, що колысь булы: Жолкевскіе, Корецкіе, а Зайончковскіе, Тхоржевскіе...—„Ничого съ цёго не буде, добавилъ онъ—да ще у нихъ

Богданъ Хмельницкій отнявъ великую силу и перекопавъ имъ глубокимъ яромъ дорогу. Воны повынни булы сыдить и личить старынни раны, а не робыть соби свижихъ для того, щобъ зновъ ихъ личить". Событіе это не мало произвело тревоги въ обществѣ и породило не мало путаницы въ воззрѣніяхъ на него при сильномъ броженіи въ то время умовъ. Николай Ивановичъ смотрѣлъ на эти событія съ своей точки зрѣнія и повторялъ слова Лафатера: „нужно искать истину въ путаницѣ понятій", и написалъ по поводу этому статью: „Богданъ Хмельницкій и Владиміръ Мономахъ", которая была имъ прочитана на литературномъ вечерѣ, въ домѣ Руадзе, на Большой Морской, и напечатана въ *Русскомъ Инвалидѣ* въ 1863 г. Редакція почему-то медлила печатаніемъ, чѣмъ Н. И. былъ крайне недоволенъ; вслѣдствіе чего попросилъ меня съѣздить въ редакцію съ слѣдующимъ письмомъ: „Покорнѣйше прошу редакцію *Инвалида*, въ случаѣ нежеланія печатать мою статью, возвратить ее подателю сего, Зосиму Ѳедоровичу Недоборовскому. Іюня 3 дня Н. Костомаровъ". Послѣ этого статья эта на другой же день появилась отпечатанною въ *Инвалидѣ*. Петербургское общество и Государь остались очень довольны этою статьею".

Между прочимъ, разсказываетъ авторъ, Костомаровъ очень любилъ церковно-славянскій языкъ.

„Въ одно время отправился Н. И. съ Кулишемъ за границу и, по разсказамъ Кулиша, цѣлую дорогу велъ разговоръ на церковнославянскомъ языкѣ, который зналъ въ совершенствѣ. Этотъ разговоръ однажды такъ заинтересовалъ пассажировъ, среди которыхъ было много русскихъ туристовъ, что они, ранѣе зная Н. И., какъ профессора, тутъ же съ нимъ перезнакомились. Въ Италіи они разстались. Пріѣхавъ въ Бѣлградъ, онъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе разговорнымъ сербскимъ языкомъ, такъ что рѣшился уже искать толмача и, вышедши изъ гостиницы на улицу, встрѣтилъ священника, къ которому обратился по-славянски:—„миръ ти, отче!" — „Миръ ти, чадо", отвѣтилъ священникъ. — „Кіи языци пребываютъ въ семъ градѣ, отче?"— „Мнози языци пребываютъ въ семъ градѣ, чадо! Кія страны еси и камо грядеши, чадо?" „Изъ града Петрограда, притекохъ въ страну сію къ братіямъ моимъ славянамъ, имя имамъ Николай Костомаровъ".—„Родной мой отецъ, Николай Ивановичъ!" воскликнулъ священникъ, „я самъ воспитанникъ Кіевской Академіи и состою тоже профессоромъ въ великой народной школѣ града сего."

Такъ оригинально завязалось у Костомарова это знакомство, и впослѣдствіе не прерывавшееся.

Съ этого времени Н. И. велъ постоянную переписку съ ученымъ сербскимъ священникомъ. Въ одномъ изъ писемъ писалъ Н. И относительно перевода священныхъ книгъ на малороссійскій языкъ. Въ отвѣтномъ письмѣ ученый сербскій священникъ высказалъ свое мнѣніе, что, какъ богослужебныя, такъ и прочія священныя книги должны остаться на славянскомъ языкѣ между племенами Славянъ и тѣмъ должны напоминать имъ объ ихъ общемъ славянскомъ происхожденіи.

Л. Т.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) РУССКАЯ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА СВЯЩЕННАГО ТЕКСТА.

Древне-славянскій Апостолъ.

Посланія Святаго Апостола Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв. Трудъ Г. Воскресенскаго, экстраординарнаго профессора Московской Духовной Академіи. Выпускъ первый. Посланіе къ Римлянамъ. 2-я типографія А. И. Снигеревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московской губ. 1892.

Трудъ профессора Воскресенскаго представляетъ собою результатъ почти двадцатилѣтнихъ его ученыхъ работъ. Еще въ 1873 году имъ начаты были работы, подъ руководствомъ извѣстнаго слависта И. И. Срезневскаго, по собиранію матеріала для изслѣдованія славянскаго рукописнаго текста Апостола. Съ того времени имъ были осмотрѣны и изучены всѣ важнѣйшіе списки Апостола, какъ имѣющіеся въ частныхъ рукахъ, такъ и въ библіотекахъ Императорской Публичной, Московской Синодальной и типографской, Чудова монастыря, Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, собранія А. И. Хлудова въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ въ Москвѣ, въ библіотекахъ Московской Духовной Академіи и Троице-Сергіевой Лавры, а также въ заграничныхъ библіотекахъ: Берлинской королевской, Пражскихъ музейной и университетской, Вѣнской императорской, Лублянской лицейской, Загребской академической и Бѣлград-

скихъ народной и сербскаго ученаго общества. Результатомъ этихъ работъ надъ рукописями и явились ученыя книги профессора Воскресенскаго „Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. Опытъ изслѣдованія языка и текста славянскаго перевода Апостола по рукописямъ XII—XV вв. М. 1879“, и первый выпускъ древне-славянскаго Апостола—„Посланіе къ Римлянамъ“, подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Тогда какъ въ первой книгѣ профессоръ представилъ филологическое обозрѣніе тридцати двухъ списковъ Апостола XII—XV вв. и характеристику отдѣльныхъ редакцій рукописнаго славянскаго текста Апостола, во второй онъ уже началъ печатаніе самаго текста рукописнаго славянскаго Апостола. Именно, въ вышедшемъ первомъ выпускѣ напечатаны основные списки четырехъ редакцій славянскаго рукописнаго текста посланія Апостола Павла къ Римлянамъ съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв. Такимъ образомъ первая книга профессора Г. Воскресенскаго представляетъ собою обширное ученое предисловіе къ его главному труду—печатанію славянскаго рукописнаго текста Апостола. Напечатанные уже тексты основныхъ славянскихъ списковъ Апостола воспроизведены въ книгѣ профессора совершено точно, буква въ букву, съ соблюденіемъ древнеславянскихъ начертаній нѣкоторыхъ неупотребительныхъ теперь гласныхъ и носовыхъ звуковъ, знаковъ надстрочныхъ, титлъ и знаковъ препинанія, какіе употребляются въ рукописяхъ.

Этотъ трудъ профессора Воскресенскаго представляетъ собою драгоцѣнный матеріалъ для изученія древнеславянскаго языка. Единственными памятниками древнеславянскаго языка остались рукописныя священныя книги, сохранившіяся во множествѣ древнихъ списковъ, но уже вездѣ съ значительно измѣненнымъ древнимъ славянскимъ языкомъ. Возстановить древній славянскій текстъ священныхъ книгъ значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить и древній славянскій языкъ. Въ ученыхъ трудахъ А. В. Горскаго, К. И. Невоструева и проф. В. Ягича уже представлены опыты возстановленія первоначальнаго перевода Евангелія. Срезневскимъ то же самое сдѣлано по отношенію къ Псалтыри. Въ настоящее время профессоромъ Воскресенскимъ представляется Апостольскій текстъ съ возстановленнымъ болѣе или менѣе первоначальнымъ переводомъ на древне-славянскій языкъ. Этимъ трудомъ дается богатый матеріалъ для нашей филологической науки.

Но еще большее значеніе и большій интересъ получаетъ трудъ профессора Воскресенскаго въ виду предполагаемаго пересмотра славянскаго текста священныхъ книгъ. Современный славянскій переводъ священныхъ книгъ далекъ отъ того первоначальнаго, который совершенъ святыми братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Но можно ли возстановить этотъ первоначальный славянскій переводъ? Какія данныя для этого представляетъ разсматриваемый нами трудъ профессора Воскресенскаго? Наконецъ, какія качества отличаютъ этотъ первоначальный переводъ по сравненію его съ нынѣшнимъ? Вотъ тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ и весьма важно само по себѣ и даетъ особый интересъ и особую цѣну трудамъ почтеннаго профессора.

Извѣстно, что переводъ священныхъ книгъ Евангелія, Апостола и Псалтыри на славянскій языкъ былъ началомъ просвѣтительной дѣятельности святыхъ Кирилла и Меѳодія. Такимъ образомъ легко было бы возстановить первоначальный переводъ этихъ священныхъ книгъ, еслибы сохранились до нашего времени рукописи, современныя святымъ братьямъ, а тѣмъ болѣе, еслибы сохранились подлинныя ихъ рукописи. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли не только подлинныя и современныя имъ рукописи, но даже и отъ X вѣка мы не имѣемъ ни одной рукописи переведенныхъ святыми братьями священныхъ книгъ. Славянскія рукописи Евангелія и Псалтыри сохранились до нашего времени лишь отъ XI вѣка, а уцѣлѣвшія рукописи Апостола еще позднѣе и не восходятъ дальше XII вѣка. Такими древнѣйшими славянскими списками Апостола являются Охридскій и Слѣпченскій XII вѣка и Толковый Апостолъ 1220 года. (Охридскій списокъ Апостола хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ, Слѣпченскій—частію тамъ же, а частію въ частной библіотекѣ С. Верковича, а Толковый 1220 года—въ Московской Синодальной библіотекѣ). Эти два столѣтія, протекшія отъ времени святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія до времени написанія сохранившихся до насъ списковъ, уже наложили свою печать на текстъ Апостола и въ немъ замѣтно уже извѣстное разнообразіе. Очевидно, первоначальный славянскій переводъ Апостола не сохранился до нашего времени въ цѣлости и неповрежденности. Въ этомъ случаѣ славянскія рукописи Апостола раздѣлили участь, общую всѣмъ древнимъ рукописямъ. Переписываніе въ то время было единственнымъ способомъ распространенія книгъ. Если же мы примемъ во вниманіе съ од-

ной стороны то, что при переписываніи всегда возможны ошибки и сохранить безусловную точность списка съ оригиналомъ почти невозможно, а съ другой—тѣ необыкновенныя техническія трудности древняго квадратнаго письма, то для насъ станетъ понятно разнообразіе древнихъ списковъ Апостола. Къ этому необходимо прибавить еще неосторожность и невѣжество переписчиковъ, увеличивавшихъ разнообразіе списковъ своими ошибками. При дальнѣйшемъ переписываніи эти ошибки все болѣе и болѣе увеличивались. Но кромѣ этихъ ненамѣренныхъ, были и намѣренныя измѣненія славянскаго текста Апостола, какъ слѣдствіе исправленій этого текста, которымъ издревле подвергался славянскій Апостолъ. Эти измѣненія, по свидѣтельству профессора Воскресенскаго, были двухъ родовъ: „а) когда устарѣвшія или ставшія непонятными слова замѣняли другими, болѣе употребительными и понятными, что̀ было совершенно естественно и даже необходимо́, особенно при переходѣ памятника изъ одной мѣстности въ другую,—изъ Болгаріи, напримѣръ, въ Сербію или Русь,—и б) когда исправители славянскаго перевода сносились съ греческими списками, бывшими у нихъ въ рукахъ, и когда, слѣдовательно, разночтенія славянскихъ списковъ имѣютъ себѣ основаніе въ иныхъ греческихъ чтеніяхъ или варіантахъ.“

Тѣмъ не менѣе эти измѣненія въ древнѣйшихъ славянскихъ спискахъ Апостола далеко не таковы, чтобъ изъ-за нихъ нельзя было видѣть древнѣйшаго, даже первоначальнаго славянскаго перевода Апостола. Напротивъ, всѣ эти измѣненія списковъ Апостола, какъ и Евангелія и Псалтыри, по словамъ нашего изслѣдователя, „касаются для древнѣйшаго времени главнымъ образомъ лишь *правописанія звуковъ*“, въ зависимости отъ мѣстности, которой принадлежитъ извѣстный списокъ,—Россіи ли, или Болгаріи, или Сербіи. Извѣстно, что Болгарія была источникомъ просвѣщенія для Россіи и Сербіи. Сами Болгары получили переводъ священныхъ книгъ на славянскій языкъ изъ Моравіи еще при князѣ Борисѣ (852—888). Отсюда, изъ Болгаріи уже потомъ и Сербы получили славянскій переводъ Священнаго Писанія при императорѣ Василіи или по крайней мѣрѣ при св. Саввѣ, первомъ архіепископѣ Сербскомъ. Отсюда же, изъ Болгаріи, и въ нашу Русь перешли книги Священнаго Писанія въ славянскомъ переводѣ при св. Владимірѣ, а можетъ быть еще до этого равноапостольнаго князя, при самомъ началѣ христіанства на Руси при Аскольдѣ и Дирѣ. Такимъ образомъ, источ-

никъ для русскихъ и сербскихъ рукописей Апостола былъ одинъ и тотъ же — рукописи болгарскія. Но извѣстно съ другой стороны, „что уже въ самое первое время введенія христіанства у Славянъ существовало лексикальное различіе между отдѣльными славянскими нарѣчіями, и вообще были уже развиты не только фонетическія и тѣсно съ ними связанныя этимологическія, но и лексикальныя особенности славянскихъ нарѣчій. Можно было ожидать, что древнеславянскія рукописи Апостола превратятся въ русскія у Русскихъ, въ сербскія у Сербовъ, — что и самый текстъ и строй языка древнеславянскаго будутъ замѣнены русскими на Руси, сербскими въ Сербіи, и что такимъ образомъ древнеславянскій переводъ Апостола исчезнетъ почти безслѣдно. „Однако этого не случилось, говоритъ нашъ почтенный изслѣдователь. И языкъ и текстъ Апостола оставались *старославянскіе* и у Русскихъ и у Сербовъ, какъ и у Болгаръ! Того требовали начала Церкви, уваженіе къ св. братьямъ, славянскимъ первоучителямъ, и къ самому переводу". Сербскіе и особенно русскіе переписчики съ такою тщательностью копировали бывшіе у нихъ подъ руками болгарскіе списки, что въ ихъ рукописяхъ древнеславянскій языкъ сохранился гораздо лучше, чѣмъ въ послѣдующихъ болгарскихъ. Правда, измѣненія были допущены ими, но измѣненія совершенно неизбѣжныя. Такъ, русскіе и сербскіе переписчики не умѣли правильно употреблять нѣкоторые чуждые имъ, напримѣръ юсовые, звуки, и поэтому весьма рано стали замѣнять ихъ соотвѣтствующими своими звуками. Правда и то, что уже въ самыхъ раннихъ замѣтна замѣна устарѣвшихъ и малопонятыхъ чужихъ словъ новыми и употребительными своими, а также и такія измѣненія текста, которыя были допущены, очевидно, подъ вліяніемъ имѣвшихся подъ руками греческихъ чтеній. Тѣмъ не менѣе, по наблюденіямъ профессора Воскресенскаго, основной строй языка въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ Апостола былъ одинъ и тотъ же — старославянскій, допущенныя же измѣненія текста, вслѣдствіе ошибокъ переписчиковъ и намѣренныхъ исправленій, могутъ быть замѣчены и выдѣлены научною критикой библейскаго текста, чрезъ сравненіе древнихъ списковъ между собою и съ греческимъ подлинникомъ.

Такимъ образомъ, изслѣдованія древнѣйшихъ славянскихъ списковъ Апостола привели профессора Воскресенскаго къ несомнѣнному выводу, что „древній и болѣе или менѣе первоначаль-

ный переводъ Апостола на славянскій языкъ можетъ быть возстановленъ чрезъ сличеніе древнихъ списковъ Апостола между собою и съ греческимъ подлинникомъ". Выводъ замѣчательный и весьма важный. Для пересмотра нынѣшняго славянскаго перевода Апостола прежде всего необходимо имѣть въ виду первоначальный славянскій переводъ. Вотъ почему такъ почтенна задача профессора Воскресенскаго возстановить этотъ первоначальный славянскій переводъ. Вотъ почему такъ драгоцѣненъ самый трудъ профессора, въ которомъ онъ пытается осуществить свою задачу — напечатать всѣ матеріалы для возстановленія первоначальнаго славянскаго перевода Апостола и даже матеріалы для сужденія о всей послѣдующей судьбѣ славянскаго Апостола. Ученые пріемы изслѣдованія ручаются за достоинство самаго труда. Профессоръ сначала даетъ руководственныя правила для возстановленія первоначальнаго перевода. Именно, должно отмѣтить, то, что̀ обще всѣмъ спискамъ, сохранившимъ слѣды первоначальнаго перевода Апостола, или такъ называемымъ спискамъ первой редакціи, числомъ 34, или по крайней мѣрѣ, большей ихъ части, затѣмъ то, что̀ свойственно нѣкоторымъ спискамъ и наконецъ личныя особенности каждаго списка. „Что̀ обще всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, лучшимъ изъ древнихъ списковъ,—говоритъ онъ,—то съ вѣроятностію можетъ быть относимо къ остаткамъ первоначальнаго перевода. Личныя же особенности списковъ могутъ быть разсматриваемы какъ позднѣйшія исправленія древняго перевода. Конечно, можетъ случиться, что одинъ какой-либо списокъ въ данномъ мѣстѣ вѣрнѣе сохраняетъ древній переводъ, чѣмъ всѣ остальные списки; но такіе случаи не часты. Древность чтенія перевода, хотя бы оно не раздѣлялось многими списками, доказывается разсмотрѣніемъ внутренняго его качества и снесеніемъ съ другими памятниками древней церковно-славянской письменности. Результатомъ этихъ изслѣдованій явилось слѣдующее общее заключеніе: „Текстъ первыхъ пяти посланій Павловыхъ, содержащійся въ древнихъ славянскихъ спискахъ XII—XIV вв. представляетъ много отличій отъ нынѣшняго печатнаго 1) въ варіантахъ и 2) собственно въ переводѣ. Что̀ касается греческихъ чтеній, то разсматриваемая славянская редакція апостольскаго текста слѣдуетъ предпочтительно древнѣйшимъ греческимъ кодексамъ: Синайскому, Александрійскому, Ватиканскому и др. Относительно собственно перевода должно замѣтить его точность, вѣрность

подлиннику, равно какъ ясность при большей или меньшей свободѣ переложенія. Эта послѣдняя черта древняго перевода особенно бросается въ глаза при сравненіи его съ послѣдующими редакціями апостольскаго текста, которыхъ отличительную особенность составляетъ именно стремленіе къ дословности, буквальности перевода, въ ущербъ требованіямъ языка славянскаго".

Въ настоящемъ изданіи профессоромъ напечатанъ только текстъ посланія Св. Апостола Павла къ Римлянамъ. Каждыя двѣ страницы рядомъ раздѣлены на четыре колонны. Прежде всего, въ первой колоннѣ напечатанъ текстъ по древнѣйшимъ спискамъ первой редакціи. Основнымъ, напечатаннымъ цѣликомъ, является текстъ посланія изъ Толковаго Апостола 1220 года, какъ древнѣйшаго и сохранившаго текстъ посланія въ надлежащей полнотѣ. Въ примѣчаніяхъ напечатаны разночтенія изъ 33 рукописей первой редакціи. Въ остальныхъ трехъ колоннахъ напечатанъ текстъ основныхъ списковъ слѣдующихъ трехъ редакцій славянскаго Апостола, также съ разночтеніями. Что касается древнѣйшей редакціи славянскихъ списковъ Апостола, то, какъ мы уже видѣли, она имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ нынѣшняго текста. Одни изъ нихъ имѣютъ свое основаніе въ иныхъ греческихъ чтеніяхъ, другія же должны быть приписаны славянскимъ переводчикомъ. Для наглядности приведемъ отличія и перваго и втораго рода.

1): III, 29: *или июдѣомъ единѣмъ Богъ;* въ нынѣшнемъ *или Іудеевъ Богъ токмо.*

VIII, 22: *тварь вься съ нами въздыхаеть и стражетъ доселѣ;* въ нынѣшемъ: *вся тварь* (*съ нами*) *совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ*

XI, 7: *а прочии окаменишася*; въ нынѣшнемъ: *прочіи же ослѣпишася.* 25: *окаменение*, въ нынѣшнемъ: *ослѣпленіе.* 36: *яко... у того* (εἰς αὐτὸν) *всячьская;* въ нынѣшнемъ: *въ немъ.*

XV, 14: *могуще другъ друга* (ἀλλήλους) *учити*; въ нынѣшнемъ: *могуще и иныя научити.*

VII, 20: *еже не хощу, то творю*; въ нынѣшнемъ: *еже не хощу азъ, сіе творю.*

XI, 31: *да и си послѣдь помиловани будуть;* въ нынѣшнемъ: *да и тіи помиловани будутъ.*

VIII, 14: *си сынове Божии суть*; въ нынѣшнемъ: *сіи суть сынове Божіи.*

I, 23: *и измѣниша славу нетлѣньнаго Бога въ подобьствии*

тлъньна тъла (εἰκόνος) *человъка;* въ нынѣшнемъ: *...въ подобіе образа тлънна человъка.*

VII, 18: *воля бо* (τὸ γρὰ θέλειν) *прилежитъ ми;* въ нынѣшнемъ: *еже бо хотъши.*

VIII, 1: *ходящиимъ не по плъти о Христъ Іисусъ, нъ по духу;* въ нынѣшнемъ: *сущымъ о Христъ Іисусъ, не по плоти ходящымъ, но по духу.*

XII, 18: *съ всъми человъкы съмиряющеся;* въ нынѣшнемъ: *со всъми человъки миръ имъйте.*

XV, 16: *въ языцъхъ служащую(ми) еуангелию Божию;* въ нынѣшнемъ: *...во языцъхъ, священнодъйствующу благовъствованіе Божію.* И т. п.

Кромѣ того и нѣкоторыя греческія слова переводятся отлично отъ нынѣшняго: γραφή, γραφαί; γράμματα—*кънигы*, въ нынѣшнемъ —*писаніе*, εὐχαριστεῖν—хвалити, въ нынѣшнемъ—*благодарити*, μακροθυμία—*тръпъние*, въ нынѣшнемъ—*долготерпъніе*—κόσμος весь миръ, въ нынѣшнемъ—міръ и т. п., а также нѣкоторыя греческія слова остались непереведенными, именно: ἀκροβυστία, ἐπιστολή, εὐαγγέλιον, οἰκονόμος ὑπόστασις, περιτομή и другія. Изученіе древнѣйшихъ славянскихъ списковъ посланія къ Римлянамъ привело нашего изслѣдователя къ слѣдующимъ результатамъ:

„1. Толковый Апостолъ 1220 г. представляетъ много отличій отъ нынѣшняго славянскаго текста. Отличія эти, состоящія частію въ иныхъ греческихъ чтеніяхъ или варіантахъ (замѣненія, опущенія и прибавленія, перестановки), частію собственно въ переводѣ раздѣляются Охридскимъ, Слѣпченскимъ и остальными списками первой редакціи. Въ этихъ отличныхъ отъ нынѣшняго текста мѣстахъ можно признать первоначальный славянскій переводъ, повторяемый въ спискахъ разнаго состава и письма, также разнаго времени и мѣста написанія.

„2. Иногда (сравнительно очень рѣдко) Толковый Апостолъ не раздѣляетъ отличій Охридскаго, Слѣпченскаго и остальныхъ списковъ первой редакціи отъ нынѣшняго печатнаго текста. Въ этихъ древнихъ спискахъ (Охридскомъ, Слѣпченскомъ и под.), гдѣ они между собою совершенно согласны, можно также признать первоначальный переводъ, а Толковый Апостолъ въ этихъ немногихъ мѣстахъ передаетъ текстъ исправленный, принятый нынѣ.

„5. Что касается греческаго текста, послужившаго образцомъ для древняго славянскаго перевода Апостола по Толковому, Охридскому, Слѣпченскому и под. спискамъ, то онъ содержится въ

древнѣйшихъ греческихъ кодексахъ Новаго Завѣта IV—VI вѣковъ: Синайскомъ, Александрійскомъ, Ватиканскомъ, Ефремовскомъ, Клермонтскомъ, иногда въ кодексахъ IX вѣка: Сенжерменскомъ, Кембриджскомъ и под.

„6. Древній славянскій переводъ посланія къ Римлянамъ отличается точностью, вѣрностью подлиннику и ясностію при большой или меньшей свободѣ переложенія".

Всѣми этими изслѣдованіями, а главное напечатаніемъ самаго древнѣйшаго текста посланія къ Римлянамъ, профессоръ Воскресенскій оказалъ большую услугу и филологической наукѣ, и изученію исторіи славянскаго священнаго текста. Съ нѣкоторыми эпизодами дальнѣйшей этой исторіи мы познакомимъ нашихъ читателей по тому же труду г. Воскресенскаго.

Древній славянскій переводъ Апостола не оставался неизмѣннымъ ни въ одной славянской странѣ. Но особенно часты и значительны измѣненія его были въ Россіи. Ихъ можно наблюдать уже въ самыхъ древнихъ спискахъ. Но до XIV вѣка эти исправленія апостольскаго текста въ Россіи, равно какъ въ Болгаріи и Сербіи, имѣли характеръ частныхъ отдѣльныхъ измѣненій: общая основа во всѣхъ спискахъ оставалась одна и та же—древнѣйшая. Въ XIV вѣкѣ въ нѣкоторыхъ русскихъ спискахъ впервые встрѣчается послѣдовательное, чрезъ весь Апостолъ проходящее исправленіе апостольскаго текста, это такъ называемая вторая, вполнѣ русская, редакція славянскихъ списковъ Апостола. Этимъ исправленіемъ имѣлось въ виду достигнуть двухъ цѣлей: „вопервыхъ, сдѣлать славянскій переводъ Апостола сколь возможно вразумительнымъ и понятнымъ для русскаго читателя и, вовторыхъ, привести славянскій переводъ Апостола въ возможно большее согласіе съ греческими списками, бывшими въ то время въ употребленіи въ Церкви Константинопольской". Первая цѣль достигалась простою замѣной южно-славянскихъ непонятныхъ словъ соотвѣтствующими своими русскими, или даже образованіемъ чужихъ словъ по законамъ русскаго языка, а также переводомъ греческихъ словъ, остававшихся доселѣ непереведенными. Вторая же цѣль достигалась согласованіемъ славянскаго перевода съ греческими списками такъ-называемой константинопольской рецензіи. Сдѣлать это было вовсе нетрудно, при постоянныхъ и самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Востокомъ, когда въ нашей іерархіи были и Болгары и Греки. Поэтому, эта вторая, русская, редакція является далекою и отъ первой южно-славян-

ской и отъ нынѣшней. Списковъ ея сохранилось немного. Основнымъ спискомъ этой редакціи, при печатаніи текста посланія къ Римлянамъ, принятъ г. Воскресенскимъ Толстовскій Апостолъ XIV вѣка, хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Къ нему напечатаны разночтенія изъ 11 списковъ.

Въ XIV же вѣкѣ явилась на Руси и еще новая, третья, редакція апостольскаго текста. Новый переводъ и исправленіе Апостола былъ сдѣланъ личнымъ трудомъ святителя Алексія и сохранился въ рукописи начертанной его собственною рукой въ 1355 году. Отличительною чертой труда святителя является дословная вѣрность и близость греческому тексту по спискамъ константинопольской рецензіи и сходныхъ съ ними IX вѣка. Трудъ святителя имѣетъ большія отличія отъ древнихъ славянскихъ списковъ Апостола, но эти отличія или исправленія, въ большинствѣ случаевъ, приняты въ нынѣшій печатный Апостолъ. Эта третья редакція славянскаго апостольскаго текста сохранилась въ единственномъ спискѣ чудотворца Алексія, по каковому списку и напечатано г. Воскресенскимъ посланіе къ Римлянамъ въ третьей колонкѣ.

Въ XV вѣкѣ на Руси появляются съ юга списки новаго поправленія Апостольскаго текста — четвертая редакція. Въ Болгаріи еще съ XI вѣка развивается такъ называемая *болгарская* рецензія памятниковъ. Въ XIV вѣкѣ извѣстенъ Евѳимій, послѣдній болгарскій патріархъ въ Терновѣ, какъ исправитель библейскаго текста. Отъ него получили свое начало Терновскіе изводы церковныхъ книгъ. Въ зависимости отъ этихъ исправленій стоятъ исправленія церковныхъ книгъ въ Сербіи въ Ресавскомъ монастырѣ. Эти-то, почти одновременно и въ Болгаріи и въ Сербіи, исправленные тексты Новозавѣтныхъ книгъ, „можетъ быть Кипріаномъ митрополитомъ, о которомъ именно извѣстно, что онъ привезъ къ намъ много южно-славянскихъ переводовъ и вообще рукописей, принесены были въ Россію и здѣсь вновь значительно переработаны подъ вліяніемъ и по требованіямъ тогдашняго русскаго языка“. Отличительною чертой списковъ этой четвертой редакціи апостольскаго текста является смѣшанное правописаніе — русско-болгарское (иногда съ юсами) и смѣшанный языкъ—русско-сербско-болгарскій. Древній переводъ въ нихъ удерживается только отчасти. Въ большинствѣ случаевъ древній переводъ въ нихъ исправленъ, и эти исправленія согласны съ нынѣшнимъ печатнымъ текстомъ Апостола. Эта редакція была положена въ

основаніе при Острожскомъ изданіи Библіи въ 1581 году, и при напечатаніи Апостола въ 1564 году въ Москвѣ діакономъ Иваномъ Ѳедоровымъ и П. Мстиславцевымъ. Списковъ (XV—XVII в.) этой редакціи сохранилось весьма много. Основнымъ спискомъ ея, при печатаніи посланія къ Римлянамъ, принятъ г. Воскресенскимъ списокъ Библіи 1499 года, хранящійся въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Къ нему напечатаны разночтенія по семи спискамъ. Этою четвертою редакціей рукописныхъ славянскихъ списковъ Апостола и оканчивается трудъ г. Воскресенскаго.

Тщательность изслѣдованій, ясность выводовъ и всѣ научные пріемы труда г. Воскресенскаго уже сами собой говорятъ о его достоинствѣ, хотя изслѣдователь и не претендуетъ на полноту обозрѣваемыхъ списковъ. Вотъ почему нельзя не пожелать скорѣйшаго продолженія его драгоцѣннаго труда—печатанія рукописныхъ славянскихъ текстовъ посланій св. Апостола Павла. Его трудъ имѣетъ не только огромное значеніе для науки, но еще большее практическое значеніе для нашего времени.

Чтеніе греческаго текста Дѣяній и Посланій Апостольскихъ. А. Некрасова. Казань. 1892.

Настоящая книга г. Некрасова представляетъ собою окончаніе его прежней работы. Въ 1888 году имъ было издано *Чтеніе греческаго текста Святыхъ Евангелій*, съ прибавленіемъ четырехъ приложеній: 1) *Годъ Рождества и крестныхъ страданій Господа нашего Іисуса Христа по седминамъ пророка Даніила*; 2) *Къ вопросу о годѣ Рождества Христова* (по поводу статьи Д. И. Прозоровскаго: *Хронологія, провѣренная по античнымъ медалямъ*); 3) *Седмины пророка Даніила по олимпіадамъ* (по поводу статьи С. Дорошкевича: *Хронологія книгъ 1-й Ездры и Нееміи*), и 4) *Ученіе Св. Іоанна Дамаскина о личномъ отношеніи Духа Святаго къ Сыну Божію* (по поводу Бонской конференціи). Такимъ образомъ, эти двѣ книги г. Некрасова составляютъ собою одинъ цѣльный трудъ, обнимающій собою всѣ священныя книги Новаго Завѣта.

Задачею своей г. Некрасовъ поставилъ „выясненіе смысла многихъ непонятныхъ мѣстъ въ славяно-русскомъ переводѣ священныхъ Новозавѣтныхъ книгъ и предложеніе своего пере-

вода.“ „Много недоумѣній возникало въ разныя времена при чтеніи Св. Евангелій, говоритъ онъ. Какъ на древнѣйшее можно указать на видимое разногласіе первыхъ трехъ Евангелистовъ (синоптиковъ) съ Евангелистомъ Іоанномъ, относительно времени совершенія Іисусомъ Христомъ Тайной Вечери, а какъ на новѣйшее, на всю систему богословствованія графа Толстаго. При чтеніи другихъ книгъ Новаго Завѣта возникало еще болѣе недоумѣній, чѣмъ при чтеніи Св. Евангелій. И если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ недоумѣнія возникали вслѣдствіе неумѣнія понимать древній греческій подлинникъ книгъ Новаго Завѣта. Желая оказать посильную помощь въ разрѣшеніи подобныхъ указаннымъ недоумѣній, мы рѣшились пересмотрѣть русскій переводъ Св. Евангелій, а потомъ уже Дѣяній и Посланій Апостольскихъ“. Для осуществленія своей задачи, г. Некрасовъ отмѣчаетъ всѣ, по возможности, мѣста въ Новозавѣтныхъ священныхъ книгахъ, невразумительныя по смыслу или по переводу, и путемъ тщательнаго изслѣдованія подлиннаго греческаго текста, главнымъ образомъ, съ филологической стороны, возстановляетъ смыслъ и возможный русскій переводъ даннаго мѣста. Такъ, на основаніи греческаго употребленія глагола ἀνθίστημι и прилагательнаго πονηρός, онъ предлагаетъ слѣдующее чтеніе 39 стиха V главы Св. Евангелія отъ Матѳея: „А я говорю вамъ не то, чтобъ не уступить злому человѣку (прим.: какъ дозволялось ветхозавѣтному человѣку: око за око, зубъ за зубъ), а напротивъ, кто ударитъ тебя по правой твоей щекѣ, подставь тому и другую.“ Въ отвѣтѣ „рецензентамъ“ при послѣдней книгѣ г. Некрасовъ къ прежнимъ основаніямъ своего перевода 39-го стиха прибавилъ ссылку на параллельныя мѣста: Іак. IV, 7 и Римл. XIII, 2. По такимъ же основаніямъ г. Некрасовъ предлагаетъ слѣдующее чтеніе 26 стиха XIV главы Св. Евангелія отъ Іоанна: „Утѣшитель же Духъ Святый, Котораго пошлетъ Отецъ въ имени Моемъ (то-есть во Мнѣ или чрезъ Меня), научитъ васъ всему и воскреситъ въ вашей памяти все, что̀ Я сказалъ вамъ.“ Дальнѣйшимъ развитіемъ и подтвержденіемъ такого чтенія служитъ четвертое Приложеніе, подъ заглавіемъ: *Ученіе Св. Іоанна Дамаскина о личномъ отношеніи Духа Святаго къ Сыну Божію.* Точно тотъ же пріемъ — объясненіе греческаго текста Священныхъ книгъ, на основаніи собственныхъ познаній автора — проходитъ черезъ обѣ книги г. Некрасова. Въ этомъ все значеніе и вмѣстѣ слабость его труда. Правда, самъ авторъ

не претендуетъ на авторитетность своего труда. „Само собою разумѣется, говоритъ онъ, что всѣ подобныя замѣчанія должны и будутъ имѣть значеніе лишь частныхъ, личныхъ мнѣній, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока тѣ или другія изъ нихъ не будутъ подтверждены высшимъ авторитетомъ.“ Тѣмъ не менѣе, въ такомъ дѣлѣ, какъ уясненіе текста Священныхъ книгъ, хотѣлось бы видѣть основанія болѣе авторитетныя, чѣмъ личныя мнѣнія. Жаль, что авторъ не открылъ драгоцѣнные запасы своей богословской учености. Вотъ почему такъ ярко бросается въ глаза незначительность пользованія имъ параллельными мѣстами, при объясненіи того или другаго текста Священныхъ книгъ. Съ другой стороны, почти незамѣтно, насколько руководился г. Некрасовъ разумѣніемъ Свв. Отцовъ и Учителей Церкви, давая то или другое чтеніе извѣстному тексту. Быть-можетъ поэтому въ его русскомъ чтеніи священныхъ текстовъ не всегда выдержанъ характеръ греческаго подлинника. Для примѣра можно указать на 3 и 4 стихи I главы Посланія къ Римлянамъ. Въ русскомъ переводѣ эти стихи читаются такъ: *О Сынѣ Своемъ, Который родился отъ сѣмени Давидова по плоти, И открылся Сыномъ Божіимъ въ силѣ, по духу святыни, чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ о Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ.* Желая точнѣе передать значеніе греческаго злова τοῦ ὁρισθέντος (въ русскомъ переводѣ—*открылся*), г. Некрасовъ предлагаетъ слѣдующее чтеніе этихъ стиховъ: „О Сынѣ Божіемъ, Который по плоти произошелъ отъ сѣмени Давидова, А по могуществу, по духу святыни, по воскресенію изъ мертвыхъ съ несомнѣнностію признанъ Сыномъ Божіимъ, о Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ“. Безспорно, смыслъ этихъ стиховъ ясенъ изъ сопоставленія, напримѣръ, съ 16 стихомъ VII главы Посланія къ Евреямъ. Но въ чтеніи г. Некрасова не выдержанъ параллелизмъ греческаго текста: τοῦ γενομένου — τοῦ ὁρισθέντος, ἐκ σπέρματος—ἐξ ἀναστάσεως, κατὰ σάρκα—κατὰ Πνεῦμα ἁγιωσύνης. Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Некрасова заслуживаетъ вниманія, какъ руководство при чтеніи Священнаго текста.

Г. Г.

Начало христіанства въ Польшѣ, и степень его послѣдующаго распространенія въ первоначальную эпоху существованія польскаго государства. Сочиненіе Анатолія Саковича. (Изъ *Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.)* Вильна. Губернская типографія. 1892 г.

Какъ газетный фельетонъ, имѣющій въ виду болѣе или менѣе легкое чтеніе, это „сочиненіе“ г. Саковича совершенно удовлетворительно; но какъ отдѣльный, самостоятельный трудъ, оно мало удовлетворяетъ ожиданія. Избранный авторомъ предметъ интересенъ, но разработка его одностороння. Изслѣдованіе свое авторъ кончаетъ тысяча сотымъ годомъ. Существованіе греко-восточной церкви въ Польшѣ пройдено бѣгло, общими мѣстами; напротивъ, исторія латино-западной церкви изложена полнѣе и подробнѣе. Авторъ достаточно знакомъ съ польскими писателями,—разными Длугошами, Булинскими и под., но ужели онъ не знаетъ, что должно быть крайне осторожнымъ въ довѣріи имъ, когда дѣло касается борьбы греко-восточной церкви съ латино-западною въ Польшѣ? Дѣло, предпринятое г. Саковичемъ, напоминаетъ стѣны древняго храма, на которыхъ по мѣстамъ изъ-подъ позднѣйшихъ украшеній выказываются древнія византійскія фрески. Какая задача является здѣсь? Возстановить эти драгоцѣнные остатки древняго искусства. То же предстоитъ всякому, взявшемуся трактовать о раннемъ христіанствѣ въ Польшѣ. Задача не легкая, но не невозможная. Понятно, у польско-католическихъ писателей трудно найти что-либо стоющее вниманія въ этомъ отношеніи: но есть другой классъ писателей польско-протестантскихъ, которые обстоятельно трактуютъ о древней церкви въ Польшѣ, и таковою церковію, необинуясь, признаютъ греко-восточную съ славянскимъ богослуженіемъ. Напримѣръ, есть прекрасная книга графа Красинскаго, писанная по-англійски, и находящаяся въ Виленской публичной библіотекѣ: „The rise and fall of Protestantisme in Poland and Litwanià,“ въ которой авторъ говоря о легкости, съ какою возникнулъ протестантизмъ въ Польшѣ и Литвѣ, указываетъ какъ на главную причину тому, на фактъ, что даже въ періодъ реформаціи въ этихъ странахъ оставались еще большіе слѣды древнѣйшей церкви. Въ числѣ этихъ слѣдовъ можно указать на тотъ важный фактъ, который польско-католическіе писатели или совсѣмъ „замалчиваютъ“, или упоминаютъ только вскользь, —

фактъ напечатанія въ Краковѣ, этой польской „Москвѣ“, въ такой ранній періодъ книгопечатанія, какъ 1491 годъ, богослужебныхъ книгъ греко-восточной церкви: *Часослова*, *Псалтири*, *Тріоди Постной* и *Тріоди Цвѣтной*. Книги эти были напечатаны раньше всякихъ другихъ въ Польшѣ. Здѣсь возникаетъ естественно вопросъ: въ тотъ ранній вѣкъ книгопечатанія, весьма дорогаго и труднаго, какія книги всего предпочтительнѣе должны были печататься? Не тѣ ли, которыя были въ наибольшемъ употребленіи, въ которыхъ наиболѣе нуждались, и на которыя потому былъ наибольшій спросъ? Слѣдовательно, даже въ XV вѣкѣ, наибольшій спросъ былъ на книги греко-восточнаго богослуженія, которое потому даже въ этотъ періодъ мы должны признать еще широко распространеннымъ въ Польшѣ.

Если г. Саковичъ ко второму изданію своего полезнаго труда пополнитъ въ немъ недостаточное изложеніе о ранней греко-восточной церкви въ Польшѣ, то выйдетъ изъ него весьма интересная и полезная книга.

А. Владиміровъ.

Исторія физики (опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи). Часть первая. Періодъ греческой науки. Н. А. Любимова, заслуженнаго профессора Московскаго Университета. С.-Петербургъ, 1892.

Въ предисловіи авторъ такимъ образомъ объясняетъ тѣ мотивы, которые побудили его приступить къ изданію упомянутаго сочиненія. Лѣтъ двадцать тому назадъ, авторъ, тогда еще профессоръ Московскаго Университета, издалъ всѣмъ извѣстный курсъ физики, представляющій въ своей обработкѣ ту особенность, что въ немъ много мѣста удѣлено историческому элементу: во всѣхъ главныхъ положеніяхъ онъ старался сохранить ходъ мыслей знаменитыхъ ученыхъ и изобрѣтателей и, гдѣ можно, даже приводитъ ихъ подлинныя слова. Но въ то время, говоритъ авторъ, интересъ къ исторіи точныхъ наукъ, какъ къ существенному элементу естественно-историческаго и общаго образованія, былъ еще весьма слабъ. Съ тѣхъ поръ отношеніе это измѣнилось. Теперь привлеченіе исторіи науки къ цѣлямъ общаго научнаго образованія занимающихся естественными науками прі-

обрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія. Появилось много капитальныхъ сочиненій по исторіи разныхъ отдѣловъ естествознанія, въ томъ числѣ и по исторіи физики. По исторіи точныхъ наукъ читаются курсы, и создаются новыя каѳедры; изданіе трудовъ великихъ естествоиспытателей—классиковъ естествознанія, какъ нынѣ стали выражаться,—въ подлинникахъ и переводахъ. привлекаетъ къ себѣ вниманіе и правительствъ и частныхъ лицъ. Во всѣхъ отношеніяхъ явственно теченіе, направленное къ тому, чтобъ исторіи науки придать существенное значеніе въ научномъ образованіи будущихъ естествоиспытателей. Желаніе посильно участвовать въ удовлетвореніи этой потребности и побудило автора издать свое сочиненіе.

Но задачи исторіи науки весьма обширны и разнообразны. Поэтому авторъ поясняетъ характеръ своего труда, чтобы показать, что̀ можетъ найти читатель въ его исторіи физики. Авторъ поставилъ себѣ задачу составить, такъ сказать, философскую исторію физики, которая „должна дать картину постепеннаго возникновенія зданія науки, указывая руководящія идеи и направленія, подъ вліяніемъ которыхъ зданіе слагалось и для которыхъ было осуществленіемъ и воплощеніемъ“. Для такой исторіи весьма существенно указаніе связи того или другаго научнаго движенія съ господствующимъ міровоззрѣніемъ данной эпохи. Авторъ желалъ бы объяснить происхожденіе содержанія современной науки исторически, изъ прошлаго науки, дающаго своими уроками просвѣтъ и въ будущее. „Исторія науки, будучи исторіей открытія и изслѣдованія фактовъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія теорій. Теоріи, освѣщающія путь изслѣдованія, такъ же принадлежатъ къ капиталу знанія, какъ и факты. Наконецъ исторія не должна забывать и тѣ случаи работы изслѣдованія, которые поучительны, какѣ предостереженіе отъ ошибокъ, и тѣ усилія, которые, мелькнувъ въ прошломъ, не дали результата, пришли въ забвеніе, но могутъ оказаться плодовитыми въ будущемъ“.

Авторъ поясняетъ также, почему онъ далъ своей исторіи физики второе заглавіе: „Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи“. Духъ естествознанія есть духъ изысканія и открытія. Научить дѣлать открытія нельзя, и однако есть школа логики открытій. Школа эта въ ихъ исторіи. Поэтому задача философской исторіи науки воспроизвести тѣ умственныя озаренія, тѣ великія умозаключенія, которыя повели къ открытіямъ.

Исторію физики авторъ дѣлитъ на два весьма неровныхъ пе-

ріода: первый періодъ греческій, второй — новый — начался съ эпохи возрожденія или, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, съ XVII вѣка и продолжается по настоящее время. Вѣка, лежащіе между этими двумя періодами, представляютъ промежутокъ времени, почти безплодный въ смыслѣ возрастанія научныхъ знаній. Наука новаго времени, по мнѣнію автора, есть продолженіе науки греческой. Поэтому греческому періоду отведено весьма видное мѣсто сочиненія, ему посвящена вся первая часть исторіи физики. Но такъ какъ исторія греческой физики есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія греческой философіи природы, то авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на всѣхъ наиболѣе крупныхъ явленіяхъ, въ которыхъ выразились результаты работы греческой мысли. Прежде всего излагается греческая философія природы въ міровоззрѣніи Платона и Аристотеля. Ученіе Платона авторъ обозначаетъ, какъ „призывъ къ размышленію съ закрытыми окнами чувствъ“. Слѣдующая глава посвящена предвѣстникамъ науки новаго времени; сюда относятся прежде всего древніе основатели атомическаго ученія. Особый интересъ представляетъ здѣсь изложеніе физическаго ученія Эпикура. Лукрецій, истолкователь Эпикура, набрасываетъ смѣлую космогоническую теорію, особенно интересную тѣмъ, что въ ней можно усматривать зародышъ эволюціонной теоріи, получившей такое значеніе въ новое время. Между прочимъ Лукрецій изображаетъ первобытное дикое состояніе людей и постепенный переходъ ихъ къ культурному быту. Въ наше время, когда вопросы о дикаряхъ, о пещерномъ человѣкѣ, происхожденіи языка, первобытныхъ вѣрованіяхъ и прогрессивномъ ходѣ культуры порождаютъ многочисленныя изслѣдованія и теоріи, поэтическія усилія древней фантазіи, увлекаемой тою же идеей прогресса, представляютъ большой интересъ и позволяютъ усматривать въ Лукреціи предшественника теоріи эволюціи. Въ слѣдующихъ главахъ излагается механическое ученіе Архимеда, различныя ученія древнихъ о строеніи вселенной и о землѣ; метеорологія и физическая географія древнихъ: оптика и механика древнихъ; свѣдѣнія древнихъ о магнетизмѣ и электричествѣ; акустика и ученіе о теплотѣ.

Во вступительныхъ главахъ общаго характера авторъ разсматриваетъ прежде всего различіе древняго и новаго естествознанія. Слѣдующія главы посвящены психологіи познанія природы. Здѣсь авторъ различаетъ двѣ формы размышленія: размышленіе діалектическое и размышленіе предметное и называетъ ихъ весьма

оригинально: первое размышленіемъ съ закрытыми, а второе съ открытыми окнами чувствъ. Греческую науку онъ считаетъ плодомъ размышленія съ закрытыми окнами чувствъ.

Слѣдующая часть должна быть посвящена исторіи физики новаго періода.

— * * —

Сонъ, какъ треть жизни человѣка. (Физіологія, патологія, гигіена и психологія сна). М. М. Манасеиной. Москва, 1892 г. Цѣна 2 руб.

„Стоитъ ли хлопотать о сохраненіи жизни для того, чтобы отдавать большую часть этой жизни сну?“ говорилъ еще Кантъ, защищая раннее вставаніе и вообще сокращеніе числа часовъ, посвящаемыхъ сну. Дѣйствительно, говоритъ авторъ, по крайней мѣрѣ, треть нашей жизни мы отдаемъ сну, и если, какъ это обыкновенно дѣлается, мы оставляемъ нашъ сонъ безъ вниманія, то тѣмъ самымъ мы исключаемъ треть нашей жизни изъ круга тѣхъ вопросовъ, которые считаемъ достойными нашего изслѣдованія. Между тѣмъ сонъ, въ качествѣ опредѣленной и довольно значительной части одного цѣлаго, то-есть жизни, долженъ имѣть съ ней самую тѣсную связь, и многія стороны нашей бодрствующей жизни не могутъ быть поняты, пока сущность и явленія сна остаются невыясненными и неизученными. Поэтому авторъ прежде всего старается отвѣтить на вопросы: что такое сонъ? чѣмъ отличается состояніе сна отъ состоянія бодрствованія? Основываясь на изслѣдованіяхъ физіологовъ, наблюденіяхъ медиковъ и на другихъ литературныхъ данныхъ, авторъ послѣдовательно разсматриваетъ всѣ измѣненія, которыя наблюдаются при наступленіи сна въ животномъ организмѣ: измѣненіе дыханія, газообмѣна, замедленіе пульса, расширеніе сосудовъ на поверхности тѣла и съуженіе сосудовъ головнаго мозга; измѣненіе въ состояніи и дѣятельности внутреннихъ органовъ во время сна, состояніе во время сна мышечной системы, состояніе периферической нервной системы и спиннаго мозга и, наконецъ, состояніе головнаго мозга.

Разсмотрѣвши тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ организмѣ во время сна, авторъ останавливается на различныхъ объясненіяхъ и теоріяхъ сна и подвергаетъ ихъ сравнительной оцѣнкѣ и критикѣ.

Прежде всего разсматриваются локализирующія теоріи сна, то-есть такія теоріи, которыя пріурочиваютъ сонъ къ какому-либо органу; затѣмъ сосудодвигательная теорія сна, которая, опираясь на тотъ фактъ, что во время сна сосуды головнаго мозга сокращаются и содержатъ меньшее количество крови, объясняетъ наступленіе сна анеміей мозга; наконецъ химическія теоріи сна, которыя либо сводятъ сонъ на обѣднѣніе мозга кислородомъ, либо объясняютъ появленіе сна накопленіемъ въ тѣлѣ различныхъ продуктовъ утомленія. Указавши на то, что всѣ эти теоріи въ сущности оставляютъ безъ вниманія основныя, непосредственныя причины сна, авторъ старается рѣшить вопросъ: въ чемъ же состоитъ непосредственная причина сна. Основываясь на томъ, что во время сна постоянно наблюдается перерывъ дѣятельности сознанія, авторъ отдаетъ предпочтеніе психофизіологической теоріи сна, которая можетъ быть выражена такой формулой: „Сонъ есть время отдохновенія нашего сознанія". Для отдохновенія сознанія является потребность въ болѣе или менѣе долгомъ и въ болѣе или менѣе частомъ снѣ. Чѣмъ слабѣе сознаніе, тѣмъ легче оно устаетъ, и тѣмъ болѣе нуждается въ снѣ, и, наоборотъ, сильно развитое сознаніе, рѣзко выраженная индивидуальность нуждается въ менѣе продолжительномъ и въ менѣе частомъ снѣ. Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе того, насколько основательна и правильна такая формулировка. Замѣтимъ только, что бо́льшая или меньшая потребность сна подлежитъ такимъ индивидуальнымъ колебаніямъ и вѣроятно зависитъ отъ столь различныхъ причинъ, что наврядъ ли столь сложныя отношенія можно втиснуть въ такую прямолинейную формулу, какую предлагаетъ авторъ. Въ подтвержденіе своего взгляда авторъ прежде всего ссылается на дѣтей, у которыхъ сознаніе развито слабѣе, нежели у взрослыхъ, и которыя, какъ извѣстно, спятъ больше и засыпаютъ легче, чѣмъ взрослые. То же самое замѣчается и относительно дикарей, которые тотчасъ засыпаютъ, когда имъ нечего дѣлать, и когда ничто изъ внѣшняго міра не останавливаетъ на себѣ ихъ вниманія. Сюда же относятся наблюденія, произведенныя въ концѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія надъ Каспаромъ Гаузеромъ. Этотъ Гаузеръ провелъ все свое дѣтство и отрочество въ одиночномъ заключеніи, не видя ни людей, ни неба, ни солнца.

Когда семнадцати лѣтъ его привели и оставили на улицахъ Нюренберга, то это былъ взрослый молодой человѣкъ съ раз-

витіемъ младенца. Онъ засыпалъ легче, чѣмъ маленькія дѣти; первое время стоило его вывести на воздухъ, и онъ тотчасъ-же крѣпко засыпалъ. Очевидно, сознанію его приходилось осиливать такую массу новыхъ впечатлѣній и ощущеній, — что оно быстро утомлялось, и въ результатѣ являлась неудержимая наклонность ко сну.

Въ виду того, что высказывались иногда такого рода оригинальные взгляды [1], которые прямо объявляли сонъ за ненужную, глупую и вредную привычку, авторъ считаетъ умѣстнымъ поставить вопросъ: нуженъ ли сонъ вообще и можно ли человѣку обходиться безъ сна? Кромѣ повседневнаго опыта обыденной жизни на этотъ вопросъ самый опредѣленный отвѣтъ даютъ опыты надъ животными, которые показываютъ, что отсутствіе сна животныя переносятъ гораздо хуже, чѣмъ полное отсутствіе пищи. Животныя, голодавшія двадцать дней и потерявшія болѣе половины своего вѣса, могутъ еще быть откормлены и тѣмъ спасены отъ смерти, тогда какъ молодыя животныя (щенки), которымъ не давали спать въ теченіе пяти сутокъ, не могли быть спасены отъ смерти, не смотря на то, что ихъ согрѣвали и кормили самымъ тщательнымъ образомъ и давали потомъ спать сколько угодно. Отсюда ясно, что сонъ для животныхъ важнѣе, нежели пища. Но этотъ выводъ не новость. Оказывается, къ древнемъ мірѣ и въ Китаѣ этотъ фактъ знали эмпирически, такъ какъ тамъ употреблялась смертная казнь путемъ лишенія человѣка всякой возможности спать; такъ что, для того чтобы доказать еще разъ на животныхъ уже извѣстный фактъ, можно было бы пожалуй и не трудиться производить такіе эксперименты на несчастныхъ щенкахъ.

Въ главѣ о болѣзненныхъ измѣненіяхъ сна между прочимъ разсматриваются случаи спячки животныхъ и людей. У животныхъ наблюдаютъ зимнюю и лѣтнюю спячку. Зимней спячкѣ подвергаются въ нашемъ климатѣ многія млекопитающія животныя (напр. сурки, ежи, летучія мыши), которыя засыпаютъ съ наступленіемъ зимней погоды и пробуждаются при наступленіи весны. Обмѣнъ веществъ во время спячки рѣзко понижается, сообразно съ этимъ замедляется дыханіе и сердцебіеніе. Что касается лѣтней спячки, то ей подпадаютъ въ жаркихъ странахъ

[1] Одинъ Англичанинъ высказалъ даже такое мнѣніе, что своеобразная вибрація, получаемая при ѣздѣ на велосипедѣ, устраняетъ потребность во снѣ.

многія холоднокровныя животныя, которыя не могутъ выносить высокой температуры воздуха. Спячка у людей встрѣчается по большей части въ видѣ отдѣльныхъ болѣзненныхъ случаевъ, но иногда она наблюдается какъ эпидемія, то-есть какъ болѣзнь, господствующая въ извѣстной мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ Западной Африкѣ господствуетъ эндемически спячка, которая почти постоянно оканчивается смертью или умопомѣшательствомъ. По наблюденіямъ англійскихъ врачей эта спячка появляется обыкновенно вслѣдъ за продолжительнымъ, истощающимъ трудомъ, все равно физическимъ или умственнымъ. Въ случаяхъ смерти отъ этой африканской спячки головной мозгъ оказывается очень твердымъ и малокровнымъ. Спячка, наблюдаемая иногда у насъ въ обыденной жизни, состоитъ изъ неудержимаго сна, который охватываетъ человѣка иногда вслѣдъ за большой потерей крови, сильнымъ потрясеніемъ или чрезмѣрной усталостью, а иногда безъ всякой видимой причины, и можетъ продолжаться нѣсколько дней, недѣль и даже мѣсяцевъ. Изъ случаевъ спячки подъ вліяніемъ горя и другихъ психическихъ причинъ большой интересъ представляетъ случай, бывшій съ Наполеономъ I послѣ битвы при Асгернѣ. Это было первое проигранное имъ сраженіе послѣ многихъ выигранныхъ, и понесенное пораженіе такъ подѣйствовало на него, что онъ заснулъ и проспалъ 36 часовъ, такъ что приближенные, зная, что Наполеонъ вообще спалъ крайне мало, стали уже безпокоиться за его жизнь. Въ другихъ случаяхъ спячка наступаетъ послѣ сильнаго физическаго утомленія. Такъ извѣстный докторъ, покойный С. П. Боткинъ разсказывалъ, что одна дѣвушка заснула спячкой послѣ бала, и разбудить ее не было никакой возможности.

Въ виду того, что послѣднее время придаютъ такое значеніе *внушеніямъ* при гипнозѣ и даже возлагаютъ на нихъ обширныя надежды, какъ на особый методъ леченія, большой интересъ представляетъ разсмотрѣніе гипнотическаго состоянія. Авторъ указываетъ на то, что гипнотизмъ принадлежитъ къ патологическимъ проявленіямъ сна или, иначе говоря, къ патологическимъ состояніямъ сознанія и представляетъ собою искусственное ослабленіе сознанія путемъ однообразныхъ ощущеній. Гипнотическій сонъ не можетъ замѣнить собою нормальнаго, такъ какъ онъ только ослабляетъ сознательную психическую дѣятельность и вовсе не способствуетъ пластическому возстановленію тканей и питанію ихъ, и потому примѣненіе гипнотизаціи въ

случаяхъ безсонницы можетъ быть допущено лишь постольку, поскольку допускаются вообще наркотическія средства, то-есть въ томъ разсчетѣ, что искусственный сонъ можетъ перейти въ нормальный, полезный для организма. Примѣненіе же гипноза ради опыта, или ради развлеченія должно быть признано, по мнѣнію автора, преступленіемъ не только противъ отдѣльнаго лица, но и противъ общества, такъ какъ гипнотизація, пріучая къ легко появляющимся перерывамъ сознанія, все болѣе и болѣе ослабляетъ сознаніе субъектовъ, способныхъ гипнотизироваться, и въ концѣ-концовъ можетъ получиться такое печальное состояніе сознательной мозговой жизни, которое представляетъ самый удобный матеріалъ для опытовъ съ такъ называемыми внушеніями. Въ результатѣ могутъ появиться различныя душевныя болѣзни, какъ это наблюдалось въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія вслѣдствіе всеобщаго увлеченія такъ называемымъ животнымъ магнетизмомъ, и какъ это замѣчается въ настоящее время подъ вліяніемъ усиленныхъ занятій гипнотизмомъ. Авторъ думаетъ впрочемъ, что въ этомъ отношеніи за послѣдніе 70—80 лѣтъ совершился довольно значительный прогрессъ, такъ какъ знаменитый Маттеи писалъ въ 1815 году, что изъ 50 человѣкъ развѣ только одинъ оказывался нечувствительнымъ къ магнетизаціи, тогда какъ въ наше время, по свидѣтельству извѣстнаго гипнотизатора Ганзена, изъ десяти человѣкъ не болѣе трехъ оказываются воспріимчивыми къ гипнотизаціи.

При разсмотрѣніи различныхъ вопросовъ, касающихся гигіены сна, авторъ останавливается, между прочимъ, на вопросѣ о количествѣ сна, которое требуется для каждаго возраста и находитъ, что излишній сонъ вреденъ въ одинаковой степени для всѣхъ возрастовъ, такъ-какъ можетъ вызвать различныя болѣзни. Не даромъ извѣстный философъ Кантъ указывалъ на вредное вліяніе, которое можетъ оказывать на здоровье продолжительный излишній сонъ, и прямо говоритъ, что гнѣздомъ многихъ болѣзней слѣдуетъ считать кровать, то-есть слишкомъ долгое пребываніе въ ней. Самъ Кантъ спалъ очень мало. Точно также мало спали многіе знаменитые люди, какъ, напримѣръ, Наполеонъ I, Фридрихъ Великій, Мирабо, Гумбольтъ, Гёте, Шиллеръ и другіе. Но опять-таки нельзя согласиться съ авторомъ въ томъ, что количество сна, потребное для человѣка, зависитъ отъ бóльшаго или меньшаго развитія въ немъ сознательной умственной жизни.

Конечно, можно привести много примѣровъ въ пользу этого заключенія, но точно также можно привести много и противъ него. Повторяемъ, явленіе это слишкомъ сложно и еще очень мало поддается анализу, такъ что еще преждевременно дѣлать подобное обобщеніе.

Послѣдняя глава посвящена психологіи сна. Вся книга написана весьма популярно и потому читается легко и съ интересомъ.

Вмѣсто предисловія предпослана цѣлая длинная статья, заключающая 67 страницъ и озаглавленная „О наукѣ и популяризаціи ея“. Эта статья производитъ весьма странное впечатлѣніе какъ своимъ смѣшаннымъ содержаніемъ, такъ и странностью многихъ взглядовъ и сужденій.

Начать съ того, что авторъ весьма энергично выступаетъ противъ мнѣнія, что популяризація науки недостойна серьезныхъ ученыхъ, и старается опровергнуть это будто бы весьма распространеное мнѣніе ссылкой на такихъ первоклассныхъ и выдающихся ученыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасныхъ популяризаторовъ, какъ Гельмгольцъ, Вирховъ, Тиндаль и прочіе. Быть-можетъ, лѣтъ двацать тому назадъ было вполнѣ умѣстно опровергать такое мнѣніе, но въ настоящее время это звучитъ какъ-то странно и является чистымъ анахронизмомъ. Примѣръ Гельмгольцевъ и Тиндалей былъ такъ поразителенъ, что теперь трудно найти ученаго, который бы не стремился популяризовать свою спеціальность. Затѣмъ авторъ прилагаетъ къ каждой главѣ своего сочиненія указатель литературныхъ источниковъ. Противъ этого, конечно, ничего нельзя возразить, такъ-какъ для многихъ подобный указатель можетъ быть весьма полезенъ. Но авторъ почему-то считаетъ нужнымъ въ предисловіи весьма настойчиво повторять, что подобный литературный указатель необходимъ только въ популярныхъ сочиненіяхъ. „Испещреніе спеціальныхъ работъ литературными указаніями, начинающимися чуть не съ самого Адама, является совершенно излишнимъ и лицемѣрнымъ (?) пріемомъ, тогда какъ въ популярныхъ научныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ дѣло представляется безусловно необходимымъ“. Излишнимъ, можетъ быть, но почему же лицемѣрнымъ? Выписанная фраза представляетъ яркій образчикъ легкомысленныхъ отзывовъ, которыми испещрено все предисловіе.

Многіе изъ подобныхъ отзывовъ носятъ къ тому же характеръ чисто личныхъ намековъ. Если мы остановились на этихъ, весьма невыгодныхъ сторонахъ предисловія, то только потому, что пре-

дисловіе это можетъ произвести на читателя такое непріятное впечатлѣніе, что можетъ даже отбить охоту продолжить читать далѣе, что было бы весьма жаль, такъ какъ самая книга можетъ быть прочтена съ большимъ интересомъ. Всего лучше было бы совсѣмъ выбросить эту статью о популяризаціи науки; она совершенно лишняя, и безъ нея сочиненіе только выиграетъ.

—*—.

По русскимъ хозяйствамъ, С. Ѳ. Шарапова, Москва, 1893 г. Цѣна 2 р.

Къ книжкѣ собраны помѣщавшіяся въ *Новомъ Времени* письма о поѣздкахъ, предпринятыхъ авторомъ съ цѣлью ознакомиться съ образцовыми русскими хозяйствами. Эти хозяйства, по собственному его выраженію, ему пришлось разыскивать, какъ иголку въ сѣнѣ, по слухамъ, по разспросамъ. Онъ ихъ находилъ, осматривалъ, разспрашивалъ, отъ одного хозяина узнавалъ о существованіи другаго, и такимъ образомъ создалось описаніе многихъ отраслей сельскаго хозяйства.

Разумѣется, сообщенія г. Шарапова не имѣютъ цѣны документальныхъ данныхъ: наѣзжая въ каждое изъ хозяйствъ на день, много на два, онъ не могъ во все входить самъ и долженъ былъ принимать на вѣру все то, что сообщалъ ему самъ владѣлецъ хозяйства. Но, вопервыхъ г. Шараповъ посѣщалъ именно тѣ экономіи, за которыми ранѣе уже утвердилась слава образцовыхъ, а, вовторыхъ, заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ сообщилъ о нихъ въ печати, что онъ проторилъ къ нимъ путь для тѣхъ хозяевъ, которые ощупью дѣйствуютъ на своихъ земляхъ, которые, какъ говоритъ г. Шараповъ, „садились на хозяйство со знаніемъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ сигналовъ и командъ, или изучивъ римское право и исторію литературы“.

Своду путевыхъ писемъ г. Шараповъ предпослалъ выдержку изъ частнаго письма, въ которомъ очень картинно изображаетъ пользу, вынесенную имъ лично, помимо знакомства съ сельскимъ хозяйствомъ, изъ его поѣздки по Россіи. „Въ эту поѣздку, говоритъ онъ,—я убѣдился, что Россія есть не та Россія, которую мы изучали по географіи, а та, которая живетъ у каждаго изъ насъ въ сердцѣ, но только иногда съ малолѣтства заглушается разными сорными травами, совершенно ее заслоняющими“.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно описаніе въ самомъ текстѣ книги Ростова Ярославскаго, гдѣ историческая жизнь почти не прерывалась, гдѣ „древность, почти не умиравшая, теперь словно ожила вновь и не даетъ Европѣ мѣста въ сердцѣ человѣка, а оставила ей совершенно подчиненное техническое значеніе“.

А. Г.

«*Женихъ царевны.* (Романъ-хроника XVII вѣка). Вс. С. Соловьева. — 1893 г. Цѣна 2 рубля.

Вс. С. Соловьевъ въ совершенствѣ владѣетъ тѣмъ, что французы называютъ l'économie du roman, то-есть умѣньемъ распредѣлить составныя части разсказа такъ, чтобъ вниманіе и любопытство читателя не ослабѣвали съ начала до конца. Это свойство встрѣчается довольно рѣдко въ русскихъ писателяхъ, даже лучшихъ, и потому не мудрено, что оно именно привлекаетъ Вс. Соловьеву симпатіи очень и очень многихъ читателей. Да и само содержаніе его романовъ даетъ имъ право на довольно видное мѣсто въ современной литературѣ. Они даютъ живой очеркъ быта и нравовъ Руси въ различныя времена ея историческаго существованія, и искусно связанная съ этими описаніями фабула романа привлекаетъ къ книжкѣ интересъ тѣхъ, которые не стали-бы читать болѣе серьезнаго и сухаго, историческаго сочиненія. Разнообразіе содержанія выкупаетъ нѣкоторую монотонность въ пріемахъ писателя, и можно съ удовольствіемъ прочесть цѣлый рядъ его романовъ, несмотря на то, что они принадлежать всѣ къ одному и тому же типу.

Къ тому же типу романовъ можно отнести вышедшій въ нынѣшнемъ году отдѣльнымъ изданіемъ романъ-хроника, „Женихъ царевны“. Фабула его основана на малоизвѣстномъ до сихъ поръ эпизодѣ сватовства царевны Ирины Михайловны, дочери царя Михаила Ѳеодоровича, за принца Вольдемара датскаго. Первый царь изъ рода Романовыхъ, чрезвычайно дорожившій сношеніями съ иностранными государями, захотѣлъ породниться съ королемъ Христіаномъ датскимъ и послалъ ему посольство съ предложеніемъ выдать дочь свою Ирину за сына его отъ второго брака Вольдемара съ тѣмъ условіемъ, чтобъ королевичъ переселился на житье въ Россію. Послѣ долгихъ переговоровъ и колебаній,

король рѣшился отпустить сына съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ принцу была предоставлена свобода вѣроисповѣданія, что и было обѣщано. Королевичъ прибылъ въ Москву: его встрѣтили съ почетомъ и ласково, но объявили наотрѣзъ, что иначе, какъ перейдя въ Православную вѣру, онъ жениться на царевнѣ не можетъ. Напрасно протестовалъ принцъ Вольдемаръ, ссылаясь на писанный договоръ, по которому ему было обѣщано даже мѣсто для постройки протестанской церкви,—царь, подъ вліяніемъ думныхъ бояръ и патріарха, остался непреклоннымъ и сказалъ, что до тѣхъ поръ, пока женихъ не перемѣнитъ вѣры, свадьбѣ не бывать. Отпустить королевича назадъ въ Данію тоже не соглашались, такъ какъ считалось зазорнымъ для царевны, чтобъ женихъ отказался, когда все уже готово было къ свадьбѣ. Рѣшили ждать, пока королевичъ „одумается", а до тѣхъ поръ держать какъ его, такъ и всю его свиту хотя и въ почетѣ, но подъ строгимъ надзоромъ, и лишить ихъ всякой возможности выбраться изъ Москвы. Такое плѣненіе пріѣзжихъ Датчанъ длилилось два года, и неизвѣстно, сколько бы времени продолжилось еще,—потому что обѣ стороны крѣпко стояли на своемъ,—если бы не скончался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Смерть его положила конецъ распрѣ, перешедшей уже въ личную вражду, и принцу съ его приближенными было разрѣшено вернуться на родину. Это двухлѣтнее пребываніе королевича Вольдемара въ Москвѣ доставило автору тему для его романа, въ которомъ найдется много интересныхъ описаній быта и нравовъ того времени. Такова, напримѣръ, сцена торжественнаго пріема Датскаго принца царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и очерки внутренней жизни теремовыхъ затворницъ, взволнованныхъ прибытіемъ жениха царевны. Самый ходъ романа, героиней котораго является одна изъ обитательницъ царевнина терема, бойкая и умная сиротка Маша, искусно связанъ съ описаніями и представляетъ живой интересъ. Къ этому изданію романа авторомъ прибавлено нѣсколько новыхъ главъ и эпилогъ, вкратцѣ знакомящій читателя съ дальнѣйшею судьбою дѣйствующихъ лицъ.

Е. Г.

2) ПЕРЕВОДНАЯ.

На зарѣ христіанства, или сцены изъ временъ Нерона. Историческій разсказъ Ф. В. Фаррара. Переводъ съ англійскаго А. П. Лопухина. Спб. 1893 г.

Имя Феррара давно извѣстно въ Россіи, благодаря его сочиненіямъ: „Жизнь Іисуса Христа“, „Жизнь и труды Апостола Павла“, „Первые дни Христіанства“, „Жизнь и труды свв. Отцовъ Церкви“ и др. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій появились у насъ заразъ въ двухъ переводахъ и выдержали по два изданія въ короткій срокъ. Нѣтъ надобности говорить о блестящихъ внѣшнихъ достоинствахъ изложенія, художественности языка, обширной научной подготовкѣ автора, который, по его собственнымъ словамъ, „даже въ малѣйшихъ намекахъ и частностяхъ опирается на современные источники“. Замѣтимъ, что это говоритъ онъ о своемъ трудѣ, который не можетъ быть названъ строго-историческимъ, а скорѣе художественнымъ произведеніемъ,—если хотите, чѣмъ-то въ родѣ историческаго романа. Намъ хотѣлось бы сказать вотъ что по поводу этого полуромана,—полуисторіи, заглавіе котораго мы поставили въ началѣ этой замѣтки. Желательно ли у насъ развитіе такой литературы, какъ этотъ разсказъ? Дѣло вотъ въ чемъ. На страницахъ этого разсказа то и дѣло встрѣчаются имена лицъ священныхъ: мужей равноапостольныхъ и даже самихъ Апостоловъ. Православному человѣку, не привыкшему (а нужно ли и пріучать-то его къ этому?) относиться такъ легкомысленно къ этимъ святымъ именамъ, просто какъ-то неловко читать эти вымышленныя сцены, гдѣ дѣйствуютъ свв. Апостолы Петръ и Павелъ, Іоаннъ Богословъ и Евангелисты Маркъ и Лука, ученики ихъ: Онисимъ (его имя проходитъ въ фабулѣ разсказа чрезъ всю книгу), Филимонъ и др. Мы, православные, привыкли благоговѣйно относиться къ святымъ Божіимъ и не произносить ихъ имена всуе. Насъ учитъ этому св. матерь наша, Церковь устами святителя Димитрія Ростовскаго: „не буди ми лгати на святаго.“ Конечно, Онисимъ не былъ еще святымъ, пока не былъ христіаниномъ, но кто посмѣетъ взводить на него тѣ клеветы, которыя взводитъ въ своихъ вымыслахъ г. Фарраръ въ видѣ поэтической вольности! Чего-чего не наплелъ онъ на сего бѣднаго юношу! Намъ кажется, слѣдуетъ щадить это чувство нѣко-

торой деликатности въ отношеніи къ святымъ Божіимъ, которое до сихъ поръ не позволяло по крайней мѣрѣ Апостоловъ вводить дѣйствующими лицами въ вымышленные разсказы. А то чего добраго мы дойдемъ, да кажется уже и доходимъ, до того, что въ вымышленныхъ разсказахъ будутъ появляться дѣйствующими лицами Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Его Пречистая Матерь. Мы не привыкли звать Св. Апостола Павла просто Павломъ Тарсійскимъ, Апостола Петра—Петромъ Виѳсаидскимъ, Іоанна — тоже, да и самаго Господа нашего мы не называемъ, такъ сказать, полуименемъ, какъ это принято у Фарраровъ и ему подобныхъ писателей на Западѣ: просто „Іисусъ"... Скажутъ: такъ Онъ именуется Евангелистами. Но кто посмѣетъ себя ставить рядомъ съ Евангелистами въ этомъ отношеніи? Кто въ состояніи написать хоть одну строку, которая равнялась бы тому, что *ими* написано? Вотъ г. Фаррарь пытается поддѣлываться подъ языкъ Апостоловъ Петра, Павла, Іоанна, но что̀ выходитъ изъ этой поддѣлки? Обыкновенно онъ просто цитируетъ изъ ихъ же посланій слова и выраженія; но неужели же Апостолы такъ и не говорили ничего кромѣ того, что̀ написали? Вѣдь этими цитатами Фаррарь желаетъ свое безсиліе прикрыть, а на дѣлѣ выходитъ, что онъ это самое безсиліе свое только предъ всѣми обнажаетъ... А тамъ, гдѣ онъ по нуждѣ вымышляетъ слова, будто бы сказанныя тѣмъ или другимъ Апостоломъ, тамъ онъ слишкомъ слабъ: это какой-то ребяческій лепетъ, когда дитя пытается говорить языкомъ взрослаго человѣка... Какъ онъ ни старается возсоздать внѣшній образъ, внѣшній обликъ того или другаго Апостола, все же чувствуется какая-то фальшь, неестественность въ его описаніяхъ; такъ и хочется сказать автору: полно, не нашего съ тобою ума это дѣло... И въ самомъ дѣлѣ замѣчательно: пока подобные писатели изображаютъ намъ какого-либо Нерона, Калигулу, даже Пета Тразея или Сенеку, дотолѣ ихъ изображенія правдоподобны, пожалуй художественны; а какъ только коснутся святой личности, то такъ и хочется сказать имъ: нѣтъ, это не Апостолъ изображенъ, это какой-то пасторъ лютеранскій, или мечтатель-философъ... Не правы ли мы, православные, что не рѣшаемся въ своихъ литературныхъ художественныхъ произведеніяхъ изображать такихъ святыхъ мужей, какъ Апостолы? Правда, въ нашей поэзіи есть два-три подобныхъ художественныхъ образа, но вѣдь поэзія—„божественное" искусство, и какъ бы художественно ни было произведеніе, написанное про-

зою, оно никогда не можетъ равняться съ поэтическимъ—пѣвучимъ произведеніемъ. Можетъ-быть это оттого, что отъ прозы мы въ правѣ требовать наиболѣе вѣрнаго дѣйствительности изображенія, чѣмъ отъ звучнаго стиха. Стихами вѣдь никто не говоритъ. За то поэту и свободы больше.

У насъ ужь такъ повелось со временъ Петра Великаго, что мы не привыкли провѣрять по своимъ идеаламъ то, что заимствуемъ у Запада. А это не мѣшало бы дѣлать всегда и во всемъ. Вѣдь у насъ была какая ни на есть своя родная литература, своя родная поэзія и до Петра; вѣдь въ этой литературѣ, въ этой поэзіи прекрасно отобразился духъ Русскаго народа, наши взгляды на творчество, на то, что въ области словеснаго искусства отвѣчаетъ народному идеалу и что дисгармонируетъ съ этимъ идеаломъ, рѣжетъ глазъ и ухо... Знаете ли, какъ бы отнесся нашъ простой грамотей къ такому разсказу, какъ сочиненіе Фаррара? Онъ сказалъ бы: „да что же это? Сказка? А кто же далъ право г. Фаррару выдумывать сказки про святыхъ Апостоловъ? Не богохульство ли это? Всякій вымыселъ есть сказка, если не притча, а сочинять и притчи о святыхъ мужахъ не подобаетъ“. Что было бы худаго, что потеряла бы наша художественная литература, еслибы наши писатели и переводчики такихъ книгъ, какъ Фаррара, слѣдовали взгляду простаго Русскаго человѣка въ этомъ случаѣ? Для вымысловъ, для поэтическихъ образовъ довольно лицъ, кромѣ святыхъ Божіихъ; сихъ послѣднихъ не подъ силу нашему воображенію изображать, и гораздо будетъ смиреннѣе, согласнѣе съ духомъ художественной правды вовсе отказаться отъ такихъ изображеній. Пусть Нѣмцы, Англичане, Французы, пусть тамъ на Западѣ вымышляютъ свои повѣсти и разсказы изъ временъ первобытной Церкви: намъ-то православнымъ не къ лицу такія произведенія, и право не было бы ущерба нашей художественной литературѣ, еслибы мы поостереглись немного безъ разбора переводить всякіе такіе вымыслы. Если мы, люди знакомые съ формами литературы художественной, читая такія произведенія, морщимся, чувствуя православнымъ сердцемъ всю ложь, всю художественную неправду такихъ изображеній святыхъ Божіихъ, какія находимъ у Фаррара и ему подобныхъ историковъ (напримѣръ Эберса), то что скажетъ нашъ православный Русскій простецъ, которому попадетъ въ руки такая книга? Если раскольники ссылаются на романъ Филиппова, подтверждая имъ свои клеветы на патріарха Никона,

то не назоветъ ли насъ, переводчиковъ, простецъ-читатель еретиками, сердцемъ почуя, что никакой Апостолъ не могъ *такъ* говорить и дѣйствовать, какъ говорятъ и дѣйствуютъ Апостолы, въ вымыслѣ Фаррара? А вѣдь соблазнить единаго отъ малыхъ—тяжкій грѣхъ!..

Кстати скажемъ и вообще о сочиненіяхъ неправославныхъ, въ родѣ „Жизни Іисуса Христа" (Фаррара), „Іисусъ Христосъ" (Дидона) и под. Не удовлетворяютъ они православнаго читателя въ такой степени, что какъ-то грустно становится, когда прочтешь подобную книгу... Не питаетъ она сердца православнаго; нашъ Господь Іисусъ Христосъ выходитъ подъ перомъ такихъ писателей вовсе не такимъ, какъ мы благоговѣйно созерцаемъ Его въ Евангеліи,—ихъ „Іисусъ" мало намъ напоминаетъ нашего Господа Іисуса Христа... То же и объ Апостолѣ Павлѣ и под. сочиненіяхъ. Видно, не пришло еще время намъ имѣть сочиненія въ этомъ родѣ, писанныя въ *родномъ* нашемъ православномъ духѣ, видно это еще не по силамъ нашимъ *духовнымъ* писателямъ. И хорошо, что они не спѣшатъ съ этимъ дѣломъ. А то, пожалуй, напишутъ по трафареткамъ инославныхъ писателей, да еще безъ ихъ таланта, и выйдетъ нѣчто очень нежелательное. Только тогда мы дождемся того, что такъ желательно, когда наши духовныя академіи выйдутъ на свой родной путь, смогутъ работать безъ подсказу западныхъ знаменитостей, обходиться если не вовсе безъ ихъ руководства, то сумѣютъ воспользоваться такимъ руководствомъ въ духѣ *нашей* Церкви. А до того не худо бы повременить переводами западныхъ сочиненій, по крайней мѣрѣ такихъ, которыя не принадлежатъ къ историческимъ въ собственномъ смыслѣ. Вѣдь то сочиненіе, о которомъ мы говоримъ, двадцать лѣтъ лежало въ портфелѣ автора, да можетъ быть тамъ бы и осталось, еслибы слава послѣднихъ его произведеній, болѣе серьезныхъ, не вызвала алчности издателей и не ввела въ искушеніе автора...

А. Н.

3) ИНОСТРАННАЯ.

ДАРВИНИЗМЪ И ПРАВО.

La Théorie de Darwin et la justice par S. Novicow (*Revue Scientifique*. 1893. № 4).

Въ скоромъ времени во Франціи выйдетъ книга Новикова: „Les luttes entre sociétés humaines et leurs phases successives“, написанная въ духѣ дарвинистической философіи. *Revue scientifique*, довольно усердно пропагандирующее философію дарвинизма, помѣстило въ четвертомъ номерѣ текущаго года отрывокъ изъ этой книги. Въ отпечатанномъ отрывкѣ авторъ показываетъ приложеніе двухъ принциповъ дарвинизма къ жизни человѣческихъ обществъ: принципа борьбы за существованіе и принципа переживанія наиболѣе приспособленныхъ. Біологическіе законы, говоритъ авторъ, суть въ то же время и законы соціальные. Только въ животной жизни эти законы проявляются въ иной формѣ, чѣмъ въ жизни человѣческихъ обществъ. У животныхъ обыкновенно ведется въ строгомъ смыслѣ борьба за существованіе, у людей обыкновенно ведется борьба за счастье и за лучшее общественное положеніе. У животныхъ главныхъ средствомъ въ борьбѣ являются физическія силы, у людей главнымъ образомъ силы умственныя и нравственныя. Подъ средой, къ которой можно быть или не быть приспособленнымъ, въ животномъ мірѣ разумѣется среда физическая, средой для человѣка является общество, въ которомъ онъ живетъ. „Всѣ человѣческіе законы въ своей сущности суть только иначе выраженные законы природы. Наиболѣе приспособленные къ борьбѣ за существованіе выносятъ и переживаютъ эту борьбу. Таковъ законъ природы. Наиболѣе приспособленные къ средѣ должны переживать. Таковъ законъ гражданскій. Существо не приспособленное къ той средѣ, въ которой живетъ, умираетъ, говоритъ натуралистъ, существо не приспособленное къ своей средѣ должно умереть, говоритъ юристъ. Такимъ образомъ законодатель формулируетъ въ повелительномъ наклоненіи тѣ положенія, которыя предносятся его духу, какъ согласныя съ природой. Это выразилъ Монтескье въ своей знаменитой формулѣ:

законы суть необходимыя отношенія, обусловленныя природой вещей. Задача законодателей состоитъ въ томъ, чтобы прилагать естественные законы къ жизни обществъ. Къ сожалѣнію, очень часто законодатели плохо знаютъ эти законы, а иногда не знаютъ ихъ совсѣмъ. Отсюда происходитъ, что гражданскіе законы нерѣдко оказываются въ противорѣчіи съ законами природы, и вслѣдствіе этого возникаютъ смуты и нестроенія въ обществахъ. Къ счастію, случается, что, не зная законовъ природы, законодатели иногда смутнымъ инстинктомъ чувствуютъ ихъ и дѣйствуютъ въ ихъ духѣ. Такъ они часто дѣйствовали и въ духѣ принциповъ Дарвина, не зная этихъ принциповъ. Въ сущности всѣ законодатели культурныхъ странъ преслѣдуютъ одну цѣль—дать побѣду наиболѣе интеллигентнымъ и устранить съ поля жизни менѣе интеллигентныхъ Право въ своей сущности есть только приложеніе принципа переживанія наиболѣе приспособленныхъ". Изъ примѣровъ, которыми авторъ иллюстрировалъ это положеніе, особенно любопытенъ одинъ, взятый изъ области гражданскаго права. „Два человѣка заключаютъ контрактъ. Затѣмъ одинъ изъ нихъ желаетъ нарушить контрактъ, ссылаясь на то, что онъ обманутъ. Возникаетъ процессъ. Судъ говоритъ: „вы были обмануты, тѣмъ хуже для васъ, нужно быть ясновидящимъ. Но вы подписались подъ этимъ контрактомъ, и мы, представители правосудія, обязаны заставить васъ его выполнить". Ненарушимость обязательствъ есть основаніе гражданскаго права. Но при заключеніе контрактовъ одна часть можетъ получить болѣе выгодъ, чѣмъ другая. Обезпечить выполненіе невыгоднаго контракта—значитъ дать торжество лучшимъ.

Другая задача права состоитъ въ томъ, чтобы выживать изъ общества людей, плохо приспособленныхъ или не приспособленныхъ совсѣмъ къ требованіямъ общества. Таковыми являются всѣ, не могущіе добывать себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ. Такимъ образомъ задача права сводится въ концѣ-концовъ къ тому, чтобы содѣйствовать постоянному улучшенію рода человѣческаго; чѣмъ болѣе строго дѣйствующее право, тѣмъ быстрѣе оно удаляетъ изъ общества неспособныхъ, и тѣмъ быстрѣе совершенствуетъ общество. Болѣе приспособленные должны побѣждать менѣе приспособленныхъ. Такъ происходитъ и въ природѣ, и въ обществѣ. Различіе состоитъ въ томъ, что въ природѣ часто побѣждаютъ относительно болѣе приспособленные, право же имѣетъ своею цѣлію дать побѣду абсолютно наиболѣе приспо-

собленнымъ, то-есть тѣмъ, которые обладаютъ высшимъ развитіемъ въ мірѣ.

Итакъ, малоспособные должны умереть. Но отсюда, говоритъ авторъ, не слѣдуетъ, что они должны быть умерщвляемы. Если человѣкъ вмѣсто того, чтобы добывать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ, добываетъ его трудомъ безчестнымъ (обманами, воровствомъ, злоупотребленіемъ довѣрія и т. д.), то онъ становится соціальнымъ паразитомъ, преступникомъ, то-есть существомъ больнымъ. Обязанность общества состоитъ не въ томъ, чтобъ убивать его, но въ томъ, чтобъ его лѣчить въ надеждѣ, что онъ когда-нибудь снова станетъ полезнымъ членомъ общества. Вообще согласіе съ принципами Дарвина не требуетъ умерщвленія людей порочныхъ и малоумныхъ. Пропитаніе должно быть даваемо и тѣмъ, которые сами не могутъ его добыть. Общество должно обезпечивать каждаго настолько, чтобъ его жизнь не сокращалась отъ недостатка питанія. Но, кромѣ этого, жизнь можетъ быть болѣе ими менѣе пріятною, благополучіе можетъ быть болѣе или менѣе полнымъ. На этой почвѣ правосудіе неумолимо: „каждому по заслугамъ“...

Таково идеальное право. Но не таково право, дѣйствующее въ современномъ мірѣ. Многія постановленія европейскихъ законодательствъ направлены не къ тому чтобы дать торжество наиболѣе приспособленнымъ, а къ тому, чтобы дать возможность менѣе приспособленнымъ эксплоатировать болѣе приспособленныхъ. Таковъ, напримѣръ, протекціонизмъ, господствующій въ европейскомъ мірѣ. Положимъ, говоритъ авторъ, въ Англіи изобрѣли новую машину. Чтобы приспособиться къ международной средѣ, Французы должны принять эту машину. Но протекціонизмъ выдвигаетъ противъ этого прямыя и косвенныя препятствія. Вопервыхъ, онъ облагаетъ высокою пошлиной эту машину и тѣмъ дѣлаетъ затруднительнымъ пріобрѣтеніе ея во Франціи. Вовторыхъ, облагаются высокою таможенною пошлиной продукты, фабрикуемые этою машиной, такъ, что французскіе фабриканты съ выгодой могутъ производить эти продукты и старыми машинами. Но благодаря этой системѣ протекціонизма, Франція окажется на низшей ступени культуры, чѣмъ та, которая существуетъ въ окружающихъ ее странахъ. Въ этомъ примѣрѣ, по мысли автора, право покровительствуетъ менѣе приспособленнымъ (фабрикантамъ), и это отзывается невыгодно на судьбахъ націи.

Но въ общемъ право постепенно прогрессируетъ. Гражданскіе

законы болѣе и болѣе приближаются къ законамъ природы; и общества улучшаются болѣе и болѣе. Люди еще только едва начали открывать законы природы; съ каждымъ днемъ они умножаютъ свои наблюденія, обобщаютъ эти наблюденія въ системы, каждый день открываетъ имъ небольшую часть покрова, скрывающаго отъ нихъ истину. Ихъ пониманіе права измѣняется вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ умственнаго горизонта. Такъ, прежде рабство разсматривалось, какъ нѣчто совершенно неизбѣжное и справедливое, теперь точка зрѣнія на это совершенно измѣнилась. Измѣнялась она постепенно. Сначала рабство исчезло среди европейцевъ, но европейцы продолжали считать совершенно законнымъ имѣть рабами негровъ. „Почему?“ спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: „руководясь вѣрой въ Библію, мы полагали, что порядокъ вещей установленный Іеговой неизмѣняемъ во вѣки вѣковъ. Негръ стоитъ ниже бѣлаго. Мы полагали въ согласіи съ древнимъ пониманіемъ вселенной, что то, что̀ существуетъ сегодня, должно существовать всегда. Негръ навсегда останется несовершеннымъ. Онъ долженъ быть приравниваемъ не къ европейцу, а скоту. Поэтому его рабство также законно, какъ и рабство быка. Эта теорія получила распространеніе. Но мы знаемъ теперь, что библейская космогонія невѣрна, мы знаемъ, что всѣ люди начали съ дикаго состоянія, точно такъ же, какъ и негры. Всѣ люди способны къ усовершенствованію, негры точно такъ же, какъ и всѣ другіе. Факты подтвердили эти апріорныя дедукціи. Поставленные въ благопріятныя условія, негры быстро прогрессируютъ. Слѣдовательно, негръ не можетъ быть приравниваемъ къ животному. Отсюда рабство черныхъ, представлявшееся нѣкогда законнымъ, теперь признано несправедливымъ“.

Такъ же, какъ и рабство, авторъ громитъ протекціонизмъ. Давая кому-либо какія-либо привилегіи, государство „обкрадываетъ Павла, чтобы обогатить Ивана“. Государство должно охранять лица и благосостоянія, оно должно препятствовать совершенію кражъ и убійствъ, но оно прежде всего не должно заниматься ни завоеваніями, ни грабежомъ (то-есть раздачей привилегій).

Свою статью авторъ заканчиваетъ рѣшеніемъ вопроса: долженъ ли идеалъ человѣческихъ обществъ заключаться въ томъ, чтобы люди были совершенно нечувствительны къ страданіямъ ближняго, справедливо ли изреченіе Гоббеса, что homo homini lupus,

нужно ли утверждать, что любовь есть зло? „Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ,—тысячу разъ нѣтъ“.

Торжество людей Дарвина, по его мнѣнію, вовсе не должно заключаться въ томъ, чтобы человѣчество подавило въ себѣ чувство любви. Любовь, состраданіе и помощь могутъ быть оказываемы лицамъ двухъ родовъ—прежде всего случайно оказавшимся не въ состояніи содержать себя. Таковые, если имъ не подать помощи, погибнутъ, но если имъ оказать ее, то они потомъ съ лихвой могутъ возвратить обществу произведенныя на нихъ затраты. Лица втораго рода, это—тѣ, которые уже никогда не могутъ стать полезными работниками (авторъ оговаривается, что иногда трудно провести границу между лицами перваго и втораго рода). Общество должно поощрять заботу и объ этихъ лицахъ. Оказывать помощь другимъ для нѣкоторыхъ доставляетъ наслажденіе. „Когда человѣкъ живо представляетъ себѣ страданіе ближняго, онъ страдаетъ самъ. Чтобы уничтожить это страданіе, онъ долженъ помочь страдающему. Если явившагося страданія нельзя уничтожить совсѣмъ, то должно стараться его ослабить. По мѣрѣ того какъ умственныя способности человѣка совершенствуются, представленіе эмоцій себѣ подобныхъ становится у него болѣе и болѣе живымъ, и чувство любви усиливается. Желаніе помогать ближнимъ, уже родившее столько удивительныхъ учрежденій, произведетъ въ будущемъ ихъ еще больше. Тріумфъ дарвинистическихъ идей и принциповъ самаго строгаго права не воспрепятствуетъ развитію любви... По истинѣ, когда государство перестанетъ грабить однихъ подъ предлогомъ помощи другимъ, любовь получитъ самую совершенную организацію. Помогать ближнему есть наслажденіе. Государство не должно имѣть права лишать этого наслажденія своихъ гражданъ“.

Все, что̀ сказалъ Новиковъ въ своей статьѣ и что̀, можетъ-быть, скажетъ въ своей книгѣ, не представляетъ существенно новаго, потому что въ западной литературѣ это говорится очень многими. Тѣ же самыя положенія утверждаются нѣкоторыми и у насъ. Распространенность таковыхъ воззрѣній принуждаетъ подвергнуть ихъ разсмотрѣнію и изслѣдованію. Мы признаемъ ихъ совершенно несостоятельными и думаемъ, что несостоятельность ихъ можно показать и въ короткомъ разсужденіи.

Задача пра̀ва, по Новикову и другимъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать торжество наиболѣе приспособленнымъ въ борьбѣ за существованіе, но какой человѣкъ или какое общество должны

быть признаны наиболѣе приспособленными? Во всякомъ случаѣ, отвѣтимъ мы, такимъ обществомъ съ точки зрѣнія дарвинизма нельзя признать то, которое слѣдуетъ принципамъ христіанской морали. Христіанская мораль побуждаетъ насъ заботиться объ униженныхъ и оскорбленныхъ, о нищихъ духомъ, объ обремененныхъ и труждающихся, она повелѣваетъ намъ заботиться о благополучіи прокаженныхъ и слѣпыхъ. Но такія заботы должны вреднымъ образомъ отзываться какъ на благополучіи нашемъ собственномъ, такъ и нашего рода. На самомъ дѣлѣ часть нашего времени и нашихъ силъ намъ придется употреблять на содержаніе и кормленіе людей, отъ которыхъ ни мы, ни человѣчество не получитъ никакой пользы. Намъ говорятъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это неизвѣстно: больной можетъ выздоровѣть и стать полезнымъ членомъ. Но въ очень многихъ случаяхъ это извѣстно. Такъ, напримѣръ, не излѣчиваются отъ старости, не прозрѣваютъ слѣпые, у которыхъ разрушенъ органъ зрѣнія, безрукіе и безногіе, перешагнувшіе уже за вторую половину жизни, ничтожество духовныхъ силъ которыхъ уже выяснилось, и физическихъ силъ которые лишились, кромѣ безпокойства и хлопотъ ничего не дадутъ человѣчеству. Паралитики, эпилептики, чахоточные какое право имѣютъ на нашъ хлѣбъ и нашъ трудъ? Наконецъ, сумасшедшіе. Неизлѣчимые изъ нихъ только вынуждаютъ насъ на расходы, излѣчимые—опаснѣе вдвойнѣ: выйдя изъ больницъ, они могутъ вступать въ браки, производить потомство, и затѣмъ волна наслѣдственнаго безумія широко распространится по міру. Спартанцы слабыхъ дѣтей сбрасывали съ вершины Тайгета. Поступая такимъ образомъ, они рисковали погубить генія, мы, можемъ-быть, благоразумнѣе ихъ, мы можемъ прекращать жизнь и притомъ самыми усовершенствованными средствами только тѣмъ, которые, выяснилось, для насъ безполезны. Выпалываемъ же мы сорныя и негодныя травы въ нашихъ садахъ, въ лѣсахъ уничтожаемъ больныя деревья, отчего же намъ не поступать такъ и съ людьми? Пусть живетъ лишь то, что носитъ въ себѣ задатки умнаго, полезнаго и прекраснаго, все прочее отнынѣ должно подвергаться истребленію столь же безпощадному, какъ Иродово истребленіе Виѳлеемскихъ младенцевъ. Руководясь нравственнымъ инстинктомъ, который сразу не можетъ заглушить никакая теорія, дарвинисты возражаютъ, что избіеніе негодныхъ членовъ общества потому не можетъ быть допущено, что оно влечетъ огрубѣніе нравовъ, и что,

напротивъ, наши заботы о несчастныхъ содѣйствуютъ образованію въ насъ альтруистическихъ чувствъ, которыя служатъ надежнымъ рычагомъ цивилизаціи. Дарвинисты говорятъ, что теорія Дарвина не только не идетъ противъ нравственности, напротивъ, даетъ для нея разумныя основанія. Въ борьбѣ за существованіе, спрашиваютъ они, какое племя восторжествуетъ: то ли, члены котораго враждуютъ одинъ противъ другаго и ненавидятъ другъ друга или то, гдѣ члены любятъ другъ друга и помогаютъ въ нуждахъ одинъ другому? Царство, раздѣлившееся на ся, конечно, погибнетъ; напротивъ, любовь восторжествуетъ. Эти соображенія дарвинистамъ представляются настолько убѣдительными, что они утверждаютъ, что отъ принциповъ дарвинизма отвращаются долько тѣ, которые ихъ не понимаютъ или не хотятъ понять. Небольшой ариѳметической выкладкой мы постараемся доказать, что отъ этихъ принциповъ отвращаются и по инымъ побужденіямъ. Даны два общества А и В. Въ каждомъ по N членовъ полезныхъ и по M членовъ больныхъ; силы членовъ полезныхъ для простоты, положимъ, между собою равными, именно положимъ, что сила каждаго члена равна P. Въ обществѣ А каждый членъ обладаетъ инстинктомъ любви ко всѣмъ остальнымъ членамъ. Въ обществѣ В этотъ инстинктъ видоизмѣненъ такимъ образомъ, что члены этого общества любятъ между остальными только полезныхъ или могущихъ стать полезными. Слѣдовательно, это второе общество не будетъ заботиться о своихъ негодныхъ членахъ и всю имѣющуюся у него силу $P \times N$ обратитъ на служеніе своему благополучію и преуспѣянію. Въ обществѣ А часть силы будетъ непроизводительно расходоваться на содержаніе M негодныхъ членовъ, и потому сила этого общества, затрачиваемая на улучшеніе благополучія его полезныхъ членовъ, выразится не величиной $P \times N$, а величиною $P \times N$ минусъ нѣкоторый X. Какое же общество наиболѣе приспособлено къ борьбѣ за жизнь? Конечно, общество В, а не А. Общество В и должно восторжествовать въ борьбѣ за существованіе, должны восторжествовать и его принципы, во имя которыхъ должно сметать съ лица земли всѣхъ глухихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, труждающихся и обремененыхъ.

Обратимъ вниманіе на другое обстоятельство. Борьба людей съ природой за существованіе, конечно, будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе успѣшною по мѣрѣ успѣховъ наукъ, между прочимъ, анатоміи и физіологіи человѣка. Но успѣхамъ этихъ на-

укъ препятствуетъ нравственное чувство, не дозволяющее производить мучительныхъ экспериментовъ надъ живыми лицами. Отчего бы не заглушить эту сторону нравственнаго чувства, причемъ для экспериментовъ можно бы было брать тѣхъ самыхъ негодныхъ людей, любить которыхъ оказывается безполезнымъ съ точки зрѣнія дарвинистической философіи, и которые въ качествѣ мучениковъ могли бы оказаться годными кое на что полезное. Дѣтямъ-кретинамъ можно бы было вылущивать глаза и изслѣдовать происходящія отсюда анатомическія особенности въ глазницѣ, у нѣкоторыхъ субъектовъ можно бы было вынимать или парализировать то ту, то другую часть мозга и изслѣдовать такимъ образомъ любопытный вопросъ о локализаціи ощущеній и функціяхъ мозга. Нѣкоторыхъ субъектовъ можно бы было подвергать то недостаточному, то чрезмѣрному питанію. Нѣкоторымъ для рѣшенія интересныхъ анатомическихъ и физіологическихъ вопросовъ живымъ вскрывать внутренности и т. д. Можетъ быть, многіе, читая только-что написанныя строки, возмутятся написаннымъ и скажутъ, что на научную теорію возводится гнусное и нелѣпое обвиненіе. Мы признаемъ, что источникомъ ихъ негодованія будетъ доброе чувство, но только это негодованіе должно быть обращено не на обвиненіе, а на принципы дарвинизма. Съ дарвинистической точки зрѣнія наиболѣе приспособленнымъ въ борьбѣ за существованіе является тотъ животный родъ или видъ, индивидуумы котораго съ наивысшимъ умственнымъ развитіемъ соединяли бы инстинктъ, побуждающій ихъ содѣйствовать благу и любить тѣхъ своихъ собратьевъ, которые полезны или могутъ быть полезны роду. Индивидуумы, которые равно бы любили, какъ полезныхъ, такъ и не полезныхъ, и ради блага вторыхъ жертвовали бы иногда благомъ своимъ и благомъ первыхъ, очевидно, стояли бы въ менѣе выгодныхъ условіяхъ въ дѣлѣ преуспѣянія своего животнаго рода. Право должно сртемиться къ тому, чтобы общество было наиболѣе приспособленнымъ къ условіямъ существованія, поэтому оно должно стремиться къ уничтоженію въ средѣ общества развитія чувствъ и инстинктовъ, ослабляющихъ его силу: чувство состраданія къ безполезнымъ или даже вреднымъ людямъ—непрактичное чувство, и человѣчество должно перевоспитать себя такъ, чтобы въ немъ это чувство исчезло.

Таковы выводы, слѣдующіе изъ принциповъ Дарвина. Кто принимаетъ основанія, тотъ долженъ принимать и тѣ слѣдствія, ко-

торыя изъ нихъ вытекаютъ. Если, на самомъ дѣлѣ, представленные нами выводы не вытекаютъ изъ этихъ основаній, и мы умозаключаемъ неправильно, то пусть намъ покажутъ ошибки въ нашемъ разсужденіи. А пока это не показано, мы имѣемъ право утверждать, что люди, говорящіе намъ, что христіанская мораль (подъ которою они собственно понимаютъ обрывки этой морали) вытекаетъ изъ началъ дарвинизма, эти люди обманываютъ или себя, или другихъ, или и себя и другихъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о частныхъ сторонахъ статьи. Одна изъ причинъ, почему устанавливаются ложные принципы, состоитъ въ томъ, что люди плохо знаютъ и понимаютъ смыслъ тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ устанавливаются эти принципы. Это можно видѣть и на статьѣ Новикова. Приведенный имъ примѣръ изъ области гражданскаго права (о контрактѣ) показываетъ, что наибольшій плутъ и есть наиболѣе приспособленное лицо къ условіямъ существованія, чего, повидимому, совсѣмъ не собирался доказывать авторъ. Вопросъ о протекціонизмѣ у Новикова поставленъ совершенно невѣрно. Этотъ вопросъ нельзя рѣшать въ принципѣ, но должно рѣшать различно въ приложеніи къ различнымъ случаямъ: въ однихъ случаяхъ протекціонизмъ можетъ быть полезенъ и въ другихъ вреденъ. А что онъ иногда можетъ быть полезенъ, это доказать не особенне трудно. Допустимъ, что польза новой англійской машины, о которой говоритъ Новиковъ, состояла бы въ томъ, что она удешевляла бы производство вырабатываемыхъ ею продуктовъ, сокращая противъ прежняго вчетверо число рабочихъ, нужныхъ для этого производства. Тамъ, гдѣ прежде работали 4.000 человѣкъ, нужно будетъ только 1.000. Протекціонизма не существуетъ. Новая машина вводится на фабрикѣ, и 3 000 человѣкъ остаются безъ куска хлѣба. Послѣдствія явятся очень печальныя. Очевидно, что прежде, чѣмъ безусловно нападать на таможенныя пошлины, нужно найти средства для того, чтобы предотвратить печальныя слѣдствія отъ ихъ отмѣны.

Какъ и всѣ писатели эволюціонной школы, будучи совершенно незнакомъ съ христіанскою религіей, Новиковъ говоритъ, что Библія признаетъ негра стоящимъ ниже бѣлаго по своей природѣ и по происхожденію, но Библія признаетъ и негра и бѣлаго равно происшедшими отъ Адама и равными передъ Богомъ. Подобнаго рода прямая ложь, допускаемая дарвинистами, заставляетъ быть невысокаго мнѣнія объ ихъ честности и нравствен-

номъ развитіи. Въ данномъ случаѣ невысокія моральныя качества, видно, соединяются съ незнаніемъ исторіи дѣла. Ученіе о различныхъ родоначальникахъ человѣческихъ племенъ и о томъ, что одни племена по природѣ стоятъ ниже другихъ, возникло у лицъ, стоявшихъ во враждѣ къ христіанской Церкви и преслѣдовалась Церковью. Этого ученія держался, напримѣръ, Джіордано Бруно, и Церковь поставила ему это въ вину. Этого ученія держался Вольтеръ, считавшій его несравненно разумнѣе, чѣмъ библейское ученіе о единствѣ происхожденія и братствѣ всѣхъ людей. И вотъ, такія-то лица, какъ Бруно, Вольтеръ (сознательно или безсознательно, все равно), а вовсе не Церковь, дали свою санкцію существованію рабства.

С. Глаголевъ.

Russia, note e ricordi di viaggio, Iosif Nikolaevich Modrich prezzo tre rubli, Torino-Roma.

Г. Модричъ—итальянскій журналистъ, родомъ Далматинецъ. Россію онъ посѣтилъ въ истекшемъ году, проѣхалъ по ней изъ конца въ конецъ, осмотрѣлъ ее, можно сказать, съ птичьяго полета и, возвратившись домой, написалъ о ней книгу въ тридцать пять печатныхъ листовъ. Авторъ воодушевленъ былъ несомнѣннымъ желаніемъ разсѣять превратныя на Западѣ представленія о нашемъ отечествѣ. Но едва ли кто рѣшится сказать, что этой цѣли онъ своею книгой вполнѣ достигнетъ.

Вѣроятно, чтобы рѣзче оттѣнить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ путешествія по Россіи, г. Модричъ и себя причисляетъ къ заблуждавшимся. Отъѣзжая въ Россію онъ „съ нѣкоторымъ страхомъ думалъ о сырыхъ русскихъ тюрьмахъ, о знаменитомъ кнутѣ, о кострахъ Св. Синода, о пресловутой нагайкѣ казаковъ-жандармовъ, о страшной тайной полиціи, объ ужасахъ Сибири и тому подобныхъ прелестяхъ“. Цѣлую главу посвящаетъ онъ „ста ударамъ кнута“, которые, думалъ онъ, ожидаютъ его по вступленіи на русскую территорію, послѣ чего его препроводятъ въ Сибирь.

Послѣднее похоже на плоскую остроту. Надо знать, что г. Модричъ ѣхалъ въ Россію къ одному другу, у котораго и останавливался въ Петербургѣ. Вѣроятно, они переписывались же, и должно думать, что другъ г. Модрича сообщилъ ему о счастли-

вомъ своемъ миновании грозной пограничной черты. Визируя свой паспортъ въ русскомъ консульствѣ въ Тріестѣ, г. Модричъ слышалъ отъ консула сѣтованія на малое знакомство Итальянцевъ съ Россіей и на невѣрную оцѣнку ея ими. Ожидаемая робкимъ путешественникомъ опасность при этомъ упомянута не была. На пароходѣ по пути въ Тріестъ г. Модричъ выслушалъ отъ одного черногорскаго вождя горячій панегирикъ по адресу Россіи и тоже не получилъ подтвержденія своимъ страхамъ.

Какъ бы то ни было, миѳическими ста ударами кнута данъ книгѣ основной тонъ, и вся она получила фальшивую окраску. Все г. Модричу начинаетъ казаться удивительнымъ: и вѣжливость жандармовъ, и отсутствіе грубости въ таможенныхъ чиновникахъ, и возвращеніе ему невинныхъ по содержанію везомыхъ имъ съ собою книгъ. Даже багажныхъ артельщиковъ онъ находитъ необычайно предупредительными, оттого что вещи его были отнесены ими до извощика; даже объ извощикахъ онъ отзывается, какъ о людяхъ, отличающихся „феноменальною трезвостью". Улицы въ Петербургѣ кажутся ему сказочными, теплота въ комнатахъ очаровательною. Всѣхъ женщинъ онъ находитъ красивыми, всѣхъ мужчинъ — обаятельными. Онъ напоминаетъ человѣка, возвратившагося цѣлымъ и невредимымъ съ войны, и до такой степени радующагося всему родному, что даже свою старую сморщеную няню онъ называетъ красавицей.

Такое настроеніе автора не даетъ читателю возможности признавать его объективнымъ. И надо отдать справедливость г. Модричу: онъ то и дѣло подаетъ поводъ къ обвиненію его въ субъективности. Чтобы доказать, какъ мало правды въ представленіяхъ о кострахъ Св. Синода, онъ утверждаетъ, что въ русскомъ обществѣ говорить о религіозныхъ вопросахъ считается даже признакомъ дурнаго тона. Желаніе освободить Россію отъ обвиненія въ фанатизмѣ приводитъ его къ обвиненію ея въ индифферентизмѣ. Отъ такой защиты не поздоровится!

Въ доказательство существующей у насъ свободы слова г. Модричъ приводитъ одно лишь и притомъ самое необычайное засѣданіе Общества Содѣйствія Промышленности и Торговлѣ, когда г. Вессель со всею страстностью обрушился на финансовую политику г. Вышнеградскаго. Г. Модричъ ждалъ, что оратора тотчасъ арестуютъ, а такъ какъ этого не произошло, то онъ считаетъ свободу слова доказанною. Читатели могутъ возразить ему, что одна ласточка весны не дѣлаетъ, что для полной

характеристики автору надлежало бы привести хотя бы выдержки изъ различныхъ газетъ, но, увлеченный своими восторгами, г. Модричъ возраженій не ждетъ.

И продолжая увлекаться, онъ и модную благотворительность петербургскихъ дамъ принимаетъ въ серьезъ и пренія въ различныхъ обществахъ принимаетъ за доказательства необыкновенной дѣятельности этихъ обществъ. Въ своихъ обобщеніяхъ онъ временами положительно забавенъ. Обѣдая у друга своего запросто и являясь къ различнымъ знакомымъ на званые ужины, онъ заключаетъ, что Русскіе больше вниманія обращаютъ на *тепи* ужиновъ, нежели обѣдовъ. Побывавъ на нѣсколькихъ jours fixes, онъ заключаетъ, что всѣ русскія семьи принимаютъ въ опредѣленные дни. Замѣтивъ на визитныхъ карточкахъ своихъ московскихъ знакомыхъ при указаніи адреса слова „собственный домъ", онъ заключаетъ, что москвичи имѣютъ слабость къ собственнымъ домамъ.

Все это, конечно, мелочи, но увѣренность въ томъ, что все постигнуто, отражается и на крупномъ, и тогда авторитетный тонъ г. Модрича способенъ ввести въ заблужденіе его читателей. Онъ, напримѣръ, передаетъ странное, по его мнѣнію, воззрѣніе русскихъ изслѣдователей на Іоанна Грознаго, какъ на царя, государственный умъ котораго безспоренъ и національный духъ котораго проявился во всей силѣ по отношенію къ западной церкви. Г. Модричъ, высказывая увѣренность, что читатели его съ этимъ не согласятся, замѣчаетъ со своей стороны, что Іоаннъ Грозный просто былъ сумасшедшій и выдерживаетъ сравненіе лишь съ Калигулой.

Неумѣнье проникнуть въ самую суть наблюдаемаго проявляетъ г. Модричъ не разъ, но особенно рѣзко замѣтно это въ описаніи пасхальной утрени въ Московскомъ Кремлѣ. Въ то время, какъ описаніе петербургскихъ улицъ занимаетъ у него десятки страницъ самаго вдохновеннаго описанія, поразительному зрѣлищу Кремля въ Страстную Субботу, о которомъ даже чуждые Православію люди не могутъ говорить безъ увлеченія, братъ-Славянинъ посвящаетъ лишь одну строчку, говоря, что оно неописуемо. Точно также мало вдохновляетъ его Троицкая Лавра, которую онъ осмотрѣлъ очень подробно, которую подробно и описываетъ, но не такъ восторженно, какъ петербургскіе виды, а лишь протокольно.

И все-таки г. Модрича за его книгу можно благодарить, глав-

нымъ образомъ за ясно выраженное въ ней восторженное отношеніе къ Россіи. Кромѣ того, обо всѣхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики, интересовавшихъ его, онъ бесѣдовалъ съ людьми, наиболѣе свѣдующими, и съ большимъ умѣньемъ изложилъ ихъ взгляды. Такъ онъ касается вопросовъ польскаго, еврейскаго, общеславянскаго. Ходячее обвиненіе Русскихъ въ панславизмѣ, разсадникомъ котораго считается Славянское Благотворительное Общество, онъ разбиваетъ подробнымъ описаніемъ двухъ засѣданій Общества, въ которыхъ выразилась чисто благотворительная его дѣятельность.

Среди безчисленныхъ восторговъ особенно вѣско раздается единственный, но несомнѣнно заслуженный русскими упрекъ въ злоупотребленіи иностранными словами. Упоминая о ярмаркахъ, г. Модричъ объясняетъ происхожденіе этого слова отъ *Jahrmarkt* и присовокупляетъ, что какъ этого слова, такъ и словъ *почтамтъ*, *статсъ-секретаръ* и другихъ онъ не можетъ простить своимъ братьямъ Русскимъ.

Интересно его сравненіе Петербурга съ Одессой. Онъ говоритъ:

„Петербургъ есть центръ паразитовъ западныхъ, Одесса — царство паразитовъ левантинскихъ. Между обѣими этими формами паразитизма есть значительная разница: паразитизмъ западный, спеціально германскій, чуждъ національному духу Россіи; Россіи нечему учиться, нечего искать на Западѣ; Западъ болѣзненнѣе, испорченнѣе Россіи; ни изъ Парижа, ни изъ Берлина, ни изъ Вѣны не получитъ Россія своей палингенетической формулы. Напротивъ всасываніе чего бы то ни было съ Запада парализируетъ національную русскую жизнь.“ Другое дѣло Востокъ: „Левантъ приноситъ съ собою въ Россію отзвукъ Святыхъ мѣстъ; одесскіе левантинцы, именно эллинская колонія, насчитывающая до 10.000 членовъ, наводняетъ скорѣе матеріальную область, нежели нравственную. Петербургъ живетъ жизнью паразита на счетъ Россіи, ничего не производя; Одесса живетъ собою, собственными силами, изъ собственныхъ средствъ.“

Въ заключеніе г. Модричъ желаетъ Россіи поскорѣе выполнить свою національную задачу. „Тогда, говоритъ онъ, если Западъ привыкнетъ лучше и правильнѣе думать о Россіи, не только Славяне, но весь христіанскій міръ ликуя повторитъ вмѣстѣ съ Русскими: *Боже, Царя храни!*“

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ИЗЪ КІЕВА.

Къ вопросу о свѣтскомъ учительствѣ въ дѣлѣ вѣры.

(По поводу слова проф. Кіевской Духовной Академіи, В. Ѳ. Пѣвницкаго.)

Въ пятницу, на первой недѣлѣ Великаго Поста (12 февраля), при богослуженіи, посвященномъ воспоминанію страстей Господнихъ, извѣстномъ въ Кіевѣ подъ именемъ „пассіи", собравшіеся въ большомъ количествѣ, въ церкви Братскаго Монастыря, слушатели назидались высоко-поучительнымъ словомъ славнаго кіевскаго проповѣдника, профессора Академіи, В. Ѳ. Пѣвницкаго. Предметъ проповѣди состоялъ въ указаніи средствъ къ предохраненію отъ губительной болѣзни, посѣщающей въ послѣдніе годы нашу страну. Къ таковымъ средствамъ г. Пѣвницкій, согласно съ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, относитъ „исправленіе нашего житія", состоящаго въ томъ, чтобъ отложить гордость, тщеславіе и самонадѣяніе, прекратить роскошь, отвергнуть украшенія изысканныя, ознаменованныя легкомысліемъ и непостоянствомъ, презрѣть забавы суетныя, убивающія время, данное для дѣланія добра и т. п. Въ дополненіе къ этимъ общимъ наставленіямъ проповѣдникъ присовокупилъ слѣдующее.

„Внимательная мысль, сказалъ онъ, просвѣщаемая божественною мудростію, при видѣ бѣдствій, насъ преслѣдующихъ, не довольствуется признаніемъ одного общаго нравственнаго небреженія, могущаго вызывать противъ насъ прещеніе суда Божія.

Она изыскиваетъ, нѣтъ ли особаго грѣха, лежащаго на нашей народной совѣсти, могущаго вопіять противъ насъ къ Богу. Она видитъ, что въ послѣдніе годы наша страна, преимущественно предъ другими сосѣдними странами, подвергается ударамъ вразумляющей руки Господней, и чувствуется ей, что за нами есть вина особенная, которой непричастны другіе народы, насъ окружающіе.

„Мы, не обинуясь, скажемъ, имѣемъ особое призваніе отъ Господа, обязывающее насъ къ особенной бдительности надъ собой. Намъ ввѣренъ кивотъ святыни Православія, и мы призваны хранить его, мы обязаны хранить его, какъ зѣницу ока. Не по нашимъ заслугамъ, а по своему благоволенію Господь призрѣлъ на насъ съ высоты святыя своея, и избралъ среди насъ мѣсто селенія своего, мѣсто храненія чистой, святой, богопреданной вѣры. Избравъ насъ на такое, высочайшее на землѣ, служеніе, Господь, послѣ долгихъ испытаній, рукою крѣпкою и мышцею высокою велъ народъ нашъ отъ силы въ силу, и окружалъ его могуществомъ, постепенно возраставшимъ именно съ ого дня, когда подъ ударами невѣрныхъ пала твердыня царства Византійскаго, бывшаго дотолѣ хранилищемъ святыни вѣры Православной. Наши предки издавна, въ виду возвышающихся судебъ своихъ, въ глубинѣ души увѣровали въ это священное призваніе быть хранителями кивота святыни Православія, берегли залогъ, врученный имъ Богомъ, и тщательно ограждали себя отъ всѣхъ растлѣвающихъ вѣяній, опасныхъ для чистоты и цѣлости Православія, несущихся отъ странъ иновѣрныхъ. Завѣтъ хранить кивотъ святыни Господней, утвержденный въ предѣлахъ нашихъ, они передали своимъ потомкамъ, заклиная ихъ не измѣнять ему, подъ угрозой лишиться благоволенія Божія, и указуя въ вѣрности этому завѣту главное основаніе нашей твердости и нашей силы. Не будемъ судить о томъ, какъ блюли этотъ завѣтъ поколѣнія, прежде насъ жившія. Были печальныя отступленія отъ него, особенно въ верхнихъ слояхъ общества, наиболѣе прочихъ подвергавшихся чужеземнымъ вѣяніямъ, и въ теченіе вѣковъ не мало единицъ, съ потерей вѣры, отпало отъ народнаго ствола, подобно сухимъ листьямъ, отрываемымъ отъ дерева несущимися вѣтрами. Но кивотъ святыни Господней сохраненъ для насъ, въ Церкви нашей, въ цѣлости, и стоитъ предъ взоромъ нашимъ въ сіяніи своей божественной славы.

Чтò же мы или нынѣ живущія поколѣнія? Вѣрны ли мы завѣ-

тамъ благочестія, переданнымъ намъ отъ предковъ нашихъ? Дорожимъ ли мы тѣмъ святымъ наслѣдіемъ, которое они заповѣдали намъ хранить во всей неприкосновенности.“

Невольный трепетъ объемлетъ душу, когда мы представляемъ съ одной стороны наше высокое призваніе, а съ другой—то невниманіе къ нему, какое нерѣдко замѣчается въ родной средѣ нашей. Св. Церковь неуклончно хранитъ богопреданное ученіе и умоляетъ чадъ своихъ, съ благоговѣніемъ въ простотѣ сердца, воспринимать слово истины Христовой. А какъ много чадъ ея, именующихся православными, не хотятъ слышать ея голоса и влаются всякимъ вѣтромъ измѣнчивыхъ человѣческихъ ученій! Какъ мало цѣны придаютъ ея голосу тамъ, гдѣ надмеваетъ мудрость вѣка сего, и гдѣ возсѣдаютъ мнящіеся быть руководителями меньшихъ братій по вѣрѣ и образованію! Въ послѣднее время мы замѣчаемъ нѣкое необычайное броженіе мысли духовной, охватывающее болѣе и болѣе широкіе круги. При видѣ этого броженія, иные радуются тому, что люди міра, люди свѣтскіе, прежде державшіеся вдали отъ двора церковнаго, теперь занимаются вопросами вѣры, прежде для нихъ не существовавшими. А ревнители вѣры и благочестія видятъ въ этомъ не малую причину къ смущенію, и не напрасно. Почему же такъ? Потому что это броженіе можетъ имѣть концомъ своимъ не созиданіе Церкви, а ея разореніе, не спасеніе душъ, а уловленіе ихъ въ сѣти діавола. Выступающіе съ шумнымъ словомъ о предметахъ вѣры являются не чадами послушанія, а чадами противленія. Вопреки предостереженію Апостола: *не мнози учители бывайте* (Іак. 3, 1), не учиться вѣрѣ, а учить другихъ хотятъ тѣ, которые и не посланы на это, и вѣры не знаютъ, и даже не умѣли соблюсти того духовнаго наслѣдія, какое получили отъ своего отца и матери своей. Церковь преподаетъ намъ спасающую истину Христову, а они съ дерзновеніемъ спрашиваютъ: да это ли спасающая истина? И право ли исповѣдуетъ ее Св. Церковь? Выставляя предъ нами православное исповѣданіе вѣры, Церковь говоритъ намъ: *сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра вселенную утверди*. А они, увлекаемые похотію горделиваго ума своего, ищутъ новой вѣры, не апостольской и не отеческой. Къ прискорбію нашему, слишкомъ громко раздается голосъ самозванныхъ учителей, извращающихъ вѣру и глаголющихъ развращенная, раздается и сверху, и снизу, и съ сѣвера, и съ юга, несется изъ среды образованной, и слышенъ и въ темной массѣ народ-

ной, и многіе, соблазненные имъ, отпадаютъ отъ единства вѣры и прилагаются *въ наученія странна и различна* (Евр. 13, 9). Къ кивоту святыни Господней можно приступать не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, съ цѣломудреннымъ смысломъ и чистымъ сердцемъ, а восхищающіе званіе учителей приступаютъ къ нему съ дерзновеннымъ взоромъ и нечистымъ лицомъ, и касаются его неумытыми руками. Онъ весь окованъ златомъ,— твердыми и несокрушимыми опредѣленіями, скрѣпленными печатію Духа Божія, а они хотятъ расхитить это злато и замѣнить его нечистью и дряблою мишурой самовольныхъ измышленій своихъ.

Не здѣсь ли вина наша, вызывающая гнѣвъ Божій противъ насъ? Не слышенъ ли въ громахъ бѣдъ, разражающихся надъ нами, Его укоризненный и вмѣстѣ вразумляющій насъ голосъ? „Вы—народъ избранный. Вамъ ввѣрена самая дорогая святыня— Св. Православная вѣра. Для охраненія ея вы возвышены предъ другими народами и снабжены особенною крѣпостію. Но вы не дорожите своимъ высокимъ призваніемъ; вы не прилагаете заботъ къ охраненію той святыни, для которой среди васъ избрано мѣсто... Если будетъ продолжаться небрежность ваша, и разрастающіяся среди васъ плевелы будутъ заглушать чистыя сѣмена вѣры, — Кивотъ Завѣта можетъ быть сдвинутъ съ мѣста своего и будетъ преданъ на храненіе языку иному, который съ бо́льшимъ тщаніемъ будетъ хранить его, и съ бо́льшимъ благоговѣніемъ будетъ приступать къ нему..."

Настоящій авторитетный совѣтъ проповѣдника оказывается благовременнымъ предостереженіемъ нашему обществу, въ которомъ время отъ времени появляются лица изъ высшаго и низшаго круга, принимающія на себя роль непризванныхъ учителей въ дѣлѣ Св. Православной вѣры.

К—ій.

ИЗЪ ВАРШАВЫ.

Проэктъ новаго дѣленія края.—Лодзинскія дѣла.—Земское кредитное общество.

Всякій годъ въ концѣ января или въ началѣ февраля нашъ генералъ-губернаторъ ѣздитъ въ Петербургъ для обычнаго доклада Государю Императору о состояніи края, для участія въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и для совѣщанія съ ли-

цами, стоящими во главѣ центральнаго государственнаго управленія по вопросамъ, касающимся нашего края. Въ этомъ году генералъ Гурко выѣхалъ изъ Варшавы 12 февраля, какъ говорятъ, приблизительно на мѣсяцъ, такъ что уже скоро ожидается возвращаніе его въ Варшаву. Какія-же новости привезетъ онъ намъ изъ Петербурга? На первой очереди стоитъ вопросъ о постройкѣ въ Варшавѣ новаго православнаго собора взамѣнъ стараго, передѣланнаго въ концѣ 30-хъ годовъ изъ костела. Этотъ вопросъ въ принципѣ уже рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и даже Св. Синодомъ отпущено на это дѣло 32,000 р., какъ о томъ сообщалось въ январской книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія", но вѣдь на такое великое и святое дѣло, какъ сооруженіе въ Варшавѣ новаго соборнаго величественнаго православнаго храма, потребуется не 30,000 и не 300,000 р., а гораздо болѣе. Нужно скорѣе приступить къ сбору пожертвованій и выяснить размѣръ обѣщаннаго казною пособія. Здѣшніе русскіе люди надѣются, что генералъ Гурко, уже положившій много труда на разработку проекта сооруженія у насъ новаго собора, воспользуется своимъ настоящимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, чтобы ускорить практическое рѣшеніе этого вопроса, и, дастъ Богъ, къ Христову дню насъ порадуетъ вѣсть о разрѣшеніи сбора пожертвованій и назначеніи казною надлежащаго пособія. Большое значеніе также имѣетъ проектъ новаго административнаго дѣленія Привислинскаго края. Этотъ проектъ въ настоящее время разработывался помощникомъ варшавскаго генералъ-губернатора бар. Медемомъ и, вѣроятно, о немъ будетъ рѣчь въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ во время пребыванія въ Петроградѣ генерала Гурко. Это—не новый проектъ. Уже давно нѣкоторые изъ нашихъ администраторовъ, а также органовъ печати, указывали на необходимость исправить ошибку, допущенную при императорѣ Александрѣ I. Тогда въ предѣлы б. Царства Польскаго были включены мѣстности, большинство населенія которыхъ состоитъ не изъ Поляковъ, а изъ Русскихъ и Литовцевъ: такова вся Холмская Русь, одна часть которой теперь отнесена къ Люблинской, а другая къ Сѣдлецкой губ., съ русскимъ населеніемъ, такова и большая часть уѣздовъ Сувалкской губ. съ литовскимъ населеніемъ. Существуетъ старинная казачья поговорка: „знай Ляте,—по Сонъ [1] наше", но мы

---

[1] Сонъ—притокъ Вислы.

долгое время забывали объ этомъ, считая русско-польской этнографической границей не Сонъ, а Западный Бугъ. Долгое время мы помогали Полякамъ ополячивать русскія и литовскія земли, и уже давно пора положить конецъ этому. Узнавъ, что проектируется новое административное раздѣленіе Привислинскаго края, лодзинскіе Нѣмцы и онѣмеченные Евреи сдѣлали попытку воспользоваться этимъ для собственныхъ выгодъ и стали хлопотать, чтобы Лодзь была преобразована въ губернскій городъ. Они мотивировали свое ходатайство быстрымъ ростомъ Лодзи и необходимостью усиленія полицейскаго надзора въ этомъ городѣ. Дѣйствительно, полицейскій надзоръ въ Лодзи крайне слабъ, такъ что этотъ фабричный городъ сталъ мѣстомъ убѣжища воровъ и грабителей, и въ немъ не проходитъ дня безъ крупнаго воровства или грабежа. Увеличеніе штата полиціи въ Лодзи и реорганизація ея уже второй годъ составляетъ предметъ переписки здѣшнихъ властей съ Петербургомъ, и нельзя не пожалѣть, что это дѣло затянулось. Но изъ нообходимости усилить въ Лодзи полицейскій надзоръ вовсе не слѣдуетъ, что Лодзь нужно преобразовать въ губернскій городъ и присоединенія къ ней ея предмѣстій. Въ интересахъ полицейскаго надзора можно, конечно, присоединить къ Лодзи ея предмѣстья въ полицейскомъ отношеніи (но только въ одномъ этомъ отношеніи), сохранивъ за ними во всемъ остальномъ права гминнаго самоуправленія, такъ какъ полное присоединеніе ихъ къ городу повлекло бы за собой переходъ крестьянскихъ земель подъ новые нѣмецкіе фабрики и заводы. Вотъ почему не слѣдуетъ допускать полнаго присоединенія къ Лодзи ея предмѣстій. Перенесеніе изъ Петрокова въ Лодзь губернскихъ учрежденій и преобразованіе Лодзи (кстати сказать, уже давно пользующейся нѣкоторыми правами губернскихъ городовъ) въ губернскій городъ тоже содѣйствовало бы укрѣпленію Нѣмцевъ въ Лодзи, почему удовлетвореніе и этого ходатайства лодзинскихъ Нѣмцевъ и онѣмеченныхъ Евреевъ было бы ошибкой съ русской точки зрѣнія.

Заговоривъ о Лодзи, замѣтимъ, что дѣла лодзинцевъ идутъ теперь очень бойко: тамошнія фабрики завалены заказами. Не хуже лодзинскихъ работаютъ теперь и томашовскія [1] суконныя фабрики. Это оживленіе торговыхъ дѣлъ въ Лодзи и Томашовѣ

[1] Томашовъ (Петроковской губ.)—фабричный городъ вблизи Лодзи, какъ и Лодзь совершенно онѣмеченный.

въ значительной степени объясняется наплывомъ въ Привислинскій край Евреевъ, выселенныхъ изъ Москвы и другихъ городовъ. Переселившіеся сюда Евреи помогли здѣшнимъ фабрикантамъ расширить торговыя сношенія съ нашими внутренними и южными губерніями.

Изъ стоящихъ теперь у насъ на очереди вопросовъ кромѣ указанныхъ выше заслуживаетъ серьезнаго вниманія также вопросъ о реформѣ такъ называемаго „Земскаго Кредитнаго Общества въ Царствѣ Польскомъ". Это „Общество", учрежденное въ царствованіе императора Александра I, исполняетъ у насъ роль польскаго дворянскаго банка: „Дворянскій Земельный банкъ" и частные поземельные банки на Привислинскій край не распространяютъ своихъ дѣйствій. Оно состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ и имѣетъ предсѣдателя по назначенію отъ правительства, остальные же должностныя лица избираются членами его, коими считаются всѣ заемщики. Это своеобразное учрежденіе имѣетъ довольно сомнительное прошлое въ политическомъ отношеніи, но по странному стеченію обстоятельствъ, несмотря на это, его не коснулись до сихъ поръ реформы въ духѣ обще-государственнаго объединенія. Въ послѣдніе годы жизнь выдвинула рядъ фактовъ, доказавшихъ, что это „Общество" своего рода государство въ государствѣ, что оно преслѣдуетъ свои особыя цѣли, и что имъ руководитъ нѣсколько личностей, не щадящихъ и тѣхъ изъ своихъ собратьевъ—польскихъ помѣщиковъ, которые не желаютъ плясать по ихъ дудкѣ. Но, такъ какъ польская печать считаетъ „Земское Кредитное Общество" однимъ изъ послѣднихъ польскихъ учрежденій, то они очень рѣдко и вмѣстѣ съ тѣмъ очень робко заговаривали о фактахъ, разоблачающихъ несостоятельность его устава и,—скажемъ мягко,— промахи его должностныхъ лицъ, а нѣкоторые органы ея по принципу совершенно замалчивали подобные факты. Наконецъ одинъ изъ польскихъ помѣщиковъ г. Снѣжко-Блоцкій отважился безъ стѣсненія заговорить о дѣятельности этого „Общества" и напечаталъ въ концѣ прошлаго года письмо въ *Варшавскомъ Дневникѣ*. Г. Снѣжко-Блоцкій доказываетъ въ этомъ письмѣ, что дѣятельность „Общества" крайне вредна для края, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, и находитъ необходимымъ измѣнить успѣхъ его и установить надъ его дѣятельностью болѣе строгій правительственный контроль. „Общество" очень разсердилось на автора этого письма

и привлекло его къ судебной отвѣтственности за диффамацію, а польская заграничная печать обозвала смѣльчака измѣнникомъ, а заодно съ нимъ досталось отъ нея и редактору *Варшавскаго Дневника* Вс. Вл. Крестовскому за напечатаніе этого письма. Вс. Крестовскій не испугался, однако, громовъ польскихъ закордонныхъ публицистовъ и продолжаетъ печатать статьи, указывающія на необходимость скорѣйшаго преобразованія „Общества". Эта разработка вопроса о реформѣ „Земскаго Кредитнаго Общества" составляетъ несомнѣнную заслугу *Дневника*. Чтò же касается г. Снѣжко-Блоцкаго, то возможно, что судъ приговоритъ его къ извѣстному наказанію за нѣкоторую рѣзкость его письма, но независимо отъ рѣшенія судомъ этого дѣла въ томъ или другомъ смыслѣ, нужно желать, чтобы вопросъ о „Земскомъ Кредитномъ Обществѣ" былъ скорѣе разсмотрѣнъ по существу. Цѣлесообразнѣе всего было бы упраздненіе этого „Общества" и открытіе взамѣнъ его въ нашемъ краѣ отдѣленій „Дворянскаго банка", допустивъ для нихъ нѣкоторыя отступленія отъ общаго устава банка въ виду особенностей мѣстной жизни по примѣру того, какъ это было сдѣлано при открытіи на нашей окраинѣ отдѣленій „Крестьянскаго банка".

Въ маѣ къ намъ пріѣзжаетъ гастролировать часть труппы вашего московскаго „Малаго театра", чему, конечно, всѣ здѣшніе Русскіе очень рады, но когда же у насъ будетъ постоянный русскій театръ?

А. С.

ИЗЪ ВИЧУГИ.

Объ уставѣ о промышленности.

Позвольте возвратиться еще разъ къ нашему уставу о промышленности, котораго вы уже касались въ декабрьской книгѣ за прошлый годъ.

Тамъ говорилось между прочимъ о наклонности нашей къ *пересолкѣ*, къ крутымъ и быстрымъ переворотамъ въ дѣлахъ общественной нашей жизни — къ ломанію старыхъ порядковъ на новые неизвѣданные, воспринимаемые въ большинствѣ случаевъ прямо съ Запада. Нѣтъ сомнѣнія, что такой ходъ дѣлъ зависитъ главнымъ образомъ отъ лицъ, сочиняющихъ законы,

и ихъ исполняющихъ,—лицъ, которыя, при всей своей благонамѣренности, къ величайшему сожалѣнію въ большинствѣ случаевъ не имѣли никакой практической подготовки къ общественной дѣятельности на томъ или другомъ поприщѣ.

Такой выводъ въ особенности приложимъ къ области заводско-промышленной. На этомъ именно поприщѣ непрактичные теоретики, желая безъ сомнѣнія отличиться своей исполнительностью, оказали россійской промышленности по истинѣ медвѣжью услугу. И дай Богъ, чтобъ въ будущемъ такихъ услугъ не повторялось.

Если принять во вниманіе, что большая часть нашихъ промышленниковъ, въ особенности мелкихъ, не говоря уже о рабочихъ, едва умѣетъ читать и писать, а то и вовсе неграмотна, то чему же удивляться, если для нихъ наши правила о взаимныхъ отношеніяхъ нанимателей и нанимаемыхъ кажутся какой-то тарабарщиной, приводящей ту и другую сторону въ трепетное состояніе. И можно ли обвинять этихъ людей въ умышленномъ якобы противленіи закону, на томъ только основаніи, что *незнаніемъ закона отговариваться нельзя.* Да кто же изъ нашихъ завзятыхъ законовѣдовъ знаетъ всѣ десять томовъ свода законовъ и всѣ разъясненія къ нимъ Правительствующаго Сената? А что же говорить о самихъ гг. фабричныхъ инспекторахъ, водворяющихъ на фабрикахъ своеобразные порядки, едва-ли всегда основанные на законѣ?

Нашъ законъ не раздѣляетъ понятій о фабрикѣ, заводѣ и мануфактурѣ, и потому и примѣненіе закона о наймѣ рабочихъ не всегда возможно и удобно. Напримѣръ, свекло-сахарный или крахмальный заводъ съ обширными плантаціями чѣмъ должны руководствоваться: закономъ о наймѣ на сельскія работы или уставомъ о промышленности? Одни и тѣ же рабочіе часто работаютъ то на полѣ, то на заводѣ, по какимъ же правиламъ ихъ нанимать? Не стоило бы конечно и задавать этого вопроса, еслибы тотъ и другой законы были хотя приблизительно одинаковы; но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ: первый изъ нихъ проникнутъ духомъ охраненія хозяевъ отъ недобросовѣстныхъ рабочихъ, а второй—духомъ охраненія рабочихъ отъ недобросовѣстности хозяевъ. Какъ же объяснить такую непонятную мысль людей, составлявшихъ эти законы? Почему Иванъ, покуда работаетъ на пашнѣ, недобросовѣстенъ относительно хозяина, а какъ только вошелъ въ стѣны завода, роли перемѣнились?!

Гдѣ же мѣрило добросовѣстности и что взято законодателемъ за основу такого условнаго дѣленія россійскихъ подданныхъ?

Если въ промышленномъ мірѣ бывали проступки и преступленія, то и сельское хозяйство не чуждо таковыхъ. Преступники существуютъ со временъ Каина, и карательные законы ему одновременны. Злоупотребленія, прижимки, и т. п. возможны вездѣ и на фабрикахъ, и на заводахъ и на фермахъ. Такъ, напримѣръ, что представляетъ изъ себя отдача крестьянамъ въ аренду земли подъ пастбища, выгоны не за наличныя деньги, а за работу?! Иной разъ наемщику такая аренда обходится въ раза три, а то и четыре дороже, чѣмъ еслибы онъ заплатилъ за нее наличными деньгами. Такого рода сдѣлки оказываются однакоже непринудительными, а на фабрикахъ выдача денегъ впередъ подъ работу не допускается, какъ недобросовѣстная эксплуатація. Какъ понимать это противорѣчіе? Рабочему изъ земледѣльцевъ надо денегъ на уплату податей на сѣмена, на корову, лошадь или стройку; по старому обычаю хозяинъ давалъ ему деньги, записывалъ ихъ въ книжку, и онъ заживалъ, а теперь этого дѣлать нельзя. Если угодно помочь ему, то давай *такъ*, безъ записи, или бери съ него вексель, или заемное письмо... Представьте себѣ, что ваша кухарка, живущая у васъ, положимъ, пять лѣтъ, нуждается въ двадцати рубляхъ и вы, давая ихъ, должны требовать съ нея заемное письмо... Что вы на это скажете и что скажетъ ваша кухарка? навѣрное усумнится въ вашемъ здоровьѣ. А по фабрикѣ это должно считаться въ порядкѣ вещей.

Громадное число людей—въ особенности на небольшихъ фабричкахъ—живетъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ безъ всякихъ недоразумѣній — довольны хозяиномъ и хозяинъ доволенъ ими. Между ними установляются отношенія почти родственныя, не требующія никакихъ форменныхъ письменныхъ актовъ — отношенія патріархальныя, и вдругъ является власть проникнутая западнымъ духомъ свободы, равенства и т. п. и заставляетъ существующій порядокъ нарушить и завести новый, полный самыхъ разнообразныхъ регламентацій, трудно усвоиваемыхъ людьми къ западнымъ порядкамъ непривычными. Уклониться отъ исполненія ненужныхъ контрагентамъ формальностей никакъ нельзя: является угроза штрафомъ и судомъ. Желательно ли и полезно ли уничтоженіе такихъ патріархальныхъ, вытекающихъ изъ самой жизни порядковъ?

Люди знакомые съ фабричными порядками Запада почти единогласно свидѣтельствуютъ, что характеръ нашихъ рабочихъ и предпринимателей, говоря вообще, вовсе не имѣетъ тѣхъ чертъ ожесточенности и упорства, почти всегда присущихъ рабочимъ и предпринимателямъ западно-европейскимъ. Нашъ народъ вообще гораздо мягче и добродушнѣе и потому установить у насъ надлежащія отношенія между предпринимателями и рабочими гораздо легче, чѣмъ на Западѣ, лишь бы исполнители закона были безпристрастны и справедливы. Внести же въ промышленный міръ бюрократическіе пріемы, столь любезные людямъ канцелярій, безъ ущерба дѣлу рѣшительно невозможно. Указываютъ на мелкихъ хозяевъ, которые прижимаютъ рабочихъ; и что безъ надзора инспекторской власти ихъ оставить нельзя. Недоумѣваемъ, почему земскій начальникъ не сумѣетъ въ данномъ случаѣ водворить миръ или порядокъ, а инспекторъ сумѣетъ. Почему земскому начальнику не довѣрять, а инспектору довѣрять безгранично, предоставляя ему право вмѣшиваться во всѣ фабричныя дѣла. Да и справедливо ли это?

Возможно ли вмѣшательство его, напримѣръ, въ дѣло опредѣленія таксъ на заработную плату, на поденную и т. п.? Если до этого дѣло фактически не дошло, то попытки уже бывали не разъ. И самые разительные примѣры такихъ попытокъ имѣли мѣсто въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, въ то время когда рабочіе, побуждаемые смутьянами, сдѣлали стачку и требовали увеличенія заработной платы. Цѣна рабочаго труда является не произвольно, а отъ совокупности многочисленнѣйшихъ причинъ. Измѣнить эту цѣну насильственно, безъ вреда дѣлу нельзя, покуда не измѣнятся причины. На нихъ-то и надо бы дѣйствовать, а не на слѣдствіе, если хотятъ поднять заработную плату. Трудъ, какъ и всякій товаръ, имѣетъ свою рыночную цѣну. Какъ нельзя, уравнять жалованье домашней прислуги, такъ нельзя этого сдѣлать и на фабрикахъ. Кухарка, получающая въ Одессѣ пятнадцать рублей, въ Петербургѣ получитъ только десять, въ Москвѣ шесть, а въ Архангельскѣ не больше трехъ. И кто знаетъ, можетъ-быть, въ Архангельскѣ ей будетъ лучше, чѣмъ въ Одессѣ? Кому неизвѣстно, какую плату получаютъ портовые босоножки въ Одессѣ въ разгаръ нагрузки пароходовъ!? И какая бываетъ цѣна на ихъ трудъ зимой! Искусственное возвышеніе платы подъ давленіемъ извнѣ нарушаетъ равновѣсіе между сосѣдними промышленными округами, напримѣръ искусственное возвышеніе

платы въ Иваново-Вознесенскомъ округѣ несомнѣнно не останется безъ нѣкотораго вліянія на округъ Московскій. *Продать подороже, купить подешевле*—это общее правило для всѣхъ живущихъ на земномъ шарѣ людей, начиная дикарями и кончая просвѣщеннѣйшими. Какъ нельзя заставить помѣщика продать хлѣбъ въ неурожайный годъ по дешевымъ цѣнамъ, такъ какъ въ урожайные годы онъ терпѣлъ отъ него только убытки, такъ несправедливо заставить фабриканта возвышать заработную плату искусственнымъ путемъ. Кто изъ насъ, будь то купецъ или чиновникъ любаго вѣдомства, покупаетъ себѣ предметы домашней необходимости по тѣмъ цѣнамъ, какія запросятъ? Никто, кромѣ развѣ тѣхъ, которымъ деньги не трудомъ достались, а какъ-нибудь еще. И можно ли осудить чиновника, что онъ, покупая на рынкѣ у мужика коренья и лукъ, торгуется до копѣечки? И можно ли осудить ремесленника мысли, что онъ торгуется изъ-за гонорара, изъ-за каждой напечатанной строчки? Таковъ нашъ вѣкъ! Какъ же принудить хозяина платить ненормальныя цѣны. Вѣдь не можетъ же хозяинъ держать насильно никого. Хочешь работай, не хочешь уходи. Это общее правило.

Если чиновникъ, изгоняя прислугу, не додастъ изъ причитающагося послѣдней жалованья двухъ рублей за пропавшую чайную ложку, это считается въ порядкѣ вещей; если же фабричный испортитъ кусокъ товара, стоющій, положимъ, двадцать рублей, или испортитъ машину и за это штрафуется тремя рублями, то это называется эксплуатаціей невинности и требуется немедленное вмѣшательство власти. Теперь имѣется законъ о штрафномъ капиталѣ; 39-я статья этого закона говоритъ, что *взысканный съ рабочихъ штрафъ обращается на составленіе особаго капитала при каждой фабрикѣ. Капиталъ этотъ можетъ быть употребляемъ съ разрѣшенія инспектора только на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабочихъ.*

Справедливо ли такое положеніе? По общему закону ввѣренная кому-либо вещь должна быть возвращена въ цѣлости, а иначе невозвратившій подлежитъ отвѣтственности по суду. Фабрикантъ же, понеся убытокъ въ двадцать, положимъ, рублей, по винѣ рабочихъ, долженъ считать это послѣдствіемъ непреодолимой силы, несмотря даже на то, что порча товара произошла вслѣдствіе явной небрежности со стороны виновныхъ.

На большихъ фабрикахъ, имѣющихъ болѣе тысячи человѣкъ рабочихъ, штрафной капиталъ, само собою разумѣется, не мо-

жетъ лечь непосильнымъ ярмомъ на чистую прибыль, но на маленькихъ, имѣющихъ 15—20 человѣкъ, такой порядокъ отзывается чрезвычайно тяжело и кромѣ того деморализуетъ рабочихъ, которые освоиваются съ мыслью, что хозяинъ въ ихъ рукахъ и что они могутъ натворить ему всякихъ убытковъ безъ всякихъ послѣдствій для себя; не искать же хозяину съ рабочихъ убытковъ чрезъ судъ, имѣя въ перспективѣ устроить отдѣльный шкафъ для исполнительныхъ листовъ безъ исполненія.

Рабочій, натворивъ всякихъ бѣдъ, не всегда можетъ быть удаленъ фабрикантомъ съ фабрики, и, напротивъ того, хозяинъ не имѣетъ возможности, въ случаѣ нужды, удержать его. По закону договоръ найма можетъ быть расторгнутъ завѣдывающимъ фабрикою, между прочимъ, въ томъ случаѣ, если рабочій не явится на работу болѣе трехъ дней сряду безъ уважительныхъ причинъ. Рабочій, заключившій договоръ на полгода, можетъ на основаніи приведеннаго правила заставить хозяина попросить его уйти черезъ недѣлю, а то и раньше: уйдя съ работы положимъ, утромъ, рабочій явится только къ вечеру на третій день; и такъ подъ рядъ нѣсколько разъ. Что вы съ нимъ будете дѣлать? Попробуйте вы его удержать; онъ испортитъ машину и надѣлаетъ порчи въ товарѣ, зная, что это цѣликомъ ляжетъ на хозяина, а не на него. И можетъ ли въ такомъ случаѣ помочь въ чемъ-нибудь фабричный инспекторъ? Многочисленные факты за все время существованія инспектората доказываютъ какъ разъ противное; и врядъ ли можно надѣяться, что въ будущемъ этотъ институтъ станетъ на должную высоту. Роль инспектора должна бы состоять не въ опекѣ и приказаніяхъ съ угрозами штрафовъ и протоколовъ и т. п., а въ безпристрастномъ, справедливомъ умиротвореніи возникающихъ недоразумѣній между хозяевами и рабочими; протоколы же должны являться тогда лишь, когда есть наличность преступленія. Мало-ли является на фабрикахъ дѣлъ съ характеромъ проступковъ, но развѣ всегда такія дѣла имѣютъ въ основѣ злой умыселъ? Въ большинствѣ случаевъ они являются слѣдствіемъ или недоразумѣнія или ошибокъ служебнаго персонала, рабочихъ или самого хозяина, нельзя же всякое лыко въ строку ставить. Къ сожалѣнію, это именно такъ и случается; и отъ этого порождается злобное и завистливое настроеніе между рабочими и хозяевами. Развѣ это имѣлъ въ виду законодатель?

Въ руки рабочихъ нашъ уставъ даетъ непомѣрно сильное

средство удалить любаго управляющаго фабрики и даже принудить самого хозяина закрыть фабрику. Для этого надо лишь по явиться двумъ, тремъ смутьянамъ и дѣло будетъ сдѣлано, такъ какъ другой нообходимый для этого элементъ—кабакъ, всегда къ услугамъ смутьяновъ. Въ уставѣ сказано: „*За совершеніе проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1359 въ третій разъ, или хотя бы и въ первый и второй разъ, но когда эти проступки вызвали на фабрикѣ или заводѣ волненія, сопровождавшіяся нарушеніемъ общественной тишины или порядка и повлекли за собою принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ, завѣдывающій фабрикой подвергается аресту до трехъ мѣсяцевъ и сверхъ того можетъ быть лишенъ навсегда права завѣдывать фабриками или заводами*".

Кто знаетъ дѣло, какъ оно есть, а не по книжкамъ, тотъ ни на минуту не поколеблется сказать, что этимъ закономъ можно достигнуть закрытія любой фабрики въ теченіе года. Если до сихъ поръ этого не случалось, то только потому, что весь уставъ для нашего народа, въ лучшей его части, чуждъ.

Русскій промышленный міръ надѣется, что слухи о пересмотрѣ устава о промышленности не праздны; но онъ смущенъ, что въ этомъ уставѣ останется прежній духъ западныхъ либеральныхъ учрежденій, нашему народу несвойственныхъ и усвоиваемыхъ ими съ большою нравственною ломкою. И что въ особенности желательно, такъ это уничтоженіе тѣхъ странныхъ противорѣчій между уставомъ о наймѣ рабочихъ на фабрики и положеніемъ о наймѣ на сельскія работы и чтобъ отнынѣ фабрика подчинена была одной какой-либо власти, а не двѣнадцати отдѣльнымъ, изъ которыхъ каждая предъявляетъ свои требованія, часто противорѣчащія требованіямъ другихъ властей, ставя фабриканта въ положеніе близкое къ невозможному.

А. Морокинъ и К. К—ъ.

ИЗЪ ЕПИФАНСКАГО УѢЗДА, (ТУЛЬСКОЙ ГУБ.)

О послѣдствіяхъ неурожая.

Нашъ уѣздъ принадлежитъ къ черноземной полосѣ Россіи или, какъ иногда говорятъ, къ „степной". При словѣ „степь" въ воображеніи обыкновенно возникаетъ картина полнаго благосостоянія земледѣльческаго населенія, такъ какъ условія для процвѣтанія этого населенія крайне благопріятны: земля де хорошая, удобренія почти не требуетъ, такъ какъ и безъ него хлѣбъ родится превосходный и сѣять можно разные хлѣба: и пшеницу, и просо и гречиху, и все это отлично выстаиваетъ и вызрѣваетъ. Словомъ, житье тутъ—умирать не надо. Но не таково оно на самомъ дѣлѣ. Можетъ-быть и было тутъ когда-нибудь что-нибудь въ родѣ этого, но теперь далеко не такъ. Двухлѣтній неурожай далъ себя знать. Всѣ селенія и безъ того не очень красивыя, состоящія изъ низенькихъ, деревянныхъ или глиняныхъ избъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго признака опрятности или удобства, теперь всѣмъ видомъ своимъ изобличаютъ скудость и нищету. Даже люди-то, послѣ всѣхъ вынесенныхъ ими невзгодъ, стали на людей не похожи. То и дѣло встрѣчаются маленькія тщедушныя фигурки съ истощенными лицами, съ пугливымъ безпокойно бѣгающимъ взглядомъ, жалкіе и тупые. Причиной тому, что неурожай въ такое сравнительно недолгое время такъ тяжело отразился на населеніи, главнымъ образомъ послужило общее малоземелье крестьянъ. Земельный надѣлъ тутъ далеко неудовлетворительный. На мужскую душу полагается всего полдесятины въ каждомъ полѣ, что̀ въ трехъ поляхъ составляетъ $1^1/_2$ десятины. При нѣсколькихъ мужскихъ душахъ въ семьѣ еще туда-сюда, а при одной или двухъ куда какъ трудно. Такъ какъ на нихъ должно и хлѣбъ сѣять, и скотину пасти, и покосъ снимать, и, кромѣ этого, топливо запасать, такъ какъ лѣсовъ тутъ у крестьянъ нѣтъ и топить приходится соломой. Въ урожайные годы эти малодушники перебивались кое-какъ, но послѣ неурожая имъ пришлось довольно круто; запасовъ у нихъ никакихъ не было, нужда явилась сразу во всемъ: и въ хлѣбѣ, и въ кормѣ, и въ топливѣ. Много хозяйствъ совершенно распалось, и работники сдѣлались нищими, много пострадало отъ голода и холода, осо-

бенно прошедшею зимой, которая какъ на грѣхъ выдалась буйная и морозная. Чуть ли не въ каждой избѣ холодъ былъ такой, что въ углахъ и пазахъ стѣнъ образовались льдышки, земляные полы подергивались инеемъ, съ потолка и стѣнъ сочилась вода. Хозяева забирались на печку и въ печку; кому не хватало мѣста—забивался куда-нибудь въ уголъ, обертываясь во всевозможныя лохмотья... Хотя нуждающимся въ топливѣ много помогали склады Краснаго Креста и графа Л. Н. Толстаго, продавая по дешевой цѣнѣ и безплатно раздавая дрова, но удовлетворить нужды всѣхъ не было никакой возможности. Несчастные ломали хлѣвы, разбирали риги, сараи, снимали крыши съ дворовъ, и все это сожгли. Нѣкоторые жгли старыя колеса, оглобли, доски съ палатей; разбирать что эта вещь нужная некогда было, лишь бы не замерзнуть. По этой же причинѣ многіе шли въ экономіи, брали лѣтнія работы на самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ лишь ради задатка, которымъ можно было отсрочить смерть отъ голода и холода. Настрадавшись и измучившись, крестьяне стали подумывать о перемѣнѣ своей судьбы, о выходѣ изъ такого мучительнаго положенія, и остановились на мысли о переселеніи. Начались хожденія къ „начальству", но начальство ничего утѣшительнаго по этому поводу не могло сказать, оно только указало на распоряженіе г. министра Внутреннихъ Дѣлъ, запрещавшее всякое переселеніе впредь до особаго распоряженія. Крестьяне не повѣрили этому и стали осаждать разспросами свѣдущихъ лицъ помимо начальства, но и тѣ тоже ничего не могли сказать имъ утѣшительнаго; тогда крестьяне не вытерпѣли и рѣшили обратиться съ просьбой о вниманіи къ своей участи къ высшему начальству. Вотъ содержаніе одного изъ прошеній, поданнаго на имя г. тульскаго губернатора и подписаннаго нѣсколькими десятками стариковъ:

„Безысходное положеніе наше вынуждаетъ насъ обратиться къ вашему превосходительству съ просьбой объ исходатайствованіи намъ облегченія нашей участи. Разореніе полное грозитъ нашему хозяйству. Это разореніе приводитъ насъ къ полной несостоятельности и неспособности къ уплатѣ повинностей и обратитъ насъ въ нищихъ и ляжетъ тяготой на все общество.

„Обратите вниманіе, ваше превосходительство, на наше бѣдственное положеніе; причины же ему мы находимъ слѣдующія:

„1) Крайнее малоземелье, при увеличивающемся потомствѣ,

приводитъ къ положительной невозможности существовать на душевомъ надѣлѣ.

„2) Крайне высокая арендная плата (до 20 р. за десятину) на сосѣднихъ участкахъ не даетъ возможности нанимать землю на сторонѣ. Да едва ли и можно намъ добиться таковой.

„3) Заработная плата едва можетъ окупить издержки на эту работу; большею частію она не питаетъ насъ, а истощаетъ наши послѣднія силы. Какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, мы получаемъ за полную обработку десятины, состоящую изъ девяти работъ, 4 рубля. Поденная плата дошла до 10 коп. на своемъ хлѣбѣ.

„4) Ко всему этому присоединяются лѣтнія засухи, при безводности нашихъ полей и суровыя зимнія стужи, при полномъ отсутствіи топлива.

„Изъ всего этого мы видимъ одинъ исходъ: выселеніе насъ на новыя земли и усердно просимъ ваше превосходительство исходатайствовать намъ на то разрѣшеніе у Его Императорскаго Величества.

„Намъ извѣстно запрещеніе, объявленное намъ земскими начальниками и въ волостныхъ правленіяхъ, но мы не можемъ вѣрить этому, не имѣемъ силы терпѣть долѣе и уповаемъ на правду и милосердіе."

По всему этому видно, до чего довело крестьянъ бѣдствіе и какъ оно отразилось.

С.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Къ вопросу о страхованіи рабочихъ фабрикъ и заводовъ.—Нѣсколько словъ о измѣненіи промышленнаго устава.

Судя по достовѣрнымъ слухамъ, въ недалекомъ будущемъ въ Государственномъ Совѣтѣ будетъ обсуждаться законопроектъ о вознагражденіи фабричныхъ рабочихъ за увѣчья; получаемыя ими во время работъ. Неизвѣстно изъ какихъ источниковъ предполагается обезпечить пострадавшихъ и ихъ вдовъ и дѣтей, то-есть изъ средствъ ли государственныхъ, при помощи общегосударственнаго страхованія, или путемъ общественнаго страхованія въ нынѣ дѣйствующихъ и имѣющихъ учредиться обществахъ, или же возложить удовлетворенія ихъ на обязанность самихъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло общегосударственнаго страхованія, при младенческомъ состояніи нашей статистики, можетъ встрѣтить при своемъ осуществленіи почти непреодолимыя препятствія, которыя устранить можетъ только время, считаемое не мѣсяцами, а десятками лѣтъ, и потому ждать этого вожделѣннаго конца, при назрѣвшей настоятельнѣйшей потребности, основанной на христіанскомъ чувствѣ любви къ ближнему, нельзя. Многимъ почему-то кажется, что самый вѣрный путь для достиженія цѣли это послѣдній изъ вышеупомянутыхъ, то-есть возложить дѣло попеченія прямо на фабрикантовъ. Но не слишкомъ ли смѣло предположеніе возможности фактическаго осуществленія такого порядка? Не сдѣлается ли такой порядокъ тормозомъ для развитія промышленныхъ предпріятій? Не повлечетъ ли за собою

возможность оставить многихъ и многихъ изъ рабочихъ не только безъ пенсіи или вознагражденія, но и безъ куска хлѣба?

Кабинетный мыслитель на это скажетъ, что такія сомнѣнія вздорны, придирчивы, неосновательны, уклончивы и т. п. Практикъ же на это отвѣтитъ примѣрами изъ жизни. — Положимъ, на фабрикѣ съ паровымъ двигателемъ, съ основнымъ капиталомъ въ 10.000 рублей и пассивомъ во столько же работаютъ 20 человѣкъ. Случился взрывъ котла, или провалился потолокъ, или какое-нибудь подобное несчастіе съ послѣдствіями увѣчья половины рабочихъ, что весьма возможно, такъ какъ въ подобныхъ заведеніяхъ все дѣло сосредоточивается обыкновенно въ одномъ зданіи,—что будетъ дѣлать хозяинъ? Если фабрика его отъ подобныхъ катастрофъ застрахована, то онъ поспѣшитъ получить премію и приступитъ къ нужнымъ поправкамъ, чтобы скорѣе пустить фабрику въ ходъ, иначе угрожаетъ ему разореніе, а оставшимся въ живыхъ рабочимъ бѣдствіе—безработица. Положимъ, что при этомъ на фабриканта будетъ возложена еще обязанность удовлетворить вдовъ и дѣтей погибшихъ и изувѣченныхъ пропорціонально размѣру получаемаго ими жалованья. Какой же капиталъ нуженъ будетъ для этой цѣли выдать надлежащимъ властямъ или самимъ потерпѣвшимъ? Да капиталъ во всякомъ случаѣ не меньшій основнаго капитала самой фабрики. Будетъ ли владѣлецъ фабрики въ состояніи это исполнить? Конечно нѣтъ. Онъ предпочтетъ ликвидировать дѣло. И результатъ ликвидаціи, въ большинствѣ случаевъ, будетъ таковъ, что ни у самого хозяина, ни у рабочихъ ничего не останется.

Конечно, приведенный примѣръ носитъ характеръ крайности; но затѣмъ можно привести цѣлый рядъ примѣровъ, когда предприниматель будетъ поставленъ въ положеніе если не безвыходное, то чрезвычайно трудное, которое поведетъ или къ сокращенію производства, или къ убыткамъ, или къ бездоходности дѣла, то-есть къ преддверію банкротства. Нѣкоторые, разсуждая о фабрикахъ и заводахъ, представляютъ ихъ себѣ не иначе, какъ съ тысячами рабочихъ, съ милліоннымъ основнымъ капиталомъ, съ многочисленнымъ персоналомъ служащихъ. Но это великое заблужденіе. Нашъ законъ считаетъ фабрикою всякое заведеніе, гдѣ работаетъ паровой двигатель, но не опредѣляетъ его силы. Есть паровые двигатели, приводящіе въ движеніе сотни сложнѣйшихъ машинъ и стоящія 200—300 т. рублей, и есть такіе, которые замѣняютъ собою работу двухъ лошадей и стоимость

которыхъ равняется 300—400 рублей. Слѣдовательно, при существующихъ порядкахъ не надо большаго капитала, чтобъ перейти отъ ремесленнаго заведенія въ фабричное, а при возможномъ измѣненіи ихъ, то-есть при возложеніи на фабриканта обязанности обезпечивать рабочихъ путемъ вознагражденія ихъ за увѣчья и пр. дѣло клонится къ значительному вреду для промышленности, такъ какъ единственнымъ двигателемъ, побуждающимъ человѣка на поприщѣ промышленномъ, есть не филантропія, а собственное личное благо. И чѣмъ легче будетъ начинаніе малыхъ фабрично-заводскихъ предпріятій, тѣмъ больше ихъ явится и тѣмъ большее число лицъ получитъ заработокъ. И при обратномъ условіи, получится какъ разъ противное, то-есть вовсе нежелательное не только для каждаго предпринимателя въ отдѣльности, но и для народнаго хозяйства вообще.

Многіе спеціалисты по составленію уставовъ подвержены слабости безотчетнаго заимствованія таковыхъ прямо изъ иностранныхъ изданій; этотъ путь легчайшій изъ всѣхъ и излюбленнѣйшій спеціалистами почти всѣхъ странъ Европы, кромѣ Англіи, которая въ этомъ отношеніи стоитъ особнякомъ; и это не удивительно, такъ какъ она по мѣстнымъ условіямъ значительно рознится отъ своихъ ровестниковъ по цивилизаціи по сю сторону моря. Наше отечество хотя еще болѣе отличается отъ нихъ, чѣмъ Англія, но у насъ, къ сожалѣнію, есть много поклонниковъ въ указанномъ смыслѣ. Пользоваться опытомъ народовъ, болѣе насъ искусившихся на поприщѣ житейскомъ—похвально, но пользоваться опытомъ не то же самое, что списывать и переводить ихъ reglement'ы, Statut'ы, Gesetz'ы. Мало ли какихъ особенностей имѣетъ всякая страна—особенностей настолько населеніемъ усвоенныхъ, что о нихъ мѣстный законъ не считаетъ даже нужнымъ упомянуть. Переведите такой законъ на любой языкъ и переводъ сдѣлается или неяснымъ, или неполнымъ и, слѣдовательно, трудно или вовсе неприложнымъ, и отсюда, какъ слѣдствіе, явятся тысячи недоразумѣній. И это не только у насъ, это почти вездѣ такъ. И, конечно, такой обычай похвальнымъ назвать нельзя. Странно бы было, еслибы Нѣмцы перевели наши законы о земельномъ устройствѣ Башкиръ и ввели въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Точно также странно бы било, еслибы мы перевели законы о земельномъ устройствѣ въ Лотарингіи и стали бы прилагать ихъ въ Хивѣ.

То же самое можно сказать о всякихъ другихъ законахъ, какой бы области они ни касались.

Германія въ страховомъ дѣлѣ достигла значительнаго совершенства и едва ли гдѣ есть столько отдѣльныхъ законовъ, статутовъ, инструкцій, какъ тамъ; но значитъ ли это, что они для Франціи, Италіи, Россіи и Турціи приложимы одинаково? Совершенно нѣтъ. Приложите ихъ въ Турціи и выйдетъ нѣчто подобное подвигу Митхадъ-паши, который въ угоду Англіи ввелъ въ 1876 году въ Турціи конституцію.

Конечно, обо всемъ этомъ не слѣдовало бы и говорить, если отъ противнаго толкованія дѣла не проистекало столько нежелательныхъ послѣдствій.

Итакъ, вводить законы чужіе не слѣдуетъ, а пользоваться опытомъ не только слѣдуетъ, но и необходимо. И воспользоваться опытомъ Германіи въ страховомъ дѣлѣ намъ особенно слѣдуетъ. Тамъ имѣются относителяно интересующаго насъ вопроса три закона: 1) о страхованіи на случай болѣзни (Krankenversicherung), 2) отъ несчастныхъ случаевъ (Unfallversicherung), 3) отъ старости и неспособности къ труду (Alters-und Invalidenversicherung). Первый изъ нихъ изданъ былъ 15 іюля 1883 года, продолженъ 28 января 1885 года и обязываетъ всѣхъ работающихъ за жалованье: фабричныхъ, каменьщиковъ, плотниковъ, землекоповъ, ремесленниковъ, учениковъ и т. п. страховаться на случай болѣзни. Вслѣдствіе этого закона къ концу 1887 года въ Германіи насчитывалось 19.573 Kranckenkassen и въ нихъ было застраховано 4.842.226 человѣкъ; къ концу 1888 года число кассъ увеличилось до 20.468 и страхующихся до 5.516.461. Къ концу 1889 года число кассъ возросло до 20.822 и страхующихся до 6.144.199.

Въ 1886 году было 1.692.307 заболѣваній и за нихъ было выдано 58.745.000, а выручено было въ этомъ году 72.966.000 марокъ. Въ 1889 валовой доходъ кассъ достигъ 102.529.830 марокъ и выдано было 95.380.338 за 2.042.082 случая.

Второй законъ отъ 6 іюля 1884 года о несчастныхъ случаяхъ касался фабричныхъ, землекоповъ, каменьщиковъ, плотниковъ и 28 мая 1885 года былъ распространенъ на почтово-телеграфное, желѣзнодорожное, морское и военное вѣдомства и на всѣ транспортныя предпріятія, 5-го же мая 1886 года—на вѣдомство сельско-хозяйственное и лѣсное. Служащіе получающіе болѣе 2000 марокъ этому закону не подлежатъ. Въ концѣ 1888 года было

застраховано 10.000.000 человѣкъ, а въ концѣ 1889 года — 12.831.246. Въ теченіе 1889 года было 31.449 случаевъ, за которые уплачено 14½ милл. марокъ, и въ 1890 году было — 19.981.394 марокъ.

Третій законъ изданъ 22 іюня 1889 года и касается старости и неспособности къ труду. Съ 1 января 1891 года онъ вступилъ въ силу и ему подлежатъ всѣ работники и работницы, ученики, подмастерья, мастера, матросы, сидѣльцы и т. п., заработокъ коихъ не превышаетъ 2.000 марокъ въ годъ и кои имѣютъ болѣе 16 лѣтъ отъ роду, и всѣхъ страхующихся насчитывается болѣе 14.000.000 душъ.

Эти цифры говорятъ сами за себя и прежде всего доказываютъ возможность устроить страховое дѣло при помощи частныхъ страховыхъ предпріятій, каковыя и у насъ уже имѣются. Вопросъ о томъ, кто будетъ платить страховую премію, хозяинъ или рабочій, не составляетъ существенной части дѣла, но цѣлесообразнѣе было бы ввести обычай страхованіи жизни самими рабочими, какъ это дѣлается въ Германіи, такъ какъ этотъ способъ имѣетъ значительное преимущество предъ способомъ страхованія чрезъ посредство хозяевъ. Въ Россіи имѣются уже примѣры подобнаго рода страхованія, и, сколько извѣстно, пользуются расположеніемъ рабочихъ.

Опыты германской практики и нашей собственной, какъ она ни мала, могли бы дать интересующимся дѣломъ страхованія рабочихъ достаточно матеріала, чтобы составить всестороннее понятіе о наилучшемъ устройствѣ дѣла, имѣющаго столь громадное значеніе въ народномъ хозяйствѣ.

* * *

Упомянувъ выше о трудности примѣненія чуждыхъ законовъ, надо добавить, что такіе законы приходится часто пересматривать, дополнять, пояснять. Возьмите, напр., уставъ о промышленности, начатый при Петрѣ I. Начало ему положено въ 1718 году, когда была учреждена Мануфактуръ-Коллегія въ соединеніи съ Бергъ-Коллегіею. Въ 1723 году изданъ особый регламентъ, по коему права и обязанности Мануфактуръ-Коллегіи измѣнились.

Въ 1727 году порядокъ снова измѣняется: указомъ 20 марта всѣ фабрики отданы въ вѣдомство Коммерцъ-Коллегіи *„для не*

важныхъ же дѣлъ, вмѣсто Мануфактуръ-Коллегіи, опредѣлено собраніе изъ самихъ фабрикантовъ безъ жалованья, коимъ съѣзжаться хотя на одинъ мѣсяцъ зимою въ Москву для совѣта; всѣ неважныя опредѣленія чинить имъ безъ приговоровъ и протоколовъ, а о важныхъ доносить Коммерцъ-Коллегіи".

Вскорѣ за симъ учреждена Мануфактуръ-Контора, какъ видно изъ указа отъ 18 іюля 1729 года.

Въ 1731 году 3 октября „она паки вмѣстѣ съ Бергъ-Коллегіею присоединена къ Коммерцъ-Коллегіи, и дѣла росписаны были на три экспедиціи".

Въ 1742 году повелѣно „Мануфактуръ-Коллегіи въ Москвѣ быть особо во всемъ, на томъ основаніи, какъ учреждена оная при Государѣ Петрѣ Великомъ".

Въ 1743 году въ Петербургѣ учреждена Мануфактуръ-Контора.

Въ 1762 году эта Контора переведена была въ Москву, а Мануфактуръ-Коллегія—въ Петербургъ.

Съ преобразованіемъ при императрицѣ Екатеринѣ II губернскаго устройства, главные предметы вѣдомства перешли въ другія учрежденія; и вмѣстѣ съ тѣмъ *„выдача привилегій уничтожена, и всякій могъ заводить фабрики и рукодѣлія по своей волѣ и нигдѣ не прося дозволенія."* Въ вѣдѣніи же Коллегіи осталось заготовленіе гербовой бумаги и игральныхъ картъ, но карты отошли скоро въ Воспитательный Домъ, а бумаги въ Экспедицію о Государственныхъ Доходахъ и *„Ман. коллегія, яко существовавшая по одному имени, была уничтожена"* въ 1779 году.

Фабрикъ въ это время насчитывалось въ Россіи 501.

Въ 1796 году Коллегія снова возстановлена.

Въ періодъ несуществованія Коллегіи число фабрикъ увеличилось до 2.270.

Въ 1808 учрежденъ Департаментъ Мануфактуръ и Торговли, вѣдающій дѣла, относящіяся до заводскихъ, фабричныхъ и мануфактурныхъ заведеній.

Въ 1828 учрежденъ въ Петербургѣ Совѣтъ Торговли и Мануфактуръ, а въ Москвѣ его отдѣленіе.

Наконецъ, въ 1886 году іюня 3-го учреждены Губернскія по фабричнымъ дѣламъ Присутствія.

Такимъ образомъ изъ этого перечня преобразованій явствуетъ, съ какимъ трудомъ прививаются иноземныя насажденія на нашей почвѣ. Если съ 1808 года названіе высшаго учрежденія оста-

лось неизмѣннымъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что область его дѣятельности не измѣнялась и не измѣняется.

Судя по слухамъ, въ недалекомъ будущемъ предлежитъ измѣненіе устава о промышленности, но какихъ именно частей оно коснется? Неужели же чувствуется нужда въ измѣненіи только одной 52 статьи, и то не всей, а одного ея пункта, какъ ходатайствуетъ объ этомъ Московское Отдѣленіе Общества для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ, судя по его постановленію отъ 27-го текущаго марта[1]. Странное ходатайство! Московское Отдѣленіе какъ будто бы забыло все, что можетъ интересовать фабриканта, и ходатайствуетъ лишь о разрѣшеніи Губернскому по фабричнымъ дѣламъ Присутствію писать законопроекты, а не обязательныя постановленія. Но развѣ, въ случаѣ уваженія его ходатайства, порядокъ измѣнится? Что значитъ составлять законопроекты? Да и зачѣмъ ихъ составлять надо именно Губернскому по фабричнымъ дѣламъ Присутствію? Это можетъ дѣлать и Отдѣленіе Совѣта Торговли и Мануфактуръ; наконецъ, и самъ Департаментъ. Дѣло заключается вовсе не въ составленіи законопроектовъ, а въ дѣльныхъ законахъ и уставахъ.

До 1882 года фабрики, хозяева и рабочіе не подлежали надзору особаго спеціальнаго органа правительственной власти; всѣ недоразумѣнія, проступки и преступленія, возникавшія на фаб-

---

[1] Московское Отдѣленіе Общества для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ ходатайствуетъ объ изложеніи ст. 5, п. а) Правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ въ слѣдующей редакціи:

„5. На Губернскія по фабричнымъ дѣламъ Присутствія возлагается:

а) разработка и составленіе проектовъ обязательныхъ постановленій о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ фабричныхъ зданіяхъ, а также въ отношеніи врачебной помощи рабочимъ.

Примѣчаніе: Упомянутыя постановленія вступаютъ въ дѣйствіе въ мѣстностяхъ, отличающихся значительнымъ развитіемъ фабрично-заводской промышленности, въ срокъ, назначенный при утвержденіи ихъ министромъ Финансовъ по соглашенію съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.“

Въ видахъ согласованія отдѣльныхъ статей закона Московское Отдѣленіе Общества для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ ходатайствуетъ о слѣдующемъ изложеніи п. б), ст. ст. 7 Правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ:

„Распорядительныя дѣйствія по примѣненію обязательныхъ постановленій и надзоръ за исполненіемъ сихъ постановленій.“

рикахъ, разрѣшались обыкновеннымъ порядкомъ: административнымъ или судебнымъ.

Закономъ 12 іюня 1882 года учреждена была фабричная инспекція для надзора за исполненіемъ постановленій о работѣ и обученіи малолѣтокъ. По странному совпаденію обстоятельствъ, вскорѣ вслѣдъ за симъ, стала замѣтно усиливаться на фабрикахъ устная и печатная пропаганда ученій Лассаля и К°, разрѣшавшаяся помѣстными волненіями рабочаго люда.

Правительство, исходя изъ того, что безпорядки проистекають исключительно отъ образа дѣйствій фабрикантовъ, а не изъ искусственнаго возбужденія злоумышленниковъ, заблагоразсудило издать въ 1886 году законъ о наймѣ рабочихъ и особыя правила о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ и надзоръ за исполненіемъ сихъ правилъ ввѣрить не только общимъ органамъ правительственной власти, какъ это было до тѣхъ поръ, но и особому учрежденію, названному *Губернскимъ по фабричнымъ дѣламъ Присутствіемъ*, и, какъ органамъ послѣдняго, фабричнымъ инспекторамъ. На послѣднихъ, по ст. **54** устава, возложено было:

1) Надзирать за исполненіемъ постановленій о работѣ и обученіи малолѣтнихъ рабочихъ (стт. 34, 39—44 и 112—126).

2) Наблюдать за исполненіемъ фабрикантами и рабочими правилъ, опредѣляющихъ ихъ обязанности и взаимныя между ними отношенія.

3) Приводить въ исполненіе обязательныя постановленія, издаваемыя Губернскимъ по фабричнымъ дѣламъ Присутствіемъ и надзирать за ихъ исполненіемъ.

4) Разсматривать и утверждать таксы, табели, расписанія и правила внутренняго распорядка, составляемыхъ фабричными управленіями для руководства рабочихъ.

5) Предупреждать споры и недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими, путемъ изслѣдованія на мѣстѣ возникшихъ неудовольствій и миролюбиваго соглашенія сторонъ и, наконецъ,

6) возбуждать преслѣдованія, а въ подлежащихъ случаяхъ и обвинять на судѣ виновныхъ въ нарушеніи правилъ.

Изъ этого перечня явствуетъ, что область дѣятельности инспектора самая разнообразная и касается всѣхъ вѣдомствъ; онъ представляетъ изъ себя и педагога и школьнаго попечителя; онъ—мировой посредникъ между фабрикантомъ и рабочимъ, онъже, предупреждая различныя правонарушенія, является въ роли

агента полиціи; на судѣ онъ является облеченнымъ во власть обвинителя; расписанія часовъ работы, отдыха, обѣда, таксъ на харчи, зависятъ отъ него. И, наконецъ, онъ-же приводитъ въ исполненіе обязательныя постановленія, издаваемыя Губернскимъ по фабричнымъ дѣламъ Присутствіемъ. Постановленія-же эти могутъ обнимать собою безусловно всѣ мельчайшія подробности фабричной жизни, какъ матеріальной, такъ и духовной (то-есть нравственности), исключая развѣ область церкви въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Казалось бы, что, при этихъ условіяхъ другимъ правительственнымъ учрежденіямъ и органамъ до фабрикъ не было бы никакого дѣла. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Фабрика подлежитъ въ то же время не только веденію губернатора, градоначальника или оберъ-полицеймейстера, исправника, городской думы, земской управы, но и многочисленныхъ комитетовъ, коммиссій, инспекторовъ, врачей и санитаровъ. Многія изъ сихъ властей издаютъ обязательныя для фабрикъ постановленія по различнымъ предметамъ часто между собою противорѣчивыхъ и рѣшительно неисполнимыхъ. Посмотрите на недавнее странное постановленіе Богородской земской управы, обязывающей фабрикантовъ ежедневно мыть полы и потолки щелокомъ и кормить все окружное населеніе обѣдами и чаемъ. Прочитайте постановленіе Московской земской управы о загрязненіи воды. Какая цѣль такого образа дѣйствій этихъ учрежденій, совершенно непонятно, Если правительство пришло къ убѣжденію, что нужна живая и сильная власть, дабы внести въ сельскую жизнь извѣстный порядокъ, разрушенный людьми, увлекавшимися западно-европейскими соціальными теоріями и явился поэтому институтъ земскихъ начальниковъ, дѣйствующій безо всякихъ особыхъ и сложныхъ регламентацій, по духу своему русскому человѣку противныхъ, то почему же фабрики и заводы, населенные тѣми-же вѣрноподданными, подлежатъ особымъ нынѣ дѣйствующимъ регламентаціямъ, бо̀льшая часть коихъ не имѣетъ никакого разумнаго основанія и не оправдывается дѣйствительною жизнью и ея потребностями. Устраненіе всѣхъ тѣхъ причинъ, кои не содѣйствуютъ, а скорѣе тормозятъ нормальное тихое развитіе промышленныхъ предпріятій, является въ настоящее время вожделѣннымъ желаніемъ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ, лучшимъ изъ коихъ не нужно никакой особенной регламентаціи. Для нихъ достаточно общаго для всѣхъ закона, а для худшихъ оказываются недоста-

точными ни законы, ни самыя подробныя регламентаціи, дающія имъ обширнѣйшее поле для сутяжничества при помощи *аблакатовъ*—этихъ *завсегдатаевъ* кабаковъ, трактировъ и другихъ притоновъ, плотно облегающихъ фабрики и заводы—этихъ дѣйствительныхъ источниковъ всякаго зла искорененія котораго однакоже не касается ни одна изъ вышеупомянутыхъ властей.

* * *

Московское Отдѣленіе для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ какъ будто этого не знаетъ, оно не интересуется даже такимъ серьезнымъ вопросомъ, какъ страхованіе рабочихъ; ему чуждъ важнѣйшій вопросъ о загрязненіи воды, съ которымъ связана судьба многихъ и многихъ фабрикъ. Да знаетъ ли оно наконецъ о дѣйствительномъ положеніи отношеній инспектората и фабрикантовъ? Знаетъ ли оно, что до сихъ поръ § 60 устава о промышленности остается безъ исполненія? Вѣроятно нѣтъ. Да и знать ему всего этого нельзя, такъ какъ оно въ послѣднее время за благо разсудило заниматься вопросомъ о налогѣ на соль. О! sancta simpicitas!!

К. С.

КЪ СВѢДѢНІЮ КАВКАЗСКИХЪ ТУРИСТОВЪ.

(Письмо въ редакцію.)

Кто долго служилъ на Кавказѣ, тотъ такъ привязывался къ этому прекрасному, своеобразному краю, что уже всю остальную жизнь, куда бы судьба его не занесла, не только въ родные углы на Руси, но даже въ самыя очаровательныя мѣста Швейцаріи или Италіи, не забывалъ Кавказа, интересовался имъ, часто испытывалъ тоску по немъ, желаніе опять взглянуть на его величественныя горы, на его дикія ущелья, на пѣнящіяся, рокочущія по камнямъ быстрыя рѣки, на его статныхъ воинственныхъ туземцевъ, на тысячныя отары овецъ или косяки лошадей и стада рогатаго скота, пасущіяся по необозримымъ степнымъ подножьямъ горъ — по сю сторону, или на виноградники, на буйволовъ, лѣниво тянущихъ арбу, на смуглаго погонщика, распѣвающаго протяжно-заунывную мелодію, на черноокихъ Грузинокъ, ѣдущихъ въ покрытой коврами арбѣ или верхомъ, — по ту южную сторону главнаго хребта. — Наконецъ, и оставшіеся на мѣстѣ старые окавказившіеся сослуживцы (увы, къ сожалѣнію, ужь очень ихъ мало!), съ ихъ только тамъ, по укрѣпленіямъ и штабамъ, извѣстнымъ, радушнымъ гостепріимствомъ,—все это такъ живо воскресаетъ всякій разъ въ памяти, такъ манитъ къ себѣ...

Признаюсь, я одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей этихъ старыхъ кавказскихъ служакъ; я, такъ-сказать, одержимъ особою слабостью ко всему кавказскому, я не могу, читая что-нибудь касающееся Кавказа, равнодушно отнестись къ написанному, все равно затронута ли природа, или племена, или какая-нибудь черта гражданской или военной администраціи въ краѣ. Двадцать пять лѣтъ, самыхъ лучшихъ лѣтъ жизни, провелъ я на службѣ кавказской; языки, обычаи, нравы туземцевъ, главнѣйшие моменты исторіи завоеванія и русскаго владычества тамъ, ха-

рактеристику главныхъ дѣятелей, вообще чѣмъ-нибудь выдававшихся людей, все равно Русскихъ или туземцевъ, старался я изучить; я превратился чуть не въ ходячій кавказскій архивъ и потому неудивительно, что я подверженъ этой слабости—замѣчать ошибочные взгляды пишущихъ о Кавказѣ, или ошибочно передаваемыя событія.

Въ январской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* напечатаны „Путевые очерки и картины по Азіи“ В. В. Святловскаго. Имя автора уже знакомо по талантливымъ корреспонденціямъ въ *Новомъ Времени* о холерѣ.—Достаточно было мнѣ взглянуть на первую страницу, увидѣть слово Кавказъ, чтобы съ жадностью наброситься на эти „Очерки“. И тутъ же, въ началѣ, стр. 194, я уже нашелъ ошибку въ изложеніи одного происшествія и еще болѣе крупную неправильность во взглядѣ, выведенномъ авторомъ изъ этого происшествія.

„Говоря о Крестовой горѣ, пишетъ г. Святловскій,—невольно вспоминается кровавый эпизодъ, разыгравшійся здѣсь при Воронцовѣ же въ 1850 году. Одинъ азіатскій князекъ повздорилъ изъ-за приданаго съ зятемъ также Азіатомъ, но въ то же время и генераломъ русской службы. Генералъ, недовольный величиною калыма (приданое), полученнаго за дочь, возбудилъ дѣло у русскихъ властей, обвиняя князька въ самовольномъ увозѣ у него дочери. Въ то время начальникомъ центра былъ князь Эристовъ, *жившій въ Кисловодскѣ*, близь Крестовой горы. Эристовъ вызвалъ князька къ себѣ для личныхъ переговоровъ, и когда тотъ явился въ сопровожденіи брата и нѣсколькихъ вооруженныхъ нукеровъ, то начальникъ центра, въ присутствіи *собранныхъ на дворѣ Донцовъ и роты солдатъ*(?), приказалъ обезоружить и арестовать князька. Тогда горцы обнажили шашки и съ гикомъ поскакали на Крестовую гору. Затѣмъ началась *отвратительная травля*; троихъ нукеровъ убили тутъ же на горѣ, остальные были перебиты послѣ отчаяннаго сопротивленія. Особенно дорого продалъ свою жизнь, отстаивая честь и народные обычаи, одинъ нукеръ, который забаррикадировался на хорахъ казенной гостиницы, расположенной у подножія той же горы, и прежде чѣмъ сложилъ свою буйную голову убилъ кинжаломъ буфетчика гостиницы и застрѣлилъ двухъ солдатъ. *Нѣтъ*, конечно, *никакого сомнѣнія*(?!), что вся эта кровавая драма не могла бы имѣть мѣста, еслибы мѣстные обычаи пользовались большимъ уваженіемъ со стороны военнаго начальства, которому были ввѣрены судьбы кавказскихъ народовъ въ свое время.“

Описываемое авторомъ происшествіе происходило не совсѣмъ такъ. Въ 1850 году намѣстникъ князь Воронцовъ съ супругой и свитой проводилъ часть лѣта въ Кисловодскѣ. Поэтому, главный мѣстный начальникъ, носившій тогда титулъ „начальника центра кавказской линіи", генералъ-майоръ князь Георгій Романовичъ Эристовъ и находился *временно* въ Кисловодскѣ, занимая комнату въ гостиницѣ; жилъ же онъ постоянно въ Нальчикѣ, гдѣ было его управленіе. Вызванные имъ для разбора тяжебнаго дѣла четыре туземца, отказывались исполнить приказаніе князя Эристова и онъ велѣлъ ихъ арестовать. Никакой роты при этомъ не было, а вся воинская сила ограничивалась тремя, четырьмя казаками, исполнявшими тогда на Кавказѣ при мѣстныхъ начальникахъ полицейскія обязанности. (Хороша была бы *рота* (?), то-есть отъ 150 до 200 человѣкъ, да еще съ придачей донскихъ казаковъ, которые не могли бы справиться съ четырьмя человѣками!..) Туземцы обнажили оружіе и бросились бѣжать, изрубивъ попавшагося имъ на встрѣчу солдата изъ числа вѣстовыхъ при конюшнѣ главнокомандующаго; преслѣдуемые казаками и людьми, сбѣжавшимися на шумъ, возбужденный тревогой, они растерялись и вздумали скрыться въ гостиницѣ. Вбѣжавъ въ залъ, наткнулись на буфетчика, закололи его и, не находя выхода, попали на лѣстницу, ведущую на хоры. Между тѣмъ, по тревогѣ, начали сбѣгаться солдаты расположеннаго въ Кисловодскѣ (довольно далеко отъ гостиницы) линейнаго баталіона, казаки и другіе вооруженные люди окружили гостиницу, и когда скрывшіеся на хорахъ бѣглецы стали оттуда стрѣлять и ранили солдата, то послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ черезъ окно въ залъ выстрѣловъ, приказано было туда ворваться и взять этихъ обезумѣвшихъ горцевъ живыми или мертвыми, что̀ и было исполнено, причемъ изъ четырехъ двое были убиты, одинъ раненъ, а послѣдній обезоруженъ и арестованъ.

Можетъ быть я тутъ запамятовалъ и въ какой-нибудь подробности ошибаюсь; но вѣдь не въ томъ дѣло—убитъ ли одинъ и ранены двое, или наоборотъ, это не имѣетъ отношенія къ выводу автора, упрекающаго военное начальство въ неуваженіи къ мѣстнымъ обычаямъ и печалующагося, что судьбы кавказскихъ народовъ были ввѣрены военнымъ властямъ.

Для насъ, знакомыхъ съ характеромъ кавказскихъ горцевъ, все это происшествіе ничего особенно диковиннаго не представляло. Въ этомъ родѣ случаевъ было столько, что я могъ бы разсказомъ

объ нихъ напомнить не менѣе тѣхъ двадцати страницъ, которыя заняли „Очерки“ г. Святловскаго. Я приведу только два происшествія въ этомъ родѣ и надѣюсь ихъ будетъ достаточно для убѣжденія уважаемаго автора, что народные характеръ и нравы не всегда могутъ пользоваться уваженіемъ властей, даже самыхъ гражданско-либеральныхъ и что кровавыя происшествія среди азіатцевъ Кавказа не всегда вызывались неуваженіемъ къ обычаямъ.

Въ томъ же 1850 году, напримѣръ, служившіе въ Варшавѣ въ конномъ мусульманскомъ полку, состоявшемъ при князѣ Паскевичѣ, горцы изъ Владикавказскаго округа были недовольны своимъ ближайшимъ начальникомъ, офицеромъ изъ ихъ же племени, Муса Кундуховымъ; они жаловались на него полковому командиру, но претензія оказалась неосновательною и за это ихъ наказали тѣмъ, что въ проѣздъ черезъ Варшаву Императрицы Александры Ѳедоровны ихъ исключили изъ числа назначенныхъ въ почетный караулъ людей мусульманскаго полка. Оскорбленные этимъ, семнадцать человѣкъ ночью сѣли на коней и въ полномъ вооруженіи уѣхали къ прусской границѣ, перешли ее, не взирая на задержки пограничной стражи, объявили, что желаютъ поступить на службу къ прусскому королю, и когда мѣстный нѣмецкій воинскій начальникъ сказалъ имъ, что они должны быть обезоружены, наши молодцы ворвались въ ближайшій домъ, баррикадировались чѣмъ попало и встрѣтили прискакавшій эскадронъ прусскихъ кирасировъ мѣткими выстрѣлами. Нѣмцы пришли въ ужасъ, тревога распространилась за Одеръ, прибѣжалъ баталіонъ пѣхоты, завязалось цѣлое сраженіе, и только когда половина горцевъ была перебита и изранена, а у остальныхъ уже не оставалось патроновъ, они рѣшились сдаться.—Ихъ судили въ Берлинѣ, при нашемъ депутатѣ генералъ-майорѣ Заболоцкомъ, присудили, кажется, къ смертной казни, но король помиловалъ, приказалъ отправить въ Варшаву, предоставивъ рѣшить судьбу ихъ императору Николаю Павловичу, а онъ повелѣлъ ихъ отослать на родину, подъ надзоръ начальства. Государь, въ сущности, былъ даже доволенъ этимъ случаемъ, показавшимъ Нѣмцамъ, какая у насъ конница имѣется.

Или: въ 1844 году, въ станицѣ Червленой на Терекѣ, во время нахожденія тамъ главнокомандующаго на Кавказѣ генерала Нейдгарта, съ большимъ отрядомъ войскъ, собранныхъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Шамиля,—на кордонѣ былъ арестованъ какой-то Чеченецъ, пробравшійся на нашу сторону

Терека, и посаженъ въ караулку при станичныхъ воротахъ, гдѣ всегда находился караулъ изъ нѣсколькихъ казаковъ (родъ гауптвахты). Арестантъ, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, показался казакамъ не опаснымъ человѣкомъ и они отнеслись къ нему безъ особыхъ предосторожностей. Ночью, когда все было погружено въ сонъ и только наружные часовые мѣрно шагали на своихъ постахъ, Чеченецъ схватилъ казачье оружіе, убилъ двухъ человѣкъ и попытался бѣжать, но не найдя возможности уйти за ограду станицы, уже замѣченный часовыми, онъ заперся въ караулкѣ и не взирая на то, что его окружили сотни сбѣжавшихся солдатъ и казаковъ, продолжалъ отстрѣливаться чрезъ щели плетневыхъ стѣнокъ, перебилъ нѣсколько человѣкъ, пока не ворвались въ караулку и не покончили съ этимъ дикимъ героемъ.

Подобныя происшествія съ достаточною яркостью рисуютъ намъ черты кавказскихъ горцевъ, ихъ обычаи и нравы. И какъ же, по мнѣнію высокоуважаемаго автора *Очерковъ въ Азіи*, слѣдовало бы относиться мѣстнымъ властямъ къ подобнымъ субъектамъ? Никогда не арестовывать ихъ, причемъ неизбѣжно обезоружить, а это самое больное мѣсто въ самолюбіи человѣка, чуть не со дня рожденія не снимающаго оружія? Но вѣдь арестъ— одна изъ самыхъ обычныхъ мѣръ, не только при военномъ управленіи, да еще въ такое время, какое было болѣе сорока лѣтъ тому назадъ на Кавказѣ, но даже при совершенно гражданскихъ, новѣйшихъ судахъ. Разница развѣ только въ отсутствіи протокола, указаній соотвѣтствующей статьи закона и шаблонной фразы: „для пресѣченія подсудимому средства уклоняться отъ суда и слѣдствія“.

Авторъ, въ тонѣ его словъ *съ многоточіемъ*, что: „еслибы мѣстные обычаи пользовались бо́льшимъ уваженіемъ со стороны военнаго начальства, которому были ввѣрены судьбы кавказскихъ народовъ въ свое время... даетъ понять, что слѣдовало ввѣрять эти судьбы не военному, а гражданскому начальству,— оно де гуманнѣе, либеральнѣе, менѣе произвола себѣ позволяющее. Но это совершенно ложное понятіе, составившееся, именно, благодаря полному незнакомству съ краемъ. Напротивъ, только *изъ уваженія къ мѣстнымъ обычаямъ*, къ характеру горцевъ и къ ихъ образу жизни, въ теченіе долгаго времени не вводили у нихъ гражданскаго управленія, волокита и бюрократическія формы котораго не соотвѣтствовали этимъ полудикимъ, воинственнымъ народцамъ, требующимъ быстраго суда и расправы.

Одною изъ первыхъ и главнѣйшихъ заботъ администраціи въ завоеванномъ азіатскомъ краѣ считается водвореніе порядка, прекращеніе хищническихъ набѣговъ (аламановъ), пріученіе вольницы къ подчиненію и т. д. Безъ этого край оставался бы въ положеніи безпрерывной войны. А когда населеніе успокоится, начнетъ привыкать къ извѣстной дисциплинѣ, къ соблюденію установленнаго порядка, къ воздержанію отъ самоуправства вооруженною рукой, тогда наступаетъ время передать его въ руки гражданской власти, обязанной строго руководиться статьями закона. На Кавказѣ же, въ 1850 году, къ которому относится разсказъ автора „Очерковъ", мы были еще очень далеки отъ тѣхъ условій, какія требуются для прекращенія военнаго управленія. За Кавказомъ повсюду было и тогда уже гражданское управленіе, хотя въ уѣздахъ, населенныхъ Татарами, происходили такіе постоянные дерзкіе разбои, нападенія шайками, ограбленія почтъ и т. п., что можно было поставить большой вопросительный знакъ: не поторопились ли вводить тамъ это управленіе?

Слѣдуетъ сказать еще и то, что генералъ-маіоръ князь Эристовъ, при которомъ случилось разсказанное выше кисловодское происшествіе, былъ человѣкъ умный, достаточно образованный, прекраснаго характера, и, какъ Грузинъ, знакомый съ обычаями и нравами туземцевъ, ввѣренныхъ его управленію; такъ что его уже никакъ нельзя упрекнуть въ опрометчивости или презрительномъ отношеніи къ ихъ обычаямъ.—Онъ былъ впослѣдствіи атаманомъ доблестнаго кавказскаго казачьяго войска, затѣмъ Кутаискимъ генералъ-губернаторомъ и вездѣ оставлялъ по себѣ память добраго, привѣтливаго человѣка.

Многіе новѣйшіе посѣтители Кавказа, прослушавъ нѣсколько разсказовъ о происшествіяхъ и дѣлахъ давно минувшихъ дней, передаютъ ихъ въ печати какъ не подлежащіе сомнѣнію факты, сопровождая собственными выводами и заключеніями, и все это безъ оговорокъ, что „такъ мнѣ разсказывали, такъ, повидимому, можно заключить", а категорически, непререкаемо-авторитетно и часто впадаютъ въ ошибки. То же случилось и съ цитируемымъ авторомъ, что̀ однако не лишаетъ достоинствъ его интересныхъ разсказовъ, продолженія которыхъ читатели, безъ сомнѣнія, ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

А. Зиссерманъ.

С. Лутовиново.
Марта 1893.

Отъ Физико-Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

$^{10}/_{22}$ Октября 1893 г. исполнится столѣтіе со времени рожденія знаменитаго русскаго геометра Лобачевскаго.

Николай Ивановичъ Лобачевскій принадлежитъ несомнѣнно къ числу тѣхъ ученыхъ XIX столѣтія, работы которыхъ явились не только цѣннымъ вкладомъ въ науку, но и открыли ей новые пути.

Геніальнымъ умамъ, прокладывающимъ новые пути, часто приходилось отвергать положенія, считавшіяся до нихъ неоспоримою и нетребующею доказательства истиною.

Такая же почетная роль въ наукѣ вышла и на долю Н. И. Лобачевскаго, этого „Коперника геометріи", какъ назвалъ его покойный Клиффордъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Евклидъ построилъ безсмертное зданіе своей геометріи на немногихъ опредѣленіяхъ, аксіомахъ и постулатумахъ, принятыхъ имъ безъ доказательства, истина этихъ основаній геометріи не подвергалась сомнѣнію; всѣ усилія ученыхъ всѣхъ странъ и вѣковъ были направлены на сведеніе числа этихъ аксіомъ и постулатумовъ къ наименьшему; наука представляетъ, напримѣръ, цѣлый рядъ попытокъ вывести такъ-называемый постулатумъ Евклида о встрѣчѣ перпендикуляра и наклонной, какъ математическое слѣдствіе прочихъ опредѣленій, аксіомъ и постулатумовъ; истина самого постулатума не подвергалась сомнѣнію.

Лобачевскій первый увидѣлъ здѣсь вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только опытомъ и, прійдя къ убѣжденію, что, утверждая существованіе Евклидова постулатума, мы принимаемъ тѣмъ самымъ извѣстныя свойства нашего пространства, которыя могутъ быть провѣрены только путемъ опыта или наблюденія, показалъ возможность построенія геометріи безъ постулатума Евклида. Свою мысль Лобачевскій осуществилъ въ рядѣ мемуаровъ съ послѣдовательностью и точностью „истиннаго геометра", какъ выразился Гауссъ.

Этотъ „**princeps mathematicorum**" привѣтствовалъ работы Лобачевскаго еще въ 1846 г.; но привѣтствіе Гаусса прошло незамѣченнымъ и нужно было пройти еще извѣстному времени для того, чтобы высокое научное и философское значеніе работъ Лобачевскаго было признано всѣми. Такому признанію работъ Лобачевскаго способствовали труды многихъ первоклассныхъ ученыхъ нашего времени, которые выяснили между прочимъ, что геометрія Лобачевскаго для двухъ измѣреній представляетъ геометрію на поверхности съ постоянной отрицательною кривизною, а геометрія трехъ измѣреній даетъ понятіе о новыхъ протяженностяхъ, пространствахъ, имѣющихъ кривизну.

Изученіе геометріи Лобачевскаго или неевклидовой геометріи образовало въ послѣднія два десятилѣтія особую вѣтвь математическихъ знаній, имѣющую обширную литературу. Къ изслѣдованіямъ по геометріи Лобачевскаго примыкаютъ и составляютъ ихъ непосредственное продол-

женіе изслѣдованія по геометріи гиперпространствъ, которыя, бросая яркій свѣтъ на многіе вопросы геометріи, въ то же время являются незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи важнѣйшихъ вопросовъ анализа.

Высокому научному значенію изслѣдованій Лобачевскаго соотвѣтствуетъ не менѣе высокое философское значеніе. Съ одной стороны они открываютъ умозрѣнію новый вопросъ объ изслѣдованіи свойствъ пространства; съ другой стороны они бросаютъ новый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи нашихъ геометрическихъ аксіомъ и имѣютъ такимъ образомъ высокую важность для теоріи познанія.

Императорскому Казанскому Университету выпала завидная доля имѣть Лобачевскаго своимъ воспитанникомъ и своимъ сочленомъ; въ немъ Лобачевскій исполнялъ обязанности профессора съ 1812 по 1846 г. и ректора съ 1827 по 1846 г. Казанскому Университету Лобачевскій дорогъ не только по своимъ ученымъ трудамъ и своей преподавательской дѣятельности. Исторія жизни и работъ Лобачевскаго, говоритъ его біографъ, неразрывно связана съ исторіею нашего Университета; онъ былъ первый его питомецъ, занявшій профессорскую каѳедру; ему обязанъ Казанскій Университетъ постройкою лучшихъ зданій и организаціею библіотеки.

Физико-математическое Общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, не могло поэтому не обратить особеннаго вниманія на достойное ознаменованіе столѣтней годовщины дня рожденія великаго русскаго математика. Исходатайствовавъ Высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки для образованія капитала съ цѣлью увѣковѣченія имени Н. И. Лобачевскаго, оно обращается теперь къ ученымъ всѣхъ странъ и къ русскому обществу, дорожащему научной славою Россіи, съ просьбою принять участіе въ подпискѣ на составленіе капитала имени Лобачевскаго.

Смотря по величинѣ собранной суммы Общество предполагаетъ или учредить премію имени Лобачевскаго за ученыя сочиненія по математикѣ (преимущественно по тѣмъ отраслямъ ея, которыя находятся въ связи съ работами Лобачевскаго) или поставить его бюстъ въ зданіи Университета. Если предложеніе Общества вызоветъ сочувствіе, оно найдетъ возможнымъ осуществить и ту и другую цѣль и Казанскій Университетъ будетъ украшенъ изображеніемъ лица озарившаго его безсмертной славою и молодые ученые, посвятившіе себя любимой Лобачевскимъ наукѣ, найдутъ въ преміи его имени поддержку и одобреніе.

Предсѣдатель Физико-Математическаго Общества *А. Васильевъ.*

Товарищъ предсѣдателя Физико-Математическаго Общества *Ѳ. Суворовъ.*

Профессора чистой математики въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Взносы адресуются: *Казань, Физико-Математическое Общество.*

НОВЫЯ КНИГИ.

Въ теченіе февраля въ редакцію „Русскаго Обозрѣнія“ поступили слѣдующія книги:

Георгіевскій Г. Самочинное учительство. Мск. 1893 г.

Эдэмсъ и Кöннингэмъ. Швейцарія и ея учрежденія. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Геркулесъ-Рюрикъ О. Краткое объясненіе, что такое право и изложеніе исторіи русскаго права. Смоленскъ. 1893 г. Ц. 1 р.

Невзоровъ А. Опека надъ несовершеннолѣтними. Ревель 1892.

Желанскій А. Скамья и каѳедра. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50.

Пашковъ І. И. Силы природы. Москва. 1893 г.

Л—въ И. Т. Чего проситъ народъ? Москва. 1887.

Юшковъ Н. Матеріалы для исторіи русской литературы и театра. Казань. 1893 г.

Чеменъ И. А. Дарвинизмъ. Научныя изслѣдованія теоріи Дарвина. Одесса. 1893 г. Ц. 3 р. 50.

Янжулъ И. И. Въ поискахъ лучшаго будущаго. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 30 к.

Ефимовъ А. Метеоръ. Стихотв. Спб. 1893 г.

Къ исторіи вопроса о принятіи схизматиковъ въ православную Церковь. Мск. 1892 г.

Башмаковъ А. А. Учрежденія о курляндскихъ крестьянахъ 25 августа 1817 г. Либава. 1892 г.

Докучаевъ В. Къ вопросу о почвенно-геологическихъ изслѣдованіяхъ Полтавской губ.

Ломоносовъ П. Запросы современнаго сельскаго хозяйства къ естествознанію.

Списокъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи въ 1893 г. Мск. 1893 г. Ц. 50 к.

Сборникъ Саратовскаго земства. 1893 г. Саратовъ. 1893 г.

Отчетъ лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ. Полтава. 1892 г.

Журналъ съѣзда производителей табака-махорки въ г. Лохвицѣ. Кіевъ. 1892 г.

охотно истолковывалъ ихъ и примѣнялъ въ такомъ смыслѣ, при которомъ они не были бы отяготительны. Образъ дѣйствій, обозначившійся съ первыхъ же дней его регентства, состоялъ въ томъ, чтобъ опираться на сенатъ, слишкомъ дотолѣ пренебрегавшійся христіанскими императорами и справедливо оскорблявшійся ихъ недовѣріемъ и презрѣніемъ. Стилихонъ даже подалъ старому Риму надежду, что онъ возвратитъ въ его стѣны императора и столицу имперіи [1], съ цѣлію вновь оживить императорскую власть великими воспоминаніями Вѣчнаго Города. Всѣ привѣтствовали этотъ неожиданный конецъ гражданскихъ раздоровъ, и утомленныя партіи приняли перемиріе; обѣ арміи, еще находившіяся налицо, положили оружіе, и Италія вздохнула свободно.

Но Стилихонъ обѣщалъ болѣе, нежели могъ исполнить, и послѣдствія слишкомъ хорошо подтвердили это; ему было необходимо быстрое успокоеніе Италіи для того, чтобы получить свободу дѣйствій по отношенію къ Востоку. Движимый честолюбіемъ, не лишеннымъ патріотизма, онъ желалъ свое личное дѣло обратить въ дѣло императора, арміи, сената и всего Запада.

[1] Въ III и IV вѣкахъ резиденціей западныхъ императоровъ по большей части былъ Миланъ. Въ 401 г. она перенесена была въ Равенну. *Прим. ред.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Руфинъ.

Женитьба Гонорія. — Руфинъ хочетъ выдать дочь свою за Аркадія.—Франкъ Бауто и дочь его Евдоксія.—Евнухъ Евтропій.—Портретъ Евдоксіи.—Вторженіе Гунновъ.—Руфинъ вступаетъ въ переговоры съ Готами. — *Міръ варваровъ и романизмъ.* — Аларихъ. — Готы подходятъ къ воротамъ Константинополя; они водворяются въ восточной Иллиріи. — Стилихонъ вооружаетъ варварскую армію, чтобы сразиться съ Готами; описаніе его арміи.—Посольство Аркадія къ Стилихону.—Гайнасъ.—Заговоръ Гайнаса и Стилихона. — Отступленіе обѣихъ армій.

395.

Помолвка Гонорія и Маріи, совершенная у смертнаго одра Ѳеодосія, была ловкимъ дѣломъ Стилихона и Серены, наперерывъ докучавшихъ въ послѣднія минуты умирающему. Ѳеодосій, имѣвшій достаточныя основанія опасаться за будущность столь юнаго сына, видѣлъ въ этомъ предполагаемомъ союзѣ новый долгъ покровительства, возлагаемый на опекуна, новыя узы — узы родственныхъ чувствъ между нимъ и его воспитанникомъ. Какъ только Ѳеодосій далъ свое согласіе, Серена стала неотступно хлопотать, чтобы помолвка была совершена при жизни императора. Гонорію, какъ мы уже сказали, не было двѣнадцати лѣтъ; Марія была еще моложе, и Клавдіанъ рисуетъ намъ въ граціозныхъ стихахъ ея нѣжное и цвѣтущее лицо, обрамленное длинными каштановыми волосами [1]. Приведенныя въ богатомъ убранствѣ къ смертному одру, удивленныя дѣти оба обмѣнялись, согласно обычаю, кольцами и повторили тѣ слова, которыя ихъ заставили проговорить; затѣмъ они удалились въ молчаніи, чтобы не мѣшать приготовленіямъ къ смерти. Казалось, что обѣ эти

---

[1] . . . Non labra rosae, non colla pruinae,
Non crines aequant violae...
Claud., de Nupt. Honorii et Mariae, v. 265-266.

церемоніи почти слились въ одну, и факелъ паранимфа [1] могъ присоединиться къ факеламъ похороннаго шествія.

Этотъ союзъ, благодаря которому Стилихонъ становился болѣе, чѣмъ регентомъ Запада, и болѣе, чѣмъ опекуномъ монарха, въ высшей степени возбудилъ зависть Руфина. Префектъ Востока также задумалъ сдѣлаться тестемъ императора — и безъ отлагательства, потому что Аркадій, въ противоположность своему брату, уже достигъ зрѣлости, а у него самого была дочь невѣста [2]. Онъ заставилъ приближенныхъ внушать юному императору мысль жениться на этой дѣвушкѣ. Самъ же онъ, изъ властительнаго министра вдругъ превратившись въ покорнаго и послушнаго подданнаго, осыпалъ монарха такими ласками и лестію, такъ обошелъ его различными способами, что Аркадій, котораго нисколько не безпокоила мысль о женщинахъ и который въ предлагаемомъ ему бракѣ видѣлъ только политическое средство, далъ свое согласіе въ одну изъ минутъ своей полудремоты. Руфинъ былъ въ восхищеніи; но онъ не принялъ въ разсчетъ дворцовыхъ евнуховъ, а въ особенности Евтропія, своего постояннаго и смертельнаго врага [3]. Въ самое это время одно важное дѣло въ высшей степени не кстати вызвало его въ столицу Сиріи, и евнухи воспользовались этимъ временемъ для того, чтобы прекратить завязавшіеся переговоры.

Въ Константинополѣ, въ одномъ домѣ, враждебномъ Руфину, а потому и посѣщаемомъ Евтропіемъ, жила сирота рѣдкой красоты [4], дочь одного Франка, военачальника, нѣкогда пользовавшагося большимъ расположеніемъ при византійскомъ дворѣ, Бальда или Бальта, котораго Римляне называли Бауто [5]. Варваръ этотъ, одинъ изъ самыхъ честныхъ и храбрыхъ, когда-либо служившихъ Имперіи, прошедши всѣ почести до самаго консульства, которое онъ раздѣлялъ въ 385 году съ Аркадіемъ, уже августомъ, вдругъ былъ похищенъ преждевременною смертію и оставилъ послѣ себя безъ всякой поддержки этого ребенка, котораго пріютилъ и воспиталъ въ своемъ домѣ одинъ изъ друзей его.

[1] Παρανυμφεύς, дружка жениха, сопровождавшій его. *Пр. ред.*

[2] De hoc per quosdam inservientes principi secreto mentionem injicit Zosim., V, 1.

[3] Eutropius, unus ex inservietibus Imperatori eunuchis. Zosim., V, 3.

[4] Horum alter apud se virginem habebat eximia pulchritudine spectabilem. Zosim., V, 4.

[5] Erat Bauto natione barbarus. Philostorg, XI, 6.

Этотъ другъ Бауто былъ не кто иной, какъ сынъ того начальника пѣхоты, Промота, котораго Руфинъ предалъ измѣннически варварамъ въ отмщеніе за пощечину, и конечно, сынъ не внушалъ своей питомицѣ особенно нѣжныхъ чувствъ къ убійцѣ своего отца. Это обстоятельство, по всей вѣроятности, и заставило Евтропія рѣшиться при выборѣ отдать ей предпочтеніе передъ другими, которыя могли красотою равняться ей или превосходить ее. Портретъ, какъ бы случайно оставленный у Аркадія, задѣлъ любопытство молодаго человѣка [1]; ему захотѣлось узнать, чье было это изображеніе, отъ котораго онъ не могъ оторвать своихъ взоровъ. Разсказы Евтропія мало-по-малу воспламенили его воображеніе; онъ почувствовалъ, что въ немъ зарождаются невѣдомыя желанія [2], и евнухамъ не стоило большаго труда убѣдить его, что на престолѣ цезарей болѣе умѣстна такая императрица, нежели внучка эозскаго башмачника.

Интрига была завязана въ такой тайнѣ, что Руфинъ, по своемъ возвращеніи изъ Сиріи, не имѣлъ о ней ни малѣйшаго подозрѣнія; онъ оставался въ спокойной увѣренности, разсчитывая на замужество своей дочери, и торопилъ Аркадія назначить время бракосочетанія [3]. Монарху, подученному руководителями евнухами, удалось совершенно усыпить министра въ то время, какъ преднамѣренная нескромность въ сохраненіи тайны и искусно распространяемые по городу толки о предстоящей женитьбѣ возбуждали противъ министра жителей Константинополя. Такая смѣлость выскочки, желавшаго примѣшать свою кровь къ крови Ѳеодосія, показалась всѣмъ верхомъ безчестія для молодаго августа, верхомъ наглости по отношенію къ имперіи. Жалѣли Аркадія, котораго слабость еще и преувеличивали; проклинали предосудительное насиліе опекуна надъ своимъ воспитанникомъ, потому что никто не вѣрилъ, чтобы монархъ соглашался на этотъ бракъ добровольно [4].

Городское населеніе такимъ образомъ находилось въ достаточномъ возбужденіи, когда 27 апрѣля 395 года, евнухъ Евтропій досталъ изъ гардеробной дворца мантію императрицы и вмѣ-

---

[1] Monstrata puellae imagine .. Zosim., V, 4.

[2] Perque hanc Arcadio majus ad desiderium incitato. Zosim., V. 4.

[3] Rufino eorum ignaro, quae tractarentur, et existimante tantum non propediem filiam suam principi nupturum... Zosim., V, 4.

[4] Quid haberet in animo conjiciebant omnes; et odium commune Adversus eum augescebat. Zosim., V, 3.

стѣ съ великолѣпными женскими уборами и драгоцѣнностями приказалъ разложить на носилкахъ на дворцовомъ дворѣ передъ воротами такъ, чтобъ онѣ бросались всѣмъ въ глаза и привлекли толпу [1]. Носилокъ было много; цѣлая армія слугъ въ богатыхъ одеждахъ собралась нести и сопровождать ихъ: то былъ богатый свадебный подарокъ, и никто не сомнѣвался, что онъ предназначенъ для дочери Руфина. А потому, когда шествіе двинулось по городскимъ улицамъ, запруженнымъ любопытными, вокругъ слышались только ропотъ и оскорбительныя насмѣшки надъ министромъ и надъ женихомъ и невѣстою. Евтропій шелъ впереди, выступая важно, съ достоинствомъ, подобающимъ посланнику [2]. Велико было изумленіе, когда увидѣли, что онъ направился не по той улицѣ, которая вела къ дому министра, и остановился передъ домомъ Промота [3]. Въ толпѣ раздались общіе клики радости; евнухъ, подготовившій эту неожиданность, подалъ знакъ къ веселію; въ одно мгновеніе городъ разукрасился цвѣтами какъ бы для празднества самаго радостнаго [4]. Всю ночь продолжались пляски и всякаго рода увеселенія: вотъ какъ узналъ Руфинъ имя той, которая должна была сдѣлаться его императрицею [5].

Происходившая изъ племени зарейнскихъ Франковъ, дочь Бауто, хотя и была воспитана въ Константинополѣ, но сохранила черты природной грубости вмѣстѣ съ блестящею красотою дочерей сѣвера. Она была надменна, смѣла, повелительна, и современные ей историки называютъ ее „варваркой“ [6]. Хотя Бауто былъ всю жизнь язычникомъ, и язычникомъ ревностнымъ, и велъ откровенную братскую переписку съ Симмахомъ, но другъ Θеодосія былъ настолько благоразуменъ, что не желалъ сдѣлать изъ своей дочери поклонницу Тора или Фреи; онъ далъ ей строго-христіанское воспитаніе православнаго исповѣданія, и она получила при крещеніи имя Евдоксіи. Прекрасная дочь Франка впослѣдствіи даже внесла въ религію, чуждую ея предкамъ, ту

---

[1] Vestem, quae principem deceret, et mundum e regia sumpsit, eaque gestanda ministris Imperatoris dedit. Zosim., V, 3.

[2] Eunuchus... populo praeeunte per urbem mediam incedit. Ratis autem omnibus, haec Rufini filiae dotum iri... Zosim., V, 3.

[3] Promoti domum cum donis sponsalitiis intrant. Zosim., V, 3.

[4] Tripudiare populum et sertis uti... jubet. Zosim.. V, 3.

[5] Quaenam principis futura conjux esset, ostenderunt. Zosim.. V, 3.

[6] Inerat ei nonnihil barbaricae audaciae. Philostorg., XI, 6.

страсть къ преніямъ и къ богословскимъ притязаніямъ, которыя не разъ возмущали миръ въ церкви [1]. Въ настоящую же минуту она заботилась только о томъ, какъ бы овладѣть сердцемъ супруга для того, чтобы властвовать вмѣстѣ съ нимъ или чрезъ него, сначала свергнуть Руфина, стоявшаго у нея поперекъ дороги, а потомъ избавиться и отъ Евтропія, недавнее покровительство котораго ей было непріятно.

Для всякаго другаго, кромѣ Руфина, такое пораженіе было бы полнымъ; всякій другой пришелъ бы къ заключенію, что слишкомъ неравна борьба противъ любви, которая составила заговоръ въ союзѣ съ коварствомъ, и поспѣшилъ бы укрыть свою голову и имущество въ какой-нибудь отдаленной провинціи; но префектъ Аркадія былъ не таковъ, чтобы постыдно отступить передъ женщиной и передъ евнухами. Хорошо понимая своего воспитанника, онъ зналъ, что въ немъ было чувство болѣе могущественное, нежели любовь, а именно — трусость. Евнухи воспользовались первымъ: онъ рѣшился извлечь пользу изъ втораго и стать для императора и имперіи еще болѣе необходимымъ, чѣмъ когда-либо.

Между гражданами Востока и Запада существовалъ одинъ жгучій вопросъ, а именно - вопросъ о восточной Иллиріи: Руфинъ и воспользовался имъ, какъ хорошимъ средствомъ для того, чтобъ возстановить свою популярность въ Константинополѣ и необходимость своего присутствія во дворцѣ. Можно было опасаться со стороны Запада, быть можетъ, и попытокъ возвратить эти прекрасныя провинціи вооруженною рукою; не стѣсняясь, онъ раздувалъ опасенія и угрожающую бѣду и торопилъ Аркадія занять войсками Ѳессалію или Эпиръ, пока Стилихонъ еще не успѣлъ принять мѣръ съ своей стороны для ихъ занятія [2]. Для того нужны были войска и деньги, а у Аркадія совсѣмъ не было ихъ, потому что отборная часть восточной арміи послѣдовала за Ѳеодосіемъ въ Италію, а казна Константинополя, взятая съ собою покойнымъ императоромъ, находилась также какъ и византійскіе легіоны, въ распоряженіи правителя Запада. Половина фондовъ, оставленныхъ Ѳеодосіемъ, неоспоримо составляла собственность восточнаго императора, а потому Руфинъ именемъ

[1] Смотри мои разсказы, озаглавленные: *Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія.—Несторій и Евтихій.*

[2] Зосима упоминаетъ о римскихъ начальникахъ, назначенныхъ Аркадіемъ въ эту префектуру. Zosim , V, 5.

своего государя потребовалъ ея выдачи, равно какъ и обратной высылки восточныхъ полковъ [1]. Аркадій поспѣшилъ самъ написать объ этомъ брату, но его письма, также какъ и письма его министра, оставлялись почти безъ отвѣта. Стилихонъ прикрывалъ отказъ помощію увертокъ, достойныхъ смѣха; но вынужденный наконецъ объясниться, объявилъ, что положеніе Италіи еще не дозволяетъ ему раздѣлить свои силы, когда же наступитъ для того время, онъ лично явится въ Константинополь вручить самому императору его долю денегъ и войскъ и выполнить обязательства, принятыя имъ предъ лицомъ умирающаго Ѳеодосія относительно попечительства надъ обоими его сыновьями [2].

Это именно и устрашало Аркадія, равно не желавшаго имѣть опекуна ни на Западѣ, ни на Востокѣ; того же опасался и Руфинъ, который представлялъ себѣ побѣдоносное появленіе въ Константинополь Стилихона, распорядителя казною, войскомъ, а потомъ и императоромъ, позорно изгоняющимъ его самого, чтобы распространить свое главенство надъ обѣими половинами имперіи. При одной мысли объ этомъ онъ трепеталъ отъ ярости. Ему оставалось только одно средство: ускорить ходъ событій на Востокѣ, пока важныя затрудненія еще удерживали Стилихона въ Италіи, и Руфи задумалъ окружить Аркадія такими затрудненіями и страхами, чтобы и государь и подданные были вынуждены прибѣгнуть къ его защитѣ и считать его своимъ заступникомъ [3].

Граница Восточной Имперіи, между Меотійскимъ Болотомъ [4] и Каспійскимъ моремъ, отдѣляла ее отъ варварскихъ народовъ, легко сдерживаемыхъ римскими гарнизонами, хотя и слабыми. Эти народы или, вѣрнѣе, эти племена, принадлежали къ обширному союзу Гунновъ, которые, расположившись на Уралѣ, достигали на западѣ береговъ Прута и Дуная [5]. Орды, оставшіяся близъ

---

[1] . . . . Quascumque paravit
Hic Augustus opes, et quas post bella recepit,
Solus habet, possessa semel non reddere curat.
Claud., In. Ruf., II. v. 156 seqq.

[2] Ad Arcadium proficisci cogitabat... Quippe dicebat ab Theodosio morituro sibi datum in mandatis, ut omni cura principem utrumque complecteretur. Zosim., V, 4.

[3] Quid restat, nisi cuncta novo confundere luctu...? Claud., *In. Ruf.*, II, v. 17.

[4] Т. е. Азовскимъ моремъ. *Пр. ред.*

[5] Объ этомъ смотри мою *Исторію Аттилы и его преемниковъ*, т. 1.

Кавказа, тревожили съ этой стороны римскую границу, не осмѣлившись однако переступать ее. Руфинъ придалъ имъ смѣлости на это, внезапно снявъ римскіе посты и тайно возбуждая варварскихъ вождей деньгами и приманкой грабежа [1].

Сначала проникло нѣсколько шаекъ, за ними—другія, и наконецъ совершилось настоящее нашествіе, поощряемое безнаказанностью. Арменія, Понтъ, Каппадокія и Киликія, лишенныя защитниковъ, были пройдены безъ препятствій, и повозки кочевниковъ потянулись до береговъ Оронта. Невыразимый ужасъ охватилъ всю римскую Азію; слабое сирійское населеніе бѣжало, подобно стадамъ ланей, предъ этимъ непріятелемъ столь же отвратительнымъ, какъ и свирѣпымъ; населеніе Каппадокіи и Киликіи спѣшило укрыться въ ущельяхъ своихъ горъ [2]. Вопль отчаянія, раздавшійся отъ одного края Востока до другаго, достигъ слуха Аркадія, который не могъ отозваться на него ни присылкой войскъ, ни денежной помощію. Онъ посылалъ Стилихону письмо за письмомъ, умоляя, угрожая, требуя возвратить ему его достояніе—и вмѣсто всякаго удовлетворенія столь справедливыхъ его требованій Стилихонъ обвинялъ Руфина въ томъ, что онъ самъ призвалъ варваровъ и замышляетъ паденіе своего повелителя. Несчастный Аркадій, тѣснимый нуждой, осаждаемый подозрѣніями, жертва борьбы Стилихона съ Руфиномъ, недоумѣвая, кому довѣриться, кончилъ тѣмъ, что облобызалъ руку, уже его угнетавшую. Напрасно Евтропій, въ которомъ юный монархъ видѣлъ пока только способнаго посредника въ любовныхъ дѣлахъ, старался удержать его [3]; двойной страхъ передъ Гуннами и Стилихономъ возвратилъ Аркадія снова подъ иго, и префектъ преторіи сталъ еще полновластнѣе.

Но по его мнѣнію, этого полновластія было все еще недостаточно. Чувствуя, что онъ никогда не вырветъ у Стилихона того, что̀ судьба такъ кстати отдала ему во власть, и понимая все

---

[1] Per idem tempus Hunni Barbari Armenium et alias regiones Orientalis Imperii devastarunt. Dicebatur Rufinus praefectus praetorio per Orientem. eos canculum evocasse ad perturbandum Imperii statum.

Sozom , VIII, 1.—Socrat., VI, 6.—Claud., *In. Ruf.*, II, v. 22, seqq.

[2] Hunni in Orientis provincias effusi per majorem Armeniam irruerunt. Exinde Euphratensem aggressi ad Coelesyriam usque penetrarunt et percursa Cilicia incredibilem hominum caedem perpetrarunt. Philostorg., XI.

[3] Eutropius, opera Stilichoni navata in omnibus quae contra Rufinum ille machinatus fuerat. Zosim., V, 8.

безсиліе гражданскаго чиновника въ борьбѣ съ военнымъ вождемъ, Руфинъ пожелалъ имѣть тоже свою армію и полководца, достойнаго противостать регенту Запада. Этимъ полководцемъ и этою арміею могли быть только варвары; поэтому онъ обратилъ свои взоры на Мизію, гдѣ стояло лагеремъ почти у самыхъ воротъ Константинополя племя Визиготовъ, принятое Валентомъ въ силу гостепріимства на римскую территорію, когда они бѣжали въ 375 году, гонимые двинувшимися Гуннами. Визиготы не всегда оказывали благодарность за благодѣяніе, полученное ими отъ имперіи, и, надо сказать правду, римское гостепріимство не было къ нимъ достаточно человѣчно и почтительно. Доведенные до крайности невыносимымъ обращеніемъ, Готы возмущались неоднократно; они осаждали Константинополь, и Валентъ погибъ въ борьбѣ съ ними [1]. Нуженъ былъ побѣдоносный мечъ Ѳеодосія, чтобъ обратить къ покорности этихъ неуживчивыхъ гостей, и его политическая ловкость, чтобъ умиротворить ихъ. Укрощенные силой его характера, они стали скорѣе его личными друзьями, нежели друзьями имперіи; поэтому ихъ лучшіе отряды оспаривали честь слѣдовать за нимъ на войну, которую онъ предпринималъ противъ тирана Евгенія [2].

Экспедиція эта освѣтила достоинства и храбрость одного вождя, тогда еще неизвѣстнаго, но чья грозная слава впослѣдствіи должна была помрачить всѣ прежніе успѣхи варваровъ. Онъ назывался Аларихомъ, и всенародною волей Готовъ только-что былъ провозглашенъ верховнымъ вождемъ ихъ. На него-то Руфинъ обратилъ свои взоры, намѣреваясь сдѣлать его орудіемъ своего вѣроломства; онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, и въ то самое время, какъ старался расположить варвара къ своимъ замысламъ, послалъ въ восточную Иллирію избранныхъ лицъ, обязанныхъ замѣстить на всѣхъ отвѣтственныхъ постахъ чиновниковъ этой провинціи. Эти лица были по большей части люди темные, преданные интересамъ префекта. Такимъ образомъ, проконсульство Ахаіи и защита Ѳермопилъ достались сыну ритора Музонія, а охрана Коринѳскаго перешейка другому авантюристу, Геронтію, не менѣе своего товарища чуждому дѣламъ административнымъ и военнымъ. Отдавъ такимъ образомъ оба ключа, и отъ Пелопоннеза и отъ Ѳессаліи, въ руки, готовыя

---

[1] Ammian. Marcell. XXXI, passim.

[2] Alaricus... cum Theodosio tyrannidem Eugenianam everterat. Zosim, V, 5.

по первому его знаку отпереть и замкнуть Грецію [1], Руфинъ завязалъ переговоры съ Готами.

Этотъ міръ варваровъ, который вступилъ въ сферу *романизма*, какъ выражались тогда, и которому предстояло, въ качествѣ друзей или враговъ, включить въ себя римское общество,—этотъ своеобразный міръ представлялъ въ своемъ смѣшеніи типы безконечно-разнообразные, начиная съ героическаго Стилихона, Франка Меробода, воина и поэта, заслужившаго въ Римѣ статую рядомъ съ Клавдіаномъ, или Гота Фравитты, образца изящества и аттицизма, до грубаго язычника Саула и Гота Саруса, кровожаднаго великана, котораго принуждены были ловить сѣтью, какъ дикаго звѣря, когда хотѣли убить его [2]. Аларихъ представлялъ промежуточный типъ, равно далекій отъ обѣихъ этихъ крайностей. Рожденный на островѣ Певкѣ при устьѣ Дуная, онъ происходилъ изъ священнаго племени Балтовъ, или *Отважныхъ*, изъ котораго Визиготы избирали своихъ королей; и съ самаго дѣтства, какъ бы для того, чтобъ отмѣтить развивавшуюся въ немъ отличительную черту—предпріимчивость, его называли Балтомъ, отважнымъ по преимуществу [3]. Еще въ ранней юности онъ былъ свидѣтелемъ великихъ катастрофъ, пережитыхъ Визиготами: бѣгства ихъ отъ Гунновъ, переселенія въ римскіе предѣлы, ихъ бѣдствій, мщеній и пораженій; онъ раздѣлялъ съ народомъ своимъ его странствованія до того самаго дня, когда могучая рука Θеодосія заключила ихъ въ одну изъ областей Панноніи. Этотъ императоръ, которому варвары служили охотно, отличилъ его и поручилъ ему довольно важное начальствованіе въ войнѣ противъ Евгенія [4], а затѣмъ забылъ о немъ.

Балтъ удалился съ уязвленнымъ сердцемъ, и досада его только ожесточилась еще болѣе, когда онъ увидѣлъ, что императорскія милости сыпались на тѣхъ изъ варваровъ, которые были менѣе достойны, нежели онъ: на Гайнаса, Саула, Саруса; съ этого времени онъ задумалъ самъ вознаградить себя за свои заслуги [5].

---

[1] Dum facilem irruentibus barbaris Graeciae vastationem efficere nititur. Zosim., V, 5.

[2] О Мерободѣ смотри мою *Исторію Галліи подъ римскимъ владычествомъ*, т. III.—Factum... graecum, non indole duntaxat et moribus, sed etiam vitae instituto. Zosim, V, 20 —Borbaro et pagano duci, Sauli. Oros , VI, 37.

[3] Jornand., de Reb. Getic., 14 et 19.

[4] Alaricus, qui foederatus erat Romanorum et qui Imperatori Theodosio in bello contra Eugenium tyrannum auxilio fuerat. Socrat., VII., 10.

[5] Marcel. Com., *Chron.*, an. 395.

Въ такомъ-то настроеніи находился онъ, когда интриги восточнаго двора доставили ему случай, котораго онъ искалъ. Честолюбіе его въ это время ограничивалось лишь желаніемъ получить, подобно другимъ германскимъ вождямъ, военное управленіе округомъ. Аларихъ однако не былъ изъ числа людей, способныхъ такъ ограничить свои желанія: совершенно въ противоположность Стилихону, Балтъ не требовалъ отъ цивилизаціи ничего, кромѣ того, что̀ могло бы возвеличить варвара, и безпокойный умъ его не мечталъ ни о чемъ, кромѣ приключеній и завоеваній.

Такимъ образомъ, когда посланные Руфина разыскали его среди его военныхъ поселеній и предложили ему деньги, которыя могли ему понадобиться для выполненія плановъ министра, Аларихъ затрепеталъ, какъ левъ, при видѣ добычи, пробужденный въ своемъ логовищѣ. Сдѣлка между этими двумя людьми была заключена легко: [1] ниже увидимъ, въ чемъ она заключалась. Какъ только Аларихъ изъявилъ свое согласіе, тотчасъ же онъ началъ жаловаться на несправедливости покойнаго императора еще съ большей горечью, чѣмъ когда-либо прежде, и говорить объ удовлетвореніи, которое обязанъ былъ дать сынъ Ѳеодосія какъ ему, такъ и его народу. Въ то время, когда эти жалобы и эти угрозы возбуждали Готовъ въ ихъ станѣ, необычайное движеніе варваровъ, чуждыхъ этому племени, обнаружилось на лѣвомъ берегу Дуная, русло котораго, скованное зимними морозами, представляло тогда твердый помостъ. [2]

Многочисленныя шайки Гунновъ, Алановъ и Сарматовъ появлялись со своими повозками, пытаясь и днемъ и ночью переправиться черезъ рѣку, и говорили, что Аларихъ призываетъ ихъ [3], и что они идутъ соединиться съ Визиготами Мизіи для набѣга, который доставитъ имъ большую добычу. Такимъ образомъ множество грабителей, превосходившихъ дикостію другъ друга, стали подъ знамена Готовъ. Вскорѣ Аларихъ подалъ знакъ къ выступленію. Его приготовленія совершились предъ глазами удивленныхъ жителей провинціи съ поспѣшностью чрезвычайною, прежде нежели какое-либо римское войско успѣло занять Гемусъ.

[1] Secreto Alarico Rufinus significat. Zosim. V, 5.

[2] ... Alii per terga ferocis
Danubii solidata ruunt... Claud., *In Ruf*, II, v. 26—27.

[3] Collecticios diversarum gentium milites ulterius ducere. Zosim. V, 5.

Такъ распорядился Руфинъ, чтобы неожиданность была полнѣе, защита невозможнѣе, а ужасъ въ Константинополѣ живѣе. Пройдя Сукскій проходъ и не останавливаясь долго для грабежа, Аларихъ обрушился на Ѳракію [1]. Затѣмъ подвигаясь нѣсколько дней по обильнымъ полямъ, чрезъ которыя велъ путь къ столицѣ, онъ остановился тамъ съ большей частію своего войска, а передовые отряды послалъ разбивать стѣны Константинополя, который онъ намѣревался не осаждать, а только устрашить. Вѣрные исполнители его приказаній, готскіе развѣдчики произвели большое опустошеніе и много шуму, угнали скотъ, перебили землепашцевъ, нанесли оскорбленія женщинамъ [2] и довели свою дерзость до того, что рѣшились пускать стрѣлы въ самую столицу черезъ ея стѣны. Одна шайка бросилась со стороны гавани, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ атаковать городъ, другія же, казалось, напротивъ готовились къ приступу съ твердой земли. Внутри Константинополя подумали, что эти смѣлые наѣздники опередили непріятельскую армію только на нѣсколько часовъ, и ужасъ овладѣлъ всѣми жителями отъ мала до велика.

Однакоже были сдѣланы попытки людьми, достойными этого имени, оказать нѣкоторое сопротивленіе. Одни отправились въ гавань, чтобы снять съ якорей суда и связать ихъ вмѣстѣ на подобіе плотовъ; [3] еще бо́льшее число усѣяло стѣны, но метательные снаряды оказались въ неисправности, военныхъ запасовъ не было, и не было ни одного вождя, чтобы принять начальство. Въ то время, когда сенатъ совѣщался въ смятеніи, а императоръ въ покояхъ дворца укрылся въ объятіяхъ своихъ евнуховъ и жены, Руфинъ поднялся на высокую башню, откуда взору далеко открывалась окрестность и, какъ говорятъ, внимательно наблюдалъ оттуда все происходившее. Онъ слѣдилъ взоромъ съ одной стороны за варварами, рыскавшими по селамъ, угрожавшими городу, убивавшими и поджигавшими безпрепятственно; [4] съ другой -- за неумѣлой, растерянной толпою, волновав-

---

[1] Barbari Thraciam devastabant. *Histor. eccles. Tripart.*, X, 24. -Thraciam vastantes percurrerunt. Niceph., XIII, 35.

[2] Impia vicini cernit spectacula campi;
Vinctas ire nurus... Claud., *In Ruf.*, II, л. 63—64.

[3] Hi junctis properant portus munire carinis.
Claud., *In Ruf.*, II, VI, 60.

[4] Barbari qui cum Alarico erant, quidquid obvium fuisset, igni ferroque vastantes. Socrat., VII, 10.—Niceph., XIII, 35.

шеюся внутри города, и могъ самъ судить о силѣ первыхъ, и о страхѣ и безсиліи второй. Увѣряютъ, будто бы при видѣ дорогаго ему врага, [1] какъ выражались его современники, увлеченный порывомъ радости, онъ нѣсколько разъ разражался хохотомъ. Спустившись съ своего наблюдательнаго поста, онъ сталъ объѣзжать городъ, съ видомъ мрачнымъ и озабоченнымъ, что̀ еще болѣе умножало общую тревогу, и на вопросы, сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ, онъ отвѣчалъ: „Я пойду къ Аларпху; только я могу стать лицомъ къ лицу съ этимъ варваромъ, и я отважусь на это для спасенія государства“ [2].

Вскорѣ разносится слухъ, что Руфинъ вооружается и собирается выступить съ отрядомъ преданныхъ друзей. Дѣйствительно, строятся самые горячіе его сторонники и его многочисленные кліенты, вооруженные, собранные подъ его знамя и представляющіе нѣчто въ родѣ легіона; самъ онъ занимаетъ мѣсто среди нихъ. Онъ садится на боеваго коня и любезно показызываетъ толпѣ свое воинственное лицо и свой станъ, величіе котораго еще болѣе выступаетъ отъ богатаго варварскаго одѣянія, потому что вмѣсто римской одежды, военной туники, или скорѣе тоги, въ которую онъ долженъ былъ бы облечься, какъ гражданскій сановникъ, министръ Аркадія надѣлъ на себя нарядъ готскаго вождя. Мѣховой казакинъ запахивался у него на груди, тяжелый колчанъ висѣлъ за плечемъ, а въ правой рукѣ онъ держалъ громадный лукъ, который звенѣлъ, потрясаемый имъ. [3] При видѣ этого римскаго префекта, наряженнаго варваромъ и важно красующагося въ этой овечьей шкурѣ, словно въ уборѣ болѣе достойномъ воина, нежели римская кираса, многіе изъ зрителей отвернулись съ негодованіемъ. „До чего пала имперія!“ говорили они, вздыхая. „Вотъ человѣкъ, ѣздившій въ колесницѣ консула, совершающій правосудіе надъ Римлянами — и онъ не краснѣетъ, принимая грубые обычаи Гетовъ. Онъ промѣнялъ на ихъ позорный нарядъ латинскую тогу, это благородное украшеніе Римлянина! Попраннымъ законамъ остается только стонать въ рукахъ сановника, одѣтаго въ звѣриную шкуру.“

[1] ...Corum sibi non abnuit hostem. Claud., *In Ruf.*, v. 72.

[2] Jactabatque ultro quod soli castra paterent. Claud., *In Ruf.*, II, v. 73.

[3] ...Revocat fulvas in pectore pelles,
Frenaque, et immanes pharetras, arcusque sonoros
Assimulat...
Claud, *In Ruf.*, II, v. 79, et seqq.

Такимъ ропотомъ присутствующіе обмѣнивались между собою въ полголоса; таились изъ боязни тирана; таились также и потому, что многіе видѣли въ немъ единственнаго человѣка, который могъ спасти государство.

Префектъ и его спутники гордо помчались въ поле, которое они могли проѣхать, не будучи обезпокоены непріятелемъ, и здраво и невредимо прибыли въ лагерь Готовъ. Возвратившись въ Константинополь, они привезли новость, что Аларихъ, уступая вліянію Руфина, обѣщалъ оказать уваженіе столицѣ имперіи, и что онъ даже немедленно очиститъ область Ѳракіи. Сообщеніе было вѣрно, и отступленіе варваровъ уже началось, но вмѣсто того, чтобы возвратиться въ свои поселенія въ Мизіи, они большими переходами двинулись по направленію къ Македоніи [1]. Въ силу договора съ Руфиномъ, Аларихъ, въ качествѣ союзника имперіи, шелъ для занятія гарнизонныхъ постовъ въ восточной Иллиріи. Итакъ войско его—или вѣрнѣе его народъ, потому что онъ велъ съ собою все населеніе—вступилъ въ Македонію, а затѣмъ въ Ѳессалію, распоряжаясь тамъ, какъ въ завоеванной странѣ [2], и европейская Греція, какъ и азіатская, вскорѣ представляла только зрѣлище опустошенія и развалинъ [3].

Когда эти извѣстія достигли Милана и Рима, дворъ, сенатъ и весь народъ сильно встревожились. „Отдать варварамъ восточную Иллирію“, говорили Италійцы, „значитъ угрожать намъ, потому что провинція эта прилегаетъ къ нашимъ предѣламъ. Алариху и его Готамъ остается сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы явиться передъ Римомъ“. Эти опасенія были справедливы, но Стилихонъ, хорошо знавшій дѣйствующихъ лицъ драмы, разыгрываемой на Востокѣ, угадалъ обратную сторону интриги. Онъ понялъ, что Руфинъ желалъ имѣть воина, котораго могъ бы противопоставить ему, и что посылая къ предѣламъ Италіи варвара, военная слава котораго была уже велика и который располагалъ храбрымъ народомъ, Руфинъ хотѣлъ создать западной политикѣ

---

[1] Alaricus e Thracia discedit, et Macedoniam Thessaliamque progreditur. Zosim., V. 5.

[2] Interjectis omnibus excidio datis. Zosim., V, 5.—Constantinopoli vero decedens, ad Occidentis partes Alaricus trangressus est. Cumque in Illyricum pervenisset, late cuncta vastare coepit. Socrat., VII, 10.—Claud., In Ruf., II, v. 34—38.

[3] Alaricus in Achaïam irrupit, et Athenas cepit: Macedonas quoque et finitimos Dalmatas populatus est. Philostorg., XII. Niceph. XIII, 35.

затрудненія, которыя препятствовали бы ей вмѣшиваться въ дѣла Востока.

Привыкшій всегда встрѣчать затрудненія отважно, опекунъ Гонорія не колебался ни минуты. Выступить на встрѣчу Алариху, вступить съ нимъ въ бой, выгнать его изъ Греціи и заключить его въ мизійскихъ поселеніяхъ, какъ нѣкогда это было сдѣлано Ѳеодосіемъ, затѣмъ вступить въ Константинополь въ сопровожденіи побѣдоносной римской арміи и повергнуть Руфина къ своимъ ногамъ — таковъ былъ планъ Стилихона. Въ Константинополѣ думалъ онъ привести въ порядокъ дѣла по своему усмотрѣнію къ выгодѣ имперіи и императора [1]. Опасаясь обезсилить Италію, онъ поспѣшно отправился въ Галлію, гдѣ въ лагеряхъ по берегамъ Рейна находились тѣ многочисленныя военныя силы, которыя поддерживали междоусобныя войны—силы, однако значительно ослабленныя послѣдними распрями.

Хотя зима еще свирѣпствовала и горы были покрыты снѣгомъ, регентъ Запада достигъ, безъ приготовленій и почти одинъ, истоковъ Рейна, чрезъ Ретійскіе Альпы, и спустился по рѣкѣ до самаго ея устья, осматривая на лѣвомъ берегу римскіе гарнизоны, а на правомъ наблюдая настроеніе германскихъ племенъ. Настроеніе это оказалось вполнѣ миролюбивымъ, и путь Стилихина вдоль берега варваровъ принялъ видъ истиннаго тріумфа [2]. Что же касается до легіоновъ, составлявшихъ въ продолженіе десяти лѣтъ ядро предпріятій Максима и Евгенія, то они почти уже совсѣмъ исчезли; тѣмъ не менѣе Стилихонъ взялъ изъ нихъ все, что еще оставалось тамъ изъ милиціи молодой и дисциплинированной. Онъ взялъ также легіонъ, который въ сѣверной Британніи охранялъ этотъ римскій островъ отъ набѣговъ Пиктовъ и Скоттовъ [3]: мѣры роковыя, которыя впослѣдствіи дорого обошлись римскимъ округамъ — Британніи и Галліи; но когда регентъ Запада спустился съ Альповъ, сопровождаемый своими храбрыми полками, то вся Италія, сенатъ и императоръ пришли въ опьяненіе отъ радости; поэты настроили свои лиры, чтобы воспѣть мирнаго побѣдителя Гер-

---

[1] Ad Arcadium proficisci cogitabat, cupiens et illius res pro lubitu suo disponere. Zosim., V, 4.

[2] . . . . Geminasque viator
Quum videat ripas, quae sit romana requirat. Claud., de Laud. Stilich., I, v. 223—224.

[3] Venit et extremis legio praetenta Britannis,
Quae Scoto dat frena truci... Claud., de Bell. Getic., v. 416.

маніи, героя, которому не нужно было сражаться, чтобы торжествовать побѣду [1], и всѣ ревностно готовились къ этой войнѣ съ Греціей, войнѣ на половину междоусобной, на половину междугосударственной.

Тутъ только обнаружился духъ войска, и стало яснымъ, до какой степени оно прониклось довѣріемъ къ Стилихону. Едва лишь заговорили о войнѣ, какъ обѣ арміи, занимавшія Италію и недавно такъ ожесточенно сражавшіяся между собою, пожелали братски служить подъ знаменами этого вождя. Прежніе легіоны Арбогаста и Евгенія, умноженные приведенными изъ Галліи рекрутами, составили одинъ изъ корпусовъ экспедиціи; другой составился изъ легіоновъ восточныхъ. Оба корпуса двигались порознь, отдѣльно располагались и лагерями; но прежняя ихъ ненависть превратилась, какъ бы по волшебству, въ соревнованіе въ храбрости.

Современный поэтъ Клавдіанъ, котораго мы цитуемъ съ удовольствіемъ, потому что онъ въ событіяхъ этой эпохи является путеводителемъ, часто болѣе вѣрнымъ, нежели самые историки, живописуетъ намъ въ нѣсколькихъ стихахъ, полныхъ движенія, видъ этой арміи и чувства, ее одушевлявшія. „Никогда", говоритъ онъ, „еще не видано было столько разнообразныхъ полковъ подъ единымъ начальствомъ, столько разнообразныхъ одеждъ и нарѣчій [2]. Вотъ появляются арменійскіе эскадроны съ курчавыми волосами, въ одеждахъ травянаго цвѣта, складки которыхъ стягиваются на груди простымъ узломъ [3]; тамъ показываются Галлы съ бѣлокурыми головами. Въ ихъ отрядахъ заняли мѣсто народы странъ, орошаемыхъ быстрою Роной и тихою Соной, и тѣ, которыхъ Рейнъ испытываетъ при самомъ ихъ рожденіи, и другіе, болѣе отдаленные народы, которые пьютъ воды Гаронны... Всѣ эти воины движутся однимъ духомъ: они забыли раны, еще точившія кровь ихъ сердца; побѣжденный отложилъ свое мще-

---

[1] Vestra manus dubio qudquid discrimine gessit
Transcurrens egit Stilicho...
Claud., de Laud. Stilich., I, v. 194—195.

[2] .... Nec tantis dissona linguis
Turba, nec armorum cultu diversior unquam..
Claud, *de Laud. Stilich.*, I, v. 152 et seqq.

[3] Illinc Armeniae vibratis crinibus alae
Herbida collectae facili velamina nodo...
Claud., *In Ruf.*, II, v. 108 et seqq.

ніе, побѣдитель свою гордость. Еще полные трепета отъ недавней ярости, еще не переставшіе слышать звукъ трубы междоусобныхъ войнъ, они соединяются теперь однимъ чувствомъ—любовью къ тому, кто ведетъ ихъ"[1].

Эти огромныя арміи выступили изъ Италіи въ началѣ весны когда таяніе снѣговъ освободило проходы Юлійскихъ Альпъ изъ Аквилеи, куда они направились сначала, онѣ достигли береговъ Далмаціи, а потомъ—внутреннихъ провинцій Греціи.

Въ то время, пока Стилихонъ готовилъ столь могущественное нападеніе на Алариха, этотъ послѣдній объѣзжалъ сѣверную Грецію, принужденный жить поборами, какъ въ странѣ непріятельской. Истощивъ Македонію, онъ свернулъ въ Өессалію и грабилъ ее въ волю[2]: тутъ и настигъ его Стилихонъ. При его приближеніи, король Готовъ, соединивъ свои полчища, выбралъ мѣсто для лагеря, которое могло бы служить ему обороною[3]. То былъ лугъ, поросшій обильной травою, гдѣ стада, женщины и обозы размѣстились въ полномъ порядкѣ. Аларихъ окружилъ его двойнымъ рвомъ, огражденнымъ двойнымъ частоколомъ, а внутри, вмѣсто вала, онъ вытянулъ параллельно рву линію повозокъ, покрытыхъ кожами недавно убитыхъ быковъ[4]. Это имѣло цѣлію помѣшать непріятельскимъ факеламъ произвесть пожаръ въ лагерѣ, а повозки, какъ рядъ башенъ, должны были помѣстить воиновъ, вооруженныхъ луками, пращами и дротиками.

Закончивъ свои приготовленія, Аларихъ держится въ наблюдательномъ положеніи, рѣшительно выжидая нападенія Римлянъ. Римляне, высмотрѣвъ позицію варваровъ, приближаются и окапываются почти на разстояніи полета стрѣлы. Стилихонъ располагаетъ свой лагерь такимъ образомъ: налѣво онъ помѣщаетъ Арменійцевъ и другіе восточные полки; Галлы же занимаютъ правое крыло. Пѣхота располагается эшалонами отъ равнины до

---

[1] In ducis eximium conspiravere favorem.
Claud., *In Ruf.*, II, v. 119.

[2] In Macedoniam Thessaliamque progreditur, interjectis omnibus excidio datis Zosim., V. 5.

[3] .... Nec jam amplius errat
Barbarus, adventumque tremens se cogit in unam
Planitiem... Claud., *in Ruf.*, II, v. 124.

[4] Tum duplicem fossam, non exsuperabile vallum,
Asperat alternis sudibus, murique locata
In speciem caesis obtendit plaustra juvencis.
Claud., *In Ruf.* II, v. 127 et seqq.

сосѣднихъ горъ, сверкающихъ оружіемъ. Кавалерія развертывается по обѣ стороны крыльями и, насколько могутъ обнять взоры, повсюду видны только драконы въ развѣвающемся пурпурѣ, которые, неопредѣленно зыблясь передъ взорами, кажется, угрожаютъ то небу, то землѣ. Едва успѣвъ прійти, эти храбрые полки уже хотѣли бы побѣждать; ихъ клики, подобные грому, требуютъ битвы, но Стилихонъ умѣряетъ этотъ избытокъ рвенія; онъ изучаетъ расположеніе непріятеля, соображаетъ свой планъ нападенія, обдумываетъ его съ большей зрѣлостью, нежели когда-нибудь, потому что знаетъ Алариха, знаетъ, что будетъ имѣть дѣло съ Готами.

Много дней было употреблено на эти приготовленія, и римская армія дождалась, наконецъ, желаннаго мгновенія, то-есть начала битвы, когда гонецъ, скакавшій во весь опоръ, показался у воротъ лагеря и далъ знакъ, что хочетъ говорить съ полководцемъ. Онъ пріѣхалъ изъ Константинополя, и на немъ была одежда императорскаго гонца. Приведенный къ Стилихону, онъ вручилъ ему письмо отъ восточнаго императора [1]. Письмо это, которое юный августъ, искусный каллиграфъ, гордый этимъ титуломъ, конечно, подписалъ самымъ красивымъ почеркомъ, заключало три приказанія регенту Запада: первое—немедленно покинуть восточную Иллирію, совершенно не зависящую отъ Гонорія; второе—оставить въ покоѣ Алариха и его Готовъ, друзей и союзниковъ Восточной имперіи, у которыхъ не было никакихъ счетовъ съ регентомъ Запада; и наконецъ третья—не задерживать подъ пустыми предлогами казну и легіоны, ему не принадлежащіе, но отослать ихъ безъ дальнѣйшей задержки въ Константинополь черезъ какое-нибудь третье лицо.

Приказъ былъ изложенъ въ твердыхъ, положительныхъ выраженіяхъ, не дозволявшихъ никакой увертки. Говорятъ, что при чтеніи его Стилихонъ оставался нѣмъ и безъ движенія, какъ человѣкъ, пораженный громомъ: пріидя въ себя и сообразивъ, кто наносилъ ему этотъ ударъ, онъ спросилъ себя, долженъ ли онъ повиноваться. Воспротивиться вооруженной рукою сыну Ѳеодосія въ то самое время, когда тотъ такъ нуждался въ опекѣ его, какъ втораго отца, пренебречь имъ, ввести въ соблазнъ его

---

[1] Inter equos, interque tubas mandata feruntur
Regia, et armati veniunt ductoris ad aures.
Claud., *In Ruf.* II. v. 195—196.

войска, произвести надъ нимъ насиліе въ его столицѣ, въ самомъ дворцѣ его — это было бы болѣе, нежели междоусобная война: то былъ бы раздоръ семейный, покушеніе на святость памяти Ѳеодосія, едва сошедшаго въ гробъ. Никогда еще послѣдствія предпріятія не представлялись Стилихону въ такомъ гнусномъ свѣтѣ, и онъ готовъ былъ отступить; когда же затѣмъ онъ сообразилъ, что все это продѣлка Руфина, что его униженіе будетъ торжествомъ его соперника, что это постыдное отступленіе наканунѣ битвы будетъ слишкомъ похоже на трусость и сдѣлаетъ его посмѣшищемъ и Запада и Востока, то гнѣвъ его не имѣлъ предѣла. Онъ рѣшался раздавить Алариха, двинуться на Константинополь, дать почувствовать самому императору, какъ ошибочно было считать Стилихона столь покорнымъ или слабымъ. Колеблемый такимъ образомъ между двумя противоположными чувствами, духъ его въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ былъ добычею настоящей бури.

Наконецъ онъ приказалъ позвать Гайнаса. Гайнасъ, одинъ изъ важнѣйшихъ начальниковъ восточной арміи, былъ тотъ самый варваръ, чьи необыкновенные успѣхи такъ больно уязвили самолюбіе Алариха. Перебѣжчикъ изъ племени Готовъ и сначала простой солдатъ въ одномъ легіонѣ, Гайнасъ не былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ въ римской службѣ ни рожденію, подобно Алариху, ни покровительству какого-либо варварскаго короля: онъ самъ создалъ свое положеніе и все пріобрѣлъ мечемъ своимъ [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гайнасъ, и будучи военачальникомъ, оставался всегда солдатомъ. Онъ былъ способенъ на смѣлое предпріятіе, ибо никого не было отважнѣе его; умѣлъ такъ же ловко открыть засаду, какъ и устроить ее; но подняться выше этого онъ не былъ въ состояніи: онъ не умѣлъ ни самостоятельно командовать большой арміей, ни занять въ государствѣ мѣсто политическаго дѣятеля. Къ тому же онъ былъ человѣкъ грубый [2], жестокій, легкомысленный и порывистый въ своихъ

---

[1] Gaïnas genere barbarus fuit. Qui cum ad Romanos confugisset, et militiae nomen dedisset, paulatim ad altiorem gradum evectus est. Socrat., VI. 6.— Gaïnas ex gente sua quamplurimos sub se habens, pedestres atque equestres Romanorum copias ducebat. Theodoret., V, 31—См. о Гайнасѣ въ моемъ *Св. Іоаннѣ Златоустѣ*. I. 1.

[2] Gaïnas insolentia fastuque tyrannico praeditus. Theodoret., V, 32.—Ubi vero tantam adeptus est potestatem, nec semetipsum cognoscere, nec animum suum moderari potuit. Socrat., VI, 6.

рѣшеніяхъ, покорный авторитету своихъ начальниковъ по привычкѣ или изъ чувства дисциплины, и неразборчивый въ употребленіи силы, если она казалась ему необходимою. Онъ близко зналъ Стилихона" изъ числа приближенныхъ Ѳеодосія [1] ихъ общаго благодѣтеля, и всегда преклонялся передъ превосходствомъ, которое не уязвляло его въ зятѣ императора.

Гайнасъ, кромѣ того, питалъ къ Руфину обычную ненависть солдата къ гражданскому чиновнику, дерзкому и властолюбивому. Обсудивши вдвоемъ положеніе, въ которое была поставлена римская армія приказомъ императора, оба военачальника признали, что слѣдовало или безусловно подчиниться ему, или возстать открыто, что̀ въ настоящую минуту не было въ интересахъ Стилихона. Вмѣстѣ съ тѣмъ они признали, что если они сумѣютъ согласиться между собою и остаться начальниками своихъ армій, то что̀ бы ни было предпринято противъ нихъ, обѣ имперіи будутъ въ ихъ полномъ распоряженіи. Первымъ условіемъ всякаго плана относительно Востока было низложеніе Руфина, и Гайнасъ бралъ это на себя, если Стилихонъ довѣритъ ему отвести восточные легіоны въ Константинополь. Стилихонъ согласился на это. Готъ и Вандалъ братски соединили свои руки, ради того, что̀ имъ казалось благомъ имперіи, и смертный приговоръ регенту Востока былъ скрѣпленъ клятвою [2].

Во время этого совѣщанія вождей, новость, истолковывавшаяся и дополнявшаяся множествомъ вымышленныхъ подробностей, перелетала изъ устъ въ уста, и вскорѣ лагерь представилъ зрѣлище общей тревоги [3], достигавшей размѣровъ мятежа. „Но то былъ", говоритъ поэтъ регента Запада, „мятежъ благородный и похвальный". Повсюду слышался только ропотъ смущенія, проклятія Руфину, угрозы императору. Незаконныя сходки собирались даже въ глазахъ начальниковъ, и краснорѣчивые ораторы своей горячностью воспламеняли и увлекали умы солдатъ. „Пускай", говорилъ одинъ, „погибаетъ Греція, если это приказываетъ Руфинъ! Мы созданы для того, чтобы переносить всякія безчестія, а варвары—чтобы пользоваться нашими бѣдствіями".—„Не надо

[1] Romanis exercitibus... Stilichonem praefecit. Foederatis autem barbaros Gaïnae et Saulo parere jussit. (Theodosius). Zosim., VI, 57.

[2] Quibus ubi Gaïnam praefecisset, quae suae de Rufino cogitationes essent exponit. Zosim., v, 7.

[3] Alternamque fidem non illaudata lacessit
Seditio . . . . . Claud, *In Ruf.*, II. v. 226—227.

приступа! Не надо битвы!" говорилъ другой: „Склонитесь, знамена! Трубы, замолчите! Вложимъ наши стрѣлы въ колчаны, а мечи наши пусть припаяются къ ножнамъ! Руфинъ хочетъ того: поклонимся врагу". [1]—„Увы!" говорилъ третій, уроженецъ Каппадокіи или Арменіи, „тиранъ отзываетъ насъ только для того, чтобы наказать за нашу любовь къ Стилихону. Онъ уже куетъ противъ насъ адскія ковы. Зачѣмъ намъ видѣть вновь нашу отчизну, семьи, пенатовъ? Скоро мы будемъ преданы неумолимымъ Аланамъ, станемъ рабами Гунновъ, этого посрамленія рода человѣческаго." [2]

Затѣмъ, при мысли о разлукѣ, воины Востока и Запада заливались слезами. Странное противорѣчіе сердца человѣческаго! Люди, нѣсколько недѣль тому назадъ яростно рѣзавшіе другъ друга, теперь обнимались какъ братья, которыхъ хотятъ оторвать другъ отъ друга. „Вотъ еще предзнаменованія междоусобной войны!" повторяли со всѣхъ сторонъ. „Зачѣмъ разлучать насъ? Зачѣмъ дѣлить войска, составляющія одну семью, разлучать орловъ, которые должны летать вмѣстѣ? [3] Нѣтъ, мы составляемъ одно тѣло, насъ не разлучишь!" И обѣ арміи смѣшивали свои ряды. Несмотря на запрещеніе сражаться, готовили оружіе; угрожали издали укрѣпленіямъ Готовъ; громкими криками требовали приступа.

Явившись съ Гайнасомъ посреди этого безпорядка, Стилихонъ увидѣлъ себя осажденнымъ бѣшеными, которые тѣснились къ нему, обнимали въ слезахъ его колѣна, тогда какъ другіе запрещали ему покидать ихъ. „Веди насъ, куда хочешь", вопили они ему: „гдѣ будетъ твоя палатка, тамъ будемъ и наша отчизна!" [4] Стилихону нужна была вся его твердость, чтобы унять это опасное возбужденіе; еще нѣсколько минутъ—и онъ

---

[1] Flectite signa duces: redeat jam miles Eois.
Parendum: taceant litui; prohibete sagittas;
Parcite contiguo, Rufinus praecipit, hosti.
Claud. *In Ruf.* II., v. 217 et seqq.

[2] . . . . . Qui nos aut turpibus Hunnis
Aut impacatis famulos praestabit Alanis.
Claud., *In Ruf.* II. v, 270–271.

[3] Quid consanguineas acies, quid dividis olim
Concordes aquilas?... Claud., *In Ruf.*, II. v. 237—238.

[4] Et quocumque loco Stilicho tentoria figet,
Hic patria est.
Claud., *In Ruf.*, II, v. 246--247.

сдѣлался бы противъ воли орудіемъ мятежа, котораго онъ возбудить не желалъ. „Прекратите ваши угрозы", сказалъ онъ имъ, отстраняя ихъ: „я не настолько дорожу побѣдой, чтобы гнаться за ней только для себя лично".[1] Онъ приказалъ вождямъ западной арміи собрать своихъ воиновъ и безотлагательно снять палатки; потомъ, обратясь къ восточной арміи, онъ вскричалъ, какъ бы удрученный горемъ: „Прощай, вѣрная молодежь! Бывшіе мои товарищи, прощайте!"[2] Пока длилась эта сцена, Аларихъ благоразумно держался за оградой своихъ повозокъ. Тотъ же самый гонецъ, безъ сомнѣнія, предупредилъ его, чтобы онъ не нарушалъ прощанія, обезпечивающаго ему обладаніе Греціей.

Отправленіе обѣихъ армій было грустно; но можно было замѣтить, что восточная армія была мрачнѣе и раздраженнѣе. Въ то время, какъ западныя войска возвращались тою же дорогой, по которой они пришли, восточная армія отправилась къ Ѳессалоникѣ, столицѣ всей восточной Иллиріи. Гайнасъ остановился тамъ со своими полками. Ничего не могло быть опаснѣе для полувозмущеннаго войска, какъ соприкосновеніе съ жителями города, съ которымъ такъ жестоко поступилъ Ѳеодосій по наущенію Руфина, и гдѣ самое имя этого министра естественно вызывало негодованіе и месть. „Ѳессалоника была", по словамъ одного современника, „мѣстомъ благопріятнымъ для ненависти".[3]

Гайнасъ предоставилъ своимъ товарищамъ волю предаваться тѣмъ чувствамъ, которыя было ему желательно въ нихъ видѣть, и когда онъ убѣдился, что они достаточно расположены его выслушать, то онъ сообщилъ имъ свое намѣреніе. Онъ уговорился съ ними во всемъ: въ назначеніи времени, мѣста и способа, какимъ должно погубить Руфина, и заговоръ былъ сохраненъ въ такой тайнѣ, что ни возбужденіе умовъ, ни дорожные разговоры, ни излишества пьянства не обнаружили рѣшенія, которое могло открыться чрезъ одно неосторожное слово: то была тайна всей арміи. Евнухъ Евтропій прислалъ къ Гайнасу, во время его пути, своихъ довѣренныхъ людей, которымъ было поручено вывѣдать его на-

---

[1] Ut videar vicisse mihi...
Claud., *In Ruf.*, II, v. 250.

[2] Ite mei quondam socii... Claud., *In. Ruf.*, II, v. 250.

[3] Spectaturque favens odiis locus...
Claud., *In. Ruf.*, II, v. 282.

мѣренія, касающіяся Руфина, и предложить ему денегъ [1]. Военачальникъ взялъ деньги и благосклонно принялъ предложеніе, находя практичнымъ и благоразумнымъ замѣшать императорскаго камергера въ заговоръ противъ его министра. Въ свою очередь явились къ Гайнасу и посланные Руфина, чтобы склонить военачальника въ пользу своихъ видовъ на личное возвышеніе. Но уже было слишкомъ поздно. Однако Гайнасъ не разувѣрилъ ихъ. Во время второй остановки въ Ѳракійской Гераклеѣ, агенты Руфина возобновили свои предложенія: Гайнасъ оставилъ ихъ въ прежней увѣренности.

Руфинъ находился у цѣли своихъ желаній. При извѣстіи объ отъѣздѣ Стилихона и о движеніи западныхъ войскъ къ Италіи, онъ созвалъ своихъ друзей и кліентовъ, чтобы порадоваться вмѣстѣ съ ними. Ихъ толпа переполняла порфировые портики, окружавшіе его дворецъ. Тамъ находилось все, что было на Востокѣ наиболѣе развращеннаго и дерзкаго: люди, разжирѣвшіе отъ грабежа, но никогда не насыщающіеся; шпіоны, палачи, вѣроломные судьи, мерзостная толпа, связанная съ его судьбою общими преступленіями и ожидающая своей доли въ расхищеніи государства, когда вождь ихъ будетъ цезаремъ. Руфинъ явился въ собраніе съ гордою осанкою побѣдителя, съ ласковыми взорами и откинутою назадъ головою. „Побѣда за мной“, сказалъ онъ имъ въ приготовленной рѣчи: „Стилихонъ бѣжитъ; одного движенія было достаточно, чтобы прогнать его. Чего я не въ силахъ сдѣлать теперь, когда ко мнѣ идетъ преданная армія? Какъ устоять ему противъ моего оружія, ему, который не могъ побѣдить меня безоружнаго“? [2] И, обращаясь въ риторической фигурѣ къ своему отсутствующему сопернику: „Стилихонъ“! вскричалъ онъ, „ступай, если хочешь, замышлять мою погибель въ отдаленныя страны: лишь бы материкъ раздѣлялъ насъ и море шумѣло между нами. Пока во мнѣ останется хоть искра жизни, ты не переступишь Альповъ! Выбирай теперь мечъ подлиннѣе, если намѣреваешься достать меня здѣсь.“ [3] Эта шутка, не дающая намъ никакого представленія объ аттической соли его ост-

---

[1] Eutropius, opera Stilichoni navata in omnibus quae contra Rufinum ille machinatus fuerat... Zosim., V, 8.

[2] Quis ferat armatum, quem non superavit inermem?
Claud. *In. Ruf.*, II, v. 300.

[3] Quaere ferox ensem, qui nostra ad moenia tendi
Possit ab Italia... Claud. *In. Ruf.*, II, v. 306.

ротъ, безъ сомнѣнія, возбудила восторгъ его слушателей; его привѣтствовали именемъ государя, и самъ онъ, возвратясь въ свои покои, заснулъ, убаюканный самыми сладкими надеждами.

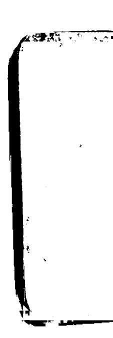
Разсказываютъ, что тогда сонъ перенесъ его въ долину Гебдомона, гдѣ совершалось обыкновенно провозглашеніе императоровъ. На мраморномъ помостѣ былъ тамъ воздвигнутъ престолъ, а вокругъ волновалась шумная толпа, громкими кликами призывавшая Руфина. Онъ бѣжалъ съ радостнымъ сердцемъ, задыхаясь, но тѣни, какъ преграда, возстали между этою толпой и имъ, и онъ узнавалъ въ нихъ свои жертвы. „Итакъ ты будешь великъ“, сказала одна изъ нихъ съ зловѣщимъ смѣхомъ: „что́ же медлишь, Руфинъ? Народъ будетъ оспаривать честь нести тебя, и голова твоя вознесется надъ всѣми головами“.[1]

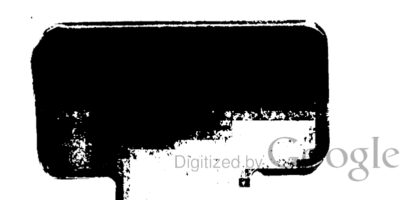
Эти образы, эти звуки, эти двусмысленныя рѣчи сильно озаботили его при пробужденіи; но какъ ни старался онъ найти объясненіе своему сну, оно казалось ему только благопріятнымъ. Ему не пришло на мысль, что и не будучи вознесенною на престолъ, голова его можетъ быть выше другихъ... на длину копья.

---

[1] ...... Omni jam plebe redibis
Altior, et laeti manibus portabere vulgi. Claud., *In. Ruf.*, II, v. 333.

UNIVERSITY OF CHICAGO
23 687 394

BOUND BY
HM

U of Chicago
23687394